КОНТИНЕНТ

1999 КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 100





Основатель и первый главный редактор
журнала “КОНТИНЕНТ”
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ МАКСИМОВ
(1930-1995)

За время, пока готовился этот номер, памятный календарь нашего журнала отметил три знаменательных для нас события:

75-летие замечательного русского писателя,
члена редколлегии «Континента»
ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА.

70-летие выдающегося ученого,
члена редколлегии «Континента»
ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА.

70-летие одного из постоянных наших авторов,
прекрасного русского писателя
ЕВГЕНИЯ БОРИСОВИЧА ФЕДОРОВА,
новая повесть которого печатается в этом номере.

Мы сердечно поздравляем наших дорогих юбиляров и от души желаем им всем долгих лет жизни, доброго здоровья, радости и новых творческих свершений, которые, надеемся, еще не раз порадуют и читателей «Континента».

К

Редакция «Континента»
благодарит за финансовую поддержку журнала
эстонского предпринимателя Инвара Альта
и институт «Открытое общество» (фонд Сороса),
который из общего тиража каждого номера
выкупает и безвозмездно направляет
в библиотеки России и ряда стран СНГ
1800 экземпляров журнала

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

100

1999, № 2
апрель — июнь

ПАРИЖ • МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:
АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Почтовый адрес редакции: 119136, Москва, а/я 69
E-mail: dzir1@cityline.ru (Москва)
E-mail: continent@home.com (США)

Контактные телефоны редакции:
(095) 201-57-41, 240-84-86
Internet: http://www.members.home.net/continent

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АВЕРИНЦЕВ
Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Виктор АСТАФЬЕВ
Ценко БАРЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Георгий ВЛАДИМОВ
Ежи ГЕДРОЙЦ
Густав ГЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Яков КРОТОВ
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Лариса ПИЯШЕВА
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Представители «Континента»

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
1000 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Юлия АРОНС
Kaltenhoferstraβe 2,
86154 AUGSBURG, BRD
☎ (821) 42-26-58

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Джулия ФИЛИППЕЛЛИ
Via Olmetto, 5
20100 MILANO, ITALIA
☎ (02) 29-00-88-87

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎ /fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOŁA 4, POLSKA
☎ 022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
217 4th ave.
GARWOOD, N.J. 07027 USA
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgrin, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-40-69

ЛАТВИЯ,
ЛИТВА,
ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям «Континента» 9

Олег ЧУХОНЦЕВ
Черновики актируя и дни... *Стихи* 11

Евгений ФЕДОРОВ
Проклятие. *Повесть* 13

Наум КОРЖАВИН
Воспоминание о Белом доме. *Стихи* 111

Сергей КОКОВКИН
Белая кость. *Рассказ* 114

Владимир ЛАПИН
Я слышу тон. *Стихи* 130

Василий АКСЕНОВ
Блюз 116-го маршрута. *Рассказ* 135

РОССИЯ

Хроника общественно-политической жизни России
(Февраль—март 1999 года. Пробный выпуск) 154

Александр ПРИВАЛОВ
Мы и наш Президент 174

Игорь ПОТОЦКИЙ
Технология возможной катастрофы 191

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ
«Величие Смердяковых»: партийный отчет
об убийстве 211

Расширенное заседание редколлегии «Континента».
Берлин, 5—7 ноября 1977. Сокращенная стенограмма.
Публикация и вступительная заметка Татьяны Максимовой.
Наталья Горбаневская. Из моих шестнадцати лет
в «Континенте» 240

РЕЛИГИЯ

Яков КРОТОВ
О мифах и реальностях: два этюда.
1. От слов к слову. 2. Архипастырь архистада 274

Владимир ИЛЮШЕНКО
Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе 312

ИННОКЕНТИЙ, Епископ Читинский и Забайкальский
Преемство с исторической Россией —
духовно-нравственная задача нашего времени 325

ГНОЗИС

Григорий ПОМЕРАНЦ
В поисках свободы 330

ПРОЧТЕНИЕ

Жорж НИВА
Пушкин: между просветительством и христианством 352

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Памяти Евгения БЛАЖЕЕВСКОГО
От редакции 352

Стихи разных лет 352

Ефим БЕРШИН
Попытка прикосновения 361

Евгений ЕРМОЛИН
Месторождение совести. Заметки о Викторе Астафьеве 371

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА» 385

Указатель содержания журнала «Континент»
за 1974—1999 годы 403

К ЧИТАТЕЛЯМ «КОНТИНЕНТА»

Итак, перед читателем уже 100-й номер журнала, первая книжка которого, подписанная его основателем и первым главным редактором Владимиром Максимовым, вышла осенью1974 года в Париже. Все эти 25 лет, пусть иной раз и с запозданием, но ни разу не прервавшись, журнал неизменно, четырежды в год, приходил к своему читателю — с какими бы трудностями ни сталкивалась его редакция и какие бы повороты ни происходили в его судьбе.

17 лет из этого 25-летия падает на эмигрантский — парижский — период истории «Континента». Именно в эти годы — энергией, мужеством и талантом Владимира Максимова, его редакции и авторского актива журнала — «Континент» приобрел широкую международную славу самого крупного и авторитетного органа вольного русского слова за рубежом. Он собрал вокруг себя весь цвет не только российской и восточноевропейской, но и западной художественной, публицистической и философской мысли, и среди его постоянных сотрудников и авторов были Андрей Сахаров и Александр Солженицын, Генрих Бёлль и Эжен Ионеско, Иосиф Бродский и Василий Аксенов, Чеслав Милош и Милован Джилас, Роберт Конквест и Виктор Некрасов — равно как и многие другие знаменитейшие представители мировой культуры второй половины XX века. Журнал стал одним из главных эмигрантских центров духовного сопротивления идеологической экспансии коммунизма, и в СССР, куда он поступал нелегально, за его чтение можно было подвергнуться аресту и тюремному заключению.

Впрочем эти славные страницы истории «старого» «Континента» так широко и хорошо известны, что мы вполне, полагаем, можем ограничиться здесь лишь таким вот, самым общим о них напоминанием.

Однако прошло вот уже почти восемь лет после того, как коммунизм в России рухнул и Владимир Максимов, понимая, что эмигрантский «Континент» выполнил свою историческую миссию, принял решение передать журнал под новое редакторство в Москву. Все эти годы «Континент» существует уже в новом качестве — вполне легального отчественного издания, вставшего в один ряд с другими, исконно-отечественными «толстыми» литературными журналами России.

Не нам судить о том, что и как нам удалось сделать за эти восемь лет для того, чтобы «Континент» обрел на родной российской почве эту новую жизнь. Пусть судит об этом читатель. Но, полагаем, вместе с тем очевидно, что если все эти годы мы отдавали журналу наше время, силы и жизнь и если сегодня, в новых нелегких условиях послеавгустовского кризиса, мы делаем все, чтобы «Континент» выстоял и продолжил свою историю и в XXI веке, то причина этому только одна — наша уверенность в том, что «новый» «Континент» свою новую жизнь на отечественной почве и в новых исторических условиях все-таки обрел, что он тоже состоялся и нужен сегодняшним нашим читателям — и российским, и зарубежным.

Да, для нас важно то, что «московский» «Континент» и на родине нашел свою собственную читательскую нишу, и мы дорожим тем новым лицом журнала, которое он обрел за эти восемь лет. Но это вовсе не значит, что мы как-либо отделяем себя или, тем более, противопоставляем себя «Континенту» прежнему,

парижскому. Напротив, мы видим и сознаем себя прямыми преемниками максимовского журнала — и совсем не только в том, что сохранили прежнюю сплошную — общую с «парижским» — нумерацию или основные особенности внешнего дизайна, а в редколлегии журнала рядом с новыми именами по-прежнему стоят имена большей части «старой», максимовской редколлегии. Главное — та глубинная духовная преемственность, которую мы стремились, и, надеемся, сумели осуществить. Вот почему 25-летие «Континента» мы воспринимаем в полной мере как праздник и нашего сегодняшнего, «российского», «Континента» — журнала, который в новых исторических условиях стремится поддерживать и развивать лучшие традиции «старого», парижского, «Континента», как, в свою очередь, и максимовский «Континент» в условиях эмиграции подхватил и продолжил традиции разгромленного в 1970 году брежневским режимом «старого» «Нового мира» Александра Твардовского. Мы от души поздравляем всех авторов, читателей, членов редколлегии, сотрудников и вообще всех друзей нашего журнала, как старого, так и нового, — с этим общим для всех нас праздником. И мы надеемся, что и в будущем страницы «Континента» останутся для всех нас местом постоянных наших встреч и общения.

Готовя к печати этот сотый, юбилейный, номер журнала, мы, естественно, думали над тем, как он может и должен выглядеть. Мы подготовили несколько материалов, обращенных к истории журнала, которые, надеемся, окажутся полезны и интересны читателю — Указатель всех материалов, напечатанных в «Континенте» за истекшие 25 лет, публикацию из архива «Континента», знакомящую читателя со стенограммой одного из расширенных заседаний редколлегии, которое сыграло выжную роль в истории журнала, аналитический обзор религиозной проблематики на страницах «Континента» за эти четверть века. Но мы решили, что во всем остальном, за исключением разве лишь оформления обложки, это должен быть обычный, очередной номер журнала без каких-либо специально-юбилейных перестроек его структуры — такой, каким его привыкли видеть читатели, с обычными его рубриками, с обещанным в прошлом номере вторым пробным выпуском «Хроники общественно-политической жизни России», с очередным выпуском нашего БСК и т.д.

Именно такой номер — перед читателем. С той только, может быть, разницей, что отбирая тексты для каждой из его рубрик, мы стремились к тому, чтобы в целом содержательная композиция номера достаточно концентрированно отразила по преимуществу именно ту фундаментальную проблематику, к которой всегда был обращен «Континент» и с которой прежде всего и связана его история.

Редакция «Континента»

* * *

Черновики актируя и дни
когда психея глину слов лопатит
а если при клонировании
свободных душ у Господа не хватит
подумал я недавно потому
что произвел не одного уродца
словесного а что сказать тому
кто человека повторить берется
единственного на правах Творца
при помощи пробирки и пипетки
как будто он серийная овца
делением воссозданный из клетки
как реплика телесная но без
сертификата подлинности или
благословенья так сказать небес
а душу что же душу где забыли
или она лишь сумма хромосом
число а не мистическое тело
лишь глина сотворенная числом
в себе самом не знающим предела
но повторяющийся индивид
субстрат бессмертия не что иное
как смерть лица поскольку клон хранит
не единичное а родовое
и где отличье сына от отца
отца от деда так же как причины
от следствия начала от конца
все на одно лицо неотличимы

Олег ЧУХОНЦЕВ — родился в 1938 году в г. Павловском Посаде (Московская область). Окончил Московский областной педагогический институт. Автор нескольких поэтических сборников: «Из трех тетрадей» (М., 1976); «Слуховое окно» (М., 1983); «Ветром и пеплом» (М., 1989); «Стихотворения» (М., 1989); «Пробегающий пейзаж» (М., 1997). Лауреат государственной премии России за 1993 г., Пушкинской премии 1999 г. (Фонд Альфреда Тёпфера). Живет в Москве.

и забежав на век-другой вперед
известного представишь имярека
верней его мичуринский извод
вегетативный отпрыск человека
под номером ну вылитый НН
с надушенным платком не дух ли часом
он самый астронавт и джентльмен
привет тебе обобществленный разум
отягощенный мыслью суррогат
из ноосферы выпавший в осадок
привет тебе но чичиковский взгляд
жив жив каналья прежде всех догадок
вдруг подмигнет нам вот где мы найдем
искомое у Чичикова где-то
Павла Ивановича под сукном
в его дорожном ларчике с секретом
где некий симулякр пошедший в брак
неоприходованная страница
ревизской сказки в общем-то пустяк
а буде сказка та пресуществится
по росписи в живую плоть генплан
материализуя по последам
так что гони машину Селифан
назад куда подальше к самоедам
к древлянам к кроманьонцам где Адам
под деревом лежал к праколлективу
к молекуле к ядру хотя бы там
найти первоисточник душу живу

ПРОКЛЯТИЕ

Повесть

Публикуя в №95 повесть Евгения Федорова «Кухня», мы уже писали об одной из характерных особенностей его прозы — о том, что герои его кочуют из одной повести в другую. Так и в повести «Проклятие», предлагаемой ниже вниманию читателя, он, в частности, опять встретится с героями «Кухни» — вернее, с некоторым обобщенным, суммарным портретом этой своеобразной и сплоченной компании недавних зеков, принимающих участие в драматическом сюжете «Проклятия». Повесть, таким образом, тоже примыкает в какой-то мере к центральному прозаическому циклу «Бунт» (полный состав цикла и последовательность входящих в него повестей указаны в №89 «Континента»). Но, как и все остальные повести, как-то примыкающие к циклу «Бунт», повесть «Проклятие» — произведение, рассчитанное на совершенно самостоятельное читательское восприятие: знакомство с предыдущими повестями Евгения Федорова совершенно не обязательно.

Акт первый. Пошечина

Время о́но, почитай, еще при Александре III, миротворце, где-то в конце его спокойного, мудрого царствования, ***акт первый***, исток, предыстория нашей подлинной волнующей, завораживающей истории, пуск, начало, даже не начало, а то, что сродни эпиграфу или тому, что в музыкальном произведении крупного масштаба зовется увертюрой (— От увертюры слышу), а затем (айда-пошел!) крутое становление драмы, которая очень возможно (все зависит от меры скепсиса в вашем

Евгений ФЕДОРОВ — родился в 1929 году в г. Иваново. В 1949 году, студентом 1-го курса филологического факультета МГУ (искусствоведческое отделение), был арестован по обвинению в групповой антисоветской деятельности и приговорен в 8 годам исправительно-трудовых работ в лагерях общего типа. В 1954 году реабилитирован. Окончил МГУ в 1959 году. Автор книги «Жареный петух», в которую, кроме одноименной повести, вошли еще две: «Былое и думы» и «Тайны семейного альбома» (Москва, 1992), а также повестей из цикла «Бунт», напечатанных в журналах «Нева», «Звезда», «Новый мир» и «Континент». Лауреат парижской литературной премии имени Вл. Даля и финалист Букеровской премии 1995 года. Живет в Москве.

мировоззрении) и есть пружина, притом главная, толкнувшая волнительную, интересную, захватывающую фабулу. Снаряд пущен с гигантской силой, пронзает поколения, Золя вспоминается и его герои с тяжелой наследственностью, жуть берет; огромность и настырность одного печального инцидента сейчас слабо чувствуется — так, уровень небылиц, в лучшем случае анекдот, пусть скверный анекдот, специфические местечковые традиции, крепкие, веками отлаженные...

Толком ничего не известно. Была пощечина, бесспорно, изустное семейное предание цепко и настойчиво держится за эту творческую, неиссякаемо упрямую, агрессивную, честную, самодержавную, полновесную, полноценную, заслуженную, стильную, ритуальную пощечину (последствия мистичны и более чем удручающие). Подробности сильно утрачены, да и к чему они, абсолютно не нужны, лучше мазать как попало, затем пустить ретушь, без жалких псевдореалистических подробностей, форсированно — оно даже рельефнее, выразительнее. Звук пощечины долетел до наших дней, сказ передается, как заблагорассудится, из поколения в поколение. Рассказываем, посмеиваемся, иронизируем, в иронии есть большая доля двусмысленности, сами не знаем, верим ли мы в тот мощный образ, который рисует наше испуганное воображение.

Ближе к делу: итак, уже говорилось, время о́но, давненько — жестоковыйная, старого надежного закала, взбалмошная, тот еще изверг, одержимая прабабка изрыгнула *брань хульную,* и вкатила сыну с библейской прямолинейностью и простотою знатную пощечину, прямоговорение без экивоков, хорошо хлестнула и — *прокляла,* как умела, как предписано. Будем же эту преамбулу держать в уме, помнить на всем продолжении повествования, на всех петлях и узлах черной сюжетной линии.

Акт второй. Товарищ Анна

1. Анна Ильинична делает революцию

За что же пощечина?

Про́клятый сын, а потом отец Анны Ильиничны, нашей славной героини, с которой мы отлично знакомы, начитался, нахлебался, видать, Достоевского, Данилевского, полюбил Россию и русскую культуру, возмечтал о всеобщем братстве, сделался православным священником, сан принял — отсюда и пощечина, проклятие, крепкая, заслуженная заушеница. С гневной, напористой, упрямой, как истинная еврейка, фанатичной матерью своей он больше не встречался — крута, бескомпромиссна, как сказали бы мы сейчас. Частенько можно слышать, что в старину люди были более цельны, хорошо замешены, не то, что

нынешнее племя, а впрочем, и сейчас кое-что есть, может быть, еще похлеще, вот об этом наш сказ.

Анна Ильинична в свою очередь, примечайте, смелее прогнозируйте развитие драмы, запущен страшный перпетуум мобиль, *проклята* отцом — не отец, а обезумевший зверь, видать, наследственное, изрыгнул на дочь *хульную брань,* и так началось, пошло-поехало, бесом завертелось, ***акт второй,*** стремительное развитие драмы, вновь, так сказать, нашла коса на камень — и как нашла! Искры дружно полетели в разные стороны, с этого по сути и начинается подлинная, достоверная история, предшествующее всё лишь предыстория. С легким, веселым сердцем наша восторженная героиня изверглась из отчего дома (так ни разу не вспомнила за всю жизнь об отце, его судьба ей неизвестна), запулила напоследок порцию свежеиспеченных глумов с перехлестом и горлобесием, громко, демонстративно хлопнула, дерболызнула дверью, так что надежные окна задрожали и стало тошно унылому, бескрасочному, кислому, вечно сочащемуся небу. Вся в обалденном, чахоточно-восторженном, революционном запое, вкусила и познала новую истину — она прямо-таки всосана, растворилась полностью и свободно в той среде, где по неписаным законам — увы, веление времени! мода! стиль!— было принято, престижно, как сказали бы мы сейчас, потрясать нравственные устои, отказываться от родителей, мужественно отвергать вековое рабство и всю ту грязь, что связана с проклятым прошлым, частную собственность, привилегии, угнетение. Это всё называлось, как писал робкий, осторожный Чехов, «выдавливать по капле из себя раба», что в сущности значило и сводилось к тому, чтобы совсем отказаться, публично, принципиально, от зазорных родителей, прежде всего от такого отца, который был православным священником, значит, реакционер, мракобес, обскурант, мистик, откровенный, бессовестный черносотенец, с небезызвестным Константином Леонтьевым переписывался, якшался с Союзом русского народа, в просвещенном Западе видел каинитов, бесовщину, предприимчивую, активную, шумную, пустую, опасную, воинственную. Помните «Отцы и дети»? есть такая вещица у Тургенева, в школе проходили, опять же «Бесы» Достоевского, там изображены либерал, краснобай, человек сороковых годов Степан Трофимович и его родной сын, Петр Степанович, революционер, террорист, хам; вспомним еще и футуризм, молодого Маяковского, задор, сбрасывали отцов, корифеев, с парохода современности. Проходили, было, было, вот и наша героиня из той же компании, из той же глины слеплена, ею овладела новая система ценностей, она крутила безумный роман с Историей, опьянена ею; словом, она делала революцию.

И — сделала! перехватить у эсеров аграрную программу — ее счастливая идея, Троцкий, большая умница, с лету оценил, находка, лестно назвал ее «генератором идей»(еще раньше она предложила на паритет-

ных началах объединиться с большевиками, щедро сеяла, разбрасывала, дарила и одалживала идеи). Жизнь есть борьба, жук буржуй и жук рабочий гибнут в классовой борьбе, лишь пролетариат обречен на особую, фантастическую, мессианскую роль, облыжно и бестолково обязан победить, самоосуществляя глубокие, дерзкие пророчества о царствии Божьем на земле, — таковы суть и логика мировой истории и истина исторических процессов. Теперь она даже больше большевичка, чем всякие там и другие, кремень, сделала свое сердце кремнем, так надо! *гвозди бы делать из этих людей.*

2. Ты ему цитату — он тебе ссылку

Иной, волнительный, интереснейший *краткий курс* открывается перед нами, спешите, разиньте шире ваши уши. Чушь собачья, не их компания примкнула к большевикам, да и чего хорошего в заскорузлой большевистской догматике, старообрядческая схоластика, оторванная от реальности, перемежающаяся с надоевшей всем и вялотекущей распрей с меньшевиками, а как раз наоборот, большевики примкнули к новому, молодому, единственно творческому, волевому, энергичному движению, трансформировавшись в партию *нового типа.*

Во время неразберихи и хаоса гражданской войны она проявила себя во всем блеске, реактивна, полет, свободное парение, она на всех фронтах и во всех штабных вагонах, воительница, амазонка, разгулялась, вовсю комиссарит, триумф дерзновенной воли — ее звездный час, светлый и прекрасный (эх, если бы не запоры, несносная наследственность, от которой не уйти, отец всю жизнь страдал запорами). Бешеные инициативы, бешеная энергия, вздремнет на лафете, дальше летит, и, если бы вы ее видели в те годы, наверняка вам в голову заскочила бы мысля, естественная мысля, что миром движут отнюдь не имманентные законы экономики, открытые Марксом, а идеи и безумные страсти: воля к строительству хрустального дворца, воля ко всемирному братству.

Затем — бурные двадцатые годы. Для товарищей по партии она — «товарищ Анна», самый молодой профессор, читает лекции в институте Красной профессуры, сотрудничает в журнале «Под знаменем марксизма», колдует, ворожит, ночами пишет книгу о Наполеоне, которого всегда безотчетно, непутево и нежно любила, совершенно не замечала его маленький рост (ей он был бы по плечо), очень импонировало даже то, что Наполеон корсиканец, для Франции чужак, любила Наполеона вопреки разумным доводам и гэвэплехановским научным, гордым, схоластическим схемам.

После разгрома оппозиции — а-та-та! получай на чай! первое, еще легкое, пустяковое, халтурное, вегетарианское проскрипционное действо, полумера, без нормального, положенного по заслугам кровопуска-

ния, а она кадр — превосходной троцкистской выпечки, сверхактивна (феминистская экспансия, ощущала себя сильнее их, малосольных, сильнее во всех отношениях), хлестала арапником горячего слова каждого, кто чуть справа или чуть слева (пеньки! надо не ушами хлопать, а дело делать, шевелитесь, они, пеньки, тщеславные сибариты, включая Льва Давыдовича, Преображенского, Белобородова, Пятакова, Антонова-Овсеенко, беса тешат, надменничают, погрязли в пустых и бесплодных контроверзах о тусклой российской специфике базисных отношений). Все сильные, жесткие, артикулированные формулировки всемирно-исторического, скроенного на злобу дня и на злобу вечности «Заявления 46-ти», наделавшего много шума в партийных кругах, бьющего крепко по тухлым мозгам (*«Режим, установившийся в партии, совершенно нетерпим»*), вписаны ее энергичной, смелой, беспощадной, заботливой, умной рукой; это так говорят: *правила стиль* — легче заново написать, чем их, вельмож косноязычных, ленивых, стиль править, добиться филигранной четкости, это вам не митинг, а бумага! Ею полностью написано «Заявление 46-ти» — слово это меч, *это Бог.*

Перепечатывала, организовывала подписи, носилась по Москве (еле уговорила труса Антонова-Овсеенко дать свою подпись); немало грехов, участвовала в самом пекле потасовок XIV съезда партии! А за это — не балуй, а-та-та! повторная (те же обвинения) ссылка, ветер истории плевал, крутил, выл, как разъяренный бык: *у-у! уе-у!* Никем не разгаданная загадка, феномен Сталина, гения власти, а Сталин кроме того, ей-ей, в этом вы не сомневайтесь, *сильный марксист*, раскусила много раньше других! *ты ему — цитату, он тебе — ссылку*!

Потом их вернули: полевел курс (левый курс партии вызвал брожение среди ссыльных троцкистов: Преображенский, Иоффе), громче музыка! за левый курс они и боролись, победа, их победа! Она даже успешно сотрудничала в «Правде». Опять поволокло по кочкам, хитросплетения, превратности, ужимки сюжета лихой жизни, эх и ах, оказываются, кому-то врежут, врежут как следует, обречена головушка: ссылка.

3. Любовь

С Алексеем она познакомилась позже, уже в лагере. Вообще говоря, они встречались и раньше, он был ее студентом, но она его не помнила, не заметила этой открытой, солнечной улыбки; только в лагере они узнали друг друга. Он был нерешителен и дико труслив как мужчина, нелепо робок, нелепо застенчив, да и она до 38 лет никого не любила, оставалась девственницей. В те золотые времена лагерь цвел всеми цветами радуги: женщины не отделены от мужиков, на работе вообще все были вместе, весело упирались, вкалывали, в рабочей зоне подже-

ниться ничего не стоило, да и само начальство смотрело на лагерную любовь сквозь пальцы, жестоко не карало, когда застукивало зэков в нежных позах, не преследовало сурово, как это случалось позже, после войны. Алексей был вторым помощником нарядчика, недурно устроился, грязной тачкой рук не пачкал, работа не пыльная, не бей лежачего, придурок, лагерная аристократия — *так и дурак проживет*, как говорилось в тех краях; она — в санчасти, фельдшер, курсы окончила, справка есть, неплохо, всё не общие, за зону не выходит, в тепле, слава Богу. Алексей жил не в общем бараке, а в отдельной, я те дам! кабинке (отнюдь не типично для лагеря), лафа, не нужно одеяло вешать между нар, когда баба заскакивает, все удобства. Кипятили чай, славно трапезничали, откровенно забыв обо всем на свете. Уж слишком он был робок, стеснителен, конфузлив, болезненно застенчив, недели две они сидели просто обнявшись, сладко замирало и таяло сердце в груди, потом у них, вернее у него, ничего не получилось, сначала загорелся и почему-то погас, вконец погас, безнадега, негодно вял, полный конфуз, нехудожественно провис, как плачевный парус без ветра, потерян, растерян, досадно; а она была малограмотной, даже просто безграмотной девственницей, хотя ей уж 38 даже с гаком; значит так вроде получается, рассудила она, ее тускнеющие, жухнущие прелести — ой, они абсолютно не волнуют его, не вдохновляют, выходит, куда денешься, она просто не возбуждает его как женщина, получается, что он гнушается ею и их отношения обречены на невыносимый, унижающий ее как женщину оскорбительный, омерзительный платонизм. Смятение чувств нарастало, увеличивалось, менялся настрой безумно испуганной души, она начинала беленриться, обида больно язвила, поднималась, подпирала, пенилась злоба, ею питалась вздорность, и зрела, параллельно шмыгала, околачивалась, свербела, ожесточала сердце, через край хватая, вульгарная мысль, дикая догадка, не что иное, как стародевическая мнительность (эти подлые двойные, а то и тройные, мысли с гадкой подпалинкой, хорошо знакомы Достоевскому: неистребимы, чуть что — бросаются в разные стороны, как волки при опасности, за подлое существование упрямо борются, каждая живет своей упрямой жизнью, хочет жить, выжить), что ее избранник просто-напросто тривиальный жалкий импотент, машинка не работает: жидкая кость, несущая оплодотворяющее вещество, не возносится в торжествующую твердую кость, оно не возгоняется.

Она была большой дурой, неосведомлена, неопытна, тупа, бестолкова и прямо-таки патологически неграмотна как женщина, совсем невдомек ей, что у мужчин могут быть сложности, сбои, особенно у таких нежных, страстных, растерянных девственников (бабской прозорливости, интуиции, хухры-мухры, на которой весь свет стоит, ни на грош в ней не было — феноменальная, плотная глупость и темнота!). Лежала на нарах у себя в бараке, женском, уперлась глазами в беско-

нечный потолок, изводили тоска, досада, злилась, она вообще сильнее этих слабаков, во всех отношениях сильнее мужчин, интеллектуально мощнее Троцкого, Иоффе, много мощнее Алексея, не всхлипывала по-бабьи, не рыдала, глаза сами и чрезмерно размокропогодились, слезы беззвучно, незамеченные ею, несвойственные ей, горячими ручьями лились и лились (мысль, что этот мальчик импотент, обрела силу, удельность, суверенность, автономию, эта мысль гвоздила, жила и действовала независимо от ее желания и воли, полностью отделилась от ее сознания, как отделился и жил надменно, самостоятельно и автономно *нос* у гоголевского майора Ковалева).

Всё само, просто получилось, и она ничего не успела сообразить, внезапно увенчалось успехом, иррациональный могучий скачок, диалектика природы, новое дьявольское качество — даровитый, высокохудожественный, первоклассный, перманентно дышащий, дымящийся Везувий, физиологическая неудача далеко в прошлом, получилось, наладилось, наконец-то, еще как! продемонстрировал недюжие потенции, бейте в жизнь без промаха, русский Геркулес, милый мальчик, яростный, нетерпеливый павиан, дикий динозавр, мой! мой! полундра! хорошо пошло, как по маслу: легко распаляется, разгорается, жаркою страстью пылает, горит, горазд, еще как горазд, долго не гаснет, зверски сладострастен, выкладывается, старался угодить, порою брал верх над ней, а в скачке еще скачок, торжествующий храп, конь, кентавр, стальной конь, трактор, дует, шурует красиво, не о себе только думает, чудный, замечательный бритоголовый мальчик, какая же она дура: он исполнен свирепого огня, сильный мужчина, пассионарен; солнечная нелепая улыбка Алексей — чара и ее погибель, иллюминация в душе, длинношеее милое существо, несообразный, трогательный мальчик, жалобные чудные голубые глаза, волнующие телячьи нежности, космическая истома, грубый восторг, неукротимо страстен... Жадно соединялись и были счастливы; в ней разбужено, проснулось от спячки, как выразился бы Розанов, «вечно-бабье»; возвращалась от Алексея в свой барак, как шальная, махом запархивала на нары, тотчас отключалась, не воспринимала окружающее, теряла ощущение места, времени, сомнамбула, теряла ощущение истории, России, впадала в мечтательность, визионерство, разжижение мозгов, удобно устраивалась в сладких грезах, видела перед собой, как на яви, сверкающие чудными безумными звездами, осатаневшие глаза Алексея, милый, чудный мальчик, она любит его больше жизни, какая же я дура, дура, дура; тихо мурлыкала себе под нос нечто несуразное, глупое, *не ругай меня, мамаша, это было первый раз,* священный фаллос, есть, есть *в нем* кость, есть! не может тут быть двух мнений, есть, есть! ее женское сердце чует и знает, каким образом мужская плодотворная кровь вскипает, из жидкой, мозговой кости возгоняется, сублимируется, превращается в твердую, дымящую-

ся, волнующую, торжествующую, деспотичную новую мощь, желанную кость, пронизительно-прекрасную, дальше и дальше, сильнее дымится, исступление, извержение, обжигающее, сорокоградусное, как у павиана, чистое золото, впрыскиваемая, обильно вливается в нее, впитывается, сладостью парализует душу и всё тело жидкое это чудесное золото дождя Юпитера, божественный бык, мой, мой! чудный мальчик, сверхфизическая истома овладевает всеми четырьмя сторонами ее души, продлись, продлись очарование, вновь и вновь возбуждает прикосновением губ его желание, опять превращает в формообразующую желанную кость, опять жгучее жидкое самоформирующееся золото пронизывает ее душу! Под бредовое мурлыканье проваливалась в сладкий сон без всяких снов, на другой день после работы летела к Алексею, она совершенно ошалела от простого счастья и жутко поглупела, котелок варить перестал, как не поглупеть от налетевшего, нахлынувшего половодья? Но теперь в промежутках между восторгами они с большим воодушевлением, взахлеб, непрерывно, без остановки чесали языки, гомонились, забалтывались, запой, не давая шанса милиционеру родиться, заскок, уносились за облака, говорили о международном положении, о приближающейся войне, о судьбах революции, запой, экая тема поперла, война и рабочий класс, судьбы революции, тема богатая, бездонная, история лжет, лжет непрестанно, их песенка еще не спета, хватались за соломинку надежды, жгла непреодолимая потребность чесать языки всё об одном и том же, толковать, порицать описки истории, революционный держите шаг и — шире, неугомонный не дремлет враг, обострено чувство справедливости. Она вдруг и неожиданно для себя стала утверждать и горячо, что «в конечном счете» (выражение гениального Маркса), как результирующий вектор, восторжествует их большая правда, вовсю моноложила, одна говорила, монологична, незаслоняемая, неисчерпаемая правда, от ссылки к лагерю, от лагеря к ссылке, до полной и окончательной победы мировой революции, идей IV Интернационала. И на нашей улице будет праздник, солнце, яркое солнце, а пока гнилое небо, мороз, холодрыга, тюрьмы, лагеря, будем тверды! бодро глядим вперед! Только вперед! Вперед и выше. Выдержка и хладнокровие!

— Москву тебе дарю, *тебе*, мой мальчик!

В глазах Всевышнего, даже наверняка так, она подарила Москву своему светоносному супругу: есть реальная история, она на небесах, только она, ее Небесный Иерусалим, истинны, а мы живем в профанном мире, который есть лишь тусклое отражение великой идеи, великого Замысла, потому-то всё так безрадостно, серо, преступно, грехи, казни, всё то, что творится на земле грешной, оно забывается, зачеркивается и перечеркивается.

Тороплива, всё на лету, на ходу, как у какаду, вне быта, коротка, ярка, цветет всеми цветами радуги, совершенна лагерная любовь.

Они ждали ребенка.

Они уже не говорили о их любви, а тем паче о судьбах революции, она непрерывно капризничала, упрекала Алексея, что он ее не любит, что для него она стара, на 12 лет его старше, вонючая старуха, подурнела. Алексей молча обнимал ее. Она капризничала, злилась, плакала, горько, шпыняла, нудила, зудела, донимала жалкими словами, шипела: молчун бессердечный, завеса молчания, не прорвешься, умоляю, только не молчи! опять и опять шпыняла, глаза его равнодушны, пусты и лживы, в них нет любви; то было отнюдь не нежное шипение, а злое, одержимое, страшное. Она жутко переменилась. Алексей слышал, что женщины очень капризны, истеричны, нервны, раздражительны, когда захвачены беременностью, меланхолично тупо терпел, затылок чесал. Оставался сдержан, стоически тих, обычен. Ни разу не сорвался.

Стало известно (Алексей узнал первым: второй помощник наряди-лы), что большую партию готовят к этапу, в списке и он, и Анна Ильинична. Она была на сносях, раздуло, разнесло, яйцевидна, почти шар, нетранспортабельна, и ее легко вычеркнули из списка, хотя она числилась кадровой троцкисткой, наши чекисты не звери какие, верны в главном, без особого труда уладили дело, жесткая разнарядка, кем-то заменили (свято место пусто не бывает)...

Немудрый приказ серьезного наркома товарища Ежова за №00447 от 30 июля 1937 года с Приложением № (без номера! легенда и мрачная загадка нашего века!), выполнялся строго и неукоснительно, нагнал приказ за № 00447 на всех непомерного страха (*и бьется о борт* (аборт?) *корабля*), крепко тряхнуло (*по кочкам, по ямочкам, по ровненькой дорожке, бух в яму*). Взбесившееся время; даже бывалым, кадровым энкавэдэш-никам стало казаться это странным, жутким излишеством, хаотическим нагромождением нелепостей, что сие всё значит, не могли взять в голову толк свистопляски и вакханалии; и в головах у славных стражей революции пошли круги, карусели, а в перепуганной насмерть первопрестольной Москве, вообще-то видавшей виды, циркулировал анекдот, умора, ха-ха! и на вопрос, как живете, откликались, *как в троллейбусе: одна половина сидит, другая —трясется*, но это так, к слову, а вообще-то жизнь кажется (не кажется, а по сути так!) ярче, прекраснее, когда берут не тебя, а соседа, севрюжина с хреном особенно вкусна была в тот незабвенный год, Москва дико веселилась, *неизъяснимы наслажденья*, говаривал Пушкин, на пиру во время чумы.

4. Не жук чихнул

Ключевое слово — «троцкизм», емкое, звонкое слово!

(несмываемое, черное клеймо: злые языки мололи, язык без костей, молва легкокрыла, назойлива, будто бы Анна Ильинична сподобилась

особого внимания Льва Давыдовича, осчастливил ее великий человек, да близкого ничего не было, даже поползновений, легкой интрижки или там рандеву под пьяную лавочку, а ведь нравы их среды до крайностей либеральны, агрессивны по отношению к вековым предрассудкам, лицемерной буржуазной морали, мещанским привычкам, штурм неба, семьи, частной собственности, пророчески прост сексуальный катехизис революционера: кто кого сгреб! Алексей знал, что она осталась закоренелой девственницей, глубокой, стерильно чистой, ничуть не оскоромившейся в кошмаре социальных катаклизмов, умела себя блюсти, ждала его, принца, избранника, единственного, несравненного, без малого сорок лет ждала!)

У Анны Ильиничны начались родовые схватки. Алексей приходил к окнам больницы прощаться, боли такие, небо с овчинку, узок таз, ей было не до него. Алексей хотел сына, но родилась девочка, маленькая, с чудесными, ангельскими, голубыми глазками: глаза Алексея. Он так и не узнал, что у него девочка: тех, кто ушел на этап, без особых церемоний, не рассусоливая, шлепнули, меры энергичны, решительны, подробности неизвестны, никогда уже достоверно не будут известны, да и — тьфу, надоели все эти пустые разговоры, осточертела вся эта риторика о загадочном, шарадном 37-м годе, перекормлены лагересловием, под завязку, поташнивает, довольно, будет, хватит, тема репрессий, лагеря изжила себя, обращайтесь к Шаламову, это трубадур той эпохи, у Шаламова высший авторитет в интерпретации лагерной темы, непревзойденный бытописатель, стилизатор, туфту заряжал, чернушник, нагнетатель ужасов, создатель новых стереотипов, всё у него найдете.

Неотвязчиво лихо одноглазое, когда пристанет, приклеится, банный лист — троцкизм, троцкизм! сущая повесть о горе-злочастье, ах! что вы! ах, бросьте, да неужто так навылет, прямо и троцкизм? Лагерь, ссылка, опять новые злополучия, опять — по новой, опять взяли за жопу, загудела, в который раз, сколько можно! Лефортовская тюрьма, мать родная, альма мутер, а ну, давай рассказывай! *погибли юность и талант в стенах твоих*, следствие, КРТД, причесали, *вологодский конвой шутить не любит, шаг вправо, шаг влево считается побегом;* опять лагерь, война, калорий дюже мало, во всю старается жареный петух, Ванюшин неистствует, вездесущ, будь он проклят в веках, неугомонен, сверхъестественная энергия, они прокладывают железную дорогу, шпалы тяжелы, не сдвинешь, трое еле поднимаем, стране нужен уголь, куем победу, припекло, самобытная реальность, их перебросили на соседний ОЛП, две трети ОЛПа дистрофики (здесь от пеллагры, кровавый, голодный понос, никаких запоров, умирал и умер в эти дни ее отец, священник, но она не знала, так и не узнала, что их почти столкнула лбами коварная судьба, сумбур, сплошная нелепица, странная, мистическая сага, дыха-

ние фатума хорошо чувствовали древние, лишняя, бессмысленна была бы эта встреча: она давно вычеркнула отца из своего сердца), целебный душистый необыкновенно воздух, аграрные противоречия, *умри сегодня, а я умру завтра*, потеря памяти, личности, бред, пожухли адаманты ее чудных глаз.

Так она отмахала злополучные 17 лет, не жук чихнул, а куда денешься, исковерканная жизнь, живуча оказалась, сдюжила. Весь мир заряжен неудачей, успевай поворачиваться, безнадежная, безысходная, злая ссылка в Красноярском крае, притормозилась и застряла навсегда, ущип, еще ущип, еще как защемило, вольняшка, даже отмечаться не надо, да в лагере хоть была общедоступная, святая пайка, здесь, на этой подлой воле, хуже чем в лагере, плотно припухла, не получается никак вырваться из лабиринта проблем, бытовых трудностей, тяжелый конфликт с обстоятельствами, везде и всюду проблемы и сложности, невыносимые, великая усталость, атрофия воли, апатия, чего она раньше не знала, даже не понимала, почему так припухал Наполеон на Святой Елене, мистический страх собственной тени, будешь бояться, когда эдакое со всех сторон и дружными рядами прет на тебя; безбытность, безбытность на безбытности сидит, безбытностью погоняет, горький, крутой настой неурядиц, мыкалась, пропадала, хоть голову в петлю суй, *укатали сивку крутые горки*, улыбка исчезла с ее лица, даже страдальческая, ко всему безразлична, даже к запорам, бесчувственна, апатия, деревянная, не причесывается, не чистит зубы, нет тревожных мыслей о завтрашнем дне, забыла и думать о мировой революции, у натур кипучих, бурных, целеустремленных, энергичных, когда они попадают в ситуацию вынужденной пассивности и безделья, теряется воля к жизни.

Она была отчаянно одинока, и кольцо одиночества сжималось, душило, безотчетный ужас, хуже некуда.

Мир не без добрых людей, и к ней проявлена сердобольность, сжалились, подобрали, помогли, преподает в школе английский язык, не то что разрешили, а как-то так, мухлеж, смотрят сквозь пальцы, числилась преподавателем жена директора, зачем-то ей нужно, шел стаж, а на самом деле детей учила, получала зарплату Анна Ильинична, вновь стала улыбаться, следит за собой, чистит зубы и так далее, всех устраивал этот маленький шахер-махер, сходило с рук, хотя директор, конечно, очень и очень рисковал.

Тихая пристань. Чудес и перемен она не ждала, они могли быть только к худшему. Дни, недели, месяцы катились.

О дочери она забыла: не думала, не вспоминала.

Во сне она иногда видела свою дочь: маленькая девочка лет трех, такой Марину забрали родители Алексея из лагеря где-то перед войной.

5. Детские годы дочки Мариночки

Сиротка до смерти пуганула бабушку, которая было затеяла безобидную игру, *шла коза рогатая*, тю-тю-тю, сю-сю! Мариночка в ответ разгонисто, сноровисто, свирепо устремила в глаза растерявшейся бабушке растопыренные пальцы, указательный и средний (сложился символ — V, победа!), при этом еще присовокупила несколько слов, сплошная, смачная феня (что вы хотите, классическая лагерная шутка! мы из лагеря), бабушка — шарахнулась, глаза на лоб скаканули, нет продыха, словно в поддых от души врезали, забулькала, заурчала, как испорченный унитаз, синеет, готова концы отдать.

— Не бзди, ё...ая в рот! — визжала крошечная бандитка, патентованное, ортодоксальное дитя лагеря; залилась злым, грубым, неприятным, торжествующим, отнюдь не детским смехом, глазки Алексея, голубые, но злые; непонятным волчком вертелась, никак не успокаивалась. Сюрприз. И это называется невинное создание? Крепко приложила уркаганистая сиротка, чуть не загнала бабушку в инфаркт. Видать, в те годы московская интеллигенция еще не знала прелестей лагеря, темна была: еле в себя пришла бабушка, еле опомнилась. Весело было нам.

Пришлось почесать затылок, что делать? А что оставалось интеллигентной бабушке? Надо бы по-лагерному, *еще слово, и будешь горбатой*! Но не сечь же малютку. Значит, а куда деться, осторожно, усердно, кропотливо, целеустремленно переучивать? Смотреть в оба. Коррозия души не должна зайти слишком глубоко, не всё потеряно, еще ребенок. Начался роман воспитания, терпеливо преодолевали прекословие, выдавливали уродства и весь этот регрессивный лагерный постмодернизм, каплю за каплей; пошло репрессивное давление культуры, правил приличия, цензуры, цивилизованных норм — нет, разумеется, не секли маленького бесенка, как сидорову козу, дурь розгой не выбивали, пасли, перевоспитывали, повышали интонации голоса, надо находить слова, цепляющие, царапающие сердце, строжить, строжить и строжить, лапочка, радость наша, так говорить плохо, неприлично, гадко, пришлось на культуру натаскивать, на приличную детскую классику: Айболит, Бармалей, Дядя Степа, Мистер Твистер.

6. Псу под хвост

Здравствуйте, я ваша тетя, новая страница истории, тут как тут, мутно небо, ночь мутна, перелистнули страницу. Да как не заметить, очень даже заметили. *Чейн—Сток,* 5 марта 1953 года, сгустился мрак по всей земле, умерло солнце — Солнце Сталина, а говорили, все говорили, что он бессмертен, не вообще, символически бессмертен, как Ленин, вечно живой, а физически бессмертен, при этом в свое оправдание говорили, что грузины долго живут, очень долго, практически не умирают.

Сияющий, зияющий мрак! Известие прокололо, пронзило навылет душу, прожгло, и она почувствовала, что состарилась по крайней мере на добрые 10 лет. В состоянии нервного подъема, обуреваема каким-то демоном, даже не наведя марафета на морде, не до марафета, она вылезла на трибуну без приглашения, выла на митинге, обалденная, страстная, рыдающая речь, зарыдало и всё тело митинга, ревом ревело, те, кто ее здесь знал, не догадывались, какой она пламенный, вдохновенный оратор.

Она не ошиблась — всему конец, конец великой эпохи, ураган захлебнулся, сошел на нет. Интуиция, нюх, историческое чутье, если не считать короткого периода, когда она, как шальная и шальная, любила Алексея, никогда ее не подводили. Всё, чему она посвятила жизнь, — псу под хвост. Худо, худо, ложись и помирай.

Потом, после митинга, Анна Ильинична одетая валялась на кровати, нашло, накатило, буря в душе, страшенная, и от бури черные круги перед сухими глазами, с головой неладно, ощущала физически, как внутри ее сгущается тьма, мучилась, чугунная, свинцовая боль, раскаленный обруч беспощадно сжимает голову, боль, боль, кому дано понять эту боль? То ползут, то скачут прокаженные мысли, не подбираются, теряются слова — барахталась в словах, жива! я жива! Жива! Найденные слова тут же дробятся на части, дыр, быр, щур, и рифмуются между собой ладно и складно, хаос, смута, мозга за мозгу зацепилась, что-то мешает сосредоточиться, занедужила, на крючок села, не сойти, пытка истиной, — знаете ли вы, что такое пытка истиной?

Казалось вначале, что это еще не приступ, справится, отвращение к жизни, надо взять себя в руки, может, выйти на улицу, там свежий, бодрящий воздух, прошвырнуться, проветриться, лучше чашечку кофе, без кофе она не человек, согрею, всё пройдет само.

Расстрелян Алексей! Держите меня, а то я сорвусь с цепи, такого наговорю! Жуй два! Убиты все, все, кто творил своими руками нерукотворный, *в белом венчике из роз*, прекрасный Октябрь. А царствию Октября не будет конца! Точка! Революция сама пожирает своих детей. Закон. Это всегда! Она, она, товарищ Анна, ускользнула от расплаты, случай. Она жива! А зачем?

Вся в раздрыге. Хаос и смута. Трепет и страх. Метель метет, метель метелей, буран, зачумленность, тяжелые шаги Командора, круговерть, настоящие корчи на вертеле галопирующей с ветропросвистом истории, раскололся, разваливается космос, сало капает, капает, всё в огонь капает, кипит и пенится, смрад и запах серы. Она перед вечно молчащим Сфинксом, надрывно блажит: За что? Ответь! Нет ответа. Болевые, огненные иглы вонзаются, пронизывают насквозь мозг.

И вдруг — озарение, *видение недоступное уму,* ощущение жуткого, невыносимого счастья. Революцию в белых перчатках не делают. Левый

курс, индустриализация, Малевич, «Черный квадрат», великие стройки, без всякого «психоложества» (Маяковский) и всей буржуазной мути, подменяющей реальность, затем жесткие, стальные объятия конструктивизма, конструктивизм без берегов и всех мастей, ГОЭЛРО, Днепрогэс, Беломорканал, Россия преобразовалась до неузнаваемости, сдвинулось с места, люди, люди стали другими, тоталитаризм формы, обуздывающий хаос, победа культуры над хаосом, победа над природой, над смертью, последним врагом всего живого! Она больна от этих въедливых, липких мыслей. Нет эксплуатации человека человеком, нет классов, нет частной собственности, страшной язвы цивилизации. *Наш паровоз летит вперед, в коммуне остановка*! Существует лишь одна истина, великая, высшая ценность: история! Вне исторической перспективы нет истины, нет добра и зла. Будущие поколения должны быть счастливы, их счастье куплено дорогой ценой, они и права не имеют не быть счастливы, просто права не имеют, да, да! не имеют!

И опять неодолимый, тяжелый, густой непроницаемый мрак: темно, как у негра. Она подолгу смотрела в одну точку, тяжело, нехорошо задумывалась. Само не прошло, нервный срыв, она начала неожиданно для себя выть, как хлысты, как волки в полнолуние, вопль пугающий, сражающий; от крика стихала боль, укорачивалась, уходила, на время прекращалась, она продолжала бессюжетно выть ошалелым волком, уже не соображала, не соображала, где она, что с ней, разбудила соседей, сердобольные соседи вызвали скорую.

Она попала в психиатрическую больницу, с головкой плохо, дрянь дело, голос Алексея из вечности: — Quantum satis. Оказана медицинская помощь, уколы, таблетки, опять умиротворяющие уколы, удвоенная доза, усугубляли беспощадно дозу, превращали больную в овощ, чтобы всем ужасно не мешала существовать на этом свете, окружающему населению нельзя без отдыха слышать этот вой. Врач-психиатр из ссыльных, желчный, озлобленный, нехороший человек, вообразил себя гениальным Фрейдом, говорил гадости, таких садистов давить надо, во всяком случае гнать в шею из медицины, запретить работать по специальности; видя эти тяжелые, мутные глаза затюканной троцкистки, считал, что из мути подсознания болезнь надо перевести в сознание, недуг пройдет; глядя в глаза, отпускал смачно, со вкусом шутку (хороша шутка!), что ее болезнь в том и заключается, что она слишком любит советскую власть, которая ей крепко врезала, душа повреждена идеей, которая ее когтит и мучит, мучит денно и нощно; так и говорит несчастной пациентке:

— Чем сильнее вы больны, тем сильнее советскую власть любите.

Хорошо изучен феномен: жертва начинает любить палача, мучителя, насильника, сексуальный вывих, мрачный демон погружает вас в безумие, чаще всего этой болезнью мозга поражены женщины, которые

начинают безумно обожать насильника, испытывают неизъяснимы наслаждения, когда их насилуют, истязают.

Губы кривились самодовольной, едкой, ядовитой, сальной, гнусной усмешкой.

7. Воздаяние

Но вот настало метельное, динамичное время, очередной жесткий, крутой вираж сюжета, развенчан Сталин, XX съезд, новые, весенние причуды, капель шепелявит, всё разрешилось само собой и неожиданно, справедливость восторжествовала, судьба-индейка смилостивилась, лихо подмигнула, затем улыбнулась мягкой, простой улыбкой, подфартило, кончились невзгоды, ее, бедолагу затырканную, полностью реабилитировали, восстановлена в партии, с таким стажем, как у нее, мало кого осталось, раз, два — обчелся. Кончились круговерти и превратности судьбы, вернулась к нормальной человеческой жизни, всеми уважаемая, к ней уважительное отношение, пирог мимо не проносят, уважают, облизывают и ублажают, пенсия старых большевиков и всякие льготы и вкусности, как из рога изобилия, посыпались, двухкомнатная квартира со всеми удобствами и невообразимой, бал можно устраивать, танцы, кухней на улице Чкалова, смело начинай нормальную человеческую жизнь, новенькая, с иголочки, сияет, блестит, сверкает, разлюли-малина, реальность за сказкой угналась, царский, завидный, лакомый по тем временам кус, еще очень немногие в пятидесятые годы жили в отдельных квартирах.

И это — после бездомных, бездарных 17 лет! Тут бы жить достойно поживать, вековать, предаваться радостям жизни, консерватория, музеи, импрессионисты, Ван-Гог, разлюли-малина, волшебная сказка с типичным, счастливым концом, катарсис — какого еще рожна надо для полного счастья?

Это — новое веянье времени, подарок истории.

8. Распря

Напомним и будем помнить, не у одной Анны Ильиничны изменилась жизнь, не одну ее выпустили из лагеря и милостиво разрешили прописку в Москве: из лагерей вышли целые шалманы озлобленных зэков, захваченных кипящей похотью мести; реабилитирован Кузьма, реабилитированы и его славные апостолы, вся спаянная, закадычная камарилья, так называемая «Молодая Россия»; хлебнули лагерей, срокто отбывали в разных местах, кто на Колыме, кто в Джезказгане, кто в Ветлаге, кто героически упирался, соединял Волгу с Доном, а вышли эти кореши со схожими, стандартными убеждениями, которыми обиль-

но напитал, накачал их лагерь. Отлично подкованы, лягаются. Хлебом не корми, а дай возможность позубоскалить, накинуться всей злобной сварой, продемонстрировать свою, зэковскую, высшую правду, а другой правды, они так считали, нет и быть не может: история послереволюционной России это история лагерей (где, кого, за что и как сажали! кстати, генеральная мысль «Архипелага ГУЛАГа»).

И эта молодежь махрово, нахально расцвела, обнаружила волю к конфронтации, неймется о себе заявить, *не пальцем деланы*, проявляет живость ума, изъявила интеллектуальные претензии, свергает все авторитеты, « *стучится в дверь*», выражение Ибсена (его тема), полагает себя имеющей важный исторический опыт, политически прожжены и искушены, уверенно и мужественно держат руку на пульсе современности (герой, помнится, Чехова, умирающий врач, говорит другому врачу: — *Мы-то с вами знаем, что никакого пульса нет*). Да какой у них опыт, всего ничего, шесть лет — детский срок, изображают себя лагерной косточкой, битыми фраерами приличной закалки; это уже не тихие, долгие, у кольца нет конца (*дурная бесконечность* — Гегель), думы на нарах, встали в агрессивную позитуру, махали картинно идеологической шпагой, имели повадку развязно угощать пламенную революционерку пошлыми пирогами, кажется просто непостижимым, что между поколениями лагерников никакого понимания, смычки или просто серьезного разговора не получалось; одни наскоки, агрессивность, жаркая дискуссия переходила в распрю и тяжелую свару, слово за слово, громовые стрелы, пошло — поехало (— Рук у вас нет? — хотелось резко одернуть).

Они отрицали напропалую и с максималистским, фрондистским пафосом самое святое: революцию, Октябрь! Вякали, дескать, Анна Ильинична завязла, застряла в марксистском болоте; шло плотное, век свободки не видать, кощунственное осмеяние незыблемых, святых установок. Мол, вообще никакой революции не надо было, даже Февральской, подлой, бескровной (да какая она бескровная? читайте Бунина), с самого начала сплошной обман и демагогия, пошлость, подлость, террор, разгулялись бесовские полчища, надвинулась над Россией страшная туча и закрыла наглухо свет, вольготно гуляют нетворческие, деструктивные, разрушительные, инфернальные силы; Ленин с самого начала подл, отвратителен, преступен (сейчас это расхожее мнение, а тогда! О! черт знает что! спросите Ахмадулину), хуже Сталина. Всё это лепилось с торжествующими пошлыми улыбочками, хамье, насмешники, броня непонимания, да как им не стыдно, всё же они младше, имейте уважение к сединам; молодые злые и зловредные языки, максималисты, залетевшие в антисоветское бешенство; великие, упрямые спорщики, театрально освистывали, улюлюкали, исступленно и нещадно дразнили, ей-ей! перед нами вражья рать.

Кто они, если поименно?

Прежде всех — отец всех отцов и отец нового русского анархизма Кузьма, далее — путаник Краснов, до неприличия растолстевший несравненный Эдик Бирон, Шмаин, Александров, Витька Красин, Федоров. То было на редкость сплоченное, спаянное братство, славное братство образца 1955 года: бактерии вредные и заразные, яд лагеря неизбывный.

Себя показывая, сгущали краски, высыпали неимоверное множество аргументов в пользу царского режима, хватали через край, еще как через край, избыток злобы, ненасытные мстители, дидактическая бредятина, плавали и болтались в сугубых крайностях, тот еще размах идей, в упоении несли черт знает что, — да это в нормальной, трезвой интеллигентной голове просто не укладывается; мололи, молотили языками, бесноватые речи, покушались на самое святое и дорогое, рисовали безумие революции, русской смуты, восхваляли абсолютно безответственно и без зазрения совести дореволюционную идиллию России (вспомнить следует и не забывать, что они были арестованы в 1949 году и загудели в лагерь как *истинные ленинцы*; славно эту публику лагерь переделал, перевоспитал — университет! лучше нам не вникать в подполье психики бывших лагерников, в ее демонические истоки, диктующие максимализм, вообще-то перед нами поэты и фантазеры, не будем их бешеные слова воспринимать буквально). Дескать, всего-то в этой распрекрасной интеллигибельной России, канувшей в холодную жуткую Лету, утраченной навсегда, было с избытком, сало с салом крестьянство ело, жируйся — не хочу, это была экономически благополучная, здоровая страна, стремительно рвущаяся вперед, за 20 предвоенных лет население увеличилось на 50 миллионов, то бишь на 40%, урожайность зерновых выросла в два с лишнем раза, добыча угля в 5 раз, рисуются ретроспективные огненные дали, масло-масленое. Если вас не оставляло чувство юмора, можете слушать эту чушь, чушь собачью, они вам порасскажут, что число студéнтов в дореволюционной России было больше, чем во Франции, Англии, США вместе взятых, количество вышедших книг в предвоенном году превосходило все страны Европы, прямо-таки, ни дать, ни взять, культурное и экономическое чудо, да здравствует монархия (знай наших!)! а Февральская революция была несчастьем для России, не говоря уже об Октябрьском преступном путче, Гучкова и Милюкова следовало повесить на фонаре, Петроград сдать немцам. Пошлятину изрыгают — контра базарная, колоритная, противно слушать, пошлятину изрекают! Этому шалману, видите ли, вообще не нужна никакая революция! Революция — деструктивное зло, зло по своей природе. А война с Германией была просто выиграна, во всяком случае до Волги немцы не доходили, как при Сталине, в 16-м году наметился перелом в войне, Брусиловский прорыв, а в 17-м, если

бы не ваша проклятая революция (февральская, подлая!), вообще война была бы победоносно завершена, содрали бы с Германии контрибуцию, промышленность безболезненно построили, через какое-то десятилетие Россия должна была обогнать США по всем показателям.

— Тенденциозный подбор фактов! — нервно, истошно, задиристо выступала и наступала Анна Ильинична; гневом сверкали ее адаманты, она в отличной форме, где былая апатия, безразличие к жизни? гляньте: бесстрашная воительница, тренированный боксер, наносит точные, профессиональные удары.

Эй, братва, взялись за руки, навались! Худо будет, попадетесь на узенькой дорожке. *Они стояли ноги в ряд, их было восемь.*

Назидательное зрелище, народ этот, известное дело, лагерный контингент, зэчье царство, с большой всячинкой, куча мала, не слушали, что им говорят, гомонились щедро и с явным самодовольством, над ней откровенно глумились (Блок: *Юность — это возмездие*), культурненько прикладывали, разнообразно и затейливо потешались и занозисто ехидничали. Не нормальная, честная дискуссия, а сплошной тарарам, горлопанство, подколки. Мол, болтались вы, мадам бабуля, по лагерям и тюрьмам 17 лет, шишак наварили, но так ничего и не поняли, жизнь ничему не научила, всё еще лелеете дурацкую мечту о хрустальном дворце, всё еще верите, панацея от всех бед, ликвидировав частную собственность, осчастливите человечество. Кто просил вас осчастливливать Россию? Читали «Историю города Глупова», *осчастливливание надо проводить умеренно, по возможности избегая кровопролития.*

Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить.

Они умели и старались задеть за живое. Нет общего знаменателя, общей почвы для разговора, никакого обмена опытом с остервенелыми охальниками не получилось, сказывалась разница поколений и претензий: их дубленая, бескомпромиссная зэковская совесть полагала себя всегда и во всем правой (чувство собственной правоты – крайне опасное чувство, так с легким сердцем можно проявить глубочайшее неуважение к самому святому, а значит, вообще к живой человеческой личности, можно и бревно в своем глазу перестать видеть).

— Не на ту лошадь поставили! — визжала Анна Ильинична, при этом делала физиономию волчицы страшенной, того гляди тяпнет, у этой старухи страшные клыки, желтые, мощные, очень желтые. — Я не ждала войны! По себе не судите! Я не ждала и не жду засраных американцев! Говорите да не заговаривайтесь! За такие слова можно и по морде схлопотать!

Она обладала блестящим искусством сажать оппонента в лужу, эрудирована в различных областях знания, в оборот брала их, ратоборствовала, с полуоборота заводилась, шла вразнос, бросалась тигрицей, начинался сыр-бор, перепалка перерастала в перебранку, сцеплялись, интеллекту-

альная потасовка кончалась сварой, диким визгом, ором ненормальным — буйнопомешанные, злобный клубок, прямые оскорбления.

— Хватит словоблудия, блефа, брехни, пустой болтовни *о слезинке ребенка*. Хватит туфту заряжать! Жизнь, Пол, шквал, Революция вне нравственности, выше ее. Революция всегда и во всем права. Кто вы такие, чтобы судить революцию?

Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?

А где вы были во время революции? Почему вас не было? Отвечайте, если вы такие умные!

Петля распри затягивалась туже и больнее, слово за слово, становилось еще жарче, она их хлестко оттягивала, хорошо причесывала, обвинила в невежестве, верхоглядстве, в отсутствии самой элементарной честности, в полном непонимании сути социальных конфликтов, завораживающей эсхатологической мистики исторического процесса, в непонимании марксизма и того, что принято называть *требованием истории*, когда частная собственность отменяется. Юноши, бледные, бедные юноши, пора бы преодолеть лагерь и его злобные мифы, нехорошо и глупо обижаться на историю. История и ее хитрая, таинственная канитель вас мудрее.

— Мадам революция, а как вы все же к Сталину относитесь? — пускается хамская, ядовитая, острая стрела, очередная каверза.

Никакого замешательства. В остервенении, с которым она обеляла Сталина, проявлялась странная, неуемная, черная болезнь этой замечательной женщины. Она в каком-то темпераментном дидактическом надрыве готова была драться дальше, идти напролом, оправдывала коллективизацию.

Остается развести руками, не знаем, что и думать.

— Своей головой живите, — кричит на нас, походя хлещет по мордам, унасекомливает, внятно укорачивает лагерных головорезов, отважно ведет одинокий бой с превосходящими силами противника. — Не пойте с чужого голоса!

Следует апология Сталину.

Скучная проза аргументов, которыми вряд ли кого убедишь, а тем паче бывших зэков, не в меру озлобленных, неприятная публика, лишь воду мутят.

Пламень неистовства, она легко переходит в наступление.

Знаете ли вы, что в 28-м году в стране не хватало товарного хлеба, даже пришлось ввести карточки? А не знаете, так молчите! Рушатся на их головы всеми забытые факты, перед ними не начетчик-марксист, а бесстрашный интеллектуал, свободный в своих изысканиях, бескомпромиссный, смелый, следуют ссылки на Сталина, Бухарина, сыплется, сеется цифирь, въедливые, корректные цифры, въедливые голые факты, как из рога изобилия. Теснящая, бесстрашная, стремительная аргументация.

Большевики, значит, ловко перехватили программу эсеров, лопухов этих, страна круто обречена на социализм, крестьянство дружно, хором голосует за социализм. Земля передана народу, крестьянам, в соответствии с его волей. А вы, юноши бледные, сторонники демократии, верите и уважаете волю народа? А результат? Мелкое и среднее крестьянство производило недостаточно товарного хлеба, чтобы кормить страну, хотя урожаи были хорошие, не меньше чем в знаменитом и пресловутом 13-м году: крестьяне хлеб сами съедали и подчистую, городу не хватает. А нужны запасы хлеба для армии. Тупик. Что делать? Поговорим вплотную, прикиньте, упражнение для ума. Вот вам тема для размышления. Единственный выход из тупика, если мы хотим при этом сохранить истину социализма, создание мощных хозяйств использующих современную технику. Колхозам нет альтернативы! Коллективизация была порождена не злой волей Сталина, а грозным ходом истории. Хлеба не хватало не потому, вернее не только потому, что вредный кулак, главная помеха, главная опасность революции, зажал хлеб, хотел поморить город, не только потому, что был дефицит промышленных товаров, всяких там ситцев и гвоздей, а потому и только потому, что этот хлеб раньше давали крупные помещичьи и кулацкие хозяйства, приспособившиеся к новым условиям, у помещиков было всего 15% земель, но именно такие хозяйства, неудобные факты, неудобная статистика, давали весь товарный хлеб, кормили и Россию, и Европу, а эти рентабельные хозяйства революция ликвидировала, по воле народа всё поделили.

А юношам бледным, лагерным вонючкам, хоть кол на голове теши, хлебнули лагерной сивухи и отнюдь не цепляются за социализм, даже напротив, капитализм им подавай, голенький, чистый, эксплуатацию человека человеком на блюдечке с голубой каемочкой им подавай, а самой идее социализма готовы вбить в сердце осиновый кол и изничтожить на веки вечные, дерзко и бесстыже на кулака готовы ставки ставить, пусть будет всё, как у Гитлера, уничтожим бедняка, как класс, бедняка на плот посадим и обольем бензином! О чем говорить с такими? Вот с каким багажем они вышли из-за колючей проволоки! Хихикают, мол, не сдаемся, уроки лагеря не прошли даром, всей колядой, всей камарильей давят.

А как быть с *пактом? пакт с Гитлером.*

И здесь у нее позиция. Реакция молниеносна. Следует контратака, смелая, бойцовые качества что надо, наотмашь бьет, смущая робких, у которых дрожат коленки (закалка двадцатых годов; гордое самоощущение: она одна владеет тайной марксизма!), хорошо угостила:

— Гениальное решение!

Если вы цельны умом, должны знать и понимать, что межгосударственные отношения определяются соображениями целесообразности, только целесообразности. Прагматизм. И в тот момент это было един-

ственно правильным решением, дерзким. Да у Сталина просто не было другого выбора. Сколько раз Чемберлен и лорд Галифакс, морда лорда смотрит гордо, отклоняли предложения русской дипломатии о созыве конференции по выработке коллективных гарантий против агрессии Германии? Да это Англия и Франция, разлюбезная ваша демократия, загнали Сталина *в пакт*! Чемберлены, лорды Галифаксы отказывались от альянсов и совместной борьбы с фашизмом, хотели втравить Гитлера в войну с СССР, а Сталин сумел науськать Гитлера на них, рассчитывал, что Гитлер ослабнет, завязнет в войне, а Сталин всадит ему нож в спину. Не мог же Сталин предполагать, что Франция, накануне разбившая Германию, поднимет кверху лапки, что Гитлер разобьет французиков за 18 дней. В конечном счете внешняя политика была продиктована объективными обстоятельствами. Может быть, была допущена одна тактическая, психологическая ошибка, в 40-м году в Берлин должен был ехать сам Сталин, он бы запросто очаровал Гитлера, как это он умел очаровывать, когда хотел, не следовало посылать вместо себя бездарного Молотова, которого еще Ленин называл «чугунной жопой». И вся история пошла бы иначе! Европа давно была бы наша! Это и есть перманентная революция!

— Скажите, кто выиграл войну, Гитлер или Сталин? Отвечайте! Жидки на ответ! Молчите, потому что вам нечего сказать!

Справедливость требует признать, что ее страстная, рыдающая, хорошо оснащенная цифрами и примерами речь произвела сильное и даже зловещее впечатление, смутила тугодумов, дала богатую пищу уму; шутки в сторону, на их головы обрушивались забытые, непонятные факты, о многом, что говорила эта бешеная старуха, страсть как надо думать, упорно мозговать; а она продолжала с жаром тузить фраеров, всё еще не преодолевших лагерь, уделывала, остроумно, ставила на место, смеялась — ехиден смех, надменен интеллект; объясняла, что партия это не дискуссионный клуб, а главный инструмент, данный историей рабочему классу для построения бесклассового общества, в котором не будет ни богатых, ни бедных. Удивительная женщина! Вы наверняка узнаете ее в поэме Коржавина «Танька» (затейливый, ехидный, запоминающийся рефрен: «*Дочерью правящей партии я вспоминаю тебя*), в рассказе Федорова «Quantum satis», ей посвящена лучшая работа Соколика.

9. Березняки, или Молодые годы дочери Марины

У Анны Ильиничны была слабина, *одна, но пламенная страсть*, а страсть настигает, ранит, убивает наповал: ее угораздило на старости лет безумно, всецело, умопомрачительно сосредоточиться на родной дочери, неожиданное, саднящее, снедающее, жуткое наваждение, при этом она продолжала

видеть во взрослой, замужней женщине, матери четверых детей, трехлетнюю крошку, нуждающуюся в помочах, в ее вечной и неугомонной ласке — вечные и неугомонные наставления, непрерывно, в тупой, одержимой уверенности в своей правоте и правде, неуемно учила и воспитывала, мыла холки, накручивала хвосты, и Марина становилась объектом непрерывного, неустанного, неукротимого, агрессивного попечения. Страсть как любила она свою ненаглядную бедную девочку, голубоглазую, любовь была умопомрачительна (Данте был уверен, что любовь определяет ход по небу *луны и солнца*; все поэты думают нечто подобное, к примеру Мандельштам: «*И море, и Гомер — всё движется любовью*»), обычное материнское чувство, стоит еще вспомнить, что дочь, а это можно сказать без большого преувеличения, спасла ей жизнь, она была беременна Мариной, потому не ушла на этап, который был расстрелян! О! это — сильно! А кроме того: дитя для матери есть не что иное, как эманация ее самой, плоть ее, плоть едина. А Марина, знаете, не подарочек, характер ее не сахар, не шоколадный пряник, следовало бы помнить, что она давно не ребенок, замужем, четверо маленьких детей (на редкость быстро растут чужие дети, не успеваешь оглянуться), то и дело беременна (множатся в Березняках, как дрозофилы), у нее своя жизнь, своя злоба дня.

— Не зли меня! — как ненормальная, взрывалась Марина, хамски орала на мать.

Мать молчала, как если бы ничего не замечала, молча сносила безобразные выходки дочери.

До замужества Марина была самим совершенством, ладно скроена, еще лучше сшита, легкая, грациозная, танцующая походка, немного дылда, самую малость (скоро такой рост войдет в моду), копна чудных волос, за пазухой идеальной формы угодья, есть за что мальчику подержаться, заразительный серебристый смех, мило щебетала, мило мурлыкала, царство отличного, точного вкуса, трансмиссия оглушительной, неопровержимой женственности, да чего там — пугающее, убивающее наповал совершенство, видение чистой красоты, чудное мгновение, а кроме того — опасный *изгибчик* талии (Достоевский); от ее неотразимо-пленительного мурлыканья сохли, теряли головы, сходили с ума мальчики, она стала царицей и безраздельным кумиром компании умненьких, замечательных юношей, как не влюбиться в эти цветущие бездонной, мистической лазурью миндалевидные глаза газели, глубина и нездешняя тайна, всегда внимательные, понимающие вас, завораживающие, выразительные, как у собаки, в них навалом мистической чувствительности; порою эти глаза озарялись инфернальным блеском; естественно, все мальчики в нее по уши и без памяти втрескались, иначе и быть не могло, эта худенькая, чуть экзальтированная девочка, эманация эфира, эльф, эльф, поэтическая натура, ладит и ухватисто стихи, писала даже лучше Цветаевой...

(Между прочим, ее поэтические запои, экстазы случались в нужнике, только самые близкие знали, где Марина проводила многие и тяжелые часы, это эльфическое создание страдало сумасшедшими запорами, лишь пурген имел счастливое действие на ее организм, и дешев, глотала таблетки пачками, пурген, пурга, катарсис, вздох облегчения, но нельзя же всю жизнь сидеть на таблетках, как-то не фильтикультяписто, стихи не пахнут, оторвись, отлезь, но это ломает наши стереотипы о поэтическом вдохновении, кряхтит, старается, а тут гениальные стихи выскакивают, притом пачками; говорят, и Хемингуэй писал в подобающем нужнике, превращенном в цветущую библиотеку, получается, страдал запорами, умело маскировался, прятался, напрасно, от острого, всюду проникающего фрейдистского взгляда никуда не денешься, мало читал он, мало интересовался общими вопросами, не знал, что все писатели страдают запорами, работа такая, за столом сидишь, геморрой наживаешь, нелегкая эта работа, как роды, из болота тащить бегемота, — если угодно, это наше маленькое открытие, версия, с которой мы нигде в литературе не встречались.)

... так считалось! Всеми! использовала новую, переусложненную эстетику. Марина была высшим авторитетом для них во всех вопросах, божок и тиран, судила и рядила, задавала тон, дирижировала, как хотела, поведет бровью — закон.

Так вот, эта активная, феерическая, фантастическая девушка нашла слово и его дерзко изрекла милым, чуть гнусавым капризным голосом, повела плечиком, поманила пальчиком, мизинцем и — умыкнула сердца: романтически, идеалистически настроенные мальчики, оранжерейные питомцы МГУ, поголовно оказались околдованы, подцепили высокую болезнь, дурдом сплошной, задрав штаны рванули на подвиг, наперегонки кинулись исполнять приказ, снялись с места, согласным хором рванули на новое место жительства, в деревню, в глухомань, в медвежий угол, в глубинку, буколическая идиллия, жизнь на природе (провернуть эдакое нужны особая женская логика и особая искренность; кто-то все же этим идиотам дал разумный совет сохранить московскую прописку, так, мол, на всякий случай), они полетели просвещать народ, нести в темные массы свет, правду и культуру, водружать знамя новой, преображенной Истины — из свежей, набухшей почки клюнул яркий листок! На подвижничество, на подвиг потянуло, поволокло. Новое поветрие, мода времени!

Идея носилась в воздухе. Их подвиг корреспондируется и коррелируется с главными драматическими событиями того славного периода русской истории, возникновением благоуханной деревенской прозы, Распутин, Белов, Астафьев, смелой проповедью великого почвенника Солженицына, противопоставившего истину провинциальной жизни московским консерваториям и театрам, выходит в свет его гениальный

рассказ «Матренин двор», в эти уже забытые годы многие сорвались с мест, презирали стиляг в уродливо обуженных гнусного вида брюках (давление лукавого Запада вообще-то, что плохого в капризах моды, в тех же узких брюка́х, самый шик, шик-блеск, красиво, мода установилась надолго, хорошо выявляет стройность мужской фигуры), искали смелой, суровой, простой жизни, потому что жить надо так, как живет простой народ, как живет вся Россия! *Дум высокое стремленье,* дух захватывающая перспектива, поиск смысла жизни, предвосхищение главной тенденции времени. Громадный, мощный, важный, ответственный, золотой период, всё определивший в дальнейшей их судьбе.

Много было интересного, повально серьезного. Опыт обогащает, питает, они напропалую и с жаром философствовали, читали вслух и нараспев великие Четьи Минеи, лётали всем шалманом и к Шпиллеру (кажется, они распустили слух, что он не хранит тайну исповеди), и к Дудко, и к Меню.

Естественно, наши молодые, горячие головы не могли удовлетворить формы современного полуказенного и в сущности вполне благополучного православия, которое есть и было стоячей, зловонной лужей мещанства, прибежищем невеж и негодяев. Смешно ведь думать, курам на смех, что истинное христианство состоит в том и только в том, чтобы прийти в храм, поставить свечку, приложиться к иконам, исповедоваться и причаститься, выслушать проповедь священника, окрестить детей и внуков, обвенчать их, отпеть родителей, дать наказ, чтобы отпели и тебя, когда прийдет час, причаститься перед смертью. Серость, бездарность, в православном храме всё скучно, пресно, затхло, пошло! В этой скучной, серой, тусклой казенной схеме нет места творческой активности, нет творчества, свободы, порыва, нет стремления к Богопознанию и Богооткровению. Молодежь возвышенная, яркая альтернатива. Ведь всякому более чем очевидно, что жизнь христианина имеет отношение ко всем сторонам бытия общественного организма, она является прежде всего творческой, свободной, будоражащей, созидающей силой, а отнюдь не деструктивной, разрушающей, не толкающей нас к самодовольной скуке, к спячке, вспять, назад. Надо идти смело вперед, вслед за нашим Господом Богом Иисусом Христом, быть ведомыми Духом Святым. Вперед и вверх, души пьют восторг, только вверх, не дрогнуть перед последними вопросами. Мы на людей становимся похожими. Обратимся к добрым примерам, к жизни Серафима Саровского, стяжавшего Духа Святого...

Но они искали живого, нового, не порывая с святоотечественной традицией. Они рвались истово и всей душой к тому, чтобы жить праведной, чистой жизнью, как первые христиане, горячий, страстный порыв к Трансцендентному, стремление открыть глубины истинной веры, освободить истину Христа, зафиксированную в Святом Писании

(Деян. 4; 32 — основной источник вечной истины, которая просвещает и окрыляет сердца благочестивых, ревностных верующих), от позднейших сомнительных, печальных, досадных наслоений, вернуть ей былой напор, динамику, это не значит рвать с традиционным благочестием, они продолжали славить аорист, целиком и полностью оставались в границах святоотеческого предания, истинного; взялись за то, чтобы воскрешать активный, творческий христианский идеал, создать подлинную солнечную коммуну (Деян. 2. 44): все общее, братство и взаимопомощь, вечный образец и жемчужину веры — раннехристианская община, просветленное коллективное тело, естественно, общее застолье, общая чаша с родимой (*хлебушко* — Томас Манн) гуляет по кругу, можно лишь символически пригубить, можно и прополоскать горло, в качестве исключения хлестануть богатырскую, гомерическую дозу, как же без этого? Обрели подлинное, плотное бытие, обрели истинное единство большой семьи, к чему стремилось раннее христианство, это у всех почему-то так! словом, «одно сердце и одна душа», особенное, цветущее, замечательное и таинственное слово: *агапа!* вечеря любви, завещанная Спасителем на Тайной вечере, славное пиршество первых христиан, забытое действо, прищемленное слегка соборами, скомпрометированное человеческой непроходимой глупостью, слабостью, бледностью современного евангельского сознания, перерастающего на каждом шагу в прямое, откровенное, злостное предательство, с отказом от цельного мировоззрения, от активной веры (вера без дела мертва), от главного завета первых христиан, что Христос всегда пребывает в христианской общине, которая и есть тело Христово, где жизнь и вера сливаются в одно нераздельное целое, другими словами, жизнь есть и должна быть вечной, непрерывной Пасхой. Где страх перед безмерной тайной? Где? Не видим. Церковь осторожно, если не сказать трусливо, ориентирована на тех, кто спотыкался, падал, по слабости увлекался, упивался вином на агапах, утучнял тела свои сладкими яствами (Кор. 1, 11, 21; Иуд. ст. 12; Тертуллиан: Апостол, гл. 39). Истину нельзя рассматривать с разных сторон, на вкус пробовать, рационально умом схватывать. Ее можно познать, ею лишь можно наполниться, наполниться до краев...

И вот они вкушали радостно истину, не разменивались на мелочи, вкушали с восхищением и восторгом, победа над грехом, в мистико-экстатическом танце наполнялись Истиной, рвались к Абсолюту, сливались с Ним. Марина была их богородицей, кормчей корабля, который смело шел вперед среди житейских бурь, мещанства, серости и скуки, которые отвратительно пошлы, ни уму, ни сердцу. А какие умные разговоры они вели о сексе, об отношении полов, конечно, не будем всё пересказывать, у внешнего, постороннего человека (профана) могут волосы встать дыбом от дерзости и смелости их емкой философской

мысли. В Евангелии, к примеру, говорится, что не гоже в старые меха вливать новое, молодое вино, нужны новые меха, новые формы, и наши новообновленцы готовы внести дерзкие коррективы в устаревшие формы брака. Семья разрушается, разводы, одни разводы, нет и одной благополучной семьи, не случайно, что-то надо в корне менять, что-то предпринимать, а новое — пронафталиненное и крепко забытое старое. Христос ясно и недвусмысленно учил, что не должно быть разводов, но нигде не сказал, что у мужчины должна быть одна жена, в их общине будет всё общее: и жены, и мужья, естественно, а то! половая связь должна быть разумно упорядочена, тем самым преодолеваются психофизиологические антиномии семейной жизни, с одной женщиной живет мужчина месяц, понятно почему месяц, дальше — замена, новый, энергичный партнер (партнерша), всем хорошо, большая, крепкая семья, ибо сказано авторитетно, что человек родовое существо. Никаких абортов, никаких грязных, гадких презервативов, еще эту мерзкую, гнусную пошлятину называют гондонами по имени изобретателя (Гондон, наверняка, двух мнений быть не может, француз, вся мерзость идет из Франции, с лукавого, растленного Запада), всяких там иных и изощренных хиро(*херо*?)мантий, прочих противных православной душе противозачаточных средств. Дети считаются общими, общая забота о потомстве. Сказано, хорошо сказано, плодитесь и размножайтесь. Смелое строительство семьи нового типа, есть, есть какая-то правда в их начинании, во всяком случае дети хорошо в этом колхозе родились, демографический взрыв, и все девки, нескончаемые девки, прекрасный пол. Они, блистательная, критически мыслящая, бунтующая против серости, пошлости молодежь, получили от недругов прозвище Губошлепов, узнаем пародийное изображение событий их жития в романе В. Кормера «Наследство», а ведь Володя если прямо не входил в их компанию, то уж бесспорно примыкал к ней, бывал на сборищах, роился с ними, пусть не на равных, соглядатай, материал собирал для великого романа, да разве так романы пишут. Ничего не понял Володя, не разобрался, ничего не увидел, главного не заметил, мистерий, агапы!

По существу, то был всё тот же хрустальный дворец, осмысляемый Достоевским, воля ко всемирному братству, та же идея, поиск идеала в евангельских временах, смелое движение вспять, золотой век всегда в далеком туманном, мутном прошлом, а почему это великолепное прошлое преодолено другой практикой, мы не задумываемся, недосуг. Известно и давно, что не существует единого для всех и каждого пути к Абсолюту, а потому верчение на пятке, экстаз дикого танца — одна из возможных тропинок: они рвались пробиться, прорваться к Богу, все это близко к наследию апофатической теологии, позднего, увядающего цветка тысячелетней византийской культуры. Осмелимся повторить, что они, преодолев и легко отбросив примитивный катехизис, не

вышли из жестких рамок православия и святоотеческой традиции, видели себя православными крепкого посола, всецело и целиком укорененными в лоне Церкви, в главном русле традиции, усердно держались постов, среду и пятницу — рыбный день (полезно! в рыбе есть фосфор, еще на морковку нажимали, тоже дюже пользительна), каждое воскресение, вымыв шею и еще кое-что еще и кое-что иное, о чем не говорят, чему не учат в школе, всей компанией, захватив многочисленных чад, торжественно, смотреть любо-дорого, направлялись в церковь, отстаивали литургию, чуть ли не каждое воскресение исповедовались и причащались. На исповедях, долго и старательно толкла воду о своих грехах, естественно, говорила в общих чертах. Лишь об отношениях с матерью доходила до конкретности — ничего с собой поделать не может, плакалась, слезы горячие лила, говорила, что не властна над чувствами, раздражается, увидев мать, спеет и начинает кипеть злоба высокой консистенции, не может выносить материнских причитаний, проповедей, срывается, обрушивает на мать потоки грязной ругани (еще Марина наладилась плакаться отцу Александру Меню, что частенько слышит непристойные, непотребные, гадкие слова, именно когда священник держит перед собою чашу со святыми дарами, произносит «Со страхом Божием приступите», надо подходить к чаше, а какой-то голос, голос женский, старческий, сзади, вполуха кудахчет, неразборчиво, затем явственно, громко, развязно, пошло, так, что она вздрагивает, оглядывается, мерзость слышит, и она вспоминает грех, постыдный, о котором, как на зло, забыла сказать священнику на исповеди). О том, что происходит в Березняках молчала, не потому что опасались напороться на темный обскурантизм духовенства, а как-то так, да и кто на исповеди говорит о своих добродетелях: они жили в Истине, утончали на агапках свои души, стяжали Утешителя, Духа Святаго, о котором так хорошо и вдохновенно говорил, если верить Мотовилову, Серафим Саровский. Всё это было в соответствии с традицией, никогда они не покушаясь на неограниченную власть традиции, на ее крепость, просто на несколько веков эта молодежь опередила свое историческое время, они сказали смелое слово, положили бродильные дрожжи в пресное тесто (действовали мощные силы притяжения, и к ним, как к божьим людям, праведникам, знающим тайну жизни, стремились ищущие, взыскующие, ездили на поклон и за правдой, подолгу останавливались, все, все интеллектуальные егозы, ловящие правду за хвост, как жар-птицу, стремились сюда, в Березняки, особенно рвались те, кто искал внутреннего света, жаждал преодолеть реальность как низшую сферу бытия, вся мистическая Россия побывала у них), сделали весну, вдохнули новую жизнь в современное христианство; то было блистательное торжество православной мысли, идеи Третьего Завета...

Но дьявол не дремлет, неугомонен, дико активен, сверхактивен, неуемен, дошл, ушл.

Ша!

Очень даже острое, интересное меню намечается.

10. Анне Ильиничне открывают глаза

Анна Ильинична вообще-то, примечайте, вовсе не была в курсе того, что такое Березняки, чем там дышат (никаких березовых рощ поблизости не было, возможно, когда-то и были, но так называлась их философская деревня; пейзаж суровый, северный, не поймет и не оценит гордый взор иноплеменный, это где-то за Загорском и у черта на куличиках, на автобусе из Загорска надо трястись, долго трястись), моталась туда — сюда, вела активный, здоровый образ жизни, всю пенсию сполна тратила на всякие там холодильники, стиральные машины, которые целеустремленно и настырно поставляла Марине, подбрасывала и всегда нелишних, невредных хрустов (надо же, говорят, что старики — бесполезный народ, вздор, вздор!), пенсия старых большевиков весьма полновесна и прилична, не обижали заслуженное, почетное старичье, баловали, позволяла пенсия подсластить жизнь ненаглядной девочке, пусть крошка живет по-человечески, а самой ей ничего не нужно: всё драгоценной дочери, внучкам. Вообще говоря, она оказалась в быту тяжелым человеком, сварлива, занудна, склонна к чрезмерной, болезненной чистоплотности, чего у дочери не было. Уже говорилось, что дочь она любила совершенно безумно, а это чувство, которое обычно называется любовью, далеко не всегда взаимно, современная изощренная постфрейдистская, постюнговская психология видит известную опасность в такого рода дарах и приношениях, если они с лихвой не возвращаются, если ничем вовремя не отдариваются, ведь эти дары есть не что иное, как некое энергетическое поле, агрессивно распространяемое на получателя Дара, дар хранит важную частицу души дарителя, его сакральной силы (*маны*), это не бескорыстное самоотречение, а грубый жест экспансии, распространение ауры далеко за пределы тела и личности. Всё так сложно.

Марина не просто была равнодушна к матери, а откровенно ненавидела (за глаза звала «мамашкой»; ведь «мадам революция» свалилась на нее нежданно-негаданно, когда та была вовсе взрослой, великолепно и без матери устраивалась, свалилась, как снег на голову), непрестанно и заковыристо дерзила; схватывало с полуоборота, никакого запаса терпения, дико раздражалась на каждую ее докуку, впадала в транс бешенства, *здесь тебе светить не будет* (мать, оробелая, жалкая устрица, обреченная на заклание, тихо, озадаченно, испуганно роняла: — *Как ты груба!* — вспоминаются невольно слова апостола Павла: «Любовь дол-

готерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине»); она не знала, как отвадить мать, отбить охоту от крутых набегов на Березняки, *да не нужны мне твои холодильники, оставь меня в покое, покоя прошу! чего ты здесь всё время проповедуешь! хватит нотаций, не учи меня жить, сама всё знаю!* — разрешала появляться лишь раз в неделю, вечером в пятницу, милое дело, помой посуду, накопившуюся за неделю, поучаствуй в купанье детей, а в субботу после обеда — наше вам с кисточкой, катись восвояси (не рассказывать же матери, что в Воскресение всей семьей, большой, они собираются в Троице-Сергиевскую Лавру, исповедь, Божественная литургия, *Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов, Со страхом Божиим и верою приступите! Благославен Грядый во Имя Господне, Бог Господь и явися нам, Тело Христово приимите, Источника бессмертного вкусите,* причастие).

Как-то Анна Ильинична заскочила к нам, какое-то лекарство срочно требовалось, вынь да положь, она была необыкновенно мнительной (как же с такой невероятной сверхмнительностью она в лагере существовала?), ей всё время казалось, что напасти так и прут на нее толпой, до чрезвычайности увлекалась лекарствами, педантично и непрестанно лечилась, любила лечебные процедуры, дорвалась, по докторам шлендала, благо была прикреплена к классной, ведомственной поликлинике, пропускали ее за заслуги вне очереди, никто профессионально не хватал за рукав: «вас здесь не стояло»; словом, в этот раз что-то у нее разболелось, одновременно насморк прошиб, расчихалась, температура вообще-то нормальная, какого-то лекарства не оказалось (катастрофа!) в привилегированной аптеке, где она прикреплена, одно к одному, как на грех, вообще-то аптека хорошая, на редкость, в данный момент не оказалось, и она заскочила на нашу *Кухню*, а нас тут словно черт дернул за язык (угораздило!), неловко рассказывать, однако придется сознаться, что именно в тот раз, именно на нашей интеллигентной *Кухне*, именно мы открыли глаза Анне Ильиничне на то, что происходит в срамных и печальных Березняках, для пущей убедительности плеснули желчи, постарались, прокололи пелену ее слеповатых, восторженных глаз... Да мы вовсе не подозревали, упаси боже, что наша просветительная кляуза таит в себе роковые, страшные последствия, а Анна Ильинична была не такой, чтобы пропускать гадости мимо ушей, имеющий уши да слышит, уразумела, взбеленилась, именно наши подстрекательства подвигли ее на решительные действия. Мы натравили, просветили, науськали: фас! — да всё по глупости, к слову пришлось, бес попутал. Виноваты, вывалили ей горькие истины и много лишнего, объяснили, что не одна высокая, чистая и заоблачная философия царит в философской обители, где уединились и отшельничали оголтелые умники, а

кое-что еще, ищущая юность ударилась в религию, там, в Березняках, свило гнездо новое ревностное русское православие, истинные филадельфийцы завелись и развелись, в подвигах аскезы просияли, торжество мистики, агрессивно чадят, озорно волну гонят, пытаются нас, взрослых, видавших виды и знающих жизнь, обратить в свою веру, зла на них не хватает, за их идеологией мы прозрели умопомрачительные уродства и срамные художества...

Имели на это право, не досужие сомнительные, непроверенные сплетни, а как в аптеке; дело в том, что юные теологи и юные философы взяли такую моду: из распрекрасных философских Березняков делали агрессивные набеги на нашу *Кухню*, балду гнали, проповедовали, проговаривались, хвастались большой философской семьей, не знающей разводов, учили жить, развязно вещали, а в нас поднимался консервативней мятеж, распирал, бурлил, а они всё дальше, всё настырнее бахвалились, разводили откровенную хлестаковщину, всё о Третьем Завете, об эпохе Духа Святаго, Господа животворного. Желая хорошенько, густо насолить младой зарвавшейся поросли и решили мы использовать Анну Ильиничну в качестве тарана, вывалили ей всё, что знали и о чем догадывались. И она сразу клюнула на навет: муха укусила, ядовитая, душа ее взъерошилась дикобразом, бедняга взвилась ракетой, взовьешься, такое прослышав, исполнилась праведного гнева и стала на тропу войны: уличать, разоблачать, выводить на чистую воду, рванулась, руша установленное расписание, вся, как в чаду, как подхваченная вихрем, с сумасшествинкой в сверкающих адамантах (какая там апатия!), вперед в Березняки! пресечь безобразия! пресечь Таврионов! с корнем вырвать зло, кто-то словит! кто-то огребет! (терпение лопнуло, не попадайтесь под горячую руку, о каком терпении может быть речь, тут принцип, волевая установка на скандал) кому-то врежут!

Акт третий. Дочь Марина

1. Катастрофа

А свихнувшиеся философы не ждали вовсе, что принесет ее нелегкая, что безумная старуха бесшумно нагрянет, ворвется неистовом смерчем, застанет праведников врасплох за молитвой, псалмопением; они не удосужились даже крючок набросить, подстраховаться, не остереглись, объективная, черная, художественная (еще говорят — символическая) игра случая, оплошность, халатность, всё, как нарочно, как на зло, лукавый подстроил, о полезном крючке вовсе забыли: вечеря, сверхъестественное божественное установление, медитации, пир сердца, молитвенное созерцание перерастает в свежий готический порыв к Абсолюту и Первосущности, полное и простодушное забвение себя,

расцветает, цветет агапа во всю и махровым, пышным цветом, порыв восторга, экстаз феноменального дикого танца, если это действо допустимо назвать танцем, вообще-то это было безудержное верчение на пятке правой ноги, хлыстовский проверенный, точный прием, хоровое, свальное спасение, слияние и единение с беспредельным, абсолютным и вечным Началом...

Они разгорячены, серьезнейший, ответственнейший момент. Пунктир, суть (разумеется, это наша реконструкция, но что-то такое было, раз тайна, значит, есть что скрывать!): во всю ухают, бухают юные сердца, кульминация мистического оргазма, всё в соответствии с ритуальной литургической формулой, намечается церемониальная смена партнерш, девочки в буквальном и точном смысле слова идут по рукам, сложный номер, требующий дьявольской ловкости, с первого раза у вас не получится, тренаж, навык нужен, проворство, притом поразительное проворство, и сверхъестественная энергия, секрет этого акробатического действа, изловчения, видимо, ныне утерян или представляет великую тайну; постороннему, не участвующему в мистерии, профану, не положено лицезреть священное безумие, глазеть, разинув профанную пасть, на таинство, символизирующее и воплощающее великую гармонию, музыку сфер, раскрытую, разжеванную еще божественным Платоном, таинство из таинств, гимн жизни, сверхобедня — сие очевидно и без комментариев...

А Анна Ильинична была оголтело, исчерпывающе и как стеклышко безрелигиозна, как подавляющее большинство ее сверстников (таково все поколение, даже несколько поколений, *И долго, долго о Тебе / Ни слуха не было, ни духа*), требуется сильнее, определеннее сказать нечто о еврейском безумии: она инстинктивно, глубоко, чистосердечно и искренне гнушалась православия, была одержимым безбожником в духе небезызвестного Емельяна Ярославского, безжалостно, с неистовой сатанинской злобой штурмующим тусклое, затхлое православное Небо: Бога нет, элементарный, медицинский, надменный факт.

Она глянула в ужасе, как на последнее позорище, не просекла соли метафоры, сути напряженного, сосредоточенного, интенсивного религиозного действа, уникальности ярчайшего, волнующего момента, включая табуированную сакраментальную сердцевину интима, глубокого, всеохватывающего пробуждения, преображения, полноты, плеромы, мистерия уносит вас в высь Неба, просиявшая тварь, необузданная аллилуйя. Ее телесные, объективные, профанные глаза видели диковинную, гадкую, пошлейшую, экспрессивно-дионисийскую, сюрреалистическую (нынче мы бы определили как концептуалистскую) картинку, непристойный кордебалет, противоречащую внутренним нравственным ориентирам и координатам, царапающую глубинный, интимный пласт души, оскорбляющую, шокирующую непосредственное нравственное чувство...

Видим (опять-таки — реконструкция): мальчики, они совсем еще юные, зеленые, в белых мелькающих рубашках, ниже в натуральном, голом виде вертятся отчаянно, эксцентрично, офонарело на пятках, если точнее — на пятке правой ноги, держат вовсе, как в раю, голеньких, ну совсем нагих, девочек, подхватив предприимчиво, целеустремленно под растопыренные ножки, интересная поддержка, подробности мы опускаем, глаза тупим долу, словом, попросту эти невинные деточки честно, откровенно, самозабвенно совокупляются; фи — групповой секс, притом чистейшей воды, вакханалия, непристойные позы, корчи, гримасы, пляска, кручение, верчение, черт ли что выделывается, вертятся, как бесноватые, безобразия выкаблучивают, под музыку, сочетая с ритмичным, правильным дыханием, усиленным, напоминающие оккультные упражнения и оккультную гимнастику, смелый отрыв от вульгарной повседневности, экстатический выход в астрал (не будем опошлять, утверждать, что вся деликатная, интимная жизнь дерзкой философской коммуны проходила вот так, на виду, нет и нет, все не так просто: такое, выход в астрал, лишь в полнолуние, значит, арифметика, считайте сами, сколько раз в году).

Хотя психика Анны Ильиничны была достаточно натренирована лагерем, насмотрелась на всякие безобразия, на гнусных коблов, чего только ни увидишь в за бесконечные 17 лет, бездонная вечность, но тут все существо ее возмущено, протестовало, негодовало, в зобу дыхание сперло, такое, такое! нет слов! бешеное, эксцентричное верчение мужской особи на пятке, так что в глазах рябит, дух заходит, голова кружится, всё по часовой стрелке, пик мистического переживания, бьет через край, фонтанирует сумасшедший восторг!..

Возможно, с религиозно-мистической точки зрения мы имеем дело с трагическим недоразумением: на это действо ни в коем случае нельзя смотреть непосвященному, тем паче не положено Анне Ильиничне видеть великую мистерию, видеть темными, профанным, телесными глазами. Рабство глаза у жесткой философско-конструктивистской концепции — страшная вещь! А потому она не просекла высокого смысла акробатической мистики, не могла просечь ее глубинной, огненной сущности, ничего не поняла: загрязнено внутреннее око; не приняла, всё отвергла, ощутила лишь физиологическое омерзение. Влетела (само благородное негодование в чистом виде, взъерошенные седые волосы ведьмы: явление!), и — ударила в колокол! стой, полиция нравов! а ее взмыленный зять, интеллигентный юноша, математик (позже мы узнали, что очень талантливый), остолбенел от ужаса, перед ним аспидная безумная теща, старая карга, зуда, каких свет не видывал, посекатель зла, свирепая старуха громко лязгает зубами, на паркете в восемь пар мухи танцевали и, увидев паука, в обморок упали. У нервного, меланхоличного, немного малахольного юноши в глазах потемнело, руки

безвольно сами собой разжались, сплоховал и одурел от жуткого страха и неожиданности, опростоволосился, лопухнулся, малодушно опустил руки (тюха, бестолочь, мудило грешный!), вытянулся весь, стоит по стойке смирно — эдакий паинька; а Марина, следите, представляете картину, в этот момент в его руках была она, и вот — ухнула нескладно и глупо голой задницей на пол; муж взвыл благим матом, крик животный, душераздирающий, открытый, врач потом зафиксировал *вывих члена* (факт, было, было! на этой записи врача держится вся реконструкция событий), подгулял, не удержал (в этом радикальное отличие витальной мощи Луки Мудищева, который, как сообщают устное, былинное, достоверное, есть у Пушкина, предание, *Еще при Грозном службу нес, / И, поднимая х.ем гири, / Смешил царя порой до слез*) вдохновенный, надменный оратор, дьявольский орган, прометеевски-мятежный, революционный, не выдержал тяжести Марины: баба, скажем, хряпнулась знатно, копчик могла запросто сломать, калекой стать, расслабленной, обошлось, видать, умела падать, а может, ангелы подхватили ее, кормчую богородицу, понесли на руках, чудо, коли так (Пс 90, 11-12).

Несчастный, больше других пострадавший муж валялся две недели полунемым, мычащим пластом, скрученным в три погибели, скособочен, маялся, выл, порой разражался приступами истерического хохота, неладное стряслось, везет, как утопленнику, встать на ноги не мог, сваливала боль, резь рвущая, невыносимая. А ведь человеку требуется и по нужде лётать, так мир устроен, всё живое лётает; «больничный» нужен, в школе работает, просили и умоляли врача написать в больничном листе что-нибудь другое, приличное, а не это самое, *вывих*, оскоплен любимой женой. Да причем тут жена, во всем виновата теща, человечество со времен потопа считает тещу виновницей всех бед, вечный конфликт зятя и тещи, в первобытном мире предусмотрительно не допускались встречи зятя и тещи, табу, даже в след тещи зять не имел право вступать, а с приходом цивилизации, частной собственности, как уверяет Энгельс, на исторической арене является теща, абсолютное зло, а из этого неумолимо следует, что при коммунизме тещи не будет, милый анекдот, зять выбрасывает тещу с балкона, мама, куда вы? Врач, упрямое полено, педант, уперся, отказался, а как такой больничный принесешь в школу? если эта бодяга получит огласку и станет известна низинному, профанному мирку Березняков (какой позор! в немудреных Березняках, тьфу, темная провинция, сроду о таком не слыхивали), поползут гадкие слухи, хорошую культуру принесли в народ юные светочи, есть сельскому люду чему поучиться у Москвы.

Догадываетесь, представляете? православная Марина поднялась с пола, стоит голой, вызверилась на родную мать, заверещала гундосым, голосящим дурным порося, который, о, подлец! о, прозрение! не опираясь на книжную премудрость, предузнал намерения хозяина, готов

биться об заклад, что его интуиция безошибочна относительно судьбоносности момента, что его собираются резать, и никак ему не втолкуешь, что предназначение поросенка в том и состоит, чтобы пойти на отбивные котлеты; взрыв бомбы. Марина превратилась в сущую волчицу ада, тот еще изверг, Люцифер сорвался с цепи, семейное, наследственное, вся в мать, бойцовый темперамент, воительница, украсила нутряной, отвратительный, искренний крик дурными, хульными, грязными, отборными и предпоследними словами, брызгала слюной, изрыгала экспрессивную брань, а смысл всего сводился к одному: не твое, мамаша, дело! подавись, падаль, своей позорной, большевистской пенсией, не нуждаемся в твоей помощи! в удивительных, голубых глазах Марины плясало зеленое, русалочье пламя: она выгнала мать из философских Березняков, хлестнула пронзительным по самые плечи хлыстом истерики, вошь ты тифозная, язва сибирская, ***акт третий!*** вали отсюда! вон! Чтобы духа твоего здесь не было!

Ой-ай! Так с матерью на Святой Руси не разговаривают, даже когда ты с этого самого, надменного сорвалась: заповедь требует чтить (Ис. 19, 12) отца и мать, не гнать взашей не потому, что они замечательные, а просто, хоть ты тресни, *почитать*; впрочем — на Руси всё бывает и было; *бывает и пьяный блевает,* здоровая реакция организма на его отравление. А то! Частенько мы громко несдержанны на язык, раздражительны, несем сгоряча черт знает, бывает, с кем не бывает.

Вникаем, вдумываемся, опять проклятия, дочь проклинает мать, семейка, опять гены! Хоть ты тресни, ничем другим не объяснишь. И вот — роковое продолжение дурной, черной драмы. Слово дочери на этот раз, как страшный меч, пронзило душу безумной, несчастной матери, как ни странно, насморк разом прошел, как рукой сняло, и хитрых лекарств не надо, она не замечает, что перестала шмыгать носом, она, сокрушенная сердцем, выскочила, как ошпаренная, в безнадежно стрессовом состоянии покатилась колбаской вон. Занималась тьма, той неприятной осенью очень обижались на непогоду, бабьего лета вовсе не было, а в этот бесславный вечер погода выдалась на редкость неприглядно и безнадежно паскудная, самая что ни на есть гнусная, ветер выл, старался, саднил, подхлестывал и метался, беспросветно, тоталитарно, пьяно, того гляди начнется подлый, жуткий дождина; ближе к автобусу бодрого стрекача дала наша Анна Ильинична, всё бегом да на больных, ватных ногах, чешет, их не чувствуя, несется, как молодая, гнала себя, на хороший аллюр перешла, Москва—Воронеж, скорость развила, как если бы не бесконечно обожаемая дочь, свет ее глаз, а она сама сорвалась с этого самого, надменного, вывихнутого, в котором, как известно, есть кость, сорвешься, покатишься, полетишь еще как, когда только что видела мистерию, мерзкую, отвратительную, жуткую, когда тебя отфутболят злобно и за дело, впечатление глубокое, надо думать,

в ушах гремят проклятия Марины, ватные ноги истово будут сверкать, летящий галоп, чуть автобусную остановку не пролетела, заблудилась, кругаля лишнего дала; автобус, дальше электричка, вот и Москва, почему-то сначала она рванулась не к себе, не в престижную, распрекрасную двухкомнатную квартиру, что на улице Чкалова, славное местожительство (по стандартам того времени), тепло, светло и мухи не кусают, а к нам, на *Кухню*, стремилась и неостуженной примчалась, впрочем, всё понятно, надо высказаться, требуется. Мы проявили слепоту, оказались не на высоте, хотя видели, что несчастной плохо, она в прострации, в сомнамбулическом самозабвении, она уже десятый раз подряд сбивается, рассказывает одно и то же, повторяет, как заклинание, описывает во всех красках то, чему оказалась невольной свидетельницей...

(ее рассказ дышал достоверностью — еще одно основание для реконструкции астралов, имевших место в Березняках, согласитесь, трудно допустить, что бешеное кружение на пятке причудилось, во сне приснилось безумной старухе или то была просто-напросто художественная гипербола, содержащая злобную клевету на любимую дочь, впавшую ненароком в ненавистное православие; единственное, что нас весьма сильно смущало и делало нарисованную картину недостаточно справедливой, так это ее явная тенденциозность — соль в том, что всё это смахивало на тривиальные, стандартные, стереотипные обвинения, которыми ортодоксальное сознание награждает большинство религиозных сект, инкриминируя им половую распущенность, половые извращения и всякие чудовищные изуверства.)

... говорит, говорит, как заведенная, заговаривается, заикаться начала, зациклилась на одном и том же, остановившийся взгляд, словно кость в глазу, тяжелый случай; ушла от нас, мы облегченно, свободно вздохнули, тяжело иметь дело с душевно больной, успеет ли на последнее метро? Успела.

Она у себя. Мечется беспорядочно, бестолково, неуемно по комнате, туда-сюда, как зверь в клетке, места не находила, душа раздавлена ужасом, боль души, неугосимая, страшная боль, поджимает, нарастает, всё выше, выше, разходится, терзает, как тигр, куда себя деть от боли? состояние беспамятства и умоиступления, глотает поспешно, машинально, жадно несколько бесполезных таблеток пургена, затем без тягомотины (тягомотина характерна для печального шекспировского Гамлета: задержки сценического действия — художественный прием), очень торопится, бесхитростно, машинально намыливает шнурок, надежный лаз в смерть, желанную, позыв к полной гибели всерьез, полнота воодушевления, накинула петлю на шею, где гвоздь, куда подевался, родимый и милый, а добрый, правильный, верный костыль готов, давно терпеливо ждет ее. Вспорхнула, как молодая, легче птички,

на табуретку, раз! отпихнула ее капризно, злобно, решительно, зловещая простота, сколько можоху силенок (до двух никто не считает в такие минуты, считать до двух — это уже *мудрость*!), дернулась, судорожно дернулась еще и еще раз, навсегда затихла, готово, давно пора, чем раньше, тем лучше. Анна Ильинична нашла в старательно намыленной петле последнюю участь. Оставила скоропостижную записку, читаешь, сердце разрывается, отчаянный крик подбитой чайки: «Прости Мариночка, люблю, нет больше сил».

2. Проводы

Была и не малая наша вина в том, что этой выдающейся женщины нет в живых, мы, мы пронзили сердце наивной и простодушной Анны Ильиничне, доняли, сердце заныло, заболело, повело, увы, всё получилось с нашей безответственной натырки, с нашей подачи, виноваты-то мы виноваты, обличаемы совестью, но слишком долго обижаться на самих себя не очень у нас получилось, не наша стихия, да и вообще так устроена психика, удачно устроена. Бубер писал о «греховности самоистязания», увлечение самоистязанием ведет к унынию, а уныние — явный грех, Бонэр с гордостью сообщает, что Андрей Сахаров, счастливый характер, не бичевал себя за то, что создал преступное оружие для преступного режима под руководством преступника Берия, зачем заниматься самоистязанием, не лучше что-то сделать полезное, возглавить *правозащитное* движение, подкрепить это движение авторитетом великого ученого? Поэтому мы подзабыли о своей вине, полностью переключились на обвинения Марины; дело в том, такая катавасия, о смерти Анны Ильиничны наши вегетарианцы-постники, праведники, святоши, угодники узнали не сразу, а чуть ли не через месяц — оказалось, странно, никто им не соизволил сообщить; соседи вообще не знали, есть ли у нее родственники (так живем!), взломали дверь: смрад густой шел, нос зажимай, неромантическая картина открылась им, висит женщина, ноги до пола достают, так шея оттянулась под весом тела, язык вывалился, огромный, как у отменной коровы, черный юмор, на плече язык лежит, открытый рот забит наглыми опарышами, шныряют гады, копошатся, жуть сколько, туда-сюда, на такой жирный, кондиционный опарыш хорошо карась берет, сразу поплавок кладет, лови мгновение, хотя вообще-то карась прихотлив, непредсказуем, порою лучше использовать манку; сколько этих противных опарышей! тьма, бездна; драма шекспирова, король на завтраке, не он завтракает, а им завтракают! Гениально, круговорот материи в природе, цикл...

Хоронили старую и заслуженную революционерку в закрытом гробу, на похороны никто из родных не пришел (если бы и знали, не пришли: муж Марины тяжко болел, не мог, у Марины характер, искренно про-

кляла мать чужой совсем мать для нее стала, не подумала бы являться, может, да и совестно было на глаза людям показываться).

Нежданно *Кухне* пришлось изумиться: оказалось, что Анна Ильинична не просто персональный пенсионер 1-й категории и старейший член партии, а имеет особые заслуги, словом, крупная фигура и знаменитость! Хоронили ее по высшему разряду, *с чувством глубокой скорби*, траурная музыка, почетные караулы, урну торжественно везли на лафете пушки, замуровали в кремлевской стене, отданы — вот что удивительно! — истинно воинские почести...

Тут придется сделать пояснение: случай, совпадение, то, что в физике зовется резонансом (Перельмана читайте — *Занимательная физика),* одновременность колебаний, от которой мосты запросто и то и дело рушатся. Долгое время причину победы революции и большевизма объясняли мистически (мистика, сгущающаяся и волнующая, тайна тайн, *в белом венчике из роз впереди Иисус Христос* — с большевиками Бог, Бог истории — *Краткий курс*, учили, сдавали, помним, *революция победила потому что она не могла не победить*!). После XX съезда пошла, поехала дрянь и чепуха полная, подкашивающая невнятица, неразбериха, чуть приоткрылись архивы, разворошили прошлое, перед нами махина новых, неосмысленных фактов, некоторые исследователи делают попытку трезво, честно взглянуть на события и передряги революционной эпохи с иной стороны, успехи большевиков в гражданской войне связывают (что естественно) с использованием военных спецов, имя Троцкого еще одиозно, отвержено, а *товарищ Анна* реабилитирована полностью («за отсутствием в действиях, приписываемых обвиняемой, состава преступления»), вырвана из забвения, магическое имя, не звук пустой, эта почти демоническая фигура гражданской войны — вспомнили ее титанические усилия по строительству Красной Армии, оказывается, это она являлась застрельщицей и неутомимой закоперщицей и, вопреки козням военной оппозиции, поддерживаемой, вдохновляемой Сталиным (*Военную оппозицию оппозицией не считать!*), пробила гигантской смелости идею (риск был, доктринерские опасения военной оппозиции не были лишены основания, перенапряженная динамическая спираль склонна к непонятностям и фокусам, но кто не рискует, тот не выигрывает) — привлечь к делу военных спецов. Более 60% командиров Красной Армии были (потрясающие цифры, переворачивающие наши представления о прошлом) бывшими царскими офицерами, и это, только это (так стали считать в начале 60-х годов, новый, кукишистский, дерзкий, современный, научный, сильнее скажем, сверхнаучный ответ на вопрос, почему большевики выиграли гражданскую войну, в чем тайна их успеха? ответ получен с помощью ЭВМ, Урал-4, каждая эпоха дает свой резон на подобные закавыки, увы!) определило успех, победу на фронтах гражданской войны (истина — это успех); именно это дало возможность преодолеть русский бунт, бессмыслен-

ный и беспощадный, околесицу, подавить злые крестьянские восстания.

Итак, она герой, великая женщина, умудрившаяся, пройдя через все фантастические превратности, сохранить чистое сердце и идеалы молодости, легенда, неразгаданный символ, посмертная слава (дым?), сияние славы, фанфары трубят — хоть пиши оптимистическую трагедию! Старые большевики, вся ленинская гвардия, тени отгремевшей эпохи, восторженно пожирают глазами ее портрет в траурной раме, подходят по очереди, ничтоже сумняшеся прикладываются к нему, как к чудотворной иконе, надрывно и с неизбывным староверческим упрямством зацеловывают.

Вот так-то, триумф, посмертным признанием закончилась цветистая биография Анны Ильиничны. Лучше поздно, чем никогда!

А вот вы отгрохайте 17 лет (на параше не просидишь), а потом и иронизируйте:

— Анна Ильинична, а вы сидели в БУРе?

3. Крах Березняков

Наконец, ничего не зная и не ведая о самоубийстве, о фанфарах и посмертной славе Анны Ильиничны, заявилась в Москву из своих Березняков наша непредсказуемая Губошлепия (очередной набег на *Кухню*), и это пришлось как раз на сороковины. Ахнули мазурики (не ждали такого подарочка, гром среди ясного неба), однако быстро оправились, молодые были, сил избыток, подл, подл, человек, сказал бы Достоевский.

Муж Марины, эдакая жалкая раскоряка на костылях, пагубные предосудительные последствия, жертва необычайного вывиха, со страшненькой, скучной, деревянной улыбочкой сообщал всем и каждому громким дружески-доверительным, сугубо конфиденциальным шепотом сообщал гадости, наговаривал встречному и поперечному три короба на Анну Ильиничну — страшный характер у тещи, если говорить по правде, невыносимый, ее, конечно, по-человечески бесконечно жаль, ее можно понять, надо понять и простить, простим, простим ее за всё, — пускал подобающую и приличествующую случаю слезу. После слезы начинались рассуждения, с другой, соперничающей стороны, — вы, конечно понимаете, что это клинический случай, типичный, хорошо известный по научной литературе, обстоятельно объяснен, разжеван Фрейдом, характерные симптомы налицо, легко просчитываются и описаны у Ясперса; затем осторожно упоминается о семейном проклятии, пущенном еще во времена Александра III, миротворца, неистовой местечковой бабкой, давящем на психику (вот только когда *Кухня* узнала

о проклятии, узнать-то узнали, но большего значения не придали), объясняется, что ничего странного, загадочного в случившемся нет, вы же умные люди, сами понимаете, всё на ладошке: шизофрения, мы имеем дело с профессиональной самоубийцей! Точно, как у достопамятной Цветаевой («Послушайте! Еще меня любите / За то, что я умру) — взбалмошная, аномальная любовь к дочери, черная патология, синдром Цветаевой, неуживчивость, невыносимая сварливость, вздорность, ела их поедом, покойная теща непрерывно раздувала из мухи громадного слона, прямо мамонта, каких в природе не бывает (— Я смерть зову! Страшная катастрофа, у меня пропали очки! — Да вот они, Анна Ильинична!), склочность, стервозность, склонность к самоуправству, ревность, дрянцо с пыльцой, диктаторские замашки, «в комиссарах дух самодержавья», она тиранствовала непрестанно, непрерывно, заедала чужой век, учила, как жить, взяла такую привычку, лезла куда не надо, «комиссар дьявола», загораживала свет солнца, мешала идти по выбранной дороге, патологическая ненависть к русской Православной церкви, не теща, а сущий изверг, та еще гнида, мешала людям честно жить, честно делать свое дело; дальше говорились о теще-удавленице уже откровенные и несусветные гадости, умственная ущербность, даже слабоумие, да, да, слабоумие, загадочная шизофрения сочеталась с тяжелым запором, выпячивались одни факты, замалчивались другие, установка на гибкую, хитрую мистификацию и продувной психоанализ, тот же припев, следует быть честными и справедливыми, не надо обманывать самих себя, она была безнадежна и неизлечимо больна, одно к одному, деструктивный, революционный пафос саморазрушения, пафос жертвы, вы, разумеется, понимали, что Анна Ильинична не могла не кончить, как кончила, это столь естественно, никуда не денешься, не этим, так тем или иным изобретательным фортелем. Словом, жизнь, пусть она и подлянка, продолжается, едем дальше! мы вас ждем на блины с красной икрой, всё, как у людей, без модных новшеств, вкусен блин на поминках, за уши не оторвешь, пальчики оближешь, под водочку отлично идет, угощение на широкую руку, уплетай икру, сколько твоей душеньке угодно. Русские поминки, тризна — можно ли отказаться, когда так радушно приглашают, на таких поминках, если вы русский, невозможно, уж поверьте, искренне и окончательно не упиться, как последняя грязная, подлая свинья...

Дальнейшее нетрудно вычислить, предсказать, хорош спектакль со скандальчиком получился, безобразный постмодернизм вынырнул из-за угла, прощай радения, идеи, прощай община, долой матриархат, трам-бам-бам твою мать! долой, трам-бам-бам твою мать, перемать, гнет, иго, тиранию Марины! изустная апокрифическая, подмигивающая молва куковала и ликовала (еще и еще раз припомним Достоевского, знатока подполья, знатока беспросветно подлого человеческого сердца: *Ничто*

нас так не радует, как падение праведника и позор его). Радуйся вражья рать, Березняки изжиты, свернуты, свергнуты, и если навсегда, то навсегда прощайте, рухнула, как карточный домик, большая, славная семья, союз нерушимый, в тартар провалился целый мир, кончились так печально глубокие, благотекущие религиозно-философские искания замечательной молодежи и их смелые, пионерские дерзания, черная кошка между ними проскочила. Водевильный разворот событий — всем тошно, агапа накрылась кое-чем, как говорят в лагере, хорошо говорят, разом всё превратилось в гадюшник, и они на какое-то время рванули, разбежались без оглядки все в разные и противоположные стороны, возненавидели друг друга наши божьи люди, праведники, их жены давно испытывали друг к другу тайное недоброжелательство.

4. Голубчик Паша

Марина пытается возобновить на новой основе (уже в рамках моногамии) игры с мужем, неудачно всё пошло, разладилось, через пень-колоду, *трудится карась, с гигантскими усилиями на щуку взгромоздясь* (со школьных лет всем известный текст, запоминающийся, а какая рифма! карась — взгромоздясь!), сексуальное расстройство, пусть и временное, давало о себе знать, язвило, удручало, безумно трудно было подстроиться к костыльно сиволапому инвалиду, бедная женщина терялась в догадках, как ей исхитриться, подладиться, как принять вид, удобный для логарифмирования; вывих, саднило, как-то они устраивались, функционировали, приспособлялись, получилось, не ветром же надуло. Вновь Марина сделалась стельной, минуло всего семь месяцев, на свет появился ребенок, на сей раз мальчик, стало четыре дочери и сынок, припоздневшийся.

Вообще-то, помнится, мы его впервые увидели, когда ему было так годика три. Слюни, сопли текут, и какие сопли, уйма-уймище соплей, с гноем, неприятные, противные, гной, гной, язык весь выворотил изо рта, непослушный, бесформенный язык, во рту поместиться не может, жуткий, синий, как у собаки породы чао-чао, тошнит вас, когда вы видите эти гнойные сопли, этот непомерный синий язык, каких не бывает и не должно быть у белого человека, болезненный дегенеративный недоносок, как в сказке Ершова, «младший вовсе был дурак», длиннющая, как у жирафа, худая шея, на ней несоизмеримо большая, тяжелая голова, головастик, шея худа и не держит голову, лицо заметно дегенеративное, в глазах пустота да вода болотная, крошечный пацан, от горшка два вершка, кожа да кости, кости здорово просвечивают, хилый, вялый, отрешенный ребенок, всё это усугубляется бесконечными болезнями, того гляди в ящик сыграет и станет олухом Царя Небесного, то и дело уходил в себя, в свою скорлупу, корпускулу,

заторможен, защемлен, смотрит на вас пустым, тупым, испуганно-бессмысленным, растерянным, лживоживотным (да у собаки более выразительные глаза), дебильным мутно-васильковым взглядом, за что такое наказание родителям, несправедливо, только что появившийся на свет ребенок уже неполноценен (как за что? за дело! и в творении есть иерархия), поскребыш, неприглядный, неприятно влажные ладошки, ублюдочный слизняк и заморыш во всех отношениях, над ним тряслись, не говори, одни болезни, хоть криком кричи, чем только он ни болел: дифтерит, скарлатина, тиф, корь, свинка, опять свинка, да так не бывает, ангины то и дело, даже туберкулез нашли, тощий, как макаронина, глиста в глубоком обмороке, кожа да кости, кости голубоватыми пятнами просвечивали сквозь кожу, словно кровь была голубой, как кровь осьминога, как глаза, все говорили, не жилец на белом свете, родители тревожились и надышаться на него не могли, называли нежно: *Голубчик* (возможно, где-то в глубине души родители и желали его смерти, во всяком случае, мы допускали такие чувства и не осудили бы их). Он не только отставал в умственным развитии, а, уже говорилось, был прямо и явно слабоумным, ни бум-бум, были серьезные опасения, что так и не преодолеет дегенеративности, гугнивости, так толком не научится говорить, нечленораздельно мычит, быдло бессловесное, сплошные дыл бур щул, капризно гукает, сопит, усиленно и постоянно сосет то язык, непомерный, то тряпку, то угол одеяла (предрасположенность к автоэротизму?), причмокивает, то начинает языком щелкать, затейливо, как птица, невосполнимо обделен природой. Вы смотрите на мальчика и невольно начинаете думать об агапках, да, да, всё это очень возможно было последствием пагубного унизительного отцовского недуга, немощи, попросту, жертва обидного, курьезного, неприличного, злосчастного вывиха родителя, такое каверзное, диковинное приключение даром не проходит, годы нужны воздержания для полного выздоровления (православные, лучше подальше от этих неистовых радений, свального греха, пестроты, излишеств, моды, новшеств, соблазнительных агап, прочь от неистового верчения на пятке с обожаемой женщиной на руках, прочь от несусветной мистики, вхождения в клетку ко льву и мистических объятий с Богом). А может быть, просто обычный плод позднего, квелого, вялого чадородия родителей, усталое от родов чрево исторгло непотребство, кому-то смех и злая сплетня, а родителям дефективного мальчика никак не позавидуешь: явно дегенеративный недоносок, родился на седьмом месяце, величиной со столовую ложку, не больше, что-то не то, неблагополучный, больной ребенок, по отношению к такому экземпляру вы начинаете совершенно невольно испытывать чувство брезгливости, позора, хочется отвернуться, на него не смотреть, уйти, не видеть, как он трогательно держится за юбку матери, убогий дичок. Ладно, страшная худоба, ладно, слабая длиннющая шея — слабо

выражены признаки пола, мошонка, как у мышонка, как у комара, должна же у мальчика быть мошонка, а то! всякая мужская особь имеет прежде всего мошонку (муде-колеса) — закон, аксиома биологии. А тут лупа нужна, чтобы разглядеть; в детский сад, позор на весь мир, не отдашь с такой комариной, неуловимой мошонкой, да его и не собирались отдавать, не говорит, мычит, сплошное му-му, капризничает, повышенная, прямо гипертрофическая чувствительность к боли, укол иглы не выносит, извивается, не удержишь, на стенку лезет, ор невероятный, верещит, поросенка режут.

Семья шибко православная, естественно мальчика крестили, как положено, еще грудным принял и уестествил млеко Святого Крещения, крестным был выбран замечательный, бывалый дядя — Феликс Карелин, бывший лагерник, имел четвертную, с людьми ел, широко известный в шестидесятые годы в религиозных кругах, задающий тон, тонкий, обалденный, фантастический прорицатель, глаза — масленые маслины, озорные, остроглаз, прямо в душу вам зырит, словно правильную петлю закидывает, притягивает, примагничивает, исхитряется читать изнанку души, целитель и врачеватель душевных ран, женской истерии, ловец человеков, имеющий особую потенцию толковать Апокалипсис, вообще с ярко выраженными пророчески-медиумическими данными, видевший звезду (о нем, правда, нехорошо говорили Кузьма, Шмаин, Федоров, подло распускали темные, порочащие апокрифы, злобствовали, обвиняли и в воинственной пошлости, и в черной азефовщине, но всё, что они говорили, не точно, а сейчас уже и невозможно проверить, а потому беспочвенно, думается, из зависти, сколько гадостей из зависти мы делаем). Не только душевных ран был целитель крестный, энергично организовал соборование больного ребенка, и после соборования у малыша обнаружились более-менее заметные сдвиги в физическом развитии, обнаружились первичные признаки, мошонка и т.д., может, и не слишком казистые по современным европейским стандартам, но кое-что. А главное — появилась надежда, подсуетились родители, какое-то лекарство достали, заграничное, страшно дорогое, американское, одним из ингредиентов которого являлись гормоны самца орангутанга, уколы, еще уколы, Паша от уколов орал, как резаный.

Не поверите, можно пуститься в пляс, помогло заморское зелье, как на дрожжах стали эволюционировать половые органы, может, дозу лекарства закатили чересчур большую, любя перестарались, передозировка препарата, опять, знаете ли, не слава Богу, не в меру рано проснулся и восстал потаенный враг и губитель, маячит, жуткий, не поддается никакому укрощению половой инстинкт, ребенок воспарял, вошел в раж, начал непрерывно мастурбировать, полюбил это дело до крайности, красноречиво, наглядно, без стыда и совести (какая совесть? он же урод, умственно отсталый), оскорблял естественный стыд сестер,

не знали куда глаза девать бедные девчурки, заглядываются на сухостой, невозможный гриб, подосиновик, шапочка красная, несоразмерная, девочки глядят, глядят, интересно, невольно испытывают сексуальное возбуждение, хотя они и маленькие, старшая, уже совсем *нимфетка* (Набоков), возраст переходный, организм перестраивается, готовится, бутон, того гляди распустится и улыбнется писаной красавицей, вся в мать, в свои 12 лет ловко, махом взбирается на крылатого Пегаса, удивляет интенсивностью, яркостью таланта, она-то смущена больше других, глядит на мятежный подосиновик, ужас священный испытывает, *Субчик-голубчик, стой, не балуй, / Девкам моим не показывай ...,* так-то. Паша уставился на сестренку, готовую заневеститься, наяривает, бабах, преодолен сухостой, первый оргазм, опять за дело принялся, наивная бесстыжесть, детство, рай, голым ходит, ему попку вытирают, а у него новое, интересное занятие взрослого юноши, новой страстью захвачен; как-то ночью тихо прокрался и оказался в кровати старшей сестры, ловок, как павиан, не чета его деду, Алексею, который в лагерных условиях сплоховал, если бы не отдельная кабинка, вообще дело было бы швах, наш-то подосиновик оказался настоящим орлом. Старшая и ахнуть не успела, сонная предрасположенность, самой приспичило, истома, и случился грех между ними, влетели в грех, полюбили грех, может, она свою беду предчувствовала, раннюю смерть; родители, вот уж дураки, не уследили, не доглядели, прошляпили, разделять нужно девочек и мальчиков, братьев и сестер, *по блату, по блату, дала сестричка брату.* Потом родители рвали и метали, а что оставалось им делать? ну — ходили, куда положено, просили, требовали новую квартиру, чтобы отделить мальчика от девочек, излагали точку зрения на проблему, представьте, получили, многокомнатную, на Малом Гнездниковском переулке, отличное место, самый центр Москвы.

5. Последствия вывиха

Сколько-то миновало лет, уже не сообразим, годы летят, трагически мелькают, рябит в глазах, как в вакхической карусели, сплошная эфемерность (*Жизнь-то прошла, словно и не жил,*— Чехов; у того же Чехова: *Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.* И — трам-бам-бам твою мать, занавес.) Бессмысленная смена поколений, всё исчезает, «от бациллы до слона», проваливается в какую-то глубокую задницу негра, черная дыра, всё деградирует, не гордое и самовлюбленное становление, а сплошная, огульная редукция, пошлятина, препохабие, движение вспять. Да, не становление, а именно редукция, деградация.

Одно к одному. Припомним, что случилось с мужем Марины на агапках, душа его давно полонена страхом и трепетом, пребывает в туге

и печали, и всё из-за нескладного, еретического, злосчастного, позорного вывиха, нигде не описанного, правды не найти, да такого не было вообще никогда со времен сотворения мира, ну, по крайней мере с изгнания из рая. Бедняге стало казаться (может, не без некоторого основания, такое даром не проходит), что отныне он порчен, жидковат, вял, функционально слаб и недоброкачественен как муж — изъян серьезный, жалящая стигмата ужаса, ты ему *стой*! а он, как боевой конь, не стоит; поневоле приходится предпочесть интиму с женой нечто иное, визионерство, солипсизм — попал под влияние младшего сына, зараза эдакая! втихаря мастурбирует свою вялую импотенцию. Еще молод, к врачу бы пойти, к врачу обращаться совестно, непреодолимо стыдно, да и что может сказать врач, ведь загадка не сугубо терапевтическая, а больше психологическая, низкая, грубая истина, случай небывалый, исключительный, напрочь медицине неизвестный; напоказ несчастный сердце не держит, страшная изнанка сердца, скрывает, что вылетел за борт сексуальной жизни, хоть в петлю по примеру тещи (моление о чаше! еще Достоевский, острый психолог, говаривал, что ад *есть страдание о том, что нельзя уже больше любить*); очень опасается быть разоблаченным, смешным, боится садистического внимания друзей, уж эти мне друзья, всегда они тут как тут, всё видят, всё понимают, страшно стать посмешищем, не приведи Господи! Все мы опасаемся оказаться жертвой психологической проницательности, досужего домысла и любопытства друзей. Сколько сложностей, одни сложности, закомплексован, впрочем, и сам не знает, так это всё или не так, может, не плоть хила, инвалидна, а просто жена надоела, опротивела, осточертела хуже горькой редьки, не волнует, может, с другими женщинами дело пойдет, всё будет иначе, получится, придет желаемое исцеление? Нужна умная проверка и достаточно серьезная, нужны опровержения твоей внезапной, ранней инвалидности, только счастливый опыт годности и пригодности может ободрить трусливую душу, снять проклятый, страшный комплекс безумного Гоголя, тотальный, гремучий, пронзительный страх перед женщиной; ходил в страхе, страсти по Гоголю, вей-вей, душа рвалась к честному эксперименту, опыт — гибнущим подмога, у нашего сексуального инвалида, в отличие от Николая Васильевича Гоголя, иная опасная крайность, трудный, кошмарный, противоречивый случай сексуальной инвалидности: с одной стороны — жуткий, патологический страх каждой новой женщины, с другой — всё это перемешано, но плохо перемешано, сосуществует, живет самостоятельной жизнью.

Так вот, мы к тому: мямля, безответный, муху не обидит, приручённая, тихая размазня, с рук ест, пешка, слюнтяй, подкаблучник; да, пусть пешка, но и пешка может фортель выкинуть, начнет жить, как ей любо, возмечтает в свободные ферзи рвануть. Словом, после того страшного

случая на агапках у мужика было масса переживаний, грустил, скучал, мучался, кризис жанра, стиля, на душе ужасно фуево, как сказал бы Солженицын, а Солженицын знаток русского языка, непререкаемый авторитет, читайте внимательно «Один день Ивана Денисовича»; несчастный муж, а что ему оставалось делать, стал исправно и старательно прикладываться к бутылке, устраивать сложный церемониал, когда открывал очередную, душевно священнодействовать, искать спасения в чрезмерных возлияниях, всё с горя, (этого раньше не водилось, в Березняках наши святоши-романтики были твердыми, воинственными трезвенниками, однако, будем помнить, что романтизм коварен, легко перескочить из одной крайности в другую, очень даже опасен, *нам бы бурю, нам бы штормик, нам бы шквалик, нам бы шкалик,* вспомним рисунки Гофмана на полях дневника)! Всё с горя, для русского так характерно, наш недуг, любой предлог подходит, утешения ищем в ней, родимой, без продыха, без просыха...

И сделался муж Марины банальным выпивохой; нашел утешение на дне бутылки, истина в вине, алкоголь в голову долбает крепко, если это дело без должной тренировки и закалки, во всем нужна сноровка, закалка-тренировка, хватишь стакан, другой — обретается последняя свобода, заносит она нас, еще стакан — своеволие заявляешь, значит, и прощелыжность, жестокость, упрямство (а жизнь не черновик, не исправишь, не напишешь набело). В итоге ее муж взбрыкнул, занесло крепко, к удивлению многих он оказался не только не обремененным совестью, а напротив — порядочным бестией, меньше всего думающим о последствиях своеволия, У него пятеро детей, младший совершенно дефективный, а он как с цепи сорвался, одержимость, неразборчив, орангутанг, о пагубных последствиях не думая, набросился на баб, крутит романы, ведет тайный дневник, ведет донжуанский список (ничего тут такого, великий Пушкин вел донжуанский список); в минуты соития не забывается окончательно, прислушивался внутренним ухом, предусмотрительно и исподтишка сквозисто, украдкой подглядывает, зырит внутреннем глазом, следит за собою, за гротескным боевым *братом-ослом*, так бы выразился на нашем месте Франциск Ассизский, за своей ненадежный, коварной, каверзной мужской физиологией, ищет правды, секс с гносеологическим соусом, себе, своей душе доказывает полноценность, годность, нормальная бушующая плоть.

В донжуанском списке Пушкина насчитывается 100 баб (у Дон Жуана за 1000 перевалило), а наш несчастный догнал до 7, тень истины, понять толком не может, одолел ли демона; временами катастрофическое улучшение, победа над слабостью, благоприобретенной немощью, плачевным вывихом, преображение, надменен, милиционер, пленный, военный, самый здоровенный, красавец, химия, химия, синяя, с мглисто фиолетовым отливом, порою пепельно-пурпурно-красная, врубелев-

ская гамма, в подобных, врубелевских, блоковских цветах богослов Флоренский, проницательный, редкостный ум, видит — цвет сатаны, свиреп родимый, сгусток энергии, мощное демоническое разрушающее и оплодотворяющее начало! хоть на пятаки руби, дикая, сверхъестественная энергия, мощен, как утреннее восходящее неправдоподобное солнце, как боевой конь, похвально, как в юности. Но раз на раз не приходится, строптив, временами позорная вялость, безголосие, случаются превратности, мучим внутренней диалектикой, противоречия, концы с концами не сходятся, станешь психоложником, психопатом, впадешь в черную и несусветную меланхолию, болезнь прошлого столетия — может, от луны все зависит? загадка, уравнение со многими неизвестными, математические иксы, игреки; ничего, как-нибудь?

Всё же удостоверился в своей годности, опираясь на славный метод индукции, рекомендованный на все случаи жизни Бэконом, обрел новую веру, одолел недуг, третья правда, ура! с этим знанием жить можно, трали-вали, отпустило, преодолен синдром Кьеркегора, протухшие яйца, видит оптимистический свет в конце туннеля, до потолка, умора, эх! *сестра моя жизнь* и *брат мой осел*, маячит, подавай любую Регину нам, хоть подтаскивай, хоть оттаскивай, хоть блондинку, хоть брюнетку, оформим, то да се и на бочек, сон сразит, мертвецкий, не зря, поди, это дело называют (удачно! хтоническая глубина!) — *переспать*. Сердце успокоилось и развеселилось, обрел вкус к жизни, пора бы опомниться, перебесился, выздоровел, спеши к семейному очагу возвратиться; не всё так просто, наметились психопатологические искривления, деформации души. Во всю успел поработать искуситель-змей, замутил душу, она влипла, как муха, в медовый сюжет; разболтан донельзя, душа развращена, заражена (*чуть ночь, мой демон тут как тут*: больная, губительная игра воображения, пред нею бледнеет и кажется скучной действительность), неуправляемая подлая чувственность, попал под черный, жесткий тоталитаризм страсти, болезнь души, сексуальный маньяк, с самим собой не справляется, шалун, жуткий шалун (в просторечии — блядун), нутро насквозь и глубже прогнило, душа рокальна, всё куда-то отчалило, всё испортилось крепко, омрачена душа грехом, привычкой, трясина, психологические дебри, продолжает, как тут у нас удачно выразился Веня Ерофеев, «гневить Бога». Ненасытен, как развернувшийся кровопийца Дракула, демон неги и сладострастия (античность его изображала в образе юноши с тремя членами, стоящими, отбиты, не сохранились, реконструкция, существуют лишь в воображении искусствоведов, все-таки эти древние чего-то знали, чего-то понимали); пусть это плод фантазии, пусть фикция, но и фикция преследует, еще как, докучает. Сменился химический состав крови, уже не члена вывих, а души, что опаснее много, хуже лечится, грешит не тело, а душа, душа жаждет новизны, солененького, идет затягивающая, засасывающая, безрадост-

ная, вечная погоня за греховной новизной (сначала себя обманывал, фарисейски надувал: — Нет, жена лучше, жена у меня чуткая, замечательная), зуд и чад похоти отравил душу, дни тьмы, эта самая дурная, бесовская похоть быстро пустила глубинные корни, они кровожадным, кровососным вампиром сосут сердце, искривилась, кривда глубокая, до неузнаваемости покоробилась нежная душа, назад ходу нет как нет. Всё, как у Адама (синдром Адама — извращение природной сущности человека, феномен известен с незапамятных времен, ходит с Мафусаиловой бородой, описан у апостола Павла, у Блаженного Августина, но нашей современной медициной не то что плохо, а вовсе не изучен), деформировался весь внутренний уклад сердца, уже невозможно остановиться, в пропасть летит, привык *по прихоти страстей скитаться здесь и там, дивясь божественным природы красотам*, — в женской красоте есть что-то страшное, инфернальное, несет, несет, свежо, интересно, шлея под хвост попала, очередной раз подкатишься со шкодливо-медоточивыми, игривыми, рискованными разговорами, смелыми речами, щекочущими нервы, шуры-муры, понял, как мужик бабу донял, никакое не домогательство, не нахрап, а сродство душ, тут как тут избирательное сродство душ (в стихах это изумительно: *Ветер воет, дождь идет,/ Вечер к ночи клонится./ Парень девушку е..т,/ Хочет познакомиться!)* — как не обнять, не приласкать девочку, ей же это надо, хочется, а взялся за грудь, оговорка, *за гуж, не говори, что не дюж*, всё само в руки плывет. Женщины его любят, развилось демоническое, сверхъестественное чутье, еще новая добыча, новая дичь, здоровый аппетит, юность прекрасна, ножка, эти ножки, чудо! отказаться — выше сил, нет мочи, а прелестницы сами ножки показывают, увлекают, завлекают, провоцируют, соблазн, сами нас раззадоривают, а чего они ножки показывают, *великий бог деталей* (Пастернак), искушают, дразнят, на аморалку толкают. Причем тут мода и ее злой террор, о моде кому другому рассказывайте, разве не для этого самого они ножки нам кажут, чтобы мы клюнули, ястребами кидались на новую добычу, на новую дичь? сами, сами стараются устранить, избежать глубоких отношений, побалуйся, мальчик, со мною, а там, глядишь, на крючок сядешь. Задержанное, болезненное наслаждение, спазмы крайнего восторга, жизнь хороша!..

И поскользнувшийся, влипший в сладкую паутину греха праведник повел отнюдь (даже отнюдь в квадрате!) не православные разговоры о прорыве к автономии (прошлое с Мариной было ошибкой юности!), о правах человека, о свободном, честном, справедливом демократическом выборе, прежде всего о праве на простое счастье, на развод с нелюбимой, постылой женой; хочет задрав хвост рвануть в сторону, деру дать от грубой Марины, а хорошо ли это? народил пять ртов, мал-мала, а теперь намерен (озарение!) начать новую жизнь с юным и ненаглядным существом, говорит, что эта бабенка прямо-таки создана для него: утешения и спасения от напастей. Говорит, что на развод право имеет! Какие еще

права? там, где любовь, не нужны разговоры о правах, в Березняках были гармония, согласие, симфония, в семье нет, не должно быть этих самых пресловутых прав человека, в семье цветет любовь (*Бог есть любовь*, в глубинах и недрах святой Троицы нет набивших оскомину свободы и прав, не об ипостасных границах и правах ведут беседу ангелы в «Троице» Рублева).

Решил и твердо бросить семью, бросить Марину с четырьмя девочками и дегенеративным сынком ...

(что бы там ни говорили некоторые, а легко прослеживается загадочная, поучительная корреляция (корреляция не предполагает причинную связь: двусмысленный и осторожный, псевдообъективный термин статистики): большая часть демократического движения вербовалось из нервных, черствых мужей, утомленных семейной жизнью, которым сильно осточертели их милые жены и всё такое, и они готовы хоть в омут головой, тем паче рады обменять пресное семейное супружеское ложе на Хельсинкские соглашения; нет, нет, не всё так просто, не одно вопиющее легкомыслие и эгоизм: они, мужья, готовы к самопожертвованию, они серьезны, рады отдать жизнь за новые идеалы, за идеалы свободы, прогресса и демократии; а вообще-то, что правду таить, наша нравственность настолько извращена витальным имморализмом и пронизана грубым, элементарным идеологизмом, настолько политизирована, что мы не считаем за грех измену жене, разрушение семьи, это отнюдь не зазорно, как говорится, дело житейское, можно, дозволено, с другой, представляете, сорвется у вас с языка ненароком, что вы любите Россию и Шолохов хороший писатель, всё, руки вам не будут подавать в элитарном обществе. А не дай Бог вы замешкались, не встали с бокалом вина, когда провозглашен тост за английскую королеву, совсем беда, пить за английскую королеву, оказывается, кто ж знал, надо стоя, женщины могут сидеть, таков обычай на Руси (как и: на ночь слушать Би-Би-Си), высший нерушимый нравственный закон; а еще, совсем ужасное преступление: вы брякнете, желая эпатировать либеральную честную публику и под пьяную лавочку такую гадость, мол, в 21-м году в Политбюро входило три еврея, грузин, а русские — основное население великой России, представлены Лениным, в котором маловато русской крови, хотя и есть, ну сказали, что тут такого? Слова, слова, слова. Разве это не так?) Конец, крышка вам, если не заработаете крепко, вкусно, со смаком по морде, можно дать гарантию, будете вычеркнуты из мира приличных, образованных, культурных, цивилизованных людей, вокруг вас образуется глубокий вакуум, лучше бы вам вообще не родиться на Божий свет!

... в оправдание мужа все же обмолвимся, что Марина после родов ублюдочного Паши очень изменилась, внешние и внутренние перемены, необычные — непутевый, запущенный дом, сама стала жуткой неряхой, опростилась, таскает вольготный, вульгарный, грязный халат,

вольготные тапочки, не следит за собой, ужас, смотреть противно, чулок съехал, другой — гармошка, перейдены все мыслимые и немыслимые границы, *опустилась, как говорят французы,* у Толстого что-то подобное произошло с Наташей, которая превратилась в мистическую самку, аппарат для деторождения, читайте эпилог «Войны и мира». Стряслось и с нашей Мариной что-то непонятное, тетехой сделалась, где былая змеино-женская гибкость? где твоя цепкая, ослепительная мистическая красота? где чудо? где твое совершенство, стихи, тонкие парфюмы души и копна чудных волос? где заразительный смех, внимательные, лукавые, озорные глаза? Фантом, мираж — всё исчезло, как не бывало.

А ты поди роди пятерых, растолстеешь еще не так! ...

(всякая красота со временем приглядится, прискучит — неточная цитата из Молоховец; опытные, умные люди полагают: чтобы женщина сохраняла стати и привлекательность для мужчин после родов, полагается ей и ее мужу *пить боржоми* около года. Однако в Березняках этого мудрого правила не придерживались, принципы большой семьи и религия не позволяли, увлекались религиозно-философскими исканиями, и всё шло хорошо, гладко, девочки беременели, после родов сохраняли форму, привлекательность, не толстели безумно — так почему же именно после падения Березняков и последних родов эта женщина так раздобрела, почему так разнесло ее? Как баржа, прет, завозня, в двери не входит, хотя и родила на седьмом месяце; выходит, зря мы неповторимые, философские Березняки оплевали, что-то там было, что угодно Провидению. Память о Березняках всё больше украшается благотворными легендами и апокрифами, шла неспешная творческая работа по выработке более совершенной формы семьи, признаем, уже не раз нами отмечалось, что распад семей нынче в большом обыкновении, статистика, се ля ви, от статистики некуда деться, скучная, грустная, горькая проза жизни, как говорится в таких случаях, дело житейское, обыкновенные истории, нынешние формы семьи не отвечают духу времени)

...Помнится, все Марины несчастны, большинство кончают жизнь самоубийством, их всегда бросают мужья: великомученица, 17 июля, одержимая, морская, антиохийская. Осознав наконец, что ей грозит развод, Марина вовсе спятила, напрочь разболтаны нервы, развила несусветную, дикую истерию — представляете, что такое женская истерия при нечаянности и наивности огромного женского сердца, читайте Фрейда, Юнга, старательно, внимательно читайте, икру метала, убивалась, темпераментно (в духе своей прабабки по линии матери, узнавшей, что ее единственный сын не только крестился, но и стал православным священником, батюшкой, в рясе ходит, прихожанки руки ему целуют, ну и запустила прабабка проклятие — первопричина нашего сюжета, каким-то образом испортила гены), рвала на себе волосы, воздевала к небу руки, извелась, свихнулась, дико активна, пускалась во все тяжкие, искала приворота, трав, работала

с травами, всякие суеверия испробовала, цеплялась за астрологию и хиромантию, к цыганкам неслась, гадала, к подругам за советами лезла, душу выворачивала наизнанку, всем рассказывала о своей великой беде, все входили в детали ее положения, понимали, что изменить ничего нельзя, надо смириться. Сокрушенная сердцем, повадилась к отцу Тавриону, мчалась сломя голову со всем стадом детей. Возможно, преподобный провидец, глаз у него был набит, наметан, заглянул в будущее, закрытое непроницаемой пеленой, уловил, что окаянный враг людей вложил в сердце женщины отчаянную, злобную, страшную мысль; зело мудр был старец, но повел себя старец непонятно и чудно, позеленел весь и насквозь, даже борода вдруг сделалась зеленая, эдакая гадкая плесень на бороде выскочила, накричал на Марину, затопал сердито ногами, *что ты загадала? что ты задумала?* она разревелась, горько, горько ревела, отец Таврион погладил несчастную женщину по голове (психотерапия?), вынес шоколадку, дал ей, как маленькой, как глупенькой дурочке, шоколадку (ей мужик нужен, муж, а не шоколадка, лучше бы взял ремень и выдрал, как следует, крепко, как секли в России дураков сравнительно недавно), как это трактовать в духе пророчества? Символ, знак? Еще к какому-то мудрому старцу моталось, бесполезно, сорвала сердце. Вернулась после очередной поездки к отцам-канальям, преподобным отцам-шарлатанам, вся черная, сажа и уголь, *перебиты, поломаны крылья, адской болию душу свело*, даже в голубых глазах рвануло канкан бордово-пурпурно-черное пламя.

Вытащила на расправу Юру...

(этот подкаблучник (оказывается) имел имя, зовут зовуткой, величают уткой, притом просто-напросто Юрой звали, кто мог подумать, собственное имя, значит, личность, а не тень, не только читатель, но и мы впервые об этом услышали. А еще узнали, что он очень увлечен правами человека и всякими там Хельсинскими соглашениями, без оглядки ударился в диссидентство и подписантство, жил этим, время такое было, 60-е годы, самый конец, запойная, романтическая, мужская дружба с Якиром, Красиным, Пашей Литвиновым, диссидентская аристократия, *наши*! дум высокое стремление, правозащитники в законе, самая сливка, рыцари абсолютных общечеловеческих ценностей, вещуны, светочи; ходит в новом стаде, смелые правозащитные речи, восторг, порабощен и интегрирован ими полностью, вместе с Ковалевым пока на побегушках, шестерки, подписывает всякие там крамольные, бесстрашные, дерзкие письма, которые затем передают разные голоса, смело шастает, костыли давно отбросив, по академикам, смущает их, волнует, сбивает с толку, уговаривает подписать крамольную бумагу, в крайнем случае деньгами помогут демократическому движению, расшатывает систему, сотрясает здание; сотрясли в конце концов, разве не так?)

... на совесть мужа давила ...

(у Юры совесть оказалась дубовой, непрозорливой, спала сладким, крепким сном, не совесть, а псовесть, лишь грубит, огрызается, *ты меня никогда не понимала!* сытая, бесстрастная, обрюзгшая физиономия, возраст о себе дает знать, искажалась порою гримасой скуки; он по-прежнему, а то! считал себя честным человеком, который делает важное историческое дело, с восторгом и без оглядки готов, как Марченко, отдать этой битве все свои силы, всю свою жизнь, сознание его полностью заворожено и порабощено великой идеей правозащитного движения, идеалом Хельсинкского соглашения, идеалами Запада)

... кляла, ...

(в Березняках она всегда ощущала себя орудием Бога, привыкла тиранствовать, привыкла, что ей повинуются с первого слова, а время ее прошло)

... болью терзаема ...

(самая ужасная боль — душевная, мочи нет, некуда, кроме петли, от нее деться; а еще говорят, кто испытал, что очень болит утраченная конечность, болит нога, а ее нет, тебе страшно, душа сверзается в пучину страха и необузданной паники, прыскает безоглядно в разные стороны: что же болит, что такое боль, когда болит то, чего нет? — предмет и пища для глубокого философского размышления)

... глубоко проросло зерно безумия. Вот задрожала заметной, крупной дрожью, как собака над костью, бесом нечистым, когтистым когтима, в состоянии абсолютной офонарелости издала утробный вой, выкрикнула злобно, истерично, одним духом:

— Истукан! Сукин кот! Гадина! Что за тип? Кому говорят? Кому русским языком говорю? У тебя сын урод! Аспид глухой! Бревно бессердечное, стена бесчувственная! Пеняй на себя, подлец! Больше детей не увидишь!

Тут как тут — ***акт четвертый*** драмы.

Акт четвертый. Паша, сын Марины

1. Медея

Да, всякое и разное бывает в этой жизни, даже и такое — адский акт возмездия, волновавший Эврипида; не промазал духовидец отец Таврион. Сказано — сделано. Увидеть-то детей Юра увидел, но (увы!) уже мертвыми. Марина под каким-то предлогом на ночь загнала всю шумную ораву на кухню, а когда дети уснули, под снотворным сон глубок и крепок, она смело, гордо отвергла, отринула статус брошенной жены, гори всё синем пламенем, себе сыпанула горсть люминала, жадно заглотила, запила молоком, автоматизм, отметила, не пропадать же добру, допила остаток молока, эх, *дар напрасный, дар случайный*, позыв *к*

полной гибели всерьез, сильный позыв, просты наши законы, написаны в крови, метнулась к газовой плите, знакомый, явственный голос за спиной (неотступный, женский, старческий, убедительный, она этот голос не раз слышала, когда подходила к чаше с причастием) произнес знакомую формулу: — Не бзди, ё..ная в рот! Без малейшего колебания, деловито, спокойно открыла газ; адский голос восторженно сказал, как бы поздравляя ее: — П..дец! Вот он, праздник последней, предельной свободы, рука ее бескомпромиссна, надежна, не дрожала, молодцом держалась, хочется! хочется! камнем бултыхнулась в сон без снов (Фрейд полагает, что воля к смерти — по ту сторону принципа удовольствия, высшее)...

На мертвом лице ее цвела самодовольная, торжествующая улыбка. Что она узрела за стеной смерти? На эту тему и думать жутко, не хочется. Даже злобной записки не оставила, да зачем записка, никакой жутковатой мистерии самоуничтожения и небытия в могилу она не унесла, и так понятно, что подвигло ее на выходку, разборчиво и очевидно, всякая записка излишня, писулька только затемнила, замутила бы суть: имеем дело с невостребованной мужем, озлобленной, оскорбленной женщиной. Немеет язык, кровь леденеет, волосы дыбом встают. Преступление века!

Москву трудно чем-либо по-настоящему удивить, видала виды, но такое не на каждом шагу и каждый день случается, в голове не умещается, все ахнули, потрясены, столбняк прошиб. Медея, злобная, отвратительная, баснословно иступленная, страшная Медея! Была б жива — содрать бы заживо кожу. Мало кожу содрать, мало! Детей жалко. К жизни их не вернуть никому.

Что тут будешь делать? Тяжко вздохнув, покачали головами, шухер пошел о неблагополучных, вредных, загрязненных генах, о загадочной и интересной шизофрении, притом наследственной, вся в мать, одержима, еще похлеще, из ряда вон, тот еще изверг, клинический случай. Всё же очень любопытно, как передается из поколения в поколение вредная бацилла безумия, как ее цепляют — неужто действуют имманентные, внутренние законы, самоосуществляющееся проклятие? а что если проклятие прапрабабки поразило пресловутые гены? мысль эта ужас наводит, что если это гнев небесной канцелярии, ну тогда дело швах!

2. Чудо

С Марины взятки гладки — копыта отбросила, самоубийство. Удалось спасти младшего, голубоглазого и недоразвитого идиотика Пашу; впрочем, никто не спасал, всё само, словно Смерть оплошала, промахнулась непогрешимая коса, не преступила кем-то очерченный магический круг: жив, невредим, притом у мальчика даже голова не болела, ни в одном глазу, что просто поразительно. Заносчивые медицинские авторитеты смущены, растеряны, сбиты с толка, хвост поджали, наводят

тень на плетень, пытаются ничего не заметить, глаза в сторону отводят, в лучшем случае разводят руками, ничего, мол, не понимаем (шатко наше представление о мире, о так называемой объективной реальности — неприятная западня для нормального материалистического, рационального ума, что-то на уровне воскрешения Лазаря, такого быть не может, потому что не может быть никогда); абсолютно необъяснимо с научной, медицинской точки зрения (показан кукиш науке, еще какой кукиш!) — как же этот рыхлый, дегенеративный ребёнок смог выжить, как смерть обошла его, не заметила? Если называть вещи собственными именами, то эту непонятную науке игру природы следует квалифицировать как самое фантастическое чудо, а чудо всегда впечатляет (не будем с порога отвергать тезис, что спасли мальчика заступничество и всегдашние горячие проникновенные молитвы его крестного отца Феликса Карелина, мужа со сверхъестественными мистическими способностями и телескопическим духовным зрением, оставившим след во множестве душ; Кузьма, правда, почему-то слабо верил в таланты Карелина, издевался над нами, пошляк ваш Феликс, мышей совсем не ловит и не может ловить), выдалось чудо чистейшей, прозрачнейшей воды! Другого слова под случай не подберешь.

Мальчик был одутловатым увальнем, видно, что ненормален, язык сосет, а сестры — кровь с молоком, крепконогие, писаные красавицы, одна ярче, лучше другой, княжны голубоглазые, а как талантливы, как музыкальны, на фортепьянах шпарили, на скрипке, пели сочными, проникновенными голосами, заслушаешься, Сирены (когда приходили гости, им всякий раз демонстрировали дрессированных девочек, а мальчика, неприличие сплошное, полное, прятали). Чудные девочки погибли, а недоносок, ублюдок чудесным образом остался жив, как огурчик, газ не только не убил его, напротив, подействовал как целительное лекарство, как Камский неукоснительный кумыс, панацея от многих бед. Из глубокого нокаута, в котором он находился со дня рождения, он выплыл на свет Божий совершенно другим — так сказать, сменил личность. Бывает, бывает, но не часто, ущипните себя, чтобы проснуться; нет, не сон, всё наяву, корректно, *чудо есть чудо, и чудо есть Бог*; те, кто предрасположен к мистическому восприятию окружающего мира, усмотрели, разглядели во всем этом *Замысел*.

После фантастического спасения, а иначе как объяснишь, сестры, мать погибли, а на него газ никак не подействовал, ему тьфу и хоть бы хны, мальчик, уже говорилось, повторяем и еще раз повторяем, переменился, словно подменили, — второе рождение, не помнил, что было до этого, отбита память, затерлась, нервная встряска; шоковая терапия модна в наше тревожное, шалое время, широко используется в медицине и даже в экономике, хорошо подействовала, пошло на пользу, отменный результат. Сразу, на другой день, как невидимой рукой сняло всякую

хворь, ушли гаммориты, гнойники, корчи спинного мозга, ушла эта нежизнеспособность, перестал мастурбировать, даже голос переменился, пропала, словно вовсе не бывала, безнадежная гугнивость, не узнать, исчезла сразу, вмиг, как ведьмы у Шекспира (Макбет), оставив в памяти окружающих нечто неприятное, у многих возникли всякие дурные предчувствия. Представляете, голос уже не писклявый, детский, даже не петушиный, юношеский, ломающийся, а сразу бас развился, иерихонская труба, словно грома рокотанье, аппетит самый что ни на есть волчий проснулся, уплетает манную кашу, ненавидимую всеми детьми, за ушами трещит — перед нами варан дикий и голодающий. Сразу, прямо на глазах, стал расти, как опарыши во рту бабки, как на дрожжах, как в сказке Пушкина, *не по дням, а по часам*, верзила эдакий, вымахал амбалисто, знатно (загляденье!) окреп, геркулесовое сложение, лось, здоровый лоб; вымахал, накачал бицепсы, теленка за хвост удержит, куда вся недоразвитость, отсталость подевались? в мать, в бабку — нескисающий темперамент, полное перевоплощение, не узнать. У этого охломона был какой-то громадный пупок, как у Будды, некрасивый, уродливый, омрачавший бабушку пупок; всё живое растет пупком, пупок — символ роста! — эволюционировал сразу, заметно до чрезвычайности. Говорилось, шепотом, с оглядкой, больше полунамеками, мол, и признаки пола, первичные, сделались раблезиански внушительны, смущают, пугают, до моржового, устрашающего неприличия вымахали эти самые, витальная мощь налицо, подобна (пусть не равна) герою русского эпоса, *чертей глушить* в самый раз, у Паши не будет огрехов, как у его несчастного, злополучного, запутавшегося, завравшегося отца-математика; допускали даже, что Паша запросто удержит девочку, впечатляющая мощь, конская, волнующая.

Невероятное, болезненное потрясение всего организма дало ошеломительный эффект, наложило неизгладимую печать на всю дальнейшую жизнь Паши (еще бы: мать родная, подательница жизни, любимая, ласковая, обожаемая, хотела, занесла руку, намеревалась его, «ненаглядного зайчика», лишить живота, античный ужас, убила запросто, махом, старших сестер, и он, потерянная сиротка, омыл горячими слезами гробы православной матери и четырех православных сестер, о! эти надгробные детские искренние, душераздирающие рыдания, не слышать бы их никогда)!..

Обычно потрясение делает умного еще более умным, а глупого более глупым; у нас всё наоборот, всё не как у людей: у недоумка Паши проснулись многие и разнообразные таланты и свойства ума необычайные, пугающие: скрипка (абсолютный слух был у ребенка и в период гугливости, сидит на горшке, Моцарта насвистывает), наблатыкался в шахматы, развивался отчаянно быстро. Перед нами, присмотритесь внимательно, какая умница — балды не балдеет, не лоботрясничает, не

шалопайничает, как детки некоторых, за уроки не засадишь, книжный червь, не теряет драгоценного времени даром, легко наверстывает упущенное. Пристрастился — взасос, упорно читает до умопомрачения и безумия, книгочей, книгоед, несметное количество книг проглотил, так и хавает книгу за книгой, взахлеб, за уши не оторвешь, пашет с утра до вечера и каждый Божий день напитывается знаниями, преуспел интеллектуально, горазд, хватка, нет предела совершенствованию, давка в голове от новых, разных идей, невероятные способности к языкам, не успели оглянуться, кажется, на другой день после гибели матери и сестер, развил и вошел в совершенство, как трава весной, светоносный ум, лихо обскакал сверстников: очень правильно и умно распространяется на тему православия, любит поговорить о неисповедимой глубине христианских догматов, о том, что душу Церкви выражают наиболее полно святые, о преимуществе православия над католицизмом, и о том, что иудейская мысль, ориентированная на тупой монотеизм, не в состоянии охватить великой идеи Троицы; чуткий, чистый, гармоничный, высоконравственный мальчик, чистоплотен душой и помыслами, не блажит по ночам от нетерпения, никакого автоэротизма, страстного, неистового рукоблудия, словно был вне хитростей непокладистого, неуемного, строптивого полового инстинкта, словно не знал роковых и трагических мук плоти, высоких, до потолка, дымящихся болезней, которыми отравлена жизнь юношей, никаких дурных, вредных мальчишеских привычек, не курил, как все вокруг балбесы сверстники, капли возбудительных спиртных напитков не принимал в рот даже когда дураки взрослые старательно потчевали, подбивали: ангел во плоти, светлая, в хорошем смысле яркая, сверкающая, люциферическая натура, жизнь с Граалем, словно родился в таинственном астрале, словно создан из вещества такого же, как сон, словом, продолжение следует, сюжет сам собою развивается, развертывается, раскручивается в полную силу, скоро и 5-й акт, ждите, скоро, скоро, терпение.

3. Паша на Кухне

Чудесное спасение Паши явилось как бы преддверием последующих событий, не на пустом месте, не всё с бухты барахты, не всё так вдруг, бывает, ой как бывает! иной говорит одно, а в подсознании незаметным образом зреет, обильно бухнет иной плод, иной идеал, иная совесть, о которых он сам не догадывается. Неуловим порою для постороннего, невнимательного глаза интеллектуальный рост ребенка, бежит ему 14-й годик, пострел, а ведь крайне интересно наблюдать со стороны, как формируется личность, ее самозарождение; представляете, еще вчера первый самостоятельный прыжок с кровати на горшок, а сегодня — вычурная штучка! еще какая! умора!

Для нас он оставался шалуном, мальчиком в коротеньких штанишках: ничего не икалось, диву даемся. Буйство проповеди, многоречив, любит щегольнуть великолепной эрудицией и памятью, воображала, не без этого, однако надо признать, что никакого верхоглядства, суровый приверженец вечной истины и вечной справедливости, всё тяжеловесно, основательно, гигантский кругозор, обезоруживающая зоркость, пугающее, унижающее вас и всех всезнайство, от которого вы невольно скучаете и рветесь бежать прочь, бежать без оглядки; Паша, как виртуозный верблюд, плюнул в нас на нашей знаменитой Кухне, в упор плюнул и с двух шагов складным, потрясным монологом, свидетельствовавшим, что его ум далеко не детский — перед нами не какой-то там жалкий первоклашка, поражает вас невнятно-высокий штиль говорения — неприятный (брось пожалуйста, дорогой, не будем), отталкивающий, чересчур заумный.

Представляете, этот юнец смело смазал карту будней, даже слишком смело, взгромоздился на риторические ходули, яро и громко, выстрел из пушки (*бабах*, словно то бабахнула Царь-пушка!), запустил в нас высокопарным, высокомерным, блистательным и обстоятельным докладом — шпарит, как по добротной, умело составленной шпаргалке, во! — вид у Паши зрелищный, лоб здоровый, такой, словно с пеленок вскормлен с конца меча, всегда на стезе Правды, шастает твердо в Истине, не было и в помине чахлого, дегенеративного детства. Текст пошел, рванул — плотный, никакой былой, беспросветной гугнивости, хватка, цитаты сами, как горох из мешка, пропасть цитат, сыплются, убедительные, всё для пущей научности; латынь, смело иврит запускает, ноздри при этом широко раздувает, всё ему ясно, словно он сам Господь Бог, черта чисто еврейская.

А сказал он вот что, вот какой возвышенный псалом он нам пропел! *Центральным образом* мирового исторического процесса ему видится фигура невинного страдальца, видится отчетливо, как под хорошим увеличительным стеклом, и этот страдалец является ключом к пониманию главной и великой тайны и пружины всемирной истории.

Оригинальный, необычайный ход рассуждения, — нет, как мы поглядим, это отнюдь не робкая, зеленая, незрелая, детская мысль, а нечто, шизойднуться можно, опасный водоворот, серьезные идеологические завихрения, триумф смелой, бескомпромиссной мысли! Перед нами пытливый и беспокойный искатель истины, честный, пусть с заумью и загибончиками.

Образ невинного страдальца присущ всем великим культурам, но в наибольшей степени древним литературам Ближнего Востока, и как завершение ближневосточной традиции следует особо выделить библейскую Книгу Иова. Уже в библейскую эпоху, судя по упоминанию Иова у пророка Иезекииля, и, бесспорно, с начала раввинической эпохи

вплоть до наших дней Иов воспринимается еврейской традицией как праведник и страдалец вообще.

...О, ужас, что мы слышим? он в 14 лет спокойно рассуждает о Книге Иова! Все еврейские дети вундеркинды, но этот! Что-то пугающее. Гений!

Чем дальше в лес, тем больше дров. Представить следует, зеленый сорванец, вчерашний ублюдок этак спокойно, даже весело сообщает нам об исключительном и особо пристальном внимании послепленной иудейской мысли к типу невинного страдальца; размышления об Иове и Данииле, об истолковании пророчеств, о рабе Господнем Исайе, всё это появилось в катастрофическую эпоху разрушения Второго Храма и гонения Мессии из колена Иосифа. Еще более рельефно смысл искупительной жертвы невинного страдальца виден в истории мучений рабби Ишмаэля, описанной в Аггаде. Чему учит эта пронзительная история? Оказывается, Бог вкладывает судьбу мира в руки мученика, и невинный страдалец волен уничтожить этот несправедливый, страшный, безумный, преступный, отвратительный мир, но он предпочитает благословить его своей смертью: он, и только он, оказывается спасителем и искупителем мира!

В евангельские и последующие времена христианская Церковь в полной мере разделяла с Израилем экстатический порыв сообразовать жизнь общины с образом невинного страдальца. Она видела себя, говоря словами Оригена, «кровью и водой, истекающими из ребер Спасителя на Кресте и питающими весь мир». Церковь вела богословские диспуты с иудеями, иудеи энергично отлучали христиан от синагоги, но была жива иудеохристианская община, традиции, и взаимопонимание еще было возможно, несмотря на все злые песни. Но вот христианство становится государственной религией Римской империи, отпадает от Истины, это и трагедия всего человечества; увы, с этого момента вся ситуация радикально меняется. Стоит вспомнить, что в 346 году, сорок лет спустя после преследования Максимина Дазы, еще при жизни некоторых исповедников, были запрещены языческие культы и начались отвратительные гонения на язычников. Именно с этого момента, стоит отметить, подчеркнуть, Церковь христианская изменяет самой себе, изменяет своим идеалам, которые не от мира сего, решительно расходится с общественным идеалом и историческим путем Израиля. Отныне историческая церковь не ставит себе цели быть для мира тем, чем для тела служит душа, по слову Послания к Диогнету: незримым, неистребимым, безответным смыслом его бытия. Она хочет руководить миром, воспитывать, украсить и увенчать его. При всем чрезвычайном разнообразии в истории поместных церквей и глубоком различии между историческими концепциями православной, католической и протестантской конфессий, отметим общее: добровольно, не будучи поставлена в безвыходное положение, ни одна христианская церковь не отказывалась от ориентации на силу и могущество, на собственную

власть, костры или на поддержку светской власти; за веком век бежал, она эволюционировалась плотно и окончательно, всё больше с каждым столетием превращаясь в тело сатаны; всё это старо, всем известно, как известно, что изображение Невинного Страдальца находилось в каждом храме.

Но жизненный путь Невинного Страдальца был продолжен на земле в историческом пути еврейского народа, избравшего добровольное мучение как основную форму жизни. После разрушения Второго Храма выражение *киддуш хашем* (освящение Имени) глубоко внедряется в постоянный литургический арсенал еврейского народа, и в ярких образах Ханны и ее семерых сыновей, десяти мучеников и других подобных им, входит в благочестие и традицию. Да далеко за примерами не нужно ходить, тем паче не нужно глубокого знакомства с историей, чтобы уразуметь и надлежаще закрепить: практика мученичества входит в быт. На совете в Лоде законоучители формально придают выражению *киддуш хашем* смысл самопожертвования из религиозных соображений. *Киддуш хашем* объявлен долгом каждого еврея, принуждаемого совершить идолопоклонство: крещение, убийство, прелюбодеяние. Еврей должен предпочесть смерть нарушению Субботы и Праздников, ритуальной чистоты, употреблению нечистой пищи. Это засвидетельствано в чеканной форме в Послании к Йеменцам (Эгерет Тейманим) Маймонида, где пересказывается древняя формула принятия прозелита: Если кто-нибудь проявляет желание стать иудеем, его спрашивают: «А знаешь ли ты, что значит быть иудеем? Это не значит стать сыном Авраама, но значит потерять родину. Это не значит быть отцом Исаака, но потерять сына, не быть Иосифом, но быть проданным в рабство, не быть Исайей, но быть замученным до смерти. Всё потерять, жить в унижении и погибнуть — вот что значит быть иудеем». И если тот ритуально ответит: «Я знаю, и я недостоин» — его принимают без дальнейших расспросов. Так сформулирована и так воплотилась в истории ориентация Исторического Израиля на образ Невинного Страдальца, и в этом аспекте не христианская Церковь, а Израиль с его фундаментальной, принципиальной, онтологической нерастворимостью в реальном историческом плане являл и являет собою распятое тело Христово.

В общих чертах уместно напомнить печально знаменитые антиеврейские проповеди Иоанна Златоуста, произнесенные в 387 году в Антиохии и легшие в основу всей последующей антисемитской литературы, а некоторые новеллы императора Юстиниана, касающиеся евреев, поражают текстуальным предвосхищением нюрнбергских законов Третьего Рейха. Так было всегда и всюду: где Церковь влиятельна, там евреев преследовали свирепей, чем там, где инициатива исходила от светских властей, словно Церковь христианская испытывала ревность к Израилю, непонятную и необъяснимую в свете доктрины о Новом

Израиле, пришедшем на смену Ветхому. Значит (опять бойко, смело и без оглядки дует, непостижимые и дерзкие мысли!), Церковь сознавала, что еврейский народ идет именно по тому историческому пути, по которому должна была идти христианская Церковь, и, не желая иметь перед глазами пример во всей его исторической актуальности, стремилась принудить Израиль отречься от самого себя. Историческая Голгофа была возложена на плечи евреев, и это самое важное, ценное, глубокое, что есть в нашей замечательной истории, Голгофа стала нашим главным и единственным таинством. Исполняя евангельский пусть, евреи сами не знали о его сверхисторическом значении, мысль иудаизма билась в тупике, из которого можно выйти лишь в таинство Воскресения, которое не что иное, как тело Христово, распинаемое гонителями. Судя по действиям нацистов, само историческое бытие Израиля представляет собой абсолютную мистическую ценность, промыслительное таинство...

Христианские Церкви, прежде всего православие, должны преодолеть гордыню и ослиное упрямство, отречься глубоко, полностью и чистосердечно от порчи, от сатаны, которому по существу поклоняются и причащаются полторы тысячи лет (догадываетесь, куда клонит? звучит тихое, вкрадчивое слово), обрести свободу от мира сего, его властей, всем своим историческим бытием сделать шаг вперед и выйти навстречу евреям, войти с ними в Освенцим и там из рук евреев принять терновый венец, обрести свой подлинный исторический образ и истинное назначение — выбрать путь Невинного Страдальца, отрока Господняя, Иисуса Христа!

Кольнуло в бок, каково! Ну — сиротка (недоносок, вчерашний заморыш)! Ну — детина-дитятко! Ну — дает! Долго соображаем, мучаемся, что же такое он нам сказал, сидим, словно аршин проглотили, а голос Паши нахрапист, набрал силу, в нем появился металл (не медь звенящая, гудящая, а сталь), прогарцевал будь здоров, эдакое загнул; смекалист, речист, во всех вопросах очень сведущ, такая ума палата, быстр разумом, вундеркинд, а не жалкая, гнусная жертва печально-трагического, зазорного вывиха, недоносок, родившийся величиной с ложку на седьмом месяце! Опупели, заворожены пусть и не очень съедобным фруктом, плод незрел, кисел, неудобоварим. Тревожный симптом.

А всё же, всё же, что сей сон значит? Напустил мглистых, многоцветных, импрессионистических туманов. Есть ли в нем своя животрепещущая, неукоснительная правда и здравый смысл или всё это басня, наваждения и фантазерство четырнадцатилетнего, задающегося, жутко переучившегося еврейского болвана, имеющего, к несчастью, совершенную, емкую, абсолютную память и вообразившего себя столпом и основателем новой истины? Сколько тут гордого, запредельного высокоумия и высокомерия, и это в 14 лет, неплохо пострел, беда с ним,

способная бестия, крылат, да этот даст фору любому взрослому и *сборит*; установка на гениальность (вообще-то для интеллигентной, прогрессивной, просвещенной *Кухни* это не очень большая новость, к вундеркиндам у нас давно привыкли, все наши дети поголовно вундеркинды, все на скрипках пиликают, пилят, играют), рехнуться можно, крепко, наотмашь, хамски бьет по мозгам и нервам, тут ничего не попишешь! Все разжевал и в рот положил, нахраписто на психику давит, а глотать нам не хочется.

По правде сказать, мало радости эдакую велеречивую заумь слушать, помнить невероятное, фантастическое; вчера это был недоносок, убогий ублюдок, дебил, на которого пальцем только показывать, которого интеллектуальные родители очень совестились, скрывали, от интеллигентных гостей прятали, а нынче это поучающий вас всезнайка, притом обалдую всего 14 лет! Внезапно вымахала орясина, уже знает всякие там подозрительные, тревожные, мутные вещи, откуда такие дети берутся, проморгали развившуюся ослепительную вундеркиндность, а строен! кипарис! заглядение, юный Давид! плюс — задатки гения, а гений, по определению, несколько не в себе, нервные припадки, разные сомнительные и странные голоса слышит, шестикрылые галлюцинации на перепутье ему запросто и частенько являются, знаем и побаиваемся бескомпромиссных, клинических пророков, которые слышат всякое там, бодро следуют за тем, кого слышат, по ту сторону добра и зла, всё дозволено; предпочитаем норму, меру, нормальность, средний царский путь, больше трезвости, реализма, подальше бы от этих.

Наши чувства растерзаны, расхлестаны. Все же в глубине души дико гордимся Пашей, восхищаемся, речь не юнца, а мужа! да какое мужа, выше поднимай, на наших глазах рождается пророк. Все одновременно и разом вспомнили, что крестным отцом Паши был Феликс Карелин, ясновидящий, его введение во храм православной Церкви сопровождалось сверхъестественными явлениями, яркую, как солнце, чудную звезду видели, что бы там некоторые ни говорили, а Карелин имеет богатейший мистический опыт, не меньший, чем у Даниила Андреева.

Кухня дезориентирована, у нас в душе раздрай, дрогнула, затряслась мелким дрипом фибра, неприлично, нервно, ощутили несостоятельность, неполноценность, испытываем чувствительный укол самолюбия, охвачены немотой, на всякий пожарный случай ретиво моргаем глазами, вякнешь, в калошу сядешь, напяливаем на лица гнилые улыбочки терпения, снисходительные, елейные, бакалейные, согласитесь, не очень приятно всё это выслушать, как-то и почему-то смертельно и не на шутку струсилось от настырной, звонкой зауми, тарабарщины, в которой трудно сходу разобраться путем; тускло, скучно и бессмысленно улыбаемся, нам предлагают открыть глаза, проснуться, сделать умственное усилие, преодолеть зашоренность, в ответ мы огрызаемся, даем

отбрех, тявкаем что-то жалкое, пустое, во всем этом блестящем построении смутно чувствуется что-то подколодное; неясное, тревожное, опасное, баламутное, бунтарское, подпахивающее злым апокалипсисом, чего следует активно сторониться. Соблазн, соблазн. Не хотим! И мы заявляем, что не собираемся ему кадить, шумно рукоплескать. Так-то.

4. Задерем подол у матушки России

Еще сколько-то лет минуло, на стене его комнаты появилась и сияла карта Израиля, мотаем себе на ус, так! и где он такую откопал, красавица, Афродита, оторваться нельзя, притягивает глаз! произведение высокого искусства! Ах вот оно что (следует крепко помнить, что в те годы отвальные настроения еще не носились в воздухе и эти смелые идеи еще не имели на *Кухне* четких опознавательных знаков)! Точно, как в воду глядели, предвосхищение, теперь-то ясно, куда его сносит, впрочем, не придаем большого значения всем этим интеллектуальным шашням с иудаизмом (возрастное? крайность мнений? парадоксализм? идеологические завихрения и выкрутасы юности?). А напрасно! Опасны и блудливы пути разума, в этой пытливой, творческой голове зреет (или уже созрела) интеллектуальная авантюра, уязвлен Израилем, и эта неотлипная идея переехала, перепахала его душу, звериная, генная тяга, намылился на историческую, заветную родину. Пусть у нас и Евклидов ум, да и не требуется глубокого знания человеческого сердца, чтобы уловить, какую отраву паренек вкусил, чем кормится, чем раскочегаривается юношеское охломонское воображение, к чему всё это и куда этот умник клонит, куда укренилось сердце избранника, сохнет, куда скользит, соскальзывает. Слышим, всё этим сказано, избранность никогда и никем не отменялась и не может отмениться, так-то, и это явится предтечей и предвестником общих завтрашних настроений: ехать надо!

Наступил, нахлобучился сомнительной, даже враждебной, непредусмотренной ушанкой новый день; трубный, агрессивный глас генной памяти воссоздал и возродил цельное мировоззрение, неистовым фонтаном прорвался внутренний родник правды, взбрыкнула томящаяся, мятежная душа. Вообще-то он еще ребенок, дитя, ему было без малого 16 лет, и по вдохновению свыше, преодолев душевную чересполосицу, расторопно, решительно влетел в курьезный сюжет; вот вам эмоциональный, переживательный, напряженный, тенденциозный спектакль — с холодным, ясным сознанием, смело (новая, горячая любовь, требующая сосредоточения сердца и ума, изгнала бабьи сказки, темные страхи и все глупые, гнетущие языческие суеверия, чуждые и противные истинному, цельному иудейскому самосознанию) и без лишних слов отчубучил, решительно набедокурил, нашкодил по-крупному, учинил

то, что когда-то скромно (полно и точно) называлось смачно и просто *погромом*; изловил, урвал момент, когда опостылевшей, тухлой, недалекой, пошлой и непроходимой зануды-бабушки (русская, маразматическая, беспамятливое ничтожество), не было дома...

Представляете, самый конец мая, выдался на редкость теплый, тихий, мягкий денек, тридцатое мая, в соседнем дворе скамеечка, сумасшедше цветет сирень, буйство сирени, бабуля выплыла посидеть на скамейке, задумалась, челюсть как-то сама отклячилась, частенько в возрасте недоразумения с челюстью случаются, подстерегают (покойникам следует вообще челюсть подвязывать, чтобы они с противной, отклященной челюстью вечно не гнили в земле), размечталась под влиянием весенних дурманов, расслабилась, а что тут плохого, предалась воспоминаниям, грезы наяву, наваждение, возмечтала, разомлела, где и когда ей дарили цветы, было, было, когда же это было последний раз? и за ноги хватали! всё в жизни было; затем она почему-то стала припоминать, что знала, о Екатерине Великой, та предпочитала молодых, имела их в большом изобилии, и у блудницы на троне наступил последний раз, от этого не уйти, всё и у всех случается это в последний раз, хлебаешь воздух и — конец; сирень, сирень цветет, цветет и отцветет, белая мышь, странно белая, юркнула в помойку, поди разбери, может, символ быстротекущей жизни, у Толстого где-то притча — лев, дракон, заблудок висит на кусту, над пропастью, цепко держится, стебель куста мыши жрут, подтачивают, мелькают, белая, черная, день, ночь — сутки прочь, а этот легкомысленный недоумок плюнул на дракона, на льва, на мышей, набросился на сладкие ягоды, что на кусте растут, а может, прав он, мудр, лови мгновение? дети слишком рано в дремучие, бесстрастные старухи записали и упекли, женское и всё такое у нее не кончилось, вполне могла бы развернуться, давать дрозда, как та грандиозная царица, в 67 лет имела любовника, которому и тридцати не было, никакой гримасы, никакого извращения, Платон Зубов вполне был доволен своей участью, чего еще надо: вошел в историю, любой школьник его имя знает...

Опять бабуля вспомянула, как хватали ее за ноги, томные чувства заволокли сознание, таила и таила; потом она ясно видела связь между ее мечтаниями, чертов выплеск, и тем, что случилось, как между причиной и следствием; лукавый попутал, горькие слезы лила, глаза закатывала, как курица, я этого не заслужила, вздыхала тяжко, словно готова была разразиться проклятиями, не решалась покуситься, крикнуть, звать — Торквемаду и с винтом на вас, Гитлера и с винтом! а этот, как дорвавшийся свирепый вепрь, увлекся, активен, раж, горячая потеха, утеха, в итоге ничего не соображал, запал специфический, идейный, горел огнем, семейное, наследственное, разбушевавшаяся стихия (стихия, природа, штормы, бури — вне морали), не унимался долго,

бурный дух революционный, учинил настоящий погром, а еще говорят, звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас, порубал топором иконы, бабушкины и те, что остались от матери; оперативно, старательно, честно, нравственно серьезно хозяйничал, со смаком, словно решил поразмяться, ах, раззудись плечо, удаль молодецкая, вдохновляет и организует волю спущенная и запущенная на произвол волн мускульная энергия, лучше, чем слово, организует, настоящее дело бодрит сердце, не понарошку всё, дядя не шутит, экстаз самоидентификации, горячка битвы, похоть жаркая, то, что по Фрейду зовется сублимацией половой энергии, эй, вы, Небо, снимите шляпу! Наскок, интересный, рискованный наскок, прорыв, так рождается, становится (становление!) герой и творится культурный подвиг, провоцирующим соблазн, манящим топориком, *сим победиши*, надежным, цельнометаллическим, отцовским; усердно и вкусно бесчинствовал, блажь, бунтарь, от души выложился, страсть, удача, удалось, дух разрушения есть дух созидания, учил еще Бакунин. Порубал проказник, прыткий шалун, несносный воитель (едрит его, дурака, недоноска, мать, бабушку и прапрабабушку, красавец светло-русый, русский богатырь с голубыми глазами, витязь, князь, под стать Есенину в юности, узкие бедра, широкие плечи, строен, слишком, до стандартности, куда вся плюгавость делась? сошла, как с гуся вода) ценного, просто музейного Спаса, завидного, в считанные минуты разделал, динамизму нет предела, кипучая энергия, а икона мамина, а раз мамина, мама, родная мамочка, а значит, понятно, его, Пашина, наследственная, а не старой и безмозглой, впавшей в детство дуры-бабушки, сокрушающейся сердцем (бабушек вообще никто и никогда не слушает), а раз его, вы признаете, что его икона, так чего жлобитесь, не ваше собачье, сучье дело! Всё понятно, это он в порыве благородного бешенства усердствовал, стильно, есть стиль, разумеется — авангард, настоящий, честный, точно рассчитанный обнаженный сильный прием при обнаженном подсознании, Маяковский, Малевич, Эйзенштейн, Мейерхольд, конструктивисты, Татлин, Родченко, словоизвержение, приговаривал, запускал дидактику, экспрессия, не плох риторический уровень, нравственный закон внутри нас, *я вам покажу торжество православия, помнить будете, чертовы идолопоклонники, мракобесы, антисемиты*! порубал Спаса, молодо-зелено, не делайте из мухи слона, всего-то ничего, характер показал, обнажил, задор, ревущий романтизм, жесткий нонкомформизм, возрастное, горазд рубать, отвел душу, в азарт вошел, гулял, как ненормальный, засос, силушка по жилушкам похаживает, соскальзывая с перехлестом без большого затруднения в беспредел; а этой иконе, трагизм положения! весело было нам! слезы, слезы! скорее кумекайте, XVI век, в хорошем состоянии, эту икону, цены ей нет, ой, не лады, музейная вещица, с руками оторвали бы, велик соблазн такую порубать,

ай-ай, нисколечко не одобряем темного погрома, несправедливое деяние, глупое, гадкое, идиотское! без ножа зарезал, уж как нашей благоразумной, трезвой, теплой, интеллигентной просвещенной, прогрессивной *Кухне* очень горько было, что Спаса так форсированно, бездарно, мерзко употребили, ...

(горько, язвящая язва: за этим агрессивным поступком можно увидеть, наверняка найдутся такие, неприметно увидят нечто подозрительное, неслучайное, темное, нехорошее, о чем и думать страшно; скажут, без микроскопа угадывается наше коммунальное, общее подполье, мура и муть, вечное, темное — предмет вечных вожделений, тайных, но мы, мол, это не хотим видеть и узнавать, не можем честно признать и гневно отвергаем с порога, будем отрицать даже под пытками, а вот в поступке Паши всё это легко отгадывается, выплыло, легко просматривается, просчитывается надличный знак, бурно прорвавшийся наружу сквозь строгую цензуру из потайных, секретных глубин подсознания. Скрываемое, тайное этак нагло откровенно вылезло, выперло наружу, выскочило, выплеснулось, оголилось, и мы разом вспомнили, вспомнили и разом, дружно вильнули, промолчали: картинка, представьте — Генрих Ягода в предбаннике, голый, как в раю, в этом смак и немалый, с револьвером в руках, злобно, экстатично, сладострастно расстреливает иконы; а вот еще картиночка, забывши страх и стыд — Лазарь Каганович, собственной персоной, совсем распоясался мазурик, бесстрашно, собственноручно, демонстративно включает рубильник, раз! бенц! эффектное шоу! метафора! полетел ко всем чертям с матерями храм Христа Спасителя, символ мракобесия, обскурантизма, черносотенства, словом — православия. Пусть легенда, всё одно что-то в этой легенде есть, не случайно, именно ему, подонку, клеится, инкриминируется это деяние, а не кому-то еще, ее принимают за чистую правду, в нее верят, пустил, вошло навеки в историю, крепко, плотно приложил, припечатал, звезданул, превосходно сформулировал, талантливые люди эти евреи, все талантливы, даже подонки! отдать надо должное, знал, играл, шалун, ой, шалун, шалунишка! что делал, что творил, отдавал себе отчет, хорошо сказал, невероятно талантлив, блеск! помнить будут в веках: — *Задерем подол у матушки России*! И — задрал! Хорошо задрал! Сознайтесь, отлично сказано! Блеск! Самое опасное, а такие есть, не мало, все стали умными, начитанными, какой-нибудь Парамонов, если не струсит, в этом поступке Паши узрит некую метапсихологию, коллективную, общий менталитет, отгадает, признает нечто архетипическое, тщательно скрываемое тайное желание каждого еврея, проявление его тайной сущности; не в бровь, а в глаз, что из подобных отменных, энергичных, символичных подвигов как бы и состоит наша тайная летопись, коллективные сны, подсознательное, устойчивое, наша тайная священная история, сплошной, плотный, непрерывный ряд, стоят друг другу в

затылок: Яши Свердлов, Юровский, со сладострастием убивающие царя, Николая Кровавого, и царевича, ребенка, государь взял мальчика на руки, Каганович, шоумен, со вкусом взрывающий храм Христа Спасителя, всю душу художника вложивший в это шоу, Ягода, голый, расстреливает иконы, и наконец, полюбуйтесь вы на нас, голубчик Паша, нами, на *Кухне*, выпестованный, наш славный гений! Вот вам архетип во всей невозможной красе, всё, никуда не денешься, любуйтесь, сверхличный символ Юнга, и от этого потрясного, страшного открытия можно прийти в ужас, страшны архетипические глубины безумной еврейской психики, ради Бога не обобщайте, вон Фрейдов, Юнгов, Парамоновых, не будем годить, вон! вон весь этот неподобающий, безответственный, подлый, лживый психоанализ!)

... и *Кухня* с безумного, патологического перепугу отпустила худое увещание нашему темпераментному, разгулявшемуся гению, безапелляционно объявившему себя усердным и ревностным орудием Бога. Не до шуток, да к этому золотому Спасу на пушечный выстрел не надо было подпускать переучившегося возмутителя спокойствия, страдающего пароксизмами азартной, лютой шизофрении (стихийное бедствие); хотелось кроме всего прочего начистить ему зубы, желание вполне естественное и в то же время педагогическое воспитание простого приличия, очень хотелось привести его в чувство, запереть под замок, как безумного. Неужели так никто и никогда не начистит? Порка, простая русская порка — первое лекарство от высокоумия, отлично выбивает дурь, очень полезна, бы(*и*?)тие определяет сознание, а задница — могучий орган познания. А теперь от идиотки-бабушки жди оды Гитлеру или еще какую-нибудь свободную импровизацию на близкую, интимную тему. С этой роковой семейкой что-нибудь такое, малоприличное, то и дело творится.

5. Я не слезу с вас!

Международные женский день, мальчикам положено картинно преподносить девушкам цветы, хороший обычай, рыцарский, забудем о Кларе Цеткин, радостный весенний праздник, а у нас всё не слава Богу, опять искры посыпались в разные стороны, опять *коса на камень*, принцип. Слушаем Пашу, умно резонит, ловко в словах барахтается, поет, заслушаешься, чистая, пронзительная трель соловья, заумные речи, всегда высоко держал планку, сызмальства блистал незаурядным умом (ревность не по возрасту, а лишь по мощи чистого разума!), мы подавлены, не решались добродушно комментировать (выпущена обойма агрессивных, важных, ключевых терминов еврейского словаря), зелено, молодо, боготворили его, самую чуточку терялись и страшились сверкающих молний детского разума (пора аплодировать или это опять та

самая клейкая, привязчивая, неотступная наследственная шизофрения? в его волшебных васильковых глазах дико пляшет, видно невооруженным глазом, черное пламя, заслоняя голубизну, агрессивный недуг, опасная, губящая дурь; нам одно оставалось: понимающе и многозначительно качать головами, взирая на буйную, заносчивую, нетерпеливую юность), помалкивали в тряпочку, выдавали дежурные улыбки, напуганы не на шутку, сокрушаемся сердцем, трухнули, как бы чего не вышло, видели в смелом и решительном подвиге не печальное затмение детского ума, а символ — и смелый, дерзкий, указующий путь, хотя с отвратительным привкусом, смущающим, коробящим совесть, компрометирующим чистоту идеи и чистоту сверхценности. А он свихнулся совсем и, как все свихнувшиеся (читайте Дон Кихота), сложно и затейливо изъяснил подвиг открытием новой, сверкающей, ошеломляющей истины, которой очарован, испытывал победоносный, патетический, гремучий восторг, если бы знали, что такое вдохновение, если бы хоть раз в жизни слышали торжественный гул под черепом, то взмахи крыльев тысячи тысяч орлов!

Тараторил быстро, следить не успевали, сто слов в минуту, может и больше, ну — божий пулемет, со слуха трудновато ловить смысл, слушаем новое откровение юного всезнайки, гипертоника, страдающего головными болями, запорами, и его рассуждения о *Константиновом периоде* в истории христианства, названном по имени римского императора Константина, который Паша решительно обозвал *сатанинским*, — вообще этого смелого, хлесткого выражения и следовало ждать, к этому дело, сами понимаете, неумолимо шло. Слушайте дальше! Внимание!

Христианство, пользуясь поддержкой власти, в свою очередь являясь главной опорой власти (Рим 13, 1), зачастую прямо выступая в качестве власти, фактически доминирует в ту эпоху на Западе да по существу и в остальном христианском мире. В границах рассматриваемой парадигмы, которую мы определили как *сатанинскую,* существуют всевозможные варианты отношения Церкви к государству, но суть одна и та же, а потому естественно и везде оформились стереотипы христианского антисемитизма, хотя корни их уходят в доконстантиновское прошлое, имеется ввиду представление о евреях как о богоубийцах, злобно распявших *саму Истину.* Несмотря на то, что непосредственными и прямыми организаторами Холокоста выступили не христиане, а нацисты, адепты бурной творческой новоязыческой идеологии, в которой, как известно, сильна примесь магизма, тем не менее, и это не вызывает никакого сомнения, только века христианского антисемитизма сделали возможной Катастрофу, уничтожение шести миллионов евреев, и все христианские конфессии несут моральную ответственность за истребление еврейства нацистами. Примечательны, проницательны слова объ-

ективного еврейского историка Хильберга. Опять бах-бах-бах, сбацал, ей-ей — пулемет, вынимает заготовленную бумажку, зачитывает: «Христианские миссионеры говорили нам, в сущности, следующее: вы не имеете права жить среди нас как евреи. Пришедшие им на смену светские правители провозгласили: вы не имеете права жить среди нас. Наконец, немецкие постановили: *вы не имеете права жить*! Таким образом, этот процесс начался с попытки насильно обратить евреев в христианство, развитием этого процесса стало изгнание преследуемых, а в конце обрекли евреев на газовые камеры, *дышите глубже*, сколько можно, каждый день газовая камера? Нацисты не привнесли что-то новое и интересное, лишь завершили логически то, что начали христиане».

Между прочим, отметим, западные, честные, творческие христианские конфессии согласны с таким тезисом и осознают свою ответственность за уничтожение евреев нацизмом. Выдающийся христианский богослов Мец настаивает, что теология и литургическая практика после Освенцима должна радикально измениться, а согласно Маквартдту, после Освенцима вообще следует переменить не только жизнь, но и суть христианской веры, необходимо радикально переосмыслить основные догмы христианства, изменить символ веры.

Однако Русская Православная Церковь ни в коей мере не осознает свою ответственность, полностью разделяет традиционный антииудаизм, постоянно перерастающий в цветущий, пылающий махровым цветом антисемитизм. Русская церковь, душа-то византийская, под подозрением, пошла безоглядно на грехопадение, на союз с коммунистической властью, целиком и полностью приняв политику Совдепии, разделив ответственность. Эта позиция получила наименование «сергианства», по имени митрополита, а позже пресловутого, с теми еще рогами и копытами, не к ночи будь помянут, патриарха Сергия. Поддержка Церковью коммунистической власти явилась одной из причин ГУЛАГа. У русского православия нет перспектив, оно было, останется во власти князя тьмы. Эту публику, вопреки букве символа веры, скажем, в качестве исключения перекрещивать следует — так бездонно падение, им хоть кол на голове теши, твердят свое: у нас старцы! Какие старцы? Да все эти бесчисленные Таврионы, Иоанны Крестьянкины — черносотенцы, антисемиты. А чего стоит суеверное поклонение иконам, мирротечение, чудеса? Идолопоклонство, темное, преступное, влекущее в преисподнюю жутковатого язычества, ультрареакционного, близкого фокус-покусам нацистов...

Бу-бу-бу, как из бочки, надменно шлепает губами, трубит булькающим, бычьим голосом о том, о сем, нервно и до чрезвычайности нажимает, припечатывает. Еще мысль, красочная — мол, существует поверие, что на их семье лежит *проклятие*, наведшее порчу на род, которое следует снять, смыть, следует покаяться и очиститься, чушь,

кто верит в неблагополучные гены, в неблагополучный или счастливый жребий, тот ходит по струне и боком, как в древнем Египте, и не верит в Бога!

Продолжает нас дразнить, поддевать, подковыривать, драконить, всё в этом мире неспроста, нет случайности в историческом процессе, всё, что случалось и случилось с евреями, — возмездие! Потрудитесь осмыслить и запомнить, потом не говорите, что ничего не понимали, не ведали, не знали, не зря нам, евреям, послан сей предупреждающий трагический опыт, глаза разуйте, необходимо честно осмыслить Катастрофу, религиозно осмыслить! Ему, Паше, противно это жалкое, подлое бегство от фактов, от истории, бегство от жизни и ее правды, насквозь вас вижу, амфибии, перевертыши! Здесь вам светить не будет, не обманывайте сами себя, не верьте Меню, попу вонючему, никогда мы здесь не станем своими. Наше предательство, мимикрия, приспособленчество было вызовом Небу, естественно обернулось бумерангом, крепко стукнуло, всегда будет оборачиваться так.

Паша изрекает дерзко, даже слишком дерзко, во всю старается, пророк, еще не такие вас ждут катастрофы, если не перестанем сами себя обманывать, обкрадывать, если не опомнимся, если не спадут с глаз страшные бельма, если не проснемся. Он проснулся, очнулся от глубокого обморока, проколоты бельма, *вижу, вижу, вижу и слышу! Израиль, слышу благую весть!* перевернут, перепахан вдоль и поперек идеей Израиля; колоссальное, невероятное прозрение. Станешь серьезным — такое услышишь. Говорит, говорит, обрушивает на нас всю мудрость и мощь тысячелетней истории, интеллектуально изворотлив, в глазах злой, безжалостный, беспощадный, абсолютный апокалипсис пляшет. Бьет тревогу! Сеет панику. Сквозняк...

Судьба евреев в наше время, выключая Катастрофу, плата за измену, за беззастенчивое предательство, за любовь к чужому небу и этим подлым, фальшивым березкам, к дурацким, пошлым русским песням, *летят утки*, за неумеренную любовь к Пушкину, за смешанные браки. Кант, Фрейд открыли, растолковали, разжевали, что разум человека не только не чист, но прямо-таки грязен. Нет чистого разума! А разум же еврея, следует добавить, подчеркнуть жирной чертой, сугубо не чист, мутен, сален, непристоен, и он, Паша, ненавидит, презирает, не находит прощения евреям, влюбленным в Россию, в загадочную славянскую душу, в отвратительную карамазовщину, есть, есть такие, тот же Пастернак, и он ненавидит лютой ненавистью Пастернака с его насквозь фальшивым, насквозь лживым доктором, с пошлой идеей ассимиляции еврейства. Он, Паша, сам таким был, знает, знает изнутри скользких, подлых устриц, знает, как устроен их подлый мозг. Лжецы, обманщики, фальшивомонетчики, прежде всего себя обманываете. Да, он перемахнул через себя единым смелым махом, из сердца изверг Россию,

презирает эту страну, ее культуру, ее Церковь, Православие, ее народ, всё русское, ненавидит русские глупые, пошлые сны, русскую идею, Третий Рим, Филофеев и других сукиных детей, всяких старцев, пустынников, лживые, подлые березки, в гробу их видал, в белых тапочках, ненавидит русскую лень, вечный перекур с дремотой, пьянь, пьянство, русское свинство, обломовщину, авось, трали-вали, муде-колеса, дикость. Россия — это вторая Византия, позор цивилизованного мира, грязная, отвратительная лаборатория духовных ядов, антисемитизма. Да русский Иван, родства не помнящий, продаст вас и любого за бутылку водки, продаст со всеми потрохами! Гнушаюсь! Чужие мы здесь, иной, другой породы, у нас другой психологический механизм, иначе работает, другая группа крови, чешите отсюда, дальнейшее пребывание в России равносильно самоубийству, а то поздно будет, промешкаете, пособираетесь, идиоты безмозглые, трусливые, локти потом будете кусать!..

Надменный, гордый интеллект — задал высокую тональность: жми в Израиль, жми да и только, довольно коптить чужое, лживое, насквозь фальшивое, тухлое небо, отваливайте, стыдно вечно унижаться, приспосабливаться, жить во лжи и в вечной панике и страхе, скорее, поторапливайтесь, пока выпускают, пока дверь хоть полуоткрыта, эта дверь в любой момент может закрыться, захлопнутся, тогда полный каюк, кранты! Да не будьте, наконец, идиотами! Дух ярости, дух огненного Савла обильно подсоливался, подперчивался, приправлялся интересными, унижающими собеседника, уместными и разными цитатами из Торы, исхожена вдоль и поперек, вечный источник вдохновения, умно, тщательно и крохоборски подобранными; велик, полюбуйтесь вы на нас, бледность лица, волнующая женское сердце (злые языки компании Кузьмы говорили, что бледность от запоров), а — эрудиция! внятно, заранее продумано, давно готовилось. Уже не из книг, не влияние, а свое, из души и пупка вдохновение черпается, без затей втолковывает нам, собравшимся в этот памятный всем вечер на кухне, раздухарился, искренне и самозабвенно одухотворен лозунгом, рвущимся из сердца, талдычит с радостным причмокиванием, хитро караулит нас васильковым, внимательным, терпким глазом.

Не моргнув:

— Хватит греться у чужих костров! Внемлите, шевелите мозгами, добра вам, наконец, желаю! Дело говорю!

Стрессовая ситуация, духовное насилие, а мы, какие-никакие, а какие есть, такие уж уродились на свет Божий, вывернул душу наизнанку, стегает, метелит, прет, как на буфет, сердится, зашелся, солидны, серьезны перекаты баса, гремят, они перетекают в жуткие, дурные волчьи завывания, пугающие, кошмар за кошмаром гонит. И — зашелся в бесноватой знойной гневливости, вломился в пафос: Ибаррури, Пассионария.

— Я не слезу с вас! В этой стране всё затхло, душно от смрадного, подлого, сатанинского византинизма, невыносимо, тошнотворно и рвотно. Дышать нечем!

Обременен тяжелым самосознанием мессии, дождался своего часа, гремит раскатистым иерихонским громом, грозит, гремит анафемой, нагнетает ощущение сиротства и паники, всполошил всех страшными, активными словами, имеющими претензию на высокую объективность, а значит выгравированными в сердцах и на новых скрижалях, во всю занимается сионизмом в международный женский день, слабину быстро и легко надыбал, причмокивает, знатно вмазал послание к евреям, гудок запузырен во всю мощь:

— Кончай самообман, притворство и трусливое, гадкое изворачивание, русофобия во всех тайниках вашего сердца, не лицемерьте, не фарисействуйте, никого не обманете, ни для кого не секрет ваша онтологическая злокачественность, ваша нутряная, генная, астрономическая, черная, патологическая ненависть к православию! К Христу!

Взывает к простому здравому смыслу, уличает, уличил, схватил за руку, увлекся, импровизация, летят комья грязной хулы, довольно лжи, канальства, посредничества и жульничества. Кончай самообман, во лжи живете, склонность к высшему интеллектуальному мошенничеству, темные, закулисные сделки с совестью — страшный порок еврейства, вечная нечаянность, аморальный, глубокий, вечный основной корень зла! Отвергните самих себя. Оторвись! Сгиньте, бегите и не оглядывайтесь. И не извольте беспокоится. Вон из гетто, бегом, всякое промедление — подобно смерти! Наше место не здесь, мы — другие, есть специфика еврейского менталитета, вы это отлично знаете, евреи отличаются особым протеизмом, особым талантом притворства, подражания, умения вживаться в чужую культуру, посредничать, овладевать ею, всё и вся извратить, но такое не проходит даром, психика еврея, я это знаю по себе, будьте честны хоть раз в жизни, отворите двери вашей совести, ум лукав и изворотлив, еврейская психика искажена, деформирована метафизически вечным состоянием измены, трусости, декаданса, предательства!.. Поразительное признание! явный перегиб, загиб, зачем всё так упрощать, сложное сводить к простому, элементарному, страшен, тяжел кнут идеи, успевай поворачиваться, удар ниже пояса — запрещенный прием, ну ты рискуешь; этому славному юнцу цельности не занимать, редкостная цельность без всякой подделки и наигрыша! его сердце фигуряет, выкидывает лапидарное, твердое, однозначное, без всякой подделки и наигрыша, солнечное, абсолютное: — Нет!

Нам страшно. Откуда это у Паши? Гнетущая, гипнотизирующая власть слов, власть ключей. Ищем выхода, вспоминаем очень вовремя и к месту, что-то такое и эдакое, близкое выкрикивал Геббельс из суфлерской будки! А Горький не преминул бы в данном, конкретном

случае умозаключить: «Странные бывают совпадения мнений». У нас по понятным причинам перегар во рту, хотя в рот не брали, воровато отводим глаза в сторону, просим обороны, в глубине души сознаем некоторую, пусть незначительную справедливость его слов.

Вновь слышим обвинения, тычет, у вас мозги корыстные, лжецы мы и виртуозы предательства, никогда себя не признаем виновными, виноват весь мир, всё человечество, но не мы, ловко умеем себя оправдывать, обманывать, мы — нация с нечистой совестью, даже нация без совести и чести, хотим выжить во что бы то ни стало, присосались к древу жизни, простодушно, не различая добра и зла, у нас отсутствует самая элементарная интеллектуальная честность; не случайно здесь и везде среди других народов нас идентифицируют с ползучей подлостью! нас в России все ненавидят, а если какой русский не антисемит, значит — круглый дурак.

Каково? Знай край, свинья ты препорядочная, да как ему не стыдно! Пошел, понес, гонит волну паники, все всерьез, никакого наигрыша, смущены не на шутку, опять политические декларации, будь он неладен, уймись, жарит, революционный, дерзновенный, яростный пыл нетерпения, рвется вперед, сильный, прямо шекспировский характер, окаянный лом в глазах, молнией злой правды озарял путь, отряхнем прах с наших ног, отряхнем поверхностную, наносную пену христианства! а дальше начинается сущий бред, созрел и перезрел, зовет на решительный бой, труба зовет, призыв из глубин еврейского духа, фантасмагория, подвиг! *брань хульная* изрыгается, обнажим глубинные процессы души: бывает, всё бывает, вовсе распоясался, забыто о тех, кто не собирается ехать, пугает, вгоняет *Кухню* в беспамятство ужаса, хлещет нас активными словами, чистая, откровенная демонстрация, демонстративно расплевался, максимализм, давай не будем, осади, твори безобразия дома у себя, на Гнездниковском, а не на славной *Кухне*, зачем повадился на наши сборища, зачастил? Кафедру нашел? Огни рампы?

Непристойная буффонада, докатился, самозабвенно резвится, искушение, ой! искушение, ку-ку! Перед нами блистательный интеллектуал, критически мыслящий интеллигент, всё символично, мощный символ! Гляньте! Не верим. Элегантно кидает в угол кухни, где мусорное ведро, томик Пушкина. Там, в Израиле, Пушкин абсолютно без надобности и одно искушение, дудки, русские могут сколь угодно молиться на идола, за бугром, на просвещенном, цивилизованном Западе, Пушкина всерьез не принимают, в грош не ставят. Опять, опять, в этой демонстрации проявлена высшая форма самоотчуждения и самоидентификации, честность высокая, ипостасная (емкий, точный термин), непокорная; мозгами смелее, энергичнее ворочайте! Ну — хватил, слишком, распоясался, тише, тише, давай не будем, гонит волну, зарвался, что мелешь! Гуляй! Говори да не заговаривайся, горлан, проклятая семейка,

он, видите ли, единственный зрячий среди слепых, а у нас у всех — шоры, бельма; опять *брань хульная*, чрезмерность, ярится на нашу рыбью кровь, с разбега лает злобным овчаром, жуткий хай поднял, взывает, требует, чтобы мы преодолели теплохладность, приступ гнева, преступил, нарушил все границы, принудительно загоняет в идеологический угол, признак дурного тона и невоспитанности. Ну — масштаб! Давно никакой сиротскости, а тут вдобавок духарится, в плену азарта, ломает и напрочь отбрасывает устаревшую систему моральных координат, все дозволено, идея сверкает. Честная, зрелая, здоровая, фундаменталистская ревность, чуть, самую малость увлекся, сам себя завел, психанул, гуляет, решительно, энергично и без устали злодействует, одуматься и сообразить что к чему не дает, сгущает краски, наступает, искусство гона, гон, вера в себя, в свою звезду, чик-чирик, младая кровь вовсю играет. Акт мятежного, надменного экстремизма, веселился, тешился аспидно, жутко, самоотверженно; виртуозно, нахраписто, зело язвит, прямо-таки станок, безостановочный автомат классической русофобии. Это не импровизация безумца на заданную тему, а голос сурового Бога, рык страшного, могучего, мощного льва, царя зверей, наводящий мистический ужас на все живое, коленки дрожат, этот бесноватый голос нас опечаливает, смущает, достает, донимает, лишает напрочь элементарного душевного покоя, внутренней тишины, пугает, как пророка Иону, который утек в побег и за которым пришлось даже Левиафана морского гнать, пугает откровенной, бешеной русофобией, не прикрытой фиговым листом правозащитного движения и Хельсинкскими соглашениями или еще каким-либо удобным эвфемизмом, каким-либо тра-та-та (вообще-то не очень принято и гоже в приличном обществе демонстрировать такую откровенную, агрессивную, хлесткую, цветистую матрицу русофобии).

Полная раскрутка, словесный понос, еще одна эскапада, сказанул, завернул, гонит художественный текст, поэма, перл, совсем сдурел, глаза его занялись злобным пламенем и из ясно голубых сделались темными, почти черными, как бурная ночь, у последней черты; новый, новейший репертуар, продолжается целеустремленная, энергичная, слабину нашу надыбал, выставляет нас на позор, промывка мозгов, смелое слово, волну гонит, девятый вал бурной, опупелой, романтической русофобии, рявкнул, злющий окрик, разбушевался, как ненормальный, истерика, голос изменился, не узнать, свинью режут, подлый, отвратительный визг:

— Пушкина вам жаль? Давно пора выбросить из головы пошлые иллюзии шестидесятников и прочих либеральных остолопов. Чужой нам Пушкин. Здесь — водораздел. Не нужен, забудьте о нем! Послушайте, только не будем притворяться и кривить душой, махать руками, вам дорог Пушкин, вы его любите? Ложь. Мутная еврейская ложь! Вы же прекрасно знаете, что это откровенный, одержимый империалист, мах-

ровый, непереносимый русский шовинист! Не наш он, и это, поверьте, уже азбука. Это для них это незабвенный гений, гений из гениев, поэт поэтов, вся Россия пушкинский дом! Пушкин, Пушкин — твердят на каждом шагу, слюну сладкую пускают. А у меня он возбуждает лишь омерзение. Здесь все носятся с Пушкиным, как с писаной торбой. Икона! Сказать правду о Пушкине, всю — равносильно тому, что в икону плюнуть, кощунство. А нам он абсолютно чужой. Пушкин должен быть преодолен, остраннен, отстранен. Полюбуйтесь! *Красуйся град Петров и стой неколебимо, **как Россия**.* Каков протобестия! Такова, увы и ах, реальность, правда без прикрас, без глянца. *От вас узнал я **плен Варшавы**, / Вы стали вестницею **славы** / И вдохновеньем для меня! Иль нам с Европой спорить ново? / Иль русского царя уже бессильно слово? Смирись, Кавказ, идет Ермолов! Или победу над врагом Россия снова торжествует.* Хорош, а? Так с кем вы, евреи? С кем вы, мастера культуры? С империализмом? С блефом? С Пушкиным? Давно пора низвергнуть и похоронить всех национальных идолов!

Паша полоснул нас, как бритвой, взглядом умалишенного, темперамент, как у шизоидной и достопамятной революционерки бабы Анюты («мадам революция»), удавленницы. Триумф идеи, бич Божий, Аттила. («Да поможет мне Бог! Аминь».) Мощнейший, всесокрушающий, неукротимый, такое в голове не умещается, властный темперамент, несгибаемость, энергетика значимого, событийного, культурного, дымящегося жеста: легкий прищур, показуха, тот еще фрукт, вердикт прост и ясен, не сухостой, нетворческий акт, а знак — прицелился горящим глазом, и очередной томик удачно, красиво, художественно, только так и никак иначе, беспрецедентно и революционно, веселись, как черт, мать честная, курица мясная, утробная истина, страсть великой веры, одухотворенной, кураж и острая инициатива молодого сердца, распни, бдительно-мстительный прицел, реальность (и возможность), в которую не хочется даже верить (не было! забудем! у Борхеса в рассказе «Другая смерть» проводится мысль, что прошлое это лишь память о нем, а память запросто можно деформировать, тасовать, менять), брошен с неподдельной и искренней злобой; раз так нахально, хамски брошен, то и летит, художественный точный расчет, удар по нервам, живописно парит, роскошная, кондиционная метафора, культурный и культовый жест, грандиозное, подавляющее зрелище, то что в семиотике последнее модное время называется — «стратегия», не ошибся, театр абсурда, эффектный смертельный номер, пиши пропало ...

(Пауза, немая, выразительная жанровая сцена, как в финале у незабвенного Гоголя в «Ревизоре».

Шок, головокружение.

Робкий, неряшливый, нерешительный, вялый, безвольный жест протеста, жест робкого, растерянного, нерешительного возмущения, не

способного как-то влиять на нормальное, естественное течение жизненных процессов. Японский городовой! А потому может сложиться превратное и даже прямо ложное впечатление, что мы виляем, используем намеренно обтекаемые выражения, мол, молодо-зелено, зелено-молодо, милый проказник, шалый, интеллектуальная придурь, озорует, хмель романтики, молодости, не очень и не слишком энергично дистанцируемся, петляем, как заяц, что-то недоговариваем, не осуждаем плохой, некрасивый поступок, безвольно созерцаем безобразие, агрессивная русофобия которого услаждает наше тайное ухо, а безобразие явно уникальное, не желаем, хоть ты тресни, видеть в откровенном безобразии некий архетип поведения, в сущности малодушно, мнимо восторженно пасуем перед молодостью, силой и энергией, тем самым отчасти возвращая, восстанавливая чистую совесть Паши, контрабандой оппортунистически и малодушно реабилитируем его, тем паче не вступаем открыто, искренне, откровенно в борьбу с опасными тенденциями, эко, мол, диво, всё лишь слова, слова, слова, даже мастим ему, кадим, да, на словах может и клеймим, возбужденно машем руками, но осуждение наше фальшиво, наигранно, сердца наши радуются и ликуют, приветствуют злобные выбросы, мы охотно толчем воду в ступе, муссируем, даже немного любуемся героем, героем нашего времени (верность времени!), смотрим на него с почтительным благоговением, привносим утомительную амбивалентность в простой, пусть затейливый, занимательный, но по существу абсолютно ясный, прозрачный и легко прогнозируемый сюжет.

Мать честная, куриiца мясная! Да кто устоит против размашистой, бравурной тирании слов, против такой бешеной энергии, эдакого мощного, дремучий ужас наводящего, нечеловеческого напора? Оробели, страшновато, поджилки конвульсивно трясутся, коленки прыгают, как у покойного Женьки Васяева в кабинете следователя, икота прошибает. Нет, нет, вопиющая понапраслина, и в мыслях ничего такого не имеем, честно, совсем честно, отнюдь не одобряем Пашу. Напротив, глаза бы не глядели. Земля из-под ног уходит. Озноб берет, бьет, еврейские корчи начинаются. Что за наказание. Это уже не лирические стихи, не романтическая ирония, которую в Хулио Хуренито воспел Эренбург, не ложка дегтя, а нечто, что надо опустить, изничтожить, лишить бытия и не помнить, забыть намертво подробности, конкретику этого страшного паскудства хотелось бы вычеркнуть из памяти, нельзя с нами так, употребил грубый штопор, откупорил нас, ураган, наводнение, пожар, общественное бедствие. Хочется укротить и укоротить, закатать в глаз. В крайнем случае — клизму поставить, преогромную (с хорошим винтом)! Рта, в котором полынная горечь, нет мочи открыть, да и не знаем адекватных лингвистических средств для того, чтобы отбить охоту повторять такие и подобные срамные истории, не выработаны еще...

Судите сами. Всмотритесь! Вчувствуйтесь! Вслушайтесь в эти специфические хамские интонации, с каким вкусом и удовольствием наводит, напускает панику! Ощутите и почувствуйте сполна тяжелый кнут идеи. Разве надо объяснять, почему поведение противного юнца, едрит его, дурака, мать, бабушку и прапрабабушку налево и в перекиси марганца, оставляет крайне неприятный, гадкий осадок? Серой, быстрой мышкой мелькнула мысль, да чего он в своих грязных калошах лезет в наши души, теребит, пистон страстный, горячий нам ставит, молокосос, подавили порядочную икоту, страсть как смущены, озадачены вздорным, агрессивным сумасбродством, вредным и опасным, не слезает с нас, задал нам этот Паша, как говорят немцы, феферу и уебунгу; так или иначе (заверяем!), нас отнюдь не радует, что юнец со справкой и белым билетом, переучившийся гипертоник, зараза, страдающий запорами, моча ему в голову крепко саданула, сын невменяемой, шальной психопатки, Медеи и самоубийцы, внук сумасшедшей в точном смысле слова старухи, свирепой революционерки, троцкистки, общественной чумы, самоубийцы, в роду их, в крови демоническое начало, воля к самоубийству, самоуничтожению, к небытию, и он выдает себя за эдакого мессию, да какой он мессия, недоносок, родился величиной с ложку на седьмом месяце, не с истиной он, всё словно бы так, похоже, сплошняком и навалом пошлая приблизительность, рядом, мимо, ложь оглушительная, в вычурной фанаберии нос воротит, вопиюще бестактно перегнул палку, взрывно, революционно нетерпим в своих паранойных порывах и завихрениях, отлучен от совести, порядком забылся, а подобное осмысленное окаянство, хамство, дерзкий, обнаженно и откровенно фудаменталистский пафос, крутой вираж в досадную грязную подлянку (ему-то что, а нам, засвеченным, без вины виноватым, расхлебывать, послан нам на погибель, нам держать ответ, свинья-свиньей, наплевательское, скотское, грязное свинство, да это бесстыдное свинство того гляди обернется боком, начнутся порядочно серьезные неприятности, о масштабе которых страшно и подумать, бенц, сказано, *не напрасно*, вспомним русскую, очень русскую, пословицу, *как аукнется, так и откликнется*) — сей феномен породит, даже наверняка, как пить дать, в отношении евреев излишнюю и зловещую подозрительность, к чему взывать к Небесам о помощи, помощь не придет, раз сами виноваты, заносит, крепко увлеклись, теряем всякую разумную меру, порождаем, воспроизводим опасную, мистическую ситуацию: ведь со времен незабвенной, прекрасной Есфири, прославленной в Книге, сама в голову лезет картина Рембрандта: «Артаксеркс, Аман и Есфирь», какая Есфирь, невежество, гораздо раньше! наш народ вызывает изначальную неприязнь и иррациональную, беспричинную ненависть у абсолютно всех племен, населяющих необъятную вселенную (мы при этом энергично, шумно и всеми возможными способами пытаемся доказать, что этой

ненависти нет никаких реальных оснований — Ницше, Достоевский), и эту ненависть не следует специально усугублять, обнажая и разоблачая еврейское подполье, давать ей разумную, рациональную, как дважды два, основу. Не только не хватает самого элементарного такта и самой элементарной культуры, вообще сплошная безумная подлянка, какой такт? такта не ночевало! Как это не интеллигентно! Что ты — дурак, гипертоник или с роду так? Откуда лезет столько шизофрении и ее злой, разрушительной энергии? Заткнись! Да за такое можно и Гитлера схлопотать. И — поделом, поделом. Жди реквиема, *дышите глубже*, словишь реквием, икнется, да поздно будет. Остановись, мазурик, знай край! Намылился, не тяни кота за хвост, уезжай тихо, уматывай, катись и не выдумывай оправдывающую идеологию, не надо нам идеологического накала и фанфаронства, с тобой никто не спорит, не держит за фалды лапсердака. Прежде всего и во-первых, надо помнить и о тех, кто не собирается отчаливать, рвать когти, не надо обобщать, не надо! чушь, никто в тайных глубинах души, как глубоко ни копай, не считает, что рано или поздно все уедем из этой проклятой страны, не сами — так дети!..

И у нас одновременно родилось слово, соскочило, шлепнулось лягушкой:

— Чудовище!

Делаем глаза абсолютно квадратными, как у Малевича. Ну и дела! Аж сердце заболело. Дрянь дела.)

... безобразный апофеоз сумасбродства и русофобии: дерболызг, хам и урод, урод нравственный, достоин остракизма, это похлеще, чем «Прогулки с Пушкиным»; *и слышно было до рассвета, как ликовал француз*, хлестко прогулялся, просвистел, угодил в угол, в полупустое мусорное ведро.

Сметь! быть всегда на высоте простого подвига. И— смеет (это те мощные паруса, которые его вынесли в Израиль, его благословил сам Феликс Карелин, крестный, к которому Паша прилепился, как к отцу родному, сильнее, отца родного он и за человека не считает), сжег мосты, беспрецедентная, непредсказуемая вседозволенность, когда-то надо сказать простую правду, пусть для них Пушкин икона, плевал с тринадцатого этажа, плевать, нам не до жалких предрассудков.

Свобода!

Стихия, похоть мести, а Небеса не разверзлись, никакого светопреставления, молчат, как всегда в таких и аналогичных случаях, и явно никогда не разверзнутся; Паша уверенно возвел обе руки к бесконечному небу, как когда-то Моисей, прогудел, как ненормальный, то был, разумеется, последний, прощальный гудок локомотива, локомотива истории:

— Россия — гнойник на теле человечества! Не о себе, так о детях думайте!

Итак, определился, разрешился окончательно: свободен!

А славно устроен всяк из нас! Как гармонична, ладна наша психика! Как ловко, хитро подгоняем мы ее к разным разностям обстоятельств жизни. Достоевский назвал человека «подлецом» за его умение приспосабливать, приноравливать психику к обстоятельствам.

Перелетное существо, рвется хлебнуть истинного счастья, воспален вечной непримиримостью к Христу, усердием к иудаизму, смотрит весело, маем-майским, подлинность свободы и бытия, образчик Божий. Интимно и полностью вжился в новый образ (никто диву не дается, не спросит, как же так, абсурд какой-то, припомним, ахнем, что подлинно еврейской, ценной, божественной крови в нем кот наплакал, 1/8, не прожидь, а одно недоразумение даже с точки зрения честного, ортодоксального нацизма, а они всерьез и щепетильно занимались научной генетикой, субъекта с такой ничтожной червоточиной и евреем считать нельзя, на гены не грешите, только уши еврейские, музыкальные, абсолютный слух; о Паше не грех сказать — сухая, полностью отмершая ветвь), надел банальную кипу, добротный иудаизм, трефное, кошерное, насущные хлопоты, аврал, купил два русских самовара, разумеется, о чем речь, пригодятся, расторопен, 11-я, сбивающая с толка, гипнотизирующая, заповедь — *не зевай*, прыток, как прыток! пробивная энергия, мощный порыв, приспичило, не озираясь по сторонам, вперед и выше, всё сметая на своем славном пути, резкий взлет, одно только слово твердит, мобилен, поднатужился, обратил безотлагательно тыл, преодолел заслоны, да какие заслоны, препоны, всё по плечу нашему энергичному вездепроходцу, авантюристический душок, стальные нервы, пустяки, было бы желание, будет прыть, а она есть и горы сдвигает: вон из России! (то был безбрежный, безоглядный, повальный пик утечки мозгов, и каких мозгов! Апофеоз беспочвенности!) Безоседлость, на цыпочки приподнялся (вершина вставшей волны, ее пенящийся, красивый гребень), вспорхнул с русского, неблагополучного, затхлого, смердящего, заколдованного болота, где люди пятого пункта живут в дикой всеобщей панике, в вечной и последней экзистенциальной тревоге (не надоело? сколько можно?); надеемся, очень надеемся , последний курбет, наш устряк и Голубчик, слава тебе, Господи, в урочный час воспарил орлом, шасть, шасть, убыл от нас, ухилял, честь имеем, Шереметьево-2, провожали густой толпой, унесла наконец нелегкая, отвалил, можно вздохнуть широкой грудью и с облегчением, горячие слезы лить не будем, катись, утомил и замучил нас неиссякаемым, непрекращающимся фонтаном интеллектуальных провокаций и лающего, наступательного горлобесия, дискредитируя жизненно важный инстинкт еврейства, да что он, падла, совсем, падла, спятил, меньше бы триллерствовал и густые, плотные кошмары гнал, без тебя всё знаем, не маленькие, уезжал бы тихо, тихой сапой, без шухера лишнего, по-умному, молчком.

6. Паша в Израиле

Оторвался, свободный и никем не прерванный полет, в заду пропеллер или там современный реактивный двигатель, был таков, отряхнем прах с наших ног, на твердом берегу: восхищен на Святую землю, земля, почва, кровь, корни, историческая родина. Ура! Пустыня внемлет Богу, тишина в душе, никакого пафоса и шумных безобразий в явлениях природы.

Эка славная минута!

Сбылось, не заржавело, желанная весна, мечта, греза, галлюцинация стали реальностью, потенция, возможность переросла в действительность и знак, слово стало плотью, свершилось. Смело всё поставил на кон и сбил банк, унесся на легких, сверкающих, прекрасных крыльях прочь. Так, только так и не иначе. Кончено, получилось, свершилось.

Вот и прискакала счастливая развязка хитросплетений переусложненного рисунка непомерно затянувшейся драмы.

Если вы всё это время видите в Паше обезумевшего, наскакивающего бойцовым петухом крикуна, если вас оскорбила и покоробила откровенная, настырная, не так уж, скажем, непредвиденно расцветшая простенькая русофобия и теперь вы распираемы злым духом разоблачительства, не прочь осадить его хорошенько, но не умеете, не знаете, к чему придраться, как больно укусить, — так вот мы, исполняя как бы обязанность адвоката дьявола, охотно пособим вам, есть возможность. Вместе громко и от всей души посмеемся смехом Мефистофеля: так ему и надо, больно боек и умен! Удачлив и шустер! Чересчур много дано ему природой! Посплетничаем всласть, почему не посплетничать: нет ничего более интересного сплетен. С языка соскальзывает компромат, ну не то что прямо компромат, а так, вроде: дети у Паши прелесть, загляденье, ничего не скажешь, дети, отметим ради справедливости, замечательные, а вот баба, злорадствуйте, морда— страшнее войны, ее прозвали «Квазимода в юбке», ну — мордоворот, мурло, смотреть неприятно, противно, по такой морде всякому хочется прогуляться, бесцветные, зассанные глазки, внушительный, ой, здоров, батюшки! стальной шнобель, как у злющей, агрессивной вороны, карикатурен, по своему стилен, шея, как у жабы, отсутствует, фигура — устрашающая сфера, мощью устрашающая, эко разнесло ее, прямо-таки Йехо звероподобная, боязно и помыслить, такая залезет к тебе в кровать, а бедному Паше приходится каждый день видеть, всегда рядом, ночью под боком, с ума сойдешь, постоянно слышать ее брех — ужас, фефела, хабалка, халда, уйдешь в бега, как сделал в свое время и на своем месте его непутевый отец Юра (всплывают в нашей памяти знаменитые и разнузданные Юрины художества), паранджу бы носила, да дай вам все царства мира и славу их, не позарились бы, не женились бы на этой воинствующей, пошлой дурын-

де, будь она хоть трижды неразбавленная, стопроцентная еврейка, к тому же эта страхолюда его на семь лет старше, невообразимый и форменный мастодонт, образина длинноносая, глупа, откровенно, агрессивно, рта не закрывает, тараторит пошло надоеда, бурный, стремительный поток пошлости, балаболка пошлая, густой, бабий невыносимый словесный понос; полагали, доберется Паша до Израиля, жена не роскошь, а средство передвижения, даст, как водится, под зад коленкой, катись колбаской, бросит ее, фиктивный брак; ан — нет, имеем дело с прелюбопытнейшим, завораживающим внимание психологическим казусом, перед нами праведник, подвижник, верный, самоотверженный, безукоризненный правильный муж, не начал жизнь с гнусного, каверзного, бессовестного обмана новой прекрасной во всех отношениях родины, и ноуменально, и феноменально верен жене, так вот! диво, а чужая душа потемки, мутна вода; плотный мрак, теряемся, смущены, что-то всегда ускользает от напряженного нашего внимания к альковной, интимной жизни Паши, откуда черпается энергия для подвига самообуздания, должна же быть какая-то логика чувств! Впадаем в недоумение. Не по изъявлению же сердца он ее взял? Не одно же спокойное, надежное благородство? Да на такую нельзя позариться! а чем-то она его окрутила, чем-то держит, почему прикипел, неужели глаз нет? сколько прелестных разлучниц пытаются пробиться к его сердцу, стать подругами великого сына замечательной страны, все бесполезно; впиваемся острым зрением, в замешательстве, сумбур в голове, не находим благочестивого объяснения, не понимаем, чем она его держит, а всё это вместе взятое порождает волну кривотолков, злословий; груди ее, согласны, никто не спорит, чудовищных размеров, гири тяжеленные, символ неиссякаемого безумного плодородия, Изиду с нее интересно лепить, Бирон прозрел в ее образе какое-то всасывающее, поглощающее, пожирающее, зубастое, плотоядное начало, некий вечный символ женственности, назвал ее улыбку «порочной, порнографической, неприличной», а что, если эта бабец в постели норовиста, бескорыстна, шаловлива, резва, чертовски любит это дело (что искренне и с любовью вершится, то всегда хорошо удается), шебутна, лютует, склонна к военным хитростям и сексуальным изыскам, а это самое оно! ее женский организм вырабатывает особые, гениальные (смерть мужикам!) гормоны, а с лица, чай, все говорят, знать, правда, не воду пить, вообще-то эта порочная морда с оригинальным клювом злобной вороны может озадачить, ночью все кошки серы, — кстати о кошках, у них в хозяйстве роскошный кот, величиной прямо с доброго тигра, не меньше, может и больше, любят кота здесь, очень, называют то и дело *наш сладкий зверь*, а что если Паша — о! гениальная догадка! всё проще пареной репы — решил во что бы то ни стало не походить на отца, бросившего и в сущности убившего мать, бывает, такое бывает, а еще, может, мы имеем

дело со своеобразным фрейдистским, шизоидным феноменом, упражнение в смерти, бабка, мать — самоубийцы, а может, Паша, погружаясь в бездонность и непомерность жены, как бы погружается, бултыхается в могилу? Темен и неконвертируем смысл их интима, без поллитры не разобраться. Хватит, да и бесперспективно, бесцеремонно копаться, рыться, ковыряться в чужой психологии.

Что еще можно молвить?

Живем исключительно интересными, густыми, волнующими, ароматными слухами. Вестимо дело, можно лопухнуться, сморозить не то. Мы мало смыслим в этой загадочной, удивительной стране, живущей напряженной творческой жизнью. Наши сведения из вторых рук, все с чужого голоса.

Параши Шехерезады, сорока нынче на хвосте принесла, заслушаешься. Расстегнули от удивления рты, уши развесили, говори, говори, милок. Какие идешки там ходят, оголились, легкомысленные, озорные юбочки, шаловливые, халтура, одно название что юбочки, сексуальная революция, прорыв, каверзные, коротенькие, щеголеватые; даровитые, породистые, загорелые, веселые ножки! свежие, смелые, бедовые до помрачения рассудка, в голове карусель начинается, соблазн сплошной, при виде их начинают цвести пышным цветом шаловливые, либеральные фантазии, я бы ее! эх! о смерти надо думать, а всё кругами идет. Какими разными разностями они там питаются? не девичьи ножки, а сладкий грех! Прознобят. Глаза и липнут, и разбегаются.

Коли внимаешь россказням, само, непостижимым образом сорвется с языка:

— Нет страны лучше Израиля!

Больше жизни. Спешите, летите в Израиль, сами увидите. Сказывают, как есть все, что лучше раз своими глазами увидеть, чем 10 раз слышать басни и лишь облизываться.

Вроде — эпилог.

Пускай, эко диво, это немного испорченный телефон, просочилось, степень достоверности высокая, наслышаны, прежде всего стало нам известно, что Паша, наш Паша, освободился от мучительных, вечных, генных, шизофренистических запоров, от всех немощей, семейных недугов, уже забыл, что такое пурген, катарсис; питание? действующие на организм пользительные, витаминные соки? На удивление переменился, другой, перед нами мужик в соку, сияет в сто сорок солнц, как сказал бы Маяковский, хочется сказать сильнее, заматерел, степенен, хороших кондиций, сморкается солидно, культурно вытирает нос белоснежным платком, *нажрал* этот самый, который между ног болтается и на букву *ха* называется, так изящно выразился Бирон, имея в виду, не подумайте плохого, *хобот*, нарастил брюшко, которое непрерывно и явно с удовольствием поглаживает, величает «трудовая мозоль», и это внезапное брюшко, удав

заглотил слона, баба на восьмом месяце, на сносях, того гляди родит у вас на глазах, смущает арбуз, наводит на лукавые мысли, а вдруг это беременность, та вожделенная земля полна чудес, непорочное зачатие, вознесение Ильи пророка живым на небо в огненной колеснице, воскрешения мертвых, чего только не было на этой удивительной земле!..

Нет, не узнать Пашу, пышет здоровьем, лоснится, с прекрасным, стройным кипарисом его не сравнишь, не назовешь тем паче юным Давидом, по-новому вылепляет себя, умная игра ланитных мышц, умная улыбка, холит отличную, скажем сильнее, роскошную, несоразмерную русую бороду, отнюдь не иудейскую, а славянскую (девушки, поди, глазеют на эту бороду, думают, раз у него такие славные вторичные половые признаки, какие же первичные!), мягкая славянская фактура лица, всё ему на пользу: неузнаваем, гипертонию, запоры как рукой сняло, дело в том, что у расторопного Паши на зависть всё удалось, давно не в подвешенном состоянии, всё на зависть благополучно. Нисколечко не преувеличиваем, не свист, его ласкает счастье, удачлив с первой примерки, жребий благословляет его, да и сам не промах, фарт плывет в руки, чему способствуют природные данные и объективные обстоятельства, легко и безболезненно врос в новую жизнь, в те непонятные джунгли малопонятного мира, где всё продается и покупается, отлично себя чувствует в другой культуре, никого внутреннего разлада с самим собой, что на витрине, то и в магазине, сапог оказался как раз по размеру, во всем ультрасовременен, много, успешно работает, исключительно и до абсурда всем доволен, не скучает, настроение замечательное (всегда!), жизнелюб, радость умножается, нет словесных поносов, кривляний, уродливой одержимости, нет былого апломба, не раскочегаривает, как бывало, в себе ненависть к России, к византинизму, перегорели страсти, глубокое прозябание, исчезли былой и воинственный пыл, и былой нонконформизм, пикейность, степенен, обмяк, возрастное, «ожирел сердцем», так сказанул бы в данном случае Блаженный Августин («Исповедь»), забурел, выскочив из мощного магнитного поля России, ловко набросил узду на мечту, завязал, как говорится, тугим узлом. Перед нами не вчерашний неисправимый, оголтелый романтик, а трезвый реалист, взирающий на мир с высоты удавшегося, слаженного сюжета, испарился юношеский романтизм, обещал умру романтиком, сулил, так как же? вечно бодрствует, сверзился с облаков фантазии в нормальность и прозу, без завихрений, пафоса, никакого визионерства, внутренне опрятен, какая-то сверхлогическая голова, устроился вне хрустального дворца, всемирного братства, которое проклято еще его прапрапрабабкой, без поэзии, красивых мифов и вечных русских утопий, разумен и до абсурда рационален, просто стал взрослым, уравновешенным, объясняет всё простым и естественным ходом времени, великодушен, надежен, хочется сказать, исключительно буржуазен, покладист, респектабелен, исчезли неприятные волчьи завывания и всякие там грозовые интона-

ции голоса, исчезла булькающая, надменная, причмокивающая манера речи, исцелился, никаких взасос, свободен от повседневного мятежа, стоически уравновешен, но не брюзга и мымра, не педант, живет легко и весело, знает толк в хорошем коньяке, но не назюзюкивается, как некоторые, как его отец, кое-кто еще, вообще нормален, уравновешен, нивелировка вкуса, мнений, не одержимый воитель, нет кусачести, сумасбродствующей, аспидной, вообще не изверг, каким был раньше, каким мы его знали, поет другие песни, не такой, каким был в России, появилась простота, непосредственность, открытость, приятен в человеческом плане, психически талантлив, перестал гениальничать, идеологический хмель, как водка на третий день после загула, улетучился, нет былой неприятной кичливости, словно в России весь пар растранжирил, умиротворен, отрезанный ломоть, интеллектуально перебесился, заметна умственная лень, некоторая замшелость, чего раньше не замечалось, улыбчив, улыбка то и дело делается открытой, солнечной, снисходительно и с аппетитом хохмит, не пренебрегает здравым смыслом, воинственные легкость и бессодержательность балагурства, словно в Израиле подвергся оскоплению, всегда в хорошем, приподнятом настроении, имеет дар художественно и со смаком плести смешные истории, в невинной, похмыкивающей, балаганной манере травит вам дешевые еврейские анекдоты, запускает анекдоты под небеса, чем занимается Рабинович на необитаемом острове? ищет следы антисемитизма! радушен, пуляет душевные слова, производит самое что ни на есть благоприятное впечатление, космос в душе.

О новых временах, о перестройке, о Горбачеве слушает с интересом и вниманием, а вообще-то стал откровенно неидеологичен, как отрезало, в память о прошлом забил осиновый кол, вампир ностальгии не сосет душу, спасибо, сыты по горло, тоска зеленая, скука, скука, рожу кислую корчит, словно лимон заглотил. Нет и нет, Россию он по-своему любит, уважает, любит замечательную русскую интеллигенцию, но не верит в нее, соблюдает некоторые традиции, блины с красной икрой на масленицу, водочка, недавно на симпозиуме, в Италии где-то, делал доклад о религиозности позднего Пушкина (зря выбрасывал: и в Израиле пригодился бы Пушкин, ссора с Пушкиным — ссора с Россией, а Паша больше ни с кем не хочет ссорится), хорошо, корректно расставил акценты, закрыл тему, хвалили все, доклад понравился самому Лесскису. В их доме гостеприимство налицо, кутить так кутить, очень гостеприимен, у него всегда можно остановиться, встречает всех и каждого колдовской, солнечной улыбкой, на которую невозможно не купиться, все покупаются, голосище тот же, не изменился, до неприличия басовит, как из бочки, трое детей, лук на грядке, действительно большой ученый, в Иерусалимском университете играет роль (сказать «играет роль» — сильнее, чем «играет большую роль»), обскакал многих, замечен, ува-

жаем, в этом качестве вполне благоденствует, у него отнюдь не пустячная, а приличная харизма, да поприличнее, чем у других хватких, недобросовестных наглецов, проныр, прощелыг и спекулянтов (всё на шермачка, всё дуриком), перевертышей, из осиного гнезда, ловких, бессовестных интриганов, прочей понаехавшей шантрапы, дряни, штакетника, швали, шушеры, шоблы, отмечен свыше, под интересной звездой родился, обозначен в полном смысле этого слова необыкновенной, чудесной судьбой. Можно сказать, честно и без всяких дураков побывал в душегубке, в натуральной газовой камере Освенцима, не скопытился, как его одержимая мать, как его краснощекие красавицы сестры, девки — кровь с молоком, сама жизнь, не только не сыграл в ящик, остался жив, но позвольте нам выражение, сыграл в жизнь (газовая камера как бы пошла ему очень на пользу, самое оно — оглушительное чудо! осмеяна, посрамлена медицина!), даже голова ни чуточки не болела, как у других и некоторых, намек, Божий знак на нем!

В Израиле отличные шансы, зацелован, красное солнышко, фавора что надо, всё само в руки плывет и клеится к нему, галушки сами в рот скачут, да какие галушки! успевай открывай, везет невероятно, сказочно (Наполеону, большевикам до поры до времени баснословно везло, шахматисты сделали интересное наблюдение, везет сильнейшему); словом, речь идет о том, как он сделался царем, ну не буквально царем, нынче нет моды на царей, поговаривают, дошли слухи, вроде ему корячится портфель министра культуры. Может, всё брех пустой, а хорошо бы! пусть всё свершится, как в прекрасной сказке Ершова, младшему фартит, карты в руки, козыри так и идут, звезды подмигивают, судьба, как честная, старательная баба, во всю подмахивает ему, в Израиле он почтенная фигура, не какой-нибудь профессор кислых щей, а доброкачественный, большой лингвист, удался, для вечности что-то сделал, состоялся, всех затмил и за пояс заткнул, укрепил здесь науку, да там и нет настоящей, истиной в нашем понимании лингвистики, они даже не знают, что это такое, не доросли до нее! ну — Дима Сегал, Ланглебен и обчелся, Мельчук в США, учит дураков американцев, мозги им вправляет, чем является и должна быть современная наука о слове, отстали от нас на столетие. Отнюдь не странно, что Паша окружен ореолом, будущее у него в кармане, сознание вполне можно не перегружать излишне сентиментальной мечтательностью, дар, умеет совместить, казалось бы, несовместимое, не обычная еврейская борзовость, уникальные лингвистические способности и уникальная, энциклопедическая ученость (энциклопедист и эрудит) оценены по достоинству, нарасхват, очень преуспел, развернулся как ученый, эрудиция, сверхфилолог, острый аналитический, вышколенный ум, с весом в научной, университетской среде. Здесь он величина, органично вписался, не просто вписался, а полностью растворился (иврит в совершенстве знает — о чем говорить, спо-

собности к языкам сверхъестественные, на семи новых языках дует, и древние знает, греческий, латынь), реноме отличное, слава гремит, остается множить эпитеты, прибавлять хвалу к хвале, корифей, птица высокого орлиного полета, светило, профессор с оттиснутым знаком Божиим на челе и с преогромной харизмой, за добрую русскую версту видна харизма (по гамбургскому табелю о рангах вообще черт знает что, высоко вознесся, ихний Эйнштейн, ихний Шагал, кто рискнет, осмелится, скажет правду, что Шагал неважный, слабый живописец? Да еще правда ли это?). У них там все заправские профессора, какая-то неясность в этом деле, нам, русским, этого не дано провентилировать, сдаемся без всякого боя. Так у них принято, не наше дело.

Значит, само собой получается, никуда не денешься, наш Паша просиял фасоном — вилла в горах (не на реке: дача на реке проклята авангардистами, Маяковским), отлично обустроена, бассейн с подогревом, прочие штучки, какие вам и не снились, а то! жить можно в приятности, отлично вписалась в скалистый, суровый пейзаж, а сколько такая вилла долларов тянет, подумать страшно, у них там не принято интересоваться, считается дурным тоном, а нам всё равно до жути увлекательно, долгожданная вилла в месте очень напоминающем наш Коктебель, вот чем сердце любого успокоится, нам бы с вами такую, читатель, огненная мечта поэта, восторг! сооружена по замечательному проекту Вильки Свечинского, стильна, шедевр новой современной архитектуры, острое, смелое столкновение асимметричных линий, последний писк моды, полное торжество жизни, губа не дура, изыск, фантастика, с причудливыми заморскими финтифлюшками и выдумками, зрелищна, восьмое чудо света, что вам сады Семирамиды, смотрите, завораживает, свихнуться от зависти можно, чувствуется, что хозяин со вкусом (бездна вкуса! хоть отбавляй! не взбалмошный, точный, смелый вкус, фасон крепко) и не равнодушен к перспективным образцам хорошего современного искусства, а что с любовью делается, всегда это чувствуется, всегда хорошо, уют, настоящий завидный стопроцентный еврейский уют, живет, не тужит и в свое удовольствие, полнота, духовная пенсия, благоприобретенный, обязательный оптимизм, насыщенность жизни, автономен и самодостаточен, может, слишком специалист, а *специалист, как флюс, односторонен* (Кузьма Прутков; а Плотин полагает, у него свои соображения, отменный, проницательный мистик, что и *деятель ограничен*), всё удалось во славу, состоялся! Еще как состоялся! Наслышаны, наслышаны, рады за него, рады, всё это не обывательское болото, а воплощение замысла, умысла и знака, осуществил миссию своей жизни, идею и завет бесчисленных, как морской песок, своих предков, предписанную, предначертанную и вложенную в пылающее юношеское сердце Творцом и Зиждителем. Он на уровне своей судьбы, всего того, что было ему дано, что на роду написано, осмыслено.

(Думается, не очень стилизуем быль с ее таинственными онтологическими сгустками, верно передали неподдельный, сверх и — метафорический, целостный план, а о мелочах мы не будем беспокоиться и распространяться, жанр требует хорошего конца, как в упомянутой сказке Конек-Горбунок, *на спине с двумя горбами и аршинными ушами.*)

Акт пятый и эпилог. Илюша, сын Паши

1. Такого не бывает?

Вот и исполнились времена и сроки, конец истории этой семейки, из нашей весьма драматической повести вылетел в трубу динамизм, пора сматывать удочки, свертываться (правильно говорит Конфуций, счастливые народы не знают истории! Конец нашей истории прямо-таки в духе незабвенного и даже уже пресловутого Фукуямы; не в том дело, что у Паши больше ничего не происходит и не произойдет в жизни, а так, в его жизни сюжета, пафоса, трагизма нет больше, как уже говорилось, образумился, тверда связь с действительностью, твердо стоит на ногах, крепко вцепился в видимый мир явлений, не мучим безудержными ночными фантазиями, всем доволен, аж противно, как-то всё тускло, дохло, затхло, игра на понижение, *конец стиля*, сказал бы Парамонов, мастер затейливых интерпретаций нашей истории, энтропия, Фукуяма, энтропия вселенной стремится трам-бам-бам, к максимуму, 2-й закон термодинамики, обещающей аккуратную тепловую смерть вселенной: опустошенность, что-то неинтересное, инфернальная посредственность, пошлость, против чего восставали Леонтьев, Герцен) — конец истории, ведущей свое протокольное летосчисление с достопамятной, не забыли, держим в уме, роковой пощечины, пружины, придавшей динамизм сюжету, в которой, как в зерне, сгусток энергии и мистический плотный план, то, что великий Аристотель называл энтелехией, не ясно что такое, какая-то целенаправленная, формообразующая сила, — сконцентрированы, притаились все последующие события. Будет уместно и справедливо на этой оптимистической ноте закончить подлинную и без существенных купюр повесть о злосчастной семейке.

Итожим, вывод прост, очевиден, прозрачен, как чистое, только что вымытое стеклышко, живет Паша как в сказке, похвастаемся еще раз, его в министры культуры прочат, без дураков, чем не министр культуры? дерзать надо! напрягся, потягался Паша с всесильным фатумом, выдержал пробу на влажность, одолел (одолел и демонов), сборол его, положил на обе лопатки. Нет никакого фатума, сказки. Наше вам с кисточкой!

А все-таки ломаем голову, зудит, разбирает интерес, утыкаемся в напрашивающийся вопрос, преодолел ли он дурную, бессюжетную монадность злополучной кармы и ревущие, бушующие, всерьез бунтую-

щие фантастические гены динамизирующейся шизофрении? преодолел ли пучину, мрак и вихрь? снято ли злое проклятие? Может, и само выдохлось, себя исчерпав, ушло в песок. Опасно зарекаться и праздновать парад победы, ведь еще не ясно, что там впереди красноречиво маячит, и умрет ли он от старости естественной смертью. Мы не узнаем, как там, в Израиле, его планида, прав ли он, снята ли порча и восстановлен союз со звездами и жизнью и из гроба воссияла прапрабабка, или опять проявится жутью пронизывающая загрязненность генетического кода, иероглифа смерти, власть жуткого, неотвратимого, как античный рок, который, как известно, сильнее, мощнее богов (вспоминается страшная история с Эдипом, неуютно думать, что без вины виноватым — до четвертого колена, от судьбы не уйти), навязчивого, прилипучего, снова-здорово, опять-двадцать пять, смертоносного вируса, передающегося, как сифилис, по наследству, — страшные сатурналии, то бишь зов Ничто, воля к саморазрушению, воля к смерти, от которой, как от самого себя, сколько ни убегай, никуда не убежишь, не уедешь. Ускакали быстрые, подлые годы, мы уже на сильном, крутом склоне лет, не доживем, а очень даже любопытно. Хорошо смотреть на волнующие события и при этом находиться в ложе для почетных гостей.

Вроде бы вздохнули, засадили хорошую, увесистую точку. Вздохнули и потянулись.

Нет зловещих, мрачных предчувствуй. Небо безоблачно и ясно.

Вдруг, как здоровый, бедовый, матерый, с доброго теленка Кабысдох из-под ворот, гав! гав!

Модная, андерграундная, модернистическая инсталляция, она вас грубо хватает за шкирку, трясет, вы в изумлении разинули пасть, говорить дальше не о чем, одно сплошное удивление, и вы чувствуете себя буквально армянином перед клеткой жирафа, всё, что возможно зашкалило, темнеет сознание, мрак:

— Такого не бывает!

Разумеется, в жизни разное случается, всё и еще кое-что, не соскучишься, на то она и жизнь, разнообразны фокусы, всякие там *угодников святые чудеса*, упомянутое чудо с газовой камерой, которая не взяла убогого мальчика. Но искусству предписана строгость, художественная цельность, мера, соразмерность, мы же начинаем грешить экзотикой, чудесным, но куда деться, жизнь-то дико интересна, хитрые, затейливые, художественные выкидывает колена, кренделя, черт-те что негаданно выкомаривает. Словом, прощай безоблачное небо, испортилась погода, навсегда прощай, крах идиллии: сын-то Паши, Илюша, представляете, такой славный такой мальчик, тихий, трогательный бросающейся близорукостью очкарик, ему бы скрипка пошла, но музыки он совсем чужд, всё потому что чрезвычайно восприимчив к святой правде, меры не знает, словом, неудобный правдолюб, а в музыке больно много подозрительной двусмысленности, дейст-

вует она не на разум, а непосредственно на эмоции, *сердца напрасно мучит, как своенравный чародей*, — подрос Илюша, занялся самосовершенствованием, сначала решил стать вегетарианцем, не есть никакой убоинки, голодание, духовный поиск, самоистязание, иога, самопознание, сидит в позе лотоса, глотает свой язык, останавливает дыхание, Индия духа, победа высшего начала над низшим, над немощной плотью, неумеренно увлечен всем этим, восторженная душа, обрел важный экзистенциальный опыт, в душе совершилось великое событие, наладился, рвется в Россию, сам не зная зачем, надо! Что сие значит?

Вот она подлинная человеческая комедия, специально не придумаешь, упрямо и с неколебимой отвагой гонит неистовые речи, долдонит сынок Павла Юрьевича нечто странное, этому его никто и никогда не учил, порыв глубинной самоидентификации, ночные завиральные грезы, моча в голову ударила, дурит, активен, это у них в генах, неожиданный и невероятный самообман, безудержные фантазии, когда полностью рвется связь с реальностью, патология, перекос, экстравагантный, неудержимое рвение *к новой жизни*, несет чушь несусветную, лепечет неправдоподобную, завиральную и маловразумительную дурь, говорит, что он-де *русский*, так-то! со всей силой юной души прилип к идее, защемлен, навязчивая идея, идефикс, как есть идефикс, имеет достоверные мистические сведения, что у него душа русского (что такое душа? Пар!), знать ничего не хочет! Очевидно, более чем: размягчение мозгов и помрачение рассудка! Та еще семейка! Черное ему кажется белым, горькое — сладким, сладкое — горьким. В Израиле занудь, тоска безнадежная, смертельная, серость, жизнь не в жизнь, преснятина, никакой малой изюминки, скукой несет от благоустроенного быта, от бассейна с подогревом, уныние, хандра, удавиться можно ...

(да не один он пустое несет, есть, есть такие, гудят, гудят, как улей, а нам-то ... ли, рифма отличная, наверняка понравилась бы привередливому на этот ходкий товар Маяковскому, вот суют вам под нос богослова православного Меня, мол, отнюдь не банальный, стандартный богослов, очень глубокие интуиции. Да кто такой Мень? Вредина — вот кто! Нам он абсолютно не интересен.

«Представьте себе, вообразите, — лепит, приземляет Мень, при этом умеючи, старательно, многозначительно подмигивает, вроде всё правдоподобно, не придерешься, в карикатуре всегда преобладает правдоподобие, на то она и карикатура, в этом душа ее, ой, ехидна ядовитая, такие интонации не прощаются, понятно, куда клонит, интонациями себя разоблачает землитель, понятно, зачем все эти выразительные подмигивания, — пронесутся годы и прекратятся войны, и будет небольшое государство — одно из многих прибрежных стран, с обычным парламентом, с обычными грехами, с обычными ресторанами. Можем ли сравнить это с тем, о чем грезили пророки? Что небо и земля потрясутся, что весь мир будет потрясен!»

А те, что гудят, как улей, свою линию гнут, если Мень вам не авторитет, вы с ним в контрах, на ножах, то вот Бубер, мнение отца Александра Меня о восстановлении Израильского государства с незначительными оговорками и уточнениями разделил бы и Бубер)

... дерзит хаменыш, хамски звереныш огрызается, а вас я забыл спросить? да не пугайте меня, не из трусливых, я вам не какая-то там *тварь дрожащая*, не le pin собачий, а яркая, самостоятельная, свободная, ищущая личность, творческая индивидуальность, прежде всего и во первых, нет такой поэмы в стихах «Без кого на Руси жить хорошо», не надо нам арапа (араба? Саддама Хусейна, производящего химическое оружие, запрещенное Женевской конвенцией?) заправлять, из мухи любим раздуть слона, нет антисемитизма, всё сильно преувеличено. Очень смел, слишком, готов утверждать что и запоров в их роду никогда не было, выдумки. Заблудившийся заблудок. Загиб, перегиб, хамски заявил произвол и своеволие, во(а?) мху я по колено, отстаивает право на независимость и собственную судьбу. Дерзновенный, революционный дух, мужественная, честная улыбка Каина на морде, жесткость и жестокость молодости. И — хамство! Хватит черных мифов о кишиневском погроме! Бесстрашие, наглость. Судорожное нетерпение.

А чего он потерял в этой России? Говорит, что это его родина! Почва! Спятил. Да какая родина (просто курьез), когда он, остолоп, родился в Израиле, обрезан. Чушь собачья, книжная, воображаемая, выдуманная, виртуальная мнимость, манящая беспутная абстракция, от книг это, начитался «Братьев Карамазовых», не Пушкина, а эту проклятую книжку следовало забросить куда подальше, за мельницу, небо было бы чище без этого гения, на душе легче и спокойнее, миф, начитался молокосос Достоевского, разговоры с чертом, ум за разум заскочил, сбит им с толка, голова засорена плевелами вздора, крыша поехала, задернулось плотной, черной завесой солнце, забыл, потерял свое имя (крепость Господняя), заочно безумно в Россию влюбился, проще, начисто, лже-оргазм, мерещится ему всё время интеллигибельная, несокрушимая, распрекрасная Россия! Нам смешно. Идиот, свет таких идиотов не видывал, на всемирном конкурсе идиотов занял бы 2-е место! А он твердит: В Россию! В Россию! Там — видно будет. Авось, русское авось, душа горит, азартная натура, русский всадник без головы, чудо-тройка, скачет, галоп, сам не зная куда. Нисколечко не страшится, что отца может каверзный кондратий серьезно завалить, какую дюжую совесть (термин Ибсена, слишком лояльный, осторожный перевод, лучше бы перевести — сучью, по существу это синоним) надо иметь, чтобы так относиться к родителям, такую подлянку подкинуть.

Не надо было пускать! Безмозглые дураки родители, сами во всем виноваты, можно было бы пофантазировать, донять, пронять на пользу дела юное сердце жалкими словами; следовало знать, что от России не

легко заречься, что это не просто пьянь, вечная, беспросветная тьма, дырка от бублика, пустая, страшенная, черная дыра, в ней есть страшное притяжение, манит, сверкающая греза, песня песней, оптический обман, завлекает властная чара.

Стало быть, начинается, явил, обнаружил негожее, вызывающее, взбаламошное (это у них в роду, в крови, во вздорных, необратимых мутациях), легкомысленное поведение, добровольно на всех парах несется, мчится, дуй до горы, подожди, рога обломают, стало быть, летит, высокое парение, умылся из Израиля, заявился у нас, на Святой Руси, остановился, приютился, бросил первый якорь, естественно, у деда, сексуального маньяка и бывшего диссидента; надо не забыть, сообщить злоязычие, интересно, что после печальной истории Якира и Красина муж Марины как бы опомнился, протрезвел, вышел из диссидентской комы, вообще разочаровался в людях порядком, разочаровался в распрекрасном правозащитном движении, ориентированном на Хельсинкские соглашения, пошел в разнос, решительно порвал с этой публикой, да все эти Якиры, Красины (где твои глаза раньше были?), Амальрики, Литвиновы, Сахаровы, имя им легион, — не люди, одно чванство (да как язык у тебя поворачивается?), не уважаю, не настоящее, маргарин; как не порвать с диссидентством, когда тебя раз в неделю тягает на допрос Александровский, жучит отечески, говорит хорошие, вразумляющие, очень благоразумные речи. Да Павел Иванович много умней, честней всей этой дряни, умнее и благороднее, обещал не сообщать ничего на работе, и не сообщил (новое в марксизме!), мне стыдно не того, что я не был на Красной площади, когда ввели войска в Чехословакию, в Москве не было, шестерил, за инструкциями в ссылку к Красину ездил, а то бы обязательно увязался за ними, мне другого стыдно — зависел от этих ничтожных, тщеславных, чванливых людишек, пресмыкался пред Якиром, супермен, сын командора, символ, стыдно, очень стыдно, что подписывал их тщеславные, поганые писульки, не мог отказать, не хватало мужества плюнуть им в физиономию, сказать твердое нет, согнули в бараний рог, вот чего мне стыдно!

Еще одна измена, *я изменял и многому и многим* (Долой Березняки! Долой Марину! Долой демократическое движение!), не зря этого позорника Сахаров проклял; после благополучного, своевременного дезертирства ушел с головой в математику, говорят, у него есть интересный *результат*, так и говорят, таков их лексикон, удивляемся, оказывается — выдающийся математик, кто мог подумать, этот, ни рыба, ни мясо, тюха, очарованная душа, всегда под чьим-нибудь влиянием, вот уж никто не думал, можете ли представить, член-корреспондент, сначала Российской Академии, а когда эти все академии слились, то заделался настоящим академиком (вписан в ранг бессмертных, Александровскому, следователю Якира и Красина, низкий поклон, мы ему обязаны: для

математической науки сохранен ценный кадр); сильно переменился Юра, даже внешне, его не узнаешь, облысел порядком, помятое, опухшее лицо, вообще-то такая же очарованная душа, шалун, сладострастник с расстроенным, докучливым, больным воображением, слабина, привычки, необузданный выпивоха, допускающий частенько крайности, широкая русская натура и со всячиной, Рогожин, Митя Карамазов; ко внуку у Юры чувства проснулись, увлекся, души не чает расчувствовавшийся и состарившийся дед, с ласковым придыханием зовет *Голубчиком, Зайчиком*, как когда-то звал сына, ухилявшего в Израиль, живи, трехкомнатная квартира — твоя, нет проблем, ты — наследник!..

Илюша по уши в мифе, а это так опасно для юной, неопытной души. На первых порах всё вроде хорошо, запоров, малоприятная, неуместная ирония, никаких, да эти запоры чистый брех, выдумка! А что есть, зачем приехал? Романтический побег от пассивного прозябания. Одна шальная, завиральная, отнюдь не хамскими генами формулируемая идейка мучит его, донимает, сверлит мозг, — конечно, много воды утекло, а всё же вдруг нападет на след, очень требуется ему в бесконечных архивах покопаться, поработать, разобраться в родословной надо, мечта манит, веление сердца, впивается в прошлое.

В эти самые архивы Илюша окунулся с головой, сколько тут всего, бездна, черт ногу сломит, ловит за ненадежный скользкий хвост истину, которой нет в учебниках истории, ударился, не знает лености, рассеянности, сонливости, одолевающей в архивах многие светлые головы, кропотливая работа и на любителя, пытлив, дерзает, что-то там волнует, дразнит его ум, с жутким чувством пашет почву, судьбой предков очень интересуется, изощрен в догадках, гипотезах. Откопал, выяснил, помните, был среди его предков священник, проклявший дочь, нырнувшую в революцию, *мадам революция,* троцкистка — Илюше очень хотелось, чтобы они в конце концов встретились, упали друг другу объятия, блудный сын, блудная дочь, всё к этому шло, катилось, роковая встреча неизбежна, таинственным образом всё к этому шагает, катится, ходатайство об аресте священника 19 июля 1937-го года подписывает сам Агранов, это выдающаяся фигура, большой интеллектуал, мифический, весомый 1-й зам наркома Ягоды, друг Маяковского, завсегдатай литературного пресловутого салона Бриков (по злобе, видать, мадам Мандельштам квартиру Бриков называла *филиалом* ГПУ), во всех отношениях серьезный, настоящий чекист, всё это до жути интересно, волнует, смущает сердце юноши, арест священника — последняя воля Агранова, зачем Агранов это сделал? ведь протоиерей Илья не принадлежал к контингенту, который в ту годину брали (шло оздоровление партии, чистка ее от авангардистского, космополитического, наднационального, радикального, право-левацкого крыла); в ордере на арест, перед Илюшей подлинник, говорится о «монархистко-фашистком заговоре», что

сие значит? неужто личный мотив? подписывая ордер на арест, понимал, что под ним самим горит почва, что должны и ему насыпать соли на хвост, догорает свеча, надо спешить, силы контрреволюции, реставрации поднимают головы, врезать напоследок классовому врагу, ясно сознавал, что самому таскать за бороду вонючего попа никак не получится, даже приглядывать за тем, как ведется дело, не ему дано, положение свое сознавал: на другой день, 20 июля, это производит впечатление (исследователь, *воспаленной губой припади и попей из реки по имени факт!)*! тревога растет, мавр сделал свое дело, самого Агранова благополучно и как миленького арестовали (загудел деятель нового типа, а вскоре, ну не совсем вскоре, 1-го августа 1938 года, расстреливается, кстати говоря, пускается в расход не один Агранов, расстреливают и следователя, который вел дело отца Ильи, и начальника следственного отдела — возмездие, вот оно!). Ведь по какой-то личной, злой, черной воле Агранова арестован священник, последние деяние Агранова, от него этого не требовалось, других, соратников, надо было брать!

Подозрительно много случайностей, случай на случае, захлестывают, перехлестывают случайности, кривляются, строят рожи, путают карты и кофейную гущу, — трудновыразимая мысль, нащупал, радостно трепещет душа Илюши, исследовательское исступление, страсть, похоть, блуд исследователя, невозможно не поддаться обаянию случая и не увидеть за подлым случаем нечто большее, неслучайное: Небесная канцелярия как бы исподволь старательно готовила встречу отца и дочери, всемогущий Его Величество фатум, перед которым всё живое беспомощно, беззащитно, фатум, потрясший воображение прекрасных греков, да и современное просвещенное сознание, *кто, ратуя, пал побежденный лишь роком* (Тютчев), отнюдь не преодолело древнее суеверие, и вы нарываетесь, напарываясь на подобный феномен, невольно испытываете священный ужас... Какая-то неукоснительная сила, твердая, хитрая и изворотливая воля (кстати, именно в этих и подобных терминах, если доверять переводчику, Гегель характеризует *разум истории*) бесцеремонным, беспардонным образом готовила *встречу*, да, она была записана в книге судеб еще до рождения наших героев (есть такая точка зрения, что судьба троянских героев определилась в момент жаркого соития Леды с лебедем, под видом которого явился сам Зевс: Леда родила Прекрасную Елену!), все силы работают на нее, она кому-то нужна, предопределена, вот должен заголится, расколоться упорный, упрямый орех, разрешится, разгадается хитрый ребус, всё должно получиться, ловкость рук и никакого мошенства, уловлен господин Случай, что бы там ни пряталось под его личиной, интерпретирован в мировой порядок, несмотря на ропот возражений...

Однако в тот момент, когда невероятные трудности подготовки позади, включая социальные катаклизмы, бедствия, две войны, револю-

ция, гражданская война, когда встреча вот-вот должна объективизироваться, все само идет, несется на полном скаку, того гляди отец и дочь революционерка стукнутся лбами, так хочется этой встречи, наконец-то, искры из глаз, они узнали друг друга! тут — нежданный досадный ляп, подвох какой-то, врывается откровенная нелепость, начинается лишняя галиматья, загибается отец Анны Ильиничны, умирает от бурного и скоропалительного, отнюдь не романтического голодного поноса, умирает в полусознательном состоянии на нарах, умирает тихо, без причитаний, без проклятий небесам в духе невинного страдальца Иова (если латынь: Иоб, не хорошо! ой, не хорошо! очень неблагозвучно и душе противно). Куда денешься, в лагере все умирают тихо и не рыпаются, покорны судьбе, лагерь есть лагерь, царствие ему, разумеется, протоиерею Илье, Небесное, пострадал за веру православную, так и не вышел из лагеря, предан забвению новомученик, загибается как раз в день прибытия на ОЛП нового этапа; вместо сияющей истины видится лишь ее жалкая, размытая тень на стене пещеры (Платон), и наш Илюша, так уверенно шедший по следу, трахнулся о грозный вопрос, поднатужился, силится уяснить, как же так, почему? зачем вся эта романтическая гофманиада? Кто-то по причуде оставил незавершенную работу, когда она была ну на вершок от завершения, да такое могло бы случится? неужто в страданиях мира нет смысла, а в истории нет Промысла, а лишь хаос, туман, заволокло, поплыло, в тайну нет возможности проникнуть, не дано понять, неподдающаяся бестолковщина, замутилась идея предопределения, плана, фатума, давит, давит на мозг, богатая пища для размышления, зачем надо было огород городить?

А может, работу завершать стало уже скучно и не интересно? акосмия, накосивыкусимия, головотяпство, абсурд, нет чистоты принципа, жизнь таинственна, лукава, готические перехлесты, загадки, символы, именно символична жизнь, а не реалистична, другими словами, в ней недостает порою важных звеньев, все подчиняется классической статистике, напоминает плохой спектакль, в котором не сведены концы с концами, бессмыслица, недодуманности, непродуманности, недоделанности, сбивающие с толка, а все же вдруг в этом есть своя страшная, непостижимая глубина, страшная тайна?!

2. Роковая встреча

Дед, то бишь отступник, порвавший с дисседентством, проклятый им, в восторге от откровений внука, увлечен внуком, непутевый дед, несамостоятельный, всегда от чего-нибудь у него голова кружится, романтиком остался, носится с внуком, рассказывает всем ошеломляющую историю семьи (семейки!); они, старый (вообще-то не очень старый) и малый, заявляются (*явление*!) с докладом на нашу прослав-

ленную просвещенную интеллигентскую *Кухню* (сколько таких *явлений* было на Кухне!), не посиделки, а тусовка (давно уже живем в отдельных квартирах, забыли о тесноте коммуналок), да, вы не ошиблись, читает лекцию, вещает Илюша, надув щеки, обстоятельно отвечает на наши вопросы, все-то он знает, да, речь в лекции шла о том самым Агранове, который подписал постановление на арест Мандельштама! Ой, как интересно! Вот тут-то, у нас, на *Кухне* (а не в лагере), грянула роковая, абсолютно нечаянная встреча, для кого-то и нечаянная радость, для родителей Илюши — жуткое проклятие Неба, да никто не охмурял исследователя архивов НКВД и ГУЛАГа, глупости, никто ему специально и из вредности не подсовывал упрямую православную Катю ...

(если не считать, что этот кто-то есть этот самый, никогда не дремлющий дух самоуничтожения и небытия, князь тьмы, хозяин державы смерти, враг людей, стремящийся сбить всех с истинного пути, он-то всегда всех перехитрит, обведет вокруг пальца, *козыри в руках у князя тьмы*, с ним надо держать ухо остро, бороться не с помочью интеллекта, всяких силлогизмов, очевидностей и доводов разума, а молитвой и постом, если этот страшный и мудрый змий все же существует, а скорее всего это так, и это дело его рук, он результатом своих козней должен быть весьма доволен, может пузо потирать, полный успех! Но *Кухня* и бывший незадачливый диссидент и ренегат Юра тут не в ответе)

... блондинку, умненькую, самостоятельную, знающую себе цену, очень симпатичная девочка, по всем статьям лапочка, само у молодежи получается, без наших натырок, пришел, увидел, прилип глазами, побежден! начинается вовсе неправдоподобная, невероятная дикая история, настолько она банальна, глянул, клюнул поплавок, *без вас не мыслю дня прожить*, ранен Катей, бедный наш подранок, лишился разума и сердечного спокойствия, заклинило, горячее сердце, первая любовь, страсти-мордасти, весь мир преобразился в сверхъестественном зареве Эроса, слышать ничего не хочет, Катю ему подавай, без Кати рай — не рай. А там, в Израиле, какие идешки, какие у них ножки, какие юбочки, все, как на подбор, брюнеточки да изящные шатенки (Кузьму бы на них, брюнетки входят важной составной частью в миф о Кузьме), а он блондинку полюбил, русскую ...

(обидел было Илюша своего идола, бездумно сморозил, *почему у вас, в России, так плохо говорят по-русски?* вообще-то в вопросе легко просматривается и гордое сознание своего превосходства над местной фауной, и образец высокомерной и беззаботной бестактности, и всякие там следы русофобии, выглянувшие из черного подполья еврейской психики, знай край! почему-то занесло его; тут-то она ему и залепила! Угостила. Плечиком повела. Поднялась уходить. Просвистеть мимо — прямая угроза у юноши, завертелся волчком, завертишься, разговаривают с ним с позиции силы, да что такого он сказал? Всего-то ничего. Он же ничего эдакого не хотел, не имел ввиду, сорвалась шутка, не-

соразмерная, недоразумение, а к чему привело, девушка оказалась крайне впечатлительной, обрыв духовных нитей, бедный близорукий очкарик, он же угождать рад, он же рыцарь, готов на руках носить, лелеять; откуда она взяла, он же любит Россию, и Катю любит, и Россию, безумно любит, *Святая Русь, отечество, я твой!* напряженно, долго выясняли отношения, был прощен, поставлено на вид, в другой раз не будет забываться)

... ортодоксально православную, интеллектуалку. Хлебнул эликсир сатаны, любит ее, стервочку длинноногую, шибко православную, сильнее жизни, умопомрачение, наваждение, а вы было вякали, что в аду сексуальной революции и общей половой распущенности, цинизма невозможны большие чувства, нежные, высокие болезни, невозможны Ромео и Джульетта, да не баба Илюше нужна, не вообще баба, а предназначенная ему, только ему, Катя, свет клином сошелся, смолкни навсегда психоанализ, не годятся твои методы борьбы с неврозами, каверзными завихрениями.

Физкульт припух! В Катю нельзя не влюбиться. Катя — чудо, роковое явление! это же Россия, мистическая Россия! *О, Русь моя, жена моя! До боли/ Нам ясен долгий путь! / Наш путь — стрелой татарской древней воли/ Пронзает грудь.*

3. Финал

Дети вырастают и — увы! — не всегда радуют сердца родителей, частенько сильно огорчают, обстоятельства, ножка подставлена, взвыли крепко счастливые дети солнца, за что такая немилость? и вот вам, как говорится, результат: *мамаша в обморок упала, сестра сметану пролила;* с матерью, однако, ничего особенного, ну — истерика, зашлась немного в истерике, картинно, шумно и бесновато рвала на себе волосы, шумно, исключительно смешно махала руками, валерьянку пила, нюхнула португальский портвейн, пригубила чуть, самую малость, и этак повела всезнающим носом, неописуемым, невообразимым, неповторимым, незабываемым, правильно хлестанула добрый стакан, а молодец! хорошо пошло, утешение (Некрасов: *Не было б вина на свете/ Тошен был бы мне свет/ И, клянусь, силен сатана,/ Натворил бы я бед*), совсем раскисла, отключилась, сонливость, дремота настигла, кувыркнулась в сон, осталась с открытым ртом, похрапывала, как ни в чем не бывало, на лице сладкая улыбка, какой-то сладкий, очарованный сон видит. Другое дело отец Илюши, Паша, услышал о Кате, стал смертельно белым, как мертвец, как лист белой финской бумаги, стал думать невесть что и не ошибся, просек недоброе, не видать ему, как своих ушей, омечтанного портфеля министра культуры или чего-то вроде, это точно, забудь и думать о портфеле, да можно и без портфеля прожить, перебьется,

другие живут, поверил, понял, что с Илюшей дело совершенно дрянь, позор! какой позор! скандал! смеяться будут, вляпался, разгадал, что злодейка приобрела страшную, неумолимую власть над душой его сына, слопала с потрохами, околдовала, навсегда потерял сына, отрезанный ломоть, теперь его любимый сын будет плясать под дудку этой гадкой девчонки; ощутил богооставленность, его ум потрясен, унижен, и злобой вскипело сердце, смело взлетел на старого верного конька, надо понять беднягу, надо и простить, вот великая трагедия, Россия — его кошмар, не для того он в Израиль махнул, чтобы его дорогие ненаглядные детки, младая поросль, обратно в эту поганую страну вернулись, страдали, сполна и полной мерой вкусили весь ужас беспочвенности, антисемитизма, мучились, как чужаки. Идеологический зуб Паши воспалился, взыграл, естественный, простой, понятный, извинительный, простительный рецидив огненной русофобии, каскад, одержим вдохновением, опять пафос, вернулся в свою прежнюю, шалую стихию, ***акт пятый***, и у нас, как в толковом, традиционном шекспировском театре, где *быть или не быть*, пять актов! мы, было бы известно, на образцы высокой, бессмертной драмы ориентированы, как в аптеке, так и тут, сорок фунтов, так и пуд, срыв в кондиционную, привычную русофобию (знаем и хорошо помним Пашу с грязных пеленок, гукающим недоноском, нам более симпатичен он не избравшим средний, царский путь, не теплохладным, каким он стал в Израиле, а бойцовым, одержимым, бросающим дерзкий вызов силам зла, спуска не дающим, нажимающим, неугомонным, *но как ты тепл, а не горяч и не холоден, извергну тебя из уст моих;* да, таким, придется сознаться, он нам импонирует больше, хотя в свое время, вкусы переменились, мы были травмированы его необузданным темпераментом). Нашло, наехало, привычный вывих, рецидив русофобии, восшумел с новой агрессивной силой, бушует, бешеный нрав проснулся вновь, будь здоров, лик его ужасен, в образе, такой же, как когда-то, когда он рубал иконы, безмерен, безумен, ломит, за себя уже полностью не отвечает, опять пошли прежние интонации, сильно выраженная трескотня, красноречие, забурлил, беспощадные проклятия изрыгает (сам, поди, понимает, взрослый, не маленький, всё бесполезно, сколько ни изрыгай проклятий, любовь не семечки, зла), рыкает, мечет неуемные громы и молнии, орет окаянным голосом, истошный вопль души из глубины отчаяния, 129-й псалом Давида:

— Свинья собачья! Свинья! Грязная душонка! Сколько я в эту грязную свинью вложил! Поганец, как он мог? Здесь, на Святой земле, его место! В строю! Здесь ось вселенной, мы преодолели вечное изгойство, здесь собирается народ Книги! Подлец он, нечистоплотный, подлый предатель. Эта подлая, злокозненная Империя вот у меня в где, в печенках! Империя зла, мерзостей, антисемитизма и скверны! Неужели этому сукину сыну не ясно, что Россия это прежде всего еврейское гетто, Кишиневский погром,

«Протоколы сионских мудрецов», дело Бейлиса! А сталинская, послереволюционная, кощеева — дело врачей! И убийство Михоэлса! И, если угодно, восстановление храма Христа Спасителя! Не хочу и слышать о Кате! Какой еще ветер свободы? Да в этой земле, пропитанной каверзным духом византинизма, ничего не изменилось и не может измениться. Черная дыра! Скопище недочеловеков! Вонючий свинарник! Загляните в любую общественную уборную, на вокзале, в университете, и вы поймете, что такое Россия. В деревнях русских вообще уборных нет, под ветер ходят. «Выйду в поле, сяду с..ть, / Далеко кругом видать!» Хорошо бы вдарить, чтобы голову никогда не поднимала эта, эта! так называемая, Святая Русь, расчленить на части! Перестройка? Новые веянья? Еще прозорливый, проницательный Бялик говорил, гениально говорил, *русская свинья перевернулась на другой бок и захрюкала!*

Захватывающий театр одного актера, только представьте, перед вами ученый с мировым именем, масштаб, масштаб! без пяти минут министр культуры! теряет, подумайте, самоцензуру, всякие приличия, корректность, какой пассаж, встал на четвереньки, какая раскованность, свобода! начинает злобно хрюкать, полное перевоплощение, вошел в образ, поганое животное, которое не только есть, но и разводить нельзя (Голдинг, «Повелитель мух»: что мы едим, в то и превращаемся), изображает, переключена злобная доминанта на еще более злобную, черная злоба, в припадке темной, неистовой одержимости на четвереньках побежал, смешно, удачно изобразил грязное животное, похож, вылитый хряк, живот тучный, толстенный, до пола, эх, тебя бы с хреном! имитация, еврейский счастливый талант, органика, в своей тарелке, ему бы португальского портвейна, отключиться, отрубиться, а он зашелся, хрюкает и хрюкает, выкладывается, пуще добавляет блеска для художественности, остановиться не может, Россию убедительно рисует, верно ведет, кровь к голове прилила, неистовством лицо Паши остервенилось, перекосилось, на нем изобразилось священное безумие — остановись! низменный, гнусный спазм в мозгу, аварийная ситуация, сам себя в инсульт загнал, заклинило на ... (сильно выражение? пожалуй, слишком! не нашли синонима, нужен гений Олеши), кровоизлияние в мозг, язык стал твердым, деревянным, не слушается, свет в ясных, голубых глазах померк, защемило, язык вывалился преогромный, преогромный, совсем как в дебильном детстве, во рту не помещается, явление природы какое-то, медицинское, разумеется, не такой коровий, как у его бабки-самоубийцы, когда та в петлю сунулась, пронзительный, интенсивный свет тьмы саданул в голову, сокрушительная яростная тьма, какой светильник разума погас! затем спокойная тьма, восхищен во тьму, в довершение всего дерболызнулся лбом об пол, навернулся, наварил рог, ничего, если бы только рог, дело хуже, много хуже... Вообще-то природа сама себя защищает, вознамерился ретироваться и сбежать от большо-

го конфуза, прыг скорее в инсульт, как в монастырь, удрал от пытки истиной, ускользнул в густую, плотную темноту и всё затем, чтобы непереносимой, невыносимой истине в глаза не смотреть, да так и в неотмолимый семейный грех ненароком можно сигануть.

В письмах к родителям Илюша был скуп, держит дымовую завесу, осторожен, темнит, виляет — здоров, целую, пишите.

Может, всё к лучшему в этом лучшем из миров (Вольтер), не мог Паша допустить, принять позорное ослепление сына, который легкомысленно, решительно, окончательно, кощунственно, цинично, мистически раззадорился, одебелился на стремительное, лихое грехопадение, да Паша еще ничего не знал, видать, предчувствовал, что ягодки впереди, ушел, ускользнул в инсульт от правды, шестым чувством уловил, какая Катя воплощенная сволота, окончательно ничего не узнает, не воспримет, у нас ситуация проглядывает, сугубая, совсем поганая, жуткая, тут такое, немыслимое, волосы дыбом встают, еще славное коленце будет выкинуто, и Паша, особенно в свете историософского плана, который он осуществил с такой целеустремленной энергией, последовательностью, чистотой и смелостью, оказался бы всеобщим посмешищем, а из этого неукоснительно следует, что инсульт своевременен! ловко ускользнул в инсульт от жизни, ее экстравагантных фокусов, дневное сознание заволокла тьма, несусветная тьма и пустота увенчали все духовные порывы. Не лицо теперь у Паши, а какая-то маска, громадная, шире лица, голубой рыбий тухлый реалистический глаз на ней и очень самоуверенная, оскорбительная для всего живого и разумного, торжествующая, счастливая улыбка, под себя спокойно, уверенно делает, не потому что встать не может и пластом лежит, а так, просто так, такой приказ мозга, все мы когда-то будем делать под себя. А ведь счастлив, такое впечатление, что архисчастлив! недолго осталось быть счастливым, скоро концы отдаст, на смерть нет управы, она бестактна, не сентиментальничает, поминай, как звали, смерть ждет его легкая, совсем нечувствительная и безболезненная, для него самого незаметная, тихо перейдет в иной мир, скорей бы! а на Святой Руси Илюша что-то там зубрит, горюшка мало, что у родителя с гениальной головкой плохо, тьма навсегда заволокла гениальные мозги, Катя, Катя всему виной, *не мир, но меч*, *Я пришел разлучить человека с отцом его* (Мф. 10. 34, 35)! воплощенный миазм эта Катя, интенсифицирующий губительные яды; паршивец зубрит старательно, втихаря, бесшумно, в тайне от посторонних глаз, память молодая, запомнить ничего не стоит, а знать назубок надо, **исповедую едино крещение во оставленное грехов, чаю воскресения мертвых и жизни будущего века.**

Не соскучишься, ну — семейка!

И смех, и грех.

А охочие до пересудов, которых на злословия так и тянет, есть такие, есть, улюлюкают, их, видите ли, совсем душит смех, они живо, в красках представили перекосившееся мурло будущего министра культуры Израиля, вообразили, во — картинка! надо же! преогромный, распухший, зеленый язык Паши вывалился, во рту полностью не помещается, всё, как детстве, ну, всё повторяется, высота комизма, сущая человеческая комедия, прямо-таки вернулся Паша в то самое состояние, из которого был восхищен самоубийством одержимой, умоисступленной Медеи, опять ни бум-бум, лишь мычит, сердится, если его не понимают!.. Так прямо и хрюкал? На четвереньки стал? Ну вас! Быть не может! Ой, не смешите! Хи-хи-хи да ха-ха-ха! Не могут от смеха удержаться. Так тебе и надо! Поделом, поделом. Больно умный! Ржание и ликование.

По дезертиру, изменнику, позорнику Илюше плачет ритуальная пощечина от правильной матери, воспламенившейся праведным гневом, ныне ставшей фанатичной, жестоковыйной, принципиальной, одержимой, тот еще надежного закала изверг, она изрыгнула *брань хульную,* она *прокляла,* как умела, как предписано, ждем, не сомневаемся, вкатит сыну с библейской прямолинейностью и простотой знатную пощечину, прямоговорение без экивоков, хорошо влепит, в два счета вломит, не сегодня так завтра, считаем, что уже схлопотал по морде, огреб, *на круги своя*, изустное семейное предание будет цепко и настойчиво держатся за эту творческую, упрямую, агрессивную, честную, самодержавную, полновесную, полноценную, заслуженную, абсолютно стильную пощечину.

Не успеваешь текст обновлять, править, подновлять, удивляться, вносить корректные изменения, добавлять, в отчаянии за голову хвататься, осмыслять. Надеялись закончить благополучным финалом и на твердой оптимистической ноте, не прошел номер, пришлось вновь мусолить ту же тему, раз она выскользнула, выбросилась на поверхность (в сходной ситуации отважный Ницше признался: — *Мне внушают страх мои мысли и мои предчувствия*) — всё по новой, новый виток, сказка про белого бычка, завязался злокозненный цикл, пульсирующая вселенная, мистическая, безнадежная, бессмысленная, тупая болтанка, словно кто-то тупо, скучно развлекается, невеселая непрекращающаяся игра, невеселые забавы (*а мы играем не из денег, а так, чтоб вечность проводить);* опять конец спектакля, сам себя подбадривая, подстегивая, связывается крепким узлом с его началом, слышим анафемы, та же стилистика, чуткое ухо могло бы уловить при тишине в природе и тишине в душе смачный звук крутой, грубой пощечины, полновесная, знатная оплеуха, мордобитие, перехлестывает грань приличия ***брань хульная;*** демон проклятия совсем и окончательно вознамерился гулять в нависающих столетиях, вечно: неодолим.

1955, 1998—1999.

ВОСПОМИНАНИЕ О «БЕЛОМ ДОМЕ»

Как в России напоследок
Сатана творил содом,
Хор несчастных людоедок
Плакал: «Смело в бой пойдем!»

Хор постигших с малолетства
В звуках горна и трубы,
Как прекрасно людоедство
Вечной классовой борьбы...

Так и жили — век на взводе,
Век в борьбе. За годом год
Вроде в классовой... А вроде
И в другой — словарь не тот.

Жизнь и впрямь была иная...
Пыл все гас... Напор всё тих...
Ложь сгущалась... Сам не знаю,
Чем питалась верность их.

Кто смущал их, этих малых?
К власти кто им путь торил? —
Соблазнял их, поднимал их:
Их руками зло творил?

Наум КОРЖАВИН — родился в 1925 году в Киеве. В 1945 году поступил в Литературный институт им. Горького, в 1947-м был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Отбывая ссылку в Караганде, окончил там Горный техникум. В 1954 году амнистирован, в 1956-м реабилитирован. В 1959 году окончил Литинститут. Автор известных поэтических книг, вышедших у нас в стране и за рубежом («Годы», 1963; «Времена», 1976; «Сплетения», 1981; «Время дано», 1992, и др.), пьес и многих статей о литературе (в «Новом мире», «Континенте, «Гранях» и др.). Член редколлегии журнала «Континент» с 1974 года. В 1973 году вынужден был эмигрировать. Живет в Бостоне.

Кто учил, тишком иль сходу
Брать бодливо на рога,
Всех инаких — тех, кто воду
Льет на мельницу врага.

Научились. Строго звали
Светом тьму. И сверх того...
Но порой добры бывали,
Выручали кой-кого.

Всё же бабы... Вдруг жалели...
Но — вели. Вели всегда
Понималось — к дальней цели
Оказалось — в никуда...

Всё распалось. Не в столетьях,
А при них. Само собой.
...И в глазах у женщин этих
Злость, растерянность и боль.

Нет ни ясности, ни роли.
Лишь одно при них всегда —
Страсть топтпть ту злую волю,
От которой вся беда.

Им не в бой, им в день вчерашний,
В царство веры и мечты...
И теснят они бесстрашно
Милицейские щиты.

И кричат про гнев народа,
Нищету, разврат, разброд —
Всё, к чему вели все годы,
А теперь плоды дает.

Обнажают все печали
Ими сбитой с ног страны.
Всех виня. Не ощущая
Никакой своей вины.

Смело в бой! На смерть хотя бы!
Прут и прут — входя в азарт.
Людоедки? Нет — парт-бабы!
Те же бабы, только — «парт».

Но горит в них, как горела
Гордость верностью своей, —
Всё тому ж Большому Делу,
Пожиравшему людей.

Ну и лжи... В ней стыд? Едва ли!
Всю-то жизнь от всей души
Лжи внимали, сами лгали,
Так бы век дожить во лжи!..

Не дают... Но напоследок
Вновь — что было, всё не в счет —
Хор несчастных людоедок
В бой за власть людей зовет.

И душа молчит в бессилье.
«Смело в бой!» — в ушах звучит.
Словно впрямь так вся Россия,
Потеряв себя, кричит.

И тогда спасенья нету:
Все сгорят, и я сгорю...
...А начав писать про это
Сам я думал, что острю.

Рочестер, Нью-Йорк — 4—15 ноября 1993 г.;
Бостон — 3—4 — 14 декабря 1993 г. — 21—23 января 1994 г.;
Бостон — январь 1994 г.;
Москва — 20 февраля 1994 г..

БЕЛАЯ КОСТЬ

Рассказ

Вся штука в том, что их было двое. Два брата — Егор и Николай — два близнеца, два баловня, не мыслящих друг без друга ни единого мига. Одна рука на плече другого и в ногу по скрипучему гравию в одинаковых высоких ботиночках, белых чулках, синих панталончиках и белых матросках под голубыми воротниками с тремя светлыми полосками: Гангут, Чесма, Синоп, в бескозырках над крутыми веснушчатыми лбами в белоснежных чехольчиках с муаровыми лентами по обрезу: «Вѣрный» (через «ять», непременно через «ять»), — вот вам парное фото на паспарту, господа, прикрытое папиросной бумажкой. Нет, что за загляденье были эти мальчишки, несмотря на несводимые цыпки и облупившиеся носы, с которых лохмотьями сходила нежная пергаментная кожица. — «Егорушка, Николенька, к столу», — выкрикивала вскормившая их обоих нянька. «Жорж, Николя, в классную», — торопила бонна-немка, поспешно сдирая с шей вымазанные горячим шоколадом салфетки.

— Allons, enfants, — увлекала их гувернантка мадемуазель Кло, мелькая невозможной розовостью платья сквозь ивовые кусты, — вниз к обрыву, к темно-серебристой тине Славянки. И они, задыхаясь, покрываясь острым отроческим потом, мчались, сбивая ноги и срывая на ходу узкие листья, серебряные, как кокарды царскосельской гимназии, вниз, за ней, как два ангела-хранителя, в пропасть, ревнуя ко всему на свете это дышащее, лукавое, уплывающее из рук розовое облако. И потом — весла в уключины: и два-раз, два-раз, ялик скользил по воде, влекомый невесть куда вальяжно раскинувшимся на корме божеством, привычно положившим цепкую ручку на длинный прохладный румпель с шариком на конце. В двадцатом он еще увидит Кло в Севастополе, она станет вялой, грузной, чужой, но давнее детское влечение тут же подкатит комом к горлу, и он проволочится за ней весь Примбуль, теряя и находя то встревоженное перышко ее шляпки, то золотистый нимб околыша над стертым лицом ее временного владельца. Потом она исчезнет. Навсегда.

Сергей КОКОВКИН — родился в 1938 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Драматург, прозаик, режиссер. Автор книги прозы «Иди ко мне» (1999). Печатался в журналах «Октябрь», «Искусство кино», «Радуга» (Эстония), «Новый журнал» (США). Живет в Москве.

А няня уйдет еще раньше. И ее хоронил весь Павловск: вся артиллерийская бригада отца, и полковая музыка, и катафалк с белыми лошадьми под серебряными попонами с высокими плюмажами над ровными челками. Впрочем, лошади, кажется были воронными. Или белыми. Надо было бы спросить у Николая. У него была память на цвета.

Во всяком случае, два цвета своей жизни он различил четко. Слишком четко, черт его подери совсем!

Осенью четырнадцатого в гулком дортуаре кадетского корпуса, когда отпела уже труба отбой, сдвинув кровати и укрывшись с головой колким верблюжьим одеялом, встряхивая поминутно гаснущий английский фонарик, взрывавшийся светом разрывов над зеленой картой Галиции, они спорили до сипа о маневрах Рузского и Ранненкампфа и, в отсутствие аргументов, пихали друг друга пятками. В решительный момент кампании, во время скрытого рейда на Львов, они были застигнуты унтером Веретенниковым, после чего оба «генерала» проследовали в холодную, где и подрались первый раз до крови. Егор обвинял во всем брата, был сух и бледен, как полотно, а Николенька, размазывая красную жижу по лицу, плакал безутешно, как маленький. Накануне Рождества младший (всего-то на полчаса, это и было невыносимым унижением) отомстил старшему, когда пасмурным сизым утром они шаркали всей ротой на молитву и ни с того ни с сего Николай с силой толкнул Егора, и тот, пролетев пулей по навощенному полотерами паркету, врезался затылком в чугунное ребро калорифера. Шрам остался до сих пор. У Егора Алексеевича была привычка поглаживать его в минуту особых раздумий. Теперь руки коротки. Жаль. С годами он полюбил этот шрам как единственную память о брате.

Другим шрамом осталась Аннет Потоцкая. Они встретились уже полтора года спустя все трое на «детском» празднике у давней знакомой их матери — графини Потоцкой — в собственном доме, у Преображенского собора. Эта заводная игрушка, эта фарфоровая статуэтка вертелась перед ними, как перед материнским трельяжем, где обе боковые половинки в мундирчиках с галунами отражали ее с совершенно одинаковым обожанием, и одинаковые искорки пота блестели в редких ворсинках усиков над пухлыми, еще детскими губами. Она была попросту околпачена этим юношей-двойником, который дробился и множился у нее на глазах, создавая невероятное ощущение цирковой карусели, чертова колеса, вращавшегося вокруг ее осиной, в один обхват талии. Заметьте, господа, в один, а не в два.

Она путала их случайно и намеренно, сразу отделив упрямый вихор на макушке Николеньки от помадно-пасхальной головенки Жоржа. Они кружили вокруг храма Преображения, раскачивая цепи и давя скорлупу крашенок о пушечные стволы, ограждавшие соборный придел. Они щебетали, как весенние воробьи, без умолку и обо всем на свете. О бес-

порядках в корпусе и Аннен-шуле, о том, что будут делать через год, когда вырвутся, наконец, на волю, о прелестях юнкерской жизни, о дозволенном, наконец, скейтинг-ринге в Буффе, о купаниях в Стрельне, о концертах в Павловском вокзале и о том, что вкусней: буше в «Норде» или кремовое у Беранже, о последнем спектакле Юшкевича, где русские выступают в роли евреев и очень смешно, и о театре военных действий, где тоже можно выступить, если подать прошение на Высочайшее имя... Ах, только бы эта война не кончилась!

А вечером, который не был похож на вечер, когда перламутровое петроградское небо сияло в цельных зеркальных окнах ее дома, они мялись у дверей подъезда, и Колька, не обращая внимания на лакея, уже распахнувшего двери, продолжал шушукаться с ней, так близко склоняясь к завиткам возле уха, что казалось, вот-вот — и он притронется к ней губами.

Это были черные дни для Егора. Жадно склоненный над партой ненавистный Николенькин затылок скрывал не вывод закона Ампера, а письма к А.П., которые он катал одно за другим по пять-шесть штук на день. Он нарочно мучил Егорушку, загораживая локтем свой скачущий по колдобинам почерк, да и что можно было написать дельного таким варварским способом, даже не доводя строчку до края листа и обрывая ее по прихоти, где вздумается. То и дело он сбегал вниз к караулке, где у выхода на Садовую был желтый почтовый ящик. Иногда конверты летели туда по три-четыре кряду, и как она разберет, что читать сначала, а что потом, и почему Николаю не было до этого никакого дела?

А однажды в гимнастическом зале, когда оба они висели на шведской стенке, вывернув локти наружу («Как на Голгофе», — подумалось тогда Егорушке), этот Варрава свистящим шепотом потребовал у него денег на покупку готовальни, которая непременно понадобится им обоим. Готовальня стоила сумасшедших денег, на что Егорушка ответил, что может дать только семь с полтиной, больше у него не было. Варрава сказал, что видел у него еще двугривенный в пенале, отложенный на перья, и, свистнув, спрыгнул на пол. Пришлось отдать все семь семьдесят серебром.

На ужин Николай не явился. К отбою его тоже не было. Что только не привиделось Егору за эту ночь. Он взбивал и кусал подушку, мокрую от дурацких слез, и грязно ругался. Вскочив при первых звуках трубы, он глянул на соседнюю постель: она была застелена, как вчера. Обессилев от ночных наваждений, Егор с трудом отвечал на вопросы дежурного офицера, вяло разглядывал депешу из Павловска: мать прибывала первым утренним поездом на Царскосельский вокзал. Днем отпущенный с нею в город, за обедом в «Норде», он, не выдержав безумного взгляда ее выпуклых помутневших глаз, бессмысленно жуя буше, промямлил что-то о доме Потоцких.

Их нашли на пятый день в Келломяках, в чистом чухонском доме, который сговорила им за десять целковых молочница-финка, поставлявшая Потоцким топленый варенец. Они спали, обнявшись, без всякой простыни, и, увидев их такими, Егор выскочил в сени и там дал волю рыданиям со спазмами и икотой. Он долго еще не мог успокоиться, замкнулся в себе, и, что будет дальше с миром, его не тревожило.

Но уже мела по Руси поземка и заметала царственный холмик под белыми окнами императрицы. С уходом ясновидящего спасителя, казалось, Россия потеряла зрение и брела наугад по стеночке от угла к углу, где горластые мальчишки-газетчики уже провозглашали новое время ценою в медный алтын.

В феврале метель улеглась, но началась такая свистопляска, что давешняя пурга казалась манной небесной, сулящей единую благодать. Твердь небесная и земля поменялись местами, и всё, что вчера имело смысл, было утрачено безвозвратно. Николай за свои провинности был выпущен вольноопределяющимся, и это его нимало не расстроило. Егор же, окончив с отличием, перешел в юнкерское артиллерийское, и тоже без всякой охоты. А.П. была еще до Рождества послана матерью куда-то на воды, чтобы лечиться от чего-то, что вслух не называлось, и где к ней приставлена была англичанка, дабы к осени уже семнадцатого всё сдать экстерном, и желательно за весь курс. Но осенью, когда Россия сдавала экстерном за весь непройденный курс, графиня сама выехала к ней в Монте-Карло и успела это сделать, кажется, девятнадцатого октября. Да-да, в этот день в Царском горстка старцев праздновала известную годовщину и обложила венками баховскую скульптуру с юношей на скамье. Егор простоял у памятника в негустой толпе и отправился пешком в Павловск через Старую Сильвию, минуя Пильбашню и Висконтиев мост, мимо дворца, туда, к старой мызе за Белой Березой, не зная, что прощается с этим навсегда. Он и потом ничего не понимал, когда уже через неделю училище бросили в Гатчину, а там всё дале и дале, дале и дале, от самого себя.

И только в Константинополе, сняв выгоревшую фуражку, стянув сапоги и босыми ногами ступив на прохладные плиты Софии, он поднял голову в сторону алтаря и с ужасом увидел, что Бог покинул их. Бродя туда и обратно вдоль Босфора по изъеденной временем последней кромке Европы, утыкаясь то в оловянную муть Мраморного моря, то в кишащий рыбным базаром Золотой Рог, он вдруг понял, что заперт в себе самом, откуда выхода нет. Оставалось одно — покончить с тем, каким он был раньше, и начать всё сызнова, словно и не было всех этих долгих лет за спиной. «Как ныне, — подумалось ему, — как ныне...»

«Как ныне сбирается та-та-та-та, твой щит на вратах Цареграда!..» Он вдруг пожалел, что так и не узнал, что за книгу читал тот лицейский Пушкин. Да и читал ли вообще? А так захотелось бы залезть и заглянуть.

Может, там и было начертано нечто, что надо было знать наперед. Он же не знал ничего. Знал только, что когда все надежды на Юденича лопнули, мать была вывезена теткой Агафьей, няниной племянницей, к ней на родину в рязанскую деревню. Может быть, от голода это ее и спасло. Дай Бог, чтоб не только от голода. О Николае же он не слышал ни слова. В Добрармии бывшие кадеты нашептывали ему, что Вяльцев мобилизован красными и под фамилией Вольфсон служит в чрезвычайке. Егор тут же лез в драку, хотя сам ни за что уже не мог поручиться.

Позже, перебравшись в Болгарию, в позолоченном Пловдиве, где он прозимовал, подрабатывая в москательной лавочке, его самого заставили поиграть фамилией. Старый армянин, работавший под цыгана и певший в трактире «Дунай», уговорил его поработать сыном Вяльцевой, грамофонные пластинки которой с запозданием пришли на Балканы. Певицы уже лет десять как не было на свете, проверить никто не смог, да и отец, когда был жив, брюзжал, что-де ресторанная дива, действительно седьмая вода на киселе, марает порядочную фамилию... Теперь же Егор в малиновой рубахе и бархатных шароварах, подаваемый как единоутробный сын незабвенной Анастасии, стоял перед дружным октетом казачьих луженых глоток и, старательно раскрывая рот, боялся издать даже писк, дабы не испортить всей музыки. Но однажды охмелевший от поднесенной ракии Егорушка вдруг рванул «Мой костер в тумане светит» так, что петух, пущенный им, еще долго метался и бил крыльями под закопченным потолком «Дуная». Наутро, проспавшись, он явился на исповедь к отцу Пантелеймону и умолил его отпустить ему грехи, сознавшись, что польстился на дармовые деньги, дабы скопить сумму на билет в Монте-Карло, где ждет его невеста. Выбирая ногу из одной лжи и вступая в другую, Егорушка убеждал себя, что всё едино, что для него А.П. невеста и другой не будет, а уж как Господь посмотрит на это, одному ему и известно.

Отец Пантелеймон, как ни странно, отнесся к его речи с пониманием и поведал о городе Малине, что в Бельгии, где льют колокола знаменитого малинового звона и где тамошний архиепископ, их соотечественник, помогает страждущим российским юношам, предоставляя достойным стипендию в одном из бельгийских университетов.

— Я бы мог вам дать к нему рекомендательное письмо, — заключил отец Пантелеймон, — а от Бельгии и до Франции недалече. Отыщете вашу невесту.

Как прождал он тот час, теперь и не вспомнить. Он только знает, что никогда так не был близок к Богу, как в тот миг, никогда так не любил Его, никогда так не верил Ему. Но получив письмо с вложенными туда тридцатью левами и целуя руку отцу Пантелеймону, он уже знал, что ни в какой бельгийский Малин он не поедет, он поедет только в это треклятое Монако к ней!

Когда два месяца спустя, ободранный и почерневший до неузнаваемости, он добрел до благословенного княжества, он понял, что всему конец. От вилл в тени глициний, отелей и даже меблирашек несло таким густым самодовольством, такой забытой петербургской негой и покоем, что, лежа ночью на пляже в дощатой купальне, следя сквозь решетчатую крышу за звездами и слушая шелест прибоя, он чувствовал себя песчинкой в мироздании и не мог заснуть. Когда на четвертые сутки, пообедав дыней с хлебом, он по второму разу решил обойти весь этот круг, в отеле «Палас» старый портье, потирая сдавленную пенсне переносицу, тщательно провернув два толстенных гроссбуха за предыдущие годы, вдруг просиял. Мадемуазель Потоцкая действительно поселилась в отеле 24 декабря 1916 года накануне самого Рождества. С ней записалась компаньонка миссис Старк. 19 же августа 1917 года она выехала из принадлежащего ей девятого номера в номер шестьдесят седьмой уже без компаньонки, но вписав в реестр ребенка, пол которого не указан. Он медленно, слишком медленно перелистнул несколько страниц. 1 ноября того же года мадам и дитя выехали из отеля.

— Куда? — закричал вдруг по-русски Егорушка.

— Должно быть, в Петербург, — со смачным сожалением развел руками портье.

В ту же ночь, выкрав из пляжной будки велосипед, Егор, путаясь в педалях и петляя рулем, стал пробираться на север. Машина служила ему покорно, может быть, недели две. Он уже вполне освоился с ней и даже успел полюбить натужный скрип правой педали, но где-то за Льежем, заночевав в чистом поле в разворошенной копне, закопав сперва в нее велосипед, а затем уже закопавшись сам, Егор утром смог отрыть только одного себя. И сколько ни перерывал копну, как ни подбрасывал в небо с проклятьями клочья перепревшего сена, он не только иголки — ни колеса, ни педали, ни сумки с куском сыра и письмом к его Преосвященству — ничего уже отыскать не мог, словно бы их и не было вовсе. Бог дал, Бог взял.

Когда промозглым октябрьским утром 1922 года от Рождества Христова, гремя ключами от райских врат, апостол Петр приоткрыл наконец створку, он обнаружил лежащего на паперти паломника в истлевшем исподнем и стертом сабо на босу ногу. Корявая чумазая пятка его доблестно смотрела ввысь, являя собой законченную цитату из «Возвращения блудного сына». Картина была столь эффектна, что апостол Петр (он же каноник Петр) невольно залюбовался ею. А придя в себя, отправился за архиепископом.

...Ах, Лювен, Лювен! Великий студенческий город. Вы никогда не бывали в Лювене? Непременно побывайте. Ибо где еще поймешь, что ты молод, легок, талантлив, удачлив и влюблен. Весь год он провел в неусыпных штудиях французского, фламандского и снова французско-

го. Весь год он света Божьего не видел, корпя в университетской библиотеке, а с приходом лета, оторвавшись от словарей и инкунабул, решил оглядеться, куда же его занесло. Он пересек пол-Бельгии, сразу же решив оставить Брюссель на потом (так ведь оно потом и вышло), и отправился прямо в Антверпен, где долго слонялся по старой торговой гавани, нанизывая в уме заморские флаги на невидимую, но прочную нить. Один сине-черно-белый привлек его внимание. Назавтра он пришел к боту снова. У борта стоял веснушчатый матрос с выцветшими, как у альбиноса, бровями. Егор спросил его по-французски, но тот ничего не ответил и плюнул в воду. По-немецки он всё же кое-что разобрал и ответил, что «Линда» и есть из Ревеля, только Ревель теперь не Ревель и называется теперь по-датски «Датский город», и пришли они с грузом салаки, а продать ее никак не вышло. И придется везти салаку обратно в Балтийское море, но не в Та-аллинн, а податься прямо в Совдепию, там и купят овес. О каком овсе тут пошла речь, Егор уже не понял, но слово «Совдепия», произнесенная словно по-русски, заставило его вцепиться в леера «Линды» словно она уже спешила отвалить от стенки. И вдруг его осенило.

— Авось! Авось! — закричал Егорушка, притягивая к себе канаты, — авось купят!

— Да ты русский, что ли? Русский? — вопрошал чисто, как русак, чухонец, сильно ударяя Егора по шее, и вдруг, схватив его подмышки, втащил на палубу. Через минуту они уже сидели на камбузе, пили водку, заедая салакой прямо из бочки, и, перебивая друг друга, болтали каждый о своем. Через час, уже сильно нагрузившись, плача и смеясь, Егор, марая оберточный лист жирными пальцами, писал письмо матери в Рязанскую губернию, в село Рождествено, на имя Агафьи, той самой племянницы полузабытой няни из напрочь забытого Павловска. И Юхан, он же Иван, родом из-под Луги, слезно клялся, что недели через две, когда будет в России, если не в Рамбове, то в Копорье, хотя до самого Кронштадта они не ходят, боятся, а уж в Копорье точно даст письму ход, и найдется ему мать, потому что без матери, как без Кодумаа, никуда человеку не деться. Так и закинул Егор бутылку в родную Маркизову лужу, может, и клюнет кто на его привет. Авось!

Прошел год, но ни слуху, ни духу не было с той стороны. Следующим летом Жорж подрядился землемером, сколотил две рейки, навроде циркуля, и зашагал, как аист, по окрестным полям. В жаркий июльский день он вышел к ручью и, раздевшись догола, лег на самое дно. Ручей был мелкий и еле омывал разгоряченное тело неспешной струей. Жаворонок трепыхался над головой, то взлетая, то опадая долу. Он уже блаженно смежил ресницы, как вдруг кто-то окликнул его по-фламандски. Вяльцев поднял голову и увидел хозяйскую работницу, она размахивала руками и показывала на дорогу. Жорж вскочил, но женщина,

увидев его нагишом, побежала назад, почему-то ворча и сердясь. Нацепив рубаху и штаны, враз облепившие мокрое тело, он вышел к дороге, где стояла извозчичья пролетка с понурым от зноя возницей. А в глубине пролетки с поднятым в небо верхом... Нет, не может быть! Он бежал, задыхаясь, не веря себе, и только сердце, забытое сердце, выпрыгивало из груди, норовя успеть быстрее его.

Мать спешила к нему навстречу, и он только повторял: «Не беги, не беги, постой!». Подбежав друг к другу, они столкнулись, и она повисла на нем всем своим тяжелым, широким телом. Высвобождаясь всё нетерпеливей от ее безумных, обреченных объятий, Егор всё пытался уловить то пятно, тот овал лица, отливавший синевой от слепящего солнца. Уже сведенный с ума предчувствием, сбиваемый в сторону матерью, он продвигался к пролетке, напряженно вглядываясь в синюю пустоту. Оно выплыло из мрака пролетки, озаряемое вспышками кратких молний, порожденных единственно в его возбужденном мозгу, и в одно из таких озарений черты угадываемого лица сместились, перекосились и соединились совсем не так, как он ожидал.

— Александра Полонская, — прошептала она сухими губами, протянув тонкую, немощную, прямую в запястье руку. «А.П.» — эхом отдалось в его сознании, — снова «А.П.» Служанка вынесла им молока, и они долго и жадно пили, не утирая обветренных ртов. Струйка стекала у девушки по подбородку, по худой и жилистой шее прямо за плоский корсаж дорожного платья. Она поискала в рукаве платок, не нашла и, вытершись тыльной стороной ладони, впервые прямо посмотрела на Жоржа.

Так они обосновались в Брюсселе, в районе Иксель, возле огромного парка недалеко от шоссе, ведущего на Ватерлоо. Это было далековато от центра, но зато ближе к Лювену, где всё еще оставался Жорж. Он сдал за четвертый семестр естественного факультета, дела его шли более чем успешно, да будь благословен город Малин и малиновый звон епископских монет. По воскресеньям он приезжал домой (у него теперь появился дом, две крошечные комнатенки в полуподвале), и они втроем ездили на трамвае к обедне в тесную православную церковку, донельзя забитою соотечественниками. Тут завязывались знакомства и обреталась связи. Маман, умевшей шить, купили в рассрочку «зингер», и она обшивала, а чаще перешивала, потрепанный гардероб московского бомонда на новый парижский фасон. Давних знакомых почти не встречалось, весь Петербург осел в Париже или Берлине. О Потоцких мать не сказала ни слова. Брат же как в прорубь канул. Шурочка помогала матери как могла, но больше портила по неумению, днями молчала, считая себя нахлебницей и лишним ртом. Она много читала и вечно рыскала по развалам в поисках русских книг. Родом она была из Рязани. И, потеряв в одну страшную зиму обоих родителей, последние три года провела в деревне по соседству с маман, ведя себя тише воды. Она

приходилась внучатой племянницей тому самому Полонскому, знаменитому лирику еще пореформенной поры. Но обширная его библиотека, которая и была единственной ее школой, сгорела еще в восемнадцатом. И теперь она бродила, словно по пепелищу, собирая у букинистов то, что хотя бы отдаленно напоминало ее прежний мир. Так отыскала она где-то томик стихов самого Я. Полонского. Егор, увидя серую бороду благообразного старца, без интереса стал листать и вдруг, как обжегшись, застыл над страницей.

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Он взглянул на нее и вдруг поцеловал куда-то в косую скулу. Теперь они уже рука об руку бродили по блошиным рынкам, собирая осколки навсегда разбитой России, восстанавливая ее в самих себе, ибо где ей еще теперь оставалось быть?

Он взял ее ночью в парке, попросту подложив под себя, сам удивившись ярости своей долго копившейся силы. Когда всё кончилось, они лежали молча, отстранившись друг от друга, вглядываясь в ветви укрывшего их платана, будто познавая могучие переплетения генеалогического древа. Он ожидал ее слез, жалоб, но она молчала мертвенно, отрешенно. Спустя полчаса, уже полностью остыв, он поднялся, чтобы идти, но она, обвившись у его ног, сама стянула с него одежду и заставила еще и еще доказать всю полноту долгожданного обретения. Кто мог подумать, что в провинциальной барышне было заложено такое чудо самоотречения, такая неистовость, где ничего для себя, а всё-всё-всё для него одного. Егор сходил с ума, мотаясь ежедневно из Лювена в Брюссель, а потом и вовсе забросил лекции. Подступила осень, и с облетевшим платановым небом приходилось прощаться. К тому же Шурочка уже понесла, и надо было что-то решать. В тот год соседом Жоржа по лювенской комнате был будущий эскулап. Жюль проходил практику в университетской клинике и мог кое-чем помочь. Через пару дней он сообщил, что операция стоит денег, но она стоит того. Только тогда Егор решил открыться Шурочке, и снова она удивила его своим полным покоем. Поразительно, этой женщине (Егор тогда впервые на ощупь ощутил это слово) ничего не нужно было объяснять. Всё самое замысловатое и запутанное она делала простым и естественным. Она была идеалом понимания. Прямого, ровного, окончательного. Незадолго до того она нашла работу, правда временную, в небольшой страховой конторе с разъездами по Брабанту. Так что в этом смысле всё обстояло как нельзя лучше. Накануне отъезда в Лювен они вместе пошли к антиквару и продали всё, что скупали, — за полцены. Особенно жаль было серебряного ожерелья из маленьких пасхальных яичек с гранатами

внутри. Антиквар долго разглядывал его на свет, ожерелье переливалось крошечными кровавыми каплями. Это была плата... Если бы они знали — за что?

Денег было в обрез, но и в тот вечер в Брюсселе они не миновали книжный развал. Там, разглядывая старые петербургские гравюры, он потерял ее из виду, а когда нашел у самого выхода, она была бледна и чем-то напугана.

— Тебе нехорошо? — спросил Жорж. Но она помотала головой и промолчала.

Они вышли к Гран-Пляс, где уже зажигали огни, клаксонили авто, в кафе разносили пиво. Как нищие, они шли мимо лотков с устрицами и омарами, млеющими во льду, с букетами зелени в огромных красных клешнях. Со сверкающей Гран-Пляс они свернули в темную галерею, где в нише лежал бронзовый святой с рукой, натертой до блеска от бесчисленных прикосновений. По студенческому поверью, если потереться о руку святого, сбудется всё, о чем загадаешь. Жорж заставил Шурочку прикоснуться и задумать, она закрыла глаза и тут же отдернула руку. Они дошли до угла. У Манекен-писа хихикала горстка гимназисток, пожилая монахиня стыдила их и отгоняла прочь. Ребенок стоял на высоком постаменте, руки в боки, животиком вперед. Из маленького краника текла, не иссякая, струя.

Утром в клинике она вдруг задрожала и, прежде чем уйти с Жюлем по длинному коридору, прижалась к Егору и, шепнув: «Это тебе на память», — сунула в руки завернутый в пергамент пакет. Она шла прямо, не оборачиваясь, и только у самого края, уже входя в застекленную дверь, абсолютно уверенная, что он смотрит на нее, махнула легко рукой, словно прощая ему за всё.

На улице он машинально развернул пергамент и замер. Это была тоненькая, в четверть листа, неровно обрезанная книжица. «Преображение» — стояло на обложке. А на титульном листе фамилия автора, Н. Вяльцев, и пониже вязью «Издано А.П.».

Дрожащими руками он листал страницы, перепрыгивая с одного на другое, стихи были раскованные, живые, обжигающие, как горячий бред. На последней странице петитом по-французски: 116, Бульвар Распай, Париж. Какой-то сдавленный рык, плеск вырвались из горла, потом он надолго затих. «А.П.»... Значит, они там. И он, и она.

О, эти гнусные парижские сумерки, сумерки начала ноября, когда не туман, а какая-то мерзкая мга сочится из тысяч труб, оседая сажей на промокшие напрочь штиблеты. Он шел от Gare du Nord наугад, торопя и оттягивая каждый свой шаг. Ни о каком извозчике не могло быть и речи. До Лилля он добрался зайцем, а там, из вагона в вагон, с поезда на поезд, от станции к станции, платя по грошу за перегон. Конечно, нужно было обо всем поведать матери и показать ей книжицу, которая и сейчас сквозь подкладку жгла ему грудь. Можно было просто попросить у нее денег, но

он боялся ее ставить под удар. Это было его дело, только его и ничье больше. Распай, жаровня на углу. Пальцы торговки в грязных митенках. Горсть горелых каштанов, отвратительный вкус угля и сладкой картошки. Та же мороженая картошка в степи под Екатеринославом, тоже сладкая и тоже в углях. Брат. Царскосельский вокзал. Последние слова: «Умереть можно где угодно, вот на этих ступенях умер Аннинский». И пошел, тоже не оглянувшись. Длинная шинель, сутулые плечи. Ощущение давящего груза. Егор еще стоял, думая, что обернется. Не обернулся. Он тогда уже знал о ребенке. Не мог не знать. Откуда это в нем? Этот бред стихов, выплеснувшихся толчками. Как? Откуда? Неужели тогда, когда скачущий почерк не долетал до края листа? Книжка жгла. Достал, проверил адрес. Руки, перепачканные углем, марали страницы, ну и черт с ними. Перешел на другую сторону, стал рассматривать окна. В 116-м было темно. Контора как контора. Никаких признаков жизни. Завтра воскресенье, и никто сюда не придет. Зачем ему всё это? Зачем? Его нет. Если бы он был, он дал бы знать. Кому? Семь лет никаких признаков жизни. Сон. Последний сон мертвеца. Хватит! Не надо ничего вспоминать. Никогда. Но она? Она! Он не мог без нее! Не мог без нее жить! Он и не жил. Он не мог жить без России и без нее. Почему без нее? Нет, почему без России? Вот это вопрос позабавней. Потому что ее он, в конце концов, нашел. Рю Лафайет, от Опера через Мадлен наискосок. Рю Лафайет, 36 или 63. Не всё ли равно, раз он ее нашел. Это было в понедельник. Вечером. Шел третий день его окаянного клошарства. Медный звонок, над звонком карточка: Mme A. Pototskaya. «Мадам, — отметил он про себя. — Потоцкая», — ответил себе же. Дернул за проволоку. Звонок брякнул невнятно. Хотелось тут же уйти, но, разозлившись на себя, он стал трясти проволоку изо всех сил. Легкие шаги. Тишина. Выжидание. Кто кого? Егор звякнул нежно, как Sent-Nicolas.

— Qui est là? — спросил детский голос.

— C'est moi, — ответил Жорж.

И дверь распахнулась без скрипа. Почему Николенька поверил ему? Никто не мог объяснить. Они сидели и ждали ее. В сумерках. Не зажигая огня. Может быть, час. Может быть, больше. Когда дверь так же бесшумно открылась, он встал и спрятался за портьеру.

Она ворвалась стремительно, всем существом своим, женской подкоркой ощущая подвох.

— Ко-ля-яя! — закричала она так страшно, что он не выдержал и отодвинул портьеру. Она повернулась к нему, казалось, вот-вот — и она взлетит, и тут же рухнула вниз. Она не приходила в себя долго, потом плакала, целовала его руку, бессвязно повторяя одно и то же: «Мы сейчас пойдем, мы гулять пойдем, все вместе. По солнышку, ну, помоги же мне встать... Мы пойдем по солнышку, по дорожке по гладенькой, и чтобы пыль под ногами, пыль меж пальцами: фук-фук-фук...»

Потом она забылась. Николенька еще плакал долго, потом и он уснул. Егор сидел у постели, и не дай вам Бог узнать, что он перечувствовал в эти минуты. Он так и заснул, прислонившись к подушке А.П., к самому изголовью. Ночью он проснулся от прикосновений. Она гладила его лицо, словно не веря, что это он. Потом она стала целовать его, еще в полусне, но уже чему-то улыбаясь. Он лежал неподвижно, притворяясь спящим, мучительно разрываемый между всем этим враньем и невозможностью признанья. Он не знал, что страшней: оттолкнуть ее или принять всё до конца. Она встала с постели, пошла к комоду, постелила чистое белье и опрокинула на него всю свою исстрадавшуюся жизнь. Ах, как страшно, как непоправимо всё тогда перемешалось! Сплав нежности, боли и унижения быстро сломили его, и она еще утешала, святая душа, и не настаивала, и плакала вместе с ним.

Единственное, чего он боялся, это ее прозрения. Он знал, что это убьет ее, и его вместе с ней. «Поздно, поздно, — с каждой секундой осознавал он. — Назад пути уже нет». И он, как мог, гасил ее попытки перейти неуловимую в этой страшной игре грань, за которой он оставался лишь самим собой, несчастным, подлым, ничтожным, но обреченным на это злейшее испытание. Он ни на секунду не позволил себе размягчиться и, продолжая обнимать эту единственную в мире Богом данную ему плоть, примерял маску за маской, которая бы могла убедить ее. Когда забрезжило уже за окном паршивое парижское утро, скороговоркой он прошептал, что из России он прибыл скрытно, и никто не должен об этом знать, что теперь он исчезнет на несколько дней, и она ни о чем не будет его спрашивать. Она смотрела, не сознавая еще ужасных слов его, но он уже поспешно одевался, не давая опомниться. «Бежать, бежать», — на одной ноте стучало в его помутневшем мозгу. Поцеловав ее напоследок, весь в полуобороте к двери, он нашел еще силы вернуться, склониться к кроватке *сына* и выскочить за дверь. Он знал, что она смотрит в окно и впервые пошел, не оглядываясь, ссутуля спину и заложив руки назад, как мог уходить Николай.

Пять дней его не было в Лювене, и, когда он вернулся, так же прыгая, как заяц, с площадки на площадку, как будто она всё еще за ним гналась, Жюль, открыв ему дверь, сразу сказал, что дела плохи. Дело сделано, но кровь унять не удалось. Она ждала его все эти дни, а сегодня сказала, что теперь ей всё равно. Он тут же кинулся в клинику, но его не впустили, сказав, что уже поздно.

Единственный, кто не был похож на него в той жизни, был самый похожий на него человек. Его полная противоположность. Но Егор заставил себя стать Николаем и стал им. Он даже начал писать стихи. Впервые — в камере, в лювенской жандармерии, куда он залетел, разбив ночью окно в клинике. Шурочка напугалась смертельно. Но эта история его спасла. Она поверила. А ему так было необходимо, чтобы она

поверила ему в тот первый раз. Может быть, это и помогло ей тогда выкарабкаться. Да нет, всё образовалось. Как легко превратить в норму то, что еще накануне казалось тебе чем-то недосягаемым.

Он исправно мотался в Париж, иногда даже дважды за месяц. Николенька привык к нему и называл: *Papà*. С Шурочкой всё продолжалось, но жениться он уже не помышлял. Иногда, сидя привычно в лилльском поезде, он думал оборвать это разом, переехать в Париж и жить с той, без которой всё было пусто и ни к чему. Но как размотать всё, что уже между ними завязалось и с каждым разом закручивалось всё туже? Уже не маской было лицо его, а перерождением в того, кого он ненавидел всей душой. Он не верил, что его нет, он заметил, что и мать всегда ставит свечу во здравие, а не за упокой. Подражая Николаю, он не становился им, он учился у него: риску, прямоте, фатальному принципу ставить всё на карту, умению не оборачиваться. Проклятое лицедейство. Хотя нет, это было внутренним преображением. Лицо его оставалось тем же. Мать уставала, Шурочка безотлучно сидела с ней и всё реже бывала в Лювене. Однажды она спросила, показал ли он матери книжку. Он убедил ее, что еще рано, что ничего не известно, что стихи старые, юношеский бред, что он помнит их от строчки до строчки, как они написались за несколько дней, на той же парте локоть к локтю, ходили по рукам и всплыли теперь из чьей-то забытой тетради. В тот год он уже кончил университет и поступил в ассистентуру там же, в Лювене, это давало ему еще два года форы, чтобы что-то решить. Денег стало больше... Он продолжал копаться на развалах, но искал уже не старые, а новые книги и журналы, залетавшие иногда из Совдепии. Их страницы будоражили, вызывали одновременно интерес и недоверие, хотелось не верить ничему и хотелось верить всему от корки до корки. Он презирал и принимал этих белозубых чумазых людей, глядевших с газетных листов. Страшно признаться, иногда он завидовал им, каждый из них верил, что счастье — это когда ты, как все. Он же всё глубже понимал, что счастье — это когда ты, и никто больше. Всё труднее ему было доказывать это каждый раз.

В последний весенний день, собственно говоря, в последний день вообще, они пришли в Люксембургский сад. Одни, без Николеньки. Несмотря на раннее время, гуляющих было полно, все стулья были нарасхват, и они легли на траву, подстелив под себя одеяло. Аннет сняла с себя туфли и далеко вытянула ноги. Руки под головой, колени открыты, носки оттянуты. Напряженная струна. Но он не заметил этого, он просто ласкал ее гладкие икры и нес что-то о Ленинграде, какие-то небылицы, вырванные из тех же газет. Вдруг всё оборвалось и полетело.

— Не надо, Егор, — сказала она и закрыла глаза.

Они лежали молча, почти не дыша. Она была бледна и больше не разжимала ни век, ни губ. Из-под долгих ресниц пробивали себе дорогу две тонюсенькие струйки. Потом она подтянула к себе ноги, обхватив

их кольцом рук, словно решаясь. И, рывком поднявшись, пошла. Он всё еще продолжал лежать, не веря тому, что умер. И подумал, что это для него единственный выход. Но это была последняя мысль, принадлежавшая Николаю. Егор же встал, медленно сложил одеяло, подхватил ее до слез невесомые туфли и пошел за ней.

Она сидела на складном стуле, прикованном цепью к земле. Голова ее была запрокинута, она крутила ветку акации, прикрываясь от солнца и пряча набухшие влагой глаза.

Через полгода была свадьба. Народу в церкви собралось немного, и маман была этим обрадована. Принимать гостей было негде и незачем. Шурочка, казавшаяся еще более высохшей и вытянувшейся в длинном платье и фате с флер д'оранжем, держала свечку у самых губ и, казалось, что-то шептала огню. Жорж стоял с мученическим видом заложника. И гримаса улыбки только подчеркивала панихидность обряда. Но уже стучал ножкой в живот матери Мика, первый посланник поколения тридцатых...

Ну, что вам еще? Месье Жорж был на хорошем счету в общем земельном банке, квартиру наняли просторную, но несколько шумную, на рю Женераль Жорж. Через два года, когда Вяльцев купил свое первое «рено», Шурочка уговорила свозить всех в Париж. Жорж дважды проехал мимо того дома, но всё обошлось. Тогда же он написал ей письмо, не очень-то надеясь, что оно найдет ее по адресу. В письме он пытался всё объяснить и напрасно всё только запутываал. Он проклинал себя за то, что посмел вторгнуться в ее жизнь, винил себя перед памятью Коли, умолял хотя бы написать матери, потому что нас всё меньше и меньше, заканчивал он, не упомянув об увеличении своего семейства.

Уже был на подходе Федор. И была на подходе грязная кровавая бойня, которая исподволь подступала к их дому. А.П. написала только раз, в сорок третьем, когда погиб Николенька, и она осталась совсем одна. Семейство Егора оккупация пощадила. После освобождения Парижа он поехал к ней и почти насильно перевез ее в Брюссель. Она еще застала в живых мать, и они долго плакали, запершись вдвоем. Аннет так и поселилась при маман, ухаживая за ней до конца. После ее смерти комната опустела. И тогда А.П. перевезла из Парижа сундук фотографий и осталась у них уже навсегда.

Она была крестной матерью, когда родилась Крошка, стала богомольной, пела в церковном хоре и входила в сестринский совет. Когда наступила оттепель, она порывалась в Россию, не раз подавала прошение, но с нансеновским паспортом въезд ей был закрыт. Первым поехал Мика, на фестиваль молодежи. По настоянию отца, он в первый же день, оторвавшись от группы, когда грузовики с делегациями не могли пробиться сквозь эту странную исступленно ликующую толпу, где-то наискось от Большого театра подошел к горсправке и, от волнения

говоря по-русски хуже, чем мог, подал за пять рублей запрос на Вяльцева Николая Алексеевича, родившегося в Павловске в 1900 году. Через девять дней, уже накануне отъезда, в той же будке ему вручили справку, что гр. Вяльцев Н.А. ни в одном населенном пункте не числится.

В тот год А.П. перенесла серьезную операцию, лишилась правой груди, но бодрилась и называла себя амазонкой. Она еще ходила встречать Крошку из католической школы, учила ее русскому языку, но до церкви добиралась всё реже, разве что когда служил наезжавший из Женевы владыка. В 63-м уже Крошке удалось поехать в Союз со школьной экскурсией: три дня Ленинград и два дня — Таллинн. В Ленинграде она на свой страх и риск повторила заявку Мики. Через день был ответ, что «Вяльцев Николай Алексеевич, 1900 г. р., проживает в Иркутской области, Братский район, поселок Вихоревка, Промтоварная, 7». Крошка стояла, покусывая от волнения серенький листок, не зная, что делать дальше. Ветер вырвал ответ, пришедший из самой преисподней, и погнал прочь, по набережной. Это были козни дьявола, не иначе. Крошка, крича что-то по-французски, распихивала прохожих и пришлепывала листок к граниту толстой широкой подошвой. Таким она и доставила его домой с грязным следом по всему полю. Ответ воскресил А.П. Она прижимала его к лицу, разглаживала и целовала. Тут же она отослала по адресу бандероль с письмом и давней заветной книжицей. Каждое утро она бегала к щели входной двери, куда сваливалась вся почта. Через три месяца она послала новое письмо, но и на него ответа не было. Аннет стихла и усыхала на глазах. Перед смертью она послала какую-то отчаянную телеграмму. Прождала ровно неделю и ушла, так и не услышав от него последнего слова.

В ту ночь мороз в Иркутске был минус сорок два, в Братске — минус сорок восемь, в Вихоревке опустился ровно до пятидесяти. Откуда появилась эта капля, свалившаяся сверху, упавшая на листок и расплывшаяся лиловым пятном, Мария Васильевна не поняла и долго смотрела вверх, недоумевая. Потом опустила очки и продолжала читать, с трудом разбирая вдруг слившиеся буквы.

«В Вихоревский Собес
от Вихоревского УВД
Копия Вяльцевой Марии Васильевне
Станция Вихоревка, Промтоварная, 7.

СПРАВКА

На Ваш запрос сообщаем, что Ваш муж гр. Вяльцев Н.А. к участникам ВОВ принадлежать не может и на пенсию ветерана прав не имеет».

(Тут карандашом было приписано: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОБЕСА».)

Вяльцев Николай Алексеевич, 1900 г. рождения, г. Павловск.

1907—1912 — гимназист, г. Царское Село.
1912—1917 — кадет кадетского корпуса.
1918—1921 — студент Петроградского университета.
1921 — арест (КРД).
1921—1931 — (СЛОН), Солов. лаг. особ. назначения.
1931—1933 — учитель, Вятская губерния.
1933 — арест (КРП), КомЛаг, ст. Кемь.
1939 — освобождение с минусом, г. Петрозаводск.
1939—1940 — служба в Красной Армии. Война с белофиннами, ранение, орден Красного Знамени (лишен Указом в 1945 г.).
1940—1941 — лечение в госпитале, г. Сортавала.
1941, июнь — служба в Красной Армии, помкомвзвода.
1941, август — окружение, плен.
1941—1943 — концлагерь Маутхаузен, Австрия.
1943—1945 — военнопленный рабочий, шахты г. Мульен, Бельгия.
1945 — освобожден армией союзников (США).
1945—1948 — депортация и перепроверка (КарЛаг).
1948 — побег из лагеря, ранение, ампутация правой руки, зона усиленного режима.
1949 — за групповое участие в побеге приговорен к 15-ти годам строгого режима (ГорЛаг).
1963 — освобожден с минусом, местом пресечения определена станция Вихоревка Иркутской обл.

С 1963 до смерти, наступившей 12 апреля сего года, работал десятником по найму с бригадами заключенных ИТЛ».

В конверт была вложена записка от руки: «Гр. Вяльцева! На Ваш адрес поступила корреспонденция, которую прилагаем». В конверте лежала гладенькая белая открыточка с черным крестом и черными иностранными буквами. На другой стороне открыточки чернильным карандашом было кем-то выведено, наверное, перевод: «Господин Николя Вальсов! Безутешная вдова и дети сообщают, что господин Жорж Вальсов почил в Бозе 12 апреля сего года. Отпевание состоится в Храме Преображения Господня (рю Фламанд, 6) 16 апреля в 2 часа пополудни. Мир праху его! Настоящее уведомление является официальным приглашением на отпевание и панихиду».

На дне конверта лежала старая телеграмма, уже пожелтевшая, явно вырванная из дела, с двумя проколами на боку:

«ЕСЛИ ТЫ ЖИВ ПОМОЛИСЬ ЗА МЕНЯ ТЧК АННА».

Я СЛЫШУ ТОН

* * *

Сегодня дети мои были заняты делом:
Машенька пела, Павлик обдумывал тайну дыры,
Которая (это уж я говорю) старей самого ковра;
Потом они превратили стулья в корабль, —
Сирена ужасно гудела
И даже мне диктовала условья игры.

Под окном собрались новобранцы,
Подкатил грузовик, засвистели,
Выкликали фамилии, приобщали к разлуке разгул;
Мелкий дождь навести монотонность рискнул,
Чтобы люди сумели серьезней во всем разобраться,
Но достиг ли он цели? —

Нет: всё тем же раскатистым гвалтом
Завершалось прощанье;
Кто-то кричал «ура»,
Кто-то, перевирая слова и мелодию, распевал там,
А после толпа за машиной бросилась со двора.

В нашей квартире тихо. Маша взяла с табурета
Оранжевый карандаш — и впервые
Нарисовала утят;
Не очень понятно — сидят они или летят,
Но ясно, однако, что это —
Живая картинка и сами утята живые...

Владимир ЛАПИН — родился в 1945 году в Москве. Первая книга 12-летнего поэта — «Тетрадь Володи Лапина» — вышла в 1961 году и была отмечена С. Маршаком и К. Чуковским. Автор нескольких книг стихов для детей («Верхом», 1976; «Гнездо», 1987; «По калинку». 1980) и поэтического сборника «Сверчок» (1993) с предисловием Ольги Седаковой. Стихи В. Лапина печатались в журналах «Дружба народов», «Волга», «Новый мир», «Арион». Живет в Москве.

Ох вы, дети мои! В жизни будут нелегкие главы,
В ней так мало простого!
Неизвестно кого, но от полного сердца молю:
Ни военных трагедий, ни воинской славы,
А простора — и только простора,
Боже, дай кораблю!

1972

* * *

Я слышу тон, все время слышу тон,
Который, может, и сказался бы потом,
Но — выдохшись; которому теперь бы —
Пора: настолько он оставил в стороне
Пустые выходки любившихся и мне
Метафор красных и фарфоровых гипербол.

Но я один, уж такова моя судьба;
Комична для меня моя по комнате ходьба,
И эхо ведь не лучший собеседник.
Пора сказать ему — и выслушать пора,
Что перед нами черная дыра;
Мы не из первых перед ней, не из последних.

1979

* * *

Представлялось, метель и не весит; были весьма иллюзорны
Ощущения общей свободы и разных частных свобод:
А февраль, укороченный месяц, выпал из нормы
Для того, чтобы не был ни на день длиннее год.

Понималось не то, что было, а то, что мнилось;
Можно б тешиться дальше так — но как раз
Нам не сладкое горе выпало нынче, а горькая милость
Все увидеть строго и без прикрас.

Не в какой-то младенческой колыбели:
На лихом перекрестке зла и добра
Мы спасались фантазиями — и преуспели,
А теперь нам уже от фантазий спасаться пора.

1989

* * *

Новый Год на носу; и город стоит на льду;
Баба мечется, чтоб у своих продавцов раздобыть еду;
Мерзнут стаи собак:
Жизнелюбцы-хозяева, голод предчувствуя, гонят
животину из дому вон;
Малолетки-подростки, нисколько не шустрые дотемна,
ночью творят выпивон:
Не подъезд — а кабак;
И не жизнь — а табак;
Сам дурак!

1992

* * *

«Кроликов разводить, — говорит, — не взялась бы: жалко;
Ладно бы кур да уток,
Но и это сомнительно, потому что
Приблудная шавка
Завелась — и живет; уже не дом, а кормушка;
В течение суток
Что не сжует — вынюхивает, канючит,
Пока, наконец, не получит;
Кроме как жрать, ничего не знает,
На большее не годится;
Нет, не судьба, — говорит, — значит,
Рассуждать о кроликах или о птице.

Что-то автобуса долго нет, — говорит, — а ну как поломка;
Вот и меня превратила в свою аварийку безродная сучка,
будто какая болонка».

1996

* * *

Оказывается, с утра
Стена и этого дома
До розовости светла,
Истома
Преображает бетон —
А на сердце всё же тускло
От мысли про то, что дом —
Казенный, кутузка.

Пока с деревца птенцы
Инстинктивно кричат, что живы:
Мужи, молодцы, подлецы
Создают и рушат режимы,
Чтобы потом,
После всех побед и утрат их,
Остаться с открытым ртом
Перед гнездом пернатых.

1997

* * *

Горе целого рода; кичится ехидство отродья;
Вековой беспредел небосводы в нечистом лице всесвободья;
Площадная интимность нательных крестов-напоказ;
И поди просвети нас, покуда единственным средством
от тьмы остается всего только свет,
отчего любомудрый пророк и унижен;
Место действия — мы; время действия — мы;
и само действие — мы же;
Нам и скверно от нас.

Тоска среди фикций, орущих про то, что отныне
они есть культура!
Эпохи неправды сменились — и вот в красны-девицы
лезут шальные, а то и блатные девицы, в мыслители —
каждый болтливый придурок,
В поэты — понятно, что чернь, и в творцы — всяка тварь;
Под ребра локтями вбивают свободу что брату — что свату;
Пора бы восходу — а тянет и тянет к закату;
Неужто же так составляются новые мир и букварь?

1991, 1998

* * *

Тридцати семи лет
Умер отец, тридцати восьми
Умерла жена:
Таковы оказались то ли порядок жизни моей, то ли бред
И в том, что сам я нескоро лягу костьми,
Моя наперед вина.

Думаете, это — стихи, рассказ,
Герой, сюжет?
Нет: это — по гроб мой моя тоска,
С которой мне сладу нет.

1998

* * *

Черемуха! похолоданье —
Благостное; поди ж,
Не без чаровника тут какого-то
И не без реального повода:
Такую форму преданья
Содержит тишь!

Не в чем и нечем обманываться;
Душа чиста;
Действию быть без занавеса,
А живописи — без холста.

1998

* * *

Сыновья, вы должны еще; даже и мой неосиленный долг
Станет надолго вашим.
Я и сам ошибался годами, решая, что нынешний день
представляет собою конечный итог,
Принимая бессмысленность в толк, доверяя мудреным
глупцам, толковавшим,
Будто жизнь образуется тягой — ТУДА;
Образумиться вышло — да только минули года.

Вы должны еще, сможете! будьте предельно чутки
К свежей кожице всякого нового дня;
Нагрузил вас, простите, — но всё же и с вашею
помощью сложится то, что на самом-то деле
просилось из каждой моей неудачной строки,
Из меня
Самого.

1998

БЛЮЗ 116-го МАРШРУТА

Рассказ

Всякий раз по приезде в Москву из Америки я нахожу десяток минут для созерцания панорамы центра, что открывается из эркерного окна моего кабинета. Начнем с зенита. В московских небесах вообще-то трудно не заметить некоторой свинцовости, постоянной тенденции к застою, однако время от времени — и в последние годы всё чаще — облака приходят в движение, в них возникают неожиданные прорывы и провалы, привносящие в атмосферу лазурные, и золотые, и бутылочно-зеленые нерасшифрованные послания; невзирая ни на что, ежедневная небесная драма продолжает разворачиваться.

Кремлевские башни и башенки занимают прочную позицию под движущимися небесами в левом углу моей панорамы. Луковки соборов и колоколен ослепляюще блестят или мутно светятся в зависимости от небесной иллюминации. В центре картины мы видим типичную сумятицу крыш, шпилей, куполов вкупе с уродливыми ящиками цементной архитектуры. Триколор только что народившейся демократии словно заморский гость парит над зданием бывшего ЦК КПСС.

В правом углу панорамы над деревьями Яузского бульвара еще один куст церквей поднимается к небесам: Петропавловская церковь, Церковь Трех Святых и другие неизвестные мне по имени. Атеистическое государство использовало их под склады или в лучшем случае под какие-то музеи, теперь они возвращаются в православное ведомство.

Давайте снизимся от куполов к наземному транспорту. Вдоль бульвара побрякивает старинная трамвайная линия, что определенно числит

Василий АКСЕНОВ — родился в 1932 году в Казани. окончил 1-й Ленинградский педагогический институт. Впервые опубликовал два рассказа, затем повесть «Коллеги» в журнале «Юность» в 1959 и 1960 гг. Автор 20 романов, многих пьес, сценариев, повестей, рассказов и статей. Один из составителей и участников знаменитого альманаха «Метрополь» (1979), за что подвергся травле со стороны официальных органов Союза писателей СССР и советской печати. В 1980 г. был вынужден уехать в США. С 1982 г. — член редколлегии «Континента». Живет в Москве и Вашингтоне (США), где преподает русскую литературу в Университете Джорджа Мейсона.

среди своих пассажиров 1910-х годов футуристов Бурлюка и Маяковского, а среди пассажиров 1930-х бездомных акмеистов Осипа и Надежду Мандельштам. Теперь, в начале 1990-х, на этой линии можно увидеть вагоны, покрашенные желтком и королевской синькой и несущие призывы сигарет «Кэмел». Время от времени там словно призрак появляется старомодный трамвай с большими буквами на борту: «Черная магия. Воланд и Компания». Все вместе, литература и западный «агрессивный маркетинг», привносят в пейзаж сюрреалистическую интонацию. После 75 лет красного тифа город еще не обрел равновесия, всё еще покачивается в полусомнамбулическом состоянии.

Давайте вернемся к моему дому, этому гиганту сталинской эры. Широченный перекресток с одиннадцатью светофорами распростерт у его подножия. Они стараются изо всех сил, но не могут справиться со всё нарастающими стадами автомобилей дикого капитализма. Потоки транспорта то и дело создают заторы по всем направлениям. Красные, желтые и зеленые сигналы бессмысленно мигают над этой дьявольщиной: легковушки, фургоны и грузовики источают карбон-моноксид и шоферскую похабель. Городское раздражение достигает десятого этажа. Я закрываю окно и поворачиваюсь спиной к панораме. Теперь моя диспозиция готова, можно начинать повествование.

Разговариваю по телефону с другом юности Игорем Гореликом. Голос у него совсем не изменился за эти годы. Тот же притворно ленивый голос любимца общества. Пролетает дуновение тех сладостных дней. Игорь-Игорь, думаю я.

«Слушай, Стас, — ты, Игорь, говоришь, — мы тебя ждем сегодня вечером. Любка сделала кулебяку для тебя персонально. Да-да, та самая кулебяка, гордость ее кухни! Да-да, Незабываемая Любка, незабываемая кулебяка!»

Мы оба смеемся. Игорь-Игорь, думаю я. Ты знаешь, что я не могу отказаться от твоего приглашения. Как и в те незапамятные времена в Ленинграде, когда юный Влас (ныне Стас) никогда не отказывался от приглашений к тебе, в аристократический дом на Набережной Кузенштерна, где мы кайфовали под джаз с самых что ни на есть последних долгоиграющих (!) американских пластинок.

«Послушай, Игорь, а как ты узнал, что я... хм... в России?» — «Хохма! — усмехаешься ты. — Я тебя видел вчера по телевизору. А телефон твой мне дал Антилопьев, тот саксафон, помнишь?»

Игорек-Игорек, думаю я. Ты так говоришь, словно мы не чужие друг другу старперы, а те одноклассники, ближайшие друзья, стиляги пятидесятых. Кого ты хочешь обмануть, меня или себя? Ты так со мной говоришь, как будто сорока лет не прошло. Как будто мы еще не потратили наши жизни. Как будто мы еще не дрались с тобой из-за

Незабываемой Любки тридцать лет назад. Как будто ты еще не порвал с нашей компанией двадцать лет назад. Как будто Кешка Антилопьев всё еще саксофонист, а не министр в новом правительстве реформаторов.

Неужели ты забыл, Игорь, как в начале семидесятых ты стал ответработником ЦК, «спич-райтером» и консультантом? Ты, человек строгих антисоветских убеждений, которыми ты так всегда гордился, забыл? Я знаю, что ты не был там в аппарате самым «чего-изволите» товарищем, ты знал себе цену — так или иначе, ты был одним из немногих тогда высоколобых интеллектуалов, что знали Шопенгауэра и Ницше, Соловьева и Федорова, Фрейда и Эйнштейна, Розанова и Сартра, Деррида и Леви-Страуса; список далеко не исчерпан, о, нет! — но разве это не ты и твои новые товарищи, циничные интеллектуалы партии, сочиняли для Брежнева и Андропова перлы вроде: «Движимый высоким духом международной солидарности советский народ единодушно поддерживает правительство Бабрака Кармаля в его благородной борьбе против происков американского империализма», — не ты?

Неужели ты забыл, Игорь, как однажды в конце семидесятых во время нашей случайной — или не случайной? — встречи ты дал мне понять, что нам не стоит поддерживать дружеские связи, особенно в виду того, что я всё больше дрейфую в сторону врагов режима? «Судьба слепа, но каждый встречает ее поодиночке», — разве это не ты отчеканил тогда эту мудрость перед тем, как мы расстались?

«Между прочим, — ты говоришь, — у нас тебя ждет обалденный сюрприз».

«Не сомневаюсь», — говорю я.

«Что ты имеешь в виду?» — удивляешься ты.

Я лишь вздыхаю в ответ.

«Машина нужна? — в этом месте ты немного спотыкаешься, видимо, вспомнив цэковские машины. — Я могу послать за тобой машину».

«Не нужно, я приеду на троллейбусе».

«На троллейбусе?! — ты хохочешь. — Любка, воображаешь, Стас собирается к нам на т р о л л е й б у с е !»

«А почему же нет? — бормочу я. — У меня тут 116-й прямо под окном, а ведь он идет, если память не изменяет, прямо к метро «Князь Кропоткин».

Ты определенно тронут, вплоть до того, что и меня трогают какие-то трогательные нотки в твоем голосе. «Предлагаешь встретиться на том же месте, где тридцать лет назад? Возле «Моссправки»?»

«Точно!»

«Стас Ваксино!»

«Игорь Горелик!»

Договорились. Ожидается ужин с приятными воспоминаниями.

Выхожу из дома. Под высокой аркой постоянный поток карбон-моноксида маскируется под ветер из чьего-то непорочного детства. Трафик застрял по всему перекрестку. Единственным движущимся объектом в этом параличе оказывается только что упомянутый 116-й троллейбус с его щупальцами на крыше.

На остановке оттуда никто не вываливается. Никакой душегубки внутри, пожалуй, даже пустовато. Несколько пассажиров с ухмылочками, с приплевочками покидают ТС. Никто не собирается штурмовать двери. Впечатление такое, что ТС прибыло не из московской сутолоки, а из буколического рассказа. Никто вообще не садится, кроме автора.

Не успел я войти, как двери закрылись с громким шипением. «Не успел» следует понимать буквально, поскольку часть моей левой ноги оказалась зажатой между двух полос резины. После минуты неуклюжей борьбы, уже на ходу, я воссоединяюсь со своей конечностью. Всё в порядке, ничего серьезного, полоса грязи на светлых брюках не считается.

Я занимаю сидение и оглядываюсь в поисках кондуктора. Она, или он, не определяется. Десять лет назад, когда я уехал из этого города в Штаты, каждый троллейбус имел своего персонального кондуктора. Отменили их что ли с того времени? Каким же образом теперь тут собирают плату за проезд? Спросить некого: я тут, оказывается, один во всей просторной кабине.

116-й между тем медленно выбирается из бардака нашего перекрестка и начинает свободную прокатку вдоль набережной Москва-реки. Ветер и солнечное сияние превратили мутные воды в сверкающую поверхность танцующих волнишек. На другой стороне водного пути чудовищные темно-серые стены электростанции высятся как призрак Коммунизма. Паук серпа-и-молота всё еще торчит на крыше, однако рядом с ним сидят «Роллекс», «Самсунг» и прочая капханалия.

Внезапно меня пронзило ощущение, что кто-то за мной наблюдает. Я еще раз оглянулся: никого не видно. Я посмотрел вперед и только тогда заметил увеличенное лицо в большом зеркале заднего вида. Не сразу я понял, что это было лицо водителя. И только через несколько секунд осознал, что это именно он наблюдает за мной, да к тому же и делает это с выражением чрезвычайной враждебности.

Вряд ли кто-нибудь в Москве скажет, что водители троллейбусов симпатизируют своим пассажирам, однако выражение этого тяжелого лица отличалось от обычной усталой недоброжелательности. Передо мной в зеркале заднего вида было то, что называется «львиной маской», как бы раздутой от ненависти.

Он ловит мой взгляд, и на лице его появляется угрожающая гримаса. «В чем дело?» — спрашиваю я молча. В этот момент троллейбус останавливается на красный свет. Освободившимися руками водитель по-

казывает мне, как он сжал бы ими мою глотку. Для пущей убедительности делает своими лапами винтообразное движение.

Может, он просто недоволен тем, что я не заплатил за проезд? Ну, конечно, что же еще? Я иду к его кабинке и через окошечко в стеклянной перегородке протягиваю пятитысячную ассигнацию. Стараясь разрядить обстановку, говорю ему с улыбочкой: «Да вы не думайте, что я зайцем тут у вас хочу проехаться. Я просто не знал, как заплатить. Должно быть, вы сами принимаете плату, не так ли?»

«Сядь на место, говнюк», — говорит он с глубочайшим презрением. Я делаю вид, что не расслышал обидного слова. «Вы знаете, я долго жил заграницей и, должен признаться, отвык от нашей славной транспортной системы». Он швыряет свою колымагу вперед и рычит: «Скажи спасибо, что у меня руки заняты!». Я ему говорю: «Да что вы рычите, как зверь? Уж извините мне мое невежество, или, если угодно, рассеянность. Чего рычать-то?». В ответ он не рычит, а ревет: «Сядь на место, жопа!». Его правая рука на мгновение резко снижается к левому бедру, как будто он хочет вытащить из ножен казачью шашку или, скажем, кубинское мачете.

Что за вздор, какое еще мачете у обычного московского водителя троллейбуса?

Внезапно мне кажется, что какая-то ошеломляюще злобная и издевательская скороговорка доносится до меня, и я в ней могу различить только одно слово: мачете, мачете... В зловещей изоляции этой электротелеги с ее пневматическими дверями, находящимися во власти агрессивного хмыря, чувство ловушки медленно пронизывает меня с ног до головы. Перестань, говорю я себе, кончай накачиваться этим дурацким страхом, освободись от него. Ничего серьезного не происходит. Просто чокнутый за рулем, вот и всё. Может быть, он даже не чокнутый, а просто мучается от похмелья. Никакого мачете быть не может в этом рассказе, в худшем случае ржавая монтировка. Ну, а если он будет тебе грозить этой монтировкой, сопротивляйся! Конечно, ты стар, но все-таки еще недостаточно стар, чтобы капитулировать. Ты сам выбрал этот троллейбус с идиотом за рулем, больше винить некого. Это просто идиотское стечение обстоятельств с 1% нехорошего исхода. Или с 15%. Быть может, с 50%, но не больше. Ни в коем случае не больше 50%. Во всяком случае у тебя еще хватит мускулов, чтобы сопротивляться.

Если, конечно, у него нет огнестрельного оружия. Или острого кубинского мачете, подаренного ему братьями Кастро. О'кей, следующая остановка приближается. Сейчас сюда влезет группа симпатичных москвичей, вся обстановка разрядится, и ты перестанешь чувствовать себя одиноким заложником.

Через стеклянную перегородку я вижу личную карточку водителя, прилепленную к ветровому стеклу, она гласит: «Вас обслуживает води-

тель тов. Кашамов А.Х.». Карточка снабжена и фотографией. Ей-ей, он не всегда выглядел так хреново, как сегодня. У него были волнистые светлые волосы, прозрачные глаза, и только губы демонстрировали слегка угрожающий хулиганский изгиб.

Не успел я нагнуться к окошечку, чтобы сказать ему что-то юмористическое, примирительное по поводу его фото, как он ткнул прямо в это окошечко монтировкой. Сделай он это на долю секунды позже и мое зеркало души было бы всмятку. Я вскричал: «Сукин сын, что ты делаешь?! Ты что, псих что ли?!». Восклицание было сугубо риторическим: если он не псих, то кто же? Какой водитель троллейбуса относится так к своим пассажирам?

Он расхохотался. «Ну, говна кусок, теперь ты знаешь, что может случиться с каким-нибудь гребаным шпионом! Еще возмущается! Занимается своим гребаным шпионажем среди бела дня и еще возмущается! Жаль, что я тебе черепушку не пробил, бляха шпионская!»

Нужно немедленно выйти отсюда! Нужно позвонить в полицию! Агрессивный маньяк за рулем! Слава Богу, приближается следующая остановка. Возле кино «Зарядье» дюжина пассажиров готовилась к посадке на невинно выглядевший 116-й. Дорогие мои законопослушные соотечественники, почитатели Здравого Смысла, теперь вы увидите, какой «одди-нокки» ублюдок, если нам позволят использовать лексикон «Механического апельсина», повезет вас по вашему маршруту. Ведь это же угроза не только отдельно взятому пассажиру, но и дюжине таковых! Дамы и господа, просто дайте волю небольшому обобщению, и вы увидите, что такие водители предвещают позорный конец всему космическому кораблю Земля!

Затем произошло немыслимое: товарищ Кашамов не остановился у «Зарядья». Он даже и не подумал открыть двери. Мелькнула дюжина открытых ртов, и в следующий миг мы были уже под мостом. В темноте я увидел только металлический зуб в хохочущей пасти, отраженной в зеркале заднего вида.

Абсурдность ситуации сокрушила мою нервную систему. Я заливался потом. Меньше всего я был готов сражаться с безумцем. Я просто дрожал, а сердце бухало, как последнее копыто у загнанной лошади. Я видел, что некоторые пассажиры стараются догнать проскочивший мимо троллейбус, размахивая своими зонтами и тросточками, однако товарищ Кашамов лишь хохотал в свое удовольствие. Он даже забыл на некоторое время о заложнике: проскок «Зарядья» очевидно был для него главным триумфом дня.

Следующая остановка, плавательный бассейн имени Владимира Ленина, появился в поле зрения. Большая группа пассажиров ждет там 116-й. Кашамов определенно не имеет никаких намерений подобрать их, скорость его возрастает. Я кричу: «Слушай, Кашамов, похоже на то,

что ты сегодня попадешь в смирительную рубашку!». Без раздумья он выплевывает всю имеющуюся слюну в окошечко своей перегородки. К счастью, не весь заряд этой слизистой секреции попадает в цель, только незначительное количество крохотных крошек, иначе заложник сам бы стал кандидатом для смирительной рубашки. Пока что я просто на грани безумия. «Слушай, подонок, — говорю я свистящим шепотом, — если ты не остановишься и не выпустишь меня отсюда, я тебе продырявлю затылок!»

Он смотрит на меня через плечо: «Ну, покажи!».

«Что показать?»

«Твой ствол».

«Останови троллейбус!» — кричу я почти истерически.

Он хохочет: «Брешешь, папаша! Нет у тебя ствола! Плюю в твою морду, папаша!».

Все мои члены дрожат. Был бы у меня «ствол», я бы прицелился в эту омерзительную башку с большой плешью и с ушами, заросшими серой проволокой. Не уверен, что выстрелил бы, но уж безусловно взял бы на мушку.

Тем временем мы приближаемся к кольцу маршрута 116. Толпа пассажиров очевидно счастлива свидетельствовать материализацию долгожданного тролла. В этот ранний вечерний час площадь Князя Кропоткина полна человеческой активности. Станция метро откачивает волны населения. Я вижу приметы новых времен, многочисленные коммерческие киоски. В каждом из них западных товаров столко, сколько не набралось бы во всей Москве наших времен. Всё же вехи прошлого еще видны то тут, то там. Например, «Мосспрaвка» и круглая театральная тумба, и между ними я замечаю моих друзей, тебя, Игорь, и твою жену Любку Андриканис, эту Незабываемую. Так или иначе, невзирая ни на что, зловещий 116-й привез меня к берегам ностальгии.

Увы, я преждевременно начинаю предвкушать Любкину кулебяку. За десять метров до остановки тролл делает резкий левый поворот, ударом в зад отшвыривает фургончик и снова резко поворачивает, словно убегая от толпы набегающих пассажиров. Восхитительный маневр, надо признать, однако 116-й все-таки был не спортивным «феррари», а дряхлым советским троллейбусом, целиком зависящим от подвешенного электрокабеля. Щупальцы его потеряли контакт. Двигаясь по инерции, колымага врезалась в фонарный столб и сокрушила это сооружение. И остановилась! Наконец-то! Все двери разом распахнулись. Товарищ Кашамов был выброшен со своего удобного седалища на землю. Он влепился в асфальт и остался лежать там без движения, распростерт.

Я дешево отделался: всего лишь фонарь под глазом и трещина в ребре, что было обнаружено рентгенологом на следующий день. Во

всяком случае я выгрузился и присоединился к толпе зевак. Народ сформировал классическое кольцо вокруг кашамовского тела. Их приподнятые голоса звучали, как хор в драме. Фальцет корифея старался организовать несколько хаотическую дискуссию.

Корифей
Это он, водитель троллейбуса Кашамов, не так ли?

Хор
Это он! Или двойник? Или тезка? Нет, это он, лично!

Корифей
Читали ли вы его недавнее интервью в «Вечёрке»?

Хор
Он идеолог Суши! Он главный враг Моря! Да нет, он просто мудак! Он просто бухарик и бомж! Красно-коричневый? Просто наркотик! Он идиот!

Корифей
Так почему же ему разрешают работать на общественном транспорте?

Хор
А что они могут сделать? В этом городе существует страшная нехватка водителей троллейбуса. Ведь мы все-таки приближаемся к концу тысячелетья!

Ни хор, ни корифей не обращали внимания на бывшего заложника их героя. Никому я не был нужен, кроме Гореликов. Они подбегают: «Стас, ты в порядке?» — «Айм-файн», — отвечаю я в соответствии с благоприобретенной за океаном привычкой. Всегда отвечай «файн» и будешь «файн». Незабываемая Любка счастливо смеется. Во рту у нее всё еще полно жемчужин. «Как тебе нравится этот неисправимый Стас Ваксино? Из тысяч московских водителей троллейбуса он нашел одного сумасшедшего! Город полнится слухами о невменяемом водителе троллейбуса, однако никто на него не наталкивался, кроме тебя, Стас Ваксино!» — «Ну, пошли! — говоришь ты, Игорь. — Боюсь, как бы там наша водка не нагрелась: холодильник хандрит». — «Надо все-таки узнать, в каком состоянии этот хмырь. Этот хор вокруг шумит, как стая грачей, и никто не озаботится, нужна ли помощь этому хмырю, переливание крови там или что-то еще».

Любка продолжает веселиться: «Посмотрите на этого Стаса Ваксино! Подонок хотел из него сделать котлету своим мачете, а он беспокоится о его состоянии, каков либерал!»

«О каком еще к чертям мачете ты говоришь, Любка?»

«А что же он сжимает в правой руке? Может быть, ты хочешь сказать, что это просто преувеличенная селедка?»

Я смотрю туда, куда она показывает. Штука в руке Кашамова не похожа на преувеличенную селедку.

«Ну, пошли отсюда, дядя Стас», — говорит кто-то еще за моей спиной. Я оборачиваюсь и вижу высокого молодого человека, сильного, элегантного, «дэбонэр», что называется. Не без труда узнаю сына Горелика, Славку, того самого, кто все эти годы жил в моей памяти как вездесущий тощий подросток с ленинградской Набережной Крузенштерна.

«Славка!»

«Стас!»

Мы обнимаемся.

Ты, Игорь, суживаешь глаза. «Я же обещал тебе сюрприз, вот и получай!»

Они всё еще живут в одном из цэковских домов возле Гоголевского бульвара. Шикарное пристанище даже по американским стандартам. Раньше подъезд круглые сутки охранялся милицией. Теперь охраны нет, а потому основательно несет мочой. Внутри их большой квартиры приметы упадка были едва заметны, но все-таки заметны. Многие вещи, принадлежавшие к ушедшей советской эпохе, в частности всякие западные штучки, к которым хозяева имели доступ через свои «закрытые распределители», сейчас выглядели жалко. Одна штука, впрочем, несла на себе приметы неопровержимо высокого класса. Это был антикварный бильярдный стол в глубине анфилады.

Ты, Игорь, хихикаешь: «Ну, Стас, как себя чувствуешь в доме банкрота? Ну да, наша корпорация объявила дефолт, так что мы все потеряли кредит. Хочешь, я расскажу тебе, как это случилось?». И ты рассказываешь мне простую, хотя немного и апокалиптическую, во всяком случае с точки зрения коммуниста, историю.

Утром 21 августа 1991 года ты, Игорь, сидел в своем кабинете в святая святых на Старой площади. Снаружи до тебя доносился рокот толпы. «Финита ля комедия, — думал ты не без злорадства. — Вы, товарищи, не последовали советам ваших наемных интеллектуалов по модернизации общества, и теперь ваше мрачное величие обоссалось и обоссано».

Тут без всякого предупреждения двери кабинета распахнулись, и трое парней славкиного возраста, джинсы и сникерсы, вошли в самой небрежной манере. «Сваливай отсюда, партийная крыса!» — сказали они попросту. Ни драматизма, ни злобы не слышалось в этом историческом вердикте. Для них это всё само собой разумелось. Да и «крысой» они не хотели обидеть. Для них все, кто сидел в этом здании, были крысами без всяких исключений и тонкостей. И они правы, думал ты, Игорь, во

время этих быстрых минут, мы все крысы, и совсем неважно, кто что сделал для того, чтобы расширить «границы терпимости». Они просто хотели, чтобы все слиняли со всеми нашими крысиными перестройками. «Наша цивилизация завершилась, мой друг».

«Ваша цивилизация?» — спросил я.

Он уточнил: «Моя и твоя. Цивилизация партии и антипартии была кончена».

«Хм», — сказал тут Славка.

«Прекрати эти свои хм! Уволь меня от твоих хмычек! Я сыт ими по горло!» — ты, Игорь, взорвался почти в истерике.

Любка Незабываемая вышла из столовой. «Ужин готов, джентльмены!»

Мы сидим вокруг стола. Любкино кулинарное искусство как всегда на высоте. Блаженство ее нежной с хрустящей корочкой кулебяки омывается водкой, настоенной на крымских травах; Непревзойденная Любка! Сколько ей лет? Когда Игорь представил ее нашей банде в Коктебеле, ей было 19. Через год она родила Славку. Ей, стало быть, еще нет 50, может быть 47, вроде этого. Иногда она выглядит абсолютно молодой, абсолютно! Юной и счастливой! Незабываемой и Неувядаемой!

Что касается Славки, то он больше не шалит со своими хм-хм. Напротив, благосклонно общается со старым поколением. Рассказывает городские шутки про «новых русских». Мне нравятся эти хохмы про автомат-калькулятор в багажнике бенца. «Вот тебе, Стас, чистый романтизм», — говоришь ты, Игорь. — Цикл пост-пост-байронизма завершен!» Иногда ты бросаешь боковые взгляды в глубь своих анфилад. Гигантский бульдог бильярдного стола отражается в твоих зрачках. «Я вижу, ты почти всё понимаешь, Стас. Да-да, я тоже завершил цикл своих трансформаций. Пока ты был вдалеке от родины, я стал гроссмейстером бильярда».

Ты рассказываешь о своей последней трансформации. Вся ваша компания высоколобых партийцев пренебрегала ленинской теорией. В ЦК вы просто халтурили. Львиную долю своего времени вы проводили в партийных санаториях, стоя со своими киями вокруг зеленых суконных поверхностей. День-деньской все вы играли на бильярде, и ты, Игорь, был неопровержимым чемпионом этого как бы несуществующего клуба.

Апокалиптические события 91-го не только разрушили твой величественный мир, они также способствовали высвобождению твоего второго «я» выдающегося бильярдиста; вот вам и диалектика! «В той комнате, — ты киваешь в глубину своего апартамента, — собирается самый эксклюзивный клуб городских игроков. Вот так-то, Стас. Бог даст день, Бог даст пищу». Интересно, что в течение всего ужина никто из семьи не задал мне ни единого вопроса о моей жизни в отдаленной

стране. В постсоветское время странное равнодушие к Америке стало распространяться среди москвичей. Публика почему-то полагала, что она знает о Штатах всё. Тот факт, что человек живет в Америке, как бы говорил сам за себя. Фактически единственный личный вопрос был задан Любкой, когда она возилась с моим подбитым глазом: «Больно, Стас?». Заботливые ее руки — время нанесло им урон больше, чем другим частям тела, — превратили мой фонарь в размазанное сине-оранжевое украшение сродни цветовым пятнам Кандинского. И всё же это было незабываемо — ее пальцы вокруг моего глаза.

Русская выпивка без философии считается пустой тратой времени. И наша не была исключением. Мы истощили уже все запасы доброго юмора, легкого сарказма и легкомысленных воспоминаний. Несмотря на ароматную водку и благодаря огромному количеству еды, мы становились всё трезвее и сумрачней; что называется, обкушались. Теперь мы поглядывали друг на друга как бы в предвкушении того, что называется «серьезным разговором». Ребро болело, и философия становилась неизбежной.

«Что же, Игорь? Что же ты все-таки думаешь обо всем этом анекдоте?»

«Каком анекдоте?»

«Об империи, которая собиралась существовать вечно, но не дотянула и до 75 лет, перед тем как развалиться на куски?»

«Эта штука не дотягивает до анекдота, это история, а об истории и говорить нечего».

«Иными словами, нет никакого смысла в подсчете невинных жертв и невинных злодеев, так что ли?»

«Есть только слепая удача и не менее слепая беда, вот что такое история. Как у вас в Америке говорят, right time and right place, wrong time and wrong place. А фактически хаотические завихрения на пути к окончательной инвентаризации».

«И стало быть, стоя вокруг бильярдного стола, ваш клуб будет ждать ангела с Благой Вестью: Жизнь Есть Форма Существования Белковых Тел; так что ли?»

«Верная догадка, мой милый Стас Ваксино, властитель дум нашего поколения».

Провожая меня, Любка Незабываемая жарко прошептала прямо мне в ухо, которое тоже слегка ныло из солидарности с ребром и глазом: «Не знаю насчет дум нашего поколения, но некоторые старые девушки до сих пор тебя помнят, мой Стас Ваксино».

Славка подвез меня до дому в своем «ягуаре», чей задок слегка провисал, как у стареющей, хотя всё еще в активном бизнесе, бляди. «Не беспокойся, Стас, через неделю я обменяю его на почти новый

«порше», — сказал он мне по-мальчишески. «Я не беспокоюсь», — не очень-то хорошо ответил я.

Когда-то я любил его как своего собственного сына. Когда-то он приезжал ко мне из Ленинграда и немедленно интересовался последней доставкой нелегальной литературы из-за бугра. «Питер нуждается в литературе!», — восклицал он с глазами полными пылающих убеждений. — Нам нужна настоящая литература по любому предмету: искусство, философия, религиозная мысль, права человека!» Он полагал себя революционером, подпольным связным. Встретив его сегодня, я был смущен и пристыжен оттого, что я так мало думал о нем там, в Америке. Сказать по правде, у него не было специального сегмента в моей памяти. Ублюдок, подумал я о себе, ты больше думаешь о персонажах своих книг, чем о реальной близкой душе.

В машине он мне говорит: «Ты знаешь, что моя мать была в тебя влюблена всю жизнь? Она и сейчас в тебя влюблена». Я смотрю на его профиль молодого самоуверенного парня с мальчишеским крюкатом по новой моде. Он бросает на меня взгляд и усмехается. Классный малый! Я спрашиваю его, что с ним произошло за время моего отсутствия.

Поразительно! Оказывается, он умудрился отсидеть три года в тюрьме как один из самых последних советских «узников совести». Глава гореликовского клана донес на него в КГБ. Нет, конечно, не мой старый кореш Игорь, а настоящий глава клана, Славкин дед Николай (бывший Натан) Горелик, коммунист с дореволюционным стажем, классик соцреализма по живописи, трижды сталинский лауреат, ну и так далее.

Когда Славкины родители переехали в Москву, юнец решил остаться с дедом на Набережной Крузенштерна. Они любили друг друга. Дед не принимал Славку всерьез с его «завиральными идеями», а Славка не принимал «ископаемое» всерьез с его соцреализмом. Так было до одной ночи в 1988-м, когда после какого-то спора дед вдруг понял, что вырастил «настоящего белогвардейца». Впав в невменяемое состояние, он стал названивать на Литейный и в результате спровадил внучонка в чекистское узилище. Только августовская революция 91-го освободила этого Мстислава, но он и не помышлял мстить. «Поверишь ли, Стас, — он говорит, — каждое утро я просыпаюсь с острым ощущением счастья. Я так счастлив, что это всё кончилось! Что именно? Вся эта история, которая не дотягивает до анекдота, как говорит мой смешной папа. Вся эта чудовищная империя и наша неуклюжая борьба за права, весь этот придурковатый дедушкин диамат и папочкин цинический романтизм. Я просто счастлив от того, что весь этот пост-байроновский, пост-сартровский, пост-бахтинский постмодернизм, включая, прости, и твои сочинения, это российское блядское «лишнелюдие», — закончилось!»

«А что ты собираешься делать, Славка?» — спрашиваю я.

«Деньги!» — он говорит.

«Да, между прочим, — он говорит, — ты не можешь дать мне сотню грэндов на пару недель?»

«Сто тысяч?»

«Ну да, сто тысяч баксов».

«Боюсь, ты меня за кого-то другого принимаешь, Славка. Я ведь просто коллежский учитель в Штатах».

«Ну, сколько ты мне можешь максимум дать на пару недель?»

Я делаю мгновенный расчет в уме и решительно перечеркиваю столь желанные кипрские вакации.

«Не больше, чем три».

«И это пойдет, — говорит он с улыбкой. — Хотя бы на три дня отмажутся. Верну тебе три через неделю, щедрый дядюшка Стас. Я через год выплачу тебе тысячу процентов интереса».

«Ты сумасшедший, мой мальчик», — вздыхаю я.

Мы приближаемся к моему дому. Со своей главной башней, башенками и монументальными скульптурами, чудовищный чертог закрывает восточную часть московского небосклона.

«На что тебе этот денежный бизнес, Славка?» — я выговариваю этот вопрос с трудом, но и со жгучим интересом.

Небрежно, но и не без меланхолии, он выговаривает ответ: «Не кажется ли тебе, что я тоже имею право на свою личную утопию?».

Вопрос на ворпрос, в ответе зеро. «Похоже, что вы все тут слегка поехали», — вздыхаю я. Он смеется: «Я тебе далеко не всё еще сказал, Стас Ваксино». И тоже вздыхает.

Тем временем товарищ Кашамов Апломб Хардибабедович, только что выписанный из Склифософского, ковылял по ночному Садовому кольцу и думал свою постоянную тяжелую думу. Почему я являюсь водителем троллейбуса? Чего здесь больше, Судьбы или Произвола? Как мы пели в нашем пионерском детстве? «Мы родились, чтоб сказку сделать былью». Давайте начнем от печки. Я, Кашамов Апломб Хардибабедович, 43-х лет, родился в семье Хардибабеда, потомственного московского дворника. Почему же я-то не стал потомственным дворником? Кто мне ответит на этот вопрос? Ты, Мать-Природа? Это ты, наша великая материалистическая Природа, решила мою судьбу в качестве водителя троллейбуса? Кто ты, великая богиня материализма в твоем каменном с тяжелыми складками одеянии, сестра ты или мать Богини Судьбы? А может, ты дщерь ея, мадам? Кто отвечает за предназначения водителей троллейбуса, за их путевки?

Впрочем, пошла бы она подальше, эта армия послушных инструкциям гуманоидов! Меня интересует только один, мой частный водитель троллейбуса, Апломб де Кашам, сын Хардибабеда. Он что, результат твоей химической активности, Мать-Природа, прародительница Богини Судьбы?

Кто там еще сидит в твоем еврейском Синедрионе, кто занимается путевками водителей троллейбусов? Почему ты не родила меня тысячу лет назад, чтобы сделать водителем наций? Тамерланом, что ли? Почему ты не родила меня триллион лет назад в виде грязевого ядра каметы? Почему ты вообще-то не сделала этого данного Хардибабедовича водителем спецназовского броневика для своего вечного Синедриона, неважно, еврейского или антиеврейского? Почему ты лишила меня закрытых рационов, пакетов нала? Почему ты швырнула меня на похабные трассы Москвы? Почему ты привязала меня к этому гребаному 116-му с его неизбежными, как будто навеки предназначенными остановками? Почему ты избрала своей представительницей отвратную Софку Блинкину из троллейбусного депо Пролетарского района, эту слезливую лебедиху подозрительного происхождения, которая каждое утро выписывает мне путевку и смотрит на меня с такой отвратной симпатией, как будто она мне навеки предназначена, эта п..да, конгломерат гинекологии, как будто она какой-нибудь еврейский ангелочек из музея?

Нет у меня никакой ненависти к евреям в моем сердце. У меня просто хороший нюх на них. Я просто по нюху чую жида в любой национальности. Они просто стараются набиться в мой 116-й, как их вонючие селедки, как будто не знают, что я предпочитаю ездить в одиночестве. Они предпочитают не знать, что для меня троллейбус — это просто мое собственное расширенное тело. Даже если оно вдруг от них освобождается, обязательно какой-нибудь хмырь в последний момент запрыгивает внутрь вместе со своими суетливыми идейками декадентского воображения. Так что чего вы меня спрашиваете, доктора, что спровоцировало мое «неадэкватное поведение»? Если уж Мать-Природа вслепую сотворила меня водителем троллейбуса, пусть она и отвечает за последствия. Мэа не кульпа!

Продумав свою основную мысль до ее привычного завершения, Кашамов сел в провал асфальта возле дома министерства путей сообщения и там сидел без всяких мыслей и без движения всю ночь, пока Москва не взревела на Кольце тысячами своих движков.

Три года прошло с того дня в начале девяностых. Я снова приехал в Москву из Америки. За это время город приобрел глянец процветающей столицы. «Серп и молот» на крыше электростанции уступил место короне «Карлсберга» вроде бы окончательно. Монументальные скульптуры рабочих и крестьян, впрочем, уцелели, что и понятно: памятники социализма, «старые песни о главном».

Недавно я узнал от Славки, который за это время стал довольно частым гостем у меня в окрестностях университета «Пинкертон», что его родители в Москве больше не живут. У них произошли неожиданно,

как сейчас стали говорить, достаточно кардинальные изменения. Оказалось, что Любка Незабываемая втайне от мужа приняла участие в лотерее американского посольства и выиграла «джекпот»: документы на право проживания в США, ну, эти пресловутые «зеленые карты», для себя и для членов семьи. Подхватив своего Игорька со всем его цэковским прошлым, предприимчивая фемина тут же переехала в Нью-Джерси, где они и поселились под крылышком широко известной среди эмигрантов Восьмой программы. Читателю придется дочитать до конца этот рассказ, чтобы узнать, что с ними произошло в стране больших возможностей.

Что касается их сына, то он сдержал свое слово. Не успел назначенный им срок истечь, как он привез мне тяжелый пакет с процентами, 3 000 000 долларов, как одна копеечка. «Гони расписку, Стас, и наслаждайся «лимонами», — сказал он запросто. Таким образом я присоединился к американскому среднему классу мини-миллионеров. Я действительно наслаждался этими «лимонами». Достаточно сказать, что теперь мое сердце перестало ёкать в те моменты, когда я открывал конверты со счетами и письма своего литературного агента. Сказать по правде, я потерял рвение к литературным делам и не без удовольствия окончательно выпал из литературного процесса. Случайно я наткнулся на большой заброшенный мотель на одном из флоридских островов под названием Большие Сосны. Я вложил один из моих трех «лимонов» в восстановление этого заведения. И дело с тех пор пошло неплохо. Нынче я приехал в Москву уже как капиталист для изучения деловых возможностей.

Иду по набережной Москва-реки. Среди ее обычного густого движения вижу желтую крышу троллейбуса. Это что-то мне напоминает, но не могу припомнить, что именно. Тролл останавливается, я вижу номер 116, однако не могу пока что связать концы рассказа. Да и вообще, какое дело американскому преуспевающему бизнесмену до каких-то литературных потуг. Все-таки по еще неясному побуждению влезаю в 116-й и, наконец, увидев «львиную маску» в зеркале заднего вида, вспоминаю свою дикую поездку три года назад, как будто это было вчера. Даже имя того ублюдочного персонажа начинает высвечиваться из забвения. Шаман? Мамаш? Кашам? Кашамов! Неужели это опять он? Неужели я снова оказался клиентом того психопатического водителя? Тут я вижу снова его угрожающие гримасы, и все сомнения испаряются.

К счастью, я сейчас не один в 116-м. Не менее дюжины досужих пассажиров с удовольствием взирают на дух захватывающий вид Кремля с его летящими трехцветниками. В этой дюжине я вижу и американское семейство. Мама держит все вожжи в своих руках. «Майк, Кевин, Чэй-

стити, следующая остановка наша!» А вот еще один знакомый тип: престарелый советский еврей, по всей вероятности посещающий край своей юности после долгой эмиграции. «Товарищ, — обращается он к водителю, — следующая Зарядье, это есть правильно?» Он явно горд своим знакомством с Москвою и своим иностранным акцентом. Кашамов отвечает через усилитель: «Если знаешь, чего же ты спрашиваешь, старая жопа?». Публика переглядывается.

Он не останавливается в Зарядье. Он останавливается только в темноте под Большим Москворецким мостом. Там он открывает все двери и командует: «А ну, все выметайтесь, поросята!». Американское семейство пожимает плечами. «Как-то он странно относится к своим пассажирам, не правда ли?» Старый эмигрант восклицает с неудержимой страстью: «Это возможно только в хамской стране! Это импоссибл в другой стране! Каков народ, таков и шофер троллейбуса!». Другие пассажиры, включая и меня, начинают выгружаться без лишних слов. Нервы дороже. Уже снаружи я вижу, как Кашамов и старый эмигрант обмениваются любезностями и жестами. В конце концов, первый одолевает второго и вышибает того из троллейбуса. В буквальном смысле, к сожалению. Ногой.

Избавившись от «балласта» (так он про себя называл пассажиров), Кашамов, ловко перетягивая старую веревку, привязанную к контактным щупальцам его тр-ср, сменил одну электрическую линию на другую. Затем он проделал правый поворот и проследовал вверх в сторону Василия Блаженного. Еще один правый поворот, и он начал пересечение реки по Большому Москворецкому мосту.

Двери его тролла всё еще были открыты, и пассажиры другой линии стали запрыгивать к нему на ходу. На горбу моста 116-й свернул налево, пересек все полосы, проломил перила и исчез из вида. Звуковой эффект ужасного всплеска был сравним, пожалуй, только с историческим выстрелом Царь-пушки, от которого сотни язычников, как гласит легенда, потеряли сознание.

Второй хор свидетелей и зевак

Корифей

Правда ли, что Кашамов направляется в Валгаллу?

Хор

Это правда, это правда! Он пришел к нам из Валгаллы
и теперь возвращается к подножию трона Одина!

Корифей

Правда ли, что он был грубоват со своими пассажирами?

Хор

Он был не особенно вежлив с ними. Но он знал что-то,
чего не знаем мы.
Граждане, граждане, что с вами, народ?!
Такие Кашамы опасны для нас! Жаль, что народ его вовремя
не казнил! Жаль, что он сам вовремя не казнил все знают кого!
Вы не забыли про острый мачете его, подаренный Кастро?
Он алкоголик, венерик и псих!
Он патриот, его имя, как стих! Он не такой, как мы все из теста,
он отдал жизнь свою в знак протеста!

Корифей

Да разве ж он не был простым вожаком городского рыдвана,
ответьте мне, братья, и вы, благородные сестры!

Хор

Он был мстителем этих многострадальных пещер обитанья,
держателем наших жестоких и мудрых традиций.

Корифей

Значит, он движется нынче к Валгалле, не так ли?

Хор

Стая валькирий несет его к сонму героев!

Еще прогалопировала тройка годиков. Моя сеть «заброшенных отелей» разрасталась в Америке. Никто, конечно, не подозревал, что мое богатство изначально возникло в результате действий скандально известного Славки Горелика по отмыванию денег. В узком кругу литераторов и утонченных читателей, в котором я был известен, полагали, что я скопил капитал, откладывая потиражные. Впрочем, репутация в литературных кругах меня больше не интересовала.

О Славке, между тем, чего только ни рассказывали. Говорили, что он с ума сошел от любви к какой-то питерской гулящей девчонке. Что рассыпает миллионы, чтобы отыскать ее по мировым притонам. То ли он убил кого-то на этой почве, то ли его самого несколько раз застрелили. То ли он продал российский ультра-крейсер Китаю, то ли этот крейсер сбежал из Китая и ищет его, чтобы выяснить отношения. Появляясь у меня в Вирджинии, он начинал за столом рассуждать о необходимости очищения воздушной среды от последствий безудержного злостного пердежа, вкладывая в это как метафизические, так и сугубо реальные смыслы. Сестры, живущие в моем доме, хихикали: «Ох, уж эти новоруссы!».

Что касается его родителей, то ты, Игорь, отказался от своего сына за то, что тот «стал воплощать в себе всё худшее, что может быть в капитализме». Не исключено, впрочем, что это он отказался от тебя в

связи с упомянутой в предыдущем абзаце твоей фундаментальной идеей. Так или иначе, старшие Горелики устроились неплохо в старом Новом мире. Ты, Игорь, стал почтенным бильярдным маркером в эксклюзивном клубе за плотными шторами на Кони-Айленд Авеню. Жена твоя Любка открыла агентство по продаже недвижимости под вывеской «The Unforgettable Reality». Господь да не оставит вас, ребята! Оставив за спиной историю СССР, вы все-таки умудрились сделать вполне приличную американскую «историю успеха».

Однажды вечером в конце июля я снова прибыл в Москву. Целью приезда было открытие моего первого русского мотеля под названием «Заброшенное пристанище». Я оставил дома багаж и пошел прогуляться среди знакомых пейзажей, что всё еще были дороги мне как бывшему русскому писателю и патриоту.

Рискуя показаться банальным, я все-таки должен признаться: я люблю Красную площадь, этот центр величия в сумбурной столице. Здесь рядом с Лобным местом и Мавзолеем Ленина после какого-нибудь кислотного дождя иногда проступают следы сталинских железобетонных сапог. Конечно, есть что-то зловещее в этих объектах национального достояния, но скажите, сердце какого русского не испытывало сердечной привязанности к этим булыжникам, а мистер Стас Ваксино, хоть и не вполне завершенный образец русскости, не является исключением.

Стараясь припомнить, что произошло в этом околокремлевском пространстве три года назад, я подошел к Большому Москворецкому мосту. На его горбу я увидел толпу, не менее сотни мужчин и женщин, стоящую в церемониальном бдении; иные со свечками в руках. Я подошел и обратился к ним дипломатически: «Могу ли я узнать, дамы и господа, что заставило вас собраться в месте, столь малоподобающем для общественных акций?».

Удивленные лица повернулись ко мне. «Как так? Неужели вы забыли? Мы отмечаем тридцатую годовщину трагического подвига Апломба Хардибабедовича Кашамова!» Я тут же вспомнил гигантский всплеск, учиненный троллейбусом, ведомым бунтующей рукою. «Я видел это моими собственными глазами», — сказал я не без гордости. «Однако простите меня, почтенные граждане, ведь это случилось не тридцать, а три года назад, не так ли?» Участники бдения хмурятся. «Послушайте, иностранец, не смейте бросать сомнения на наши ритуалы. Пора сомнений миновала. Понимаете?»

Я замечаю, что некоторые в толпе покашливают, как бы прочищая свои глотки, другие же испускают слегка приглушенные рулады. Ба, да ведь это не что иное, как хор! Третье появление хора в этой истории, для точности. Я бормочу, не адресуясь ни к кому из них лично:

«Насколько я помню, там были люди, что вскакивали в тролл на ходу. Интересно, кто-нибудь уцелел?». И хор взмывает.

Хор

(волнуясь, как море)

Да что же считать нам отдельные жертвы? Ведь речь же идет
об Апломбе Великом, что отдал живот за народ
и остался бессмертным!

Корифей

Вниманье, вниманье, вниманье, товарищи, граждане, дамы!
Сегодня он явится миру, сегодня иль никогда!

Хор вперился в металлическую рябь реки. Через несколько минут дымный свет появился под поверхностью. Он медленно приближался, таща за собой шлейф ила, несомненно содержащий множество секретов этой столицы. Застывший хор благоговейно взирал, как пятно превращалось в 116-й с водителем Кашамовым за рулем. Честно говоря, я не узнал бы парня, если бы встретил его на улице. Он, казалось, был сделан из цельного куска мыла. Двигаясь по реке, он не обращал никакого внимания на толпу поклонников на мосту в той же манере, в какой Великий Ленин не обращает внимания на неистощимый поток посетителей Мавзолея.

Корифей

Братство мое и сестричество! Верные дети Апломба Кашама!
Славу сейчас пропоем в честь великого духа Реки!

Хор

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы!
Плывет 116-й гордый ковчег!
Сквозь чистые воды, сквозь мутные воды
Веди нас, величественный человек!

Троллейбус исчезает под мостом и вновь выплывает из-под моста на другой стороне. Он уходит всё дальше, постепенно превращаясь в пятно света, в желтую песчинку, в ничто.

Декабрь 98 — июнь 99
Авторский перевод с английского

От редакции

В предыдущем номере «Континента» мы уже писали о том, что планируем ввести в разделе РОССИЯ новую регулярную рубрику «Хроника общественно-политической жизни России». Мы объяснили ее замысел и предложили вниманию наших читателей ее пробный выпуск — за январь 1999 года. Цель выпуска состояла в том, чтобы посоветоваться с читателями: выяснить, нужна ли, с их точки зрения, такая рубрика в журнале, какой они сами хотели бы ее видеть, как — более или менее подробно, чем это сделано в пробном выпуске, — стоит, по их мнению, обозревать отклики прессы на события общественно-политической жизни России и какие принципы группировки материала кажутся им более предпочтительными. В тех же целях мы решили и в этом номере продолжить (с некоторыми изменениями, по сравнению с первым выпуском) наш пробный эксперимент, завершив хронику событий первого квартала 1999 г., и будем благодарны нашим читателям за любые отклики, пожелания и соображения, которыми они сочтут нужным с нами поделиться. В дальнейшем, если новая рубрика будет встречена с интересом и одобрена нашим читателем, она будет появляться в каждом номере журнала и охватывать события предыдущего квартала.

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ (Февраль—март 1999 года. Пробный выпуск)

1 ФЕВРАЛЯ в Москве открылся «чрезвычайный съезд шахтеров». Впрочем, пишет газета **«Сегодня»**, «это название, не больше, чем традиция. Два последних шахтерских съезда именовались так же».

«Независимая газета» сообщила, что на съезд собралось около 200 делегатов, представляющих Российский профсоюз угольщиков и Независимый профсоюз горняков России. За годы реформ численность шахтеров в стране сократилась минимум в два раза. Из 108 тысяч шахтеров, уволенных за последние четыре года, лишь 22% смогли получить новое трудоустройство.

«Известия» упомянули о выступлении на съезде Евгения Примакова, правительство которого, по мнению газеты «Сегодня», «несмотря на показное спокойствие, безусловно заигрывает с угольным лобби, как никакое другое».

«Никто из делегатов не захотел заметить явного противоречия, — отметили **«Новые Известия»**, — с одной стороны, твердо обещая шахтерам деньги, не предусмотренные в бюджете, правительство, очевидно, надеется на западные кредиты. Но взаймы дадут только под продолжение реструктуризации, которая по определению, никакого «возрождения» не предполагает... Судя по всему, — продолжает газета, — кардинальных изменений в угольной политике не предвидится. Не будет ни приватизации, ни национализации, ни существенного расширения дотаций».

«Независимая газета» цитирует мнение Александра Сергеева, лидера Независимого профсоюза горняков России: «если не будет серьезных перемен в социально-экономическом положении, то весной шахтеры ряда регионов могут прибегнуть к очень радикальным действиям».

В связи с такими возможностями **«Коммерсант-daily»** напоминает, что в 1998 году убытки одного лишь железнодорожного ведомства от забастовок шахтеров составили более одного миллиарда рублей.

В этот же день, 1 февраля, президенту Борису Ельцину исполнилось 68 лет. Пресса этот праздник почти проигнорировала, только **«Независимая газета»** сообщила, что «официальная церемония поздравления главы государства продлилась не более получаса» и что «супруга и дочь преподнесли ему в подарок теплую куртку».

2 ФЕВРАЛЯ вошло в историю новым витком скандала вокруг генерального прокурора РФ Юрия Скуратова. Именно в этот день Борис Ельцин обратился с письмом в Совет Федерации с предложением освободить Скуратова от занимаемой должности. А сам Скуратов именно 2 февраля слег в ЦКБ. Газета **«Сегодня»** писала по поводу письма Ельцина и внезапной госпитализации генерального прокурора: «По одной из версий, отставка Скуратова якобы не связана со здоровьем, а произошла из-за конфликта с администрацией президента: мол, Скуратов недостаточно активно боролся с политическим экстремизмом».

«Аргументы и факты» выдвинули совсем другую версию «президентской опалы». По мнению еженедельника, «увольнение генпрокурора Юрия Скуратова планировалось в администрации президента давно. В поле зрения прокурора оказались материалы, прямо или косвенно затрагивающие руководство страны. Например, о перечислении миллиардов долларов за границу, которое вряд ли могло быть сделано без санкции свыше, или о некоей зарубежной недвижимости, приписываемой Татьяне Дьяченко».

«Новые Известия» сообщили, что в Генпрокуратуре об увольнении своего шефа узнали только от журналистов. Газета пишет, что Скуратов «намеревался выступить в Госдуме с отчетом по «громким убийствам», обещал через пару месяцев завершить «дело статистиков», а через месяц огласить конкретные результаты расследования уголовного дела, возбужденного по результатам проверки деятельности Центробанка».

Еженедельник **«Век»** сравнивает — по неожиданности — увольнение Скуратова с внезапной отставкой в марте прошлого года с премьерского поста Виктора Черномырдина. «Что же касается обезглавленной на некоторое время Генпрокуратуры, то в коридорах Старой площади снова заговорили о том, что настал момент пересмотреть ее функции в российской правоохранительной системе. Всякий раз дискуссия на эту тему приобретает особую остроту, когда речь идет о раскрытии громких преступлений, громких политических убийств. Генпрокуратуре предлагается оставить лишь функции надзора», — комментирует **«Век»**.

Касаясь внезапной опалы Скуратова, **«Новая газета»** приводит данные о том, что из бюджета Генпрокуратуры на приобретение и ремонт квартиры для Скуратова, еще одной квартиры для его родителей и дачного особняка на Рублевском шоссе было потрачено примерно 1 миллион 160 тысяч долларов, в то время как его официальная зарплата за три последних года никак не превысила в сумме 40 тысяч долларов.

В этот же день, 2 февраля, внимание прессы было приковано и к сенсационному решению Конституционного суда, после которого, как писала **«Общая газета»**, в России «ни один суд не может приговаривать преступника к смертной казни. Рассматривать дела такого рода теперь возможно лишь в суде присяжных. Решение это обязательно к немедленному исполнению на всей территории страны, хотя суды присяжных существуют лишь в 9 регионах».

«Правда, смертная казнь отменена не насовсем, — добавляет ложку дегтя в бочку с медом **«Независимая газета»**, — а лишь до того времени, когда новая для России форма судопроизводства распространится на всю страну».

«Конституционный суд нашел силы и способ сделать то, что давно обещали сделать и Дума и президент: отменить смертную казнь в стране, — пишут **«Итоги»**. — Однако

остается неясной судьба людей, уже приговоренных к смертной казни. Таких в России около тысячи. Некоторые находятся в камере смертников уже пять лет».

«Сегодня» в связи с этим полагает, что «к маю-июлю 1999 года в России не останется ни одного приговоренного к смертной казни, всем им будет изменен приговор на пожизненное или 25-летнее лишение свободы».

В этот же день ранним утром в самом центре Москвы на 20 объектах (в офисах и квартирах), имеющих отношение к компании «Сибнефть», Генпрокуратура провела обыски. **«Сегодня»** сообщила, что «документы вывозили из компании чуть ли не грузовиками, а железные двери взламывали». При этом «представитель Генпрокуратуры Юрий Мартынин, участвовавший в обысках, заявил, что у правоохранительных органов «нет никаких претензий к деятельности компании», сообщила **«Независимая газета»**.

Впрочем, тайна гонений на «Сибнефть» раскрылась быстро. Генпрокуратура, по данным **«Известий»**, «искала связи охранных служб компании «Сибнефть» с их коллегами в «Атолле», по поводу чего **«Сегодня»** едко заметила, что «связь между «Атоллом» и «Сибнефтью» может быть только одна. Это имя исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского. Не исключено поэтому, что акция спецслужб была направлена именно против него».

«Общая газета» инцидент с обысками подытоживает таким образом: «Виновник «торжеств» Борис Березовский от общения с прессой предпочел воздержаться. Политическая же элита осталась в настороженном недоумении. Так прослушивали или не прослушивали? И если да, то — кто?»

3 ФЕВРАЛЯ в Москве официально было объявлено состояние «эпидемии» гриппа. **«Итоги»** писали, что в этот день «в Москве заболеваемость гриппом прошла рассчитанный для этого времени года порог, превышение которого означает начало эпидемии — 130 заболеваний в день на 10 тысяч жителей». Еженедельник сообщил, что с началом эпидемии в районных поликлиниках практически были прекращены бесплатные прививки от гриппа, а в коммерческих медучреждениях цена одной дозы вакцины колебалась от 40 до 50 долларов.

С интересными подробностями на тему «инфлюенцы» выступил **«Огонек »**, задавшийся вопросом: «Чем отличается эпидемия гриппа от «неэпидемии»?» Ответ: «Во время эпидемии гриппом болеет до 50% населения. А если эпидемии нет — 10%. Единого стандарта нет, каждый город имеет свой эпидемологический порог, за который не хотелось бы переступать. В Москве он составляет 22 тысячи человек в день. А с другой стороны, если переступишь порог, то на борьбу с эпидемией из федерального бюджета городу сразу выделяют средства. Поэтому каждый год у нас практически все регионы переживают эпидемию гриппа».

Начало гриппозной эпидемии отодвинуло на второй план арест бывшего министра юстиции Валентина Ковалева, который уже через день после ареста объявил голодовку и написал президенту Ельцину из тюрьмы письмо, о содержании которого стало известно **«Коммерсанту-daily»**: «Ковалев рассказал президенту, что сидит в камере площадью всего 3 кв. метра и что боится за свою безопасность. «Борис Николаевич, если со мной что-то случится до вашего вмешательства, знайте, что я здоров и добровольный уход из жизни для меня исключен». По данным газеты, бывшему министру юстиции инкриминируется хищение 9 миллионов рублей из общественного фонда.

Газета «Сегодня», сообщая об аресте Валентина Ковалева, пишет, что быв-ший министр был задержан в следственном комитете МВД, куда явился на допрос. Помимо хищения из созданного им же Фонда защиты гражданских прав, бывший министр обвинялся в хранении незарегистрированного пистолета.

В этот же день, 3 февраля, было объявлено, что Узбекистан выходит из Договора о коллективной безопасности СНГ. «Если ситуация будет развиваться по негативному для Москвы сценарию, — писала газета **«Сегодня»**, — то последняя может вообще

утратить военное влияние в Средней Азии, сохранив контроль лишь над утопающим в клановых междоусобицах Таджикистаном». По данным **«Известий»**, решение Узбекистана было принято в связи с несогласием с «военной политикой Москвы в некоторых государствах СНГ».

Неожиданное решение Ташкента **«Век»** объясняет тем, что «если раньше Ташкент и Баку рассчитывали использовать Содружество для «прикрытия» истинных целей своей политики, время от времени удачно играя на «проколах» незадачливых московских политиков, то с приходом к власти кабинета Евгения Примакова, они почувствовали «твердую руку». Председатель российского правительства предложил им другие правила игры, стал требовать возврата накопившихся долгов и выставил жесткие условия для взаимовыгодного сотрудничества на деле, а не на словах». **«Век»**, правда, предлагает и другую версию случившегося: «у некоторых аналитиков появился соблазн квалифицировать данное сообщение, как очередной выстрел в ходе политической дуэли исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского с Белым домом».

5 ФЕВРАЛЯ на фоне продолжавшихся сенсационных обысков и арестов достаточно незамеченным прошло событие прямо противоположного характера — из Лефортово вышел на свободу в связи с «истечением максимально возможного срока содержания под стражей бывший и.о. генпрокурора России Алексей Ильюшенко, арестованный два года назад по обвинению во взяточничестве и в злоупотреблении служебным положением». **«Огонек»**, одно из немногих заметивших освобождение Ильюшенко изданий, писал: «похоже, что Ильюшенко удастся избежать лагерных нар. С выходом его на свободу дело, заведенное на него, скорее всего, развалится, что нанесет ощутимый удар по престижу Юрия Скуратова».

Продолжавшиеся в Москве *в этот день* обыски, связаны были с деятельностью охранного агентства «Атолл», подозреваемого в том, что его сотрудники прослушивали телефонные переговоры членов семьи президента Ельцина. На этот раз, по сообщению газеты **«Сегодня»**, поиски кассет шли в предприятиях, связанных с «Аэрофлотом». Так, сотрудники прокуратуры побывали в офисе рекламной компании NFQ, которая последние три года выполняла все рекламные заказы «Аэрофлота».

В этот же день, 5 февраля, вспыхнул с новой силой скандал, начавшийся еще 29 января, когда против одного из «отцов рыночных преобразований в России», академика Аганбегяна было возбуждено уголовное дело по статьям 285 и 289 УК РФ (злоупотребление должностным положением и незаконное участие в предпринимательской деятельности). По данным газеты **«Сегодня»**, академик обвинялся в том, что присвоил 4,8 миллиона рублей за счет операций с недвижимостью возглавляемой им Академии Народного Хозяйства. Академик Аганбегян якобы сдавал коммерческим структурам 1700 квадратных метров площадей АНХ, ежегодно получая за это 3 миллиона рублей дохода и выплачивая себе две зарплаты — одну в АНХ, ректором которой он являлся, другую — в созданной им же Высшей школе международного бизнеса, что было запрещено указом президента «о борьбе с коррупцией в системе госслужбы». «Сегодня» писали, что академику грозит до трех лет тюремного заключения.

«Уголовное дело было заведено после проверки деятельности Академии народного хозяйства Счетной палатой. Результаты оказались ошеломляющими, — пишет **«Независимая газета»**, — почти половина имущества Академии оказалась приватизирована без ведома правительства и с грубейшими нарушениями. По предварительным данным, академик лишил российский бюджет 5 миллионов рублей».

«Пишут, что Аганбегян, — экономист-рыночник с мировым именем. Где же он успел это имя сделать, если академиком стал, восхваляя плановую советскую экономику?» — восклицает **«Советская Россия»** и продолжает: «Академия на правах государственного образовательного учреждения пользовалась федеральным бюджетом, но

бюджетные средства перекачивались в коммерческие структуры, руководимые академиком, без всякого стеснения».

Некоторые сведения о подоплеке скандала с АНХ вносит газета **«Сегодня»**, которая пишет, что «несколько лет назад, когда итальянская фирма «Сичи» вынуждена была прекратить работу, Абел Аганбегян взял кредит в 150 миллионов долларов на продолжение строительства академии. А сегодня на этот долгострой претендуют весьма влиятельные фигуры, планирующие превратить его в современный бизнес-центр. Наблюдатели не исключают, что в этой борьбе «дело Аганбегяна» играет им на руку».

Такой же точки зрения придерживаются и **«Аргументы и факты»**: «нашлись завистники на этот зеркально-голубой дворец (100 тыс. кв. м). Если бы за Аганбегяном стоял Лужков или солнцевская группировка, заинтересованные фигуры быстро потеряли бы нездоровый интерес. А просто Аганбегян, Бунич? Кто их сегодня боится? Кто-то напустил счетную палату. В итоге всплыла криминальная история».

8 ФЕВРАЛЯ был наконец-то вынесен приговор Айсет Дадашевой и Фатиме Таймасхановой — двум чеченкам, обвиненным во взрыве вокзала в Пятигорске в апреле 1997 года, когда два человека погибли и около 30 получили ранения. **«Известия»** сообщили, что террористок приговорили соответственно к 16 и 19 годам заключения в колонии строгого режима. **«Независимая газета»** охарактеризовала приговор, как «крайне жесткий», а процесс назвала «скандальным».

9 ФЕВРАЛЯ пресса комментирует внезапное решение президента Бориса Ельцина вылететь в Иорданию на похороны короля Хуссейна. **«Независимая газета»** писала, что президент «Ельцин политически воскрес на похоронах в Иордании. Президент России полетел в Амман, чтобы удержать в руках ускользающую власть. Ельцин воскрес в тот момент, когда его неспособность контролировать и определять российскую политику казалась всем уже совершенно очевидной. Все текущие политические рейтинги показывали, что президент превратился в номинального главу государства и если не в середнячка, то уж точно в свадебного генерала российской политики».

«Все более усиливающаяся жесткость действий кабинета министров Примакова и Думы свидетельствуют о том, что эти ветви власти проводят принципиальный и стратегический курс, требующий ревизии всей прежней политической практики Ельцина», — комментировали **«Новые Известия»**.

11 ФЕВРАЛЯ возвращение президента из Иордании не обошлось без небольшого инцидента. Уже во Внуково «президентский самолет зацепил крылом самолет премьер-министра Италии», — сообщил **«Коммерсант-daily»**. По словам одного из свидетелей, эффект был такой, «как будто голубь наехал на комара».

12 ФЕВРАЛЯ вся Россия была потрясена страшным сообщением о пожаре в УВД Самары, когда сгорело 53 человека. Газеты называли самые разные причины, по которым построенное в 50-х годах с деревянными перекрытиями здание в считанные минуты загорелось, как рождественская елка: «служебное застолье, связанное с днем рождения кого-то из сотрудников или с получением очередного звания» (**«Аргументы и факты»**), умышленный поджог, короткое замыкание в старой электропроводке, неосторожное обращение с огнем (**«Известия»**).

Газета **«Сегодня»** сообщила, что здание УВД горело за свою историю еще, как минимум дважды — в 1980, когда полностью сгорело два этажа и в 1993, когда пламя уничтожило несколько кабинетов на втором этаже. «По количеству человеческих жертв, — писала **«Независимая газета»**, — этот пожар в Самаре — сильнейший за последние 40 лет».

В этот же день Дума приняла закон о минимальной зарплате. **«Известия»** писали, что в соответствии с новым законом с 1 июля этого года минимальная зарплата, равнявшаяся 83 рублям 49 копейкам, будет повышена до 200 рублей.

«Правительство безуспешно сопротивлялось всем этим хитростям, утверждая, что в только что принятом Думой бюджете-99 нет не только 50 миллиардов рублей,

потребных для индексации, но даже и одной на это дело копейки, — описывала **«Независимая газета»** сцену голосования в Думе. — Однако после таких заявлений электронное табло показало, что в поддержку законопроекта о повышении минимальной зарплаты высказались 377 депутатов, а голосовавших «против» или воздержавшихся не было вовсе».

15 ФЕВРАЛЯ Россия отмечала десятилетнюю годовщину вывода советских войск из Афганистана. В этот день, сообщала **«Независимая газета»**, «практически все высшие должностные лица страны во главе с Евгением Примаковым возложили утром венки к могиле Неизвестного солдата. Следом за ними память павших в этой необъявленной войне почтили около 200 интернационалистов, собравшихся на Пушкинской площади, среди которых были министр обороны Игорь Сергеев и президент Ингушетии Руслан Аушев».

В этот же день в пресс-службе Министерства юстиции сообщили, что Генпрокуратура потребовала проверить, «насколько соответствует деятельность КПРФ ее уставным целям и действующему законодательству» (**«Независимая газета»**). «Потерпев неудачу в попытке привлечь к ответственности лидера КПРФ Геннадия Зюганова за оскорбительные выказывания в адрес президента, Минюст теперь вряд ли будет проявлять к коммунистам снисхождение», — предположила газета **«Сегодня»**, считающая, что главным козырем против КПРФ может стать нарушение коммунистами указа президента от 1991 году о запрете создавать ячейки на предприятиях.

16 ФЕВРАЛЯ после сообщений об аресте в Кении лидера курдов Абдуллаха Оджалана курды, проживающие в Москве, захватили здание греческого посольства в Леонтьевском переулке. По данным **«Независимой газеты»** на территорию посольства прорвалось 32 курдских активиста, а в результате акции милиция задержала 49 участников акции. **«Известия»** сообщили, что, несмотря на захват посольства, события развивались вполне мирно: «настрой стражей порядка был вполне миролюбивым. Курды также не шли на конфронтацию с силами правопорядка».

Сообщая об акции в Леонтьевском переулке, **«Советская Россия»** писала, что «в Турции курды уже много лет подвергаются геноциду, поэтому с 1984 года они были вынуждены защищаться от карательных турецких экспедиций с оружием в руках». Газета сделала вывод, что «в истории с выдачей Оджалана в руки его турецких палачей незавидную роль, увы, сыграла и нынешняя «демократическая» Россия».

В этот же день в Санкт-Петербурге был арестован 53-летний бизнесмен Юрий Шутов. «Большинству горожан Шутов известен, как автор книги «Собчачье сердце», которую бывший советник Анатолия Собчака нашпиговал гневными выпадами в адрес бывшего патрона. А в «определенных кругах» Петербурга Юрий Шутов снискал славу как командир целой армии «братвы», — комментировала его арест газета **«Сегодня»**. **«Коммерсант-daily»** сообщил, что одновременно с Шутовым арестованы еще 12 человек и им всем инкриминируются убийства видных политиков и бизнесменов, потрясшие северную столицу в последние годы. «О мотивах большинства преступлений в прокуратуре пока не говорят, намекая лишь, что у Шутова с его будущими жертвами были конфликты в бизнесе».

«Сегодня» утверждала, что «может выясниться, что банда Шутова причастна не только к убийствам предпринимателей Дмитрия Филиппова, Николая Болотовского и юриста Игоря Дубовика, но и гибели Михаила Маневича и Галины Старовойтовой».

«Независимая газета» сообщила, что 53-летний Юрий Шутов «защитил диссертацию по экономике в 1981 году и в этом же году был арестован и приговорен к лишению свободы, провел пять лет на Колыме. Впоследствии Шутов был оправдан и реабилитирован судом». **«Независимая газета»** сообщает, что «имя Шутова каким-то образом связывали с происшедшим восемь лет назад пожаром в гостинице «Ленинград», когда

погиб журналист «Огонька» Марк Григорьев». Газете тоже стало известно, что «Юрий Шутов, возможно, причастен и к другому громкому убийству — лидера «Демократической России» Галины Старовойтовой».

18 ФЕВРАЛЯ окончательно решился вопрос об отставке главного налогового полицейского России Сергея Алмазова. «Живой интерес к налоговой полиции далеко не случаен, — комментировали отставку **«Новые Известия»**. Мощное силовое ведомство, имеющее информаторов в крупнейших компаниях и банках, может оказаться хорошим козырем в экономической игре. Так как сама налоговая система России исключает присутствие в российской экономике идеальных налогоплательщиков, ФСНП при желании способна найти ахиллесову пяту любой компании».

Газета **«Сегодня»** выступила со своей версией отставки Алмазова: «вопрос с Алмазовым был решен 4 февраля на совещании, которое вел руководитель администрации президента Николай Бордюжа, когда все согласились — устранен очаг потенциального мятежа, взято под контроль могущественнейшее и богатейшее ведомство. Такая комбинация по силам сегодня только президенту».

В этот же день, 18 февраля, свое 70-летие отметил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. «Торжества начались на пять дней раньше дня рождения, — пояснил **«Коммерсант-daily»** — Синод перенес чествование из-за наступающего в понедельник Великого поста». «Самый дорогой подарок Алексию II преподнесли члены Святейшего Синода: митрополит Киевский Владимир вручил Святейшему Орден Святителя Иннокентия 1-й степени. Этот орден, учрежденный в прошлом году, относится к высшим церковным наградам. Алексий II стал первым кавалером этого ордена. Он награжден за миссионерскую деятельность».

«Труд» так описывал церемонию награждения: «Переполненный зал стоя, овацией встретил появление под звон колоколов в правительственной ложе ГАБТа Патриарха, с именем и делами которого связан происходящий в последние годы в России церковный ренессанс».

«За годы патриаршего служения Алексия II число епархий Русской православной церкви удвоилось и составило 127. Началась канонизация мучеников, пострадавших за веру в годы советской власти», — писала **«Независимая газета»**.

19 ФЕВРАЛЯ в Самаре «состоялась мировая премьера оперы петербургского композитора Сергея Слонимского «Видения Иоанна Грозного». После самарской трагедии естественно было ожидать, что премьера будет перенесена на более поздний срок. Но участие в постановке Мстислава Ростроповича, чей гастрольный график расписан на годы вперед, сделало отсрочку премьеры невозможной», — сообщила **«Независимая газета»**.

Отзывы в прессе на постановку были весьма критичны. **«Коммерсант-daily»** писал, что опера «бесформенна, как старая перина. Кроме царя и Малюты, остальные персонажи с трудом поддаются исторической идентификации. Смета подписывалась два года назад, когда перспективы были гораздо более радужными и губерния могла себе позволить запланировать на 1999 год такой праздник. Февральский пожар спутал все карты. Он дал недоброжелателям возможность говорить, что Самаре было на что потратить деньги, ушедшие на постановку. Случайность лишний раз подчеркнула, сколь неудачной может быть судьба неталантливой партитуры, натянутого либретто и неизвестно на что тратящих свой талант приезжих звезд».

«Общая газета» охарактеризовала постановку следующим образом: «Над землей — мрачное здание Самарского театра оперы и балета. Под землей — многоэтажный бункер военных лет, предназначенный для куйбышевского варианта функционирования советского правительства и лично товарища Сталина. Посередине Роберт Стуруа и Мстислав Ростропович ведут репетиции оперы о кровавом тиране. О лучшем единстве формы и содержания мечтать трудно».

Задавшись вопросом, почему для постановки была выбрана тема, связанная с Иваном Грозным, **«Новая газета»** пишет: «Период русской истории от финала царствования Грозного до Смуты — сейчас очень популярен. Причем не столько даже у деятелей культуры, сколько у доморощенных наших политиков. Наивные постановщики оперы проводят параллель Грозный — Сталин, видят в злодеяниях Грозного-царя причину покорности русского народа, что привело к возможности злодеяний грозного вождя. Сюжет пересекается с нынешним царствованием. Ведь любая власть сталкивается с одними же и теми проблемами, которые решает сходными средствами. Разница лишь в жестокости мер. А умирающий царь... По нынешнему моменту большую крамолу даже специально придумать трудно».

В этой же публикации **«Новая газета»** называет приезд М. Ростроповича в Самару для работы над постановкой «первым незамеченным приездом Ростроповича в Россию».

В этот же день, 19 февраля, состоялся I съезд политического движения «Новая сила», возглавляемого Сергеем Кириенко. «По расчетам чиновников из администрации президента, — пишут **«Московские новости»**, — за Кириенко дружно проголосуют демократы и либералы и потому его стоит привлечь на свою сторону». Сам Кириенко, по сведениям газеты, «вынашивает весьма честолюбивые планы: на парламентских выборах 1999 года возглавить объединенный блок «Новая сила» и «Правое дело», а затем выставить свою кандидатуру на президентских выборах 2004 года».

«Итоги» пишут по поводу «Новой силы»: «С момента рождения движения вопрос о его слиянии с правым блоком остается открытым. То есть формально Сергей Кириенко примкнул к правой коалиции, но многие наблюдатели считают, что в конце концов он самостоятельно попытает счастья на думских выборах. Представители кириенковского штаба также признают, что «окончательно этот вопрос не решен». Мучительные сомнения, в которых пребывает Сергей Владиленович, объясняются просто: он никак не может понять, поможет ему блок попасть в парламент или наоборот — утянет в политическое небытие».

20 ФЕВРАЛЯ в Кремлевском Дворце съездов состоялась долгожданная премьера фильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», билеты на которую, по сведениям газеты **«Аргументы и факты»**, стоили до 700 долларов.

Назвав ленту «эпической мелодрамой в стиле лубочного реализма», газета **«Сегодня»** сообщила, что «премьера походила на политическую акцию. В Кремле среди приглашенных — первые лица государства. А Михалков в роли Александра III на Соборной площади торжественно говорит о любви к отечеству и русскому солдату. Публика с энтузиазмом ему аплодирует».

«Фильм «Сибирский цирюльник» — это манифест, часть сконструированного Никитой Михалковым моста, по которому он переходит в новое для себя качество от постановщика глубоких, пронзительных лирических «Пяти вечеров» и «Неоконченной пьесы» к толкователю загадочной русской души для голливудского зрителя, уверенного знатока и пропагандиста идеальной России для зрителя русского», — охарактеризовала ленту **«Независимая газета»**.

«Лучший режиссер страны вместе с лучшим оператором страны и лучшими актерами страны создали картину, где явно нарушена не только художественная, но даже элементарная фабульная логика; красочно и артистично рассказали историю, про которую решительно ничего не понятно», — охарактеризовали фильм **«Московские новости»**. По мнению еженедельника, Михалков сумел снять фильм, «ни в чем не уступающий среднестатистической голливудской продукции, а кое-где даже ее превосходящий». **«Аргументы и факты»** согласны с тем, что «Сибирский цирюльник» — фильм, «абсолютно ориентированный на Запад».

«Соединив в «Цирюльнике» две важнейшие для него идеологии — семьи и государства, Михалков являет образец цивилизованного патриотизма и буквально

тычет зрителя носом в то, что надлежит ценить и уважать», — писала газета **«Сегодня»**.

Наиболее критично по поводу новой ленты выступил еженедельник **«Век»**: «Инфантильная самоидентификация Никиты с «гарантом» православной нравственности — не просто игры пожилого «русского мальчика», но симптом нашего всеобщего свободонемыслия, дремучей тяги к сильной руке, благоговения перед властью. Отсюда казенный патриотизм последней картины Михалкова, отсюда — от бессилия мысли — наивное упование на нашу духовную исключительность, на «вечные» ценности, среди которых — любовь до гроба, стенка на стенку, беспробудное пьянство, широкая масленица, пресловутая загадочность русской души и прочая унизительная экзотика».

«Самое, пожалуй, досадное, — сетуют **«Аргументы и факты»**, что в фильме не ощущается Россия. Да. Есть в нем временами разудалый «русский дух». Но разве это — Россия Чехова, Тургенева?»

Особое внимание прессы привлекла финансовая сторона съемок «Сибирского цирюльника». «Экономическая история фильма — это уникальный триллер, еще ждущий своего историка», — писали **«Московские новости»**.

«Независимая газета» утверждала, что всего съемки фильм обошлись в 45 миллионов долларов, 10 из которых Никита Михалков получил из государственного бюджета. Таким образом, подсчитала газета, в примерном пересчете на рубли стоимость фильма приблизительно равнялась 0,25 процента всего годового бюджета России и была вполне сопоставима с годовым бюджетом какой-нибудь российской области.

Однако, несмотря на весьма критические отзывы о самой ленте, почти вся пресса сходится на том, что премьера «Сибирского цирюльника» в Кремле прошла на «ура». «Михалков сиял, а настроение публики располагалось в диапазоне от «просто доволный» до «восторженный». Скептики, ожидавшие, что двадцатого вечером в Кремле случится грандиозный конфуз, посрамлены. Ожидавшие триумфа могут гордиться своим оптимистическим мировоззрением» — подводит итог **«Независимая газета»**.

23 ФЕВРАЛЯ Чечня и Ингушетия отметили 55-ю годовщину депортации вайнахских народов в Казахстан и Среднюю Азию.

«Сама депортация была демонстрацией, как это ни парадоксально, определенной слабости карательной машины сталинизма: подавить абречество сил не было, а вот вывезти всех в степь и там бросить — смогли, — писали **«Известия»**. — Если в Ингушетии 23 февраля это исключительно день траура, то Чечня считает себя вправе едва ли не ежедневно требовать сатисфакции у России. Нельзя извиняться до бесконечности за грехи других правителей. Чрезмерная агрессивность и требовательность нынешних идеологов чеченской независимости в последние год-два породили «симметрический ответ» большинства россиян, неповинных в депортациях и войнах. А это уже тупик».

24 ФЕВРАЛЯ Конституционный суд РФ запретил банкам снижать в одностороннем порядке процентные ставки по срочным вкладам рядовых граждан. «Решение КС находится в общем русле нынешней правительственной политики, направленной на дозированное вмешательство государства в рыночную стихию, выпущенную на волю прежними властями, — пишет **«Общая газета»**. — Вынося свое решение, достаточно жесткое для банковского сообщества, КС констатировал фактическое отсутствие конкуренции на рынке банковских услуг».

25 ФЕВРАЛЯ в Тольятти покончил с собой один из крупнейших чиновников АВТОВАЗа Юрий Королюков, выбросившись с 21 этажа из окна своего кабинета. По сведениям **«Известий»**, в Москве у Королюкова осталась жена и три дочки. В предсмертной записке чиновник просил никого не винить в его смерти. «Установить точные причины суицида по горячим следам не удалось, но не исключено, что самоубийство связано с началом расследования уголовных дел на АВТОВАЗе, которое проводит

Генпрокуратура, — писал **«Коммерсант-daily»**. Будучи помощником финансиста, он был в курсе мнимых реэкспортных операций, которые осуществлял АВТОВАЗ и его официальные дилеры (именно эти сделки особенно интересовали следователей)».

26 ФЕВРАЛЯ США объявили о введении санкций против российских организаций, которые подозреваются в сотрудничестве с Ираном в ракетной и ядерной областях. «По мнению министра общего и среднего профессионального образования РФ Владимира Филиппова, цель введенных США экономических санкций против научных центров РФ — не допустить в будущем передовые российские технологии на мировой рынок», — писала **«Независимая газета»**.

В этот же день на элитной даче в подмосковном поселке Баковка сотрудники РУБОП обнаружили подпольную типографию, где печатали акцизные марки, рубли и доллары. Среди конфискованных поддельных штампов и печатей были найдены и матрицы с благодарностями от имени президента России Бориса Ельцина. По сведениям газеты **«Коммерсант-daily»**, качество акцизных марок ни в чем не уступало продукции Госзнака. На этой же даче находился и притон педофилов. Внимание прессы к операции РУБОПа было привлечено одной деталью — как было объявлено, дача принадлежала высокопоставленному сотруднику МИДа Леониду Островскому. **«Известия»** сообщили о пресс-конференции директора департамента печати и информации МИД РФ Владимира Рахманина, где он заявил, что человек с такой фамилией в МИД РФ не работает и данными о нем МИД не располагает.

В этот же день, 26 февраля, было объявлено о внезапном отпуске премьер-министра Евгения Примакова и его отлете в Сочи. «Перед отпуском Примаков раздал последние указания своим замам. Сводятся они к тому, что премьер, как и президент, отдыхая в Сочи, будет всем руководить сам, — писали **«Новые Известия»**, — заместители же должны прежде всего неукоснительно исполнять бюджет, а за графиком выплат зарплат военным и шахтерам премьер будет следить практически ежедневно».

Газета **«Коммерсант-daily»** увидела во внезапном отпуске Евгения Примакова «подковерную борьбу, которую ведет с Примаковым часть президентской администрации во главе с Татьяной Дьяченко. Примаков слишком преуспел в наступлении на ОРТ и на «Аэрофлот», вотчины Бориса Березовского».

2 МАРТА газета **«Труд»** сообщила о сенсации, случившийся в Италии на традиционном ежегодном конкурсе песни в городке Сан-Ремо, на этот раз непосредственно связанной с Россией. Обдумывая программу конкурса, его организаторы решили привлечь в качестве одного из ведущих Михаила Горбачева, последнего Генерального секретаря ЦК КПСС. «Руководство радиотелевизионной корпорации РАИ выпустило его на сцену в расчете на то, что «отец перестройки» будет говорить от силы 2 минуты — и то в диалоге с другим ведущим, — пишет **«Труд»**. — В РАИ явно просчитались. Михаил Сергеевич, проигнорировав ведущего Фазио, говорил свыше 5 минут о глобализации, демократии, социальной справедливости, новом мировом порядке». Короче, как заметило агентство АП, Горбачев «украл шоу». В общей сложности, включая приветствие в его адрес и аплодисменты, он пробыл на сцене 15 минут — а это, как подчеркнуло АП, «целая вечность для прямой телетрансляции в лучшее время». **«Новые Известия»** при этом отметили, что «передачу из Сан-Ремо в тот день, когда там гастролировал бывший советский президент, смотрели 16,5 миллионов итальянцев».

3 МАРТА в Санкт-Петербурге произошел раскол в только что созданной организации «Правое дело». **«Известия»** пишут, что «за подобными кадрово-финансовыми разборками отчетливо просматривается симптоматичный факт: несмотря на громкие и частые призывы к объединению, либеральные демократы по-прежнему не создали сколько-нибудь идеологически и организационно жизнеспособной структуры».

4 МАРТА «Известия» сообщают о вручении Премии Фонда Александра Солженицина поэтессе Инне Лисянской «за прозрачную глубину стихотворного русского слова и многолетне явленную в нем поэзию сострадания».

5 МАРТА в Санкт-Петербурге состоялись переговоры между министром иностранных дел Эстонии Раулем Мялком и послом по особым поручениям российского МИДа Людвигом Чижовым, которые парафировали договоры о сухопутной границе между двумя государствами. Газета **«Сегодня»** сообщает, что «впервые с 1991 года Таллинн де-юре признал ныне существующую границу, ранее именуемую «временной линией», и отказался от территориальных претензий. Чижов заявил, что в ходе переговоров эстонцы пошли на серьезные компромиссы, учтя интересы России».

В этот же день, выступая в Госдуме, и.о. генпрокурора Юрий Чайка, как сообщили **«Известия»**, заявил, что «темпы роста числа чиновников, готовых торговать своими должностями, становятся беспрецедентными». За три последних года, по информации Юрия Чайки, его ведомством выявлено 56 тысяч преступлений против интересов государственной службы и 17 тысяч взяток.

В этот же день в аэропорту Грозного был похищен представитель российского МВД в Чечне генерал Геннадий Шпигун. Группа преступников пробралась внутрь самолета и похитила генерала прямо из салона, когда его охрана, убедившись, что Геннадий Шпигун благополучно сел на борт, уже уехала. «Первое, что приходит многим в голову, — комментирует это преступление газета **«Труд»**, — что теракт совершен окружением Салмана Радуева, командующего так называемой «армией генерала Дудаева». Перед этим террорист грозился захватить двух российских генералов, чтобы затем обменять их на Айсет Дадашеву и Фатиму Таймасхановну, приговоренных российским судом к длительным срокам тюремного заключения».

По версии **«Труда»**, «чеченцы выдвинули и еще одну возможность. Шпигуна могли захватить бывшие заключенные фильтрационных пунктов в Грозном — в отместку за то, что в годы войны тот занимал должность начальника главного управления оперативных штабов группировки федеральных войск в Чечне, в ведении которого находились эти пункты. А с задержанными в то время, утверэждают чеченцы, федералы обходились жестоко».

Анализируя внутриполитическое положение в Чечне после похищения генерала Шпигуна, **«Московские новости»** пишут, что «Масхадов не в состоянии противостоять организованному бандитизму полевых командиров, в том числе захвату заложников, положить конец стихийному криминалу обнищавшего населения, обезопасить границу с Россией. Ему для этого нужны, во-первых, деньги, во-вторых и в-третьих, тоже деньги. Есть все основания предполагать, что похищение генерала Шпигуна могло быть организовано лидерами оппозиционной шуры (совета полевых командиров), но официальные власти республики, зная о планах подготовки подобной акции, закрыли на это глаза».

Неожиданную версию причин похищения генерала Шпигуна выдвинул еженедельник **«Итоги»**. По мнению журнала, генерала могли похитить по приказу Масхадова, пытающегося таким образом укрепить свои слабеющие контакты с Борисом Березовским. «Масхадов глубоко задет поведением Березовского. Тот поначалу, еще в Совбезе, держался исключительно лояльно по отношению к ичкерийскому президенту, сумел завоевать его доверие, а потом, когда обнаружилась масхадовская слабость и неспособность контролировать ситуацию в республике, первым из российских чиновников начал вести переговоры с противниками Масхадова», — писали **«Итоги»**.

Еженедельник опровергает слухи о причастности к похищению Шпигуна самого Бориса Березовского, распространяющиеся в российских средствах массовой информации. «Появление столь «убедительной версии», — пишут **«Итоги»**, — вызвано по всей вероятности страшным опасением: а ну как пока власти обсуждают планы возмездия,

в Москве приземлится небольшой частный самолет и по трапу сойдет похищенный милиционер Шпигун в обнимку с миллионером Березовским».

«Коммерсант-daily» приводит три возможных варианта силового ответа России на похищение генерала: ракетно-бомбовые удары по базам чеченских террористов (с применением особо точных ракетных комплексов «Точка»), заброс на чеченскую территорию российского спецназа и арест в России чеченских бизнесменов.

Однако, считает газета, «вернувшемуся из Сочи Примакову будет непросто урегулировать по существу предвоенную ситуацию, когда Грозному предъявлен ультиматум, а на самом деле никаких действий не предпринято».

5 марта вообще было урожайным на события — в этот же день в Москве в отделение банка «Российский кредит» на Тверской улице ворвался человек с помповым ружьем, захвативший в заложники бухгалтера и потребовавший выдать ему 20 тысяч долларов. Случай привлек внимание прессы потому, что нападавший оказался отнюдь не грабителем. **«Сегодня»** сообщили, что таким образом отставной полковник 66 лет попытался получить назад свой вклад, исчезнувший в банковских недрах.

Однако подлинной сенсацией этого дня стало увольнение президентом Борисом Ельциным Бориса Березовского с поста секретаря СНГ. «С точки зрения экономической интеграции СНГ отставка Бориса Березовского очень плохое решение. Как ни крути, Березовский был едва ли не единственным высокопоставленным российским политиком, лично заинтересованным в том, чтобы Содружество стало живым экономическим организмом,— писали **«Известия»**. — С другой стороны, все прекрасно помнят, что президент никогда не наносил «ассиметричных» ударов по противоборствующим группировкам. Очевидно теперь к президентскому гневу надо готовиться правительственной верхушке».

«Смещение Бориса Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ вызвало неожиданную реакцию в рядах оппозиции. Поражение олигарха-антикоммуниста не столько обрадовало, сколько насторожило левых, — приходят к аналогичным выводам **«Аргументы и факты»**. — Зная любовь президента к «сдержкам и противовесам», коммунисты всерьез испугались за кабинет Евгения Примакова».

«Отставка Бориса Березовского может обернутся, как победой, так и поражением Примакова и его правительства, — комментируют **«Новые Известия»**. — С одной стороны, очевидно, что лишения Березовского статуса международного чиновника (а вместе с тем и неприкосновенности) добился именно премьер. Просто потому, что больше и добиваться было некому: к президенту имеют сейчас неограниченный доступ только два политика — его дочь Татьяна и глава кабинета».

«Закончилась ли на этом эпизоде политическая карьера Бориса Березовского? — спрашивает **«Труд»**. — Только очень наивный человек может так думать. Политика не просто засосала этого человека. Она стала частью его жизни и судьбы. Остались и финансовые механизмы, ее подпитывающие, сохраняется его влияние в СМИ. Немало выдвиженцев Березовского интегрировано в структуры власти: от Кремля до самых до окраин. Поэтому трудно согласиться с политологами, называющими отставку «финалом политической карьеры Березовского». Мы еще услышим о Борисе Абрамовиче и увидим его не только в передаче НТВ «Куклы».

10 МАРТА жертвой «террористов» стал известный кинорежиссер Никита Михалков. Практически ни одна из газет не оставила без внимания «обстрел» Михалкова яйцами в Доме кино. По информации газеты **«Коммерсант-daily»**, виновных удалось задержать. Ими оказались два молодых человека, входящие в организацию национал-большевиков Эдуарда Лимонова. У одного из «яйцеметателей» был конфискован газовый пистолет. **«Сегодня»** писала, что на поступок национал-большевиков толкнуло «душевное возмущение, вызванное некоторыми высказываниями Михалкова», а **«Коммерсант-daily»** уточнил, что юноши решили нанести удар по пиджаку режиссера после

того, как тот сказал, что «за фильм «Сибирский цирюльник» нужно памятник ставить».

Газеты цитируют информацию из **«Вечерней Москвы»**, по которой Никита Михалков с размаха ударил ногой под ребро одного из задержанных национал-большевиков и что последующая экспертиза выявила у того сильный кровоподтек как раз в месте предполагаемого удара. **«Новая газета»** подтвердила правильность этого сообщения, опубликовав без комментариев распечатку видеокадров, где Никита Михалков бьет ногой в живот одного из «террористов», уже скрученного кем-то из его подручных.

С связи с инцидентом **«Коммерсант-daily»** цитирует адвоката «яйцеметателей» Сергея Белека о том, что «закидывать артиста яйцами — такая же традиция русской публики, как и те, о которых любит говорить Михалков».

Более серьезный инцидент произошел *в тот же день*, в Новосибирске, где ночью неизвестными была разгромлена местная синагога. «Очевидно, что вторглись в синагогу отнюдь не грабители, — описывала налет «Сегодня». — Председатель иудейской общины Новосибирска Мендель Щипинский заявил, что ничего ценного из помещения не пропало. Древняя рукопись Торы не привлекла внимания вандалов». В связи с тем, что ничего похищено не было, а двери и окна не были взломаны, **«Сегодня»** отмечает, что максимальное наказание, которое ожидает вандалов, если их удастся задержать, составит всего один год.

«Известия» посчитали, что в нападению причастны местные активисты РНЕ, поскольку стены синагоги были испещрены символами этой организации и угрозами в адрес евреев. Газета припомнила, что именно новосибирские фашисты четыре года назад бросили в эту же синагогу бутылку с зажигательной смесью.

11 МАРТА в Москве прошла пресс-конференция, поставившая, похоже, точку в долго тянувшемся деле о поставке Кипру российских зенитно-ракетных комплексов С-300. Президент финансово-промышленной группы «Оборонительные системы» Юрий Родионов сообщил журналистам, что С-300 наконец-то передан заказчику. «Пессимисты не исключают, что технические секреты могут стать достоянием американцев, — пишет **«Сегодня»**. — Не секрет, что США хотели купить одну ракету С-300, чтобы выяснить, отчего же многие специалисты ценят ее достоинства выше американских «Пэтриотов». Москва же заявила, что в розницу С-300 не торгует, предложив купить целый комплекс. Американцы поскупились».

13 МАРТА, по информации **«Независимой газеты»**, в Бутырской тюрьме в башне, где сидел в ожидании казни Емельян Пугачев, открылся необычный музей, рассказывающий об истории Бутырского тюремного замка. Входной билет для российского гражданина стоит 50 рублей, для иностранца — в два раза дороже. За дополнительную плату желающие могут попробовать настоящую тюремную баланду и вдоволь поваляться на нарах. Полученные от музея средства пойдут на оплату бензина для перевозки заключенных. Если дела пойдут успешно, музей можно будет расширить, откачав воду из двух подземных этажей башни, ныне совершенно затопленных.

Кстати, несмотря на трудности, положение в современной Бутырке сейчас гораздо лучше, чем в начале века. Газета приводит официальные цифры тюремного департамента, по которым в 1910—1911 годах в Бутырках умерло от разных заболеваний чуть меньше тысячи заключенных.

Еще одна новость, связанная с отечественной пенитенциарной системой, привлекла *в этот же день* внимание прессы. **«Общая газета»** сообщила, что 13 марта на перроне одной из станций московского метро были арестованы два врача из прежде печально известного Института им. Сербского. Задержание произошло в момент получения медиками взятки в размере пяти тысяч долларов от родственников одного из пациентов института, которому медики, получившие мзду, гарантировали официальный диагноз, освобождающий его от ответственности за совершенное преступление.

В эти же дни печать комментирует решение Мстислава Ростроповича «никогда больше не выступать в России». «Я буду выступать только там, где меня хотят слушать и слушают с удовольствием, а не там, где говорят, что я уже «конченый» и чуть ли не насильно навязываюсь со своими концертами, — цитирует газета **«Сегодня»** интервью музыканта. — Когда я сел в самолет после моего московского концерта в честь Солженицина и прочел в какой-то газетке писания обо мне какого-то критика, я просто обалдел».

«Коммерсант-daily» так объясняет решение музыканта: «Обида всемирно признанного музыканта понятна и объяснима. Все его крупные русские проекты последних лет — возобновленная редакция оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», «Военный реквием» Бриттена и опера Слонимского были уязвимы по музыкальной части. И даже высокий общественный статус Мстислава Ростроповича не спас акции с его участием от профессиональной критики».

«Общая газета» тоже цитирует обиженного Ростроповича: «В Самаре было мое последнее выступление. Теперь — всё! Кончено!»

15 МАРТА «Новой газете» удалось узнать об одном из самых засекреченных проектов из мира отечественного кино — начавшихся еще в феврале в обстановке глубокой тайны съемках 16-ти серийного телесериала «Каменская» по мотивам детективов Александры Марининой. Самый дорогой проект в современном российском кинематографе, по данным **«Новой газеты»**, будут снимать ударными темпами, рассчитывая завершить работу за шесть месяцев, чтобы в сентябре первая серия уже пошла в эфир. Многие съемки проводятся прямо на Петровке 38. В главной роли женщины-следователя Настасьи Каменской снимается актриса Елена Яковлева.

«К предложению сыграть женщину-сыщика я вначале отнеслась с прохладцей, — сказала Яковлева в интервью **«Новой газете»**, — но потом прочла одну книжку, другую, третью и — втянулась».

16 МАРТА «Сегодня» сообщила о том, что прокуратура Ростова-на-Дону отказала в возбуждении уголовного дела по «антисемитским высказываниям» генерала Альберта Макашова. «Следователи и эксперты сочли, что высказывания генерала хоть и лишены изящества, но не содержат призыва к еврейским погромам, — писала газета. — Не приходится сомневаться, что казачьи атаманы могли представить Макашова чуть ли не голубем мира, но вот лингвистический анализ спича Макашова вызывает недоумение: не усмотреть в нем разжигания межнациональной вражды можно лишь при большом желании!»

В этот же день, по информации **«Независимой газеты»**, начались учения «Воздушный мост-99», в которых задействованы оперативные группы Московского и Ленинградского военных округов, части Балтийского флота, а также Московского округа ВВС и ПВО. Всего в учениях принимало участие около ста самолетов, включая истребители СУ-27 и МиГ-31, бомбардировщики СУ-24, штурмовики СУ-25 и самолеты контроля воздушного пространства А-50, а также 12 тысяч военнослужащих. Одновременно на Дальнем Востоке прошли учения 326-й дивизии тяжелых бомбардировщиков, а в Костроме состоялось десантирование 700 парашютистов. По сообщению **«Независимой газеты»**, «маршал Сергеев отметил, что происшедшие учения — это пример применения сил быстрого реагирования, к созданию которых стремятся сейчас все армии мира».

В этот же день пресса сообщила об отставке председателя Государственного таможенного комитета 47-летнего Владимира Драганова, пробывшего в этой должности чуть более 10 месяцев. **«Московские новости»** цитируют по этому поводу самого Драганова: «О возможности моего снятия с должности я узнал на второй минуте после моего назначения и потом почти год я пребывал в состоянии ожидания».

«Я поднадоел тем, что не красный и не белый, не правый и не левый», — цитировала другое интервью с бывшим «таможенником номер один» **«Независимая газета»**. «Послуж-

ной список Драганова можно назвать образцовым, — продолжала газета, — он прошел все ступеньки таможенной служебной лестницы».

«Новые Известия» приоткрывают завесу тайны над причинами внезапной отставки столь перспективного чиновника. «Среди появившегося в последнее время в прессе и эфире «негатива» о бывшем главе ГТК фигурируют его якобы чересчур близкие отношения с некоторыми западными фирмами (в их числе называют компанию «Филип Моррис»). Это уже попахивает коррупцией».

Официальные же обвинения против Драганова, перечисленные **«Советской России»**, звучат традиционно: «ГТК не выполняет план по сбору таможенных платежей, не ведет борьбы с преступностью и коррупцией».

18 МАРТА чуть было не начался крупный скандал в отношениях между Москвой и Баку после того, как в бакинском аэропорту таможенники задержали российский самолет АН-124 «Руслан», в котором находились шесть разобранных самолетов МиГ-21, не указанных в документах. «По версии самих пилотов, — сообщали **«Известия»**, — самолет следовал из Казахстана в Пхеньян и находящиеся на его борту МиГи — это машины, списанные в металлолом». Арестованный экипаж был освобожден через десять суток, но, как прокомментировала газета **«Сегодня»**, в этой истории «по-прежнему остается множество темных пятен». Газета отметила, что «Юрий Лужков считает, что у Баку были все основания для задержания «Руслана» и возбуждения уголовного дела против сопровождавших военный груз лиц».

В этот же день, по сообщению газеты **«Известия»**, Совет федерации заслушал доклад комиссии по расследованию причин кризиса 17 августа. Комиссия работала почти семь месяцев под руководством Валентины Пивненко и пришла к выводу, что главными виновниками событий 17 августа стали Сергей Кириенко, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Федоров, Сергей Задорнов и Михаил Дубинин. По данным комиссии, сообщают **«Известия»**, общие потери России в результате событий 17 августа составили 100—150 миллиардов рублей.

«Комиссия предложила сенаторам обратиться к президенту и правительству, — пишет газета, — с призывом принять меры к тому, чтобы лица, участвовавшие в подготовке и принятии решений 17 августа, не могли больше занимать никаких должностей ни на государственной службе, ни в организациях, в которых имеется доля государственной собственности».

«Комиссия установила, что Кириенко привлек экспертов без необходимых в таких случаях мер по защите конфиденциальной информации от ее использования в коммерческих интересах, а также в ущерб интересам России, — писала **«Советская Россия»**. — Комиссия констатировала грубые нарушения Дубининым, Чубайсом, Кириенко установленных законом требований к соблюдению гостайны, обеспечению национальной безопасности. Собственно говоря, для всех нас подобные откровения очевидны, но впервые они были высказаны официально, высшим законодательным органом страны».

В этот же день пресса сообщила о подписании президентом Ельциным указа об уголовной ответственности работодателей за невыплату заработной платы, если на счету предприятия есть деньги. **«Независимая газета»** писала, что при невыплате зарплаты более чем за два месяца, виновные руководители предприятий «могут наказываться штрафом в размере от 100 до 200 минимальных размеров оплаты труда либо лишением права занимать определенные должности на срок до пяти лет». Лучше информированный **«Коммерсант-daily»** упоминает еще одну кару для виновных администраторов — тюремное заключение сроком от 3 до 7 лет. До подписания президентом указа, пишет газета «суды брались за трудовые дела с большой неохотой, разбирательства продолжались годами и дело чаще решалось не в пользу наемных работников. Теперь с принятием поправок у них гораздо больше шансов наказать своего работодателя и получить причитающуюся зарплату».

19 МАРТА оказалось для России днем, насыщенным самыми разными событиями. Даже началось оно трагично — с пожара. По сообщениям **«Известий»** в ночь на 19 марта в Вологодской области полыхнуло здание одного из корпусов психоневрологического интерната в поселке Михайловском примерно в 250 км от Вологды. В огне сгорели 20 больных. Позже **«Новые Известия»** сообщат о выводах следствия, по которым корпус поджег один из пациентов интерната, за что-то обидевшийся на товарищей и администрацию.

В 11.40 утра страшной силы взрыв потряс центральный рынок Владикавказа, в результате чего погибло более 50 человек и около ста получили ранения. Для взрыва использовалось самодельное взрывное устройство мощностью в десять килограммов тротила, для пущей разрушительности еще начиненное гвоздями.

«Слухи о том, что центральный рынок будет непременно взорван, будоражили местное население на протяжении последних нескольких лет после осетино-ингушского конфликта осени 92 года. Последние два года об этом несколько подзабыли, но летом 98-го года разговоры о готовящемся теракте возобновились с новой силой, — писала **«Общая газета»**, — рвануло так, что ехавшего в трехстах метрах мотоциклиста подбросило и перевернуло».

Анализируя причины взрыва и его выгоду тем или другим политическим силам, пресса приходит к разным выводам. **«Коммерсант-daily»** считает, что «организаторы взрыва хотели добиться войны, отвлечь внимание от Чечни и спровоцировать войну Осетия—Ингушетия».

«Независимая газета» полагает, что главной целью организаторов чудовищного теракта был срыв переговоров Примакова и Масхадова, начало которых планировалось на 20 мая в том же Владикавказе.

«Труд» не исключает мотивов личной мести. «Накануне к длительным срокам заключения во Владикавказе были приговорены два чеченца, участвовавших в сентябре прошлого года в поджогах домов и вагончиков вынужденных переселенцев из Ингушетии. Не исключается, что взрыв — месть со стороны их близких».

«Московские новости» считают, что взрыв мог быть с такой же степенью вероятности и делом рук ингушей, у которых сгорели дома — и «хозяева, не зная, кому мстить, решили наказать всех». А потом указывает еще на одно возможное последствие взрыва: «Когда забудется взрыв, останется одна страшная проблема. В пятницу, сразу после взрыва в больницах моментально закончились запасы консервированной крови и стали принимать донорскую без долгой проверки на ВИЧ, стремясь сейчас спасти человеческую жизнь. Смерть смертью погоняет».

19 марта тряхнуло и российский политический Олимп — президент Ельцин подписал указ об отставке главы президентской администрации Николая Бордюжи «в связи с переходом на другую работу».

«Есть все основания полагать, что должностью Бордюжа поплатился за целый ряд непростительных ошибок, вызвавших полное разочарование Ельцина в руководителе своей администрации», — писала газета **«Сегодня»**, перечисляя возможные промахи опального чиновника, который «прохлопал письмо Примакова спикерам обеих палат парламента» и «плохо подготовил отставку Бориса Березовского». А ситуация с несостоявшейся отставкой Юрия Скуратова стала последней каплей, переполнившей президентское терпение. **«Коммерсант-daily»** как главную причину отставки Бордюжи тоже назвал его неспособность избежать скандала, связанного с отставкой Юрия Скуратова.

«Борис Ельцин не высказал отставнику напрямую каких-либо упреков по его работе в качестве главы администрации, — писала **«Независимая газета»**, — однако по мнению других наблюдателей, отставка Бордюжи напрямую связана с просчетми в работе руководства администрации и вызванной этим недостаточной информированностью главы государства о внутриполитической ситуации в стране».

В тот же день Генпрокуратура, несмотря на бури, сотрясающие ее стены, продолжала работать в обычном режиме и предъявила вдове генерала Льва Рохлина Тамаре Рохлиной обвинение «в совершении умышленного убийства». По сведениям **«Коммерсанта-daily»**, вдова генерала выслушала обвинение в камере СИЗО «Капотня», где она сидела вместе с 15 другими заключенными женщинами. «Тамара Рохлина, — продолжала газета, — хочет, чтобы ее дело рассматривали присяжные. Только они, по ее мнению, смогут восстановить истину».

В связи с обвинениями против вдовы генерала **«Сегодня»** цитирует главный вывод следователя по особо важным делам Николая Индюкова, ведущего это дело: «как следует из материалов дела, Тамара Рохлина, проводив гостей и выпив вина и пива, взяла пистолет супруга, поднялась в спальню и застрелила спящего мужа, а оружие тщательно сполоснув и вытерев насухо, выбросила в окно».

23 МАРТА в Москву прилетела из Швейцарии федеральный прокурор этой страны Карла дель Понте. «Целью визита должно стать развитие сотрудничества двух прокуратур в борьбе с организованной преступностью и отмыванием «грязных» денег, — писали **«Известия»** о целях поездки. — В Берне удалось выяснить, что один из вопросов, которыми Карла дель Понте планировала заняться в Москве — расследование коррупции в связи с делом компании «Мабетекс», той самой, которая занималась восстановлением Белого Дома после событий 1993 года, реконструировала здания Госдумы, Счетной палаты, Совета Федерации. В 1997 году именно через эту компанию были приобретены две яхты для президента Ельцина стоимостью в полмиллиона долларов. Последний проект «Мабетекса» в Москве — реконструкция гостиницы «Белград-1», которая принадлежит администрации президента.

Газета **«Советская Россия»** сообщила, что в числе вопросов, которые Карла дель Понте собирается обсудить в Москве, будет «проблема бегства капиталов из России и вопрос о том, какое содействие может оказать Швейцария в возвращении незаконно размещенных за пределами России средств». По данным газеты, беседы Карлы дель Понте с ее российским коллегой Юрием Скуратовым в общей сложности длились 10 часов.

Вечером *того же дня*, точнее — в 21 час 15 минут по московскому времени премьер-министр Евгений Примаков, летевший в США для встречи с Альбертом Гором и другими представителями американского руководства, узнав о начале воздушных ударов НАТО по Югославии, приказал развернуть свой самолет обратно в Россию.

«Приняв решение развернуть самолет в Москву, премьер не мог не осознать, что меняет всю внутриполитическую и экономическую картину в России. Изменивший курс самолет — некий зловещий символ нынешнего дня», — писали **«Известия»**.

С резкой критикой поступка премьера выступила газета **«Коммерсант-daily»**, которая в те дни писала: «Евгений Примаков в Америке должен был договориться о выделении России кредита МВФ почти в 5 миллиардов долларов. Он должен был добиться от США согласия на реструктуризацию долгов, которые наделали коммунистические правительства СССР. Он должен был подписать с США договоры, принципиально важные для национальной экономики. Точную сумму назвать сложно, но после разворота премьерского самолета в небе над Атлантикой Россия потеряла никак не меньше 1 миллиарда долларов. Для полноты картины Евгению Примакову нужно было не отменять визит в воздухе между Шенноном и Вашингтоном. Ему нужно было завернуть, к примеру, на Кубу и встретиться с Фиделем Кастро. Друзьям всегда найдется о чем поговорить. Другой вопрос, что Примаков больше не может называть себя премьер-министром России, страны, интересы которой он продал».

«Итоги» и **«Общая газета»**, напротив, обратили внимание на значительную поддержку внутри страны поступка премьер-министра. «Забыв на время старые обиды и разногласия, — писали **«Итоги»**, — коммунисты и демократы, жириновцы и лужковцы, западники и славянофилы — перво-наперво дружно одобрили решение Примакова

развернуть самолет». **«Общая газета»** сообщила об опросе общественного мнения, проведенном Агентством региональных политических исследований, по которому «более половины опрошенных не верят, что премьер-министр заслуживает критики (верят лишь 13%). Если бы президент надумал отправить нынешнее правительство в отставку, более 58% граждан не одобрило бы это решение».

Пресса сообщила о назначении Александра Волошина на должность главы президентской администрации. «Волошин участвовал в развитии концерна «AVVA», что, понятно, позволяет некоторым называть его человеком Березовского. Ему приписывают соавторство в написании экономической программы Александра Лебедя, — писал **«Труд»**, — Но и это еще не говорит о какой-то политической ангажированности экономиста. Те, кто знает Волошина или соприкасался с ним по работе, отмечают независимость этого человека, его аналитический ум, чувство юмора».

24 МАРТА более одного миллиона россиян, в свое время вложивших деньги в печально известный концерн «Тибет», с волнением встретили сообщения прессы о том, что в столичный аэропорт Шереметьево-2 из Греции в наручниках доставили Владимира Дрямова, основателя «Тибета», который скрылся из России сразу же после того, как в августе 1994 года против него было возбуждено уголовное дело по признакам мошенничества (**«Сегодня»**).

Газета **«Известия»** утверждала, что сразу после исчезновения из России, Дрямов направился в Грецию, где преспокойно жил в одном из небольших городков, о чем греческие власти были прекрасно осведомлены. «Несмотря на многочисленные ходатайства Генпрокуратуры РФ греческие власти игнорировали факт нахождения Дрямова в международном розыске и не выдавали беглеца. Однако изрядно поиздержавшийся преступник решил освоить новый для себя вид бизнеса — угон автомобилей, на чем и попался, — писали **«Известия»**. — Его приговорили к полутора годам тюрьмы, а когда осталось отсидеть меньше половины срока — решили выдать России».

26 МАРТА состоялось заседание Совета Обороны стран СНГ, посвященное агрессии НАТО против Югославии. «Первую реакцию на югославскую проблему в рамках военной организации Содружества деликатно прокомментировал заместитель начальника штаба по координации военного сотрудничества стран СНГ генерал Алексей Агафонов: «Государства СНГ еще не успели сплотиться, чтобы выработать совместную позицию». Проще говоря, — писали **«Известия»**, — даже на декларативном уровне не удалось достичь полного согласия».

«Что касается нынешнего заседания, — комментировала газета **«Сегодня»**, — то оно стало своего рода перекличкой — все ли в строю в столь непростой момент. Оказалось — не все». По сведениям газеты, на август были намечены тактические учения вооруженных сил СНГ «Боевое содружество-99».

В этот же день в Москве получил дальнейшее развитие скандал, связанный с «делом Березовского». Главная военная прокуратура арестовала советника отдела по вопросам безопасности департамента военного сотрудничества и безопасности СНГ бывшего подполковника ФСБ Александра Литвиненко, того самого, кто инициировал скандал о якобы полученном им приказе убить Бориса Березовского.

«Березовский выразил возмущение действиями Главной военной прокуратуры, заявив, что сотрудники исполнительного секретариата СНГ обладают иммунитетом от национальной юрисдикции, а «арест продиктован чисто политическими мотивами», — описывала инцидент газета **«Сегодня»**. — Однако представители Главной военной прокуратуры утверждают, что иммунитет распространяется только на действия при исполнении служебных обязанностей, а Литвиненко арестовали по подозрению в действиях, совершенных им в бытность сотрудником ФСБ».

28 МАРТА в Москве неизвестный предпринял попытку обстрелять посольство США из гранатомета. Акция, к счастью, не удалась, но террористу удалось скрыться. Инцидент

произошел на фоне массовой акции протеста у стен посольства против натовских бомбежек Югославии. «Акция протеста возле американского посольства, омраченная в воскресенье террористическим актом, привела только к одному результату, — писал **«Труд»**. — Перепуганные сотрудники дипмиссии вчера не выдавали нашим согражданам визы. В остальном работа в миссии шла в обычном режиме. Правда, американцы стараются не приближаться к окнам. Претензий к работе российских спецслужб дипломаты не высказывают, наоборот, утверждают, что работают с ними в тесном контакте».

Газета **«Сегодня»**, анализируя версию о причастности к инциденту российских спецслужб, пришла к следующему выводу: «Намеки на причастность к воскресным событиям на Новинском бульваре спецслужб, прозвучавшие в тот же день из уст некоторых ультра на митинге у посольства США, не выдерживают никакой критики. Подобная провокация не в их интересах. По словам экспертов спецслужб, это действительно провокация и провокация наглая, но не профессиональная».

Сообщая о митингах у стен американского посольства, **«Независимая газета»** писала, что «за последние дни в окрестных магазинах были скуплены все банки с лечо югославского производства, которые затем полетели в здание посольства».

30 МАРТА произошли сразу четыре важных события — президент обратился с ежегодным посланием к Федеральному собранию, наконец-то был оглашен приговор убийцам президента Федерации хоккея России Валентина Сыча и Владимир Путин, руководитель ФСБ, получил назначение на должность секретаря Совета безопасности, а премьер-министр России Евгений Примаков прилетел в Белград для встречи со Слободаном Милошевичем.

«В послании Федеральному собранию были критика, самокритика и, понятно же, очередные задачи построения «светлого будущего», до которого по-прежнему далеко, — кратко резюмировал содержание послания президента **«Труд»**. — «Первое такое послание, подписанное Президентом 24 февраля 1994 года было встречено с большим интересом. В нем содержались достаточно честные резкие оценки ситуации, откровенный анализ ошибок и просчетов, перечень задач, важнейшая из которых — продвижение к социальному государству через рыночную реформу. Однако большинство этих задач выполнено не было. Все последующие подобные документы тоже отличались адекватными оценками, серьезным анализом ошибок и неудач, постановки целей. Но, как правило, все это оставалось лишь на бумаге. И постепенно обращения президента превращались как бы в ритуальное действо».

«Независимая газета» главным в послании посчитала то, что «президент считает необходимым государственное регулирование экономики. Тотальный пересмотр итогов приватизации недопустим. Государство должно вовремя и регулярно выполнять социальные обязательства».

По поводу суда над убийцами Валентина Сыча **«Известия»** писали, что «следствие пришло к выводу, что наиболее вероятный мотив убийства — дележка денег. Вокруг федерации было создано множество мелких коммерческих фирм, через которые проходили миллионы долларов, полученные от льготной продажи алкоголя и сигарет». С такой версией согласилась и **«Независимая газета»**, писавшая, что «Валентин Сыч был убит за то, что пытался бороться с финансовыми махинациями в Федерации хоккея». По данным газеты, гонорар киллеру составил 25 тысяч долларов. Газете **«Сегодня»** удалось выяснить, что убийца — бывший прапорщик, уволенный из армии за «аморальное поведение», проживающий ныне в Люберцах Вячеслав Пчелинцев. Киллер был приговорен к 19 годам лишения свободы, часть из которых он проведет на принудительном лечении от наркомании. Заказчиком убийства суд признал хоккейного арбитра Александра Артемьева. «Вердиктом коллегии присяжных, — писала **«Независимая газета»**, — он был признан виновным в организации одного из самых громких убийств за последние годы и приговорен к 15 годам лишения свободы».

Всеобщее внимание привлекла новая должность главы ФСБ Владимира Путина — его назначение секретарем Совета Безопасности. «Выбор Путина в качестве секретаря СБ вполне логичен. Известно, например, что глава ФСБ спустил на тормозах шумную историю о якобы готовившемся покушении на исполнительного секретаря СНГ», — писала газета **«Сегодня»**.

«Президент предпочел, чтобы контроль над силовыми структурами в условиях возможного начала процедуры импичмента осуществлял силовик, а не гражданский чиновник, — комментировала **«Независимая газета»**. — Реальная альтернативная кандидатура в лице директора Службы внешней разведки Вячеслава Трубникова не прошла, видимо, из-за его близости к Евгению Примакову, что в нынешних условиях является далеко не лучшей рекомендацией в глазах президентского окружения».

«Выходец из европейского отдела разведки, он не может быть протеже Евгения Примакова, всегда симпатизировавшего в СВР так называемой «индийской мафии», — комментировали **«Известия»**. — Скорее всего назначение Владимира Путина стало следствием «кадрового голода» в администрации президента, вынужденной вернуться к старым и опытным профессионалам».

Пресса единодушно отметила важность визита Евгения Примакова в Белград. **«Известия»** остановились на его внешней стороне. «По прибытии Евгений Примаков был краток. «Идет война. Варварские бомбардировки не прекращаются. Мы прибыли сюда по указанию президента, чтобы попытаться перевести процесс в политическое русло и попытаться путем политических консультаций найти приемлемое решение».

«Коммерсант-daily» проанализировал ситуацию с другого угла зрения: «Примаков основательно подготовился к визиту. Накануне он говорил по телефону с президентом Франции, премьером Италии и канцлером ФРГ. Эти переговоры должны были стать еще и сигналом Белграду, что Примаков будет говорить не только от своего имени. Но одновременно он созвонился с Александром Лукашенко. Тот связался с Милошевичем и заверил его в готовности «оказать Югославии любую необходимую помощь». Это уже был сигнал Западу, где сразу же возникли опасения, а не подключает ли Примаков к урегулированию Минск в качестве возможного поставщика оружия для Белграда».

Обзор подготовил Аркадий Тагунов.

МЫ И НАШ ПРЕЗИДЕНТ

Карьера Бориса Ельцина близится к концу. Даже если конец ее не настолько близок, как пророчит разнокалиберная политическая шатия, основные ее события и вправду остались, по-видимому, позади — и пора хотя бы начерно разобраться, каков был ход и смысл этой карьеры. Начерно — потому, что в восприятии нами нашего первого президента нет пока и намека на согласие; не оформились и альтернативные оценки его самого и его деятельности. Не считать же, в самом деле, вариантом оценки еженедельные проклятия в прохановских передовицах, в истерике которых самые несомненные факты кажутся лганьем, или поминутные пожатия плеч разочарованных шестидесятников. Противоположная названным точка зрения даже в официозах высказывается какой-то непрожеванной скороговоркой — и столь же далека от убедительности.

Возможно, общепризнанный образ Ельцина не сложился ещё и потому, что русская литература не заготовила ячейки, куда наш ленивый ум мог бы с облегчением его поместить. С его предшественником было проще:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда, —

готовый каркас того самого портрета, который пусть не сразу, но нарисовался в российских головах. Про Ельцина такой подсказки нам не дано — рассуждения его отставного пресс-секретаря о том, что в натуре Ельцина с «народным героем Дубровским» уживаются «Собакевич и Ноздрёв, отец-Карамазов и его сын Дмитрий», своей вздорной эклектичностью скорее характеризуют автора, чем его предмет. А раз нет готового шаблона, тем более необходим анализ.

Однако создается впечатление, что как раз в серьезном анализе этой фигуры никто не заинтересован: политикам для их нехитрых нужд хватает двух-трех относящихся к президенту клише, простой публике разговоры о нем давно надоели. Дальше я попытаюсь показать, что это отсутствие интереса — по крайней мере, отчасти — диктуется самосохранением: мы если не понимаем, то догадываемся, что вглядываясь в феномен Ельцина, можем увидеть много невеселого о самих себе. Пока же ограничусь констатацией: все, кто вообще заговаривает на эту тему, склонны без обиняков отнести разбирательства в неопределенное будущее — история, де, вынесет свой приговор.

Александр ПРИВАЛОВ — родился в 1950 году в Москве. Окончил механико-математический факультет МГУ. Кандидат экономических наук. Работал в НИИ экономики, с 1992 — в журналистике. В настоящее время — заместитель главного редактора газеты «Известия». Живет в Москве.

Черта она вынесет. Вынесла ли она свой приговор, например, Наполеону? или Ленину? Хочешь считать любого из них величайшим гением — считай; одержимым мясником — и на это у нее нет возражений. История не будет знать о Ельцине ничего стоящего, чего не знаем мы, и будет понимать в мотивах его поступков меньше нашего — просто в силу большей временной, а значит и психологической отдаленности. Правда, истории будет известен итог его деятельности. Ну, так это — не главное; и тот же Наполеон, и тот же Ленин кончили достаточно скверно, что не мешает множеству людей их обожествлять. Так что приговора истории ждать не стоит.

Однако совсем не грешно было бы при этом отметить, что Ельцин единогласно сочтен достойным ее суда. И это признание исторического масштаба его личности — никак не банальность. Первый из двух лидеров, при которых изменилась наша страна, потому и вылетел из «процесса», как только тот, по его же излюбленному выражению, «пошел», что личность его оказалась несоизмеримой с событиями, в изрядной мере им же и спровоцированными. Ельцин же доказал, что событиям *вровень*, — доказал уже тем, что остался в их центре. Он равновелик — не в оценочном, а в математическом смысле слова — всему десятилетию драматических перемен, проведенному им на авансцене, поэтому хвалы и хулы ему еще мало что о нем говорят. Достойным делом было бы прежде всего попытаться его *понять*. Это ведь почти то же самое, что понять эпоху, а в таком начинании даже неудача почетна.

Попробуем.

История легенды

Живая власть для черни ненавистна — еще ненавистнее ей власть полуживая. У Ельцина всегда было много врагов, сегодня у него почти не осталось друзей. «Дедушка достал» — типичная фраза людей демократических воззрений и капиталистического образа жизни. До такой степени «достал», что стало почти невозможно в приятельском кругу произнести о нем доброе слово — во всяком случае, без саркастического довеска. «Силен старик, когда просыпается», — так ещё можно, тебе ответят понимающей улыбкой; просто «силен старик» — уже нельзя. Он самим своим существованием, каждым появлением на телеэкране порождает столь сильную досаду, что призывы к его уходу ни у кого не вызывают желания возразить — даже когда исходят из уст опасных или заведомо никчемных людей. Казалось бы, так просто — спросить у очередного народного трибуна: ну хорошо, малыш, дедушка уйдет — ты понимаешь, что на его месте и трех дней не продержишься? Он, может быть, в глубине души и понимает — так ведь никто же не спрашивает.

При всем том вне стана коммуно-патриотов совсем не много людей, готовых вынести Ельцину уничижительный вердикт за всю его карьеру. Тон примерно такой: некие заслуги в прошлом, конечно, имелись, но теперь... Словом, был конь, да уездился. И опять-таки никто не задает простого вопроса: если он так явно уездился, почему же он по-прежнему сидит на самом верху и ни одного серьезного противника не видит? Ведь не может же быть — при тех-то волчьих нравах, которые даже не пытаются скрывать российские политики, — что его

щадят из почтения к сединам. А если у него были общепризнанные заслуги, почему в повседневной политической жизни о них не принято упоминать?

Нет, правда, чем больше всматриваешься в отношение России к своему первому президенту, тем больше недоумеваешь: какое-то оно на редкость невнятное и двойственное. Сказывается недостаток достоверных сведений — ведь сколько лет Ельцин на самом виду, а публика так о нем толком ничего и не знает. Он всегда в плотном ореоле легенд и сплетен — легенд для скудоумных. И невнятица, надо думать, проистекает из того, что легенды непрестанно менялись, описав почти полный круг. Давайте припомним по годам, что говорили о Ельцине, попытаемся выделить стрежень в многоводном потоке мнений о нем.

Середина 80-х — наш человек, борец с привилегиями, луч света (второй после Горбачева! единственный настоящий ему помощник!) в темном царстве замшелых коммуняк: поездки по Москве в троллейбусах, триумфальные визиты на заводы и в НИИ, безостановочные увольнения бюрократов низшего разбора под гул одобрения москвичей — так их, гадов...

Конец 80-х — нет, наверное, не второй — первый! Единственный, кто *не даст заболтать перестройку* (Господи, ведь такие фразы произносились совершенно всерьез!); гонимый тупыми партийцами, ненавидимый Генеральным говоруном за то, что режет ему правду-матку (и про антиалкогольного Лигачева! и про Раиску!), всенародный любимец: изгнание в Госстрой, таинственное падение с моста, выход из КПСС под телекамерами, межрегиональная депутатская группа...

(Именно тогда Ельцин был на пике — не успеха, это было еще впереди, но — признания. В нем видели и любили воплощение своих надежд и интеллигенты, и шахтеры. О содержании этих надежд — чуть позже, пока же отметим: только запахло их реализацией — в августе 91-го, — как любовь удивительно быстро пошла на спад. Теперь многие искренне полагают, что у них ее и не было.)

Начало 90-х — народный герой, победитель осточертевшего коммунизма: стотысячные митинги, скандирующие «Ель-цин! Ель-цин!», триумф на президентских выборах в РСФСР, речь на танке в дни путча, унижение Горбачева — опять-таки перед телекамерами! — требованием публично признать роль компартии в истории с ГКЧП. Затем — гарант демократии и прогрессивных реформ в России, неколебимый оплот против переходящего в контратаку советского начальства.

Однако в те же самые месяцы заговорили уже и совсем другое: хороший, конечно, человек, всё еще «наш» — но закваска-то в нем обкомовская. Прорабов перестройки слушает вполуха, а вскоре и совсем перестает, окружает себя какими-то тусклыми и даже подозрительными людьми, с Гайдаром совершенно оскандалился (тут надвое: одни ставят в вину Ельцину, что передоверил вожжи этому полоротому, другие — что «сдал» душку-экономиста левым; но крайне недовольны все). Публика еще вполне доверяет своему президенту — вспомним блестящую его победу на очень непростом референдуме 1993 года, — но потом наступает октябрь и всероссийская любовь кончается.

Расстрел Белого дома наносит ей, по-видимому, непоправимый урон. Хотя пагубность поведения белодомовских сидельцев явлена полной мерой, слухи, сразу склубившиеся вокруг событий (и о тысячах трупов, вывезенных через подземные ходы, и о том, что не случайно почти все снаряды легли в окна одного

этажа: жгли компьютерный центр и архив), клонятся большей частью к осуждению Ельцина.

Середина 90-х — неумолимый спад его популярности. Характерно, что чеченская война не вызвала вопроса «как он мог?» — *такого* от него уже ожидали. Молва о нём окончательно раздваивается, оба рукава становятся всё более неприязненными. Его винят и в обвале жизненного уровня, и в непоследовательности реформ (Ельцин через несколько лет признает оба обвинения, сказав в недавнем интервью: «Мы были одновременно и плохими либералами, и плохими социал-демократами») — и его рейтинг скатывается к февралю 96-го до жалких шести процентов. Это после 89% на выборах в народные депутаты СССР и 57% на первых президентских выборах! Слух о том, что президент настолько нездоров, что исполняет свои обязанности чисто формально, становится, несмотря на все опровержения (если не благодаря им), почти общепризнанной очевидностью.

Далее — президентская кампания. Рывок за четыре месяца от 6% до 53% — феноменален и прямо свидетельствует о том, что старая любовь не ржавеет. С другой же стороны, слишком заметная часть этого рывка объясняется выбором наименьшего из двух зол — образованная публика только об этом мотиве голосования и говорит. Неадекватность физического состояния президента после страшных кадров его инаугурации уже ни у кого не вызывает сомнений. Одни жалеют его, другие — негодуют. Впрочем, в конце года, когда Ельцина оперируют, подавляющее большинство искренне желает ему выздоровления.

Конец 90-х — Ельцин в общественном мнении сходит на нет. Всё громче звучат обвинения в том, что на самом деле он не правит, а служит марионеткой в руках то одного, то другого кукловода. Его спорадические «пробуждения» осуждаются почти безоговорочно. Если кто-либо и выражает публично сомнения в том, что президент — безвольная игрушка в руках бесконечно злокозненной «семьи», то выражает он их таким тоном, чтобы слушателям было понятно: в принципе-то он разделяет всеобщее убеждение, но знает кое-какие неведомые простому народу детали, которые заставляют его делать оговорки.

Итак, за неполных десять лет молва превратила Ельцина из народного героя в бессловесный палисадник, за которым произрастают враги народа; из неостановимого победителя — в необратимо проигравшего, — при том, что никто и не пытается похвалиться одержанной над ним победой...

Воля ваша, как-то всё это не слишком убедительно. Что-то тут не так.

Чисто как дети

По мне, тут почти всё не так. Я не о том, какова была доля истины в слухах на каждом из перечисленных этапов, — мне, как и большинству сограждан, этого доподлинно знать не дано: не вхожи мы в узкий круг посвященных (судя по мемуарам его экс-приближенных, так и слава Богу)*. Я о том, что мне кажутся

* Работая над этой статьей, я не избежал соблазна порасспросить кое-кого из своих знакомых, в разные времена входивших в этот «узкий круг». Разумеется, этот всплеск малодушия никакого полезного результата не дал, но могу засвидетельствовать, что все они ответ на вопрос: «Что ты думаешь о Ельцине?» — начинали, а то и ограничивали словами: «Ты многого не знаешь».

очевидными по меньшей мере два возражения против использования этой меняющейся во времени молвы в качестве основы для суждений о Ельцине.

Во-первых, эта молва была воистину народной только в самом начале: когда Ельцин появился в Москве, официозная пропаганда никак его не выделяла среди прочих высоких чинов, а ничего *не*официозного тогда не было — так что всё, что о нем говорилось, действительно говорил народ. Когда на кандидата в члены Политбюро разозлился Горбачев, официоз зарычал на полную мощность, но публика, неукоснительно понимающая начальство наоборот, поношения Ельцина трактовала в его пользу. А вот дальше дело пошло иначе.

Про императора Павла сказано, что его историю писали его враги. Случай, к сожалению, не уникальный — и молву о Ельцине формировали тоже не друзья. Нет, поначалу практически вся интеллигенция (или, если угодно, образованщина), все властители дум взахлеб читающей публики были на стороне Ельцина — и голоса в его поддержку явно превосходили хулителей и числом, и звучностью. Но потом произошло то, чего никто, по непривычке к более или менее свободной речи, не ждал: поддерживать и защищать своего лидера публицистам надоело. Их можно понять: люди в этом лагере были большей частью одаренные и не без оснований дорожащие своим именем. А одарённому человеку оказалось невыносимо трудно заставлять себя талдычить изо дня в день, из недели в неделю одно и то же с незначительными вариациями: мало того, что самому скучно, так читатель охладеет! коллеги скажут, что исписался! Многие вспомнили о том, что истинный интеллигент должен быть в вечной оппозиции — да и как об этом не вспомнить, если оппозиционность наконец-то ничем не грозит... Недруги же Ельцина такими нежностями не смущались и свои шарманки крутили без передышки — и мало-помалу хула становилась всё слышней, а ведь повторение, что ни говори, — истинная мать учения. Так что дивиться всё более негативному тону пересудов публики о Ельцине не приходилось бы и при более удачном течении дел в державе, и делать какие-либо выводы, ориентируясь на переливы этого тона, попросту несолидно.

Во-вторых — и это гораздо важнее, — при всех своих поворотах молва исходила из одного и того же, никогда эксплицитно не формулируемого постулата: *Ельцин взялся привести нас к светлому будущему.* Поэтому мы охотно увили бы его лаврами, если бы в оном будущем оказались; но этого нет — значит, он и только он головой ответит нам и за всякое промедление по дороге к всеобщему блаженству, и уж тем более за всякое ухудшение нашего повседневного бытия.

Ясно, почему этот постулат не произносится вслух — уж больно жалко он звучит; но не расслышать его в сердцевине «общественного мнения» невозможно. Забавно, что как раз враги президента отчетливо понимают нелепость неизменных обвинений одного человека во всех бедах национального масштаба — и слаженно кро́ют «банду Ельцина». Друзья же его первых лет, лучше других знающие, что либо никакой банды Ельцина вообще не существует, либо к ней неизбежно причтены и они, любимые, по поводу распределения ответственности скромно помалкивают. Так что и с этой точки зрения никакого дива и никакой базы для серьезных оценок во всеобщей молве, обвиняющей президента, нет.

А основания для серьезной печали — есть. Мы говорили о надеждах, которые огромная часть советского общества возложила на плечи Ельцина и чуть ли не

отождествила с ним. В чем же они заключались? Та их часть, о которой больше всего говорили (исподтишка, а там и во весь голос), — избавление от семидесятилетней коммунистической тирании — неожиданно быстро сбылась. Та их часть, о которой говорили меньше, но тоже вслух, — построение пригодного для жизни общества — пока не сбылась, но она и не могла так быстро сбыться: перефразируя любимую советскую поговорку, строить — не ломать. Почему же Россия в первые же годы своего нового пути оказалась гигантской иллюстрацией к термину *кризис ожиданий*?

Да потому что главная-то надежда была в другом — в том, что вся беда не в нас, а в системе, а потому, как только «КПСС даст порулить», мы — прямо вот такие, какие мы есть — сразу заживем, как на баснословном Западе. Каждый из нас по отдельности, взрослый человек, понимал, что так не получится. Но все мы вместе — и публицисты, и шахтеры, мы как *общество* — надеялись именно на это, а когда стало окончательно ясно, что этого все-таки не будет, виноватым оказался Ельцин. Вам, боюсь, это так же неприятно читать, как мне неприятно это писать — но «что делать, надо же правду говорить», как в подобных случаях ритуально оправдываются искандеровские чегемцы.

Contra

Так что если мы хотим понять Ельцина, нам следует забыть всё, что нам о нем говорили (или что мы о нем говорили — это практически одно и то же), и ограничиться рассмотрением того, что мы о нем твердо знаем. Таких знаний немного — всего-то два бесспорных, на мой взгляд, суждения, — но парадоксальным образом из них оказывается возможным извлечь некие, пусть и предварительные выводы. Одно из этих суждений, по распространенной системе отсчета, принято считать негативным, другое — скорее позитивным; вот я и разношу их по главкам «Contra» и «Pro», хотя на самом деле они неразделимы.

Первое и главное, что все мы знаем о Ельцине, — это его неимоверная, не признающая никаких преград воля к власти. Тут нет надобности ни в слухах, ни в показаниях действующих или отставных приближенных — достаточно взглянуть на телеэкран. С трудом двигающийся, с трудом говорящий, тяжело больной человек — он раз за разом, по-бычьи склоняя голову, повторяет: «Никуда я не уйду!» — какие еще нужны доказательства?

Вероятно, таким он был смолоду: те, кто не хотел — кто не очень хотел — власти, кто не жертвовал этому желанию всем, обком КПСС вряд ли возглавляли. Но секретарей обкомов было много, а о том, что именно свердловчанин жаждет власти неостановимее остальных, страна узнала тогда, когда его попытались этой самой власти — лишить. Не знаю, был ли прав Горбачев, решив, что кандидат в члены Политбюро Ельцин вознамерился копать под его трон; вероятно, был: политики в таких вещах не ошибаются. Как бы то ни было, генсек нанес превентивный удар, до какого отнюдь не всякий карьерист дослуживался и после которого ни один карьерист до Ельцина на ноги не поднимался. Будь у наказанного воля к власти на обычном обкомовском уровне, то есть вписывайся она хоть в какие-нибудь рамки и стереотипы, не поднялся бы и он. Однако он, как мы знаем, поднялся — и куда выше прежнего.

Когда кто-нибудь напишет толковую биографию Ельцина, главы, описывающие период от генсековского гнева до августа 91-го, будут читаться с тем же безотчетным восторгом, с каким мы в юности читали у Тарле главы о восхождении молодого Бонапарта. Как уж ты там ни относишься к заранее тебе известному будущему удачливого персонажа да и к нему самому, ты начинаешь за него болеть, ты ликуешь от того, как ему удаётся невозможное, как он, не имея, кажется, ни единого козыря, одну за другой бьет все карты противника, какой небывалой гиперболой взвивается его судьба. Как Бонапарт не должен был вернуться живым из Италии и Египта, так Ельцин не должен был победить. Но ведь победил, и сравнение — вовсе не такое натянутое, каким может показаться: сила его оппонентов была никак не меньше эскадры адмирала Нельсона.

На то, чтобы «не пустить в политику» снятого с МГК Ельцина, Горбачев направил всю мощь огромного государственного аппарата — правда, без репрессий. Но, во-первых, и без репрессий рычагов хватало: и печать, тогда еще надежно цензуруемая, и полный контроль над положением всякого смельчака, который решился бы помочь опальному вельможе, — да мало ли что еще?.. Во-вторых же, иные (кого бы вспомнить? да хоть Гришина, хоть Кунаева) тоже вылетели из политики без репрессий — кто из них в нее вернулся? Ельцин вернулся.

На то, чтобы предотвратить избрание Ельцина в президенты РСФСР, Горбачев, уже вполне оценивший силу соперника, к усилиям своих бесчисленных подчиненных присоединил и собственный, очень недюжинный дар политической интриги, и собственный, весьма еще немалый авторитет. Ельцин выиграл выборы в первом туре.

У меня нет сомнений, что основа этих побед — его немыслимая воля к власти. Что иное могло помочь ему? Разумеется, можно сказать, что к победе его вынес общественный подъём, но это псевдоответ: подъем мог вынести наверх и другого — мало ли было желающих! Так чем же взял Ельцин? Более точный расчет? Но, глядя из наших дней, трудно не признать: никто из действовавших тогда лиц не располагал ничем, что стоило бы называть расчетом. Более гибкое мировоззрение? Лучшее образование? Но образование гораздо лучшим было как раз у Горбачева; что же до мировоззрения, тут стоит разобраться.

В 1992 году добрые люди выпустили по горячим следам книжку «Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния»; этот сборник документов (стенограммы, интервью, статьи 1986—1991 годов) весьма поучителен. В начале книги читать обоих оппонентов равно невозможно: такое ощущение, будто жуешь грязную вату. Но уже к середине ельцинские речи начинают звучать более или менее по-человечески; горбачевские же — до самого конца в прежнем роде (даже в последние месяцы хорошо слышная в них личная обида не вытесняет привычного пустословия). Можно заглянуть еще дальше назад и перечесть выступления товарищей Горбачева М.С. и Ельцина Б.Н. на двадцать каких-то съездах КПСС, но это, слава Богу, необязательно: и так ясно, что к началу событий мировоззрения обоих протагонистов были практически неразличимы. Гипотеза о том, что у кого-либо из них за этой позднекоммунистической трескотней таились некие глубоко скрываемые убеждения, не должна, полагаю, и произноситься: оба они, не говоря ни о чем другом, были страшно занятыми людьми — и присутствие в их головах *иной*

идеологии, не совместимой с мириадами их повседневных занятий, можно вообразить лишь в форме легких, ни к чему их не обязывающих дуновений в часы досуга. Что есть, что нет.

Голову даю на отсечение — не возьмись система выкидывать Ельцина из власти, он еще долго оставался бы при убеждениях, общих со всей партийной верхушкой: крайний, нескрываемо циничный прагматизм, туго зашнурованный социалистическими табу, которые за время застоя были малость ошкурены, но по содержанию оставались вполне сталинскими. Не получи он по шапке от генсека — тоже продолжал бы упоенно зудеть о социалистическом выборе, сделанном то ли дедом, то ли бабкой, от которого ни за что на свете нельзя отказываться. (Простое, хотя и косвенное тому доказательство: потрясение, испытанное им в конце 80-х, почти не было связано с внешнеполитической сферой — и перемена его взглядов также этой области не коснулась: его внешняя политика остается — увы, mutatis mutandis — естественным преемником позднесоветской имперской немощи.) Но система отшвырнула его на обочину. В рамках принятых в ней правил игры — прежде всего в рамках принятых в ней табу, надежно и со всех сторон ограждающих власть партийной верхушки, — вернуться к власти было заведомо невозможно. И Ельцин вышел из этих рамок, начав открыто и агрессивно брать на вооружение всё более разрушительные для системы тезисы.

А брать было что. Знаменитая *гласность*, раскручивавшаяся уже помимо воли своего инициатора, вовлекала в оборот и делала остро модными всё новые и новые, с каждым разом всё более откровенные антикоммунистические идеи. К 90-му году не было угла, на котором не толковали, что во всем виноваты коммунисты («до чего страну довели!»), но толкующие таким образом люди не ощущали себя силой, способной что-либо всерьез изменить. Не ощущались такой силой и проводники новых идей — фантастически популярные публицисты, ученые, художники, депутаты. Их слушали, раскрыв рот, их носили на руках, но им не верили — в том смысле, что не верили в возможность реальных последствий всех их разговоров. Ельцину же поверили безоговорочно: те говорят, а *этот* — сделает. Да, он ничего не придумал сам, он повторял то же, что раньше (и нередко лучше) говорили его соратники по межрегиональной группе, но звучало это совершенно иначе. Всё искреннее презирая КПСС, народ продолжал неосознанно считать, что ремеслом реальной власти владеет в стране только она — и ретранслирующий антикоммунистические идеи, источающий властность экс-кандидат в Политбюро Ельцин оказался неотразимым. Разговоры в его устах становились силой, к которой уже имело смысл, рванув рубаху, присоединиться, — и вслед за митингами, которые, как ни крути, всё же были только выпуском пара, начались забастовки, прямо ориентированные на Ельцина. Как говорят спортивные комментаторы, «остальное вы видели».

Вы скажете: чтобы так быстро и безошибочно оседлать ранее несвойственные тебе идеи и с их помощью получить поддержку народа, нужен талант — так ведь о том я и говорю. Талантом Ельцина и была его небывалая воля к власти. Чтобы удовлетворить ее, потребовалось стать эвентуальным гением — и Ельцин им стал*.

* Чего стоит хотя бы безошибочность, с которой Ельцин определил самое слабое звено в советской властной системе — Верховный совет РСФСР: по всеобщей молчаливой договоренности это была тупиковая контора, лишенная всяких реальных

И конечно, такое перенапряжение необычного таланта не могло пройти даром. Начиная с этого триумфа, Ельцин с болезненной подозрительностью относится к каждому, в ком хоть на минуту заподозрит намерение отнять у него власть. Не исключаю, что ревность этого рода была ему свойственна и раньше, но только после подъема на вершину пирамиды она могла овладеть им целиком. Уже не требовалось *карабкаться* — и все силы души, прежде яростно обращенные вверх, столь же непримиримо обратились вниз. Ельцин не раз давал своим соратникам огромные куски власти, но именно давал — как бы на подержание. Стоило получателю забыться и обнаружить признаки привычки к своему временному имуществу, как следовал удар медвежьей лапы — и горделивец летел прочь, а отечественные и зарубежные аналитики с каким-то малопонятным восторгом олухов заводили очередную песнь о не знающей аналогов ельцинской *непредсказуемости*. Какая тут, к дьяволу, непредсказуемость? Не исхитрись Бонапарт в свое время сделаться Наполеоном, защитившись от конкурентов коронацией, — можно не сомневаться, он поступал бы точно так же.

Этот мотив в поведении Ельцина общеизвестен; более того, в последние годы никакого иного мотива за ним, по существу, не признают. И если бы властолюбие действительно было *единственным* стержнем этого человека, приговор ему был бы очевиден — и уничтожающ. Однако мы не зря так забавно колеблемся, выводя итоговую оценку своему президенту. В нем было — и есть! — еще кое-что очень существенное.

Pro

Второе, что мы твердо знали и знаем о Ельцине — в нем практически без сбоев работает жестко встроенный механизм, не позволяющий ему ни сделать, ни спустить другим и единого шага к тем базовым инструментам, которые семьдесят лет обеспечивали незыблемость коммунистического государства. В сущности, это единственное, что президент делал и делает *сам*: он защищает и от врагов, и от соратников так называемые демократические ценности. Точнее говоря, две из них: свободу волеизъявления и свободу слова, — но этих двух и достаточно для того, чтобы возврат былого стал невозможен.

Происхождение этого редкостного механизма можно, вероятно, объяснять по-разному. Мне корень его видится в том, что Ельцин — кровный враг породившей его общественно-политической системы. Для него нелюбовь к коммунистическим порядкам не есть лишь плод размышлений и наблюдений; она базируется еще и на несмываемом оскорблении, которое система ему, способнейшему своему воспитаннику, нанесла, — а потому она не столько рациональна, сколько рефлекторна. С какой наивной гордостью президент однажды рассказывал телекамерам, как он, стремясь притушить очередной политический кризис, *«даже позвонил Зю-га-нову!»* Смысл похвальбы был ясен: смотрите, как я переступил ради дела через самые глубокие свои чувства! И мы понимали: позвонить лидеру коммунистов, далеко не самому одиозному из

полномочий. Но стоило Ельцину эту договоренность нарушить — и посыпалась вся конструкция Союза.

действующих политиков, действительно стоило Ельцину жесточайшего насилия над собой. Он — фанатик антикоммунизма. Над этим, если угодно, можно иронизировать, поминая Савла, ставшего Павлом, но отрицать это невозможно; а глубокая и не маскируемая нелюбовь главы государства к чему или кому бы то ни было — серьёзный политический фактор.

Может, впрочем, показаться, что это свойство президента не слишком сильно отразилось на ходе российских дел. При всем обилии новых политических институтов, коренные основы власти в России не так уж существенно изменились по сравнению с советскими временами. Но значит ли это, что Ельцин не смог или не захотел дать волю своей идиосинкразии?

Полагаю, вовсе не значит. Большинство его действий — во всяком случае, запомнившихся действий — могут быть так или иначе сведены именно к ельцинскому категорическому императиву: свобода слова и волеизъявления. Так, как было при коммунистах, при нём не будет! (С такой точки зрения получает, например, несколько иной смысл пресловутая ельцинская «система сдержек и противовесов»: ведь она создает надежную профилактику от покушений не только на верховную власть, но и на базовые свободы.) И это принесло результаты.

Вот мы только что говорили: система нынешней власти очень напоминает советскую. В самом деле, обкомов нет, но есть губернаторы — и «найти десять различий» удастся не каждому. На некотором градусе политического раздражения можно продолжить: ЦК нет, но есть администрация президента — хотя тут важные различия уже бросаются в глаза. А вот сказать: генсека нет, но есть президент — невозможно; всякий, кто хоть день прожил при «дорогом Леониде Ильиче» или даже при «архитекторе перестройки», прекрасно чувствует разницу. Единственной причиной непохожести вершин у похожих пирамид и оказался этот ельцинский императив (между прочим, напоминающий сократовского демона: тоже появился в зрелые годы своего носителя и тоже принялся диктовать ему вещи, ранее тому вроде бы не свойственные).

Под диктовку этого демона Ельцин совершил все главные свои поступки. В 91-м году он мог не сметать союзную власть, разроняв при этом треть территории государства (и две трети реальных рычагов управления тем, что осталось), а войти в неё победителем. Властолюбие его, надо полагать, удовлетворилось бы даже полнее: как-никак реванш был бы одержан на поле противника; но с базовыми ценностями пришлось бы сильно повременить — и Ельцин подписывает Беловежские соглашения. В 93-м, когда противостояние властей поставило страну перед казалось бы очевидным выбором: хаос или диктатура, он мог по вполне уважительным причинам избрать диктатуру — и получил бы поддержку большинства. Но разогнав парламент и танковой пальбой добившись его капитуляции, Ельцин немедленно проводит выборы — действительно свободные, по их исходу видно, как мало он использовал свои неограниченные полномочия для серьёзного влияния на них; он заставляет страну принять конституцию, безусловно гарантирующую базовые свободы. В обоих случаях наличие в действиях Ельцина холодного расчета столь неочевидно, что поневоле признаешь его поступки рефлекторными.

Отметим, кстати, что в обоих случаях наш герой подвергся сильнейшим и, полагаю, не вполне обоснованным поношениям. Что касается Конституции,

например, то общим местом стало позорное для него утверждение, что он навязал стране основной закон, изготовленный именно по его мерке, дающий ему недопустимо широкие полномочия. Да, конституция вышла не ахти, президентские полномочия в ней действительно несуразно раздуты — и по должности отвечает за всё это, конечно, Ельцин. Но его действия нетрудно понять.

К тому времени (как и теперь) единственным институтом в стране, несовместимым с коммунистическим реваншем, было президентство. Все прочие, как показал ход событий, были либо анекдотически слабы (читая упоминавшуюся книгу Костикова, не перестаешь дивиться, каким чудом реформаторские силы раз за разом избегали верного поражения — при той неразберихе, которую они устраивали даже вокруг простейших технических проблем), либо явно подвержены риску захвата оппонентами. Отсюда — акцент на президентскую республику. А что реализован он бестолково, так назовите знатоков государственного права, способных быстро написать толковую конституцию для страны, где ничего ещё и не начало укладываться после краха предыдущего режима. Не назовете — потому что таких не было и быть не могло, а текст писали те, кто был под рукой — уж каковы ни на есть*.

С Беловежскими соглашениями Ельцин гораздо уязвимее: он просто позволил Кравчуку себя надуть, совершив ряд грубых ошибок. Но, хотя части их, по-видимому, можно было избежать, это едва ли что-нибудь изменило бы — у становящегося режима объективно не хватало сил, чтобы предотвратить или пресечь немедленное нарушение данных контрагентами обещаний (напомню: соглашения подразумевали и единую валюту, и единую армию, являясь, по букве, не такой уж далекой вариацией горбачевского «обновленного Союза»).

И уж только диктатом «встроенного механизма» можно объяснить отчаянное решение 96-го года, когда больной и растерявший популярность Ельцин решил переизбираться. Основательность его веры в то, что никто другой на его месте не оградит страну от коммунистического реванша, может, конечно, оспариваться — хотя разумной альтернативы я, кажется, не слышал; но выводы, сделанные им из этой веры, говорят о нечастой здесь и сейчас цельности. Да, свободное волеизъявление могло погубить его самого и дело его жизни, но запрет свободного волеизъявления оказался для него внутренне невозможен. Он прогнал Коржакова, что стало для него самого очевидной личной драмой, конечно же не из-за каких-то там обвинений в коррупции — против кого их не было! — а именно за настоятельные предложения отменить выборы.

(Пойдя на выборы, Ельцин показал еще и насколько он не ровня своим соратникам: он продемонстрировал, что «любит принципы в себе, а не себя в принципах». Сколько из *реформаторов* других уровней и сколько раз делали ложные шаги по прямо обратному мотиву — примерно так: да, этого делать не следует, но если я этого не сделаю, то я — такой талантливый, такой прогрессивный — лишусь своего поста и на нем окажется какой-нибудь тупой ретроград, что будет неизмеримо хуже... Прагматизм без берегов.)

---

* Я тогда постарался узнать, кто именно вписал в Конституцию злосчастную фразу о выборности губернаторов. Выяснив имя этого деятеля, я попросил общего знакомого в дружеской беседе спросить у него, исходя из каких соображений он это сделал. Ответ был удручающе прост: «Но ведь это так демократично!».

В последний раз, когда Ельцин явил свою непредсказуемость, без видимого повода уволив сверхпопулярного Примакова, все не без оснований увидели в этом ревность старого властолюбца; по-моему, не менее важным тут был второй мотив. Под умелым руководством консенсусного премьера страна склонялась к тому, чтобы сформулировать проблему выбора пути как выбора между свободой и стабильностью; причем стабильность на глазах приобретала советскую окраску, а результат выбора казался всё более предрешенным. Встроенный в президента механизм не мог не сработать.

Нельзя однако не заметить, что с каждым годом Ельцину всё труднее следовать своему императиву. Он принуждает его быть публичным политиком, а это занятие — помимо специфических талантов, в полной мере проявленных Ельциным на подъеме, — требует и сил, которых у президента уже просто нет. Львиная доля раздражения, вызываемого им у широкой публики, как раз и проистекает из вопиющей беспомощности его публичных выступлений. Между тем, его основная роль не в них, а в безошибочной — девяносто девять раз из ста — рефлекторной реакции на отступления от базовых принципов. При большей степени общественного согласия он мог бы играть эту роль, и не вылезая на телеэкраны, — хотя при большем общественном согласии и сама эта роль была бы не так жизненно важна.

Если же нехватка сил все-таки вынудит Ельцина начать ослушиваться своего «демона», — а в последнее время появились признаки такого поворота, — то провиденциальная роль первого президента России доиграна — и в призыве недругов к скорейшему его свержению больше правоты, чем они заслуживают.

Кого браните?

Вооруженный — или отягченный — своими двумя императивами, Ельцин довел до совершенства издавна принятое у нас представление о том, что есть и что не есть *царское дело*. За второй срок своего правления президент, кажется, ни разу не дал повода заподозрить себя в том, что занимается каким бы то ни было нецарским делом: он заботился исключительно о власти как таковой и о, скажем, некоммунистичности власти — ничем другим он после перевыборов себя не утруждил, да, похоже, и до них утруждал нечасто.

Вообще говоря, это правильно: каждый должен возделывать свой сад — правитель, вникающий в подробности дел, посильных его подчиненным, нелеп и вредоносен, как управляющая государством кухарка. И если правда, что дряхлый тоталитаризм в России на первых порах не мог быть сменен ничем, кроме какого-нибудь аналога просвещенной монархии — из-за полного отсутствия укорененной в головах людей ответственности за самих себя, без которой самые разнаидемократические процедуры превращаются в опасный балаган, — то Ельцин и должен был сознавать себя царем и вести себя как царь. Однако невеселое течение дел в державе показывает, что либо Ельцин царские дела делает не совсем удачно, либо набор царских дел, как он их понимает, оказался здесь и сейчас недостаточным. И то, и другое, на мой взгляд, отчасти справедливо, но может быть объяснено.

В 1991 году, возглавив независимую Россию, Ельцин не мог не обнаружить, что приобретенные им прежде навыки не то чтобы бесполезны — без них он не удержался бы наверху,— но катастрофически недостаточны для проведения всеобъемлющих реформ, которые просто нельзя было долее откладывать. Нужны были экономические и социальные познания, гораздо более конкретные, чем сопровождавшая развал советской власти перестроечная болтовня, а этих познаний не было ни у него самого, ни у окружавших его людей. Даже самое виртуозное исполнение «царских дел» этой недостачи не покрывало, а ответственность за это неизбежно ложилась на Ельцина.

То, что Ельцин, не будучи, например, профессиональным экономистом, не взялся рулить экономикой (не царское это дело!) — правильно. Но то, что он не сумел сколотить и поддержать дееспособную команду экономистов — или не снизошел до такой докучной повседневности — его прямая вина. То, что Ельцин, понимая неизбежность грязной пены на волнах такого масштаба, не кидался по каждому поводу «не пущать», что не поддался соблазну завинтить гайки — правильно. Но то, что он продолжал со спокойствием небожителя поговаривать о борьбе с коррупцией, когда казнокрадство стало главным ремеслом в стране — его прямая вина. То, что Ельцин не опускался до игр в одной песочнице с бесчисленными «диванными партиями» — правильно. Но то, что он...

Так, впрочем, можно рассуждать до бесконечности — если никто не возражает. Но за контраргументами далеко ходить не надо: да, он не смог сколотить дееспособное правительство — а из кого? Было бы у него в 91-м году под рукой десятка полтора чубайсов (да не таких, как тогдашний Чубайс — востроносый зампред Ленгорисполкома, а таких, как нынешний — свирепый и цепкий битый профи), можно бы с него спрашивать; а так — кто был в наличии? Гайдары да авены — и лобовы да скоковы: либо некоторые знания, но никакого опыта (да и знания-то смутные, приобретенные урывками параллельно с деланием советской карьеры) — либо некоторый опыт, но никакого знания (да и опыт-то ограниченного применения — весь из прежнего мира). Вот и сколачивай...

И уж совсем плывут подобные рассуждения, стоит мысленно перевести их из монолога в диалог. Если сделать два равно нереальных предположения: что найдется и будет допущен к президенту трезвый его критик, и что Ельцин станет ему отвечать в соответствии с проведенной нами выше реконструкцией его характера, — разговор мог бы завязаться примерно такой.

— Что же вы, Борис Николаевич, так и не создали политической силы, которая была бы способна и поддержать вас, и, унаследовав власть, двинуться дальше?

— Партии создаются из кого-то и на какой-то идее. А вы все, во-первых, до недавнего времени были убеждены, что для вас всё оборудует то ли невидимая рука рынка, то ли неслышимая поступь демократии — то есть, по-русски говоря, я грешный. А потому и заниматься политикой собственноручно брезговали; а кто не брезговал — тетерева: слышат только себя любимых и объединению не подлежат. Во-вторых, вы — чистоплюи. Сами не способны и двух шагов сделать по прямой, а я чуть в сторону от воображенной вами линии — вы сразу ко мне в оппозицию. Ну и наконец — идеи нет. Я-то сам, понимаешь, не идеолог (*не царское это дело!*), а от вас, покуда я в силе был, ничего, кроме туманной болтовни

об общечеловеческих ценностях да о свободе предпринимательства, услышать не довелось. Да и сейчас ничего особенно внятного не слышно. Какая уж тут партия... Так что единственное, что держит страну — личная мощь, а ее и на партию не размажешь, и унаследовать мудрено.

— Но ведь вы сами не давали окрепнуть ничьей, даже союзной вам, силе: стоило кому-нибудь показаться над ряской, как вы его — по голове.

— Так ведь *я* же пробился — хотя мне не только «по голове дали», но и рот пытались заткнуть; пусть бы и твои силачи пробивались, я-то никому рот не затыкаю. Не пробились — значит, слабаки; такие президенты России не нужны. Да ты припомни, о ком говоришь — это Черномырдин, что ли, удержит всю свору, если меня не будет? Лебедь? Немцов с Гайдаром? Самому-то не смешно?

— Вы могли кому-то из них помочь встать на ноги...

— Я их выдвигал в первый ряд, я давал им показать себя и защищал от коммунистов. И защитил. Что, я их еще должен был за ручку водить? Не мое это дело. А вот когда становилось ясно, что без меня они посыплются, а то и прямо сдадут страну Зюганову, мое прямое дело было — их убрать. Вот я и убирал.

— Вот и доубирались. Неужели вы не видите, что ваше царствование привело страну в тупик? Да, коммунисты практически обессилены, но в еще большей степени впали в ничтожество и раздроблены демократы.

— Вижу и скорблю. Но если ты намекаешь, что это я вас ввел в ничтожество, то вы еще ничтожнее, чем кажетесь.

Ущербность позиции такого *воображаемого* Ельцина очевидна, но не менее очевидна ее непротиворечивость, в виду которой пропадает всякая охота в чем-либо нашего президента обвинять: слишком широко расползается объект любого обвинения, отчего само оно вырождается в помесь Weltschmerz с самобичеванием. Непродуктивно. И хотя нынешний упадок президента прямо подстрекает к его поношениям, они, полагаю, остаются бессмысленными, на кого бы ни были направлены: на человека или на президента — и их пора прекратить.

Борис Ельцин как личность — неподходящая мишень для шпилек, ибо это фигура вполне трагическая. Как сказал один мой коллега, он был из того дерева, из которого делают королей, — и за считанные годы обратился почти в труху. Он не может не видеть, что его многолетние труды привели к нестойкому и сомнительному результату, отчего ценность самих трудов оказалась под сомнением. Он не может не знать, что силы его на исходе — и что стоит им окончательно иссякнуть, как его сожрут — и возможно, вместе с делом его жизни. Наконец, он не может не ощущать горчайшего одиночества. В газетах писали, будто, вызвав Примакова для объявления об отставке, он быстро расчувствовался, заплакал, стал говорить, что он совсем один, — верю, так вполне могло быть.

Что же касается Ельцина как лица политического, я убежден в том, что он — как и Горбачев до него, — был совершенно необходим и на редкость, чудесным образом, уместен в СССР—России в нужный исторический момент*. К ним

---

* Хотя и поздновато, но считаю необходимым оговорить: я с самого начала сознательно оставлял вне обсуждения экономические факторы странной революции конца 80-х — начала 90-х годов. Они требовали бы весьма пространного отдельного рассмотрения, в котором поневоле было бы неимоверно много догадок.

обоим можно относиться как угодно — некогда и того, и другого любили, сегодня принято их не любить, — но нельзя игнорировать логику событий. Если не оставлять попыток представить себе переход России из коммунистической казармы во что-нибудь приличное, оба их правления следует признать единственно возможными вариантами более или менее быстрого прохождения начала этого пути, его первого и второго этапов — и надо сказать судьбе спасибо за то, что они были. Обсуждать же изъяны явления, которое признаешь единственно возможным, — образцово пустое занятие. Какой смысл пенять Горбачеву, что у него не было ясных реформаторских представлений и он не проводил реформы жестко и последовательно, используя унаследованную неограниченную власть генсека? Ведь если бы он был способен приобрести такие представления, то до генсека бы не дослужился. То же и с Ельциным: если бы он умел — кроме того, что умел, — еще и организовывать «команды реформаторов», еще и различать допустимые и недопустимые методы и средства, еще и по-человечески обращаться с людьми, то не сделал бы необходимой предварительной карьеры при «реальном социализме» и не вывернулся бы из политического небытия при Горбачеве.

И сегодня, когда состояние умов и нравов таково, что качества первого лица всё еще играют исключительную роль, волновать должны не «непредсказуемые пробуждения» Ельцина, не сбои в логике его поступков, а явное отсутствие третьего члена эстафеты — человека, понимающего и умеющего больше, чем Ельцин, способного выработать стратегию там, где Ельцин действовал рефлекторно, — и сумевшего при этом набрать достаточно сил и веса. Президент будет «держать площадку» еще от силы год. Если за это время приемлемой кандидатуры на эту роль не появится — точнее говоря, если появившееся за годы реформ множество людей, кровно заинтересованных в долгосрочном развитии России, не найдет приемлемой кандидатуры, — придется признать, что чудесные появления прервались и дело с трансформацией России затягивается...

Кто будет в этом больше виноват — наш президент или мы — каждый сможет рассудить по собственному вкусу. Характерно, что ни то, ни другое решение нимало не повлияет на развитие событий.

По инерции

Возвращаясь к ожидаемому приговору истории, признаем, что шансы нашего героя на прославление — почти вне зависимости от его личных вин и заслуг — очень невелики: его имя будет ассоциироваться с временем упадка.

В начале и в конце истекающего века Россия пережила перевороты, изменившие жизнь страны до самых основ. Оба раза поразительный, не вмещающийся в человеческий рассудок масштаб событий сам по себе порождал надежды на небывало прекрасную и одухотворённую жизнь. К десятилетию октября Пастернак писал:

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

И пусть из нынешнего времени очевидно, что тогда «нас перевели» скорее не на четверть круга против, а на три четверти круга *по* зверю, гощение в сфере преданий все-таки свершилось — и привело к фантастическому выплеску народной энергии. При всей губительности новой власти, при всей кровавости антиотбора, почти безошибочно выкашивавшего лучших, при всем мракобесии вбитой в головы идеологии — страна несколько десятилетий шла вверх (здесь необходимы многочисленные оговорки; надеюсь, что они очевидны). Разгадка этого феномена, на мой взгляд, проста: революция постигла Россию на мощном подъеме — Серебряный век был далеко не единственным, да и не главным его проявлением — и набранной инерции не погасила даже гражданская война. Больно думать, чего могла достичь Россия, если бы этот подъем не оседлали большевики, но и с ними сделано многое — вот имя Ленина и связано в памяти множества людей с тем самым подъемом, который он так деятельно губил.

В начале 90-х энтузиазм, как все мы помним, тоже был велик; ощущение перевода «на четверть круга против зверя» тоже было повальным — но как же скоро это ощущение сменилось разочарованностью и апатией! Причина тому (мы уже говорили об этом) не в ошибках и нелепостях, наделанных новой властью, — они никак не пара мясорубке первых лет большевизма. Просто события застали страну на спаде. Степень деморализации и развращенности, к которой привел так называемый застой, еще не осознана в полной мере — инерция спада была непреодолима. Тут хоть не межеумочный ГКЧП ознаменуй конец эпохи, а архангел в трубы вострубе — быстрого подъема начаться не могло. Напротив, спад, дотоле как-то сдерживавшийся ржавыми устоями власти и скрытый от глаз, неимоверно ускорился, целые пласты жизни подверглись зримому разложению. Воодушевление частью угасло, частью перешло в энергию грабежа — годного для возрождения России запаса энтузиазма, по-видимому, не осталось.

Подчеркну — *по-видимому*. На самом деле, к счастью, апатия и мародерство охватили не всех. С каждым годом, с каждым днем в России обнаруживается всё больше людей, каких прежняя власть отнюдь не жаловала, — людей, мыслящих самостоятельно, стоящих на собственных ногах, реально и ответственно подходящих к своему — частному! — делу и постепенно начинающих осознавать это дело как дело общее. Уже сегодня таких людей многое множество на вторых и третьих этажах политических и деловых иерархий, но приходится признать: сложившийся в стране режим их тоже не считает вполне своими и на первых ролях они покуда почти не появляются. Нет их и рядом с Ельциным: у него несовместима с ними даже не идеология — они большей частью сознательно внеидеологичны, — а просто манера жить. Ему нужна личная преданность, им дорога независимость; он требует верноподданнических отношений, они привыкли к отношениям сотрудничества; он мыслит и действует в жестких терминах власти, они — в гибких терминах эффективности и конкретности. Словом, даже представить себе этих людей в свите президента, дирижирующего «Калинкой», не так-то просто: это планеты из разных галактик, представители разных эпох.

Снова и снова: не в осуждение Ельцину я всё это говорю. Он таков, каков есть — и каким должен был быть, чтобы сыграть свою роль. Чтобы сломать (не демонтировать — при демонтаже остаются пригодные для дальнейшего исполь-

зования детали, — а именно вдребезги сломать) систему коммунистической власти, и нужен был человек, насквозь однородный с этой системой, а потому безошибочно чувствующий ее по опыту прежнего родства — и во всю силу прежнего родства ее ненавидящий. Следовательно, родовые черты системы, не исчезающие при перемене отношения к ней с плюса на минус, неизбежно должны были остаться — и в нем, и в делах его. Возникшая за годы ельцинского правления новая российская власть так же чужда творчеству и пронизана равнодушием, как и сломанная Ельциным старая. К счастью, новая система уже не спаяна страхом — и это, хотя страх сменился алчностью, оставляет надежду на возрождение страны. Именно только надежду — спад, под действием которого развалился «реальный социализм», победить покуда не удалось; он всё еще продолжается — и, на иной взгляд, пуще прежнего.

Надежда же на поворот к лучшему и связана с теми новыми для России людьми, которым Ельцин, оставаясь для них чужим, *разрешил*, дал возможность появиться. Выйти на первый план и начать определять ход событий в стране им очень нелегко — никакая система не любит пропускать наверх чужаков. Однако я почти убежден: если не случится срыва, вскоре они появятся не только на вторых, но и на первых ролях, причем для этого не потребуется никакая смута. Ведь, если отвлечься от подробностей, возможны всего два варианта. Нынешняя властная и деловая элита настолько очевидно неэффективна, настолько быстро *проедает сук, на котором сидит*, что вскоре ей придется выбирать. Либо она согласится, самосохранения ради, потесниться и допустить к кормилу новых людей, людей ответственных и творческих, занятых не дележкой, а созиданием, — либо отреагирует на катастрофическое уменьшение делимого пирога попыткой вновь создать систему страха.

Здесь, по-видимому, не место обсуждать вероятность и предпосылки обоих вариантов. Замечу только, что ключевой вопрос здесь один: успевают ли эти столько раз помянутые — ответственные и независимые — люди осознать и проявить себя как более или менее единую силу. Ответ на этот вопрос в значительной, если не решающей мере прояснится за оставшийся год ельцинского президентства. Если успевают, их приход к власти неостановим — вот тогда-то и начнется эпоха подъема; и если по достоинству оценить скорость, с которой Россия — в этих, лучших своих людях — проходила и прошла тотальную смену ориентиров, можно ожидать, что эпоха эта станет чудом, затмевающим и немецкое, и японское.

Но — считайте это хоть справедливостью, хоть неблагодарностью — эта эпоха уже не будет связана с именем Бориса Ельцина.

ТЕХНОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОЙ КАТАСТРОФЫ

Когда речь заходит о мире, где уже нет Советского Союза, о формировании в нем новых центров силы и влияния, одним из самых существенных остается все же вопрос: а чем теперь заполнено то большое пятно на карте, на котором раньше стояла надпись СССР?

Усиливающаяся дезинтеграция СНГ, утрата Россией статуса безусловного лидера Содружества, формирование внутри Содружества двусторонних и многосторонних альянсов, которые не ориентированы на интересы России, — все эти тенденции на сегодняшний день настолько очевидны и значительны, что ни о какой форме сколько-нибудь быстрого воссоздания этого сообщества государств вокруг России говорить уже не приходится. Экономической основой единства СССР в значительной мере были интересы единого оборонно-промышленного комплекса, для которого в условиях экономической изоляции и военно-политического противостояния всему остальному миру, проблемы экономической целесообразности и конкурентоспособности просто не существовало. Политические реформы Михаила Горбачева, которые привели к окончанию холодной войны и открытости страны, тоже оставили эту проблему без внимания, а между тем в новых условиях такой открытости и, следовательно, уже не военной, а экономической конкуренции СССР с окружающим миром в стране уже в начале 90-х гг. не могла не сработать известная историческая закономерность: деградация экономического и демографического потенциалов страны рано или поздно требует корректировки возникающих диспропорций. Как правило — за счет размеров ее территории.

Так произошел — и не мог не произойти — распад последней мировой империи. При всей значимости многих иных причин — *эта* из самых существенных.

Ну, а как обстоит дело в этом отношении с сегодняшней Россией?

По данным Института экономического анализа, сегодня доля России в мировой поверхности суши в *пять раз* превышает долю России в мировом населении, и в *восемь раз* — долю в мировом ВВП, рассчитанном по паритету покупательной способности валют. Если же долю России в мировом ВВП рассчитать по *рыночным курсам* национальных валют, то разница будет уже не в восемь, а в *четырнадцать раз*.

Что это означает с точки зрения перспектив России? Ведет ли это к дальнейшему неминуемому распаду нашей страны — теперь уже России — на ряд самостоятельных государств, или наоборот, угроза такого распада заставит Рос-

---

Игорь ПОТОЦКИЙ — родился в 1961 г. в Москве. Окончил Московский институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Журналист. Ведущий телевизионной программы «Большие деньги» на НТВ. Живет в Москве.

сию быстро наращивать экономический потенциал? Тогда за счет чего: рыночных реформ и укрепления демократических институтов — или окостенения авторитарной модели власти и усиления государственного контроля за монопольной экономикой?

Ответ на эти вопросы зависит от того, как быстро и с какими результатами Россия сможет выйти из нынешнего состояния *глубокого системного кризиса,* которым завершается постсоветский период ее истории. А такой кризис — очень сложное и многогранное явление, с огромным количеством внутренних взаимозависимостей, увеличивающих его остроту.

1. Экономика: врожденные пороки системы

Как известно, неэффективность производства и несостоятельность государства в получении налоговых доходов при чрезмерно высоком уровне социальных обязательств на протяжении нескольких последних десятилетий компенсировались в нашей стране поступлениями от экспорта энергоносителей. А в последние годы, когда падение цен на энергетическое сырье на мировых рынках лишило государство такой возможности, — сначала высокой инфляцией, а затем чрезмерными внутренними и внешними заимствованиями.

Понятно, что мировой финансовый кризис и резкое падение цен на нефть в конце 97-го и в 98-м годах не могли не ускорить и не усилить кризис российской экономики. Но в его глубинной основе — все-таки набор — и достаточно большой — масштабных факторов, которые связаны именно с *врожденной неэффективностью советской экономики,* создававшейся и десятилетиями существовавшей в качестве экономической системы военного государства, живущего во враждебном окружении. Фактор конкурентоспособности, тем более конкурентоспособности на внешних рынках в такой экономике, как уже сказано, в принципе не учитывался — ни при территориальном распределении производительных сил, ни при определении основ миграционной и социальной политики, ни при создании форм управления экономикой и формировании ее структуры. И это было закономерно для экономики тоталитарного милитаристского изолированного государства — как закономерно было и то, что она в принципе не предусматривала увеличения потребительского спроса. Более того, государственный контроль над потреблением, позволявший максимальное количество благ распределять через бюджет, в том числе и в виде льгот, был важным инструментом сохранения идеологического и политического влияния. Заниженные потребности населения должны были оставаться компенсатором чрезмерных нужд военно-промышленного комплекса.

Однако в условиях рыночных реформ эта традиция подавления потребительского спроса как одного из важнейших стимулов к труду неизбежно ведет к невозможности быстро поднять его производительность. Заниженные потребности (около 70% населения нашей страны считают достаточным доход на члена семьи в пределах ста долларов в месяц) становятся тормозом для роста внутреннего спроса, а неизбежная в этих условиях слишком низкая доля частных накоплений тоже препятствует, в свою очередь, развитию внутреннего производства.

Понятно, что все это лишь усиливает зависимость страны от экспорта, прежде всего — от традиционного для нас экспорта энергоносителей. В условиях неблагоприятной конъюнктуры на мировых рынках, как в последние годы, такая зависимость требует снижения внутренних издержек при производстве экспортной продукции, что, в свою очередь, тоже приводит к снижению внутреннего спроса и инвестиционных возможностей населения. В результате в России не работает система частных сбережений, которые могли бы стабилизировать экономику и служить основой инвестирования в ее развитие и рост. А это делает основой любой из возможных экономических стратегий быстрого роста почти исключительно государственные или привлеченные в основном государством иностранные кредитные инвестиционные ресурсы. *И ничего другого, кроме роста государственного влияния на экономику, это породить не может.*

Доминирование государства, которое во многом противоречит логике рыночных реформ, предопределяет и характер экономической политики любого российского правительства. Она патологически зависима от конъюнктурных политический влияний, которые постоянно испытывают на себе власть и российская политическая система в целом — накануне каждого очередного выборного цикла. Поскольку в эти периоды резко обостряется внимание к социальным проблемам, государство, не сокращающее свое присутствие в экономике, вынуждено оплачивать и избыточные обязательства в социальной сфере, делая это за счет денежной эмиссии или роста и внутреннего, и внешнего долга.

В результате принципиальной проблемой российской экономики на сегодняшний день становится то, что и советские, и российские заимствования достигли 158 миллиардов долларов. А это означает, что Россия, имея годовые доходы бюджета в размере 20 миллиардов долларов, не в состоянии платить по долгам, потому что ежегодные платежи на ближайшие 12 лет составляют от 12 до 17 миллиардов долларов. Поскольку и платить в таких объемах невозможно, и изменение графика платежей или списание части долга до сих пор не согласовано, России приходится нарушать обязательства по погашению советских долгов. А это лишает ее доступа к новым кредитам, так что обязательные платежи приходится делать из валютных резервов, что, в свою очередь, сокращает возможности финансирования внутреннего роста и снова и снова воспроизводит весь цикл проблем нашей экономики.

2. Экономика: глобальная стратегия МВФ

Российские реформы оказались заложницами ошибочной стратегии глобализации, которая доминировала в последние 25—30 лет. Она основана на роли МВФ как посредника между развитыми и развивающимися странами.

Да, неолиберальный подход к развитию мировой экономики, ориентированный на то, что страны, которые вступают на путь индустриального развития, имеют возможность использовать заемные средства развитых стран для финансирования своего экономического роста, стал основой южно-азиатского экономического чуда и дал результат в Латинской Америке. Но череда экономических кризисов в странах с развивающейся экономикой, в том числе и в Бразилии,

говорит, видимо, о том, что ресурс неолиберализма исчерпан. Почему? Да потому, что платой за такие возможности роста становится проблема несбалансированности бюджета. Финансирование роста экономики за счет заемных средств ведет к росту государственного долга, а если темпы роста внутренних сбережений, позволяющих обеспечить стабильность экономики, отстают от темпов роста такого долга, угроза кризиса резко возрастает.

Впрочем, то, что делалось в России в течение последних 7 лет, нельзя назвать действительным воплощением неолиберальной модели. Это было практически невозможно. Когда неолиберальные перемены происходят в патерналистском государстве и накладываются на его политику, реформы неизбежно упираются в ограничения, которые создаются популистским угождением требованиям населения, отсутствием общественного согласия и согласия элит в отношении того, каким мы хотим видеть и свое будущее, и путь к нему.

С другой стороны, надежды наши либералов на то, что эксперименты, начатые правительством Примакова и как будто бы продолжаемые его преемниками в направлении частичной реставрации экономической системы советского образца, должны будут сами все поставить на место, наглядно показав народу, что получается в результате отказа от либеральных программ, тоже не создают сегодня никакой разумной альтернативы, но объективно только усиливают тенденции распада. Дефицит денег в бюджете в такой ситуации будет сталкивать страну к более изоляционистской, жесткой и далекой от рыночной демократии модели развития. И чем опаснее и угрюмее мы будем становиться, тем в большей мере внешний мир будет опасаться такого замыкания в себе ядерной державы. А это рано или поздно вынудит его находить приемлемые способы взаимодействия, как это уже было на протяжении брежневского периода. Ведь такое взаимодействие вполне реально, потому что режимы такого типа патологически договороспособны — Советский Союз до Горбачева был первоклассным заемщиком. А практика МВФ последних лет показывает, что никаких идеологических предубеждений против финансирования, например, режима Сухарто или Южной Кореи у Фонда не было.

И это не случайность, а совершенно определенный и последовательно осуществляемый подход к модернизации экономики так называемых развивающихся стран. С этой точки зрения очень показательно, что у многих стран, которые в последние годы становились объектами особого внимания МВФ и демонстрировали сначала успех, а потом и провал его модели, есть одна общая черта — их история отмечена достаточно длительным периодом жизни при сильных режимах: Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Бразилия, Аргентина. Ведь сильный режим всегда удобнее с точки зрения кредитора — он создает ощущение более весомых гарантий возврата денег (так было, повторю, и в отношениях Советского Союза с внешними кредиторами: СССР считался надежным заемщиком). И — что важно — так удобнее и с точки зрения чисто экономической логики самих неолиберальных реформ. Если они нацелены на то, чтобы за короткий срок изменить в стране макроэкономические параметры при пренебрежении к социальным проблемам, то для этого всегда удобнее режим, склонный к авторитарности. Он не должен ничего обещать обществу, не должен

ни о чем с ним договариваться. Сама логика быстрых и глубоких трансформаций исключает поиск социального консенсуса: власть должна провести быстрые и жесткие реформы, о которых не нужно договариваться в стране с устойчивыми рыночными механизмами и о которых невозможно договориться в стране с переходной экономикой. По крайней мере, до тех пор, пока в стране сохраняются хотя бы относительно приемлемые условия жизни.

Но цена таких реформ — при том, что социальные проблемы все равно ломают темп преобразований — состоит, следовательно, в подавлении демократических ориентиров. И именно эта их прагматическая функциональность, рассчитанная на «короткий срок», без учета стратегических последствий в тех сферах, за которые МВФ не несет ответственности, привела и к тому, что деньги Фонда тратились на коррумпированное окружение «сильных лидеров», как это происходило в Юго-Восточной Азии или Латинской Америке, или еще и на борьбу с политическими противниками режима, как это случилось в России.

Что же мы получили в результате?

Массовые акции протеста шахтеров на железнодорожных рельсах и чудовищную дилемму, с которой столкнулась власть: что теперь делать — договариваться и уступать, понимая, что это невозможно с точки зрения здравого смысла в экономике, или разгонять силой, понимая, что у власти нет морального права на это, поскольку это она не исполнила свои обещания?

Это страшный выбор между элементарным порядком в государстве и демократией. *И главное, что определяет ситуацию в России сейчас, — это, к сожалению, необходимость сделать именно этот выбор.*

3. Кризис политической системы

Между тем последовательные стратегические решения в экономике упираются, как уже сказано, в политические разногласия, раздирающие нашу элиту, — разногласия, пути преодоления которых могут оказаться связанными с достаточно опасными тенденциями. Усиление роли государства в экономике, если оно не встречает серьезного и организованного сопротивления общества, рано или поздно, но обязательно ведет к усилению авторитарности политического режима, и это усиление становится доминирующей тенденцией. Отсюда понятно, почему основными претендентами на президентское кресло стали сейчас именно Юрий Лужков и Евгений Примаков — наиболее влиятельные политические оппоненты Бориса Ельцина, но — строго в рамках созданной им системы власти, которая и привела страну к политическому кризису. Логическая основа нынешнего политического кризиса — исчерпанность модели президентского правления в том виде, в котором она существует на протяжении последних 7-и лет.

* * *

Итак, толчок к распаду нашей страны дала экономическая несостоятельность режима. Это уже в достаточной мере банальность, и объяснять, что попытки построить экономическую демократию на основе нереформированной постсо-

ветской экономики, сохранившей структуру, которая десятилетиями приспосабливалась под нужды военно-промышленного комплекса, сегодня уже никакой надобности нет. Но с точки зрения экономической теории было бы все-таки интересно изучить парадоксальный результат, который дала агрессивная форма советского изоляционизма: в результате мы оказались патологически зависимы именно от внешних рынков и к тому же в самой примитивной, технологически тупиковой форме — зависимости от мировых цен на сырье. В такой ситуации попытки насильственных, не понятых и не поддержанных обществом либеральных реформ 92-го года в сочетании с социалистической политикой и практически нетронутой системой социальных льгот и гарантий были обречены изначально. И сейчас очень важно осознать, что именно этим нас наградили первые три года российской демократии. И что политический кризис, который переживает сейчас Россия, обострившийся на почве экономических проблем, в основе своей построен на том, что и спустя 7 лет после начала реформ в России, нет ни согласия в обществе относительно цели и характера этих реформ, ни политической системы, способной обеспечить это согласие, ни эффективного государственного механизма, созданного политической системой для того, чтобы управлять процессом преобразований.

Корни всех этих проблем тоже во-многом лежат именно в самой советской системе, которая до сих пор так мучительно умирает.

Советский и постсоветский периоды Российской истории породили две крайности. Мы были гражданами страны, в которой мы все были лишены свобод. Нам внушали гражданственность без права выбора, без права решать, как жить и нам, и стране. И тем самым нас лишили ответственности за страну.

С началом реформ мы получили обратную ситуацию: у нас появились свободы — на самом деле даже много свобод, которые, однако, в точно такой же мере не были связаны и до сих пор не связаны с ответственностью за страну. У нас есть и право, и возможность ходить на выборы, но наша политическая система устроена таким образом, что это важно только в момент выборов. Как только они заканчиваются и результат их известен, реального влияния на поведение власти общество оказывается практически лишено. Достаточно вспомнить, как часто социальное недовольство за последние годы выливалось в забастовки и как мало оно сказывалось тем не менее на итогах голосования и на формировании власти. И еще — как мало в результате наиболее деятельную и образованную часть общества стали интересовать выборы. Уже на парламентских выборах в 95-м среди людей с неполным средним образованием не участвовали в выборах 7,5%, а среди обладателей научных степеней — ровно в два раза больше — 14,9%.

Это — другая крайность. Откуда она и почему демократические свободы в России не ведут к формированию гражданского общества?

Либеральные реформы в России начала либерально настроенная бюрократия, которая, не имея достаточной поддержки, постаралась сделать их максимально жесткими и быстрыми, чему способствовали и рекомендации международных финансовых организаций. Но быстрые, не понятые и не поддержанные обществом, а к тому же еще и половинчатые либеральные реформы в сочетании с практически нетронутой системой социальных льгот и гарантий очень быстро

привели к конфликту между либеральными устремлениями исполнительной власти и патерналистски настроенными законодателями. Потом, в результате серьезнейшего политического конфликта 1993-го года, произошло конституционное расширение полномочий исполнительной власти. И оно сделало этот конфликт основой будущего кризиса. Парламент не лишился полностью возможностей влияния на действия исполнительной власти, но, в значительной мере утратив их, стал плацдармом и штабом для формирования оппозиции всей действующей системе власти и государственности. Это понятно: если вы не можете найти себе места в системе, вас не будет устраивать сама система. Поскольку исполнительная власть назначила себя эксклюзивным носителем право-либеральных идей, власть законодательная логически закономерным образом стала местом концентрации левой оппозиции. А результат состоит в том, что естественная борьба законодателей за равноправное вхождение в правящую элиту, которые столкнулись с жесткой позицией президента, страдающего аллергией на «красных», постепенно, от бессмысленности и безрезультатности, выродилась в борьбу за изменение государственного строя.

Поскольку же процесс плавной и естественной реформации оказался не только ничем не обеспечен — ни политическим соглашением элит с народом, ни экономическими программами, — но и старательно затруднен, мы получили еще один парадокс: демократы стали защитниками президентского абсолютизма, а левая оппозиция — силой его разрушения. В любой иной ситуации — то есть если бы доминирующие позиции в нижней палате принадлежали не КПРФ — можно было бы ожидать более или менее плавного изменения конструкции власти в сторону чего-либо подобного французской модели. Это было бы, очевидно, крайне полезно, поскольку позволило бы сосредоточить на фигуре Президента, конституционно не вмешивающегося ни в какие внутриэкономические проблемы, все эмоционально-нравственные коллизии. Он мог бы оставаться символом великой державы, неся ответственность почти исключительно за внешнюю политику, он мог бы иметь право на моральное порицание правительства и обеих палат парламента, оставаясь в роли и арбитра, и носителя государственных идеалов.

Но поскольку в сложившейся после 1993 г. реальной ситуации парламентское большинство с неизбежностью должно было оказаться левым, столь же неизбежно жесткое противостояние исполнительной и законодательной властей должно было привести к ненужным масштабам трансформации властных полномочий и без того уже дискредитированных основ политической системы. А в этих условиях взаимная упрямо-жесткая неуступчивость сторон в удовлетворении разумных требований друг друга не могла не привести и к неконтролируемому распаду системы. (Прецеденты типа истории с отставкой генерального прокурора Скуратова или неспособность пролоббировать свою кандидатуру на должность председателя ЦИК перед выборами — это не случайные эпизоды. Это показатель масштаба проблемы.)

Однако хаотический распад системы власти может потребовать, в свою очередь, функционально необходимого в этой ситуации дальнейшего ужесточения режима, что может оказаться в равной степени удобно и левым, которым

нужно оправдывать свои предсказания о неизбежности еще большей деградации режима, и правым, которым нужно сдерживать антирыночный откат. Такая перспектива выглядит тем более возможной, что жесткая позиция президентской стороны не позволила и не могла позволить КПРФ эволюционировать в открыто социал-демократическую партию. Даже добившись успеха на парламентских выборах, она не станет партией Квасневского. Это мешало и будет мешать ей добиться победы на президентских выборах, что было чрезвычайно важно в рамках умирающей конструкции власти. Но это загоняло и будет загонять КПРФ в состояние экстремальной оппозиционности, и это чрезвычайно пагубно сейчас. Ибо это означает, что оппозиция и в дальнейшем будет слишком радикальной, чтобы можно было рассчитывать на создание в стране полноценной демократической модели государственного устройства.

Именно в этом свете следовало бы взглянуть и на проблему импичмента. Ясно, что импичмент Президента технологически тоже не может решить ни одной из реальных проблем управления государством. Но недаром он стал уже в прошлом году более чем серьезной проблемой — стал только потому, что уже и сам по себе он — выразительнейшая демонстрация исчерпанности существующих в стране политических механизмов. Вот почему историю с отставкой Николая Бордюжи с поста главы администрации Президента, в которой левая оппозиция увидела снятие любых барьеров против серьезного удара власти по оппозиции, что в свою очередь и заставило ее торопиться с импичментом, вполне можно рассматривать как своего рода начальную фазу крайне неприятного, но закономерного и объективного процесса стихийного восстановления баланса политической системы. Вернее — попыток такого восстановления. Однако процесс этот потому и не даст оптимального результата, что развивается стихийно и при жестком противодействии теперь уже президентской стороны объективно необходимым переменам.

Беда в том, что логика политических перехлестов очень сходна с экономическими закономерностями. Несостоятельность власти в решении практических проблем экономики при ограниченности выбора средств, которыми она может располагать, ведет к стремлению усилить роль государства в экономике. Усиление роли государства в экономике рано или поздно, но обязательно ведет к усилению авторитарности политического режима. Это взаимодополняющая деградация. И механизмов ее торможения в нынешней российской политической системе нет, кроме одного, все того же — растущей авторитарности власти.

Эта авторитарность может осуществляться в различных формах проявления — от наиболее умеренных до крайних. Поэтому ключевое значение сейчас имеет и будет иметь именно то, как будет меняться политическая система. Конфликт между радикалами на обоих полюсах политического спектра или, что еще хуже, возрождение принципа «мы или они», на котором была выиграна президентская кампания 96-го года, окажутся губительны, потому что в любом случае могут только усилить авторитарность власти. Ни один конфликт такого рода никогда, ни при каких обстоятельствах не приведет к утверждению принципов демократии.

Нужно отдать себе, наконец, отчет в том, что в России нет непосредственной угрозы восстановления именно коммунистического режима. Более того, и пер-

спективу оглушительной победы коммунистов на ближайших парламентских выборах стоило бы поставить под серьезные сомнения. Элементарный анализ событий и тенденций последнего времени показывает, что умы соотечественников заняты идеями не столько коммунистическими, сколько государственно-капиталистическими. Сильная государственная власть, большое влияние государства на экономику, формирование крупных, подконтрольных государству, вертикально централизованных отраслевых корпораций, банковская система, в которой присутствие и контроль государства гораздо более сильны, чем сейчас, — вот о чем идет речь прежде всего. Это не одиозный коммунистический режим, который имеет все шансы технологически провалиться за короткое время. Это — гораздо более длительные сумерки.

Но когда идеологический или политический конфликт перерастает в институциональный, противостояние между Думой, с одной стороны, и Президентом и Правительством, с другой, становится принципом действия государственного механизма, который уже не способен обеспечить основу ни для какого иного развития страны.

4. Общество

На сегодняшний день у наших либералов нет никакой возможности электоральным путем вернуться к той власти, которой они обладали еще несколько лет назад.

Более того — в России нет, никогда не было и нет до сих пор той движущей силы либеральных реформ, которая структурируется в виде осознающего свои общие политические интересы и готового их защищать среднего класса, заинтересованного в либеральных реформах, или достаточно большого и экономически мощного слоя предпринимателей. Поэтому двигателем реформ второе столетие подряд в нашей стране становится либерально настроенная государственная бюрократия. Это и делает российские либеральные реформы и непомерно жесткими, и половинчатыми, потому что государственной бюрократии неоткуда ждать поддержки. Тем более, что она генетически неспособна реформировать источник своего могущества — само государство. И потому как только либеральная бюрократия увлекается ускоренным созданием рыночно ориентированных агентов экономики — естественно крупных, естественно близких к власти — это неизменно кончается скандалами на почве залоговых аукционов и коррупции.

Попытки нашей либеральной бюрократии в 1992—1993 гг. как можно быстрее передать в частные руки государственную собственность, создать класс собственников, который мог бы стать основой стабильных рыночных преобразований, привели к тому, что потеряв контроль за процессами перетекания капитала в финансовой сфере, власть упустила момент превращения нескольких крупных финансово-промышленных групп в то, что позже было названо «олигархией». Влияние крупного капитала на исполнительную, а затем и законодательную власть оказалось настолько серьезным, что начиная с 1994-го года формальные функции власти постепенно стали размываться постоянными соглашениями с «олигархами». В сочетании с хронической неспособностью власти ни выполнить, ни публично

отказаться от завышенных социальных обещаний, это обернулось тем, что формальные, обязательные при любых обстоятельствах, не зависящие от политической ориентации функции власти (поддержание порядка и безопасности граждан, недопущение экономического ущерба, который влекут за собой массовые забастовки или «рельсовые войны» типа тех, что мы наблюдали в прошлом году, и т.д.) оказались в значительной мере неисполнимыми. Все это в сумме и приводит теперь к участившимся сменам правительств, которые при любом составе и политической ориентации не в состоянии в рамках существующей политической системы следовать какой-либо последовательной стратегии реформ.

Понятно, что в нормальной ситуации самым естественным, самым логичным способом обязать власть действовать последовательно и в интересах общества были бы выборы — и парламентские, и президентские. Почему же выборный механизм, который действует уже почти десять лет, не дает этого эффекта? Технически ведь он вполне исправен, он содержит в себе все признаки демократической избирательной системы, хотя и с некоторыми странностями типа выборов и по одномандатным округам, и по партийным спискам. Но он есть.

Проблема в том, кто и для чего им пользуется.

Повторяю: в России не только к началу реформ, но и до сих пор еще не сложилось большого, объединенного общими интересами класса людей, жизненно заинтересованных в рыночных преобразованиях. Если судить по данным статистики и социологии, людей, способных составить такой класс, более чем достаточно. Но политическая система, сложившаяся в стране, до сих пор заставляет их избегать любого участия в политике, в том числе даже в виде участия в выборах. Почему?

Потому, что при существующей системе власти любому человеку — за исключением тех, кто полностью зависим от государственной поддержки (пенсионеры, инвалиды и т.д.) — гораздо проще и выгоднее решать свои личные проблемы самостоятельно. Либо за счет полного пренебрежения к государству и ухода в теневой сектор, либо за счет «частных» отношений с государственными чиновниками. А это имеет двойной эффект: во-первых, это разобщает людей, потому что такие частные способы существования никогда никого не объединяют. Каждый знает, где и как можно оставить государство в дураках, но это знание никогда не может стать основой для объединения, это очень индивидуальные технологии. Все недовольны жизнью, но справляется с этой жизнью каждый по-отдельности.

Любопытный факт: социологические опросы показывают, что *три четверти* населения, сопоставляя свое собственное положение и ситуацию, в которой, по их мнению, находятся все остальные, уверены, что лично они адаптировались к новым условиям жизни *существенно лучше*, чем вся остальная страна. Разница в оценках составляет примерно 20%. Вот вам пример разобщенности, которая кончается тем, что не веря в возможности изменить что-либо в стране на выборах, средний класс теряет к ним интерес и в принципе не осознает себя классом людей, объединенных общими целями.

Эффект — обратный. Незащищенность среднего класса превращает его в регулярного донора коррумпированного олигархического режима.

Это проблема отсутствующей самоидентификации личности как гражданина, как части общества. А если общество не строится на такой самоидентификации, ни у одной партии никогда не будет устойчивого электората, который объединяло бы что-либо еще кроме согласия в формах протеста. На этом держится устойчивость электората КПРФ или, например, Яблока. Но политическая система, построенная таким образом, не способна служить созидательным коллективным интересам. Политические позиции партий организованного протеста против существующего режима или приспособления к нему всегда будут крайне подвижны под влиянием конъюнктуры, которая для них всегда первична. А народ будет оставаться сообществом людей, объединенных лишь общей территорией, языком, менталитетом и общим недовольством безответственностью политиков.

В обществе, которое обходится без такой гражданской самоидентификации, возможны любые политические потрясения и экономические катастрофы, потому что они все равно не вызывают широкой целенаправленной реакции. И это усиливает безответственность власти, которая, в свою очередь, увеличивает масштабы социальной апатии. Для того, чтобы не только лишиться доверия, но и понести хоть какую-нибудь ответственность за свои действия при нынешних невнятных механизмах ответственности, власти нужно совершить что-либо экстраординарное. Очень показательный пример: для того, чтобы оппозиция сумела привлечь внимание общества к импичменту Президента, Президенту потребовалось не только начать, но и проиграть войну в Чечне. А коммунистам, для того, чтобы себя серьезно дискредитировать, потребовалось в этих условиях провалить импичмент.

Самое скверное следствие такой конструкции власти состоит в том, что она постоянно себя воспроизводит. Ведь суть того, что происходит в российской политике на протяжени последнего года, в течение которого сменилось столько правительств, — это периодическая смена элит, получающих доступ к власти. При этом постоянно то нарушается, то восстанавливается баланс между структурой и возможностями экономики и политическими позициями и амбициями элит.

Август прошлого года. После отставки правительства Кириенко исполняющим обязанности премьер-министра опять назначен Виктор Черномырдин. Он немедленно меняет условия реструктуризации внутреннего долга, предложенные инвесторам после 17 августа. И это очень быстро приводит к резкой девальвации рубля, что исключительно выгодно доминимирующим в этот период в политике *экспортоориентированным элитам*. Потому что устойчивый рубль в условиях резкого падения цен на нефть на мировом рынке лишает их существенной части доходов.

Почему же Черномырдин не становится премьер-министром? Почему его не утверждает в этой должности Государственная Дума?

Потому что в этот период уже достаточно сильна левая оппозиция, опорой для которой остаются финансово-промышленные элиты, ориентированные на внутреннее производство, прежде всего — *военно-промышленные бароны*. Им нужна другая экономическая политика. И премьером, на условиях всеобщего компромисса, становится Евгений Примаков.

Утверждение в сентябре прошлого года Евгения Примакова в должности премьер-министра в условиях девальвации рубля, изменения характера денежно-кредитной политики и продекларированной ориентации на приоритет внутреннего производства на основе внутреннего спроса, а не экспорта энергоресурсов, принципиально изменило лишь одну единственную вещь: этим назначением завершился процесс смены элит на доминирующих позициях в российской политической системе. Либералы, а вместе с ними и экспортоориентированная элита потеряли позиции во власти. Появление в правительстве коммуниста Юрия Маслюкова выглядело как свидетельство реванша другой элиты.

Но в реальности возник серьезнейший дисбаланс: новая элита укрепила свои политические позиции, получив формальное право на доступ к управлению финансовыми потоками государства, а в структуре экономики ничего не изменилось. Претензии на масштабную переориентацию финансовых потоков оказались несостоятельными, потому что зависимость экономики от сырьевого экспорта из-за роста цен на нефть на мировых рынках, а соответственно и роста экспортных доходов не только не ослабла, но и выросла. Тем более в условиях девальвации рубля, Положительное сальдо торгового баланса России сейчас держится именно на этом. Это два миллиарда долларов в месяц, и создать альтернативу такой зависимости, несмотря на все свои декларации, новая элита оказалась не в состоянии.

С отставкой Примакова, за день до рассмотрения в парламенте вопроса об импичменте Президента и с назначением Степашина, начался обратный процесс смены главенствующих элит. По большому счету, суть кадровых перемен в правительстве накануне думских слушаний по импичменту свелась только к тому, что от руководства бюджетными потоками, направляемыми в промышленность и сельское хозяйство, в правительстве оказались отлучены два коммуниста и отправлен в отставку премьер, который построил стратегию политической стабилизации на доступе левых хотя бы к частичному контролю над финансовыми потоками, происхождение которых обеспечивала в принципе другая элита.

Отставка Примакова и формирование нового кабинета — при всех разговорах о влиянии клановых интересов на этот процесс, при том, что он многими рассматривается исключительно как конъюнктурное политическое решение президентского окружения — восстанавливают нарушенный баланс. Новые министры и вице-премьеры (Калюжный и Аксененко) совершенно открыто заявили о том, что принципиально важной задачей Минтопэнерго и правительства должно быть восстановление нормальных отношений государственной власти с крупным капиталом, отказ от излишних жесткостей в доступе нефтяных компаний к экспортным возможностям, создание условий для увеличения добычи и экспорта нефти, поскольку именно это опять открыто декларируется как основа состоятельности бюджета. Это — полная переориентация экономической политики.

Так выглядит механизм самовоспроизводства политической системы: парламентская демократия, в рамках которой борются за власть олигархические группы, пренебрегающие законом ради собственных интересов, и оппозиция, для которой законность тоже гораздо менее значима, чем целесообразность. А

демократические выборы при этом используются как механизм легализации этой системы. Это примерно то, что на Западе называют нелиберальной демократией в России.

И все это вместе — в сочетании с тем, что реформы слишком долго не дают желаемого эффекта, уровень жизни многих слоев населения снижается, а перспективы неопределенны, — лишь подстегивает кризис идентичности.

Кризис идентичности — или государственной идеологии — во многом был усилен началом военной операции НАТО в Косово. Но в основе своей он вызван к жизни разительным диссонансом между уровнем национальной самооценки граждан России, привыкших думать о себе как гражданах одной из двух великих держав мира, как о наследниках советской империи и реальным положением дел.

Почему с этой точки зрения так опасна была проблема, возникшая в Югославии?

Потому что к растущему влиянию идей поиска «особого пути» для России добавилось агрессивное разочарование, на почве которого усиливаются реваншистские имперские амбиции, способные привести к власти крайне опасных демагогов.

Вторая, не менее серьезная проблема нашего сегодняшнего национального мироощущения состоит в том, что патернализм, который был основой государственной политики на протяжении многих десятилетий, породил соответствующий по масштабам уровень иждивенчества и соответствующей ему психологии. И сейчас это тоже превратилось в серьезнейший тормоз для экономических и социальных преобразований.

5. Перспективы

Последние лет 100, во многом благодаря таланту Достоевского, Россия воспринимается как страна с мистически загадочной душой, которой свойственны иррациональные порывы и частое отсутствие логики. Беда однако в том, что в последние десятилетия под этим мистическим образом прячется нечто совсем иное — голый и часто недальновидный прагматизм.

В нашей экономической политике в принципе отсутствует представление о долгосрочной стратегии. Власть постоянно объясняет обществу, что в ситуации кризиса необходимо принять первоочередные меры, чтобы отойти от края пропасти, а все остальное потом. В результате у общества нет критериев, по которым можно было бы оценивать нынешние действия власти или требования оппозиции. Нет перспективы, по которой можно было бы судить, на какую логику развития в результате будет обречена страна.

Или возьмем такой инструмент демократической власти, как налоговая политика. Налоги понимаются и используются у нас исключительно как фискальный механизм, а не как средство формирования интересов и предпочтений общества. Государственная Дума отложила на год введение в действие закона о контроле за соответствием доходов и расходов граждан. По сути, это закон о контроле за *крупными* расходами. Когда он принимался, доллар на валютном рынке в России стоил 6 рублей. Но к моменту его введения в действие курс

составлял уже 22 рубля за доллар, и это сразу опустило планку контролируемых расходов в валютном эквиваленте с 20 до 5 тысяч долларов. Закон был отложен — но лишь потому, что налоговая служба просто не в состоянии контролировать такое количество сделок. И ни разу во всей дискуссии об отсрочке закона не прозвучал тот важнейший аргумент, что согласившись признать крупными подконтрольными со стороны государства расходами сумму в 5 тысяч долларов, государство установило бы тем самым психологический стандарт жизни, предел социальных амбиций, границу личной инициативы.

Проблема, следовательно, состоит в том, что когда основой действий становится только тактика, только реакция на возникающие проблемы, результат выражается в стратегическом конфликте. И дело здесь не в одной экономике. Когда из поля зрения выпадает психологическая мотивация поведения людей, общества — это уже и проблема национального самосознания.

Еще пример: сейчас и власти и оппозиции тактически выгодно убеждать и население, и кредиторов в том, что мы патологически бедны. Это оправдывает и нужду в заимствованиях, и пороки власти. А в результате вредит и отношениям с кредиторами (потому что деньги дают не тому, кто в них нуждается, а тому, кто в состоянии их вернуть), и собственным перспективам развития — разрушаются стимулы, уничтожается мотивация достижения. Бедность как исходный принцип государственной социально-экономической политики ориентирует и само общество на другие цели, которые не имеют ничего общего с демократией, социально ориентированной или нет. Речь идет о подавлении личной инициативы.

К тому же, когда власть говорит о социальной ориентации рыночной экономики в России, — это, к сожалению, очень произвольное толкование. Потому что реальные критерии ее политики не соответствуют декларациям о социальной рыночной демократии. Когда 100 миллионов человек из 140 миллионов населения пользуются социальными льготами, которые государство не в состоянии оплачивать — это не неправильно понятые принципы социального равенства. Это отказ о них думать.

Проблема здесь в том, что у государства нет возможности или веры в свою способность исполнять необходимые функции в своем договоре с таким обществом, которое готово жить по более высоким стандартам жизни. Такое общество платит больше налогов, и платит их честно, но оно больше требует от государства. В такой ситуации в социальных критериях появляется — как исходная точка расчетов — проблема *качества* жизни.

В российской статистике бедность определяется по показателям *уровня доходов*. С ними соотносится прожиточный минимум, и каждый новый отчет государственного статистического управления напоминает обществу о том, что оно слишком бедно.

Но есть и альтернативная методика рассчетов, основанная на двух показателях — доходах и потреблении. В этой методике бедность рассматривается прежде всего как *лишения*, которые вынужден терпеть человек — неспособность платить за лечение или содержание в больнице, невозможность покупать фрукты и так далее. И эти расчеты показывают, что, например, в Санкт-Петербурге, где на момент проведения исследований было *33% домохозяйств с доходами ниже*

прожиточного минимума, реальные серьезные проблемы в потреблении испытывало только 10% семей.

Другой пример: Вязники — маленький город, а маленькие города стали центрами концентрации бедности. Здесь доходы ниже прожиточного минимума имеют 40% населения, но два и более лишения терпят лишь 23%, а три и более — только 15%.

Это — принципиально другая картина общества. И если она не учитывается, общество получает неверные ориентиры, создается перспектива и для социальных катаклизмов, и для технологических провалов в экономике.

Все это свидетельствует о том, что в России сложилась крайне опасная система зависимостей. Люди не доверяют власти и прячут доходы от откровенно глупой системы налогообложения. Власть знает, что заработная плата в реальных доходах граждан составляет процентов сорок, но точных данных не имеет и опирается на официальную статистику. Официальная же статистика создает картину нищеты и беспомощности, которая частично правдива, но в немалой степени просто удобна власти тем, что снижает уровень требований общества к власти, а людям позволяет игнорировать государство. И в результате все это приводит к тому, что власть и боится предложить обществу реальные реформы, которые могут потребовать новых жертв, и не в состоянии оплачивать все бессмысленные социальные льготы, от которых не способна отказаться по политическим соображениям.

Что же получается в итоге?

Очень простая вещь: как только приоритетом становится удовлетворение социальных запросов, понимаемое как раздача бюджетных денег всем поровну, власть должна снижать уровень этих запросов, потому что удовлетворить их невозможно. Ей выгодно считать население более бедным и обездоленным, чем на самом деле. Но результатом становится деградация экономики и изменения в политической системе, которые в точности соответствуют ложным представлениям о нищете и экономической несамостоятельности общества.

В такой ситуации неизбежно начинается поиск внутреннего врага, которого можно обвинить в ухудшении жизни. А это всегда ведет только к репрессиям. Потому что запланированное равенство устанавливается только насилием. А чтобы его оправдать, нужно культивировать идею порядка, который совершенно не обязательно имеет хоть какое-нибудь отношение к демократии.

Итак, повторим: что же мы получаем в итоге?

Данные социологических опросов указывают на то, что почти 70% избирателей питают веру в «особый путь» для России. И либеральная, и левая идеологии дискредитированы. Некоторые шансы на успех у избирателей сохраняют умеренно-социалистические взгляды, и на ближайших парламентских выборах хорошие электоральные перспективы ожидают умеренных лево-центристских консерваторов, которые от европейских социал-демократов отличаются двумя позициями: они верят в особый путь и не считают, что крупный капитал и государство должны быть разделены.

Означает ли это, что тем самым мы уже получили ответ на вопрос о том, что происходит с политической системой России: модель власти в России неизменна

в своей авторитарности или все-таки каждый из катаклизмов, переживаемых Россией, постепенно приближает ее к подлинной демократии, в рамках которой свободные выборы ведут к укреплению законности?

Нет, не означает. Ответ на этот вопрос может быть дан только на следующий день после ближайших президентских выборов.

Есть несколько вариантов их возможного исхода.

Первый и не самый вероятный — это еще одно избрание Бориса Ельцина или любой способ сохранения за ним поста Президента России посредством продления срока его полномочий на том или ином основании, — например, в связи с образованием союза России и Белоруссии или необходимостью введения чрезвычайного положения из-за ситуации на Кавказе и так далее. И это будет не просто сохранением авторитарности российской модели власти, это приведет ее к мгновенному окостенению.

Вариант второй, при котором на выборах Президента побеждает «наследник». Это само по себе потребует такого насилия над политической системой, что результат будет примерно таким же, как и в первом случае.

Вариант третий — победит сильнейший из нынешних критиков Президента и, победив, воспользуется всей системой власти, которая достанется ему в наследство, чтобы через некоторое время найти *своего* врага и бороться с ним столько, сколько удастся удерживать власть, вызывая сочувствие или ненависть соотечественников, для которых ничего к лучшему не изменится.

Условия предвыборной борьбы сейчас не позволяют рассчитывать на успех на президентских выборах любому из возможных претендентов, которые были бы лояльными его наследниками и, следовательно, способны были бы гарантировать элите, близкой к нынешней власти, защиту ее интересов после выборов. А поскольку и участие Бориса Ельцина в выборах на сегодняшний день практически исключено, любая технология, при помощи которой существующая властная элита может реально рассчитывать сохранить себя и остаться у власти, вряд ли может быть основана на чем-либо ином, кроме как на тех или других планах изменения самих условий проведения выборов — как минимум, их откладывания на том или ином основании (например, повторим, за счет возможного объединения с Белоруссией).

Но следствием любой формулы изменения условий и сроков выборов неизбежно станет формирование опять-таки более жесткого, более замкнутого политического режима, ориентированного на создание государственно-капиталистической модели экономики, основанной на тотальном контроле государства в финансовой системе и на доминировании в экономике крупных государственных (или с весомым участием государства) вертикально организованных отраслевых и межотраслевых корпораций. Такая модель оставит для свободной конкуренции только сферу услуг и мелкотоварного производства. Это технологически необходимо для сохранения контроля над ситуацией, но в любом случае — уже просто по факту насильственного изменения демократической процедуры выборов — создаст опасность серьезного ограничения политической активности в стране, приближая Россию в лучшем случае к китайской или южнокорейской модели развития.

Исключительная сложность ситуации состоит в том, что и победа политических оппонентов Президента Ельцина, наиболее вероятным претендентом на которую совершенно обоснованно считается Юрий Лужков, в рамках существующей системы власти оставляет примерно такой же набор возможных политических и экономических стратегий в логике государственного капитализма. И разница может оказаться лишь в том, что если Борис Ельцин построил свою технологию удержания власти на непрерывном поддержании бескомпромиссного конфликта с оппозицией, фактически отказавшись от статуса «Отца нации» ради того, чтобы остаться политическим лидером, то новый Президент — в рамках той же модели — может учесть веяния времени и, превращаясь в слишком заботливого «Отца нации», сжать и сторонников, и оппонентов в одном твердом кулаке.

6. Надежды?

И все же было бы ошибкой не заметить, что последние несколько месяцев обнаружили несколько тенденций, которые заставляют быть очень осторожными в пессимистических прогнозах ближайшего будущего.

Во первых, исключительно важно то, что в политических элитах явно формируется сегодня общее мнение о границах допустимых колебаний в экономической политике. И эти границы оказываются очень узкими. Настолько, что любое правительство, какой бы политической идеологии оно ни придерживалось, вынуждено действовать в одном и том же направлении. Правительство Примакова, по сути, выполняло программу правительства Кириенко, правительство Степашина продолжило логику правительства Примакова. Это происходит просто потому, что реальная оценка ситуации приводит политические элиты к пониманию той очевидной вещи, что либеральные проекты без разумной доли государственного влияния на экономику так же безнадежны, как и административное влияние без учета законов рынка. По сути, споры о существе, направленности и приоритетах необходимой экономической политики закончились.

А параллельно развивается едва ли не еще более важный процесс осознания элитами необходимости политического компромисса — на основе изменений в Конституции, которые позволили бы изменить принцип формирования правительства, и, соответственно, всю конструкцию политической системы в России. Представление о том, что правительство должно формироваться на основе победившего парламентского большинства, что обеспечит ему поддержку в Думе и заставит партии, его сформировавшие нести ответственность за результаты его деятельности, практически не только не оспаривается больше никем, но становится одной из основных тем избирательной кампании.

И, наконец, третья тенденция. Она состоит в очевидном и очень серьезном росте влияния законодательных решений. Если вернуться назад, к тому периоду, когда идеологическое противостояние между Президентом и левой оппозицией складывалось в институциональный конфликт властей, самой показательной характеристикой методов государственного управления была доля указов и постановлений правительства в общем объеме государственных решений. Страной можно было управлять указами, и это не мешало согласовывать экономи-

ческие программы с МВФ, получать внешние кредиты. Президент с Думой годами находились в бескомпромиссном конфликте, а премьер-министр играл роль политического посредника между ними.

Экономический кризис 1997—1998-го годов, отставка правительства Черномырдина после пяти лет у власти и достаточно болезненное, под угрозой досрочного и не выгодного Думе роспуска парламента, назначение нового премьер-министра изменили картину. Кризисное состояние экономики требует внешнего кредитования, а условием новых кредитов со стороны МВФ становится законодательное утверждение программы реформ или антикризисных мер в Думе. Это уже требует политического компромисса, который все еще невозможен, потому что даже если парламент признает оправданность и целесообразность предложенных мер, согласия с президентским правительством быть не может. Следующее правительство — Евгения Примакова — остается все в том же положении: оно очень зависимо от договоренности с МВФ и, соответственно, от думского утверждения экономической программы в качестве серии законов. Правительство уходит в отставку в силу политического решения Президента, поскольку Дума готова к политическому союзу с ним, и это делает Президента и премьер-министра не союзниками, а скорее противниками. Но в итоге разрушается институциональный конфликт властей: Дума нашла согласие с частью исполнительной власти. И следом за Примаковым правительство Степашина оказывается в точно таком же положении: в силу тотальной зависимости экономики от решения проблемы внешнего долга правительство в той же мере остается зависимым от законодательного утверждения экономических мер, на основании которых может быть обеспечено соглашение с МВФ о продолжении кредитования России. Премьер идет на уступки Думе, сохраняя с ней политический компромисс, это вызывает недовольство президентской администрации, но модель институционального конфликта властей сломана. Качественный перелом в конструкции политической системы произошел, и он привел к очень серьезным переменам в расстановке сил.

Если учесть вполне очевидное согласие относительно характера возможной и приемлемой для большинства политических сил экономической политики, то готовность парламента к взаимодействию с правительством в сфере законодательных решений создает достаточно широкое поле для устойчивого политического компромисса умеренных сил разной политической ориентации. Но при этом есть две силы, оказывающиеся в известной доле изоляции. Это Администрация Президента и коммунисты — непримиримые оппоненты, на борьбе против которых на протяжении нескольких лет строилась модель власти Бориса Ельцина. Она была основана на неустранимом конфликте как принципе своего существования, а он по определению не допускает того уровня политической стабильности, при котором законодательные решения вообще могут быть востребованы как регулятор общественно-политических и экономических процессов.

Эта модель власти исчерпала себя давно. Но сломали ее состояние экономического кризиса и привнесенная извне, усилиями МВФ, нужда в законодательных компромиссах. И сломали удивительно быстро. Показательно, с какой скоростью в некогда единой левой оппозиции теряет влияние КПРФ. Так же как

и Президент, КПРФ перестала быть необходимым генератором конфликта, едва только сложилось поле для компромисса между умеренными силами. И это мгновенно вызвало резкое обострение конфликта внутри самой КРПФ, связанное с глубинным противоречием между лозунгами и идеологией классовой борьбы, которая не укладывается в рамки парламентской демократии, и поведением КПРФ как парламентской, почти социал-демократической партии. Это заставляет радикальную часть левой оппозиции рассматривать руководство партии как часть правящей элиты, как соглашателей, идущих на уступки власти. А умеренную часть сторонников и союзников КПРФ не устраивает индоктринированность партии и ее неспособность ни к реваншу, ни к конструктивному взаимодействию с оппонентами.

Иными словами, мы наблюдаем очень плавный процесс формирования исключительно широкого и многогранного компромисса, в рамках которого формируются представления и о возможной неконфликтной экономической стратегии, и о принципах существования политической системы.

В общем, признано, что административные ограничения, которые ЦБ устанавливает на валютном рынке, полезны, если они позволяют правительству избегать рублевой эмиссии и избыточного давления рублевой массы на курс. И если при этом стабильность курса обеспечивает сохранение хотя бы на нынешнем уровне положительного сальдо торгового баланса, которое позволяет увеличивать валютные резервы и по крайней мере частично расплачиваться с кредиторами по внешнему долгу. А поскольку это создает ограничения на импорт, то тем самым складываются и условия для роста внутреннего производства, что в принципе, при грамотной поддержке, может создать основы для стабильного экономического роста экономики в целом.

Реальная стратегия необходимых экономических реформ в России обязательно будет далеко выходить за рамки нынешних представлений об экономической политике. Потому что создать основы роста и конкурентоспособности невозможно, не затрагивая врожденных пороков экономики. Необходима политика, способная стимулировать и обеспечить перемещение и создание иной конфигурации производительных сил в стране. Необходимо представление о том, что вообще может стать основой роста в российской экономике — отрасли или регионы? Какие территории в стране должны стать основой аграрного производства, какие — промышленного, где должно сосредоточиться производство добавленной стоимости и на каких территориях просто нерентабельно поддерживать нынешнюю плотность населения.

Если начинать стратегические построения с таких неизбежных основ, то придется иначе посмотреть и на принципы миграционной политики, которая должна увеличить мобильность населения. А для этого необходимо менять принципы социальной политики, основы здравоохранения и образования. Реформы налоговой системы потребуют учета не только нынешних интересов бюджета, но и перспективной ориентации производства на другую структуру экономики и другие традиции жизни. Это очень длительные, очень серьезные по масштабам преобразования, которые и от внешнего мира требуют понимания того, что это долго и трудно. Но прежде всего, они требуют политической

стабильности, потому что эти проблемы не могут быть предметом идеологического соперничества в той форме, в которой оно существует сейчас.

Благоприятную альтернативу в этом отношении в состоянии обеспечить только два обстоятельства:

- сохранение конституционных условий и парламентских, и президентских выборов;
- сохранение экономической политики, основанной на балансе интересов основных соперничающих элит, что может создать основу для формирования общего мнения относительно политически устойчивых и эффективных механизмов государственного управления реформами, учитывающими интересы общества.

Как всякая идеальная схема, такая конструкция страдает одним недостатком: она способна быть реальной только в том случае, если в стране есть правительство, достаточно сильное и достаточно независимое для того, чтобы построить экономическую политику на учете противоречивых интересов, оставаясь независимым от них.

Но растущее влияние той идеи, что стабильность политической системы может быть обеспечена за счет перехода к формированию правительства на основе победившего думского большинства, тоже имеет все-таки достаточно прочное основание и делает перспективу появления такого правительства не такой уж безнадежной. Слишком уж очевидна и откровенно всем надоела технологическая бессмысленность нынешних отношений властей, все весомее становится недовольство губернаторов тем, что доминирование коммунистов в парламенте лишает его способности к практической работе, да и тенденция к росту влияния политических объединений с невнятной идеологией, но явно отрицающих и либеральный реванш, и коммунистическую реставрацию, тоже достаточно уже себя проявила. И все это вместе вполне сочетается с ростом интереса избирателей к умеренным центристам-консерваторам.

Конечно, идеологически все это представляет собою растущую концентрацию всего лишь относительно деполитизированного прагматизма — да, достаточно беспринципного, но зато и склонного избегать любых крайностей. А в нашей ситуации это может оказаться достаточно хорошей основой для того, чтобы уже сейчас начать закладывать основы политической конструкции, которая может быть создана после выборов и в результате выборов.

Нехватает только одного компонента: для того, чтобы умеренные лево-центристы в результате не получили возможность слишком настойчиво экспериментировать с поисками «особого пути» для России, необходимо формирование уверенной право-центристской коалиции. А с этим, как всегда, — проблема.

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

«ВЕЛИЧИЕ СМЕРДЯКОВЫХ»: ПАРТИЙНЫЙ ОТЧЕТ ОБ УБИЙСТВЕ

Забвение прав личности, свойственное каждой сатрапии, в Российской империи искони сопровождалось демонстративным преклонением перед волеизъявлением коллектива. Демагогическую сущность этого освященного веками обычая, весьма удивлявшего порой иностранцев, ни власти, ни население попросту не воспринимали.

Сокровенную традицию пренебрежения индивидуальным ради общественного или, точнее, кланового большевики довели до логического завершения и обратили в один из основных догматов своего вероучения. Извратив само понятие права, они наполнили его политическим содержанием и подменили пролетарской интуицией и практической целесообразностью. Окрестив свои рефлексы «принципами», а ксенофобию и обусловленную ею злобу — «революционным правосознанием», они приступили к беспощадной борьбе за собственные представления о прогрессе и социальной справедливости.

Если декабристы разбудили одного лишь интеллектуала Герцена, то большевики распалили пугачевское окаянство у тех, кого психиатры в XIX столетии называли нравственно помешанными, а в первой половине XX — антисоциальными или бесчувственными психопатами. *«Эмигранты, дезертиры и уголовные — вот три социальные элемента революции»*, — записывал в своем дневнике М.М. Пришвин в январе 1920 года[1].

Привлеченные необъятной перспективой беспрепятственного и безнаказанного мщения не только своим личным обидчикам, но и всему обществу в целом, «прирожденные преступники», по терминологии Ч. Ломброзо, влились в ряды большевиков и отменно отличились в покарании сограждан. В начале лета 1918 года пермским ратоборцам с «отжившей буржуазной культурой» подвернулся под руку великий князь Михаил Александрович. Сообщение о его убийстве впервые попало в печать лишь в 1923 году.

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ — родился в 1938 году в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Доцент Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Автор нескольких монографий и ряда статей в области медицины, книги «Вожди в законе» (1996); выступает как публицист в периодических изданиях. Живет в Москве.

Великий князь

Природа, как известно, скачков не совершает, но иногда проказничает. С любимым сыном императора Александра III, великим князем Михаилом Александровичем (1878—1918), она слегка пошалила, наделив его честью и достоинством, но забыв присовокупить к ним государственный ум и твердую волю. Из-за прискорбного несоответствия между высоким происхождением и слабостью характера великий князь совершенно не оправдывал возникавшие у придворных и общественных деятелей иллюзии, именуемые по обыкновению надеждами.

Граф С.Ю. Витте, обучавший Михаила Александровича народному и государственному хозяйству (политической экономии и финансам), видел в нем личность «благородную в высшем смысле этого слова», но не достигающую по уму и образованию уровня его старшего брата, императора Николая II, а к управлению и вовсе не подготовленную и не пригодную. Сдержанно, как и положено искушенному царедворцу, граф сокрушался по поводу неадекватного воспитания великого князя, которого продолжали пестовать, словно молодую девицу, и по достижении совершеннолетия[2].

Тем не менее Михаил Александрович оставался официально объявленным наследником престола с 1899-го (после смерти цесаревича Георгия Александровича) по 1904-й год (до рождения Алексея, сына Николая II). На случай своей внезапной кончины манифестом от 1 августа 1904 года Николай II назначил младшего брата правителем государства до совершеннолетия цесаревича Алексея, а 30 декабря 1912 года специальным указом Правительствующему Сенату снял эти обязанности с Михаила Александровича[3].

Сам великий князь никаких властных устремлений не выказывал и в государственных делах принимал участие скорее поневоле, нежели по призванию. Лишенный по существу политического честолюбия и амбиций, он даже в беспокойные 1905—1907 годы не вызывал ни малейшего интереса у террористов и запросто встречался с революционно настроенными студентами[4].

Частная жизнь прельщала его, похоже, куда сильнее придворной. Он увлекался фотографией, верховой ездой и своей двоюродной сестрой, принцессой Кобургской. Не получив согласия на бракосочетание с принцессой, он сошелся с дважды разведенной особой — урожденной Н.С. Шереметевской, в первом браке Мамонтовой, во втором — Вульферт. Крайне неудачный, по мнению света, роман завершился мезальянсом. Морганатическая супруга Михаила Александровича получила титул графини Брасовой (великому князю принадлежало имение Брасово). Родившийся у нее 24 июля 1910 года сын Георгий был возведен, согласно указу Николая II, в потомственное дворянское Российской империи достоинство с предоставлением ему фамилии Брасов и отчества Михайлович[5].

Через полтора года графиня Брасова стала причиной резкого расхождения Михаила Александровича с государем, царской семьей и двором, считавшем его теперь персоной не только безвольной, но чуть ли не слабоумной[6]. Последнюю черту под высочайшим недовольством и придворными пересудами подвел императорский указ Правительствующему Сенату от 15 декабря 1912 года:

«Находя ныне соответственным учредить над личностью, имуществом и делами Великого Князя Михаила Александровича опеку, Мы признали за благо взять на себя главное руководство означенною опекою, а непосредственное заведование всеми принадлежащими Великому Князю Михаилу Александровичу движимыми и недвижимыми имуществами, а также капиталами возложить на Главное Управление Уделов. Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит сделать надлежащее распоряжение»[7].

В армии, где Михаила Александровича знали как офицера скромного, но далеко не робкого и способного хладнокровно находиться на передовых позициях вопреки попечению охраны, к нему относились вполне уважительно[8]. На германской войне он командовал сначала Кавказской туземной конной дивизией, сформированной из горских добровольцев и более известной как «Дикая дивизия». Фанатично преданные великому князю абреки видели в своем военачальнике настоящего джигита и, чтобы заслужить его поощрение, были готовы на совершенно невообразимые подвиги; так, однажды они в пешем строю вырезали кинжалами пулеметную роту неприятеля[9]. В феврале 1916 года Михаила Александровича назначили командующим кавалерийским корпусом, а в январе 1917 года — генералом-инспектором кавалерии.

Тем временем в Государственной Думе нашла пристанище идея государственного переворота с отстранением от престола Николая II и передачей монархической власти законному правопреемнику Алексею при регентстве Михаила Александровича до совершеннолетия цесаревича; «мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю»[10]. Недозревший заговор не успел воплотиться в путч — его опередили Февральская революция и отречение Николая II от верховной власти в пользу младшего брата, подписанное 2 марта 1917 года в 15 часов.

Меньше суток Михаил Александрович числился номинальным царем из династии Романовых. На следующий день, 3 марта 1917 года, около полудня высокий, тонкий, хрупкий офицер с длинным, худым, почти юношеским лицом — таким великого князя запомнили в тот день собравшиеся у него члены правительства и Временного комитета Государственной Думы — объявил о невозможности для себя принять престол и заплакал[11]. Утром 4 марта его обращение к народу напечатали все газеты:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной борьбы и волнений народа.

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае восприять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием избрать представителей своих в Учредительное собрание, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основании всеобщего, прямого, равного и тайного

голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

3 марта 1917 года. Петроград. Михаил».

Самовластие всегда наказывает себя за то, что выдает полное бесправие за наилучший порядок. Не боги покарали последнего российского царя, словно лишив его разума, не рок обрушился на российскую державу в 1917 году, когда взлелеянный многовековым рабством произвол обернулся против правительства, а заодно и всего населения страны, — государство поплатилось за безответственность самодержавия и присущую ему неспособность к подлинным реформам. И в довершение всего своим отречением от верховной власти в пользу младшего брата последний самодержец нарушил не просто закон о престолонаследии, а исторический правопорядок в Российской империи. Как заметил еще в 1919 году Пришвин, *«всякая власть, приходя, обещает рай и, уходя, запирает общество в собственный нужник»*[12].

Великий князь же поступил сообразно своему характеру и воспитанию. Он не принял незаконно уступленный ему трон, не рискнул взвалить на себя тяжкий крест государственных забот, но и не отрекся окончательно от верховной власти, подобно старшему брату. Он всего лишь отложил самое важное в его жизни решение на неопределенный срок или, вернее, переложил непосильную для него ответственность на волю народа и Учредительного собрания, а пока суть да дело санкционировал, не отдавая себе в том отчета, узурпацию власти Временным правительством и наравне с братом оказался, таким образом, в ответе за беззакония последующих десятилетий.

Ссыльный князь

Не испытывая излишних сожалений по поводу отказа от короны, великий князь поселился, как заурядный обыватель, в Гатчине, где приобрел ранее небольшой дом, и на политическом горизонте больше не фигурировал. В феврале 1918 года его арестовали и, согласно постановлению Совнаркома от 9 марта, выслали «впредь до особого распоряжения» в Пермскую губернию вкупе с его личным секретарем, подданным Великобритании Брайаном Джонсоном, бывшим начальником Гатчинского железнодорожного управления полковником П.Л. Знамеровским и делопроизводителем Гатчинского дворца А.М. Власовым[13]. Вместе с Михаилом Александровичем добровольно отправились в ссылку его камердинер В.Ф. Челышев и шофер П.Я. Борунов. Морганатическая супруга великого князя сопровождать мужа не отважилась, но через два месяца навестила его в Перми.

Вслед за великим князем классовой чистке подверглись его родственники, в том числе самые отдаленные. Этому акту пролетарской справедливости предшествовало предписание председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого: *«Все члены бывшей династии Романовых, независимо от степени родства их с Николаем Романовым, имеющие от роду не менее 16 лет, проживающие в г. Петрограде и в*

ближайших к нему окрестностях, обязаны явиться в течение 16, 17 и 18 марта между 11 и 5 часами дня в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, Гороховая 2, по возможности с удостоверениями о личности и 2 фотографическими карточками. Уклонившиеся от исполнения настоящего распоряжения будут арестованы и преданы суду за неисполнение распоряжений Советской власти»[14].

Между тем Пермский Совет счел за благо выделить Михаилу Александровичу казенную койку с тюремным пайком в губернском застенке. Тот воспротивился. Тогда Пермский Совет вознамерился предоставить ему приличную жилплощадь (и одновременно укрытие от возможных посягательств на его жизнь) в недавно отремонтированном помещении тюремной больницы, но великий князь безопасной обителью пренебрег и даже сумел отбить телеграммы наркому просвещения А.В. Луначарскому и управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу: *«Сегодня двадцатого [марта] объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех [в] одиночное заключение [в] Пермскую тюремную больницу вопреки заявлению Урицкого о жительстве [в] Перми [на] свободе, но раздельно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет не разлучать [нас] ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной, [не знает] как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов»*[15].

К безмерному удивлению губернских большевиков, жалоба младшего брата последнего царя без внимания не осталась: в телеграмме от 25 марта Бонч-Бруевич предложил выпустить его под присмотр Пермского Совета, а Урицкий разрешил ссыльнопоселенцу свободное проживание в городе. Изрядно огорченный легкомыслием центральной власти и своеволием великого князя, Пермский Совет отступился, поручив милиции и губернской ЧК осуществление гласного надзора за сосланным «кандидатом на престол»[16].

Михаил Александрович въехал в гостиницу «Королевские номера», возведенную в 1907 году на средства лесопромышленника В.Н. Королева и сразу поразившую местных жителей необычной постройкой и шикарным интерьером. Поднадзорный князь снял две небольшие комнаты на третьем этаже и стал усердно заполнять вынужденный досуг. Он принимал у себя знакомых и сам наведывался к ним, гулял по городу и его окрестностям и катался на лодке, иногда даже сам греб, ходил в театр и щедро оплачивал билеты на благотворительные концерты, играл на гитаре и много читал, несколько дней промаялся от боли в животе, напоминающей по описанию язвенную и, видимо, не раз посещавшей его раньше, и аккуратно заносил в свой дневник скудные впечатления праздного человека[17].

Местные власти, хоть и пытались непроизвольно копировать деятельность ненавистного жандармского управления, визиты и переписку репрессированного князя практически не контролировали и только потребовали, чтобы с 21 мая он каждое утро отмечался в окружной ЧК. Обыватели же относились к нему равнодушно или благожелательно. В Страстную субботу, по возвращении в гостиницу после заутрени, он нашел у себя в номере много цветов, куличей и пасхи от лиц, не дерзнувших раскрыть свои имена[18].

Велико же было потрясение местных жителей, когда в середине июня Михаил Александрович и его секретарь вдруг скрылись из города. Слухи не то о похищении, не то о бегстве ссыльного покатились по стране со скоростью курьерских поездов, обрастая по пути фантастическими подробностями и вызывая легкое замешательство в советских кругах, ошарашенных к тому же телеграммой из Перми от 13 июня:

«Срочная, вне всякой очереди.

Москва, Сов[ет] нар[одных] ком[иссаров], Чрез[вычайная] Ком[иссия], Петроград, Коммуна, Зиновьеву, копия Екатеринбург, Облас[тной] Сов[ет] деп[утатов], Чрез[вычайная] Ком[иссия].

Сегодня ночью неизвестными лицами [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов. Приняты самые энергичные меры. Пермская окружная чрезвычайная комиссия»[19].

Центральная власть притихла в недоумении. Репортеры силились отловить неясные толки. Первое официальное сообщение о случившемся пермская пресса опубликовала 15 июня 1918 года:

«В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явились трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский Областной Совет.

Производятся энергичные розыски»[20].

Пронеслись еще несколько взвихренных дней галопирующего 1918 года, и скромные правительственные чиновники, пожелавшие остаться неизвестными, поделились с журналистами конфиденциальной информацией. По их сведениям, подпольный «монархический комитет», связанный с необычайно засекреченными иностранными организациями, через бывших помещиков, священнослужителей и пермских обывателей, симпатизирующих великому князю, установил контрреволюционные контакты с Джонсоном, внушившим своему патрону порочную мысль возглавить некое «движение». После долгой и тщательной подготовки побега заговорщики умыкнули ссыльного и потаенными тропами доставили его в ближайший лагерь чехословаков, откуда он направился либо под Архангельск, либо в глубь Сибири[21].

Ответные действия властей последовали незамедлительно: петроградские чекисты отправили в тюрьму жену беглого князя; в Перми приступили к массовым арестам и обыскам всех подозреваемых в тайных сношениях с монархистами вообще и Михаилом Романовым в частности, а для почина заключили под стражу архиепископа Андроника, четырех священников и одного протоиерея[22]. Из Екатеринбурга на имя Дзержинского, Бонч-Бруевича и Свердлова поступило телеграфное уведомление: *«После побега Михаила Романова [в] Алапаевске нашим распоряжением [в] отношении всех содержащихся лиц романовского дома введен тюремный режим. Председатель областного Совета Белобородов»*[23]. Возмущенные пролетарии города Севска Орловской губернии разгромили и сожгли дотла сахарный завод в имении, еще недавно принадлежавшем великому князю[24]. Не остались в стороне и эсеры; убежденные в преимуществах северного маршрута побега, они установили в Архангельске неусыпное наблюдение за сторонниками царского режима, дабы произвести своевременные аресты при появлении Михаила Александровича и угрозе монархического переворота[25].

Вскоре пошла, однако, молва, будто Михаил Романов объявился в Омске, встал во главе сибирских повстанцев и выпустил манифест с призывом к свержению советской власти, восстановлению законности и созыву Земского собора. Центральная пресса опровергать эти домыслы не захотела, но предупредила злопыхателей, что революционный пролетариат ни крупицы власти никому не уступит, несмотря на происки буржуазии и «социал-соглашателей» в лице меньшевиков и эсеров[26].

«Летом 1918 года, — вспоминал спустя много лет А.И. Деникин, — *ко времени первых успехов Сибирской армии распространился широко по советской России и Югу слух о том, что сибирские войска ведет против большевиков великий князь Михаил Александрович. Газеты печатали его манифест. Периодически эти слухи и печатанье апокрифических манифестов в провинциальной печати, преимущественно крайней правой, возобновлялись даже в 20-м году (в Крыму)»*[27]. Самого Михаил Александровича никто больше не встречал. Самозванцы же, выдававшие себя за великого князя, еще долго шастали по Сибири.

Рапорт Пермского обкома

Тайна, запертая в шалой голове, рано или поздно тухнет и вздувается, как просроченные консервы. Не проболтайся старый большевик, организатор оппозиционной Рабочей Группы Гавриил Ильич Мясников (он же Ганька для соратников или просто Ильич для подчиненных) о своей роли в исчезновении Михаила Александровича, и этот эпизод великой гражданской бойни продолжал бы, наверное, постепенно скисать в чуланах памяти отдельных пермских коммунистов. Но в азарте препирательства с Ильичом Первым пермский Ильич полностью утратил чувство реальности. Целиком поглощенный идеей собственной значимости, он вошел в раж настолько, что в конце 1921 года издал недозволенную брошюру о собственных идейных разногласиях с ленинской партией и даже всучил ее ответственным товарищам в Москве и на Урале.

Означенная брошюра пустилась гулять по свету и неведомыми путями попала в руки историка и публициста С.П. Мельгунова, изгнанного в Западную Европу

(совместно с другими бесполезными для советской власти интеллектуалами) и опубликовавшего в 1923 году свой знаменитый труд «Красный террор в России». Назвав Мясникова убийцей великого князя, Мельгунов не преминул процитировать в этой книге чуть сокращенный фрагмент из скандальной брошюры: *«Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист пятнадцать лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, а был бы я просто слесарь-коммунист того же завода, то где же бы я был? В Чека или больше того: меня бы «бежали», как некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Розу Люксембург, Либкнехта».*[28]

Историография большевиков включала в себя по крайней мере два варианта минувшего: один для наружного употребления, а другой — для внутреннего; первый, в форме нередко разноречивых легенд, — для укрепления большого советского мифа, а второй, в виде засекреченных архивных документов, — только для себя. Когда Мясникову стало невтерпеж хранить свою тайну, выяснилось, что ЦК РКП(б) никакой информацией о судьбе великого князя не располагает и вынужден поэтому обращаться за справкой к пермским большевиками.

Обстоятельный отчет о событии шестилетней давности Пермский окружной комитет РКП(б) сумел подготовить к 29 мая 1924 года, да и то лишь после неоднократных напоминаний из центра. Многостраничной машинописи мышиного цвета предшествовала объяснительная записка с шаблонным грифом «С. Секретно»:

«В ЦК РКП(б)

Истпарт — отдел Пермского окружкома РКП не мог согласно всем прежним отношениям Вашим, а также последним за № 12/40256 и за № 65 выполнить в срочном порядке Ваше задание, так как материалов готовых в Истпарте, т.е. дел об убийстве Михаила Романова, не было. Только в последние дни удалось исчерпать весь ***показательный материал*** *(который* ***приведен полностью****, в надежде на Вашу редакцию) путем опроса, наконец, всех участников дела.*

Секретарь Окружкома РКП(б) *Туркин*
Зав. Истпартом *Ольховская»*[29]

В построении отчета был использован, как обычно, важнейший партийный принцип подмены: раз большевики представляют собой авангард рабочего класса, а их местный комитет олицетворяет этот самый авангард, то секретарь Пермского окружного комитета РКП(б) уполномочен вещать (и, соответственно, лгать в интересах дела или просто по обычаю) от имени всех уральских рабочих. К чистосердечным коллективным признаниям «участников дела» были приложены их групповые фотографии, дневник великого князя и сообщение прессы о его похищении и неустанных поисках пропавшего.

С. Секретно

Похищение Михаила Романова

В местной газете «Известия Совета Раб[очих] и Кр[естьянских] Депутатов» от 15-го июня 1918 г., в отделе местной жизни была помещена заметка о похищении Михаила Романова.

Но дело обстояло несколько иначе, чем говорится в заметке.

В 1918 г. Урал послужил местом высылки и ссылки исконных врагов рабочего класса России и Советской власти. В частности, в начале 1918 г. прибыл в Пермь один из членов царской семьи, поднадзорный Михаил Романов.

Вскоре вслед за Романовым в Пермь стали съезжаться никем не высылаемые лица, т.е. вся «великосветская» публика — семьи быв[ших] великих князей, «великие» княгини и князья, их телохранители и т.п.

В общем можно заключить, что негласно вслед за ссыльным Романовым выехала сюда постепенно вся его свита и различные родственники, которые селились в отдаленных кварталах Перми.

Михаил Романов был помещен (согласно директивам из центра) в центре города, в одном из роскошных домов — в номерах бывшего «Благородного собрания», — где и жил до перевода его в Королевские номера.

Жизнь Михаила, вернее великолепные условия его жизни на глазах у рабочих, сделали свое дело.

Не раз и не два проходившие мимо «благородного собрания» — белого дома с колоннами — рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... давно бы его того... укокошить надо бы, а не так...

Вот к чему по существу сводились замечания рабочих по поводу пребывания и жизни Михаила в Перми. Кроме этого и в Перми и Мотовилихе среди рабочих шли толки о том, что Михаил Романов очень уж часто гуляет не только по городу, но и за город, поднимается «на Горки» (район Перми, расположенный на высоких крутых холмах), откуда любуется на завод, на реку Каму, на противоположный берег ее.

Необходимо отметить, что в те дни обывательщина Перми была сильно встревожена «гонением на церковь», которое принесла с собой советская власть, производившая учет церковного имущества в связи с отделением церкви от государства.

Набожные старушки стали утешаться тем, что ходили «хотя глазком взглянуть на будущего помазанника божия»

Таким образом, около Михаила Романова и его прогулок создалось нечто вроде паломничества обывательщины.

В те дни большевикам в Перми всё еще приходилось вести ожесточенную борьбу за большинство в советах против эсеров и меньшевиков; так, даже в Мотовилихинском совете рабочих депутатов 50% [составлял] чуждый большевикам элемент, с которым приходилось бороться. Между тем, положение Урала становилось все тревожнее — в Сибири скоплялись силы белогвардийщины, а на Урале уже проявляли себя чехословацкие банды.

Рабочие вооружались, составляя отдельные отряды, которые уходили отражать чехословаков.

Создавалась военная обстановка работы — Урал находился под определенным ударом колчаковщины.

При всех указанных условиях работы тех дней, в апреле т. Иванченко Василий Алексеевич был назначен Губисполкомом начальником милиции и комиссаром по охране г. Перми. В первую же неделю его службы Пермская Губернская

Чрезвычайная комиссия передала т. Иванченко, как начальнику милиции, поднадзорного Михаила Романова со строжайшим наказом от Губисполкома и от ЧК «хранить Романова, как зеницу ока» (среди руководящих товарищей постоянно мелькала мысль о возможности побега Михаила).

Приняв под свой надзор Романова, т. Иванченко несколько изменил его режим. Первое время жизни в Перми Михаил Романов пользовался относительной свободой, являясь в Чрезвычайную комиссию лишь раз в неделю для регистрации. Теперь же т. Иванченко заставил являться Романова и его секретаря Джонсона три раза в неделю для отметки в журнале милиции. Не довольствуясь этим, т. Иванченко часто заходил к своему поднадзорному и часто не заставал его дома. На вопрос его, где Михаил Романов, отвечали: ушел гулять.

Тов[арищем]. Иванченко овладела мысль о полной возможности побега Михаила.

— А все-таки он у меня может убежать, говорил он себе.

В конце мая часов в 9 вечера к т. Иванченко, который занимался один в своем кабинете в управлении милиции, вошла дама «шикарно одетая», по словам т. Иванченко, которая просила повидаться с комиссаром.

— Я самый, — ответил т. Иванченко.

Ей, по-видимому, очень уж подозрительным показалось, какой это я такой комиссар, рассказывает т. Иванченко.

Обращаясь к «комиссару», вошедшая дама заявила, что она жена Михаила Романова и просит разрешить погулять с ним, конкретно не указывая места назначенной прогулки.

Тов. Иванченко в просьбе отказал, указывая, что Романов пользуется свободой и ходит, куда хочет.

Но в этот же вечер т. Иванченко окончательно решает вопрос о необходимости избавиться от Романова так или иначе и делает в Губисполком заявление, пробуя натолкнуть Исполком на мысль об окончательном избавлении от Романова.

Губисполком в целом категорически отрицает предложение т. Иванченко (кроме его председателя т. Сорокина В.).

Тов. Иванченко на этом не успокаивается, он говорит об этом некоторым ответственным работникам, в том числе т. Мясникову Гавриилу Ильичу.

Мясников, выслушав т. Иванченко, обещал ему во что бы то ни стало решить вопрос о Романове, в связи с тем, что Уралу угрожает уже явная опасность в самом недалеком будущем.

В первых числа июня т. Мясников встречает в Управлении Мотовилихинской милиции т. Иванченко и говорит ему:

— Из-за тебя дело стоит. План покражи Михаила Романова готов, остается обсудить дело практически.

Затем т. Мясников звонит управляющему Мотовилихинского электротеатра «Луч» т. Маркову, вызывает его в милицию.

Марков вскоре явился, и здесь состоялось первое совещание трех лиц — Мясникова, Иванченко, Маркова — о создании плана похищения Михаила Романова. Намеченный ими план выполнить втроем не представлялось возможным. Поэтому по рекомендации т. Иванченко был приглашен еще т. Жужгов

Николай, служивший в Мотовилихинской милиции, по рекомендации Маркова пригласили Ивана Колпащикова.

Марков предложил перенести на дальнейшее совещание в кино «Луч», так как в милиции их могли слышать, но и в конторе кино было небезопасно, поэтому все пятеро забрались в будку кино.

Здесь уже происходило окончательное распределение ролей при осуществлении намеченного плана.

Вечером 12 июня 1918 г. тов. Жужгову как служащему в милиции было поручено достать два крытых фаэтона с хорошими лошадьми, в которых все участники заговора отправлялись в Пермь.

Доехав до управления Пермской городской милиции, лошадей поставили во двор, а сами ушли в управление милиции. Здесь в заговор был посвящен т. Дрокин, помощник т. Иванченко, которому было поручено дежурство у телефона т. Иванченко (как начальника милиции), чтобы в случае тревоги задержать выезд конницы, находящейся в распоряжении милиции, которой пользовалась ЧК при подобных обстоятельствах.

Здесь же план похищения Михаила был окончательно выработан.

Решено было явиться в номера Королева (куда был переведен Романов, занявший комнаты под номером первым и вторым), к 11 часам вечера, предъявить ему документ, подписанный т. Малковым (в то время Малков был председателем Губернской Чрезвычайной комиссии), о срочном выезде Романова из Перми по указанию лиц, предъявивших мандат.

В случае, если Романов откажется ехать, брать его силой.

После принятого решения Мясников и Марков ушли в ЧК готовить фиктивный мандат на право ареста Михаила от имени и за печатью Губернской Чрезвычайной комиссии. Марков сам сел печатать мандат.

В это время в комнату вошел т. Сорокин, председатель Губисполкома. Он, по-видимому, догадался в чем дело, рассмеялся и ушел.

На заготовленном мандате была подпись т. Малкова и приложена печать Чрезвычайной комиссии.

К указанному времени Мясников ушел пешком к Королевским номерам (последний дом на левой руке по Сибирской улице у реки Камы), а тт. Иванченко, Жужгов, Марков и Колпащиков сели по два в каждый фаэтон и в свою очередь поехали туда.

Лошади остановились у парадного подъезда номеров. Жужгов и Колпащиков, правившие лошадьми, поспешно соскочили с козел и направились вверх по лестнице к комнате под № 1, где жил Романов. Иванченко и Марков остались у лошадей. Тут же по панели около дома ходил Мясников. Пройдя с Жужговым одну лестницу, Колпащиков дальше не пошел, а сел на диванчик рядом со швейцаром, который стал расспрашивать, зачем они сюда пришли. Колпащиков отвечал:

— К Михаилу Романову.

— Минут через 10 я услышал крупный разговор. Неизвестное лицо говорило, что Романов болен и идти не может. Жужгов, настаивая, требовал, чтобы Романов одевался, — рассказывал Колпащиков.

В это время поспешно спустились с лестницы к телефону два человека, которые стали звонить в управление милиции, в Чрезвычайную комиссию. Это были телохранители Романова; один из них матрос, другой ходил в штатском, как говорят, бывший жандарм из Гатчины.

Колпащиков выбежал на улицу и заявил товарищам, что происходит скандал, так как Романов не идет.

Действительно, Романов отговаривался, требуя вызвать по телефону «Малькова».

Мясников послал на помощь Жужгову Маркова Андрея; сам же поспешил уйти.

Вооруженный бомбой («коммунистом») и наганом Андрей Марков вместе с Колпащиковым вошли в помещение Романова.

Между тем Жужгову уже удалось путем угроз заставить Романова одеваться, но последний все еще продолжал упорствовать, не шел, ссылаясь на болезнь, и требовал то доктора, то «Малькова».

Вооруженный Марков, видимо, произвел на Романова впечатление. Михаил стал поспешно собираться, спрашивая, не нужно ли брать вещей и какие вещи.

Но Марков отвечал ему:

— Вещи ваши возьмут другие.

После этого Романов просил взять с собой своего секретаря Джонсона.

Ввиду того, что об этом обстоятельстве дела была договоренность между всеми участниками дела, Марков не стал возражать. Михаил накинул на себя плащ и вышел из номера, сопровождаемый Джонсоном. С ним шли Жужгов, который все время вел Романова, Колпащиков и Марков. Когда Михаил вышел на улицу, с ним случился обморок, он упал на колени, его подняли и посадили в первый фаэтон. Туда же сел с ним рядом т. Иванченко, на козлы вскочил Жужгов.

На второй лошади поехали Марков с Джонсоном. Правил лошадьми Колпащиков.

Погода стояла пасмурная, стало совершенно темно, шел дождь.

Лошади тронулись, завернули по Торговой улице и понеслись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Между тем швейцар номеров Королева и телохранители Романова все еще звонили по телефону в милицию и Чека.

С распоряжениями Чрезвычайной комиссии выходила какая-то непонятная заминка, не могли собрать конницу, не было начальства и т.д. — это т. Дрокин делал свое дело, выжидая условное время, когда похитители Романова должны были быть уже за чертой города.

После этого сам Дрокин звонит в Чека, о том, что Михаил убежал и погоню следует направить по Казанскому и Сибирскому трактам (т.е. как раз в обратном направлении маршрута похищенного Романова). К этому времени оба фаэтона подкатывали уже к Мотовилихинскому заводу.

Внутри фаэтона происходило следующее. Ехавший с Марковым во втором фаэтоне секретарь Романова Джонсон знал, чем должна кончиться их поездка — сопровождавший его Марков все время держал наготове заряженный револьвер. Но Джонсон вел себя спокойно и говорил Маркову:

— Зачем вам расстреливать меня. Богатством я не обладаю, живу на жалованьи. Есть у меня одна лишь старуха — мать. Романова Михаила также расстреливать не за что. Он человек либеральный, его любит народ.

Когда стали подъезжать к Мотовилихе, он спросил Маркова, куда их везут.

Марков отвечал, что на поезд, который стоит на разъезде — там в особом вагоне их отправят дальше.

Но затем Марков отказался отвечать на вопросы.

Впереди на расстоянии нескольких саженей ехал Михаил Романов.

Узнав т. Иванченко, сидевшего с ним рядом, Михаил успокоился. Иванченко всегда относился к нему предупредительно, когда он приходил к нему в управление милиции, и Михаил считал его своим непосредственным начальством. Когда оба фаэтона поднялись на городские «Горки», Иванченко остановил лошадей, вышел из фаэтона и прислушался, нет ли погони, но ничего не было слышно.

Стало еще темнее, по-прежнему шел дождь.

Когда подъехали к Мотовилихе, Романов вдруг спросил:

— Неужели меня сегодня расстреляют?

Его тревожило, главным образом, присутствие Жужгова, на которого он и указал т. Иванченко. Но Иванченко стал его успокаивать, рассказывая всю дорогу о том, что Перми грозит опасность в связи с наступлением белогвардийцев, что возможны восстания, неорганизованные выступления массы и т.д.

— Не помню еще какую чепуху я говорил ему, рассказывает т. Иванченко.

В ответ на все эти речи Михаил крепко жал руку т. Иванченко и говорил ему:

— Знаешь начальник, если только я спасусь, я засыплю тебя золотом и богатством.

В то же время Михаил вынул записную книжку и в темноте записал себе на память фамилию Иванченко.

Проехав Язовую (район Мотовилихи), около керосинного склада свернули направо по дороге в лес.

Раздалась команда: Стой!

Не успел Иванченко попросить Романова выйти из экипажа, как раздался выстрел.

Это т. Марковым был убит наповал выстрелом в висок секретарь Джонсон, по требованию Маркова вышедший из фаэтона. Колпащиков тоже стрелял, но курок его дал осечку, застрял патрон.

Испугавшись выстрелов, лошадь Иванченко понеслась в глубину леса. Иванченко бросился за ней.

В то же время Жужгов выстрелил в Михаила Романова, но только ранил его.

Раненный Михаил бросился с распростертыми руками к Джонсону и, желая проститься с ним, кричал:

— Разрешите проститься с ним.

В это время Марков в упор на расстоянии сажени дал второй выстрел. Романов был убит.

Вернулся из лесу Иванченко и, желая удостовериться, что всё покончено, при свете электрического фонаря увидел лежащих Романова и его секретаря.

Вскоре начало светать.

Остерегаясь, чтобы не заметили большую группу людей с двумя экипажами, участники дела забросали трупы убитых прутьями, хворостом и уехали обратно в Мотовилиху.

Там в управлении милиции обсудили, когда и как зарыть трупы.

Решили, что на следующую ночь Жужгов и Колпащиков должны выкопать ямы приблизительно на три сажени глубины, сложить в них трупы и, засыпавши, заложить дерном вровень с землей. Так и сделали.

На следующий день, т.е. 13 июня, как только т. Иванченко явился на службу в управление милиции, ему подали рапорт о побеге Михаила Романова.

Все сотрудники были взволнованы. Губчека была вся на ногах. В рапорте были указаны все обстоятельства похищения Михаила и принесена жалоба на т. Дрокина Василия Андреевича, который в то время, как дана была тревога, и конница милиции начала уже выезжать, задержал ее, ссылаясь на то, что он не может без начальника дать распоряжение о выезде конницы.

Таким образом, действительно, благодаря дежурству т. Дрокина, удалось предотвратить погоню.

На другой день Губчека уже знала настоящее положение дел. Но это не мешало ей, однако, вести дело своим путем, в результате которого были арестованы родственники и «телохранители» Романова и преданы суду, как соучастники побега Михаила.

В первые же дни похищения Михаила Романова в Перми и Мотовилихе стали ходить разные слухи. Говорилось о том, что Романова похитили какие-то офицеры, но какие и кто неизвестно. (Этот слух пустил заведующий номерами, который принял Маркова Андрея за офицера, так как ему показались нашивки на рукаве Маркова, какие носили раненые офицеры; кроме того у Маркова на левой руке были часы).

Со стороны красногвардейцев шли слухи, что похищение Романова совершили белогвардийцы; даже в самой партийной организации разносились слухи о том, что Романова похитили ответственные работники — коммунисты, подкупленные белогвардийцами. Рабочие бранили Чрезвычайную комиссию, у которой «из-под носа» украли Романова, и т.д. Слухи всё росли.

На третий день похищения Романова Мясников вновь созывает всех участников дела в управление Мотовилихинской милиции и сообщает следующее: ввиду того, что в Перми идут различные толки о побеге Романова, что взбунтовалась не только обывательская масса, но и рабочие, необходимо вырыть трупы и подкинуть их на Егошихе (местность между Пермью и Мотовилихой) или к Королевским номерам обратно.

Мясников основывался на том, что масса считает Михаила похищенным и живым и белогвардийщина может воспользоваться ходячими слухами и восстановить сибирским царем какого-нибудь белогвардейца, назвав его Романовым. Мясников объяснил, что таким путем — подкинув трупы — можно заставить замолчать обывательщину и успокоить рабочих.

Тов[арищ] Иванченко категорически запротестовал. Также и Марков серьезно убеждал товарищей не делать этого. Марков говорил, что такая политика для

нас недопустима, так как, во первых, здесь замешан английский подданый, секретарь Романова Джонсон, и это грозит последствиями; во-вторых, на похороны съедется вся белогвардейщина, и у нас создастся обстановка при которой будет возможно восстание.

После этого Мясников не стал возражать, остальные же поддерживали Иванченко и Маркова.

— Но неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы Мясников знал место, где зарыты тела похищенных. Но дело в том, что никто из участников дела не согласился указать местность Мясникову, — заканчивает свои показания т. Иванченко.

Вскоре в Москву ездил т. Туркин, который, будучи в курсе дела, докладывал Свердлову Я.М. о происшедшем. Мясников, также будучи в Москве, как непосредственный участник дела информировал о совершенном факте убийства Романова.

Свердлов послал привет остальным участникам дела, вспоминая 1906 г., когда он жил во времена подполья у т. Иванченко в продолжение 3-х недель.

Расправившись в силу сложившихся обстоятельств с Михаилом Романовым, рабочие Мотовилихи не успокоились. Та же группа задумалась над существованием в то же время в Екатеринбурге самого Николая Романова.

Составив план похищения Романова, группа рабочих поставила в известность о своем намерении Чрезвычайную комиссию в Екатеринбурге, предлагая свои услуги.

Но в ответ на это рабочие Мотовилихи получили обещание в самом недалеком будущем решить самим вопрос о Николае Романове в официальном порядке.

Через месяц этот вопрос, взволновавший Областной Совет Рабочих Депутатов, был решен окончательно, и в середине июля, в ночь с 16 на 17-е число Николай был расстрелян.

Только тогда, когда Урал стал могилой Романовых — старейших врагов рабочего класса России, — успокоились рабочие не только Мотовилихи, всего Урала, но успокоились рабочие всей России[30].

Этот поразительный документ сохранился в недрах бывшего Центрального партийного архива как редкая в своей непритязательности иллюстрация «революционного творчества масс», умилявшего некогда вождей. Заранее спланированную, преднамеренную расправу с великим князем и его секретарем не случайно рассматривали в дальнейшем как заурядный в период гражданской войны расстрел, осуществленный, хоть и «тайной группой» во главе с Мясниковым, зато по требованию рабочих Перми и Мотовилихи, то есть по воле народа[31].

Но никакие попытки обелить заговорщиков не могли скрыть ни проявленного ими машинального бесстрастия, близкого по сути к частичной эмоциональной тупости, ни абсолютно бессмысленного характера совершенного ими злодеяния. Убийцы стреляли не в любимого сына Александра III, не в боевого генерала и не в того слабого человека, который отказался принять престол и фактически ничем и никогда не угрожал советской власти, а всего лишь в беззащитного представителя чуждого племени, живой символ монархии, забро-

шенный волею вождей в ареал обитания провинциальных преступников. *«Нужно знать историю русского преступления, и поймешь русскую революцию*, — констатировал Пришвин в марте 1919 года. — *Недаром в конце Империи преступники государственные перемешались с преступниками уголовными, и постоянно в ссылке уголовные выдавали себя за политических. Завет революции: мщение всем, кто знал благо на родине»*[32].

Часть имущества, принадлежавшего убитым, сообщники поделили, а кое-чем поклонились руководству. Мясников подношениями побрезговал из идейных побуждений, а начальник милиции в Мотовилихе А. И. Плешков (или Плешанев), осенью того же года судимый за взяточничество и, очевидно, расстрелянный, взял себе на память золотое кольцо великого князя, его пальто и штиблеты. Непосредственных исполнителей преступления одежда и обувь убитых не привлекали. Начальнику Пермской городской милиции Иванченко полюбились золотые шестиугольные часы Михаила Александровича, а комиссару по управлению культурно-просветительными учреждениями Маркову — оригинальные серебряные часы секретаря великого князя[33]. В те годы наручные часы ценились очень дорого...

Пермские заговоршики

Ночь с 12 на 13 июня 1918 года словно подвела незримую черту под первой половиной биологического цикла Г.И. Мясникова (1889—1945). Немало довелось ему бесчинствовать и до, и после революции, изрядно сумел он покуролесить в бескомпромиссной борьбе за сугубо личное понимание правды и социальной справедливости, но именно убийство великого князя считал своим беспримерным подвигом, вспоминал как свой тайный триумф и даже описал, в конце концов, в графоманских мемуарах под заглавием «Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова»[34].

Окончив четыре класса ремесленной школы Мясников поступил слесарем на пушечный завод в Мотовилихе (ныне район Перми). В мае 1905 года шестнадцатилетний рабочий стал эсером, в сентябре перековался в большевика, а в декабре под предводительством А. М. Лбова (самого знаменитого в последующие годы уральского разбойника) участвовал в разоружении стражников и отстреле казаков[35]. В июне 1906 года Мясников сел за решетку вместе с членами Пермского комитета РСДРП во главе с Я.М. Свердловым. Формирование твердокаменного большевика продолжилось в одиночных камерах и ссылках, чередуемых с побегами, и завершилось в Орловской каторжной тюрьме, куда его поместили как раз к 300-летию дома Романовых в 1913 году.

Там получил он возможность почти неограниченного чтения и долгих непрерывных размышлений. Там отстроил собственную примитивную систему взглядов и переосмыслил для себя вопросы религии. Там окончательно возненавидел интеллектуалов и проложил персональный стратегический курс, выразив его позднее в одной емкой фразе: *«Надо реабилитировать Смердякова от гнусностей Достоевского, показав величие Смердяковых, выступающих на историческую сцену битвы свободы с гнетом, попутно рассказав всю правду о поработителях-богах»*.

Там же, наконец, постиг его тяжелый психический недуг с глубокой депрессией, зрительными и слуховыми галлюцинациями и самодеструктивным поведением: в экстазе самоистязаний он наносил себе кожные повреждения и затем препятствовал их заживлению[36].

Некоторая бессвязность мышления и особые условия Орловской тюрьмы не позволили ему, несмотря на склонность к сочинительству, создать какое-нибудь нетленное произведение, например, на тему «Моя борьба» или «Последний бросок на монархию». Впрочем, отсиди он свой срок целиком, согласно приговору, — глядишь, и выскочило бы из-под его пера что-либо харизматическое. Но в марте 1917 года восторженная толпа, дружно исполнявшая революционные песни, выпустила его на волю. В ореоле каторжного величия поседевший Мясников возвратился в Мотовилиху. Здесь его непререкаемость и готовность к образованию сверхценных идей были скоро востребованы: он занял пост председателя местного Совета (Совдепа на диалекте того времени).

Весной 1918 года он получил уведомление о первосортном классовом враге, свободно проживающем в лучшей пермской гостинице. Мясников насторожился. Все слова и поступки городских обывателей, провинциальных братьев по оружию и даже центральных властей немедленно приобрели для него некий специальный и весьма символический смысл, что в мирные времена могло бы рассматриваться как бред особого значения, а в тревожном 1918 году означало лишь бдительность настоящего большевика. В своих воспоминаниях Мясников красочно описал, как одним энергичным напряжением мысли он сразу раскрыл в Перми зловещий заговор кадетов, офицеров, монархистов и всей иностранной буржуазии. Явственно ощутив, как сама социальная справедливость тычет в него своим историческим перстом, он понял, что коварным происках всех супостатов можно противопоставить только собственный заговор. После непродолжительных самокопаний он задумал убийство великого князя и с этой целью в конце мая 1918 года делегировал себя в Пермскую губернскую коллегию ЧК, утвердив свое решение постановлением общего собрания коммунистов Мотовилихи. Теперь ему оставалось лишь наметить исполнителей и указать им последовательность действий.

Первым он выбрал Н.В. Жужгова (1877—1941) — немногословного экстремиста, надежного большевика чуть ли не с 1902 года, коренного жителя Мотовилихи, который «будет казнить, не волнуясь, как будто браунинг пристреливает», потому что злоба у него «какая-то холодная, расчетливая, не волнующаяся, а постоянная, пропитывающая всё его существо». С этим «народным мстителем» Мясников находился в приятельских отношениях еще в 1905—1906 годах.

Весной 1906 года Жужгов подался к «лесным братьям» из шайки Лбова, но через месяц вернулся в Мотовилиху, не удовлетворенный дележом награбленного, и затем трудился вымогателем — разносил письма с требованием денег под угрозой физической расправы. Осенью того же 1906 года во время обильного застолья он учинил драку со стрельбой, получил ранение и на допросе в больнице выдал своего обидчика — лесного собрата. Разбойника повесили, а Жужгова сделали внештатным осведомителем полиции и отправили в Пермскую губерн-

скую тюрьму, где его, не промешкав ни минуты, основательно избили, как только он очутился в камере. Свой срок за незаконное хранение оружия и принадлежность к банде Лбова он отбывал потом в качестве тюремной прислуги.

Весной 1917 года Жужгова амнистировали вместе с политическими заключенными, а в мае 1918 года нáрекли героем революции и назначили помощником начальника милиции в Мотовилихе. Доверие партии он так ревностно оправдывал систематическими убийствами, что с 1919 года состоял уже в должности заместителя начальника Пермской губернской милиции. Точное число своих жертв он, по-видимому, не удержал в памяти и впоследствии кичился, главным образом, тем, как покарал архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника: заставил старика выкопать себе могилу, зарыл его живым и лишь для порядка выстрелил несколько раз в землю. С присущей ему большевистской прямотой Жужгов писал в своей автобиографии: *«По поручению Правления Губчека я много выполнял важнейших дел, как то: аресты и расстрелы. Лично мною был арестован и расстрелян Михаил Романов (брат царя), Андроник (Пермский епископ), который вел контрреволюционное выступление против Советской власти, и я его тоже расстрелял. Много мною было арестовано и расстреляно»*[37].

Несмотря на усердие, в 1921 году Жужгова изгнали из большевистских рядов за пьянство, воровство казенного имущества, использование служебного положения в корыстных целях и неисполнение каких-то важных поручений. Окружная контрольная комиссия заменила, однако, грозную формулировку «исключить» на обтекаемую: «Считать из партии выбывшим». Поработав токарем на Невьянском заводе до 1927 года, Жужгов отхлопотал себе пенсию по инвалидности («как нервнобольной») и попытался вступить в общество старых большевиков. Тут-то и вскрылось, что до революции он тянул лямку сексота [38].

В компанию старых большевиков он, разумеется, не попал. Взамен персональной пенсии ему предоставили полное казенное содержание в концлагере, откуда его отпустили в начале 1941 года. Одинокий инвалид без каких-либо средств к существованию оказался в заштатном южном городке Геническе. В отчаянии он обратился за помощью в наркомат социального обеспечения и в мае 1941 года получил безапелляционный ответ: *«На Ваше заявление от 28.IV.41 г. Отдел персональных пенсий НКСО РСФСР сообщает, что Вы как осужденный и отбывший наказание в течение 5 лет право на пенсию утеряли. По всем вопросам Вашего обеспечения следует обращаться в Районный Отдел Социального Обеспечения. Если же Вы не имеете права на получение пенсии по социальному страхованию, по тем данным, которые нами посланы 20.II.41 г. Геническому Райсобесу, то Вам нужно будет возбудить ходатайство о возможности помещения Вас в один из домов инвалидов Запорожской области»*[39]. Через месяц началась война и социальное положение Жужгова уже ни у кого не вызывало интереса.

В отличие от сумрачного Жужгова, второй участник заговора В. А. Иванченко (1874—1938) казался воплощением доброты, сердечности и спокойствия. Мясникову же особенно нравились в нем скрытые за внешней мягкостью и ласковым голосом решительность и бесстрашие профессионального экстремиста.

Сын контрабандиста, высланного в Пермскую губернию и лишенного всех прав состояния по приговору военного суда, Иванченко окончил трехклассную начальную школу и, овладев специальностью токаря, устроился на пушечный завод в Мотовилихе. Член партии с 1902 года, он в 1906 году функционировал под личным руководством Свердлова, исполняя одновременно различные поручения Лбова в качестве резидента разбойника в Мотовилихе. По словам Мясникова, в том же 1906 году он прославился среди боевых товарищей убийством двух казаков. Со второй половины 1906 до середины 1907 года «марксист-самоучка» (как он себя называл) Иванченко занимался вербовкой новых головорезов и поставками в шайку Лбова продовольствия и, главное, оружия, закупаемого большевиками за рубежом. В конце июня 1907 года его задержали и после двухлетнего заключения осудили на 5 лет арестантских рот и 2 года ссылки[40].

В 1917 году Иванченко возглавил Красную гвардию в Мотовилихе, а в 1918 — Пермскую губернскую милицию. По окончании гражданской войны партия направляла его на самые ответственные участки трудового фронта — то в коллегию ЧК, то в трибунал, то в губернский суд. В 1927 году он получил по болезни персональную пенсию и затем ежегодно ходатайствовал о ее повышении. Невзирая на подпорченное здоровье, персональный пенсионер оставался членом горсовета и ретиво тащил воз общественных забот в секции революционной законности. Лишь однажды, в 1931 году, он оскоромился и нажил партийный выговор за использование труда «принудрабочих» (иными словами, заключенных) для ремонта своего дома и «обрастание» дорогим и добротным имуществом. В последующие годы он затаился и ничем себя не проявлял. После его кончины было принято решение похоронить старого большевика Иванченко у памятника борцам революции на горе Вышке, а одной из улиц в Мотовилихе присвоить его имя[41].

На роль третьего участника задуманной инсценировки побега Мясников пригласил «рубаху-парня» А.В. Маркова (1882—1965) — токаря пушечного завода и члена партии с 1906 года. Они познакомились в Пермской губернской тюрьме зимой 1907 года и через 10 лет снова встретились в Мотовилихе. Коренастый токарь горел «огнем злобы и мести» и ради торжества пролетарского дела готов был выполнить любое поручение Мясникова. Одна только особенность делала его совсем не похожим на соумышленников: он умел хорошо работать, легко осваивал новые профессии и любил свое ремесло.

Окончив двухклассное училище, Марков поступил в Пермские железнодорожные мастерские. Сначала работал слесарем, потом приобрел специальность паровозного машиниста. Призванный на воинскую службу в октябре 1903 года, он вернулся из Маньчжурии в Мотовилиху уже в июне 1904 года и сразу был принят слесарем-механиком на пушечный завод. Через 25 лет в своей автобиографии он писал, что убежал из армии в начале русско-японской войны, но умолчал о мотивах, по которым администрация военного завода без колебаний предоставила рабочее место дезертиру. По словам Маркова, в 1905 году он входил в состав боевой дружины большевиков, в 1906 — держал явочную квартиру, в декабре 1907 — был арестован и после недолгого следствия сослан в Сольвыче-

годск, а в июле 1910 — возвратился, как ни в чем не бывало, на родной завод и проработал токарем до 1918 года[42].

В 1918 году Маркова назначили комиссаром по национализации и управлению культурно-просветительными учреждениями Перми, но его неудержимо влекла к себе репрессивная практика. Вместе со своим напарником И.Ф. Колпащиковым (биография которого осталась неизвестной) он открыл беспощадную охоту на бывших полицейских, инженеров, священнослужителей и прочих граждан. Сколько человек успел он сам погубить за один только 1918 год, Марков не мог уточнить впоследствии не потому, что забыл, а потому, что, убив первых двенадцать, перестал считать остальных. Трупы расстрелянных палачи сбрасывали «для быстроты» в Каму[43].

В январе 1919 года, сменив фамилию, Марков переселился во Владивосток и взялся за мирное дело киномеханика. По некоторым слухам, он просто скрылся из Перми в обозе отступающих частей белой армии. Однако в автобиографии он объяснил этот неожиданный переезд личным заданием Мясникова: якобы тот приказал ему проникнуть на территорию, занятую войсками Колчака, «для разложения белой армии и подготовки восстания в тылу». Спровоцировать вооруженный мятеж трудящихся Дальнего Востока ему не довелось; к тому же в августе 1920 года кто-то опознал в незаметном киномеханике свирепого карателя, и Маркову пришлось экстренно перебраться обратно в Мотовилиху.

В условиях полной разрухи и отсутствия специалистов, часть которых он сам уничтожил, его профессиональные навыки весьма пригодились. Маркова назначили мастером, затем начальником цеха, потом заместителем директора завода. Одновременно он проявил себя безжалостным (или, на советском жаргоне, принципиальным) членом проверочных комиссий по чистке партии. С 1921 года его будущее казалось обеспеченным. Заслуженный душегуб неуклонно перемещался вверх по командной вертикали, всё плотнее врастая в номенклатуру полнеющим телом.

Административная карьера Маркова оборвалась внезапно: в мае 1931 года его наградили персональной пенсией, вынули из руководящего кресла в Челябинске, пересадили в Москву и переквалифицировали в управдома. Можно полагать, что на этом посту он исполнял еще и обязанности сексота НКВД. Теперь, когда он достиг вершины советского благополучия, его существование нарушали только редкие эпилептические припадки, да еще постоянное ощущение, будто ему чего-то недодали. Он непрестанно домогался льгот и подачек: то денежного пособия, то прикрепления к особому распределителю, то путевки в Мацесту, чтобы полечиться от ожирения. За безупречную службу партии персональный пенсионер союзного значения удостоился ордена Трудового Красного Знамени и захоронения на Новодевичьем кладбище[44].

Незадолго до смерти Марков вдруг разоткровенничался с журналистом. Пожаловался, что всю жизнь боялся мести монархистов (оснований для всевозможных опасений было у него предостаточно и без монархистов, порожденных его фантазией), похвалил часы, снятые на память с руки секретаря великого князя («идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз»),

и прихвастнул личным знакомством с вождями. Будто прикатил он летом 1918 года по служебной надобности в Москву, заглянул по делам к Свердлову, а тому вздумалось представить его Ленину. Вот он и поведал им двоим, что великого князя ликвидировали и «что сделано было чисто». Ленин его выслушал очень внимательно и сказал: «Ну, вот, и хорошо, правильно сделали»[45].

В действительности летом 1918 года никто и не собирался снаряжать Маркова в дальнюю командировку с докладом на высочайшее имя. Рапортовать вождям о пермских событиях мог только старый знакомый Свердлова, участник проходившего в Москве с 4 по 10 июля 1918 года V Всероссийского съезда Советов Туркин, получивший перед отъездом необходимые инструкции от своего непосредственного начальника Мясникова. Отчет Туркина о встрече с вождями Мясников воспроизвел потом в своих воспоминаниях:

«Я ему [Свердлову] передал то, что ты мне велел. И впечатление было очень сильное. Он был очень, очень доволен. И тут же созвонился с Лениным и немедленно назначил свидание. И я должен был повторить рассказ в присутствии Ленина и Свердлова. Ленин тоже очень был доволен, что Михаил не убежал, а его убежали. Тут же они решили, что они знают, что он бежал. И пусть так и остается. Словом, знаешь, Гавриил Ильич, они очень облегченно вздохнули, когда узнали от меня об этом, и тебя хвалили»[46] .

Можно не сомневаться в том, что Марков слышал этот рассказ еще в 1918 году. В компании единомышленников и, тем более, заговорщиков Туркин, прикипевший сердцем к партии и алкоголю, был не в силах утаивать подробности своего посещения вождей. Отчего постаревший Марков присвоил себе лавры Туркина — от неутолимого тщеславия или стремления извлекать из прошлого хоть минимальную выгоду, от неистребимой привычки лгать или грубых склеротических изменений, когда чужой успех приобретает черты личной собственности, — в конце концов, не имело особого значения. В любом случае реакция вождей на убийство великого князя в изложении пермских соратников совпадала. Да и предъявить какие-либо претензии к похитителю своей славы Туркин уже не мог.

Не успев получить хоть какое-нибудь образование, М.П. Туркин (1887—1947) с 15 лет проникся идеями пролетарского движения и прильнул к большевикам. Пик его активности пришелся на 1906 год, когда расторопный юноша приглянулся Свердлову и тот произвел его в ранг своего связного. За распространение листовок и соучастие в организации нелегальной типографии молодого подпольщика пять раз подвергали аресту и, наконец, выслали на два года в Туруханский край. Там он вступил в законный брак, но его жена вскоре стреканула за границу, так как против нее было возбуждено уголовное дело по обвинению в убийстве. Как только у Туркина в августе 1910 года истек срок ссылки, он устремился за женой в Лондон, где обучился столярному ремеслу и стал самостоятельно зарабатывать себе на пропитание. С 1914 года революционная семья переселилась в Цюрих: жена училась в университете, он трудился столяром. Весной 1917 года в пломбированном вагоне второго поезда, отправленного германским генеральным штабом в Россию, он прибыл в Петроград.

После октябрьского переворота Свердлов поручил ему доставить в Мотовилиху 3 пулемета, 500 винтовок и 25 тысяч патронов. Туркин привез оружие и прилепился к Мясникову — по существу в качестве его ординарца и порой дублера, а формально в должности секретаря местного исполкома. В 1920 году его назначили секретарем Пермского губернского (потом окружного) Комитета РКП(б), в декабре 1925 — понизили до уровня заведующего Истпартом Уральского обкома ВКП(б), а в сентябре 1928 — выставили на пенсию по болезни. О тяжести его недуга проговорился в 1931 году Кунгурский райком партии: «От употребления спиртных напитков до сего времени не отказался» (вместо глагола «не отказался» первоначально было написано «не вылечился»); посему в общество старых большевиков его не приняли и от всяких партийных нагрузок избавили[47].

Когда высокое столичное начальство заинтересовалось судьбой великого князя, Марков взялся за перо и 15 февраля 1924 года накропал донесение об инциденте 1918 года, сохранившееся в архивном полумраке и зачисленное позднее в разряд воспоминаний[48]. Опираясь прежде всего на этот текст, Туркин составил партийный отчет об убийстве младшего брата последнего царя. И Марков, и Туркин, и Мясников упомянули еще двух большевиков, посвященных в заговор.

Первый из них, помощник начальника Пермской губернской милиции В.А. Дрокин (1893—1938) окончил три класса земской школы (1906), научился токарному ремеслу (1909), вступил в партию (1912), четыре месяца отстрадал за идеологию в ссылке (1914) и с декабря 1917 года пошел в гору. В 1918 году он участвовал в формировании частей Красной армии, ликвидации отряда анархистов, заседаниях местного Совета и организации мастерской по изготовлению в Мотовилихе самобытных бомб — изделий типа «коммунист». Особенно кичился он своей ролью в «побеге» великого князя. Летом 1918 года Дрокин удостоился чести сфотографироваться на память в команде убийц. Остальные 20 лет жизни он растратил на дело партии, даже отсидел два года в кресле секретаря Пензенского горкома, приобрел несколько выговоров (в частности, «за невыполнение плана хлебозаготовок») и был расстрелян во время большого террора[49].

Второй приспешник заговорщиков, столяр из Вятской губернии П.И. Малков (1892—1956) в марте 1918 года был назначен членом Пермской губернской ЧК, а в августе — ее председателем. Именно он подписал фиктивный мандат, предъявленный убийцами великому князю. Ему же принадлежал план дезинформации об аресте великого князя и его секретаря 12 сентября 1918 года. Соответствующее объявление, уже набранное в типографиях пермских газет, цензура забраковала под каким-то своим, секретным предлогом, зато кремлевская служба мистификации тут же использовала. Российское Телеграфное Агентство (РОСТА) 18 сентября уведомило Киев: *«Подтверждается отсутствие в Архангельске бывших великих князей»*. Через день, 20 сентября, РОСТА преподнесло Киеву небольшую сенсацию из Кремля: *«12 сентября [в] 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермской губ[ернской] чрез[вычайной] ком[иссии] задержаны Михаил Романов и его секретарь»*[50].

Неразборчивость в средствах и предприимчивость сметливого пермского чекиста произвели отрадное впечатление на кремлевских вождей. Малкову поручали руководить то Вятской губернской ЧК, то войсками ВЧК Северокавказ-

ского фронта, то ДонЧК, а после гражданской войны его направили в систему советской торговли. Что именно продавал и покупал свежеиспеченный негоциант, особого значения не имело, тем более что в мае 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) распорядилось: обязать Коминтерн, ОГПУ и Разведывательное управление принять все необходимые меры, дабы сотрудники этих организаций ничем формально не отличались от общей массы советских служащих за рубежом[51].

В 1927—1933 годах Малков занимался коммерцией в Южной Америке, даже был арестован однажды аргентинской полицией и 18 дней содержался под стражей. Потом вывозил за границу лес. С 1936 по 1939 год выполнял особые задания советского правительства и военного командования в Испании, где тоже подвергался аресту и обыскам. Затем служил председателем президиума Всесоюзной торговой палаты, несколько лет провел в Колумбии, получил орден Трудового Красного Знамени и в 1947 году ушел на заслуженную пенсию[52].

Вокруг шумных нераскрытых преступлений всегда готовы роиться самозванцы. Не обошлось без них и в этой ситуации. В 1943 году крупный деятель советской внешней торговли Малков скромно отмечал в своей автобиографии: *«Работая в должности председателя коллегии Губчека я организовал расстрел Михаила Романова»*[53].

Но еще в 1928 году некий И. Г. Новоселов (крестьянин деревни Нагибино Камышловского уезда Пермской губернии, охранявший революционную законность летом 1918 года в должности просто «надежного милиционера», по выражению Маркова, а осенью — уже в качестве старшего агента Пермского уголовного розыска) заявил свои претензии на роль убийцы великого князя и его секретаря; их тела он с помощью Жужгова зарыл в лесу, и с тех пор никто так и не проведал, где «эта историческая могила». В тщетной надежде сорвать желанный куш он закидал высокие инстанции безграмотными прошениями о материальной компенсации за свое здоровье, потерянное на беспорочной службе в милиции и при особом отделе ВЧК, в Тюменском революционном трибунале и в должности народного судьи Дальнего Севера[54]. Пришвин, явно опередивший многих своих современников в осмыслении происходящего, 18 ноября 1920 года записал в дневнике: *«Коммунизм — это названье государственного быта воров и разбойников»* [55].

По окончании гражданской войны неожиданно приоткрылись глаза у Мясникова. Казалось бы, еще не так давно именно он надоумил пермских чекистов бросить в тюрьму камердинера великого князя Челышева и шофера Борунова «за содействие побегу Михаила Романова»[56]. Именно он чванился тем, что «развязал психологический узелок» последующих уральских преступлений, в том числе убийства пятерых великих князей в Алапаевске[57]. Именно он утверждал в прессе: *«Если каждый из нас станет агентом чеки, если каждый трудящийся будет доносить революции на контрреволюцию, то мы свяжем последнюю по рукам и ногам, то мы усилим себя, обеспечим свою работу»*[58]. И вдруг именно он летом 1921 года потребовал свободы слова для рабочих и крестьян, независимо от их партийной принадлежности, выложив свои аргументы в статье «Больные вопросы» и докладной записке в ЦК РКП(б).

Крайне расстроенный таким недомыслием испытанного большевика, Ленин направил ему пространное личное послание. В этом сбивчивом и взволнованном письме содержался практически всего один, но весьма откровенный тезис: свобода печати означает верную гибель коммунистической партии, а «мы самоубийством кончать не желаем» и потому ничего подобного не допустим[59]. Вождь мирового пролетариата явно не понимал, кого в данном случае он мнил урезонить. Одержимый собственной демагогией, Мясников собрал вокруг себя недовольных, окрестил эту своеобразную фракцию «Рабочей Группой» и превратился в ярого оппозиционера. Ровно четыре месяца опасливый вождь терпел его празднословие, а 5 декабря 1921 года распорядился: *«Надо усилить внимание к агитации Мясникова и 2 раза в месяц докладывать о нем и о ней в Политбюро»*[60].

Пока послушные соратники собирались с силами, Мясников отпечатал в типографии 500 экземпляров своей крамольной брошюры «Дискуссионные материалы». Тогда разгневанные соратники расстарались и 20 февраля 1922 года исключили Мясникова из партии, после чего он окончательно пошел вразнос. Через месяц его арестовали. Мясников начал сухую голодовку. Через 12 дней его выпустили и поселили в Москве, запретив куда-нибудь выезжать.

Мясников не унимался. Абсолютно не способный к какому-либо созидательному труду, теперь он полностью вошел в роль инакомыслящего пролетария. Преисполненный праведного хамства, он непрестанно строчил обличительные трактаты, а возрастающий риск противостояния властям лишь добавлял горючего в его неугасимую страсть к борьбе за собственную интерпретацию мифа социальной справедливости. Вожди, нередко похожие на него по складу характера, все острее чуяли в доморощенном еретике опасного и, видимо, неисправимого бунтаря.

В мае 1923 года его вновь арестовали, в июне выдворили в Германию, где он продолжал бушевать, в сентябре спохватились и поручили Дзержинскому найти единственно верное решение. Вождь карательных органов для начала поместил в тюрьму всех членов «Рабочей Группы», а в ноябре на заседании Политбюро заявил категорически: Мясникова пора брать[61]. Хитроумный Зиновьев, давно ненавидевший пермского Ильича, встрепенулся и по каналам Коминтерна запустил слух о прощении закоренелого оппозиционера и восстановлении его в партии. Обрадованный Мясников незамедлительно примчался в Москву, где его ожидали очередной арест и долгое одиночное заключение, во время которого его однажды пришлось вынимать из петли[62].

Через три с лишним года Политбюро сочло, что Мясников в достаточной мере перевоспитался, и на закрытом заседании 3 марта 1927 года постановило выслать его на три года в Ереван, выдав ему в качестве единовременного пособия 400 рублей и разрешив (в виде особой милости) служить в советских учреждениях[63]. В ноябре 1928 года он скрылся из Еревана за границу и после ряда мытарств и бесшабашных похождений в мае 1930 года прибыл во Францию, где пережил еще множество приключений (с арестами и побегами), достойных авантюрного романа. Снедаемый лихорадкой публицистической интоксикации, он продолжал беспрерывно писать статьи, брошюры и целые книги, клеймя вождей и проповедуя пролетарскую демократию; отдельные небольшие опусы ему удавалось иногда даже напечатать (в основном за свой счет).



Сидят (*слева направо*) Жужгов Н.В., Мясников Г.И., Иванченко В.А., Колпащиков И.Ф., Дрокин В.А.
Стоит сзади Марков А.В. 1918 год

В январе 1945 года его выманили в Советский Союз. Так и не поняв природы режима, который он сам некогда укреплял, а потом яростно критиковал, Мясников намеревался по возвращении организовать вторую партию на основе манифеста «Рабочей Группы», составленного им в 1923 году. Вместо этого он оказался опять в тюрьме. После изнурительного девятимесячного следствия Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания, и 16 ноября 1945 года Мясникова расстреляли[64].

* * *

На закате XX столетия пресса сообщила о создании в Перми благотворительного фонда для строительства историко-культурного центра. Силами фонда намечено воздвигнуть прежде всего часовню и звонницу на предполагаемом месте гибели великого князя Михаила Александровича[65]. Такое благое начинание дает повод для смутной надежды на долгожданное раскаяние. Не зря, наверное, говорили когда-то: не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не отмолишь. Лишь бы ускоренный ритм жизни на переходе к третьему тысячелетию не сократил и эту почти классическую формулу до обыденной скороговорки: не согрешишь — не отмолишь. Только почему инициаторами фонда, помимо Пермского епархиального управления и Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества, стали «Ультрасаундфильм» и клуб спортивных единоборств?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922. Книга третья. М., 1995, с. 18.

[2] *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960, т. 1, с. 431—432; т. 2, с. 189—198; т. 3, с. 49—52.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 668, оп. 1, д. 26, л. 2.

[4] Петроградский голос, 20.VI.1918.

[5] ГАРФ, ф. 668, оп. 1, д. 25, л. 2.

[6] *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990, с. 482, 493.

[7] ГАРФ, ф. 668, оп. 1, д. 26, л. 1.

[8] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1990, с. 267—268. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь, 1917. М., 1991, с. 382—383.

[9] ГАРФ, ф. 668, оп. 1, д. 108, лл. 1—3.

[10] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991, с. 449.

[11] *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990, с. 537—547.

[12] *Пришвин М. М.* Дневники. 1918—1919. Книга вторая. М., 1994, с. 301.

[13] Декреты советской власти, т. I, с. 578. Петроградский голос, 14.III.1918.

[14] Красная газета, 16.III.1918.

[15] ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 1109, л.л. 4, 32; ф. Р-393, оп. 1, д. 125, л. 14.

[16] *Быков П. М.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926, с. 119—122.

[17] Вопросы истории, 1990, № 9, с. 158—163.

[18] Петроградский голос, 18.VI, 19.VI, 22.VI.1918.

[19] ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 1109, л. 31

[20] Известия Пермского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов, 15.VI.1918.

[21] Новый вечерний час, 17.VI, 20.VI.1918. Петроградский голос, 18.VI, 19.VI, 21.VI, 29.VI.1918.

[22] Петроградский голос, 20.VI, 21.VI, 5.VII.1918.

[23] ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 1109, лл. 35

[24] Петроградский голос, 22.VI.1918.

[25] ГАРФ, ф.Р-1005, оп. 1а, д. 367, л. 45.

[26] Петроградский голос, 22.VI.1918. Известия, 25.VI.1918.

[27] *Деникин А.* Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь, 1917. М., 1991, с. 125—126.

[28] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990, с. 107.

[29] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 70, оп. 2, д. 266, л. 3.

[30] РГАСПИ, ф. 70, оп. 2, д. 266, лл. 5—17.

[31] *Быков П. М.* Указ. соч., с. 121—122.

[32] *Пришвин М.М.* Дневники. 1918—1919. Книга вторая. М., 1994, с. 264.

[33] ГАРФ, ф. Р-393, оп. 6, д. 116а, л. 12 об. Вечерняя Пермь, 3.II.1990. Литературная Россия, 21.IX.1990. *Буранов Ю., Хрусталев В.* Гибель императорского дома. М., 1992, с. 116—117.

[34] *Мясников Г.* Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова. Публикация Б.И. Беленкина и В.К. Виноградова. Минувшее: Исторический альманах, т. 18. М.-СПб., 1995, с. 7—191.

[35] Запасной унтер-офицер Преображенского полка, рабочий пушечного завода в Мотовилихе А.М. Лбов стяжал себе славу великого революционера за несколько часов короткого зимнего дня — 12 декабря 1905 года. В тот день возглавляемая им толпа напала на склад Нобеля в 7 верстах от Мотовилихи по Соликамскому тракту и завладела двумя десятками револьверов с патронами. После подавления в Мотовилихе вооруженного восстания 12—13 декабря 1905 года Лбов ушел в леса и к весне 1906 года сколотил банду численностью до 80—100 человек.

С мая 1906 по январь 1908 года «лесные братья» под предводительством Лбова учинили столько выдающихся по изуверству и дерзости преступлений в Пермской, Уфимской и Вятской губерниях, что прогремели на всю Российскую империю. Они убивали из мести, удальства и с целью грабежа мастеров и управляющих уральскими заводами, крестьян и городских обывателей, солдат и полицейских; совершали налеты на почтовые и заводские конторы, винные лавки и всевозможные склады; поджигали фабрики и лесные кордоны; зимой 1907 года напали на Пермскую губернскую тюрьму, а летом ограбили пароход на Каме. Тесные контакты с бандой Лбова поддерживали как эсеры, так и большевики (в частности, А.Г. Белобородов — будущий председатель Исполкома Уральского областного Совета, подписавший решение о расстреле Николая II и его семьи). В феврале 1908 года Лбова арестовали в городе Нолинске и в ночь на 2 мая того же года, по приговору открытого суда, повесили во дворе Вятской тюрьмы. В

советское время его именем назвали одну из улиц в Мотовилихе. (ГАРФ, ДП, ОО, 1907, д. 80, ч. 42, лл. 81—82. Красная летопись, 1926, № 1, с. 92—99).

[36] Минувшее, т. 18, с. 74, 156—157.

[37] ГАРФ, ф. А-539, оп. 3, д. 8780, л. 11 об.

[38] Вечерняя Пермь, 4.IV.1990. Литературная Россия, 21.IX.1990. Минувшее, т. 18, с. 59—60.

[39] ГАРФ, ф. А-539, оп. 3, д. 8780, лл. 3—4.

[40] РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 761, лл. 6—8. ГАРФ, ДП, ОО, 1912, д. 20, ч. 56, литер Б, лл. 41 об., 42, 45 об., 46.

[41] РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 761, лл. 6—25. Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, с. 227—230. Минувшее, т. 18, с. 60—62. Литературная Россия, 21.IX.1990.

[42] РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1205, лл. 4—6.

[43] ГАРФ, ф. А-539, оп. 5, д. 1552, л. 46.

[44] РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1205, лл. 4—6, 29—35; ф. 17, оп. 107, р/б к партбилету № 04629471. ГАРФ, ф. А-539, оп. 5, д. 1552, лл. 26—32. Революционеры Прикамья, с. 374—377.

[45] Вечерняя Пермь, 3.II.1990. Литературная Россия, 21.IX.1990.

[46] Минувшее, т. 18, с. 119—120.

[47] РГАСПИ, ф. 124, оп. 2, д. 585, лл. 3—6, 20. Революционеры Прикамья, с. 653—658. В кн.: Яков Михайлович Свердлов. Товарищ «Михалыч» в Прикамье. Сборник документов и материалов. Пермь, 1985, с. 99, 126

[48] ГАРФ, ф. А-539, оп. 5, д. 1552, лл. 49—51.

[49] РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 614, лл. 3—10; ф. 17, оп. 99, р/б к партбилету № 0950954. Революционеры Прикамья , с. 789.

[50] ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 529, л.л. 193, 196. Вопросы истории, 1990, № 9, с. 156—158.

[51] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 4, л. 123.

[52] РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 204463, лл. 1—3. Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, с. 366—373. Правда, 21.IV.1956.

[53] РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 204463, л. 2.

[54] ГАРФ, ф. Р-393, оп. 6, д. 116а, л. 17 об; ф. А-539, оп. 5, д. 1552, лл. 49—51. Литературная Россия, 21.IX.1990.

[55] *Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922. Книга третья. М., 1995, с. 108.

[56] Через два месяца после убийства великого князя пермские чекисты удивили вождей необычным запросом: *«В тюрьме находится прислуга Романовых. Ходатайствуем об освобождении. Телеграфируйте, как поступить»* (ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 93, д. 36, л. 407). Ответную телеграмму от 20 августа подписал сам председатель высшего законодательного органа советской власти Свердлов: *«Относительно прислуги Романовых предоставляю поступить [по] вашему усмотрению согласно обстоятельствам»* (ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 93, д. 36, л. 406). Легко уловив невысказанное Свердловым пожелание, пермские чекисты расстреляли Челышева и Борунова 21 августа (*Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925, с. 265).

[57] После «бегства» Михаила Александровича великих князей, высланных в Алапаевск (заштатный город Верхнетурского уезда Пермской губернии на реке Нейве), заключили под стражу в местной земской школе. Больше месяца о них

ничего не было слышно. Только 19 июля 1918 года в Москву и Петроград пришли телеграммы из Екатеринбурга:

«Алапаевский исполком сообщает о нападении утром 18 июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иоанн Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся. Председатель областного Совета Белобородов». (Петроградский голос, 20.VIII.1918).

[58] Известия, 1.X.1919.

[59] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 78—83.

[60] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 58—59

[61] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 1, лл. 10, 18, 24, 29, 31.

[62] РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 62, лл. 10.

[63] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 4, лл. 74.

[64] Минувшее , т. 18, с. 152—187.

[65] Известия, 14.VII.1998.

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ «КОНТИНЕНТА»

Берлин, 5—7 ноября 1977

Сокращенная стенограмма

Публикация и вступительная заметка Татьяны Максимовой

Берлинское заседание — пожалуй, единственное крупное континентское мероприятие, материалы которого (кроме нескольких напечатанных в «Континенте» резолюций и обращений) остались неопубликованными. Большинство выступлений на следующем расширенном заседании редколлегии (Милан, 1983) и на конференции, организованной вместе с Международным ПЕН-Клубом (Париж, 1987), были напечатаны в газете «Русская мысль». Стенограммы «круглых столов», проводившихся «Континентом» один — самостоятельно, один — в сотрудничестве с другими журналами восточноевропейской эмиграции, были опубликованы на страницах журнала. И только берлинская стенограмма, в свое время подготовленная к печати и даже снабженная редакционным вступлением, долежала в архиве журнала до нашего времени. В.Е. Максимов хотел издать ее в полном виде, книгой. И, конечно, средств на это не нашлось.

Между тем, берлинские выступления представляют не только исторический интерес. Исторический, конечно, тоже, демонстрируя не очень-то легкие условия существования свободного журнала в свободном мире. Исторический и в том отношении, что среди выступавших находился, например, член редколлегии «Континента» Александр Галич, чью безвременную кончину мы оплакивали всего месяц с небольшим спустя после Берлина. Вероятно, это было его последнее крупное публичное выступление. Но если обратиться к содержанию выступлений и Галича, и других участников заседания (тех, кого с нами нет, и тех, кто еще жив), то окажется, что и в нашем переменившемся мире они во многом не устарели и могут вызвать сегодняшнего читателя на размышления об отношениях человека и общества со своей свободой.

Руководствуясь этими побуждениями и желая выполнить волю покойного Владимира Максимова, я предлагаю эту стенограмму, заново просмотренную и сокращенную (за счет неактуального или слишком частного), вниманию читателей «Континента».

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

ИЗ МОИХ ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ В «КОНТИНЕНТЕ»

Недавно мне случилось просматривать алфавитную картотеку континентских материалов (не к юбилею журнала — по просьбе другого московского издания я искала публикации Милоша и о Милоше), и мне пришло в голову, что я, видимо, была самым печатаемым автором «Континента». Пользуясь «служебным положением»? Не совсем так. Может быть, так отчасти было со стихами: Максимов брал всё, что я предлагала, но все-таки я старалась этим не злоупотреблять. Рецензии (для обоих разделов: «Критика и библиография» и «Коротко о книгах») просто были нужны журналу — того, что писали «внешние» авторы, не хватало. Переводы... — естественно, что для журнала, занимавшегося и Восточной Европой, и связями с Западом, я все время переводила: и с польского, и с чешского, и с французского, и даже с сербско-хорватского. Далеко не под всеми переводами стоит моя подпись, хоть я и помню, что именно переводила. Я, конечно, старалась не монополизировать, искать переводчиков (кроме польского),

но или не всегда удавалось найти, или сроки поджимали, и опять приходилось браться самой.

Куда труднее было переводить «с русского на русский» — с этим я столкнулась в самом начале своей работы в журнале, когда у нас шел с продолжением чудовищно переведенный чешский сатирический роман. Оригинала у меня не было, и правку приходилось делать по интуиции. Влиятельный муж переводчицы жаловался автору, и мне едва-едва удалось с примерами в руках убедить писателя, что переводчица, хоть и родилась в Москве (и якобы считалась в Праге «лучшим переводчиком на русский»), русский язык знает из рук вон плохо. Иногда иноземные публицисты писали для нас прямо по-русски, и тут снова начинался перевод «с русского на русский», но эта работа выглядела по-другому, так как они не претендовали на звание знатоков русского языка, а само намерение было трогательным и символическим: ни русский язык, ни русскую культуру они не рассматривали как атрибут оккупации (ср. знаменитый спор Бродского с Кундерой).

Но вернемся к началу.

О начале «Континента» я помню не больше, чем всякий его ранний читатель или слушатель западных радиостанций в Советском Союзе. Правда, благодаря тому, что среди моих знакомых были люди, к которым номера журнала доходили очень быстро (например, Юлий Даниэль), и я попадала в первые читатели, и, например, когда, приехав в Вену, я кому-то сказала: «А вот в пятом номере «Континента»...», — мне удивленно ответили: «А мы пятый номер еще не читали...».

Единственную свою личную историю насчет — тогда еще только туманно задуманного и тем более не имевшего названия — журнала я уже рассказала на конференции в Париже в первую годовщину кончины Владимира Максимова. Перескажу ее, прибавив несколько слов о моем с ним знакомстве.

Мы были знакомы года с 62-го, когда я заходила в «Литературку» к своему приятелю в отдел критики. Тут я видала разных писателей, как раз тогда становившихся знаменитыми: и Окуджаву, и Максимова, и Войновича. С обоими последними мне случалось перекинуться словами, и уже не только я их знала, но и они меня. И потом мы с Максимовым друг другу на пути мимолетно попадались. Очень остро помню, как он позвонил в квартиру Солженицыных, где я после ареста А.И. сидела на телефоне, и почти горестно сказал: «А мне дали разрешение ехать в Париж...». Прибавлю, что Париж, куда он уезжал под угрозой, что иначе замотают по психбольницам, так и остался у него «почти горестным» до конца жизни.

Встретились мы вскоре, на проводах общих друзей (в те годы относительно массовой эмиграции все встречались на проводах), Сергея и Наташи Артамоновых. Максимов, сам вот-вот уезжавший, пришел туда важный, таинственный, привел с собой долговязого иностранца (немца, наверное), ни с кем не говорившего (может, вообще не говорившего по-русски?), и по секрету сказал мне — наверное, он многим это по секрету говорил, — что ему предлагают издавать на Западе журнал. «Но я поставил условие: чтобы это не был еще один журнал русской эмиграции. Объединить всю восточноевропейскую эмиграцию — тогда я согласен» (кавычкам прошу верить относительно: передаю содержание и решительный тон, за полную цитатность не ручаюсь). Это мне очень понравилось, а как стало ясно впоследствии — определило и мою позднейшую судьбу в эмиграции: в «Континенте» под моей опекой прежде всего был раздел «Восточноевропейский диалог» и особенно связи с поляками, установленные Максимовым, как известно, еще до начала издания журнала, но за последующие годы окрепшие и распространившиеся не только на эмиграцию, но и на «метрополию».

Как только мы (я с сыновьями) приехали в Вену, Максимов связался со мной, сразу попросил стихов (они вышли в 8-м номере «Континента»), пообещал приглашение в Париж — и очень быстро выполнил обещание: полтора месяца мы просидели в Вене

только потому, что французы долго оформляли документы. Кстати, он же и встречал нас на вокзале вместе с Сережей Артамоновым и Колей Боковым. Потом я убедилась, что он такие вещи делал для всех новоприбывших: помогал чем только мог, а когда чего-то не мог сам, пускал в ход связи и в конце концов добивался нужной помощи.

И печатал охотно всех, особенно стихи — много места в журнале не занимают, а человеку помощь: и гонорар, и, главное, душевная поддержка. Если посмотреть русскую (непереводную) часть «Континента», легко увидеть, что почти ни одно мало-мальски заметное имя эмигрантской и самиздатской литературы и публицистики не миновало его страниц. Притом вне зависимости от совпадения взглядов автора с максимовскими (в самом крайнем случае главный редактор давал автору отповедь тут же, вслед за публикуемой статьей). Чтобы не напечататься в «Континенте», нужен был такой уж запредельно-графоманский уровень, как у пресловутого Белоцерковского.

Возвращаясь к тем, кому Максимов помогал, отмечу: печально, но не раз человек, встав на ноги, решительно отмежевывался (это еще мягко сказано) и от Максимова, и от «Континента». Это, наверное, следует объяснять даже не «черной неблагодарностью»: вероятно, люди, склонные к зависимости и вообразившие себя зависимыми, испытывали желание радикально из этого вырваться. Подчас слишком радикально, с обвинениями и оскорблениями по адресу вчерашнего друга.

На своем опыте могу сказать, что, казалось бы, прямо завися от Максимова как главного редактора журнала, где я проработала с приезда в Париж (начало 1976-го) и до передачи «Континента» в руки Игоря Виноградова, я никакой зависимости не испытывала. Правда, совета нередко спрашивала. Так, когда мне предложили не только писать свои польские обзоры в «Русской мысли», но и пойти туда на полставки редактором, я прежде всего спросила Максимова, что он об этом думает, и он меня «благословил».

А по журнальным делам мы часто спорили, иногда почти до ссор, притом затевала всегда я (иногда даже письменно), а выход, решение, примирение находил Владимир Емельянович. Например, я страшно завелась, когда мы первый раз печатали стихи Лимонова (хоть он тогда еще и не был национал-большевиком). Максимов сказал, что стихи прислал Бродский, со своим небольшим предисловием, и ни одному члену редколлегии мы отказать не можем. Один раз я была готова стерпеть. Но когда стихи Лимонова должны были появиться во второй раз, я заявила решительный протест. «А вы это напишите, — спокойно сказал Максимов, — и мы напечатаем рядом». Помню, я написала в этой заметке (то ли перед, то ли после текста стихов), что стихи данного автора мне настолько отвратительны, что я даже отказываюсь читать их корректуру. И что же? Именно в них типографский корректор прозевал целый выпущенный кусок, и пришлось допечатывать его вместе с возмущенным письмом «поэта» в одном из следующих номеров... Зато на этом «сотрудничёстве» Лимонова с «Континентом», слава Богу, и закончилось.

Если посмотреть списки редакции журнала за все те годы, что я в нем проработала, видно, что я «росла-росла», пока не выросла от «зав. редакцией» до «зам. главного редактора». Это, в общем, ничего не значило: работу я делала все ту же. Просто Максимову очень хотелось иметь привычную структуру московских «толстых журналов». Пока ответственным секретарем был Терновский, он был главнее меня, и я лишь делила с ним работу, но Максимов от него быстро избавился. Некрасов был зам. редактора чисто номинальным. Однажды, помню, он выразил недовольство чем-то, напечатанным в журнале: в «моем», мол, журнале появляются такие вещи (честное слово, не помню, о чем именно шла речь, кого обидели), а «я и не видел». Я сразу попыталась поймать его на слове:

— Виктор Платонович, номер, пока готовится, лежит в редакции, зайдите, просмотрите.

Чисто редакторской работы мы от него, конечно, и не ждали: и возраст уже был не тот, да и не редактор он, мы его ценили за его собственные достоинства, — но именно поэтому мнение его хотели бы знать, и услышать его мы предпочли бы до, а не после выхода журнала.

Невдолге звонит Виктор Платонович:

— Я слышал: новый номер есть.

— Да, — искренне обрадовалась я, — как раз весь собран, на столе лежит, вот-вот отправим в типографию, приходите почитать!

— Да нет, — удивленно возразил Некрасов, — я про номер, который вышел...

Ну что с ним поделать? Любить его мы не переставали.

Журнал, особенно к концу его парижского существования, делали практически три человека: сам Максимов, я и его жена Таня, с самого начала тянувшая на себе всю его переписку, и личную, и континентскую, а под конец — и распространение журнала, когда мы остались без издательства и гарантированной сети распространения и печатались сначала в Польше, потом уже и в Москве (но издавались еще в Париже).

КОНТИНЕНТ СВОБОДЫ

Стенограмма расширенного заседания редколлегии журнала «Континент» (печатается с сокращениями)

Берлин, 5—7 ноября 1977 г.

Совещание открывается выступлением Владимира Буковского.

Владимир БУКОВСКИЙ

Я узнал о возникновении журнала «Континент», сидя на 35-й зоне Пермских политлагерей. Узнал из советской прессы. Она, как всегда, маскировала собственные нападки на журнал ссылками на прессу зарубежную — югославскую, западногерманскую, не указывая, впрочем, что речь идет об органах компартии. «Ну, слава Богу, — вздохнул я с облегчением, — наша идея осуществилась». Осуществилась не совсем так, как я предполагал когда-то, потому что кто мог думать, что писателей начнут одного за другим вышвыривать из страны?

Незадолго до ареста я предложил Владимиру Максимову издавать журнал: собирать и распространять его целиком в стране. Максимов возродил и реализовал эту давнюю мысль.

Конечно, «Континент» не вполне соответствует тому, что мы тогда думали. Это не просто «еще один русский журнал», а журнал восточноевропейский: внутри страны мы не смогли бы осуществить такую задачу. Кроме того, он не построен исключительно на материалах самиздата. Но не надо забывать, что за эти годы возникла огромная «третья эмиграция», кровно связанная с Россией. Люди, вчера еще добивавшиеся гражданских свобод для себя и своих сограждан в советских условиях, наконец могут осуществлять эти свободы на страницах свободного издания.

Конечно, нужно соблюдать некоторое равновесие. Рукописи, приходящие из России, молчаливы: их авторы не могут ни звонить, ни закидывать редакцию письмами, ни угрожать главному редактору разрывом отношений или разоблачениями в прессе. У эмигрантов в этом смысле куда больше возможностей. И я опасаюсь, не уступает ли в иных случаях редакция психологическому давлению некоторых авторов.

Нужно понимать и то, что среди новых эмигрантов часто встречаются люди, которые в свое время предпочитали ничем не рисковать, разве что в ожидании выезда срочно

«записывались в диссиденты», а теперь себя изображают борцами и страдателями угнетенной отчизны. Как говорит один бывший политзаключенный, «при пересечении государственной границы число диссидентов удваивается, а по мере удаления от нее — утраивается». Так что редакция должна быть осторожней. Не хочу сказать, что я встречал подобные материалы в «Континенте», но опасность этого существует.

Вернусь к авторам, живущим в Советском Союзе. Я не собираюсь, в свою очередь, выдавать тем, кто не пересек государственную границу, патент на мудрость и талант, но я думаю, что при прочих равных преимущество всегда должно отдаваться им. Люди идут на определенный риск, отправляя свои рукописи за границу, и своим примером доказывают, что свобода стоит риска. И это не просто пример переправки рукописей за границу — нет, гораздо больше, это пример людей, которые, независимо от искусственных и беззаконных ограничений, реализуют свои человеческие права в самом широком смысле. Таким образом в общественное сознание внедряется понятие ответственности каждого за осуществление прав, которыми он наделен.

Мне говорили в редакции о сложностях, связанных с публикацией рукописей из самиздата. Во-первых, говорили мне, самиздат распространяется бесконтрольно, и материал, предназначенный к публикации в «Континенте», вдруг оказывается уже где-то напечатанным. Ну, я думаю, что это дело редакции — наладить настолько тесные контакты, чтобы рукопись, предназначенная автором или его доверенными лицами для «Континента», приходила именно в «Континент». Но многое тут, конечно, зависит и от «каналов» — от тех людей Запада, которые берутся — или не берутся! — помочь советским гражданам. Тут, как я слышу ото всех, дело обстоит гораздо хуже, чем в мои времена. Иностранные журналисты, дипломаты, туристы всё больше усваивают неправовой подход советских органов к передаче рукописей за границу и боятся это делать либо делают как попало. За те месяцы, что я здесь, я слышал десятки жалоб от самых разных людей, что отправленные документы не дошли, либо дошли с большим опозданием, и часто не туда, куда их отправляли.

Второй довод, который мне приводили по поводу рукописей из самиздата, более сложен, и одна русская редакция «Континента» без помощи западных издателей вряд ли его разрешит. Вы знаете, что в силу копирайта ни один появившийся в «Континенте» материал не может выйти на западных языках иначе как в соответствующих изданиях «Континента». И что же получается? Западные издания страшно отстают от русского, и материалы, актуальные для западного читателя, либо не доходят до него, либо доходят с таким опозданием, что теряют свою актуальность. Вот пример. В 9-м номере «Континента», уже год назад, появилась статья Марченко «Третье дано». Писатель, многолетний политзаключенный, из сибирской ссылки прислал свои очень интересно аргументированные размышления о политике разрядки. Эти размышления совпадают с тем, что все мы думаем, но западному читателю аргументация Марченко принесла бы много нового и существенного. Однако до сих пор ни одно западное издание «Континента» не доползло до перевода этой статьи. Я не юрисконсульт и не собираюсь давать конкретных советов, но думаю, что, получая копирайт на все материалы «Континента», западные издательства должны учитывать его особый характер и принимать на себя определенные обязательства.

Для нас и для наших соотечественников «Континент» — это не чисто литературное и, тем более, не коммерческое предприятие. И те свободные граждане свободного мира, кто взялся здесь за то, чтобы Запад услышал голос свободной России и свободной Восточной Европы, должны бы найти в себе хоть долю той самоотверженности, активности и риска, которые стали естественными для многих людей в самой удушающей тоталитарной системе. Я остановился на этих, казалось бы, частностях, потому что они связаны с основным — с тем, чего ждут от «Континента» жители нашего огромного «социалистического лагеря». Журнал должен как можно полнее отражать литературную,

политическую и общественную мысль наших народов, быть полем обсуждения всех существенных проблем нашего прошлого, настоящего и будущего, быть практической трибуной демократии, терпимости и плюрализма. В то же время его задача — быть нашим «окном в Европу», окном на Запад, местом встречи и взаимопонимания Востока и Запада. И, конечно, взаимопонимания и сближения самих восточноевропейских народов. Я думаю, что в известной степени «Континент» с этими задачами справляется, и от номера к номеру всё лучше. Но никто из нас не может полностью удовлетвориться уровнем: всегда остаются возможности делать дело еще лучше, серьезней и ответственней.

Теперь я зачитаю письмо, присланное Владимиру Максимову и редакции «Континента» членом нашей редколлегии Милованом Джиласом. В свое время я получил тюремное крещение благодаря его книге «Новый класс» — я был за нее арестован в 63-м году, за хранение ее.

Владимиру МАКСИМОВУ И «КОНТИНЕНТУ»

Дорогие друзья!

Не моя вина и не мой позор, что я не присутствую на симпозиуме «Континента» в Берлине. Я приехал бы, несмотря даже на плохое состояние здоровья. Но власти уже несколько лет отказываются дать мне заграничный паспорт — в то самое время, как чиновники самих себя оглушают криками о соблюдении прав человека в их «демократии самоуправления».

Восточная Европа — уже не то, что воображают ее самозванные хозяева: во всем мире, а в Европе особенно, никакая всеобъемлющая цензура, никакие тюремные стены не могут больше скрыть истину и запугать тех, кто свободно мыслит и борется за человеческое достоинство и национальную самобытность. Потому-то напрасны все преграды, которые воздвигаются бюрократами и вельможами против солидарности и сотрудничества всех, кто самоотверженно добивается свободы личности в неразделенной Европе и незапуганном мире. Так что я с вами — и тем дружественнее, добавлю, что сам осужден на отсутствие и одиночество.

Если бы сейчас возник центр отпора мракобесию советской тоталитарной идеологии, не было бы необходимости в институционализации и функционализации такого центра: уважение к человеческой личности, любовь к человечеству формируются в верности своей идее, своей форме, своему народу. И вот почему еще сотрудничество и солидарность представляются мне столь необходимыми: особенности и различия — это основа и душа неодолимого движения к свободе личности в открытом, демократическом обществе, к равноправию народов в союзе всего человечества. Дух человеческий, новые освободительные идеи извечно были «центром» всякой деятельности — так должно быть и в будущем. Этот дух будет созывать и вести своих поборников тем надежнее, чем с большей готовностью они будут его воспринимать, чем вернее они будут этому духу и собственному существу.

Так-то вот, не называем по имени ни правительств, ни государств, ни идеологию и идеологов — а вы всё равно знаете, к кому относятся критические слова в моем письме. Не является ли и это доказательством взаимопонимания, терпимости и сотрудничества на нашем тернистом пути к свободе — на пути, где никого никогда не оставляли одиноким или заблудившимся.

От всего сердца желаю вам обогатить запас знаний и открыть новые возможности. И это как раз в те дни, когда идеологически разъединенные спасители человечества съезжаются праздновать событие, возвестившее падение человеческого духа в бездну самых трагических иллюзий, а великого народа — в бездну страданий, которые сделали его судьбу неотделимой от судьбы человечества.

Милован ДЖИЛАС. Белград, 31 октября 1977

Владимир МАКСИМОВ

Мне кажется, что естественным началом нашего разговора должен быть разговор о самиздате. Потому что сам «Континент» возник на базе самиздата, проистекает из него. Самиздатская деятельность, начавшаяся десять лет тому назад с рукописных, машинописных страничек, имеет сегодня двух Нобелевских лауреатов — Александра Солженицына и Андрея Сахарова. У истоков, у организационных истоков самиздата стояла Наталья Горбаневская, поэт и ответственный секретарь нашей редакции. Мне кажется естественным, что именно она и начнет эту редколлегию с разговора о самиздате.

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

Говоря о значении самиздата для литературы, невольно говоришь и о значении литературы для самиздата. Расцепить их невозможно, как сросшиеся корнями и стволами деревья. Но, в отличие от деревьев, и срубить невозможно.

Самиздат и родился-то из литературы, точнее — из поэзии. В середине 50-х годов широко распространялись рукописные и машинописные копии стихов поэтов начала XX века: растрелянного Гумилева, замученного Мандельштама, доведенной до самоубийства Цветаевой, запретной Ахматовой и полузапретного Пастернака. Причем это не были только копии неопубликованных стихов: стихи переписывались даже с книг, со старых изданий, ставших библиографической редкостью. В читательском сознании типографски изданное собрание сочинений Хлебникова и переписанные со старой книжки «Столбцы» Заболоцкого, машинописная копия книг Мандельштама и на той же машинке отпечатанные его «Воронежские тетради» — всё это было фактором одной культуры, неподцензурной и в то же время не подпольной. Оборванная связь времен начала восстанавливаться. Обрубленное дерево ожило и начало пускать новые побеги.

Поэзия всегда была первой — может быть, просто ее легче переписывать, а может, просто тогдашние машинистки самиздата были молоды и естественно предпочитали поэзию прозе. Как классическая проза советского периода — Платонов, Булгаков — пришла в самиздат много позже, только в 60-е годы, так и проза собственно самиздатская появилась позже. Молодая поэзия же выступила опять-таки в середине — во второй половине 50-х годов. Наряду со стихами поэтов «серебряного века» самиздат наполнился грудами стихов молодых поэтов. В короткую оттепель 56-го года были первые попытки создания полуофициальных литературных группировок, быстро пресеченные. Однако от этого времени остались постоянные контакты молодых поэтов Москвы и Ленинграда.

Не удивительно, что и первый самиздатский журнал был поэтическим. Три номера машинописного журнала «Синтаксис», составленные и выпущенные Александром Гинзбургом, не подвергали дискриминации поэтов, уже печатающихся. Там были опубликованы, например, стихи Бориса Слуцкого, Булата Окуджавы, Беллы Ахмадулиной. Рядом с ними появились и имена поэтов, которым не суждено было получить официальное литературное признание, среди них впервые — имя совсем еще молодого Иосифа Бродского.

Поэзия никогда не покидала самиздат, хотя постепенно теряла в нем свое ведущее место. Но в те же самые первые 60-е годы уже начала определяться граница, разделяющая поэтов, готовых печататься во что бы то ни стало, и тех, кто практически махнул рукой на официальные издательства и журналы, стал поэтом сам-, а позже и «тамиздата».

Для прозы в то время был еще какой-то выход. Это демонстрирует пример сборника «Тарусские страницы» с повестями Окуджавы, Максимова и Балтера, это демонстрирует и проза тогдашнего «Нового мира», и прежде всего публикация в нем Солженицына. Но уже в 64-м году я читала снятую на фотопленку и спроецированную через фотоувеличитель машинопись повести Максимова «Двор посреди неба». Уже была отвергнута публикация «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург. Уже был написан

и начал ходить в самиздате, хотя не очень широко и без имени автора, «Верный Руслан» Георгия Владимова. И рассказы Шаламова. И «Крохотки» Солженицына. Очень трудно — как тогда, так и теперь — разделить писателя на автора самиздата и «обычного» писателя.

Тот же Владимов, напечатавший «Большую руду» до того, как написал «Верного Руслана», и «Три минуты молчания» — после. Или Солженицын, который еще долго сражался за публикацию двух своих романов. Или Владимир Войнович, который после нескольких раскритикованных, но напечатанных повестей взял да и написал «Чонкина». Или Шаламов, стихи которого, хоть изредка и не все, печатали, а о публикации рассказов и думать не приходилось. Или Окуджава: его стихи с трудом выходили отдельными книжками после того, как все уже знали их, слушали как песни на магнитофонных пленках и сами подпевали. Что же такое тогда автор самиздата?

Я думаю, автор самиздата — это тот, кого самиздат принял, кого самоотверженные, но разборчивые машинистки взялись перепечатывать или еще более самоотверженные, ибо рискующие тюрьмой, люди, нашедшие доступ к множительным аппаратам, — ксерокопировать. И это независимо от того, удалось ли по счастливому стечению обстоятельств напечатать произведение книгой или в журнале, или же оно «чисто самиздатское». С этой точки зрения, например, несомненные авторы самиздата — братья Стругацкие, произведения которых, напечатанные в почти недоступных, малотиражных «Ангаре» и «Байкале», распространялись потом в самиздате.

Для литературы это означало, что, несмотря на государственную организацию всего издательского дела, появился читательский критерий спроса. Спроса не торгового, спроса, который не приносит писателю доходов и карьеры, а одни только хлопоты. В том числе и моральные — стремление соответствовать этому критерию. Вопреки литературе, нацеленной на «чего изволите», на сталинские-ленинские премии, на дома творчества и персональные дачи, — возникла реальная литература, рассчитанная на реального читатель, а не на одурманенного официальной идеологией потребителя, связанная обязательствами серьезными: обязательствами честности перед литературным процессом, честности перед читателями, честности перед самим собой. И, связанная этими полузабытыми ценностями, литература осознала себя свободной.

Самиздат разрешал художественные поиски и требовал их — отвыкшая от такого требования или неспособная к его исполнению официальная литература оставалась вотчиной ретроградства. Самиздат признавал гражданскую позицию писателя во всех ее проявлениях — официальная литература сохраняла своим идеалом газетную передовицу. Самиздат жаждал правды — официальная литература лгала. В 70-е годы почти вся настоящая литература стала непечатающейся — несколько честных и талантливых писателей, сохраняемые властями «на экспорт», не меняют общего положения. В нынешнем Союзе писателей эти люди насчитываются единицами. И в этом смысле символичен уход из Союза писателя Георгия Владимова. И символично, что самые парадоксальные книги последнего десятилетия — «Москва—Петушки» и «Зияющие высоты» — написаны людьми, на пушечный выстрел не приближавшимися к Союзу писателей.

Самиздат давно уже не ограничивается одной литературой. Все жанры: мемуары, публицистика, научное исследование, информационный журнал, религиозная проповедь — нашли в нем место. Литература же ушла в самиздат почти целиком. В этом смысле я не хочу делать разницы между сам- и тамиздатом. Но роль «тамиздата», то есть публикации самиздатских произведений на Западе и возврата их через границы к советскому читателю, — об этом стоит сказать несколько слов в заключение.

Я сама бывшая машинистка самиздата, и я знаю, что такое печатать ночами, когда утром надо вставать и ехать на работу. Я знаю, что такое печатать и вздрагивать при каждом звонке в дверь — не с обыском ли идут? Не столько за себя страшно — отберут

и то, с чего печатаешь, и то, что успела напечатать. А каждый экземпляр жалко — он прошел бы через сотни читателей. И машинку заберут — на чем потом печатать? На новую где деньги взять? Да и купить ее, найти в магазине — большая удача. А для тех, кому, помимо самиздата, машинка нужна для работы, для всех, кто связан с маломальски литературным делом, — это еще и потеря заработка. И редеют ряды машинисток самиздата — за счет арестов, за счет изъятых машинок, за счет машинок, спасенных от изъятия ценой отказа от размножения самиздата. Тут и приходит, должен приходить на помощь тамиздат. В том числе и «Континент» — журнал, построенный частично на материалах самиздата, частично на текстах недавних авторов самиздата, ныне эмигрантов, и *полностью* — на проблемах, поставленных самиздатом.

Нам, «Континенту», всем, кто в нем работает или сотрудничает, самиздат дал и дает очень много — почти всё. Начиная от нашего прежнего самиздатского опыта и кончая приходящими материалами нынешнего самиздата и доходящими до нас голосами читателя «оттуда». Мы получаем и критические замечания, и изъявления признания и поддержки и — по мере сил — стараемся при отборе материалов, даже написанных здешними авторами, применять привычные самиздатские критерии. Я думаю, что мы должны их применять еще тверже, без скидок, и, получая статью из Москвы или Нью-Йорка, стихи из Ленинграда или Иерусалима, прозу из Киева или Парижа, каждый раз подумать: «А та самиздатская машинистка, труд которой мы хотим здесь заменить, — взялась бы она за распространение именно этого?».

И я должна сказать, что в целом мы завоевали одобрение самиздатского читателя. Мы завоевали звание «своего» журнала. В несколько ином виде, но идея, высказанная в 70-м году Буковским Максимову, реализовалась.

И только одна претензия — не частная, не отдельная, а всеобщая — не умолкает. Мало! Не хватает! Номер журнала дают на ночь, он проходит десятки рук, и всё еще того количества номеров, которые уходят туда, не хватает. «Континент» завоевал самиздатский «рынок» не только России, Украины, Прибалтики и других частей Советского Союза, но и Польши, откуда всё чаще раздаются те же, знакомые нам требования и претензии. У нас в стране это недовольство стало столь повседневным, что в конце концов попало даже в художественную литературу — естественно, самиздатскую же. Недавно к нам пришла рукопись 27-летнего московского прозаика. К герою романа приходит приятель и «извлекает из портфеля небольшого формата книжку, обернутую в белую бумагу:

— Это последний номер «Континента». Имей в виду, даю тебе только на один день. Завтра заберу.

— Они там сидят в теплом местечке и пописывают себе, а как это будет доставляться сюда, их совершенно не волнует, — сказал Всеволод, закуривая сигарету и протягивая сгоревшую спичку к пепельнице. — Как только люди уезжают туда, они меняются. У них уже мозги поворачиваются по-европейски, а не по-русски, а потому во многом они уже не могут нас понять, — сказал Всеволод.

— Ну, я думаю, ты преувеличиваешь, — мягко взглянув на друга, сказал Александр Павлович.

— Именно так. Постепенно они начинают забывать, откуда уехали. А вот скажи мне, многие ли у нас видели этот журнал? Спрашивается, какого же черта они там сидят? Сюда должны идти сотни, тысячи экземпляров, а не один-два со случайными туристами!»

Я думаю, что герой в чем-то действительно преувеличивает: если даже согласиться с тем, что мы сидим «в теплом местечке», то мозги у нас поворачиваются по-прежнему, «по-русски», точнее — по-самиздатски. Но требование его не преувеличено. Сумеем ли мы исполнить это требование — расширить распространение журнала, создать при журнале книжную серию — всё зависит не только от одних нас. Это зависит еще и от

людей, у которых мозги поворачиваются «по-европейски», — от самоотверженной, не рассчитанной на прибыль, материальной и финансовой поддержки «Континента».

Владимир Максимов зачитывает телеграмму от Милована Джиласа: «Я лишен паспорта, и это единственная причина, по которой я не могу прибыть на конференцию «Континента», — *и телеграмму от американского члена редколлегии, лауреата Нобелевской премии Сола Беллоу:* «Сожалею, что не могу присутствовать на вашем собрании, но прошу вас меня держать в курсе всего того, что будет у вас происходить. Очень этим заинтересован. Ваш Сол Беллоу».

Владимир МАКСИМОВ

Когда мы говорим о самиздате, естественно в нашем воображении возникает представление о чем-то очень небольшом, подпольном, конспиративном, тайном: маленькие листочки, фотографии, ксерокопии, которые как-то незаметно распространяются внутри страны и проникают на Запад. Но самиздат в современной России и вообще в тоталитарном мире — понятие скорее символическое, чем конкретное. Самиздат проявляется в разных формах, иногда даже в сравнительно легальных, и в самых разных видах искусства. Например, если говорить о самиздате художественном, то он часто бывает больших размеров. И самый большой, самый тяжелый в буквальном и в переносном смысле самиздат в Советском Союзе — это самиздат скульптуры. Пионер этого самиздата — несомненно самый крупный и, я думаю, не только наш, но вообще современный скульптор Эрнст Неизвестный. Он и продолжит наш разговор. Но я знаю Эрнста Неизвестного — наверно, он будет говорить не только о скульптурном самиздате, а затронет проблему несколько шире.

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ

Я действительно хочу сказать несколько слов о той проблеме, которая условно обозначена термином «самиздат». Хочу рассказать о некоторых явлениях, в какой-то степени достаточно известных жителям России, но, может быть, недостаточно известных на Западе и не всегда достаточно глубоко — в Советском Союзе. Дело в том, что в России, в Советском Союзе духовная потребность, потребность в интеллектуальном обмене гораздо шире, чем просто стремление к политической конфронтации или любовь к поэзии. Это просто не истребленная до конца и неистребимая потребность людей жить полноценной духовной жизнью и обмениваться плодами своего творчества — нормально обмениваться.

В свое время, еще при Сталине, мною и тремя моими друзьями было организовано общество — законспирированное, которое называлось: «Любовь и голод правят миром». Это было шуточное название, которое определяло только поверхность того, чем мы занимались. Мы не занимались любовью, но мы голодали. В принципе, задача была такова: собрать всё, что возможно, сохранить всё, что возможно, и создать всё, что возможно. Это было студенческое общество, которое организовалось на базе философского факультета Университета и втянуло в свой круг биологов, художников, поэтов. Мы просто поняли, что мы останемся невеждами, если будем учиться так, как нам предписывается. О Ленине — мы узнавали из того, что о нем сказал Сталин. О Марксе — из того, что о нем сказал Ленин. О Дюринге — мы узнавали из «Анти-Дюринга». Молодые люди не могли с этим согласиться, они не хотели быть недорослями, и они решили создать общество по самообразованию. По существу это было не политическое общество, а просто самообразовательное. Но мы понимали, что кроме как в форме веселого пьянства ни одно содружество при Сталине не могло иметь места. Поэтому мы разыгрывали «обезьянский» коллектив, отсюда и название: «Любовь и голод правят миром». Мы говорили: «голода хватает, любовь нужно организовать». Таким образом были написаны первые стихи, которые пела вся Россия: «Лев Николаич Толстой», «Венецианский мавр Отелло», «Ходит Гамлет с пистолетом».

Это был истинный самиздат, и еще при Сталине. И вот, отталкиваясь от примера такого, условно скажем, конспиративного содружества, я могу сказать, что самиздат — это действительно понятие не только политическое и литературное. Есть самиздат биологический, социологический, религиозный и даже самиздат математический. По существу, люди просто обменивались, как я уже сказал, плодами своего творчества, для того чтобы не зачахнуть. В этом смысле любой нонконформистский художник является тоже самиздатчиком, только находящимся в более тяжелом положении, чем поэт, просто в силу условий, в которых он работает. Вообще культурную историю России можно условно обозначить двумя движениями: движением по горизонтали — я имею в виду широкий пласт интересов, связанных с социальными проблемами, с первыми сигналами понимания и эмоций; и второй пласт, который можно назвать вертикальным. Это пласт, который глубоко уходит в традицию русской культуры вообще, в традицию различных наук, в какой-то степени — это пласт метафизический. На перекрестке двух этих начал, в центре креста, как раз и организуется то великое, что Россия дала миру.

Сейчас, мне кажется, наступает момент, когда вот эта сторона самиздата — сторона глубинная, сторона, собственно, не столько формально-политизированно, сколько культурно другая, чем та, которая ранее сложилась в России, — начинает подниматься на поверхность. И первая ласточка здесь — книга Зиновьева, которая зародилась как раз в среде, условно скажем, формально не диссидентской, но занимающейся самиздатом других параметров. Я думаю, что таких рукописей в России сейчас — не по качеству, я подчеркиваю, а по тенденции, — связанных иногда с генетикой, иногда с религиозной философией, иногда с неофициальной эстетикой, уже есть достаточное количество. Только в силу того обстоятельства, что они не могут завоевать столь широкую популярность и машинистки, может быть, не столь охотно берутся за их перепечатку, ибо это не так легко, например, как перепечатывать стихи, и не так животрепещуще, как песни, эти рукописи до сих пор лежат. Я думаю, что в будущем Запад неизбежно познакомится с ними, и моя рекомендация журналу «Континент» — подумать, каким образом и таких авторов привлечь к той части журнала, которая является не литературной, а философской, социологической, и, может быть, даже открыть двери некоторым неофициальным научным изысканиям, потому что даже если эти изыскания не носят прямо нацеленного политического характера, по самой структуре своего мышления — что иногда важнее, чем слова, — они являются антитоталитарными и, следовательно, могут быть изданы. Об этом просто нужно подумать.

Может быть, я не был достаточно конкретным и говорил весьма туманно в силу того, что я не могу раскрыть имена некоторых авторов. Но я думаю, что скоро они сами захотят раскрыться, если у них будет возможность печататься. Вот такую небольшую рекомендацию я хотел дать журналу «Континент».

Владимир МАКСИМОВ

Все рекомендации будут обсуждаться и приниматься к сведению, и желательно, чтобы выступающие по той или иной проблеме не только констатировали то, что уже происходило с «Континентом» или вообще в процессе демократического движения в России — будь то в литературной области или в правовой части движения, — но давали, выдвигали бы какие-то рекомендации, предложения, которые могли бы посодействовать развитию нашего дела в целом. По-моему, это основная задача нашей конференции, т.е. не только подведение итогов, но поиски новых форм разговора, новых форм диалога. В этом смысле, мне кажется, будет полезным выступление нашего израильского корреспондента Мелика Агурского. Это не просто работник журнала, а действительно наш представитель в Израиле, объединяющий в своем лице две ипостаси демократического движения: еврейского, сионистского, и религиозного возрождения России вообще.

Мелик АГУРСКИЙ

Среди всех видов самиздата, о которых говорил Эрнст Неизвестный, существует еще самиздат национальный. Дело заключается в том, что за последние десять-пятнадцать лет возник целый ряд течений национального самиздата. Существует очень богатый украинский самиздат, литовский самиздат, с которым мы недостаточно хорошо знакомы из-за языковых барьеров, сложившийся в конце 60-х годов и очень богатый еврейский самиздат, появившийся в связи с движением евреев за выезд в Израиль. Я не хочу сказать, что весь самиздат имеет национальную поляризацию. Нет, существует некое центральное русло, которое не носит ярко выраженного национального характера. И в последнее время, и, может быть, не в самое последнее, мы видим, что одной из важных составляющих национального самиздата становится и русский национальный самиздат, который вызывает большие споры и нередко приводит к резким столкновениям как внутри Советского Союза, так и за его пределами.

Мне кажется, что этот аспект чрезвычайно важен, поскольку в общем комплексе всех внутренних противоречий и конфликтов Советского Союза: экономических, социальных, идеологических — национальному вопросу безусловно принадлежит приоритет по его остроте, по характеру ощущения национальных противоречий самими людьми. И здесь самиздат играет очень важную роль, так как на его страницах складывается, выковывается будущее отношений между различными народами, населяющими Советский Союз. Каждому понятно, что советская официальная литература не отражает реальных национальных отношений, придерживаясь чисто пропагандистского клише о том, что в Советском Союзе существует идеальная дружба народов, в то время как в действительности существует целый ряд противоречий и конфликтов. И поэтому, как это часто бывает в истории, на этих машинописных страничках, на рукописях, проникающих на Запад, решаются очень важные политические вопросы, а именно о том, как будут складываться отношения между народами этой страны, в настоящий момент являющейся единственной страной в Европе, объединяющей — подчас насильственно, а подчас нет — такое огромное количество различных национальностей. При этом я не говорю про азиатские страны и не учитываю Югославию, которая тоже переживает очень острый кризис в этом вопросе.

В этом смысле «Континент» играет уникальную роль. Он взял на себя трудную и чрезвычайно неблагодарную задачу: дать выход всем видам этих национальных тенденций в самиздате на своиз страницах. И мы действительно видим на страницах «Континента» и украинский, и литовский, и латышский, и армянский, и еврейский самиздат. И помимо этого — что является спецификой «Континента» как журнала, печатающегося на Западе, — мы видим, что «Континент» дает широкую арену представителям восточноевропейских стран, находящихся под коммунистическим контролем: чехам, полякам, болгарам, восточным немцам и, кажется, румынам. Задача эта очень трудная и неблагодарная, потому что очень нелегко создать условия политического компромисса между часто очень эмоционально настроенными национальными группировками. Я думаю, что это именно та область, в которой «Континент» получает наибольшее количество нареканий, и та область, в которой он очень часто наживает себе врагов. Например, стоит издать статью какого-нибудь национально-русски настроенного автора, как тут же появляются жалобы со стороны украинцев, что они обижены и что «Континент» проявляет украинофобские настроения.

В общем, это очень чувствительная сторона, где еще, может быть, не выработаны достаточно четкие критерии поведения — редакционного поведения, политического поведения, а вместе с тем, важность этой проблемы чрезвычайна. И «Континент», повторюсь, играет здесь совершенно уникальную роль. Это первый журнал, который оказался ареной для совместного выступления различных национальных групп в Советском Союзе и представителей различных восточноевропейских стран. Мы знаем

из опыта, к чему приводят различного рода национальные конфликты. Такие конфликты существуют в Бельгии — между фламандцами и валлонами, где, казалось бы для постороннего глаза, их никто не угнетает. Мы видим, какие острые конфликты связаны с шотландским и уэльсским национализмом в Англии. Мы видим бретонский национализм. Если мы что-то можем сделать для того, чтобы эти национальные конфликты, национальные противоречия были разрешены гуманным образом, мы должны эту задачу выполнить. От нас очень много зависит в этом отношении. Мы знаем, что будущее межгосударственных отношений, будущие судьбы человечества часто зависят от того, как они решаются какой-то группой людей, ибо потом все типы поведения, все внутренние противоречия этого кружка людей перерастают в какие-то межгосударственные проблемы. Мы видим это даже на примере узкой группы большевиков-эмигрантов в начале XX века, внутренние конфликты, внутренние противоречия которых переросли затем в политические проблемы, получившие международный и мировой характер. Поэтому мы ни в коем случае не должны недооценивать нашу роль.

Я бы особо хотел остановиться на проблемах еврейского самиздата и вообще еврейской современной литературы, поскольку это тоже очень важная проблема, касающаяся журнала «Континент». Не секрет, что третья эмиграция создана на базе движения за эмиграцию в Израиль. Стало быть, большинство авторов «Континента» — это третья эмиграция: или люди, уехавшие в Израиль, или (часто) люди, получившие разрешение на выезд в Израиль, но поехавшие в другие страны. Так или иначе, это среда в значительной степени с преобладанием, в национальном отношении, евреев. Это тоже очень острая и чувствительная проблема, с которой связаны многие упреки в адрес журнала. Я прекрасно понимаю, что «Континент» не должен становиться журналом, который печатал бы исключительно такого рода авторов, хотя из-за того, что он не может печатать в одном номере преимущественно израильских авторов, он порой подвергается нареканиям. Но ведь мы имеем прекрасные журналы в Израиле — журнал «Время и мы», журнал «Сион», и именно они должны стать ареной для выступления таких авторов. Вместе с тем я должен отметить, что нет номера журнала «Континент», в котором израильские авторы не были бы представлены, фактически в каждом номере есть два или три журналиста, писателя или поэта из Израиля. И это понятно, потому что интерес к журналу «Континент» в Израиле, могу это засвидетельствовать, очень большой. Мне сейчас неизвестна точная статистика распространения последних номеров журнала, но были кварталы, когда отдельные номера журнала распространялись в количестве примерно 400 экземпляров. Это очень большая цифра для Израиля, учитывая финансовое положение новой эмиграции и то, что «Континент» — относительно дорогой журнал. Как представитель «Континента» в Израиле, я всё время получаю письма от желающих подписаться на него.

И в этой связи я бы особо хотел отметить одно предложение, по-моему, показательное для успеха «Континента» и в Израиле, и вообще. В январе этого года группа израильских арабов запросила у издательства Ульштайн лицензию на арабское издание «Континента», причем они гарантировали распространение журнала в количестве 1500—2000 экземпляров во всем арабском мире. К сожалению, это интересное и важное — в смысле международного влияния журнала «Континент» — предложение даже не получило ответа. Это моя критика не в адрес редакции журнала, а в адрес издательства. Я думаю, что была упущена очень важная политическая инициатива. Но, может быть, еще не поздно это поправить.

Второе, о чем мне хотелось бы также сказать, — это то, что журнал «Континент» представляет собою не только издательскую организацию; это группа единомышленников, которые должны распространять свои идеи всеми способами, которые им предоставлены. В частности, я хотел бы поставить на повестку дня предложение о создании лекционной группы «Континента». Мы знаем, что среди актива «Континента» есть много

людей, которые могут с успехом — и не без политического влияния — выступать на политической арене. И мы знаем, что такой опыт имеется. Хотелось бы поставить эту лекционную деятельность на свою собственную коммерческую базу и ни от кого финансово не зависеть. Я думаю, что если мы сами будем проявлять активность в этом отношении, то мы сможем развить успешную политическую деятельность и вести гораздо более активную пропаганду идей, защищаемых журналом «Континент».

Владимир МАКСИМОВ

Сегодня, когда мы так подробно говорим, в частности, и о самиздате, мне хотелось бы, чтобы по этой проблеме выступил человек, олицетворяющий собою сразу несколько самиздатов. Это член нашей редколлегии, большой русский поэт — Александр Галич, который является также самым представительным человеком магнитиздата. Его песни поют по всей стране, их знает у нас каждый школьник. Но, кроме всего прочего, он и как поэт — автор самиздата, и как прозаик — автор самиздата, и поэтому он может сказать по этому поводу много интересного.

Александр ГАЛИЧ

Мы, сидя рядом с Наташей Горбаневской, обменивались коротко впечатлениями от начала нашей работы. И что-то нас — и ее, и меня — что-то в начале этой работы царапало. Ну и я подумал: что же нас царапает? Вы знаете, несмотря на всегдашний призыв моего друга Коржавина — быть взрослыми (и я присоединяюсь к этому призыву), я думаю, что и во взрослом возрасте нельзя терять одного качества. Нельзя разучиться, мы не имеем права разучиться удивляться.

Здесь, на Западе, вот за три года, что я живу в этом чужом мире, я присутствовал уже при двух событиях, которые я рассматриваю как чудо. Первое чудо происходило в городе Осло, когда Виктор Некрасов, Владимир Максимов и я были на присуждении Нобелевской премии Андрею Дмитриевичу Сахарову. И чудо это было не только прекрасным, но еще трогательным и удивительным для нас, потому что я вспомнил тот осенний день в Москве, когда ежедневно в газетах, как сводку погоды, печатали бранные письма в адрес Андрея Дмитриевича. И мы, его друзья, не знали, чем ему помочь. И пришли ко мне Владимир Емельянович, Игорь Ростиславович Шафаревич, и мы подумали — ну давайте хотя бы обратимся к миру с просьбой выдвинуть Андрея Дмитриевича на звание лауреата Нобелевской премии мира. Мы написали это письмо. Мы знали, что мы не имели права его выдвигать. Мы не были уверены вообще, что это письмо найдет дорогу в печать. А уж тем более мы не верили, что наша идея когда-нибудь действительно станет былью. И когда мы сидели в Осло, в этом знаменитом зале, где присутствовал король, и когда председатель Нобелевского комитета вручила Елене Георгиевне Боннэр диплом лауреата Нобелевской премии мира, присужденной Андрею Дмитриевичу Сахарову, честное слово — это было ощущение чуда.

Второе чудо, но я просто о нем скажу коротко, я пережил в Милане. Вот здесь сидит наш друг Марио Корти, который познакомил меня с этим чудом. Мы пошли смотреть Леонардо — «Тайную вечерю», и я должен сказать, что даже если я был бы неверующим, то я бы, вероятно, сильно задумался, увидев фотографии 16 августа 1944 года, когда бомба попала в это здание и оно было разрушено до основания, но осталась живой стена, на которой была фреска Леонардо. И вот, простите меня за сентиментальность, но ведь мы сегодня ведем разговор так, как будто мы уже десятки раз встречались, сидели, обсуждали и вот — у нас идет очередное заседание редколлегии «Континента». Ведь когда-то пришел Володя Буковский к Владимиру Максимову и сказал, что надо создавать журнал... Ведь это же была такая далекая фантазия, когда-то мы с Владимиром Максимовым гуляли в Серебряном Бору и думали, что, может быть, когда-нибудь нам что-нибудь удастся. И вот сегодня я присутствую — мы все

присутствуем при чуде. И мне бы хотелось, чтобы это ощущение жило в нас, это удивление перед тем, что — сбываются человеческие мечты.

Что касается проблемы самиздата, о которой говорила Наташа Горбаневская, то я бы хотел сказать, что ставя себя обратно в ситуацию жителя Москвы, я вспоминаю — что же все-таки было главным для меня в самиздате? Как для читателя самиздата? Пожалуй, три наиболее выдающихся события были в самиздате. Это работа Владимира Буковского о психиатрических тюрьмах, это «Хроника текущих событий», организатором которой была Наташа Горбаневская, и это «Размышления о мире, прогрессе и об интеллектуальной свободе» академика Андрея Сахарова. Я буду очень краток, потому что потом я еще, вероятно, не раз буду пытаться прорваться и взять слово. Я думаю, что в информационной части — наибольшая нужда нашего читателя, если мы говорим о читателе там, по ту сторону, и если мы говорим о читателе здесь, по эту сторону. Поэтому я бы сказал: необходимо в дальнейшем об этом серьезно подумать.

И еще одно: я был очень рад увидеть в газетах обращение Александра Солженицына по поводу семейных архивов. У нас был разговор с Владимиром Емельяновичем на эту тему. Вероятно, мы введем в журнале маленький раздел «Из семейных архивов», потому что мы знаем, мы обнаружили это уже здесь на Западе, какое количество бесценного материала гибнет где-то в старинных сундуках, в шкатулках, а иногда просто брошенным в какой-нибудь чулан. Это тоже информационный материал, это тоже явление духовной культуры, насильственно прерванной, но тем не менее продолжающей существовать.

Наум КОРЖАВИН

Я хочу говорить вот о чем. О том, что «Континент» должен стать политическим журналом. В каком смысле? Я думаю, что политические проблемы сегодня упираются не в политику, особенно на Западе и особенно, может быть, в Америке. Это проблемы культурные, если рассматривать культуру широко. История культуры — это история представлений: о должном, о недолжном, о возможном и невозможном. И именно в этом историко-культурном плане, и в современном культурном плане, если взять широко, часто и лежат как раз все корни наших разногласий, непониманий и т.д. Я думаю, что с этой задачей «Континент» в общем справляется, то есть «Континент» печатает тексты и европейских и восточноевропейских авторов, которые обращены именно к этой проблеме, к проблеме ценностных представлений, рожденной тем культурным кризисом, что произошел в начале века. Но я боюсь, что мы можем начать акцентироваться при этом на чисто политических убеждениях, на чисто политических доказательствах. А тогда нас просто никто слушать не будет. Сегодня ситуация такая, что даже левые исходят не столько из политических соображений, которые у них всегда очень примитивные и очень как-то лозунговые, сколько из тех или других внутренних побуждений, на которые надо нападать, потому что побуждения эти воспринимаются как благородные, а на самом деле часто они совсем неблагородные, чего люди просто не понимают.

У наших стран, у людей, которые прошли наш опыт — наш опыт размышлений, а не просто опыт переживаний, — у нас есть много что сказать по этому поводу. И этим мы должны делиться. Если же мы будем акцентировать просто политические вещи, то тут мы будем просто еще одним органом информации, в чем не наша заслуга, это могут делать и без нас. Наши политические взгляды и так ясны. А мы должны нести именно этот, более глубокий опыт размышлений, потому что мы — европейские страны.

Это относится и к русскому опыту. Ведь это неправда, когда хотят сказать, что у России какая-то совершенно особая судьба. Да, в чем-то у России, конечно, особая судьба, но опыт наших размышлений и соблазнов всегда был только в том, что мы доводили до конца то, что было и на Западе тоже. Это не славянофильская точка зрения — то, что я сейчас говорю. Это просто констатация факта. Россия — европейская страна. И трагедия России — это еще и трагедия европейской культуры. Хотя бы

потому, что мы оказываем такое сильное влияние на тех, кто нас не знает. На тех, кто не знает, что происходит в Советском Союзе. Поэтому я думаю, что «Континент» должен быть прежде всего интеллектуальным журналом, журналом интеллектуального опыта. И только в этом смысле он может быть политическим журналом. Всё остальное — это будет махание деревянной саблей и ничего не даст.

Мелик АГУРСКИЙ

Мне кажется, что «Континент» может стать местом диалога даже с левыми течениями на Западе — с теми левыми течениями, которые отдают себе отчет в том, что происходит в коммунистическом лагере, и настроены, так сказать, антисоветски. Эти течения очень сильны и очень влиятельны. И каково бы ни было различие между нами и этими людьми, мне кажется, что есть определенная точка соприкосновения, есть какая-то частичная сфера общих интересов. И, во всяком случае, для таких кругов «Континент» может стать местом для дискуссии. Я думаю, что это очень важная, влиятельная группа на Западе. Тем более, что она не стоит на месте, она развивается.

Наум КОРЖАВИН

Согласен, но при условии, что они будут **говорить**! Если они будут декламировать, мы не будем декламировать в ответ. Нас отучили от декламации...

Мелик АГУРСКИЙ

Надо сказать, что есть и немарксистские левые течения. Это раз. Таких очень много. Например, течение «третьего пути», которое было узурпировано некоторыми эмигрантами из Советского Союза, представляет собой пример такого немарксистского левого течения. Есть и другие. Но даже есть и такие марксисты, которые в принципе отрицают любую форму социализма, если она не опирается на демократию. Очень легко оттолкнуть от себя людей на основании имеющихся расхождений. Все мы, в конце концов, если начнем выяснять, кто с кем сходится и в чем расходится, немедленно переругаемся, потому что нет двух человек, имеющих одинаковое мнение. И при этом наша позиция остается сильней, мы всегда можем указывать, в чем мы с этими людьми сходимся, в чем с ними расходимся. Этим влияние «Континента» значительно усилится.

Владимир МАКСИМОВ

Я должен сказать, что мы именно в этом направлении и развиваемся. Вспомните публикации интервью с секретарем латышской социал-демократии за рубежом Бруно Калныньшем, с Пьером Дэксом, статью Плюща — правда, нас упрекали в слишком резком ответе. Но, простите, если человек имеет право у нас высказаться, причем так, как он хочет, у него не было исправлено ни запятой, то оставьте хотя бы за редакцией право отвечать тоже так, как она это считает нужным. Мы даем высказываться, и этого достаточно. Если человек прав и чувствует себя правым, то ответ его не должен волновать.

В этой связи напомню и то, что членом редколлегии «Континента» является Милован Джилас — если не коммунист по убеждениям, то, во всяком случае, марксист. Он постоянно у нас печатается. А в следующем номере печатается большое интервью как раз на затронутую тему — на тему о плюрализме, о том, чтобы выработать какую-то общую демократическую платформу. Это интервью Зденека Млынаржа, члена Политбюро и секретаря ЦК Чехословацкой партии, одного из лидеров Пражской весны и, кстати, автора программы действий КПЧ в период Пражской весны. Значит, «Континент» действительно развивается в этом направлении, о котором идет сейчас речь.

Но замечание всё равно остается правильным, мы его обязательно будем учитывать. И все люди, даже марксисты, которые хотят демократически мыслить, то есть хотят

демократически объединиться на этой платформе, всегда найдут у нас место. Мы готовы разговаривать со всеми. Это идет еще из России. У нас такая установка: разговаривать со всеми. Именно из-за этого в России удалось достичь такой консолидации, когда за одним столом собираются и Шафаревич, и Григоренко, и многие другие. И находят общий язык.

Но когда вместо диалога нам предлагают односторонний монолог, мы на это, конечно, не пойдем. Никогда не пойдем, потому что всякий монолог кончается ГУЛАГом.

Теперь я хотел бы поприветствовать прибывших польских членов нашей редколлегии — наших друзей и самых близких сотрудников с первого дня нашего возникновения. Это г-н Гедройц и г-н Чапский — представители журнала «Культура». Я хочу также поприветствовать представителя самого уважаемого русского журнала у нас в стране, «Вестника РСХД», г-на Струве и Леонида Ржевского, представителя — хотя теперь, как мне сказали, только относительного — «Нового журнала» и русского писателя, одного из авторов «тамиздата», которого мы узнали в Советском Союзе. Хочу также отметить присутствие на нашей конференции г-на Перельмана — представителя журнала «Время и мы», Евгения Романова — представителя журнала «Грани», очень популярного в России, Владимира Рыбакова — молодого русского писателя, представителя газеты «Русская мысль». После обеда председательствовать будет Александр Аркадьевич Галич. Следующим докладчиком будет Наум Коржавин. А я по опыту знаю, что его выступления всегда носят скандальный характер.

Владимир Максимов приветствует новых гостей: г-на Беттицу, итальянского сенатора и главного редактора газеты «Иль джорнале нуово», Джона Баррона, директора журнала «Ридерс дайджест», Дональда Джеймсона, американского журналиста, и передает председательство на следующем заседании Александру Галичу.

* * *

Александр ГАЛИЧ

Читает адресованное Владимиру Максимову и всем участникам совещания письмо президента АФТ-КПП Джорджа Мини:

Сожалею, что не могу присутствовать на вашей исторической конференции, посвященной правам человека и литературе. Хочу выразить мою полнейшую солидарность с вашими целями. На мой взгляд, совместная борьба рабочих и интеллигенции за права человека сегодня важнее, чем когда-либо, из-за той интенсивной кампании преследований, которой подвергаются защитники прав человека, все те, кто настаивает на соблюдении Хельсинкских соглашений: особенно жестоки эти преследования в Советском Союзе. Я выражаю сердечные пожелания, чтобы ваша конференция прошла как можно более успешно и чтобы она достигла воистину прочного и воистину постоянного союза между рабочими и интеллигенцией всего мира в вопросах защиты прав человека. Я полагаю, что сегодня защита прав профсоюзами есть та часть общей борьбы за права человека, которая является для рабочего класса гарантией подлинного экономического и социального обеспечения. Мы протестуем против принудительной литературы, как мы протестуем против принудительного труда в любом тоталитарном режиме. Мы должны искать вместе возможности сохранить и обеспечить более интенсивные меры соблюдения человеческих прав, особенно там, где они подавляются на правительственном уровне. Все члены свободных трэд-юнионов должны выразить единство и выражают свое единство с вашими благородными намерениями и усилиями.

Джордж МИНИ
президент трэд-юнионов США

Александр ГАЛИЧ: Мы начали сегодня разговор сообщением Наташи Горбаневской о самиздате. В России, надо сказать, самиздат — довольно постоянное явление, причем не только в советское время, а во все века. Но советский самиздат начался наиболее активно в период после второй мировой войны. И действительно — пожалуй, первым самиздатским автором был человек, которого мы тогда знали далеко не все, но разные строчки его стихотворений повторялись, выучивались наизусть, передавались из уст в уста. «Можно строчки нанизывать похитрей и попроще, но никто нас не вызовет на Сенатскую площадь». Автору этих строк, Науму Коржавину, одному из первых послевоенных самиздатчиков, я сейчас с удовольствием предоставляю слово для его сообщения.

Наум КОРЖАВИН

МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ

С явлением, о котором я хочу говорить, мы сталкиваемся не реже, чем с левым движением, а ставит оно нас в тупик значительно чаще. Тем не менее пока еще не предпринята попытка его определить.

О левом движении и левом мышлении мы говорили и говорим если не достаточно, то все-таки немало. Об этом я и сам говорил и сказал то, что мог, в написанной еще в 1970 г. в Москве статье «Психология современного энтузиазма» — теперь она напечатана в «Континенте». Безусловно, это движение и это мышление остаются одной из важнейших опор советского воздействия на Запад. Даже в тех случаях, теперь частых, когда это движение выступает против советской политики, это не отвлекает его участников от целенаправленной и маниакальной борьбы за ослабление внутренних и внешних позиций Запада в его противостоянии тоталитаризму. Даже в таких странах, как Америка, где левые энтузиасты не имеют возможности прямо влиять на принятие политических решений, они создают интеллектуальный фон, неблагоприятный для выживания свободы. И создают точку отсчета, по отношению к которой другая, менее крайняя, но тоже весьма мало обоснованная позиция, — та, о которой я хочу сейчас говорить, — выглядит вполне респектабельно. Но она не менее опасна.

Дело в том, что левое движение — не единственная опора советского воздействия на свободный мир. В сущности, организатором панического отступления перед советской наглостью, усилившейся после 1973 года, было совсем не левое движение, и в основе его лежали отнюдь не левые соображения. Дело дошло не только до того, что вежливо сносились все советские обманы и хамства, а и до того, что советские представители, совсем потеряв от успехов ощущение реальности, однажды даже где-то потребовали от правительств Запада контроля над средствами информации (потребовали признать ответственность правительств за органы печати, отравляющие «отношения между народами»). Как-то упустили, что западные правительства, даже если бы хотели, были бы не в силах этого сделать. Разумеется, созданию обстановки, где это стало возможно, содействовали разные люди и разные соображения. Были среди них и своекорыстные — например те, из которых исходил президент компании «Пепси-кола». Эти люди учуяли запах ближайшей выгоды (хотя часто это была «выгода в кредит», т.е. за счет американского налогоплательщика), а то, что из этого может произойти потом, их не заботило. Я говорю не о постройке заводов «Пепси-колы» в СССР, а только о той идеологической цене, которую эта компания так легко соглашалась платить, а некоторые другие — готовы были заплатить. (Не зря один советский специалист по внешней торговле, выступая однажды в Гарварде, обмолвился, что, как ни странно, но с крупными бизнесменами советские представители легче находят общий язык, чем с рабочими лидерами.) Но я сейчас не собираюсь метать громы и молнии, разоблачая большой бизнес, и в очередной раз хочу напомнить о ленинской

фразе, что «капиталисты сами продадут нам веревку, на которой их повесим». Меня интересует некое культурное явление, позволяющее своим представителям бороться за «детант любой ценой». Хотя такое отношение к детанту проявляет сущность этого явления, но его не исчерпывает. Думаю, что сущность этого явления опасна для человечества никак не меньше левизны и уж конечно — большого бизнеса. Тем более что люди, о которых идет речь, мыслят себя вполне логичными и респектабельными.

Сегодня влияние этих людей — они сами об этом косвенно говорят — весьма мало, но это не значит, что они разгромлены, что их логика скомпрометирована, что при малейшем заторе — а заторы будут, будущее никому не рисуется легким — они не возьмут реванш и не выступят опять в обличье умеренных, уравновешенных, видящих другую сторону проблемы людей. И тогда, вовсе не желая этого, — сыграют роковую роль. Они ждут своего часа. Приход этого часа надо максимально затруднить — надо вскрыть внутреннюю пустоту и, как это ни парадоксально звучит, **респектабельную экстремальность** этого мало знакомого для нас явления...

Собственно, сам я столкнулся с этим явлением давно. На Пагуошской конференции (Ученые мира в борьбе за мир), состоявшейся вскоре после советской интервенции в Чехословакию, было, несмотря на протесты советской делегации (частью вынужденные), принято решение, в сдержанных выражениях осуждавшее это вторжение. Человека, который рассказывал об этом моему другу, такая сдержанность свободных людей по столь ясному вопросу — поразила. Но каково было его удивление, когда после этого к советским делегатам стали один за другим подходить некоторые американские ученые и в частном порядке выражать с в о е понимание положения СССР, который не мог поступить иначе, ибо это с ф е р а е г о в л и я н и я. Правда, они и критиковали нас доброжелательно: за грубость, с которой это было сделано (как будто это могло выглядеть нежней). Помню, я никак не мог понять, в чем тут дело. Никак не мог поверить в реальность того интеллектуального самочувствия, которое слышится в этих советах. Ведь это были не дипломаты, не представители правительства, вынужденные по роду деятельности учитывать факторы, видимые не всем, и кривить душой. Я отвлекаюсь от того, что в связи с всеобщей грамотностью и развитием средств массовой информации даже и правительства, я убежден, тоже утратили сегодня право на такую традиционную «нравственную экстерриториальность»: любое заявление видного человека прямо или косвенно оказывает какое-то нравственное воздействие на общество. Но люди, о которых я говорю, вообще были не дипломаты, и высказывались они совершенно добровольно, самовыражались. Им на самом деле нравилось «входить в положение» насчет «сфер влияния», им нравилось чувствовать себя солидными представителями сверхдержавы, вступающими в интересные коллизии с представителями другой такой же, хотя грубые действия этой другой каким-то образом и нарушали очарование этой интересной игры. Ведь если партнер груб и невеличествен, что-то убывает и от солидности: вся игра портится. Создается ощущение, что если б советские лидеры проделали эту операцию с большей осмотрительностью, сумели бы мгновенно сбросить Дубчека и поставить на его место своих людей, а всех остальных подавить так, чтоб их не слышно было, — эти интеллектуалы были бы довольны. По-видимому, сами намерения советских вождей не вызывают у них сомнения. Впрочем, некоторые из таких людей вообще считают, что все советские недостатки — ничто перед американскими пороками. Как же! Америка ведь вела тогда войну во Вьетнаме, а Советский Союз как будто не воевал! Круги, к которым некоторые принадлежали, называются в Америке либеральными, хотя их либерализм редко теперь проявляется в чем-либо, кроме как в либеральном отношении к диктатуре.

Но в принципе явление, о котором я говорю, шире этих кругов. Да и упирают их представители больше на здравый смысл, чем на либерализм. И поскольку, упирая на это, эти люди стараются внушить другим мысли, следование которым чревато, как я

убежден, серьезными последствиями для всех, — надо все-таки попытаться выяснить, насколько то, что они проповедуют, — здраво и насколько это вообще имеет смысл.

Думаю, что те две статьи, о которых я буду в связи с этим здесь говорить, хотя и не единственные в своем роде, но достаточно как раз показательны в этом отношении. Одна из них — она называется «Вопреки представлениям, что в России всё плохо» — написана незадолго до его отъезда из СССР бывшим московским корреспондентом «Вашингтон Пост» Питером Осносом* и представляет собой как бы политическое завещание опытного человека. Я прочел ее в провинциальной «Сэйнт Пол Сандэй Пионир Пресс», где она была перепечатана в номере от 3 июля с.г. Вторая статья — называется она «Поставим детант назад на рельсы» — написана бывшим консультантом Госдепартамента и Объединенного Комитета Конгресса США Сэмюэлем Пизаром и опубликована в сентябре с.г. в воскресном приложении к «Нью-Йорк Таймс» — журнале «Нью-Йорк Таймс мэгэзин». Так что обе они опубликованы в большой американской прессе. Замечание это мне нужно не для того, чтоб «ошельмовать» большую американскую прессу или вообще как-то охарактеризовать ее. Она — разная. И даже в этих изданиях пишут разное. Но то, что солидные и довольно разборчивые издания были вынуждены и захотели (в данном случае это всё равно) опубликовать эти не очень логичные и не очень основательные статьи, доказывает, что явление, которое стоит за ними, достаточно влиятельно и представительно.

Оба автора, как легко догадаться по названиям их статей, скорбят о краже детанта. Если же, забегая вперед, высказаться точней, то можно сказать, что скорбят они о крахе киссинджерской модели детанта, другой себе не представляя. И гибнет этот детант, как они убеждены, по вине одной Америки. Советский Союз то ли не виноват, то ли не может быть виноватым. Похоже, что Америка, по мнению обоих авторов, нарушает законы мудрости и гармонии в природе, когда не ставит себе целью удовлетворение всех желаний и амбиций Кремля. Видимо, этот взгляд кажется им воплощением широты кругозора и респектабельной трезвости. Но убедить прямо весь народ в том, что он должен вести себя заранее так, словно он уже проиграл войну Советскому Союзу, — трудно. Этого не докажешь. Вот авторы и не доказывают, а только утверждают и внушают.

У этих статей — особый жанр. Это, так сказать, — мнение *специалистов*. Мнение, аргументированное только тем, что под ним стоит подпись лица, являющегося, считающегося или объявленного специалистом в данной области. Важен только вывод и направление. Понятно, что тем больше и ответственности ложится на специалиста. Но, с другой стороны, это и соблазн: легко тому, что тебе эмоционально приятно, придать внешний вид логического вывода и поверить в него. Что и происходит в названных статьях.

Поскольку начал я резко, а, например, в Америке это не принято, я хочу заранее ответить на три стандартных обвинения, достаточно распространенных среди широких, так сказать, масс индивидуальных мыслителей. Впрочем, первое из них — это не столько даже обвинение, сколько отношение. А именно: некоторые американские и вообще западные специалисты по нашей стране хотели бы видеть в нас, эмигрантах, только источник фактов, на основании которых понимающие люди сами будут делать выводы. И их очень раздражает, когда мы нарушаем эти границы.

* Уже написав эту работу, я узнал из газет, что Советское правительство объявило Питера Осноса — своим врагом и шпионом. Какие бы основания ни имело Советское правительство сердиться на г-на Осноса, содержание и облик его статьи от этого не меняются. Я пишу о том, что прочел. Впрочем, советские органы часто попадают в таких случаях пальцем в небо. Помню, в группе американских аспирантов они нашли одного, которого советовали опасаться как агента. Этот один — был единственным, относившимся к советской действительности положительно.

Придется, однако, обеим сторонам примириться с этим раздражением, даже несмотря на то, что оно скорее из области подсознательного и может быть озвучено примерно так: «Только приехал, и уже учит. Все они такие». Позиция тем более странная, что явственно отдает коммунальной квартирой, а таковых на Западе пока нет. Так вот: я никого не учу, а просто высказываю свои мысли и впечатления, на что имею право. Причем высказываю их по поводу проблем, связанных с моей страной и с тем, что я увидел здесь, но что опять-таки проявилось именно в связи с моей страной, хотя существует не только в этой связи. Я имею на это право, как всякий человек, и то, что я говорю, нельзя отвергнуть без доводов. Да и не удастся! Дело не в приличии — просто неопровергнутое остается существовать.

Второе обвинение — это обвинение в нарушении британских академических традиций, якобы запрещающих определенность высказываний в полемике и прижимание оппонента к стенке. Но я никогда не скрывал, что я не британец, и думаю, что люди, которые вырабатывали эти традиции, были бы немало удивлены сегодняшней их интерпретацией. Ведь любые интеллектуальные традиции по определению должны быть озабочены прежде всего созданием наилучшей обстановки прежде всего для выяснения истины, а не быть просто протоколом, за соблюдением которого иногда легко скрывается и умственная лень, и просто невежество.

Единственное правило, которое я действительно нарушаю — это то, что выступаю, может быть, не только против взглядов, но и против их носителей. Но, во-первых, всё дело в том, что взгляды эти не аргументированы, а во-вторых, как я уже сказал, моя задача — попытаться нащупать явление, стоящее и за взглядами этих специалистов, и за способом их выражения и защиты. А оно, это явление, имеет и свой психологический аспект. Увы, типовой. Разумеется, речь пойдет и о взглядах, хотя они уже неоднократно опровергались. Но опровержения эти не парировались и не учитывались, и это и вынуждает меня опровергнуть еще раз хотя бы некоторые, наиболее распространенные из них — пусть и в общем виде. Хотя в принципе полемизировать я не хочу. Откровенность требует признать, что не с чем.

Так, здесь опять вполне серьезно говорят сегодня, например, о сражениях в Политбюро между «голубями» и «ястребами». И, конечно, о необходимости вести себя в связи с этим осторожно, чтоб не отпугнуть «голубей». К сожалению, эту картину помогают им создавать некоторые «наиболее осведомленные» представители третьей эмиграции. Но разве трудно догадаться, что Политбюро свои протоколы вниз для осведомления никому не спускает, и до того времени, пока не сбежал новый Баженов, осведомленных в этом людей нет вообще? Остаются одни предположения. А строить на предположениях о спорах в Политбюро — строить на песке.

Или возьмите старый, но опять пущенный в ход тезис о «молодых» аппаратчиках, которые сменят более фанатичных старых. И которых по этой причине тоже надо не отталкивать от себя строптивостью. В первый раз этот тезис возник давно, лет 15—20 тому назад. Однако тогдашние «молодые» уже постарели, и были они подобраны старыми аппаратчиками в соответствии с их расчетами и симпатиями в 50-х, когда после XX съезда всё зашаталось, когда нельзя было рассчитывать ни на одно вузовское комсомольское собрание, подбирали тех, кто им более подходил. А подходили тогда, когда всё бурлило, те, кто бурлил наименее активно, кто в науке на особую карьеру надеяться не мог. И — соблазняли. И те, кого им удалось соблазнить, и составили костяк тех кадров, на которые призывают ориентироваться оба автора. Конечно, эти люди не фанатики — что правда, то правда. Однако по своему положению они противопоставлены интересам жизни и потому пусть и из самых нефанатических соображений, но вынуждены защищать именно этот порядок вещей.

К тезису о молодых примыкает тезис о хозяйственниках. Хозяйственники действительно субъективно часто совсем не то, что партийные руководители, и в принципе

эта прослойка положением вещей действительно недовольна. Еще бы! Ведь эти люди чувствуют свою и других людей квалификацию, возможности, силу, и чувствуют, что большая часть этих достоинств работает вхолостую. Но у этих людей нет никакой возможности влиять на принятие решений и изменение структуры производства. В лучшем случае их влияние сказывается в каких-либо мелочах, не меняющих структуры. Да и здесь они больше предпочитают отвечасть: «Будет сделано!», а потом полуподпольно делать по-своему. Власть иногда на эти мелкие проделки смотрит сквозь пальцы, но при неблагоприятных обстоятельствах можно за них и жестоко поплатиться. Да, другого выхода нет, иначе работать нельзя, но по своему положению хозяйственники — такие же чиновники, как и все другие, всецело зависящие от власти и не имеющие возможности действовать совместно. Это не политическая сила. Если они каким-либо путем превратятся в силу, это будет равнозначно революционному перевороту. На это так же мало шансов, как на появление могильщика системы среди аппаратчиков, старых или молодых, хотя и это не исключено. Но глупо строить на этом мировую политику. К тому же, став реальной силой (или придя к власти), они вряд ли будут обижаться на Картера за его сегодняшние заявления. Тем более, что и сегодняшние советские руководители с ними помаленьку смиряются. Ведь ничего такого, что требовало бы от СССР уступок, территориальных и иных, что было бы для него невыносимо, — нет в помине. Просто этот Президент выразил громко то отношение к принципам свободы слова и правам человека, которое прямо вытекает из системы ценностей, принятой в его стране. И его понять можно: система ценностей страны — это то, без чего страна просто не может существовать. Народ, забывающий свои ценности, теряет постепенно и способность к самозащите, чему есть тьма исторических примеров. Общество это хорошо усвоило, и руководители об этом помнят.

Но когда эти же руководители или вообще люди, которым этот народ доверяет, слишком часто демонстрируют ему, что ценности существуют сами по себе, а в жизни можно их в расчет всерьез и не принимать, то ценности, живое к ним отношение, постепенно теряются. Растворяются.

В сущности, обе эти стороны, о которых я сейчас говорю, — атака на ценности. Но как ее вести? Не скажешь же, как Геринг, что, мол, освобождаю вас от совести. Да и время не пафосное, а ценности — в почете. И объективность — тоже. Вот и приходится г-ну Пизару заверять: «Сделав человеческие права контрольным пунктом своей политики, Президент восстановил запятнанный в годы Вьетнама и Уотергейта облик Америки и поставил Соединенные Штаты на подобающее им место — на передний план борьбы за свободу и справедливость». Так что вроде бы получается, что автор даже хвалит Президента и его политику. Но это, как говорится, только «для объективности». Чтоб доказать, что автор видит разные стороны этой политики. Ибо следующей в тексте идет фраза о предпринятом Президентом «крестовом походе за освобождение», который, по уверению автора, «сияет, как мертвая звезда». Независимо от эстетической ценности этого образа, он свидетельствует о том, что этого «похода» автор статьи не одобряет, и, по его мнению, в результате этого «крестового похода» «советско-американские отношения находятся на самом низком уровне за последние годы» (а эти отношения, их процветание и есть главная ценность, которую автор защищает). При этом опять-таки (такое ощущение, что автор как-то просто игнорирует тот факт, что утверждения, высказанные об одной и той же проблеме, должны находиться между собой в логической связи) тут же отмечается, что Картер настроение и наклонности нации прочел более аккуратно, чем Киссинджер, корни политики которого — в меттерниховском прагматизме. Но, видимо, читать это не стоило, ибо, как утверждает г-н Пизар, «преследуя моральные цели, чьи шансы на успех сомнительны, чтоб не сказать ничтожны» (но которые, если верить тому же г-ну Пизару, соответствуют наклонностям нации, правильно прочитанным Президентом), Картер

«подверг риску более жизненные интересы — прежде всего, надежду на то, что опасное военное соперничество между сверхдержавами перестанет расширяться». Не правда ли, надежда г-на Пизара, очень напоминает надежду, которую питали (и часто тщетно) многие у нас в 37-м году, — что если сидеть тихо, то не тронут?

Впрочем, я не думаю, что его проповедь вызвана действительным страхом. Все-таки господина Пизара никто еще не пугал, и это не страх, а та игра, о которой я говорил выше. Игра в серьезность и осмотрительность, в профессиональную дипломатию, где всегда что-то отдают, а что-то получают взамен, в вечный Венский конгресс, в аристократическую неподверженность эмоциям. Но неподверженность эмоциям здесь, как мы видели и как это часто бывает, обертывается неподверженностью логике. Человек говорит взаимоисключающие вещи так, словно они друг из друга вытекают, и не чувствует никакого неудобства. Такие отношения с логикой характерны для всей этой статьи.

Не последнее место в обеих статьях занимают диссиденты. Им, как говорится, отдается должное, но только с тем, чтоб уговорить не принимать их во внимание. Вроде они преследуют свои цели, хотят, чтоб «мы их освободили» (никто из диссидентов этой глупости не говорил), и вообще — надо выслушать и другую сторону.

Что это значит — можно понять из статьи о медицинском обслуживании в СССР проживавшего в нашей стране три года другого специалиста — Питера Осноса. Выслушав «другую сторону», он сообщает о росте количества врачей в СССР за годы советской власти. Не говоря уже о том, что и самое лучшее положение с медицинским обслуживанием не оправдывает и не может сделать привлекательным ни в чьих глазах произвол (а именно эту задачу ставит перед собой г-н Оснос — не всё так страшно!), по тому, как он говорит обо всем этом, чувствуется, что он был все три года прикреплен к привилегированной поликлинике. Но и при этом как-то все-таки сомневаешься в его искренности — все-таки за три года он, думается, не смог не заметить, что, независимо от количества врачей на душу населения в СССР, количество больных душ на врача во всех обычных больницах и поликлиниках чрезвычайно высоко. Даже как-то странно, что человек за три года жизни в Москве так и не понял, что, если речь идет об информации, советское руководство — вовсе не та «другая сторона», которую следует здесь выслушивать. Оно не высказывает другого взгляда на вещи, а просто всегда всем (в том числе и корреспонденту «Вашингтон Пост») стремится внушить то, что ему бы хотелось, чтоб думали другие. Взгляды на предмет с разных сторон существуют только среди диссидентов — они часто думают по-разному и говорят, как думают. Правда, возможно, представители руководства выглядят солидней — принимают не тайком на квартире, а в солидном кабинете, как серьезные и преуспевающие люди одного лагеря — таких же из другого. Какая-то часть аккредитованных в Москве представителей свободного мира чувствует себя при этом очень польщенной.

Между тем, эта погоня за респектабельностью может привести к очень плохим вещам. В этой связи я вспоминаю страшную историю, рассказанную примерно год назад, кажется, газетой «Дейли Ньюс» и никем не опровергнутую до сих пор. Какой-то кагебист с риском для жизни передавал американскому посольству в Москве материалы о вербовке советскими органами американцев, навещающих Москву. Документы, переданные им, были пересняты, и после этого какой-то крупный чин из посольства, несмотря на протест представителя ЦРУ, распорядился передать эти материалы обратно в советские инстанции. Кагебист погиб. Один мой приятель объяснил, что для этого дипломата советские чиновники — люди гораздо более близкие, чем человек, зачем-то рискующий жизнью. Ибо последнее — несолидное занятие.

Разумеется, я не обвиняю авторов этих статей в том, что они выдавали или склонны выдавать других людей, но какая-то схожесть исходных позиций у них все-таки есть. Есть то же пренебрежение очевидностью и логикой, то есть равнодушие, которое тоже ведь далеко ведет.

Да, конечно, даже и у сторонников киссинджеровской модели может быть, в конце концов, своя логика (хотя я ее представить не могу). Но тогда надо ее, как говорится, выдавать на-гора, а не пытаться отделываться авторитетным тоном. Короче, я согласен уважать чужое мнение, но только если сам носитель этого мнения его (да и тех, кому его сообщает) уважает. А уважает ли всё это Питер Оснос?

Вот как он, например, излагает причины краха детанта. Внешне всё выглядит вполне нормально. Он приводит список из четырех причин. Рассмотрим их.

Первая (A). Ричард Никсон, чтоб перевесить впечатление от Уотергейта, «продавал» детант дороже, чем он стоил. В результате — разочарование.

Что ж, было, может быть, и это. Хотя всё же непонятно, в чем именно Никсон «переоценил» детант, то есть какова его подлинная цена? Другими словами — не было ли разочарование в «детанте» все-таки и ощущением реальности? И не против этого ли и статья Осноса? Но ответа на этот вопрос пока нет.

Читаем дальше. Пункт (B). Сказалась мощность альянса озабоченных безопасностью консерваторов и озабоченных правами человека либералов — и те, и другие обвиняли Киссинджера в цинизме и мягкости.

Что ж, опять верная констатация и опять непонятно, к чему она. Как будто автор с этими обвинениями не согласен, но возражений тоже пока нет.

Следующий пункт (C). Тут начинается уже нечто интересное. Вот как он звучит. «Советы, будучи Советами, напирали, добивались преимуществ в таких пунктах, как Ангола (где они добились успеха) и Португалия (где они его не добились), — тем самым выбивая почву из под ног у тех в Вашингтоне, кто рассчитывал, что они будут действовать ответственно».

Итак, чем недоволен Питер Оснос? Тем, оказывается, что Советы, оставаясь Советами, показали свое лицо, чем подвели всех, кто рассчитывал на их ответственность! Не признание ошибки: «Мы рассчитывали на то, чего нет и что не подтвердилось», — а ссылка на неуправляемого партнера! Получается, что было бы лучше (для г-на Осноса), если б Советы, «оставаясь Советами», лица бы все-таки не показывали, не мешали бы тем, кто борется за детант. Но ведь если «Советы остаются Советами» (т.е. *напирают*, согласно определению г-на Осноса), то вроде бы и детант на нет сводится — разве неправда? Странная всё же это конструкция — обвинять Советы в том, что они мешают американцам заниматься самообманом.

Вот что получается, когда, с одной стороны, автор вынужден констатировать правду (свободный мир! — на этом уровне ее все знают), а с другой — хочет сказать нечто, что из этой правды не вытекает. Такой способ защиты мнения не только не вызывает к нему уважения, но и н е д о л ж е н в ы з ы в а т ь .

Теперь последний пункт (D). Звучит он пикантно для нас: «Военно-промышленные лобби обеих стран (!), преследуя собственные интересы, преувеличивали упущения в обороне».

Конечно, приятно узнать, что в СССР есть какое-то лобби (а следовательно, парламент), но речь сейчас не об СССР, а об Америке. Возможно, упущения в обороне преувеличивались Пентагоном (я этого не думаю), но откуда г-н Оснос это знает? Ведь в Америке даже обязательной воинской повинности нет — куда дальше? А между тем в это же самое время «Советы остаются Советами». Но для автора эти соображения как бы не существуют. Он вообще очень элегантно отделывается от комментирования двух последних причин «краха детанта» из своего списка — пунктов (C) и (D). Вот как он это делает: «Я оставляю геополитическим мудрецам оценивать стратегическое значение пунктов (C) и (D)». Коротко и мило. Столько интеллектуального достоинства и презрения к этим геополитическим мудрецам, что не всякий и возражать решится! Тем более, что и само слово «геополитический» — какое-то реакционно-империалистическое...

И все-таки не побоимся попасть в геополитические мудрецы. Ведь нас уже и горшками называли, и в печь ставили. И потому зададим автору простой вопрос: «Если вы не хотите решать вопрос о том, как скажется крах детанта на стратегическом положении свободного мира, то зачем вообще беретесь рассуждать о детанте?».

Я еще раз говорю, что хоть я и дикарь с Востока, воспитанный «тоталитаризмом», но все-таки чужое мнение в известных пределах уважаю. Пределы эти — уважение к собственному мнению того, кто его высказывает. И уважение к тому, кому оно высказывается. Оба эти условия в этих очень по внешности респектабельных статьях не соблюдены.

Это странная респектабельность. Респектабельность без уважения к логике, к людям, к самому себе даже (при параллельном расшаркивании перед всем этим). В чем-то она хуже левого мышления. Левый может одуматься, увидев, что избранный путь не ведет к цели или цель к благу. Эти — не одумаются. Не считаю, чтобы то, что они несут, было культурой, но, безусловно, это явление культурной жизни современного человечества. Явление, которого надо опасаться и которому необходимо противостоять — чтоб не перестать понимать самые простые вещи и не впасть в прострацию.

Александр ГАЛИЧ предоставляет слово Мелику Агурскому.

Мелик АГУРСКИЙ

Коржавин затронул здесь очень важный вопрос, хотя, может быть, представил его в несколько эмоциональной форме. Мне кажется, что картина, которую он представил, — картина правильная, но он несколько ошибается в социальном анализе тех сил, которые противостоят борьбе за права человека и за справедливость. Мы действительно видим, что движение борьбы за права человека в коммунистических странах сталкивается с очень серьезными силами. Но я не склонен квалифицировать эти силы как главным образом либерализм и левые течения. У меня складывается постепенно растущее убеждение, что за спиной этих сил — а здесь работает определенная машина, особенно в США, — стоят очень влиятельные коммерческие, экономические круги, которые, исходя из своих собственных и, я думаю, неправильно понятых интересов, хотели бы всячески преуменьшить значение борьбы за права человека, чтобы представить Советский Союз и коммунистический мир как некую нормальную политическую систему, целью которой является сохранение статистического равновесия и некоторой сферы влияния. И если признать ее за Советским Союзом, он не будет иметь никаких претензий к западному миру.

Эта политика имеет глубокие корни и восходит еще, может быть, даже к 1917 году — и к тем же самым кругам. В настоящий момент эти круги, которые мы называем «продетантскими», всячески стремятся помочь Советскому Союзу и коммунистическим странам выйти из того состояния кризиса, в котором они находятся. Поэтому движение против тоталитаризма, движение борьбы за права человека является одним из препятствий этой политике, которое они соответственно и стараются устранить. Это видно из анализа американской печати. И я думаю, что дело здесь совершенно не в либерализме. Те люди, которых Коржавин принимает за либералов, представляют на самом деле в своем лице те круги американского истеблишмента, которые защищают таким образом свои интересы.

Я несколько дней тому назад наблюдал ту же картину во Франции. По телевидению передавали «дискуссию» между двумя так называемыми советскими историками и несколькими представителями французской общественности. Со стороны французов участвовали коммунист, социалист и представитель академической интеллигенции — профессор Безансон. И я должен сказать, что даже коммунист не выглядел столь отвратительно, как представитель голлистской партии — Сангинетти: он был единст-

венным человеком из присутствующих, который целиком оправдывал советскую политику. Когда кто-то из присутствующих указал на подавление Кронштадского мятежа в 1921 году, на подавление крестьянских восстаний в том же году, Сангинетти сказал: «Ну, что же такого: это была Вандея, которую нужно было уничтожить. Она препятствовала социальному прогрессу». Он, между прочим, упомянул о ГУЛАГе как о некотором элементе прошлого — без какого-либо существенного осуждения. И это был человек, который сказал: «Ну, что ж! Это государство, которое защищает свои национальные интересы, мы тоже защищаем свои, и ничего плохого в этом не видим». Поэтому я бы хотел обратить внимание на то, чтобы мы четко идентифицировали природу тех сил, с которыми нам приходится встречаться и с которыми нам приходится бороться. В самом деле — нельзя не обратить внимание, например, на то, что такое ведущее американское либеральное, даже леволиберальное, издание, как «Нью-Йорк букс ревью», последнее время проявляет всё большую тенденцию признания ценностей, за которые борются все присутствующие здесь. Я могу напомнить, что, например, за последний год этот очень влиятельный журнал опубликовал статьи о положении в Камбодже и во Вьетнаме с осуждением американской интеллигенции за то, что она в свое время была столь опрометчива, поддерживая вьетнамских и камбоджийских коммунистов. При этом надо сказать, что журнал занимал одно из ведущих мест и в самой кампании против вьетнамской войны. Точно такое же впечатление у меня сложилось от недавнего годового съезда американского общества лейбористов, в котором я участвовал. Да, я увидел там очень влиятельную группировку, которая была главным препятствием нравственной борьбе за права человека. Но ее отнюдь нельзя квалифицировать как левую или либеральную.

Я должен констатировать и следующий факт: в Америке, в особенности среди новых эмигрантов, появились люди, которые вдруг поняли, что поддержка такой политики является сама по себе выгодным бизнесом. Не буду называть много имен, сошлюсь на одну статью Соловьева и Клепиковой, которая была опубликована в «Нью-Йорк Таймс» в противовес обращению Сахарова к Белградской конференции. Эти люди, которые эмигрировали в США и выдают себя за диссидентов, всячески пытаются принизить роль диссидентства в Советском Союзе, называя Сахарова генералом без армии. И совсем не случайно газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала эту статью, стараясь таким образом зачеркнуть послание Сахарова в Белград. Поэтому я очень опасаюсь, что если мы неправильно уточним адресата, с которым мы ведем борьбу, то мы будем тратить свои силы вхолостую.

Я думаю, что именно с этой группой, о которой я говорю, мы вряд ли найдем когда-нибудь какие-либо общие ценности. Потому что их ценности — это сугубо экономические интересы определенной группы людей, которая их отстаивает. В то время как среди либеральных и некоторых левых кругов, начинающих понимать, что та система, с которой они себя одно время идентифицировали, на самом деле не отражает идеалов, за которые они борются, — мы часто можем найти тех людей, с которыми мы можем вести совместную борьбу. Достаточно сослаться, например, на Пьера Дэкса, в прошлом последовательного, непримиримого и жесткого сталиниста, который впоследствии изменился и стал совсем другим человеком. Но даже и не надо далеко ходить — мы сегодня получили телеграмму от Милована Джиласа, который был членом Политбюро Югославской компартии, а сейчас это тоже совсем другой человек. Это мой комментарий к докладу Коржавина. Есть еще общая беда. Живущие в Советском Союзе просто не имеют доступа к тому, что пишется на Западе. К сожалению, и те люди, которые приезжают сюда, не все в достаточной степени владеют языками. И я думаю, что если бы мы могли внимательно читать то, о чем пишут на Западе, мы нашли бы гораздо больше друзей, чем мы сейчас видим. Поэтому одна из задач «Континента» и всех нас — это как-то усилить работу по освоению того, что

произошло здесь за шестьдесят лет. И не надо порой переоценивать свои способности. Мы несем какую-то моральную функцию, но мы должны учитывать, что за эти годы мир не стоял на месте. За это время было создано очень много ценного, и наша задача — представить это ценное читателям коммунистических стран, найти таких людей, которые могли бы разделить с нами общую борьбу на основе общих ценностей.

Наум КОРЖАВИН

Я совсем не говорю, что все эти люди левые. Они вовсе не все левые, это так называемый «истеблишмент». Я подчеркивал, что не надо всё концентрировать на левом движении. И я давно знаю, что французские парламентарии, которые приезжали к нам в Союз, учили нас безнравственности. Я не согласен с тем, что это чисто социальные круги. Тут империализм, который им платит деньги, — ни при чем. Они выражают не дух капитализма (хотя такие люди, как глава «Пепси-колы», тоже этим занимаются), они выражают меру собственной культурной испорченности. Я говорю именно о какой-то культурной болезни истеблишмента, но не в социальном смысле. Только в культурном.

Владимир МАКСИМОВ

Мне кажется, что доклад Наума Коржавина важен в том отношении, что продолжает наш диалог с западной интеллигенцией. Мы с самого начала существования журнала вели такой поиск. И мы нашли очень много союзников. Агурский здесь назвал Дэкса и Джиласа. Но эти люди пошли на диалог с нами уже не с коммунистических позиций, а, так сказать, с чистого листа: давайте заново искать истину, давайте заново искать путь к ней. Но есть этот самый истеблишмент. Он в самых разных слоях общества. Это неорганизованная интеллектуальная мафия. Я часто привожу один пример: я разговаривал с одним французским интеллектуалом и задал ему вопрос после долгого разговора — читал ли он «ГУЛАГ»? И я прошу вас проследить за изяществом построения ответа, за его удивительной штампованностью и клишированностью, несмотря на изящество: «Не читал и читать не буду. У меня есть мнение, и вы не путайте меня с вашими фактами». И действительно, когда у человека есть такое мнение, нам не о чем разговаривать. Нас часто упрекают в том, что мы не хотим диалога. Но согласитесь, что с людьми *такой* психологии, которые a priori не принимают никаких фактов, диалога получиться не может. Это разговор глухонемых, да еще через толстую стеклянную стену. Но, повторяю, мы всегда искали и ищем возможности для настоящего диалога, настоящего контакта и находим их. Если вы проследите за номерами нашего журнала, вы увидите, как от номера к номеру появляется всё больше людей, готовых вести диалог без всяких предварительных условий, как выражаются дипломаты. С такими мы говорим. В этом смысле предыдущая конференция «Континента» в Париже с «новыми философами» очень показательна. У нас спрашивали, каких результатов мы ожидали от нее. Никаких, кроме того, что это собеседование, наконец, состоялось — когда за один стол сели Ионеско и Фуко, Раймон Арон и наш друг Андре Глюксман. То есть это уже хорошее начало. А с такими людьми, о которых я говорил раньше, диалога у нас не может получиться, потому что это не вопрос информации, а вопрос духовной болезни. Поэтому я призываю всех выступающих придерживаться такой презумпции: в какое соприкосновение их тема входит и может войти в диалог с журналом «Континент», с нашей деятельностью в этом журнале.

Никита СТРУВЕ

Я хочу поддержать выступления Мелика Агурского и Владимира Максимова как человек, имеющий чисто западный опыт. Мне кажется, что докладчик недостаточно оценивает, насколько на Западе изменилось всё отношение к советской России. Еще

понаслышке, по семейной традиции, я знаю, насколько было трудно пробиться слову правды о советской России, скажем, до второй мировой войны. Так, например, когда мой дедушка был назначен профессором в Белграде, он не смог читать своих лекций, потому что его закидали помидорами, и был вынужден покинуть свой пост. Сейчас такого случиться на Западе не может, и я считаю, что за последние десять лет, с того момента, как прозвучало слово Солженицына, слово Максимова, всех писателей так называемого (неправильно называемого) «диссидентства», с момента заявления о себе новых журналов, почва радикально изменилась. Конечно, до всех не достучишься, всегда останется определенное количество людей, до которых мы не достучимся. Есть те, кто глух по догматическим соображениям. Есть те, кто глух по нравственным соображениям, из-за какой-то плохо понятой политической или экономической выгоды. Но, тем не менее, когда сегодня опрашивают французов о том, какая политическая система наиболее желательна, то лишь один процент отвечает: советская. Это уже, по-моему, величайшее достижение этих десяти, а может, даже пяти последних лет. Я помню, как праздновалось 50-летие советской революции, и я вижу, как отмечается 60-летие. Поэтому я думаю, что мы можем крайне оптимистически смотреть на наши усилия и направить их еще энергичнее на аудиторию, которая расположена к нам значительно больше, чем раньше.

Александр ГАЛИЧ

Конечно, нужно понять, что климат в мире сильно изменился, что такое событие, как НТР второй половины XX века, оказало огромное влияние на человеческие умы и на человеческое сознание. Наш друг Дональд Джеймсон вспоминал о Кравченко. В 47-м году, десять лет спустя, после того как в Лефортовской тюрьме ежедневно расстреливали по десять тысяч человек, этот человек выступил с книгой «Я выбрал свободу». И никто ему не поверил. Его не хотели слушать десять лет спустя. А сегодня имя только утром арестованного диссидента уже вечером становится известным мировой общественности. И это обстоятельство неизбежного проникновения взаимной информации, естественно, сильно изменило общий, я бы сказал, — нравственный облик планеты. Просто то, что оно его изменило пока недостаточно, то, что это происходит очень медленно, может нас, конечно, огорчать, но это, так сказать, ход истории.

Владимир БУКОВСКИЙ

Слушая эту дискуссию, я невольно вспомнил один забавный лагерный эпизод. Хотя, может быть, он не таким уж забавным покажется вам сейчас, когда я вам его расскажу. Со мной был в лагере один хороший мой друг — Иосиф Мишенер. Он сионист, сидевший за то, что желал уехать в Израиль и был связан с этой тематикой. Его очень преследовало начальство, наказывало его лишением свиданий, дополнительного питания, карцером и т.д. И это всё на него не действовало. И тогда его позвал лагерный кум и сказал: «Вы знаете, мы нашли, чем на вас подействовать. Вы не думайте, что на вас нельзя подействовать!». Тот был очень удивлен: чем же? «Вы знаете, вот вы в Израиль хотите ехать, мы вам дадим плохую характеристику для Израиля». Нам это казалось анекдотом, мы смеялись до слез, когда он нам об этом рассказывал. Какой глупый кум лагерный! Неужели поверят там, в Израиле, какой-то лагерной характеристике! Но, вы знаете, теперь, когда я живу почти год на Западе, я прихожу к выводу, что здесь очень верят характеристикам лагерных кумовьев, что вот эта советская глупость, которая нам там всегда казалась безмерной глупостью, которой ни один нормальный человек поверить не может, она здесь ложится на благоприятную почву каким-то странным образом. Приписать ли это шестидесяти годам советской пропаганды, приписать ли это, как говорил Коржавин, определенной хам-культуре мышления или еще как там ее назвать, свойственной состоянию умов нынешнего общества, — трудно сказать. Конечно, самое страш-

ное, что могли сделать эти шестьдесят лет советской власти, — я не говорю об убийстве людей, о захвате территорий, я говорю о психологическом влиянии, — это именно навязать миру эту психологию левых и правых, когда человека не будут слушать левые, потому что он правый, а правые — потому что он левый. Этим отравляется источник информации. Поэтому нет ничего удивительного, что, как напомнил Никита Струве, уже давно пытались объяснить миру, что происходит, но никто не слушал. Это, так сказать, установка, как говорят психологи, психологическая подготовка. **Что** же для нас, для тех, кто теперь говорит о судьбе нашего журнала, **что** важно практически — для того, чтобы преодолевать эти психологические барьеры, эти психологические установки? Для того, наконец, чтобы здесь перестали верить лагерным кумовьям и перестали думать о терминах «левые—правые»? Вопрос сводится для меня, как я его понимаю, к тому, чтобы издание «Континента» на иностранных языках было и шире, и лучше поставлено, и лучше субсидировалось, и лучше переводилось. Потому что невозможно преодолевать психологические барьеры или давать информацию, если нет таких изданий, если они делаются плохо, некачественно или в недостаточном количестве. Если мы хотим иметь дело с западным миром, мы прежде всего должны поставить техническую базу этого диалога достаточно квалифицированно.

Александр Галич передает слово румынскому писателю Ивану Денешу, работающему в издательстве «Ульштайн».

Иван ДЕНЕШ

В качестве отклика на вопрос, поднятый г-ном Максимовым, я хотел бы выдвинуть два конкретных организационных предложения.

Первое. Издательство «Ульштайн» является полностью независимым в рамках холдинг-компании и не имеет ничего общего с линией, которая была установлена для «Континента». Так вот, поскольку издательство «Континент» точно так же принадлежит издательскому концерну «Аксель Шпрингер», как и издательство «Ульштайн», идеальным решением было бы передать все редакционные функции в том, что касается немецкого издания «Континента», именно отделению издательства «Континент», которое следует организовать в Дармштадте.

Это первое. Второй организационный вопрос, который я хотел бы предложить вниманию Владимира Максимова, — является вопросом чрезвычайно трудным. Речь идет о доступе авторов, пишущих на некоторых восточноевропейских языках, к русскому изданию. Мы с Джорджем Бейли долго ломали головы над тем, как это можно было бы организовать, но так и не придумали, как можно найти литературных переводчиков с венгерского или румынского языка на русский. Что касается румынского языка, то, быть может, тут нам мог бы помочь коллега Агурский? Вероятно, в Израиле живут выходцы из Бессарабии, из Кишинева. В Тель-Авиве есть «Бессарабский дом», где можно было бы, наверное, найти людей, владеющих обоими языками.

Мелик АГУРСКИЙ

Почему издательство не дало никакого ответа на поступившее из Израиля предложение, касающееся издания «Континента» на арабском языке?

Иван ДЕНЕШ

По всей вероятности, это предложение попало на стол тому же самому господину, который, как нам рассказали, заверил своего собеседника, восточноевропейского дипломата, что издательство не будет публиковать писателей-беженцев из Восточной Европы. Благодаря независимому статусу книжного издательства среди его руководящих работников наблюдаются — как бы это выразиться — леволиберальные тенденции.

Надо полагать, что упомянутое предложение, которое лично я считаю чрезвычайно важным, приземлилось на соответствующем письменном столе, где разделило судьбу тех литературных произведений, о которых мы говорили, — тех, которые были тайно вывезены из Восточной Европы — с огромным риском! Но так никогда и не были даже прочитаны.

Владимир МАКСИМОВ

Мне не хотелось бы превращать нашу редколлегию в поле сражения с немецким издательством, выпускающим «Континет». Но, поскольку эта тема возникла, то я не могу не сказать, что — и это надо теперь признать, хотя и с горечью, — со стороны издательства «Ульштайн», а конкретно — директора этого издательства, имеет место прямой саботаж «Континента». Именно поэтому, во всяком случае за последние два года, катастрофически падает его тираж. Поэтому о немецком издании «Континента» медленно, но верно перестают писать. Именно поэтому мы и сталкиваемся с такими фактами, о которых вы говорите. Самое безответственное, самое непрофессиональное издание на иностранном языке принадлежит именно издательству «Ульштайн». Журнал делает абсолютно неквалифицированный человек, случайный. Мы несколько раз предлагали издательству кандидатуры людей профессиональных и квалифицированных, в частности, Карла Штрёма — человека, который нам близок, прекрасно знает обстановку в стране и литературу, члена нашей редколлегии, и второго члена нашей редколлегии, человека, которого мы все любим и которому мы безоглядно доверяем, — это Корнелия Герстенмайер. Мы не получаем от издательства никаких ответов. Я говорю, не надо превращать наше заседание в поле сражения с этим издательством, это будет особый разговор после этого собрания. А сейчас я хочу еще сказать вот о чем. С первого дня существования «Континента», как я уже говорил, в нашу редколлегию вошли наши польские друзья: Ежи Гедройц, Юзеф Чапский, Густав Герлинг-Грудзинский. И они могут подтвердить, что ни одна вещь, которая была ими нам рекомендована, не была отвергнута. То же самое происходит и с нашими чешскими друзьями — всё, что они передают, находит место на наших страницах. Теперь в нашу редколлегию вошел Ценко Барев, представитель Болгарии, и первые результаты этого вхождения в редколлегию уже сказываются: мы начинаем печатать вещи по рекомендации болгар. Если бы группа румынских писателей и интеллектуалов выделила из своей среды в нашу редколлегию достаточно авторитетного человека, то несомненно, что все вещи, которые они бы нам рекомендовали, нашли бы место в нашем журнале. И мы сумели бы найти место для публикации этих вещей и на немецком языке. К сожалению, пока это зависит не от нас. Мировые права на журнал и, в частности, на немецкое издание переданы немецкому издательству «Ульштайн», и всё опять-таки упирается в директора этого издательства, г-на Зиглера. И если, как вы говорите, он заявил румынскому консулу, что в «Континенте» никогда не будут напечатаны вещи писателей-изгнанников из Румынии, — это тема для особого разговора, и я вам гарантирую, что такой разговор состоится в этот раз в Берлине. У нас это происходит с издательством «Ульштайн» не только в отношении румынских писателей. Повторяю, эту тему мы решим в локальном кругу. А заканчивая свое выступление, повторю свое предложение румынским друзьям: выделите своего человека, работа у нас пойдет успешнее и результаты будут плодотворными.

Энцо БЕТТИЦА

То, что наш румынский коллега рассказал о практике «Ульштайна», было очень интересным. Со своей стороны я хочу рассказать, как обстоит дело с «Континентом» в Италии. Итальянский издатель «Континента» — Гардзанти. Номера выходят у него в очень сокращенном виде, с плохими переводами, крайне нерегулярно. И постепенно

«Континент» просто исчез из книжных магазинов и из внимания широкой публики. Это очень нехорошо, учитывая нынешнее положение Италии с точки зрения политической, культурной и психологической. Ибо, как и во Франции, у вас имеется возможность провести сейчас в Италии огромную культурную и психологическую работу. Имеется целая фракция левого движения, которая начинает ставить под вопрос культурную гегемонию компартии. Среди них находятся и социалисты. И я думаю, что вот с этой группой интеллектуалов-социалистов, которая сейчас образуется и всё более утверждается в Италии и с которой коммунисты имеют большие трудности, «Континент» должен был бы завести диалог. Среди них: Коллети, бывший коммунист, Побио, Массимо Сальваторе, Пеликан. Но диалог — в какой форме? «Континент» больше не существует в Италии. А именно там он сейчас очень нужен. Что делать?

Я думаю, что «Континент» больше не может оставаться у Гардзанти, потому что у него никакого интереса к журналу нет. Некрасов знает, что в Италии у нас есть общий друг — это г-н Стампа. И что у него есть свое издательство. И я думаю, что если бы наша газета, которую мы сейчас создаем в Италии, сумела как-то договориться с издательством Стампы, это был бы оптимальный вариант. Мы бы могли провести плодотворную работу и установить постоянный контакт с авторами «Континента» таким образом, чтобы время от времени эти авторы приезжали на встречи в Италию, организуя публичные обсуждения того, что печатается в «Континенте». Ибо на этот день выходит так, что наша газета («Иль Джорнале нуово») сделала гораздо больше для пропаганды восточных писателей и философов, чем «Континент», которого нигде нельзя найти и который никто не читает. Мы опубликовали интервью с Буковским, Агурским, Максимовым. То есть мы как бы заняли место «Континента» в этой стране...

Владимир МАКСИМОВ

На Западе очень много людей, которые готовы бороться с мировым злом при условии, что это будет им приносить доход. Они готовы, так сказать, рентабельно бороться. А вы сами понимаете, что русская книга на Западе считается бестселлером уже при 3000 экземплярах. Поэтому русская книга на русском языке никак не может здесь себя оправдать. Эти же книги, если бы мы имели возможность их продавать в Советском Союзе, расходились бы миллионными тиражами, и, наверно, мы были бы конкурентами самых богатейших издательств. Но в данной ситуации русская книга убыточна и без помощи со стороны не может существовать. Но я думаю, что на свете у нас много друзей, много единомышленников, и они нас найдут.

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ

Как ни странно, я, будучи скульптором, хотел бы выступить по проблеме языка. Я бы хотел поговорить о литературных клише, действующих как в русском языке, так и в мировой практике языка тоже. Но это теоретическая проблема, от которой наше заседание ушло довольно далеко, переходя к практическим делам. Поэтому я не хочу занимать лишнего времени и просто приведу пример из своей биографии, пример просто животрепещущий, ибо то, что произошло со мной, произошло только что.

Когда я разговаривал со своим другом Максимовым и с другими о том, как блокируются их усилия по изданию «Континента», при всей любви и вере в их объективность, я считал, что в их разговорах есть некоторый элемент, так сказать, советского наследства. То есть частичная мания преследования, к которой нас всех приучили. Но вот сейчас, как говорится, на собственной шкуре, самым практическим образом я узнал, что действительно такое существует. Узнал это, причем, как скульптор. Я сейчас не буду называть фирму, поскольку я с ними еще лично не поговорил и узнал о результатах их решения по телефону. Но факт остается фактом. Факт таков: одна крупная американская корпорация, торгующая искусством, заподозрить которую в том, что она левая, либе-

ральная или вообще идейная, невозможно, уже занеся руку подписать со мной крупную сделку, вдруг отказалась, о чем мне и сообщили по телефону сюда, — в Берлин. Отказались они попросту потому, что узнали, что я вот заседаю на нашем совещании. Было просто сказано, что художник, который принимает участие в таких — не было сказано «антисоветских», а «таких» — мероприятиях, нежелателен в чисто капиталистической фирме. Попросили у меня прощенья. Это один факт. Второй факт, о котором я узнал здесь же, в Берлине, следующий: одна итальянская сталелитейная фирма (не буду ее называть, пока не поговорил лично с ее представителями), которая заказала мне знак этой фирмы и которой нравилось то, что я делал в скульптуре, неожиданно сообщила мне, что они не могут со мной сотрудничать, потому что я буду докладчиком и участником на венецианском Биеннале. Вот таким образом, на собственной шкуре, я выяснил, что давление действительно, как видите, оказывается. Причем давление с самой неожиданной стороны. Потому что я не имел дела ни с какими западными левыми, которые ничего мне не заказывали. Я имел дело с респектабельными капиталистическими фирмами. В чем дело? Я не берусь судить, я не берусь анализировать — я не знаю. Могу же себе представить, какое давление оказывается на «Континент» как таковой, если на меня, человека, который практически не принимает участия в этой работе, оказывается такое давление. Просто решил рассказать об этом для справки.

Джон БАРРОН

Когда я слушал выступления всех собравшихся здесь выдающихся людей, у меня возникли три мысли. Самая главная из них о том, что ни одно великое завоевание не доставалось человечеству легко, без усилий. Завоевание свободы является, по моему мнению, высочайшим приобретением, на которое мы способны, и нельзя ожидать, что оно происходит само собой. Если обратиться к непродолжительной истории Соединенных Штатов, то мы увидим, что наша страна почти постоянно находилась в кризисной ситуации и нередко лишь стечение обстоятельств определяло те или иные исторические повороты. Если бы в XVIII веке был устроен референдум, то, по всей вероятности, большинство населения было бы против революции. Во время Гражданской войны, причиной которой в значительной степени было расхождение по вопросу, должна ли существовать абсолютная свобода для всех без исключения, то есть следует ли уничтожить рабство, одним из решающих сражений была битва при Геттисберге. Еще перед ее началом оказались выведенными из строя два блестящих генерала армии южан. Не исключено, что их участие в этой битве изменило бы ход войны и всей американской истории. Летом 1941 года в Конгрессе США состоялось голосование по законопроекту о воинской повинности. Вплоть до лета 1940 года в Соединенных Штатах не было постоянной армии, и конгрессмены обсуждали вопрос, следует ли вообще продолжать призыв на военную службу и не лучше ли распустить целиком всю армию. Если не ошибаюсь, в Палате представителей насчитывалось тогда 139 депутатов — и решение сохранить регулярную армию было принято большинством в один голос! В июне 1942 года почти все силы японского флота (80%) стремительно продвигались в направлении ключевого стратегического пункта в Тихом океане — острова Мидуэй. После его захвата намеревались направиться на Гавайи, а затем — к Западному побережью США. На пути японской армады находились два боевых авианосца (еще один был серьезно поврежден), около сотни пилотов и несколько вспомогательных надводных судов. Но незадолго до этого всего лишь несколько человек сумели расшифровать код, которым пользовались японцы, — и в результате этого было уничтожено основное ядро японского флота, который так никогда после этого не смог оправиться от нанесенного ему ущерба.

Почему я обо всем этом говорю? Конечно, врачи из института им. Сербского уже поставили бы мне диагноз — «паранойя с легким уклоном в шизофрению», — но на

самом деле я рассказал всё это, просто желая обратить ваше внимание на то, что всего лишь несколько человек могут оказать активное, ощутимое и благотворное влияние на ход всей истории человечества. И с чувством глубочайшего уважения и почти благоговения я заявляю: то, что вы сделали, оказало мощное воздействие на ход событий в мире за последние несколько лет — наверняка в США и, как мне кажется, также и в Западной Европе.

Мне тоже приходилось читать статьи Питера Осноса и им подобные. Я читал бы их даже в большем количестве, если бы мой доктор не сказал, что выходить из себя мне вредно, — но как же можно оставаться спокойным, когда они находятся в вопиющем противоречии с той реальностью, которую я знаю? Но я могу сказать со всей ответственностью, что теперь становится всё более и более неприличным публиковать такие статьи, — и это является непосредственным и наглядным результатом ваших свидетельских показаний и представленных вами фактов. Я надеюсь, что мы всегда будем свободны говорить что угодно — даже самые ужасные или самые глупые вещи. Но мы можем стремиться к тому, чтобы авторы просто идиотских или по сути своей тиранических высказываний воспринимались как идиоты или тираны.

Я хотел бы проиллюстрировать происшедшие изменения с помощью сцены, свидетелем которой я был. Не так давно Вашингтон посетил Владимир Буковский. Он с триумфом выступил по общенациональной программе телевидения, где ему задавал вопросы комментатор, настроенный по отношению к нему скорее враждебно. Но слова Буковского не могли не тронуть зрителей — у меня дома за ужином в комнате воцарилась тишина, и даже дети перестали есть. На следующий день мы с Буковским и еще несколько друзей отправились в самый фешенебельный вашингтонский ресторан. Когда все расселись, официант — без всякой подсказки и даже не обратившись ко мне как хозяину стола — подошел к Буковскому, пожал ему руку и сказал: «Мы очень рады, что вы находитесь среди нас». Буковский потом заметил, что подобное происходит не первый раз: когда он шел из своей гостиницы, то на протяжении нескольких кварталов его вновь и вновь останавливали строительные рабочие — чтобы просто поприветствовать и пожать руку. Так что обстановка изменилась. Перемены происходят и в университетской среде: теперь уже никто, защищающий советскую систему, не может рассчитывать, что его будут воспринимать всерьез. Больше не считается постыдным выступать против советской системы. Мой друг Дональд Джеймсон как-то сказал, что Солженицын, Максимов и вы все выжгли на лбу советского колосса клеймо с надписью «ГУЛАГ». Этого клейма не смыть. Сегодня мы видим, как эта каинова печать всё более отчетливо проявляется на коммунистических партиях в других странах мира.

Не оставляйте надежду. Не поддавайтесь минутному разочарованию. Никакими мерками вы не сможете измерить те постоянные, умножающиеся, глубокие сдвиги в сознании американского общества, причиной которых являются ваши слова, ваши свидетельства — очевидная искренность которых несомненна. Я помню студенческие аудитории шестидесятых годов, где молодые люди, преисполненные благих намерений, но чудовищно невежественные, протестовали против некоторых аспектов американской внешней политики. И теперь, когда Буковский был в Вашингтоне, я видел, как такие же студенты набивались в актовые залы и стояли на улицах в ожидании, когда он начнет говорить. Поэтому я прошу, умоляю, призываю вас: продолжайте делать то, что вы начали. Используйте для этого все средства — личные контакты, «Континент», любой форум, где у вас есть хоть какая-то надежда быть услышанными, — и никогда не сдавайтесь.

Я хотел бы привести пример того, против чего выступаете вы и все те, кто пытается перестроить идеологическую структуру человека. Здесь присутствует один мой коллега, мой друг, — чтобы не ставить его в неловкое положение, я не буду называть имен. В

свое время мне предложили участвовать в составлении книги об ужасающих событиях, которые произошли в Камбодже после апреля 1975 года, когда эта страна попала под власть коммунистов. Моему коллеге предстояло провести предварительные разыскания, необходимые для этой книги. Он был профессионалом чрезвычайно высокого класса, но придерживался левых убеждений и считал, что все эти жуткие истории — просто еще один пример антикоммунистической риторики в стиле журнала «Ридерс дайджест». Он думал так лишь до того момента, пока не начал беседовать с жертвами, с очевидцами того, что происходило в Камбодже. Спустя примерно полтора месяца я вновь встретил своего коллегу — и передо мной был другой человек. Дело дошло до того, что всё увиденное и услышанное им отразилось на его физическом самочувствии и он был вынужден обратиться к врачу. «Смотрите, — сказал он мне, — вы целиком и полностью разрушили ту интеллектуальную структуру, которая была основой меня как личности. Дело в том, что я не могу отрицать то, что я сам увидел, — но если признать э т о , тогда неминуемо меняется и всё остальное».

У некоторых людей не хватает мужества примириться со столь радикально происходящими переменами. Но у многих его хватает, и они идут на это. И что бы ни сделал президент Картер — каковы бы ни были движущие им мотивы, как бы неумело ни проводилась в жизнь эта политика, сколько бы ни приводить примеров ошибочных решений и невежества его советников, — всё равно призыв поставить в центр внимания проблему прав человека приобрел среди американского народа наибольшую популярность из всех его начинаний. Я полагаю, что всё, что вы сделали во Франции, оказало огромное влияние на сдвиги во французской политике и, быть может, на результаты предстоящих выборов. А стоит подумать и о более отдаленных последствиях...

Так что не сдавайтесь и никогда не впадайте в уныние. Просто скажите всем нам, чем мы можем вам помочь. И еще я хотел бы сказать (пусть даже здесь это и не очень уместно), что все технические трудности, о которых вы тут говорили, — это всего лишь детские игры по сравнению с теми трудностями, с которыми вы сталкивались у себя дома и которые вам приходится преодолевать, находясь уже здесь.

Большое вам спасибо.

Яков КРОТОВ

О МИФАХ И РЕАЛЬНОСТЯХ: ДВА ЭТЮДА

I. От слов к слову

РЕЛИГИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ»: ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА

1. «Континент» как континент

Как известно, ежеквартальный журнал «Континент» начал выходить с середины 1974 года под руководством Владимира Максимова в Париже, со второго квартала 1992 года — под руководством Игоря Виноградова (печатание стало осуществляться в Москве несколько ранее). Смена главного редактора была вызвана причинами, связанными с тем, что *эмигрантский* «Континент» выполнил свою миссию журнала духовного сопротивления коммунизму (заявленную при его основании) и В. Максимов, умерший через три года, разумно решил передать издание своего детища в Москву. Однако примечательно, что эта смена совпала с массовой сменой редакторов и во многих «толстых» журналах и газетах самой России. Этой смене редакторов придавалось большое значение, но к концу 90-х годов стало ясно, что в целом новые редактора продолжили дело — точнее, дела — своих предшественников. Это справедливо и по отношению к «Континенту».

Создатель «Континента» самым важным считал противостояние всяческому тоталитаризму. Читатели России в первые пятнадцать лет существования журнала именно «диссидентский» его аспект и воспринимали острее всего. Однако противостояние тоталитаризму — родовая черта всех эмигрантских СМИ, хотя «Континент», может быть, более других журналов печатал материалы правозащитного движения. Не следует недооценивать скрытой оппозиционности, которая была присуща и подцензурным российским «толстым журналам». Такая недооценка была свойственна эмигрантской прессе (включая «Континент»), но ее можно понять как проявление процесса самоидентификации, отмежевания от бывших друзей и коллег с целью подчеркнуть принципиальность и уникальность своего жизненного выбора.

Яков КРОТОВ — родился в 1957 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ. Автор статей по истории Церкви и актуальным проблемам религиозной жизни, публиковавшихся в журналах «Новый мир», «Новая Европа», «Истина и жизнь», «Континент» и в зарубежных изданиях. Живет в Москве.

Формальное сравнение «максимовского» и «виноградовского» журналов показывает, что в последнем резко и почти вовсе исчезли материалы правозащитного движения. Это объясняется указанными причинами, хотя отчасти это связано, видимо, и с тем, что правозащитники обзавелись собственными органами печати. Однако озабоченность оппозиционностью к власти по-прежнему присутствует на страницах «Континента» и продолжает отличать его от прочих «толстых журналов». Те при советской власти часто бывали скрыто оппозиционны (чем и гордились), теперь же предпочитают аполитичность.

Подлинная уникальность «Континента» с самого начала состояла, однако, в его практическом плюрализме и демократизме как принципе подбора материалов. Символическим в этом смысле стал и сам перенос издания в Россию с передачей его целиком «местному» редактору. Некоторые эмигрантские издания тоже стали издаваться в метрополии (отчасти по экономическим соображениям), шире печатать ее авторов, но всюду эмигранты оставляли за собой принципиальное, в том числе финансовое, руководство. Только Максимов смог преодолеть глубочайший комплекс превосходства/неполноценности по отношение к среде, которая его породила и его извергла.

Еще важнее то, что с первого номера «Континента» для него в равной степени были важны три человека: Солженицын, Бродский, Сахаров. Не претендуя на создание очередной «евразийской» концепции, Максимов практически давал у себя пространство и «почвенничеству» и «антизападничеству», «западничеству» и «антиславянофильству» (именно в таких оппозициях, а не в шизофренической «западничество—антизападничество»). Это было возможным, поскольку «антизападничество» в основном было политическим и упрекало Запад в том, что он недостаточно демократичен, а «западничество» было прежде всего культурным. Тем не менее страницы журнала запечатлели множество конфликтов между двумя ориентациями (они воплощались в этих именах и позднее: в 90-е годы «Знамя» постоянно и обильно публиковало Бродского, а «Новый мир» — Солженицына). Знаковой стала борьба с «русофобией» Синявского, но еще более важно, что Бродский печатался в журнале регулярно (29 публикаций 1974—1990-х годов — почти 2% всех названий публикаций, хотя объем физический, конечно, был меньше). Сахарову это мешала делать ссылка. Солженицын же дал 8 материалов в 1974—1979 гг. И вина за асимметрию лежит, кажется, целиком на Солженицыне. Разница между Западом и Востоком в том, что Запад готов терпеть Восток в себе и рядом с собою, Восток же не может потерпеть Запада и воспринимает его существование (как и всякого «иного») как угрозу себе, как «конвой» и агрессию. Более того, «восточный» тип считает только свое существование единственно оправданным и желательным. Отсюда — письмо «группы Православных христиан из СССР» с протестом против неортодоксальных высказываний о Христе: «Говоря о Христе, он [Бродский. — *Я.К.*] вращается в кругу древних талмудических образов: «Назорей — сын блудницы — обманщик». Причем «группа» обличала не одного Бродского, а «явление» — тех эмигрантов, которые-де «умеют так смело протестовать против гонений на Христианство за железным занавесом — и, скромно потупившись, обходят молчанием поругание Христа, творящееся перед их глазами» (43, 380; 1983 г.). Максимов поместил это высказывание без какого-

либо комментария. Лучшим комментарием стало продолжение публикаций Бродского.

Этот инцидент хорошо иллюстрирует этические нормы, принятые журналом, и нормы эти не остались незамеченными читателями. Один из них, хваля эссе того же Бродского в №46 (1985 г.) «Путешествие в Стамбул», где говорились неприятные банальности о византийском православии, съязвил: «Конечно, «группа православных христиан», которая уже бранила «Континент» за стихи Бродского, опять возопиет, но и хрен с ними» (50, 378). Когда в конце 90-х годов журнал стал печатать материалы православных «либералов», он печатал и их откровенных критиков, которые возмутились бы (и часто возмущаются), если бы им отказали в праве возразить, но никогда не допускали и не допускают оппонентов на страницы собственных журналов.

Видимо, такую редакционную линию следует объяснить тем, что сознание корпоративного единства интеллигенции как носительницы свободы слова и идеи плюрализма резко преобладает над всеми прочими соображениями. И потому-то на страницах журнала и допускалась критика тех имен и идей, которые для редакционной политики являлись символическими. Право собрата-интеллигента высказаться для журнала важнее обеспечения «лояльности». Так, только из уважения к свободе слова, в «Континенте» могли появиться без каких-либо купюр записки Е. Верещагина, который и сам обругал всех «диссидентов-экстремистов», которые-де «являются жертвами собственного темперамента» (99, 250), и рассказал, как его отличавшийся якобы «добротой» и «неосуждением» друг называл священника Глеба Якунина «Глебкой» и «попом Гапоном» (99, 249), осуждал и карловчан, и архиеп. Киприана Зернова, и учеников о. А. Меня, и священника Николая Эшлимана, называя его хамом (99, 248). Так стало возможным и выступление архиеп. Марка Арндта с заявлением, что священники Кочетков и Борисов «узурпировали «демократическую» печать в России и что их самих испортила эта «слава» (98, 303) — сама публикация этого заявления показывает, насколько необоснованны заявления об «узурпации». Таковы в №94 и нападки В. Шохина на свящ. А. Борисова, книгу которого якобы ни одна христианская конфессия не сочла бы «своей». Повторим: обвиняющие Кочеткова в «сектантстве» никогда не дают ему или его сторонникам слова, тогда как «кочетковцы» (а «Континент» очень широко давал материалы именно в поддержку Кочеткова) им слово дают — например, письмо Л. Игошева с критикой Кочеткова в №83 и упомянутое выступление Шохина.

Несмотря на подобные происшествия, «Континент» не оставлял претензий быть «религиозным» журналом. Ни в одном другом «толстом» журнале эмиграции или России ни до, ни после падения коммунизма не существовало такого религиозного отдела. Единственным журналом, который можно было бы сравнить с «Континентом», являлся и является «Вестник русского христианского движения» — и вот сравнение с ним ярко подчеркивает особенность первого. «Вестник» вполне можно назвать «авторским журналом», это коллекция материалов, созвучных позиции главного редактора Никиты Струве — «Континент», хотя в нем не менее жестко руководил сперва Максимов, а затем Виноградов, постоянно публикует материалы, отклоняющиеся от его «магистральной линии».

Для данного очерка выбрана религиозная тема в «Континенте» не только потому, что она интересна автору. Беллетристический или публицистический отделы этого журнала не так оригинальны, как религиозный. Это проявляется, в частности, и в том, что, в отличие от того же «Вестника РХД» или некоторых появившихся в 90-е годы журналов, претендующих быть «богословскими», «Континент» не печатает теологических изысканий и проповедей. Разве что изредка, да и то не ради их непосредственного содержания. Но в то время как в «христианских» журналах по преимуществу только говорится — хотя и настойчиво — о необходимости диалога с секулярным обществом, «Континент» является реальным местом такого диалога, раскрывающего существенные черты и секулярного сознания, и религиозного.

Автор очерка с 1996 года работает в «Континенте» именно как заведующий религиозным отделом. И хотя не следует преувеличивать ответственность автора за содержание этого отдела — «Континент» является журналом главного редактора, — однако именно как заведующему религиозным отделом ему и кажется отнюдь не лишним поделиться своими наблюдениями и соображениями по поводу содержания этого отдела. Отдела, который в последние годы был, конечно же, и его рук делом. Пусть это будет своего рода «исповедание веры» такого заведующего, что в современной ситуации тоже может оказаться не вовсе бесполезным — ввиду возможных будущих перспектив и планов развития журнала.

Конечно, вовлеченность автора в историю, которую он пытается и анализировать, может служить столько же препятствием, сколько и помощью в анализе. Остается надеяться, что осознание автором этой вовлеченности хотя бы отчасти поможет компенсировать ее возможные издержки. Автор, кроме того, составил указатель ко всем номерам «Континента» за истекшие 25 лет, осуществляя при этом просмотр журналов, что тоже помогло ему в написании этой работы.

Ссылки на журнал даются в тексте статьи в скобках, первая цифра — номер журнала, после запятой — страницы.

2. Миф о неверности веры

В середине 60-х годов религия оказалась в поле зрения «советского человека» как проблема, требующая ответа. Проблема заключалась не только в том, что религия после сорока лет гонений оказалась жива. На протяжении многих лет никого не беспокоило, что есть верующие «бабки». Православие еще в начале 60-х годов воспринималось как экзотический феномен, ограниченный замкнутой, малочисленной средой с очень определенным и очень нестандартным типом поведения. Чем ближе к концу 60-х годов, тем яснее становилось однако, что среди верующих есть и лица вполне «советские», и это ставило проблему: как может отмирающий предрассудок соединяться с новой «культурой»?

Одновременно шло разложение «советскости», и очень скоро встала другая проблема: как может быть верующим «антисоветский» человек? Доля верующих среди диссидентов оказывалась существенно выше, чем в среднем. Защита прав верующих приобрела большое значение, иногда, возможно, непропорционально

большое, еще и потому, что находила отзвук на Западе. Интеллигенция должна была осмыслить воскресение религии в обществе, и журнал «Континент» является одним из ценнейших источников для суждений о том, каким стало это осмысление.

Собственно, на первых порах ответом стало не осмысление, а создание некоторых мифов о религии. Слово «миф» здесь берется в значении, традиционном для XIX века: словесный стереотип, подменяющий анализ действительности символом и этим сплачивающий людей, находящихся в критической ситуации. Положение атеиста или агностика перед возвращением религии есть, конечно, ситуация испытания. Самый легкий выход в этой ситуации — спрятать голову в песок, сделать вид, что религии как бы вообще нет — объявить ей бойкот.

Такой антирелигиозный миф и был первым ответом секулярной интеллигенции на возвращение религии в поле ее зрения. И в этом отношении отсутствие во многих номерах «максимовского» «Континента» религиозного отдела вообще и принципиально, и показательно. До переноса издания в Россию из 71 номера в 23-х (это 32%) вообще не затрагивается религиозная тематика, в 6-ти она затрагивается лишь косвенно, в беллетристике или книжных рецензиях. Рубрика «Религия в нашей жизни» вообще появляется лишь с №5. Характерно, что и сегодня большинство российских толстых журналов по-прежнему предпочитает не касаться религиозной темы вообще, — возможно, ощущая слабые места любой иной стратегии в отношении к вере. Первый и самый надежный антирелигиозный миф — миф о том, что религии больше нет, а какая и есть, не имеет значения. Когда религия вернулась в общественную жизнь еще и как мощное организационное движение (в 90-е годы), этот миф был заплатан утверждением, что вера чахнет при любой попытке ее «организовать», а значит — в религиозных институтах никакой веры и нет. При всем хитроумии такого утверждения, оно является не аналитическим, а чисто декларативным. К тому же эту декларацию о сути веры произносят люди, которые сами признаются в том, что они совершенно не обладают верой. Это лишь подчеркивает мифологичность их позиции.

Роковой недостаток мифа о том, что никакого религиозного возрождения вообще-то нет, что оно лишь мерещится, — в том, что он не удовлетворяет верующих в него. Существование религии все-таки беспокоит и безрелигиозных людей. Миф о том, что религия неважна, слишком отрицателен, ему не хватает собственно мифа — простого, эмоционально понятного, легко воспроизводимого и сплачивающего образа, демонстрирующего порочность всякой религии. Но именно такой антирелигиозный миф и доминировал в «Континенте» на первых порах его существования, хотя сам журнал начинался с провозглашения себя «религиозным» — в пику коммунистическому безбожию.

Очень четко этот антирелигиозный миф сформулировал в первом же номере А. Пятигорский (что характерно: сославшись на своего знакомого, тем самым как бы смягчив свою собственную позицию, делая себя медиатором между секуляризмом и религией): «Не смешным было бы, если скрипач, вместо того, чтобы играть, стал бы лупить смычком валторниста, утверждая, что вся музыка — это скрипка»? (1, 218). Всякая религия с этой точки зрения есть уже «религиозный тоталитаризм», ибо всякая религия видит духовное пространство не как орке-

стровую яму, а как путь, на котором возможны, правда, и заблуждения, и неравенство, и уникальные находки, и обучение, и наставничество, и конкуренция, но который есть все-таки путь в совершенно определенном и не подлежащем никакому сомнению и отрицанию направлении.

Разумеется, для русского главная угроза религиозного тоталитаризма исходит не от буддизма, а от христианства, и уже во втором номере Синявский (пока еще впритык к полемике Солженицына с Сахаровым) так защищает Белинкова от обвинений в безрелигиозности: «Сдохни, выходит, раз ты не достиг нашей святости ... как знать, кто из нас грешнее, недостойнее, и не должен ли христианин, доколе он помнит Бога, а не почитает себя первым человеком на земле, вспоминать время от времени, что он тоже грешен»? (2, 365). Как бы выполняя пожелание Синявского, в следующем номере появляются стихотворения Наума Коржавина: *«Надоели потери. / Рознь религий — пуста. / В Магомета я верю/ И в Иисуса Христа»* (3, 71). От тоталитаризма *«Одно спасенье — стать умней, / Сознаться в слабости своей / И больше зря не спорить с Богом»* (3, 78).

Так миф о равенстве всех религией, прячущий в себе миф о бессмысленности разделения на религии (а это миф антирелигиозный), получает свое завершение: Сам Бог хочет, чтобы люди поднялись над различиями религий, и то же диктуется и разумом.

Неудивительно, что весь «религиозный отдел» номера в 1978 году может занять переписка двух носителей абстрактной религиозности, один из которых вообще утверждает невозможность сказать что-то положительное о сути веры, а другой заявляет, что «религиозное чувство — это вся сфера эмоций, связанная с Высшей Целью» (15, 255, переписка Н. Гоманькова с В. Турчиным). И два года спустя весь религиозный отдел состоит из эссе Вадима Янкова о том, что «насущным остается обретение иной конкретной универсальности, всечеловеческой сердцевины связи, которая смогла бы наполнить смыслом все языки» (22, 322). Да и позднее, в 1982 году, он все так же призывает национальное и религиозное чувства отказаться от притязаний на исключительность — нужен универсализм (32, 287—298).

Еще и в 1990 году Руслан Козлов основывает свое оптимистическое видение будущего России на вере в бессмертие души, но оговаривает: «К вере в бессмертие души не обязательно идти через религию в ее традиционном понимании. Ведь все существующие религии — это всего лишь условные языки для общения с Высшим Разумом (а точнее — с Высшей Нравственностью). Далеко не всем нашим современникам доступна такая степень условности. Наше сознание стало слишком предметным, слишком конкретным: нам *неверно* представляется, что *вера* — это убежденность, что Христос действительно жил, был распят и воскрес [курсив наш. — *Я.К.*]» (65, 240).

Миф о том, что *вера* как таковая *неверна*, что артикулированное слово о Боге уже есть разновидность тоталитаризма, внушения и т.п., часто оказывается единственным сколько-нибудь вразумительным обвинением по адресу религии. Именно поэтому «Континент», верный своим принципам демократического плюрализма и готовый предоставлять слово на своих страницах даже и апологетам антирелигиозного мифа, предпочитает все-таки лишь тех из них, кто способен

развернуть именно эту, более или менее вразумительную, инвективу. Так, он охотно печает (и это, пожалуй, единственное общее звено у «Континента» и других толстых журналов в области религиозной тематики) эссеистику Григория Померанца (восемь публикаций в «Континенте», из них одна в 1975 г., а семь в 1995—1999 гг.), в которой многоразлично повторяется одно:

> «Это не значит, что не надо иметь никаких принципов... Человеку нужны инструкции — как быстро и организованно действовать в критической обстановке. Но в тишине мы сознаем, что целостная истина — по ту сторону принципов. И один из подступов к ней — диалог... Как можно сметь формулировать моральные догмы, когда даже физические законы относительны... И все же мы признаем право непостижимого, уходящего в туман Бога диктовать нам заповеди. Ибо лучше несовершенный закон, чем своеволие незрелых умов. Но для зрелого ума заповеди — только установки, приоритеты в выборе решения... Не укради, но допустимы реквизиции и даже элементарное воровство допустимо, если альтернатива — голодная смерть» (99, 263, 265, 272).

Диалог — но в полной тишине, противопоставление «любви Христа» — «лику Христа» (любовь — важнее). Так или иначе, но как и вульгарный атеизм, такая «религиозность» Христа отвергает — равно как и всякое имя Божие, всякую *организованную* форму религии, причем под «организацией» понимается не только церковная иерархия, но и всякий обряд, всякое словесное оформление религиозного опыта.

Такая позиция основывается, видимо, на убеждении, что слово есть инструмент разума, познания мира, а религия внеразумна (одни видят в этом ее достоинство, другие — наоборот). Поэтому Дора Штурман, браня «Белые одежды», упрекает Дудинцева и прочих «писателей «второй оттепели» за то, что они, перекормленные политизированным соцреализмом, вовсе перестают думать, анализировать, а все редуцируют к национальному, нравственному или религиозному: «Но религия, как бы ни была велика ее роль, не может быть единственной исчерпывающей альтернативой советской идеологии для сотен миллионов людей. Им нужна не только четкая нравственная основа и опора — им необходимо еще и *понимание* происшедшего, происходящего и наиболее вероятных его перспектив» (1989 год, 62, 192-3).

Миф о неверности веры, конечно, выражает часть правды о Боге. Всё в какой-то степени невыразимо, но Бог невыразим абсолютно. Всякое слово о Боге относительно. Неправда этого мифа, однако, в том, что хотя всякое слово о Боге относительно, но некоторые слова менее относительны, чем другие. Тем не менее, лучшим, возможно, ответом на миф о неверности веры является не спор о словах, а принятие игры в бессловесность. С этой точки зрения вполне адекватным ответом на миф о неверности веры были в раннем «Континенте» публикации «Странника». Все знали, что это псевдоним архиепископа Иоанна Шаховского. При этом именно эти стихотворения были абсолютно «апофатичны», автор словно избегал всякой религиозной терминологии. Незнающий человек, предложи ему выбирать, скорее бы предположил, что христианин писал многие стихотворения Бродского. И среди других авторов «Континента», как и любого другого журнала, было много христиан, и не только поэтов — именно

таких христиан, которые последовательно уклонялись от всякой идентификации в качестве таковых. Легко заклеймить человека, который не может двух слов написать, не упомянув Христа и Церковь. А вот автор, о котором известно, что он христианин (а круг интеллектуалов достаточно прозрачен для составляющих его), который явно пишет как-то не так, как писал бы, будучи не верующим, но при этом не дает повода упрекнуть себя в религиозной пропаганде — это, действительно, свидетель, которого отвести непросто, ибо он сам заранее отвел от себя упрек в ангажированности.

3. Миф о политической уникальности христинства

Дора Штурман, критикуя представление о религии как «единственной исчерпывающей альтернативе советской идеологии», не дала конкретной ссылки по той простой причине, что подобный взгляд на религию уже к 70-м годам стал штампом. Этот штамп присутствует и в «Континенте», где Борис Парамонов писал, что России «требуется религиозно-национальное возрождение. Только на этих путях можно преодолеть социализм» (1979 г., 19, 237). В 1988 г. Николай Тюльпинов критиковал правительство за «показную благосклонность к Церкви» (58, 214) и требовал вернуть ей всю ее собственность: «Отделив себя от Церкви, государство обрекло себя на гибель» (58, 215). Нужно, «чтобы вся страна встала в минутном скорбном молчании» (58, 216). Юрий Мамлеев, критикуя «сатанинские цели материализма», восклицает: «Огненная духовная жажда, постепенно охватывающая все большее и большее количество людей в России, может в конце концов привести к взрыву, который изменит ее лицо и ход ее истории» (39, 345). Ярким образом-символом, который закрепил этот штамп, стал эпизод со старообрядцами из «Архипелага»: якобы все сдавались перед машиной репрессий, кроме верующих. Сам Солженицын тоже сделал свое христианство принципиальным творческим и политическим обстоятельством и был многими воспринят как пророк — хотя многими и обруган именно за претензию на пророческое служение.

Задним числом миф о политическом значении христианства стали подкреплять ссылками не только на опыт ГУЛАГа, но и на опыт Освенцима (хотя в реальности Виктор Франкл говорил о том, что выживать в концлагере помогала не только вера, но и любые крепкие убеждения, включая аристократизм и партийность). Характерным примером мифологизации истории может быть статья Веры Боковой, которая доказывала, что религиозность декабристов обусловила у них — в сравнении с позднейшими революционерами — не только «более высоко развитое нравственное чувство», но и более мощный дух аскезы, миссионерства, самопожертвования (82, 167).

Своеобразие «Континента» в религиозной сфере отражает его своеобразие в сфере общеполитической. В обоих случаях журнал выделялся из общего потока: в отличие от большинства «либеральных» в нем не была табуирована огульная критика Запада, но вряд ли кто-либо найдет публикацию, содержащую огульную критику России. Примером первой может служить выступление Евгения Наклеушева в 1985 г. (№45) с критикой западного либерализма, рационализма, право-

вого сознания, которые-де не панацея от российских бед. Пусть Россия пока отстает, но у нее религиозное дерзновение, «смелость религиозного идеализма», будущее за нею. В том же духе были написаны и три статьи В. Тростникова 1979—1982 гг., составляющие значительную часть немногочисленных религиозных материалов тогдашнего «Континента» (критика секулярности и противопоставление антихристианской науке религиозности Ньютона — между прочим, чистой воды арианина и в этом смысле нехриста, но об этом автор умалчивает). Вторая тенденция лучше всего иллюстрируется уже упомянутым конфликтом с Синявским. По этим двум параметрам за все четверть века «Континент» близок к «антилиберальной», «славянофильской» прессе, и это, вероятно, тоже в какой-то мере объясняет, как стало возможно появление в нем статей авторов, враждебных многим идеям и людям, защищаемым редакцией.

Иначе обстоит дело с позитивными параметрами. Для «охранительной» прессы характерно помещение идеала в прошлое России. В политической сфере «Континент» никогда не позволял себе такого, в сфере религиозной был менее последователен, особенно в первые годы, когда интеллигенция ориентировалась в этой проблематике не очень уверенно. Иначе трудно объяснить регулярную публикацию в особой рубрике «К тысячелетию крещения» очерков Геннадия Русского (всего четыре, с 1979 по 1986 гг.), пересказывавших жития древнерусских подвижников. Язык этих пересказов настолько напоминает даже не плохие исторические романы, а пародии на эти романы, что вряд ли редакция потерпела бы подобное в любом другом материале, помимо религиозного. «*Открылась дверь келии и вышел старец, опираясь на клюку, согбенный, усохший, окостеневший, лицо что кожа дубленая, сизая борода. Глянул на пришельца безбровыми очами. Глазами поманил к себе*» (49, 18). Причем в случае с пересказом жития Корнилия Выговского Д. Брещинский в письме в редакцию, не желая критиковать Русского, выявил его творческий метод. В оригинале житие гласит: «Понеже юн сый еси и не можеши зде трудов иночества понести, понеже место пусто есть и всякого утешения кроме, но даю ти совет благ: да идеши в Корнилиев монастырь Комельского, и тамо тя приимут с любовию». У Русского: «*Понеже ты юн сый, не можеши понести трудов наших. Место сие пусто и утешения кроме. Даю тебе совет благ: иди в Комельский монастырь, тамо начинай*» (№51). Казалось бы, изменения минимальны, но их оказалось достаточно, чтобы разрушить ритмическое и лексическое очарование церковнославянского текста, не внеся очарования русского языка или хотя бы стилизации. С поразительным нечувствием из пересказа было вышвырнуто ключевое для текста слово «любовь» и на его место вставлена военная команда: «Начинай!»

Для «Континента» 1974—1990 гг. христианство стало не столько предметом анализа и вменяемой репрезентации, сколько поводом для постоянных нападок на русских коммунистов и сочувствующих им левых интеллектуалов Запада. Как писал Коржавин, критикуя тех, кто предпочел проповеди Че Гевары и Сартра правде о сталинских лагерях, принесенной на Запад второй волной эмиграции из России: «Левая интеллигенция и не подумала воспользоваться этой возможностью узнать правду. Да и как она могла прислушаться к этим людям, если они пришли к Христу, а, с ее точки зрения, это было не только реакционно, но даже

и некультурно! Эта интеллигенция сама не замечала, что ее абсолютное отрицание Бога — тоже вера» (1976 г., 8, 169). Такая политизация вопроса о вере и приводила к тому, что наиболее важным становился вопрос о наличии или отсутствии веры, а не о том, верует ли человек в Христа или в Магомета или в обоих сразу.

Поскольку коммунизм атаковал религию вообще, постольку и защищалось религиозное возрождение вообще, хотя на практике во всех ста номерах журнала все религиозные материалы были связаны почти исключительно с христианством, и лишь в статьях Пятигорского и Померанца затрагивался буддизм. При этом атеизм оказывался менее важен, чем политическая ориентация, и в первом же номере в рассказе о Миловане Джиласе, где затрагивался вопрос о его религиозных убеждениях (могли и обойти), особо отмечалось, что он из Черногории, «где епископы были воинами», и что сам Джилас не придает значения религии (1, 227). Между коммунистическим и антикоммунистическим атеизмом обнаруживалась существенная разница: первый был агрессивен, второй — терпим (Джилас в №24 поместил трогательный рассказ о своем первом причастии), первый пытался манипулировать религией, второй — относился к ней как к трогательной безделушке.

В определенном смысле, и те, кто видел в христианстве панацею от политических трагедий, и те, кто видел в христианстве корень социальных болезней, одинаково сводили религию к ее политическому влиянию. Чрезмерное восхваление христианства ничего не говорило о сущности христианства, а было лишь ответом на воинствующее безбожие. Обе стороны одинаково преувеличивали имманентный аспект трансцендентной реальности. Однозначное осуждение, как и однозначное восхваление, блокировали тщательный, основанный на фактах разговор о действительном месте религии в обществе, который начался в «Континенте» лишь в 90-е годы, о чем речь впереди.

4. Миф о нехристианскости христиан

Рука об руку с мифом о христианском возрождении как основе общего (национального, интеллектуального, нравственного и т.п.) возрождения существовует и миф о том, то христианское возрождение неосуществимо, что христианин никогда не бывает настоящим христианином. Бердяев, полемизируя с этим мифом в 1930-е годы, обозначил его как тезис о «недостоинстве христиан». Следует отметить, что до революции этот миф не существовал: в стране, где все были христианами, причем большинство христиан не сомневались в том, что «христианизация» — явление реальное, достигнутая цель, противники христианства принимали как факт его наличие и просто утверждали, что христианство — это плохо. После революции (а в других европейских странах — после секуляризации, которая, как и революция, превратила христиан в довольно четко очерченное меньшинство) христианство стало не столько данностью, сколько идеалом. Экономнее стало доказывать не то, что христианство — плохо, а что реальные христиане не соответствуют ими же провозглашаемому идеальному христианству.

Миф о нехристианскости христиан следует отличать от мифа о нехристианскости тех или других групп христиан, частным случаем которого является антиклерикализм. Первый миф — средство отвержения христианства в целом, второй — средство очищения христианства. Тем не менее, оба мифа являются именно мифами постольку, поскольку оба тезиса предлагаются как категорические обобщающие суждения, а не как констатация неких реальностей, пусть даже преобладающих, но все же не абсолютно всеобъемлющих. При этом — и благодаря этому — оба мифа лишь обозначают идеал и дают человеку возможность лишь имитировать борьбу с христианством в целом или с отдельными недостатками христиан. Расчет на реальную победу над христианством или над недостатками Церкви (насколько такой расчет вообще может быть реален) требовал бы менее риторического и более практического подхода, не отлучающего, а переубеждающего «носителя пороков».

Теоретически, миф о нехристианскости всех христиан продуцируется средой внецерковной, а миф о нехристианскости некоторых групп христиан — церковной. Но есть еще и третий миф, миф клерикализма, подразумевающий, что только священник является христианином вполне. Этому мифу противоположен антиклерикализм, который является общим и для церковной, и для антицерковной среды. Это обстоятельство, кстати, и дает сомнительное основание носителям клерикализма утверждать, что всякая критика духовенства неминуемо ведет к отпадению от Церкви, но доказательств этому утверждению нет.

Наиболее часто встречаются в раннем «Континенте» отзвуки мифа антиклерикального, но модифицированного реалиями двадцатого века. Эту модификацию можно было бы сформулировать так: даже если христианство и противостоит тоталитаризму, чем выше по ступеням церковной иерархии, тем слабее это противостояние. Именно это доказывала публикация в первых четырех номерах журнала воспоминаний кардинала Миндсенти о том, как его борьба с коммунистами была обесценена компромиссом, на который пошел Ватикан. Воспоминания и были представлены как «поучительнейший ... пример многим современным политиканствующим пастырям, погрязшим в лукавых играх с воинствующим тоталитаризмом» (1, 291). Правда, «современным иерархам» в том же предисловии был противопоставлен патриарх Тихон (автор явно не знал, что и тот не избежал определенного компромисса с большевиками). В №3 были помещены выступления В. Мороза и кардинала Слипого с критикой коммунистических гонений на греко-католиков, причем Слипый резко критиковал и политику Ватикана, ради мира с коммунистами предавшего греко-католиков. Как драгоценный документ редакция поместила факсимиле письма Слипого Максимову, Некрасову, Синявскому, Солженицыну.

Конечно, все эти публикации были абсолютно правдивы и чистосердечны, но акцент в них стоял не на героизме гонимых, а на гнусности гонителей, и поэтому вместе с теми агностицистическими эссе, о которых шла речь выше, они воспринимались как еще одно свидетельство о порочности всякой «организованной» религии. А порой, словно подтверждая демагогию клерикализма об опасности любой критики Церкви, критика церковной иерархии срывалась в отвержение Христа. Так, Герман Андреев противопоставлял христианству —

толстовство как подлинную основу антитоталитаризма: «Действительно, он [Толстой. — *Я.К.*] обвинял Церковь в корыстном сотрудничестве с власть имущими — но разве сейчас мы не являемся свидетелями безоговорочной поддержки тоталитарной власти в СССР со стороны Московской Патриархии? Толстой считает опасным учение о Христе-Искупителе — но разве не таится в нем некоторое освобождение людей от нравственной ответственности?» (16, 310).

В дальнейшем выпады против руководства крупнейших христианских конфессий становятся достаточно регулярными. Например, Яков Айзенштат дал очерк о том, как в бытность адвокатом в Москве в 70-е он познакомился с начальником отдела снабжения Патриархии Женей и его женой Тамарой. Роскошная жизнь «синодалов», по сту тысяч наличными на их обеспечение, сходство Синода и Политбюро по механизму функционирования и нравам... Айзенштат цитировал слова митр. Ювеналия Пояркова о «тесном сотрудничестве между руководителями Коммунистической партии Советского Союза и представителями Церкви» и возражал: «Правильнее было бы говорить не о сотрудничестве, а о полном и безропотном подчинении высших церковных иерархов государству» (54, 311). Тем не менее, и это не антиклерикализм в чистом виде: ведь этой позиции Айзенштат противопоставляет позицию *священника* Якунина. А Краснов-Левитин, рецензируя книгу о гонениях на Русскую Церковь и предательстве христианской чистоты ее нынешними лидерами, писал, что православие в России опутано «паутиной лжи казенных иерархов» (56, 305), но подчеркивал: «Совместными усилиями всех честных людей: верующих христиан, православных, католиков, протестантов, — людей доброй воли всех наций и всех исповеданий, — да будет оказана помощь страждущей Церкви» (56, 306).

«Континент», впрочем, критиковал не только Московскую Патриархию, но и Католическую Церковь за компромиссы с тоталитаризмом. Материалов для такой критики жизнь Запада 1970—1980-х годов предоставляла достаточно. Так, Доминик Моравский в №6, в очерке о борьбе коммунистов со словацкими греко-католиками, обличал высокопоставленных церковников, сотрудничающих с коммунистами, а в №20, откликаясь на избрание Папы, выражал надежду, что Войтыла будет решительнее выступать против интегризма, который в Польше ведет к антисемитизму, интеллектуальному обскурантству, шовинизму, коллаборационизму, интеграции с тоталитарными режимами. Не вина Моравского, что его надежды не оправдались. Венгр Аттила Ковари высмеял диалог официальных богословов Венгерской Церкви с марксистами, найдя ласковое слово и для ватиканской политики диалога с социализмом (№25). В №37 Ален Безансон критиковал польский компромисс Церкви и коммунизма: «Молчание разлагает Церковь» (37, 191). В №40 Кшиштоф Ежевский отмечал, что Папа во время визита в Польшу ни слова не сказал в защиту Солидарности, и предупреждал о том, что для борьбы с народными вождями коммунисты могут пойти на еще большее сближение с вождями церковными. В №57 Томаш Мянович основательно и резко раскритиковал всю послевоенную политику компромисса с коммунистами, созданную кардиналом Вышинским, отметив, что Папа называет в своих энцикликах демократию «либеральным капитализмом» и уравнивает ее как империалистическую структуру с коммунизмом («марксистским коллективиз-

мом»). Мянович напомнил, что в 1973-м году в Загорске Ватикан и Московская Патриархия подписали документ с положительной оценкой социализма.

Но специфика «Континента» в том, что он вполне искренне не хотел видеть лишь эту мрачную сторону тогдашней Церкви. С этим и был связан один из жесточайших скандалов в истории журнала.

В 1981 году Михайло Михайлов публикует в нем статью «Возвращение Великого Инквизитора» с критикой «самого» Солженицына и с утверждением: «В наше время религиозно-церковная монополия была бы в сотню раз хуже атеистической» (28, 191). Редакция дала примечание, что категорически не разделяет позиции Михайлова, что он лишь использует свое право члена редколлегии дать один материал под свою ответственность, и поместила комментарий Геллера, заявившего, что не может воображаемая опасность (клерикализм) быть хуже реальной (коммунизма). Может быть, не случайно в этом же номере Максимов обрушился и на Синявского с критикой того за «русофобию». В следующем году Юрий Фельштинский еще раз выступил в защиту Солженицына, особо раскритиковав Михайлова (33, 196) — и с этого же номера в состав редколлегии была введена И. Иловайская, секретарь Солженицына, а вот Михайлов уже в №39 был из состава редколлегии вычеркнут.

Тем не менее основная линия «Континента» была скорее «михайловской». В конце концов, и сам Солженицын прославился, помимо прочего, критикой коллаборационизма Московской Патриархии, навсегда изрядно от нее дистанцировавшись. Абсолютно верно почуяв опасность неоклерикализма, Михайлов абсолютно неверно сделал ее символом Солженицына, вполне по-атеистически не желая видеть различия позиций различных христиан. Солженицын был вполне носителем антиклерикального сознания, представляя большинство общества. И если в журнале случаи защиты Папы от обвинений в пресмыкательстве перед коммунизмом были единичными, побочным результатом защиты Солженицына (тот же Фельштинский в №33, та же Иловайская в №25), то случаи противоположные были регулярными и намного более детализированными.

Материалы «Континента» хорошо показывают, как антиклерикализм в светской культуре плавно переходит в не менее тенденциозное обличение «нехристианскости» тех или иных христиан уже и вне зависимости от их иерархического положения. В 1987 г. (№52) Дора Штурман обрушилась на мать Терезу за то, что та на Кубе заявила, что учение Христа не противоречит ни целям социализма, ни марксизму-ленинизму. Богословское обоснование подобной критике еще раньше дал Ален Безансон, усмотрев причину компромисса с коммунизмом в «спиритуализме» (в русской православной публицистике в таких случаях обычно говорится о «монофизитстве», своеобразном абстрактном гуманизме в рамках Церкви): «Не столь внимательный к людям, как к Человеку, спиритуализм стирает границы, забывает историю и всего ожидает от будущего. В религии он отдает предпочтение «посланию», способному стать универсальным, в ущерб конкретным условиям... По-прежнему в огромном количестве молчаливо умирают тела, обесчещиваются души, а их адвокат не встанет защитить их» (37, 193, 194).

Освобождение Церкви от коммунистической опеки привело к исчезновению антиклерикальных выпадов. Более того, в 1993 г. Максимов, критикуя газеты за

растление народа, за акцент на «чернухе» и проповедь меркантилизма, ставил им в вину и то, что журналисты рисуют церковь как «прибежище стукачей и мздоимцев» (77, 234) — хотя последнее было и фактически не совсем верно, да и сам этот образ Церкви в «Континенте» в редакторство Максимова, как мы показали, был достаточно стереотипным. Но недовольство иерархией никуда не делось, оно лишь сдерживалось. Тем не менее в 1995 г. А. Зубов все-таки вскользь подверг критике Патриарха за «этнофилию», проявившуюся в постоянном именовании себя Патриархом русских без упоминания евреев, мордвы и прочих членов Церкви, и за слишком прямолинейную поддержку концепции «целостности России» в связи с Чечней (85, 254). Постоянно освещая гонения на общину Г. Кочеткова, «Континент» долго не хотел впрямую связывать эти гонения с Патриархом, упоминая лишь его окружение. И только в №96 (1998 г.) были опубликованы два чрезвычайно резкие письма Д. Поспеловского в адрес Патриарха, которые в вежливо предположительной форме ставили вопрос о его личной ответственности за происходящее, а в данном номере, во второй части этой статьи, читатель найдет лишенный какой-либо комплиментарности очерк о Патриархе. «Кредит доверия» оказался исчерпанным.

Как ни неприятен антиклерикальный миф для клириков, следует отметить, что миф о недостоинстве *некоторых* христиан имеет тоже особо неприятную форму. Если иерархия еще пользуется каким-то «кредитом доверия», то верующая интеллигенция пользуется, судя по публикациям в «Континенте», по преимуществу «кредитом недоверия». Причем религиозности интеллигенции не доверяют сами интеллигенты — как верующие, так и неверующие. Елена Степанян запомнила же слова Давида Самойлова: «Спектакли любит наша интеллигенция. Надо повыламываться, пококетничать, покрасоваться, причаститься, помолиться» (75, 278). Марина Кудимова: «Интеллигенция, долженствующая служить концентрированной совестью народа, оказалась неспособна ... покаянно встать в церковном притворе на месте оглашенных. Это было доступно единицам (В.Осипов, Зоя Крахмальникова)» (72, 329). Проблема воспринималась столь остро, что Кудимова вернулась к ней еще раз без особого повода:

> «Наша ситуация вполне позволяет говорить о Боге неофитов. ... Можно также определить нынешний «религиозный Ренессанс» и как обретение Бога блатных. Блатных не только и не столько в смысле криминальном, хотя округ колокола, назначенного быть водруженным на восстановленный храм, я читала надпись: «Русской Православной Церкви от солнцевской братвы». Имеется в виду блат в чисто советском смысле расширения возможностей. Блат как символ особых рпав и гарантий. «Исповедоваться у Меня» в свое время звучало как «отобедать у Тестова» — означало принадлежность к касте посвященных. Блатные и неофиты сплошь и рядом сливались в некое социальное целое. И те и другие знали, из какого магазина или базы поставляется Филипповским постом семга к митрополичьему столу. Своего приноровленного Бога они оберегали от сглаза, как готтентоты или цыгане, а «изыдите, оглашенные» в различных модификациях срывались с их уст еще чаще, чем упоминание всуе Священного Писания» (87, 335).

В этой тираде уникально одновременное обличение уголовной среды, интеллигентов-»меневцев», «свободолюбцев» и противостоящих им интеллигентов

«инквизиторов». Снобизм как родовая черта оказывается важнее прочих. И опять — все эти обвинения стоят на фактах. Но как плавно обретают они все ту же форму мифа о недостоинстве интеллигенции в целом, иррационализм которого проявляется в том, что этот миф рисует интеллигенцию чем-то худшим, чем остальные социальные группы, рисует интеллигенцию чем-то единым... В конце концов, поводом для обличений становятся какие-то совсем уж малозначительные явления. Например, Евгений Звягин в 1989 году критиковал «богемных христиан» как некую группу молодых (до сорока лет) людей, характеризуемых «крайней степенью плотского и духовного разгильдяйства», пьющих, немытых: «Юноши, воспитанные в духе атеистическом, впитавшие атмосферу религиозного индифферентизма, не могут прийти к чистому верованию в простоте и искренности. По крайней мере — сразу. Не хватает им ни терпения, ни, тем паче, смирения, противоположного общепринятой установке на гуманизм. Годами они «интересуются» вопросами религии, «играют» в духовное» (62, 254).

Наверное, автор верно описал увиденных им людей, но, во-первых, и недостойные священники есть — однако стоит ли уделять им много внимания? Во-вторых, когда человек пишет: «Приходишь в какую-нибудь замусоренную комнату. Сидят на диване два-три «плановых», посылая друг другу сладко дымящую папиросу» (62, 255), — встает вопрос, зачем он пришел в эту комнату, к тому же, судя по глубине обобщений, пришел не единожды? Все-таки обычный христианин вряд ли попадет туда, где «поют по пьянке акафисты». Не совсем рационально и возлагание вины за такое состояние «интеллигенции» на западное влияние, «хиппейную культуру» (62, 255).

Так миф о недостоинстве духовенства и миф о недостоинстве интеллигенции объединяются в критике некоторых или даже большинства собратьев по Церкви «в целом». Это можно видеть и в «Записках прихожанки» Ренаты Гальцевой (№95, 1998 г.), и — с особенной систематичностью, в статье А. Кырлежева и К. Троицкого 1993 года. В последней все верующие подразделены на семь типов — точнее сказать, на шесть «нехороших» типов, каждый из которых представляет однобокое развитие одного из аспектов духовности (эмоциональной сферы, волевой, интеллектуальной) — и один тип людей, «которые, составляя в сегодняшней Церкви ничтожное меньшинство, тем не менее оказываются носителями и продолжателями ее кафолической традиции для людей, духовно ориентированных внутри этого типа сознания, невозможна гипертрофия ни одного из аспектов совокупной церковной жизни... Представители этого типа сознания стремятся быть людьми меры и равновесия» (75, 249). Незаметно для самих себя авторы под видом социологического исследования дали публицистическую проповедь с обличением разнообразных пороков (что нормально). Но при этом (что ненормально) создали миф о наличии некоего идеального, гармоничного меньшинства, в связи с чем хотелось бы все-таки узнать поконкретнее — кто же именно входит в число «людей меры и равновесия»?

И все-таки — учитывая, что во всех мифах немалая доля реальности — главный вопрос применительно к мифу о недостоинстве как христиан-интеллигентов, так и христиан-иерархов: изнутри или извне исходит критика? Миф о недостоинстве «своих» обладает по крайней мере творческим потенциалом — в отличие от мифа о недостоинстве «чужих» или, тем более, «бывших своих». Так

и критика Патриарха или Папы имеет совершенно разный вкус в зависимости от того, исходит ли она от людей, отождествляющих себя с их паствой, или от их противников.

В «Континенте» ни разу критика в адрес иерархии или интеллигенции не произносилась отстраненно, ради уничтожения или унижения, не переходила в антицерковную или антирелигиозную пропаганду. Это отличает журнал от большинства его российских толстых и тонких коллег, где таковая пропаганда изобильна и парадоксально соседствует, что характерно, с восхвалением церковных лидеров и обрядов как символов российской идентичности. Тем не менее, эта критика на страницах «Континента», хотя и пыталась быть конструктивной, оставалась зачастую все-таки мифотворческим актом, и не только по вине критикующих, но и по вине тех, кто наотрез отказывается воспринимать всякую критику, считая ее проявлением «нелояльности».

5. 90-е годы: от мифов к реальности

В 90-е годы количество религиозных публикаций в «Континенте» резко возрастает, что безусловно совпадает с ростом религиозности в стране. Религия не замалчивается, реже демонизируется как «заорганизованная» вера, реже «ангелизируется» как источник национального возрождения.

Новым становится большой рост публикаций зарубежных православных авторов. В шести номерах (из 28 после №72) — различные выступления митр. Антония Блума. Очерки Валерии Алфеевой о православии на Святой Земле (№83). Интервью с зарубежными епископами Василием Родзянко и Марком Арндтом (при этом в 90-е годы не появилось ни одного интервью с отечественным иерархом). Обширная подборках материалов о контактах православных с англиканами в №92. Переводы из греческих православных богословов Яннараса и Зизиуласа, православного француза Оливье Клемана, из архим. Софрония (Англия), очерк о католическом священнике Фоме Шпидлике.

Такой феномен не является чем-то специфическим для «Континента» и для религиозной тематики: в других журналах и газетах в 1990-е годы, особенно в первой их половине, прошел вал публикаций о русской эмиграции, переизданий эмигрантских авторов. В пустоте, оставшейся после крушения прежних кумиров, люди обращались прежде всего к опыту стран, где коммунизма не было. Однако в случае с религией предпочтение зарубежных иерархов и теологов обнаруживает, видимо, и недоверие к их отечественным «аналогам» – равно как и нежелание последних публиковаться в журнале такого типа. Хвалить своих отечественных иерархов журнал не может, не может и печатать их тексты, либо казенно-невразумительные, либо агрессивные. Результатом и становится непропорционально большая доля материалов, обращающихся к православию на Западе.

В этот же ряд «потусторонних идеалов» следует, видимо, поместить и публикации почивших православных публицистов, от свящ. Иоанна Беллюстина, обличавшего пороки синодального христианства в середине XIX в., до Бердяева и Шестова, от Федотова до свящ. Александра Меня. Пограничными — одновременно и зарубежными, и недавно почившими — являются такие авторы, как

священники Иоанн Мейендорф и Александр Шмеман. Как стоящий над схваткой воспринимается и голос представителя «катакомбной Церкви» в №68 (1991 г.), ругающего и «карловчан», и «сергианцев», — этому голосу прощается (или пока еще — не замечается) мимолетное лягание «экумены», которая настолько ненавистна, что автор ее даже и не критикует.

В отличие от предыдущих лет, религиозные материалы стали складываться в комплексы, появилась цепная реакция, полемика, переходящая из номера в номер. За восемь лет можно отметить три таких дискуссии: о страхе Божием, о русском языке в богослужении и о монархии. Полемика о страхе Божием началась фактически в 1992 г. со статей А. Зубова, который усматривал в религии средство спасения от секуляризма (№73), а в страхе Божием — средство против национального триумфализма и подмены духовности моралистом (№75, 1993 г., «Пути России»). С критикой Зубова выступил С. Аверинцев, и тут же было предоставлено слово и самому Зубову, который еще раз назвал «православный патриотизм» «духовно пагубной формой» и защитил «морализаторство» (81, 194).

Но с еще большей силой дискуссия разгорелась после статьи Юрия Каграманова в №84 (1995 г.): против идеи насаждения страха Божия как средства оздоровления России, выдвинутой публицистом, ранее не касавшимся религиозных тем и не заявлявшем себя в качестве верующего, резко выступили в том же году «специализирующиеся» на религиозных вопросах авторы: С. Аверинцев («Несколько слов по поводу статьи Ю. Каграманова», №85), А.Кырлежев («К «вопросу» о нравственном оздоровлении общества и привлечении для этого Бога», №85). Кырлежев при этом поставил вопрос о том, является ли христианизация не только реальной, но и желательной: «массовость всегда означает «схематизацию» и «упрощение» ... любой процесс социализации религиозности всегда сопровождается определенной деградацией первоначальной личной и общинной веры» (85, 268). Кырлежев даже защищал дехристианизацию как социальное явление (85, 268), и в этом вопросе несколько расходясь с А. Зубовым, которому вновь было предоставлено слово.

В том же номере (№85) появилось интервью свящ. Г. Кочеткова, который напомнил о том положительном значении, которое стало придаваться выражению «страх Божий», начиная с Кьеркегора («трепет перед Божественной тайной»), мягко упрекнув Кырлежева за отсутствие этого «трепета» (хотя корректнее, конечно, было бы говорить о том, что в тексте Кырлежева не был продемонстрирован подобный «трепет» — автор ведь вполне мог оставить его своим личным достоянием и воздержаться от публичной демонстрации, что вполне соответствовало бы его позиции). Последнее слово осталось все-таки за Карамановым, но это скорее проявление редакционной вежливости, чем победа публициста, который заявил, что не надо «в нынешний критический период истории оставлять «поле битвы» манипуляторам». И вообще — разве «практика манипуляции «компрометирует» явление внушения как такового? ... Существует ведь благое внушение (чем вообще занимаются, например, литература и искусство, как не внушением определенных идей-образов?») (1996 г., 87, 293-4).

Однако впредь речи о религии как о «благом внушении» (которые являются все тем же мифом о политической важности религии, только с положительным

знаком вместо отрицательного) в «Континенте» уже не велись, и в этом смысле победа осталась за христианскими интеллектуалами, которые не печатались в «старом» «Континенте», но которые созрели для квалифицированного анализа места христианства в истории.

Две другие дискуссии носили внутри-конфессиональный характер и были в этом смысле и более профессиональными (особенно в дискуссии о монархии представители обеих сторон со знанием дела апеллировали к реалиям древней и новой истории). При этом обе дискуссии были и конфликтнее: стороны в более или менее резкой форме обвиняли друг друга в отсутствии смирения и попытке говорить от имени Церкви (обвинения тем более непростительные, что их невозможно опровергнуть, как, впрочем, и объективно доказать). Примечательно, что состав участников этой дискуссии (В. Шохин, В. Асмус, И. Павлов) абсолютно не совпадает с составом участником дискуссии о страхе Божием.

Обсуждение деятельности общины отца Георгия Кочеткова заняло в «Континенте» 1990-х годов особое место, начиная уже с №72, где было помещено интервью с ним. Строго говоря, это не была дискуссия. Против руссификации богослужения, наиболее оспаривавшегося изначально противниками Кочеткова аспекта его служения, выступил только Лев Игошев (№83). Правда, в некоторых публикациях отчетливо прослеживается скрытая полемика — и в выпадах А. Кырлежева против коллективизма в религии, и в критике А. Зубовым «той духовной установки, которая всегда подстерегает реформаторов ... самостного увлечения преобразованиями ради самой инаковости», которая «опасно раскачивает, а то и разламывает корабль Церкви» (85, 248). Но здесь дискуссия не получила развития из-за внелитературных обстоятельств, которые подробно освещались в том же «Континенте»: церковные власти учинили бессудную расправу с о. Георгием Кочетковым (статья И. Виноградова в №93). В этих условиях критиковать его было бы нарушением неписаного кодекса порядочных людей. Напротив, появились материалы в защиту Кочеткова, равно как и архим. Зинона (Теодора), также подвергшегося запрещению в священнослужении. Примечательно, что «Континент» возобновил практику защиты невиновных именно в связи с событиями внутрицерковной жизни, восполняя тем самым пробел, который не трогают «обычные» правозащитники.

Примечательно, что дискуссии на другие темы в «Континенте» не развернулись. Строго говоря, лишь статья свящ. Льва Шихлярова о браке (№91) затрагивает один из вопросов, которым уделялось основное внимание в классической православной публицистике первой половины XX века, как и в современной западной, как и вообще в жизни любого человека. Любовь, смерть, творчество — что думает о них христианство? Об этом пока на страницах «Континента» либо умалчивается, либо ответы берутся из «дореволюционных» или «зарубежных» авторов, а в России пока еще на первом месте вопросы общие: каково же оно, христианство, и кто полномочен говорить от его имени? В этом смысле «западные» и «дореволюционные» публикации «Континента» на религиозную тему воспринимаются как голоса из будущего, а современные российские авторы обсуждают проблемы предварительные, больше говорят не о «что», а о «как». Но и это, безусловно, лучше, чем делать вид, что все «как» и «что» уже решены.

Так или иначе, а появление на страницах журнала уже тех, достаточно серьезных и обычно корректных дискуссий на богословские темы, которые были названы выше (между прочим, в других российских журналах, в том числе конфессиональных, подобных дискуссий не наблюдалось), показывает путь, который прошли российские интеллектуалы от оценки действительности через набор нехитрых стереотипов мифического характера к анализу, не претендующему на безошибочность, нуждающемуся в собеседнике и не пытающемуся «закрыть вопрос». Другое дело, что не всегда находится корректный оппонент — материалы «Континента» о соотношении этнического и религиозного или о свободе совести не стали поводом для дискуссии, потому что вероятные оппоненты не видят в дискуссии необходимости. Но в целом интеллигенция проходит путь от слов о религии к собственно Слову, стоящему в центре христианской веры. И наиболее ярко этот путь проявился, может быть, даже не в публицистике, а в художественных текстах «Континента» 90-х годов. Если в 1970—1980-е годы в журнале религиозная тема была представлена либо стилизацией (в лучшем случае — у Бродского, в худшем — у Геннадия Русского), то 1990-е годы дали несколько первоклассных образцов художественных текстов, связанных с христианством. В пьесе Иона Друцэ «Падение Рима» (1996 г., №87) старинная легенда о жене сенатора, ставшей христианкой, была развернута не только артистично, но и с абсолютно взвешенным чувством юмора — редчайшее явление, свидетельствующее о том, что религия прошла — и выдержала — испытание реальностью. Столь же свободен и артистичен Ион Друцэ и в изображении своего любимого героя, молодого апостола Павла (повесть «Жертвоприношение», №82, 1994 г.) В романе Юрия Малецкого «Любъю» (№88) главный герой не просто постоянно декларирует свою принадлежность к православию, — его вера вплетена в общую психологическую канву, переплетена со всеми жизненными обстоятельствами, и в этом смысле если не жизнь «введена в храм», то Церковь «введена в жизнь».

Все это — свидетельство того, что четверть века не были простым толчением святой воды в ступе, а оказались наполнены подлинными религиозными переживаниями, которые смогли выразить себя и в слове.

II. Архипастырь архистада

Провозглашая Царство Божие, Иисус не призывал свергать земных властителей. Он даже увеличил их число за счет собственных последователей. Сказал, что однажды сядет на троне — и тут же пообещал ближайшим ученикам, что троны припасены и для них. Сказал, что Царство Божие внутри каждого человека, и тут же доверил ключи от Царства одному-единственному ученику. Сравнил Себя с пастухом, и тут же заявил, что и среди Его паствы одни будут пастухами, а другие только овцами.

Все эти парадоксы выражают парадоксальность человеческой природы: «Я— царь, я — червь». Что человек — царь, ему говорят другие, может быть, даже неумеренно, как Навуходоносору не какой-нибудь придворный подхалим, а пророк Даниил говорил: «Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал

царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. Ты — это золотая голова!» (Дан. 2,1). Не страшно, лишь бы человек не принимал себя всерьез и понимал, что он «золотая голова» только потому, что есть еще и тело, верующее в то, что он голова.

Религиозная жизнь человечества и человека, таким образом, есть не только восхождение к Богу, но и подъем над собой, над своим наивным восприятием себя как начала всех и вся. Эта наивность заметна и в библейском рассказе о творении — убежденность мужчины, что он жене начальник и начало. Но это еще святая наивность. Грехопадение заставляет видеть в «помощнице» — подчиненную, а в подчиненных — рабов. Так формируется главное не только сексуальное извращение — власть над другим человеком. Пунктом поворота к норме становится молитва «Отче наш», в которой напоминается, что ЦАРСТВО, И СИЛА, И СЛАВА принадлежат одному Богу. Но если бы Христос этим и ограничился, Он был бы в лучшем случае протестантом, в худшем — анархистом. Он же был Богочеловеком и предложил своим ученикам быть одновременно и начальниками и подчиненными, предложив верующим неподъемный труд — одновременно и возноситься выше всех, и ниже всех опускаться.

Когда 10 июня 1990 года митрополит Алексий был «интронизован», то к титулам «Отец», «Владыка», «Архипастырь», присоединил звучные «Первосвятитель», «Святейший», «Предстоятель». Но всё равно окружающие, и он прежде всего, понимают, что эти пышные титулы Алексея Ридигера чего-нибудь стоят лишь до тех пор, пока его паства верит в то, что ЦАРСТВО, СИЛА и СЛАВА принадлежат одному Отцу Небесному — и до тех пор, пока сам Патриарх сохраняет или, по крайней мере, демонстрирует смиренное сознание того, что его власть — вовсе не его. Разумеется, это отнюдь не мешает, а лишь помогает Патриарху обладать на земле и вполне *реальными* Властью (а «Царство» на языке Библии именно это и обозначает), силой и славой. Так что все дело, в конечном счете, именно в их природе и качестве.

Каковы же эти природа и качество сегодняшнего ЦАРСТВА, сегодняшней СИЛЫ и сегодняшней СЛАВЫ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II?

1. Царство

Православным царством Россия перестала быть еще до рождения Алексея Ридигера, и относительный подъем Церкви в 1990-е годы не вернул ей того места, который она занимала до революции. Тем не менее, в 1920-1930-е годы Церковь, официальные структуры которой были сокращены до нескольких десятков человек, оставалась символом важным — единственным живым соперником советской утопии, которому утопия подражала и которого пыталась истребить. Родители Алексея Ридигера были верующими людьми и уже поэтому вряд ли допускали, что Православная Церковь в России может совсем погибнуть. Но все же вряд ли они представляли своего сына всероссийским Патриархом или желали ему такой судьбы. Мать была коренной жительницей Таллинна, отец сюда

приехал юношей во время гражданской войны, спасаясь от большевиков. Даже самые кроткие эмигранты видели в России прежде всего СССР, огромное и черное царство зла. В Эстонии было легче, чем в Париже, считать себя хранителями подлинной России: тут не закрывались церкви, тут оказался Псково-Печерский мужской монастырь, была и своя женская обитель, Пюхтицкая. Ридигеры паломничали и сюда, без проблем ездили и в Валаамский монастырь, тогда бывший в Финляндии. Михаил Ридигер учится «на священника» — поступок достаточно героический в условиях любой эмиграции. В те же годы в самой России паломничество в монастырь было неисполнимой фантазией.

В 1940 году, когда СССР оккупирует Эстонию, Ридигер-старший становится священником. Если священнику-эмигранту грозила только нищета, то священнику в СССР грозила просто смерть, а этот ведь был еще и из «бывших». Спустя полвека Ридигер-младший утверждал, что за его семьей приходили энкаведешники, но каким-то чудом удалось один раз схорониться, а второй раз не пришли. Случай редкий, но, конечно, не совсем невероятный.

Впрочем, следует отметить, что Ридигер-младший вообще вел себя так, словно не боялся обратить на себя внимание властей: сразу после окончания средней школы в 1947 г. поступил в Ленинградскую семинарию, в двадцать один год стал священником (17 апреля 1950 г.). Здесь, правда, официальные биографии Патриарха единодушно умалчивают о том, что перед рукоположением в диаконы он, как и многие выпускники семинарии, женился. Но женитьба свидетельствует скорее как раз об отсутствии карьеризма — человек готовился стать обычным священником и получил приход сперва в Йыхве, потом, через семь лет, в 1957 г., — в Тарту. Академию он закончил уже будучи «на приходе», в 1953 г.

Перелом происходит в 1961 году. Практически одновременно с тем, как коммунисты изменили курс в отношении Церкви, заставив ее лидеров войти в экуменическое движение (в марте) и ограничить права священников в управлении приходами (в июле). При этом Алексея Ридигера всего *за полгода* проводят в архиереи, 3 марта постригая в монашество без перемены имени в Сергиевой Лавре и уже 14 августа назначая епископом Таллиннским и Эстонским с временным управлением и Рижской епархией. 21 августа он был возведен в сан архимандрита, а 3 сентября в Таллиннском Александро-Невском соборе хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского. Одновременно он получил вместо заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений. Ясно, что со вступлением во Всемирный Совет Церквей отдел приобретал особое значение, которое он отчасти сохранил и по сей день.

Следуют три года своеобразного испытательного срока, и 23 июня 1964 года епископа Алексия возводят в сан архиепископа и назначают управляющим делами Патриархии — по его собственным словам, на «ключевую в то время должность»[1]. Она была тем более ключевой, что в 1960-е патриарх Алексий I был уже чрезвычайно преклонных лет, а в 1980-е «болезнь Брежнева» повторилось с патриархом Пименом. Последними ступенями перед высшей, патриаршей, стали должность председателя учебного комитета Патриархии (с 7 мая 1965 г.) и сан митрополита (25 февраля 1968 г.).

Итак, уже в *тридцать пять* лет Ридигер оказался у вершины власти и с тех пор не спускался вниз, хотя должность была еще и хозяйственная, денежная, на которой легко было нажить врагов и сломать шею. Он — не сломал и из номенклатурной обоймы не выпал, в отличие от многих и многих, кто начинал одновременно с ним. Избрание 7 июня 1990 г. (из нескольких кандидатур, тайным голосованием) Патриархом в 1990-м показало, что он действительно нажил врагов не больше, чем друзей.

Единственное, что можно с некоторой натяжкой выдать за «гонение» (и о чем Патриарх иногда всерьез и вспоминает как о гонении, хотя иногда говорит и осторожнее: «может быть»[2]), было отстранение от должности управделами за письмо Горбачеву 17 декабря 1985 года с предложением разрешить Церкви заниматься благотворительностью и «ссылка» в Ленинград (назначение на должность митрополита Ленинградского и Ладожского 28 июня 1986 г. с оставлением за ним управления и Таллиннской епархией). Текст письма (которое в архиве найти пока не удалось, а Патриарх не считает нужным предавать его огласке) отнюдь не был, судя по пересказу и реакции отдела пропаганды ЦК КПСС, хоть сколько-нибудь дерзким и обвиняющим. Недаром в решении ЦК по поводу письма нет ни малейшего намека на то, что автора следует приструнить или, тем более, наказать. Самая «строгая» в этом отношении формулировка звучала так: «Следует в беседе с автором подчеркнуть, что ... Церковь должна заниматься удовлетворением религиозных потребностей без вмешательства в вопросы, относящиеся к политической системе советского общества»[3]. Но это указание могло ведь иметь в виду вовсе не какой-то «выговор» автору, а просто некую профилактическую, всего лишь «направляюще-ориентирующую» работу с ним — и, может быть, как раз в расчете на дальнейшее его продвижение по иерархической церковной лестнице. Так что не столь уж неправдоподобным может оказаться и предположение, что письмо могло быть очень неплохо продуманной и точно сработавшей акцией со стороны автора, чутко уловившего изменения в политической конъюнктуре, начатые перестройкой, и нашедшего не лишним обратить на себя внимание, выступив с соответствующей духу инициативой. Во всяком случае, решение о переводе в Петербург принимал скорее всего лично Горбачев (а о «беседе с автором» — Секретарь ЦК по идеологии Лигачев), и действительно ли это было «наказание» или, наоборот, подготовка смены патриарху Пимену, как раз и неясно. К тому же стоит напомнить в этой связи, что назначение на кафедру северной столицы еще с дореволюционных времен было шагом к вершине церковной иерархии.

Впрочем, между посылкой письма и переводом в Ленинград прошло более полугода — вполне вероятно, что между этими событиями и вообще нет никакой связи.

Простому человеку в крутом повороте судьбы Алексея Ридигера, происшедшем в 1961 году, куда интереснее, наверное, все-таки судьба его жены. Православная традиция допускает пострижение в монашество мужа, если жена одновременно уходит в монастырь. Однако никаких сведений о судьбе супруги Алексея Ридигера церковные источники не сообщают, храня об этом эпизоде такое же глухое молчание, как и о самой женитьбе будущего Патриарха. Так что

мы ничего не знаем о том, что стоит за этим своеобразным разводом. Ясно, что счастливый брак так не завершается, но что там была за трагедия, была ли она вообще, кто виноват — информации слишком недостаточно, чтобы вынести об этом суждение. А жаль: проповеди о святости и нерасторжимости брака хорошо бы подтверждать жизнью. Жизнью, конечно, частной, но ведь человек, который стал делать карьеру, служить людям, хотя и сохраняет право на частную жизнь, однако приобретает обязанность не делать из этой жизни секрета.

Людям, глядящим на жизнь не так просто, интереснее, пожалуй, знать, был ли Ридигер завербован КГБ. Но ведь куда важнее, что наше общество в целом, включая «элиту», сегодня менее, чем когда-либо, склонно считать сотрудничество с чекистами грехом. Мало кто сомневается, что любая значительная карьера при коммунистах включала в себя подчинение тайной политической полиции, но мало кто сомневается и в том, что это подчинение далеко не полностью определяло карьеру и что оно с какого-то момента прекращалось. Каков бы ни был компромат у Лубянки на Ельцина, все-таки они выполняют его приказы, не наоборот.

На Западе, конечно, к этим вещам декларируют совсем другое отношение, но этот ригоризм кажется неуместным в России, которая пришла к коммунизму от безнравственности и если что и сохранила к концу XX века в качестве господствующего вероисповедания, то цинизм. Однако Патриарх-то — не коренной советский человек, так что более или менее ясно, что именно он в детстве слышал про ГПУ и какие этические нормы ему прививали. Тем удивительнее его позиция. Ведь хотя отношение к проблеме сотрудничества Церкви с КГБ у нас в России заметно иное, чем на Западе, однако все, кто понимает,что его могут считать к ней причастным, почему-то пытаются так или иначе оправдываться: кто говорит, что избегал сообщать компромат на ближних, ограничивался общими рассуждениями; кто говорит, что манипулировал гебистами на благо Церкви. Кто-то уверяет, что каяться в стукачестве надо перед Богом, не перед людьми. Кто-то — что гебисты были просто начальниками от государства, каковым и следовало повиноваться не за страх, а за совесть. Кто-то напоминает, что чекисты расстреляли сотни епископов — как будто это облегчает, а не утяжеляет вину епископов-стукачей. Правая рука Патриарха, митрополит Кирилл, заявляет, что плохо вели себя те, кто сотрудничал с чекистами во зло Церкви, и хорошо поступали те, кто сотрудничал с чекистами во благо Церкви. По логике, наиболее подозрительны, конечно, те, кто кричит, что розыском стукачей хотят дискредитировать всю Церковь или взывает к презумпции невиновности.

Но Патриарх — просто молчит.

Между тем, наиболее серьезно подкреплено обвинение именно по его адресу. В прошлом году в Эстонии было найдено упоминание о его вербовке в ежегодном отчете республиканского КГБ: «Завербован 28 февраля 1958 года на патриотических чувствах для выявления и разработки антисоветского элемента из числа православного духовенства... При вербовке учитывалось в будущем (после закрепления на практической работе) выдвижение его через имеющиеся возможности на пост епископа Таллиннского и Эстонского. За период сотрудничества

с органами КГБ «Дроздов» зарекомендовал себя с положительной стороны, в явках аккуратен, энергичный, общительный. К выполнению наших заданий относится с желанием и уже представил ряд заслуживающих внимания материалов, по которым проводится документация преступной деятельности члена правления Йыхвинской православной церкви».

Документ был опубликован в «Новой газете» 12 октября 1998 года и вызвал шквал возмущения. Защитники Патриарха (в основном из его непосредственных подчиненных, как священник Вл. Вигилянский, или из журналистов, радующихся любому знаку внимания со стороны высшего церковного начальства) делали все, чтобы усугубить подозрения в подлинности документа. Так, например, почему-то грубо передергивали, заявляя, что речь идет о документе 60—70 годов, что все документы КГБ были уничтожены, что Патриарха обвиняют в завербованности еще со времен учебы в семинарии. Между тем, речь идет о вербовке в 1958 г., то есть спустя много лет после окончания семинарии, уже в период работы в Тарту, а в том, что документ мог уцелеть, вообще нет ничего удивительного: любой источниковед скажет, что теоретически невозможно вычистить все упоминания о каком-то факте. К тому же ко времени предполагаемой вербовки Ридигер уже покинул Йыхве и мог безбоязненно и с чистой совестью рассказать о, допустим, финансовой нечистоплотности кого-то из церковной двадцатки. КГБ, ОБХСС — какая разница, в конце концов?

Все это, однако, — догадки. Фактов, кроме самого документа, — мало. А из объективных наблюдателей никто в защиту Патриарха не выступил, и в суд на газету не подали. Для иностранцев же и без этого документа факт патриаршего (как и прочих архиереев) сотрудничества с КГБ — дело решенное и постыдное. Но — подлежащее, тем не менее, забвению: ведь в будущем все равно придется иметь дело с этим лицом, не с другим. КГБ в своих годовых отчетах, опубликованных вскоре после путча 1991 г. и поспешно (без доказательств) объявленных «документами сомнительного происхождения», хвасталось, что через епископов-иуд приручило Всемирный Совет Церквей. Действительно, факт «большевизации» международной экуменической бюрократии налицо, но только, увы, влияние КГБ в этом деле — фактор скорее смягчающий вину. В основном христианство предавали из-за *внутренней* сдачи позиций коммунистам.

Позднее Патриарха (и других иерархов) стали защищать, утверждая, что у всех, кто был под наблюдением КГБ, имелись псевдонимы — в том числе у диссидентов. Но ведь о Ридигере и прочих высших церковных иерархах говорилось не вообще: «делал то-то», — а конкретно: например, что имя «было подготовлено открытое письмо патриарха Пимена президенту США Рейгану. Письмо опубликовано в газете «Нью-Йорк Таймс»[4]. А с другой стороны — ну что, какое значение имело то письмо? Да полистать «Журнал Московской Патриархии» — там советской власти такие дифирамбы пелись от собственного имени теми же иерархами! И не только Ридигером, а и святым и всеми уважаемым епископом-хирургом Лукой Войно-Ясенецким. В конце концов, никто и не утверждает, что Патриарх святой — он Святейший. Никто не утверждает и того, что до или после падения коммунизма его политику нельзя объяснить какими-либо иными соображениями, кроме науськивания с Лубянки. Кто не ходит в

церковь, не ходит не потому, что Патриарх плохой (хотя это часто указывают в качестве отговорки), кто ходит, ходит не потому, что Патриарх хороший.

В середине 70-х гг. Совет по делам религий в своих отчетах делил архиереев на три группы: совсем диссиденты, немножко диссиденты и вовсе не диссиденты. Алексий Ридигер был включен в последнюю группу — тех, кто «и на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах и в этом же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения»[5]. Для сравнения: митрополит Кирилл, ныне правая рука Патриарха, был автором того же отчета включен в группу полудиссидентов, митрополит Хризостом, в последние годы упрятанный в Вильнюс, — в группу возмутителей спокойствия, проявляющих неуместную «религиозную ретивость».

Патриарх вспоминает прошлое в тех же интонациях, с которыми король, вернувшийся на трон из ссылки, вспоминает кошмары изгнания: «Я начинал служение в то время, когда за веру уже не расстреливали. Но сколько пришлось пережить!» Впрочем, и над гробницей митрополита Филиппа, убитого по приказу Грозного четыреста лет назад, Патриарх проникновенно говорит о «наших» страданиях, как будто это лично его душил Малюта Скуратов. В сущности же, мучения епископа Алексия были мучениями обычного советского чиновника, ведомство которого постоянно ущемляют в правах и сокращают. У кого-то пытались отобрать кровати и умывальники, у кого-то — соборы и монастыри. Были совсем сволочные архиереи, которые с готовностью отдавали всё, Ридигер к таковым не относился и любит вспоминать, как спас от закрытия Пюхтицкий монастырь и Таллиннский Александро-Невский собор.

Проблема в том, что тут работают два принципа, которые обращают в пользу церковного начальство факты совершенно противоположного рода. Какие-то церкви не закрыли — заслуга иерархов. Какие-то церкви (несколько тысяч) закрыли — так это гонения, и, значит, тем более заслуга иерархов в том, что они это пережили. Протестовали лишь диссиденты, из которых самым пронзительным был Якунин со своим (вместе с Эшлиманом) письмом 1965 г., в котором делался акцент на обличении хрущевских гонений, а самым авторитетным — Солженицын с его «Великопостным письмом» 1972 г., где утверждалось, что церковное руководство напрасно не протестует гласно против ограничения прав Церкви. Но даже диссиденты понимали, что протест доставил бы чисто моральное удовлетворение единицам, не изменив положения дел в целом. Другое дело, что по своей должности Ридигер исправно гасил внутрицерковных смутьянов. Сохранились «отчеты», которые он подавал в Совет по делам религий о своих беседах с епископом Ермогеном Голубевым, подробно описывая, как он, перед Голубевым, семидесятилетним стариком, совсем еще, в сущности, мальчишка, но зато с огромной властью, пытался укротить этого «диссидента», героически защищавшего Церковь еще в 1920-е годы, прошедшего ГУЛАГ и осмелившегося выступить против хрущевских гонений: «Поверьте, что не пользу, а явный вред наносите Вы и Церкви, и себе самому, когда даете за своей подписью такой

материал нашим врагам, а те тенденциозно его используют в своей антисоветской пропаганде»[6]. Эти отчеты, между прочим, совершенно не засекречены.

На самом деле сокращение приходов Патриархии в 1970-е годы не скрывало подспудного роста церковного авторитета. Рост этот был основан прежде всего на возвращении к религии определенной, пускай и незначительной, части интеллигенции («народ» продолжал от Церкви отходить). Царство Патриархии крепло, и уже при Горбачеве, а особенно после него оказалось одним из общественных институтов, на которые возлагали наибольшие надежды. И здесь 90-е годы оказались очень парадоксальными. Многое было утеряно, прежде всего — расположенность к Церкви со стороны интеллигенции. Правда, часть интеллигенции еще крепче прильнула к православию, даже пошла в священники, но это была очень малая часть, и не самая авторитетная. Многие православные интеллектуалы либо уехали из России вообще, либо совершили внутреннюю эмиграцию к «свободной», «зарубежной» Православной Церкви. Патриарх никого не удерживал: церковные ряды стали расти за счет выходцев из деклассированной партийной номенклатуры, военных, да и «простых людей».

В целом баланс потерь и приобретений 1990-х годов, за который Патриарх несет уже личную ответственность, примерно сходится. Потеряно многое, причем безвозвратно. Во-первых, уже территориально. Если при большевиках главные денежные поступления шли от украинских приходов, то теперь Западная Украина потеряна для православия вообще, а остальная часть Украины сохранена номинально ценой практически полной самоуправляемости. Отход многих православных Эстонии (не только эстонцев, раскол прошел не по национальному признаку) в Константинопольский Патриархат нельзя не признать катастрофой с точки зрения именно Московской Патриархии, особенно неприятной как раз для Патриарха, треть века управлявшего именно здешними православными. Компромисса найти не удалось, в результате чего даже Александро-Невский собор, который юноша Ридигер помогал открывать в 1945-м, не отдан Патриархии, и хотя служат в нем священники именно «московской ориентации», но как бы из милости. Хорошие отношения складываются лишь с самыми людоедскими режимами в странах бывшего СССР, что скорее дискредитирует Патриарха. Да и в самой России далеко не в каждой области власти активно финансируют возрождение православия и «продвигают» его в школах.

Еще ощутимее и опаснее потери внутренние. Многие свои поступки Патриарх оправдывает желанием предотвратить раскол Церкви, но именно в его патриаршество этот раскол стал печальной реальностью: уходят к «катакомбникам», «старостильникам», «карловчанам» и прочим малочисленным, но многочисленным группировкам, желающим быть святее Святейшего. Авторитет Русской Церкви среди зарубежных христиан упал резко: имидж гонимой страдалицы, который тоже был весьма далек от правды, развеялся окончательно, теперь приходится бороться с имиджем Церкви, гонящей всякое инакомыслие. Очень долго держались люди, при коммунистах активно поддерживавшие Патриархию: Дмитрий Поспеловский, Ирина Иловайская-Альберти. Но после расправы с о. Георгием Кочетковым и другими заподозренными в инакомыслии, о чем еще пойдет речь, и они сдались.

2. Сила

Число приходов, впрочем, не определяет прямо духовную и политическую силу Патриарха. Он сам любит подчеркивать, что именно Церкви доверяют больше, чем любому другому общественному институту — по некоторым опросам, до 90%, по другим — не более 40%, что тоже относительно много. Но ставить вопрос о доверии к Церкви странно — тут можно даже вспомнить анекдот о муже, которого спрашивают, доверяет ли он жене. Ответ: «Да сорок лет вместе живем, вроде бы ничего не украла». Вопрос же о доверии Церкви еще менее разумен, потому что никто ничего Церкви не вручал и не вверял. Массовый приток людей в Церковь, начавшийся в начале 90-х, тогда же и закончился.

Парадоксальным образом при коммунистах Церковь была единственной организацией, финансово независимой от правительства и даже дотировавшей разные правительственные глупости вроде Фонда мира. После падения коммунизма финансовая зависимость Церкви от казны стала лавинообразно нарастать. Вины лично Патриарха в том нет, и, пожалуй, ему даже можно отчасти поставить и в заслугу то, что он сумел в условиях всеобщего обнищания найти более-менее твердый источник денег. Наверное, поэтому он и нравственно считает свою позицию неуязвимой, подчеркивая, что «финансовая помощь в восстановлении храмов и монастырей», которую оказывают власти, очень незначительна «в сопоставлении с колоссальными потерями и разрушениями, понесенными Церковью за годы гонений»[7]. Но если сравнивать с тем, как компенсируют потери другим жертвам коммунизма, то счет выходит другой. Можно даже говорить о двойном стандарте: ведь, требуя возвращения Церкви всего отобранного, Патриарх при этом и не заикается о возвращении потомкам дореволюционных владельцев роскошного особняка в центре Москвы, где находится его официальная резиденция, или земель в Переделкино, где привольно раскинулась его настоящая резиденция, которую он любит и обихаживает с помощью властей (одно строительство специально для него транспортной развязки под железной дорогой чего стоит!)[8].

Сила Патриарха безусловна лишь в одной и довольно узкой сфере — управлении московским духовенством. Так этому и подобает быть по церковной традиции, у католиков и протестантов тоже не демократия бьет ключом. На протяжении всех 1990-х годов доброжелатели Патриарха часто пытались преуменьшить его компетенцию именно в этой сфере, чтобы освободить от ответственности за репрессии в отношении «либералов», начиная с отца Глеба Якунина. Но после того, как в 1997 году бессудно расправились с о. Георгием Кочетковым якобы за драку в алтаре, а в 1998-м — с о. Мартирием Багиным якобы из-за кражи квартиры (на деле же дерутся и крадут, увы, многие, а вся вина этих двоих была лишь в том,что они слишком отклонялись от принятых в Патриархии жестких норм повиновения и раболепства), обелять Патриарха стало уже невозможно. И хотя подчиненные Патриарха продолжают, конечно, оправдывать все его поступки, как им и положено по должности, однако из-за границы, например, стали доноситься уже и куда более суровые оценки от своих же православных. В марте 1998 года Дмитрий Поспеловский, православный историк Церкви из Канады,

много лет уважительно отзывавшийся о политике Патриархии, написал Патриарху Алексию открытое письмо: «Ваше Святейшество, дорогой Владыко! Кровью обливается сердце с каждым новым известием о гонениях на самых лучших, самых миссионерски деятельных и успешных пастырей Русской Православной Церкви и на плоды их духовного, педагогического, миссионерского творчества. И самое ужасное то, что гонителями их оказываются не КГБ или еще какие-либо силы воинствующего атеизма, а Вы, Предстоятель Русской Церкви»[9].

Патриарх любит подчеркивать, что другие архиереи вполне равноправны с ним. На деле, конечно, не для того сразу после Октябрьского переворота в Русской Церкви поспешно восстановили патриаршество, чтобы противопоставить большевизму демократию. Хотели «отца» и получили патерналисткую структуру. Мало кто решится утверждать, что решения в Московской Патриархии принимаются коллегиально. Синод, как это было и до революции, просто штампует решения высшей власти — только вместо обер-прокурора заправляет всем теперь именно Патриарх. Постоянные члены Синода, викарии Патриарха и его секретари самостоятельной политики не ведут. Впрочем, не стоит при этом преувеличивать и начальственную жесткость этой конструкции: многие вполне безнравственные архиереи могут спать спокойно, Патриарх ни за что их не снимет, хотя мог бы. Как и в любом российском учреждении, тут действуют свои специфические и, к досаде иностранцев, неявные критерии, из которых на первом месте — верность «старшему», невынесение сора из избы, умение своими прихотями не скомпрометировать структуру в целом более определенного предела. Проблема именно в том, что предел определяется не законом, а нюхом, который есть далеко не у всех карьеристов, более того — который именно карьеризм закономерно отшибает. Карьеристов не терпят уже потому, что они могут подсидеть. Но еще больше не терпят людей творческих.

В сфере церковной жизни сила Патриарха в том, что он чувствует настроение «молчаливого большинства» и соответствует ему. Это большинство категорически против новшеств в богослужебной жизни,оно ищет в православии отдыха, оно против «бузотеров» — и «либеральных», и «консервативных». Именно это большинство критикует «младостарчество», Константина Душенова, антисемитские эскапады диакона Кураева и заявления отдельных монахов, что те готовы отказаться от поминовения Патриарха. Так что, когда Патриарх вышвырнул из Валаамского монастыря одного такого чересчур рьяного антиэкуменист, это было воспринято спокойно. При всем том крайне показательно, однако, что либеральным бузотерам достается куда больше — да, собственно, им одним только и достается. Потому что свобода кажется много страшнее рабства (а она и есть страшнее, что спорить). Здесь православные совершенно точно (в миниатюре) отражают российское общество в целом. Либералы хотели бы, чтобы Патриарх, как папа Иоанн XXIII у католиков, устроил церковное «аджорнаменто» — «согласование с нынешним днем». Но в том-то и проблема, что у них на дворе был день уже тогда, когда начиналось это «согласование», а у нас еще и сегодня петух не прокукарекал, поскольку жареный.

Утверждения о том, что Патриарх якобы героически «балансирует» между правыми и левыми радикалами, основаны почти исключительно на желании

оправдать Патриарха, чем на фактах. Двойной стандарт действует в Патриархии на полную катушку: антисемитские заявления духовенства игнорируются как «частные мнения», проповедующие ксенофобию приходские газеты и «институты» активно поощряются, а церковные инициативы, проводимые в духе отца Александра Меня, либо пресекаются, либо игнорируются уже на другой лад: не получают нормальной моральной поддержки. В случае именно с этим Патриархом, ситуация особенно пикантна: любой другой на его месте имел бы право свалить все на «среду», но Ридигер у кормила власти уже треть века, в огромной степени именно он и сформировал тот специфический состав высшего и среднего духовенства, который сам же теперь и «сдерживает».

Каковы же результаты этого сдерживания?

Со стороны «антилиберальных бузотеров» «пострадали»: один валаамский игумен, «наказанный» переводом с севера на юг России, и один архиерей — Никон Воробьев, прославившийся сожжением книг Меня и Бердяева, но вызвавший недовольство Патриархии все-таки не за это пламя, а за несколько другую, но тоже пламенную страсть, ставшую скандально гласной.

А как обстоит дело с «либералами»? Здесь, кроме уже упомянутых священников Георгия Кочеткова и Мартирия Багина, подверглись нешуточным гонениям и игумен Игнатий Крекшин, которого выжили аж за границу, и крупнейший иконописец России отец Зинон, более двух лет находящийся под запретом за якобы «неканонические» контакты с католиками, и игумен Вениамин Новик, наивно откликнувшийся на предложение высказать мнение о законе о свободе совести и получивший за это увольнение из духовной академии, и отправленные за штат священники Иннокентий Павлов и Иоанн Свиридов, и изверженные из сана протоиерей Иоанн Замараев и с ним еще три херсонских священника. А другие «либералы» оставлены служить лишь ценой отказа от каких-либо выступлений на острые темы (право призывать к благотворительности им оставлено).

Печально и то, что общество, насколько оно в России существует, равнодушно к внутрицерковным проблемам. Хотя политологи и пытаются оценить силу Патриарха в политике. Но здесь ситуация уже поистине шизофреническая.

Все признаки грандиозного влияния как будто бы налицо: кому еще из «политиков» не встающий с постели президент привозит юбилейный орден прямо в резиденцию, как это было в феврале 1999 года? Патриарх подписывает договора о сотрудничестве с силовыми министрами, причем опять же — они приезжают к нему. Именно в патриаршей резиденции велись переговоры и с хасбулатовцами в 1993 году.

Тем не менее, из этого абсолютно ничего не следует. Как и Папа Римский, Патриарх вежливо, но категорически из сферы реальной политики исключен. Переговоры в Даниловом монастыре в 1993 году были повторены в совсем уж фарсовом виде в октябре 1998 года, когда номенклатура, напуганная исчезновением денег после 17 августа, «забила стрелку» в том же монастыре, побряцала словами и разошлась, оставив публику в полнейшем недоумении — что им Патриарх, что они Патриарху? Неясно было и то, что, собственно, обсуждается, а обсуждался-то общий испуг: валюты нет, Ельцин кажется мертвым, кого на царство? Семибоярщину? Поскольку Ельцин оказался не таким уж мертвым, а

валюта кончилась не так уж окончательно, все это мероприятие и осталось в истории лишь анекдотом. Но Святейший дал превратить себя в столбик, около которого номенклатурные псы договорились не драться, а только обнюхивать визитные карточки друг друга. Сам он на той встрече, однако, тоже не удержался и заявил, что нужно «преобразовать систему государственного устройства, чтобы трудиться ради возрождения общества»[10]. Что это означает, ведомо ему одному, но слава Богу, что Ельцина на стрелке не было, а то бы он показал, как переустраивать общество.

Патриарх «не боится» приводить в пример лютеранскую модель отношений Церкви и государства, по которой в каждой стране какую религию исповедует властитель, такую обязано исповедовать и все население. Бояться и нечего: в лютеранских землях Германии вполне осуществлен православный идеал симфонии церковной и светской власти. Но беда в том, что у нас, в отличие от «лютеран», вместо стройной системы взаимоуважения образуется извечная российская мутота. Денег Патриарху номенклатура от своих доходов, правда, дает (судя по косвенным данным, основная масса идет от Газпрома и торговли оружием), но куда меньше положенных по Библии десяти процентов. Меньше десятины жертвует и рядовая паства, включая те десятки миллионов, которые при каждом опросе именуют себя «православными». Мнение церковной власти вообще и Патриарха в частности при голосовании на выборах — один из последних факторов. Некоторым оправданием Патриарха может служить, что «лютеранская модель» давно исчерпала себя и на Западе, это карета даже не прошлого, а позапозапрошлого века.

На протяжении всех десяти лет относительной нашей свободы Патриарх подчеркивает независимость своего поведения в кризисных ситуациях: в путче ГКЧП, в конфликте с Хасбулатовым, в чеченской войне. Ближайшее рассмотрение показывает, однако, что во всех случаях Патриарх либо стоял на стороне более сильной, либо уходил в «плетение словес». Последнее особенно четко проявилось в случае с ГКЧП: в критический момент Патриарх не осудил путчистов, а лишь просил о возможности выслушать Горбачева. Правда, в отличие от некоторых архиереев, он и не поддержал реваншистов, но зато оплошавших епископов (уже задним числом) защитил собственным авторитетом (хотя позже все-таки признал, что не все члены духовного сословия защищали свободу[11]).

Поскольку вновь и вновь всплывает легенда, будто Патриарх осудил ГКЧП, имеет смысл процитировать его послание, опубликованное к тому же лишь во вторник 20 августа: «Необходимо услышать голос Президента Горбачева и узнать его отношение к происходящим событиям». В решающую ночь с 20-го на 21-е Патриарх подписал текст, где нет ни слова о заговорщиках, а сказано абстрактно: «Мой долг Патриарха предупредить всех, кому слово Церкви дорого и небезразлично: всякий, кто поднимет оружие на своего ближнего, против безоружных людей, приемлет на душу тягчайший грех». Но в том же самом тексте прозвучало и предостережение защитникам Белого дома: «Предупреждаю я всех соотечественников: Церковь не благословляет, не может благословить беззаконные, насильственные, кровопролитные действия»[12]. Если бы победил ГКЧП, Патриарх

с возмущением сказал бы, что он же предупреждал эту банду смутьянов: насильственные действия Церковь не благословляет. Так что немецкий исследователь Г. Штрикер вправе был подытожить: «Патриарх с определенностью не говорит, за кого (Горбачева, Ельцина, демократию) и против кого (Государственный комитет по чрезвычайному положению) должны быть «соотечественники»[13].

Стенограмма переговоров в Данилове монастыре в 1993 году была даже опубликована — опрометчивое хвастовство, потому что из текста следует, что Патриарх был целиком на стороне Ельцина. Пострадавшая партия это хорошо помнит по сей день. Что до Чечни и других «конфликтов», то абстрактное осуждение «кровопролития» сочеталось с категорическим осуждением «терроризма», и ясно было, что речь идет не о терроризме правительственных легионеров, а о терроризме чеченцев. Когда великан бьет карлика, пусть даже очень нехорошего карлика, миротворец все-таки не тот, кто будет с одинаковыми словами обращаться к обеим сторонам.

Единственным случаем, когда Патриарх действительно проявил некоторую отвагу, стал его протест против бойни в Вильнюсе (он, однако, подписал чуть раньше и «письмо пятидесяти трех» номенклатурщиков, поддержавшее эту бойню). Впрочем, и тогда он формально не выступил против правительства, и даже сказал: «Ошибки, что привели к сегодняшней скорби, были с обеих сторон. Литовцы, думаю, сами смогут найти свои промахи и трезво оценить, где и в чем они поддались духу утопизма и националистической мечтательности и где в отстаивании своих законных прав они перешли ту грань, за которой следует ущемление не менее законных прав других людей»[14]. Разумеется, нигде и ни в чем литовцы никакой «грани» не переходили и ничьи законные права не ущемляли. Этот текст точно так же не дает оснований говорить, что Патриарх «недвусмысленно осудил использование силы советскими войсками в Вильнюсе», как не дают его тексты 1991-го года заявлять, будто он «резко осудил ... действия ГКЧП»[15].

В последние два года Патриарх начал громко говорить о социальной несправедливости, иногда буквально повторяя речи Папы Римского. Но безусловно правильные слова по-разному звучат в капиталистической Европе и в недалеко ушедшей от коммунизма России. В целом не удивительно, что Патриарх имеет совершенно определенную политическую репутацию. Печатные дифирамбы ему расточает не православный Явлинский, а коммунист Зюганов. «Оппозиция» готова даже простить Патриарху и недвусмысленную поддержку Ельцина на выборах 1996 года (тогда он призвал голосовать за сохранение «статус-кво» и только рекомендовал священникам не выступать в поддержку президента с амвонов[16]), и немногочисленные антикоммунистические эскапады начала 1990-х. Коммунисты уверены, что Патриарх в случае их победы сумеет, покопавшись в памяти, вспомнить нужные слова.

3. Слава

Славословия способны затмить даже славу Божию, тем более трудно различить Патриарха за дифирамбами, которые ему поют. В лучшем случае это вздорный совковый новояз, как у Ельцина, назвавшего Патриарха «главкомом

религиозных сил»[17], в худшем — чистое, как медицинский спирт, кумиротворение.

Священник Дмитрий Дудко: «Я считаю ... Патриарха Алексия Второго — особо мудрым»[18].

Или: «Торжественный спуск на воду сухогруза "Алексий II"»...

А бесконечные портреты Патриарха в церквах и всевозможных околоцерковных конторах, которые зачастую крупнее репродукций с изображениями Христа? Иногда ведь вешают и вообще один только образ Патриарха

«Его судьба — это судьба человека, всего себя отдавшего служению Церкви и пастве»...

Надо же создать такую холопскую атмосферу, в которой даже Сергею Аверинцеву (прихожанину наказанного Патриархом священника) приходится печатно оправдываться, используя при этом (надеюсь все-таки — иронически) лексику Аракчеева: «Было напечатано, что я отрицаю законность власти Патриарха в России. Я же вовсе не отрицаю. Это разные вещи: быть преданным без лести или с лестью. Можно быть верноподданным, не со всем соглашаясь»[19].

Причем это кумиротворение идет по нарастающей — в 1998 году именины Патриарха отмечали в Малом, в 1999 году в Большом — и как! Чуть ли не с коленопреклонениями бесчисленных балерин (даже и в пачках), маститых актеров всех полов и прочих номенклатурных и творческих знаменитостей, припадавших к ручке осыпаемого лепестками роз Святейшего Командарма Религиозных Сил. Комментарий Дениса Горелова: «Дифирамбы адресовались не личности, а месту. Рясе да митре. Ни причастность к высшей окологосударственной номенклатуре, ставящей любого юбиляра в щекотливое положение, ни угроза компрометации сана чрезмерными славословиями не умерили громкость дифирамбов»[20].

Как и всякая власть в этом мире, Патриарх стал предметом манипуляций — понятная, но все же нехорошая человеческая страсть.

Полулиберальная газета: «Его по-европейски культурная терпимость к чужому мнению, способность к диалогу ... явно выходит за рамки просто присущей крупному чиновнику дипломатичности»[21]. И это — о человеке, последовательно выступающем за «спасение» России от проповеди иностранных миссионеров, испортившем своим высокомерным напором отношения даже с лидерами других «традиционных конфессий» и ни с кем никогда не вступавшем в диалог за всю свою долгую жизнь!..

Бесконечные воспоминания о том, что Патриарх одним из первых среди епископов осудил антисемитизм и фашизм. А что — мог бы бритвой по глазам?...

Да, Патриарха честят жидом за картавость, фамилию, отчество матери («Иосифовна») и миролюбивое выступление в синагоге. Да, антисемиты — это параноики, делают из мухи слона. Но это не означает, что муха действительно слон. В синагоге (но только в нью-йоркской, и лишь один раз) Патриарх действительно выступал, в остальном же обвинения черносотенцев более чем напрасны.

Вообще, в России Патриарха смеют критиковать — или, лучше сказать, «условно поддерживать» — лишь представители наиболее «зубодробительных»

сил. Образец такой условной поддержки показал Геннадий Зюганов, четко отметив в поздравлении Патриарху к юбилею, в чем коммунисты солидарны с ним: «Когда Вы возмущаетесь тем, что в современной России «население целенаправленно организуется на сатанинских принципах лжи, подлога и обмана, поклонения внешней грубой силе, внедряются как начала «нормальной» жизни жадность, эгоизм, амбиции, разврат, наркомания, любовь к удовольствиям и развлечениям любой ценой» [цитата из выступления Патриарха в декабре 1998 г.], Вы можете быть уверены в искренней и горячей поддержке всех честных граждан нашей страны»[22]. А вот замечания Константина Душенова в «Советской России»звучат просто угрожающе. Но за что? За то, что «Алексий II не смог (или не захотел) решительно оздоровить внутреннюю духовную атмосферу в Церкви, омраченную ... ересями экуменизма и обновленчества». Впрочем, заметив, что «Патриарх и несколько других влиятельных московских политиков практически «приватизировали» область церковной политики», Душенов в то же время удовлетворенно констатирует, что «в последние годы Патриарх Алексий не имеет возможности единолично формулировать курс церковной политики», вынужден оглядываться и на антиэкуменистов[23].

В глазах российской «элиты» рейтинг Патриарха постоянно растет — за два года в опросах «Независимой газеты» он переместился с 30 места на 6 от начала. Но это куда больше говорит о том, как делаются рейтинги той же «НГ» и что у нас вообще считают элитой, чем о том же Патриархе. На Западе, напротив, уважение к нему упало едва ли не до нуля. Там людям нет расчета прикрывать глаза ручонками и толковать к лучшему высказывания Патриарха. Им есть из кого выбирать, даже если не принимать в расчет действительно хорошо сбалансированного Папу или действительно гонимого Далай-ламу. По миру ездит еще и Константинопольский патриарх Варфоломей, тоже не в советской школе учившийся хорошим манерам и к тому же не отравленный ядом властности, не писавший, в отличие от патриарха Алексия, неуместных для церковного лидера писем с протестами против расширения НАТО на Восток[24]. Свою международную репутацию Патриарх постоянно приносит в жертву собственному «расширению на Восток»: так, он отобрал у «карловчан», православных русских эмигрантов, их церковь в Палестине, причем руками арафатовской полиции. Доблестные борцы с сионизмом освобождали здание, как умеют — то есть силой. Одно дело — снизойти к Арафату на десять минут, как это сделал Папа, другое — прибегнуть к его помощи, вне зависимости от того, насколько твое дело правое.

Денис Горелов в своем комментарии к пышным торжествам в Большом был прав: культ Патриарха не является культом личности Патриарха (впрочем, то же относится и к культу Сталина). Это культ чина, функции. На таком посту в такое время надо было бы быть очень уж омерзительной особой, чтобы люди, привыкшие к чинопочитанию, от тебя отвернулись. А Патриарх Алексий вовсе не омерзителен.

В наиболее циническом виде механизм складывания этого культа виден на примере уголовных дел, связанных с операциями благотворительного фонда, который находится под особым попечительством Патриарха: защиту неких коммерсантов, доставивших из Китая некий явный ширпотреб на продажу,

адвокат обосновывает накладными, оформленными на фонд и свидетельствующими, что товар этот — якобы подарки для воспитанников детских домов. Что благотворительные фонды активно занимаются коммерцией под видом благотворительности, очевидно, как очевидно и то, что в каждом отдельном случае необходимо исходить из принципа презумпции невиновности. Но адвокат Патриарха Анатолий Кучерена (в печати он выступает, не упоминая, что является адвокатом Патриарха, как бы «объективно») выбирает другой способ защиты: в принципе не может мошенничать фонд, попечителем которого является Патриарх. Более того – он сообщает и заверяет, что Патриарх, узнав о том, что фондом стала заниматься полиция, «никак не вмешивался в ход проводимого расследования и лишь изъявил желание получить юридическое заключение относительно правовой обоснованности действий сотрудников РУБОПа»[25].

Почему, однако, об этом желании Патриарха следует особо сообщать в печати? Почему отказ Патриарха вмешиваться в ход расследования выдается чуть ли не за подвиг?

Потому что при отсутствии независимого правосудия даже такое вмешательство Патриарха может означать очень многое.

Между тем, увы, реальность совсем не такова, как пытается изобразить ее, всячески обеляя Патриарха, Антатолий Кучерена. Громкое следствие по делу Гульназ Сотниковой, знаменитой руководительницы Российского благотворительного фонда примирения и согласия, председателем попечительского совета которого и является Патриарх, еще не закончено, а Патриарх уже позаботился дать интервью ТАСС и на всю страну сообщил, что любые обвинения по адресу руководительницы фонда (которой он открыто покровительствует) являются клеветой. По российским меркам это, конечно, именно давление на следствие — и еще какое! Тот же самый Кучерена в другой газете на следующий день так охарактеризовал российское правосудие: «Отсутствие независимости суда и судей превратилось в главный тормоз на пути превращения России в правовое государство[26]». Адвокат уверен: судьи зависимы от исполнительной власти. А уж как в Москве исполнительная власть относится к Патриарху — известно не только Гульназ Сотниковой и Анатолию Кучерене.

Юридически Патриарх — глава одной из общественных организаций. Но не случайно же Патриарх последовательно выступал против приравнивания Церкви к общественным организациям, а Патриархии — к прочим конфессиям. Адвокат явно чувствует, что авторитета лично Патриарха недостаточно для того, чтобы в его подзащитных стали видеть невинных людей. Тогда он начинает вспоминать, как чекисты заживо закопали в землю старого монаха — как будто ширпотреб из Китая вез этот самый старый монах. Непримиримая позиция Церкви по отношению к большевикам тоже доказывается подбором фактов о коммунистических репрессиях против одних церковных иерархов — как будто нет фактов о коммунистическом покровительстве другим церковным иерархам. В другой статье Патриарха защищают от обвинений в коррупции, вводя универсальный довод: всякие обвинения вдохновлены конкурентами от религии. «Кто же эти люди, заинтересованные в подрыве авторитета Русской Православной Церкви и дискредитации ее настоятеля? Ответ на этот вопрос можно найти в выступлениях

самого Святейшего Патриарха и других документах Русской Православной Церкви. Только слепые могут не замечать, что в последние годы развернулось массированное наступление псевдохристианских, оккультных, гностических сект на Россию. Активизировались диаволопоклонники...»[27] Интересно, что тут же адвокат заявляет, что патриарх Алексий «резко осудил» путчистов 1991 года, что абсолютно неверно. И опять ссылка на то, что 75% населения «доверяет Церкви» — а милиции лишь 18%. Журналиста, который сравнил пышное празднование патриаршего юбилея с пышностью брежневских времен, адвокат предлагает судить по 282 статье УК («возбуждение религиозной вражды»). Патриарх восхваляется за то, что он «не стремится ... насаждать «единственно правильную линию» и внутри самой Церкви». Более того, в горячности своей адвокат прямо объясняет, почему следует поддерживать культ Патриарха: «Стране, раздираемой социальными и политическими противоречиями, где престиж всех ветвей власти упал практически до нуля, как никогда необходима фигура, чей моральный авторитет мог бы способствовать согласию и примирению»... Увы, именно такие речи привели в свое время к власти вегетерианца и патриота Адольфа Гитлера.

Конечно, адвокатские речи — жанр очень своеобразный, к власти они никого привести не могут. Но зато они адресуются к самым глубинным мифам, обнаруживая их. Таков и миф о моральном авторитете некоего верховного жреца.

Столь же иррациональна защита Патриарха Е. Стрельчиком: он рассказывает об убийстве сельского священника и заявляет, что «нападения на священников стали результатом ... слухов о богатстве пастырей. Публикации в СМИ об участии Церкви в светском бизнесе только подливают масло в огонь»[28]. Между тем, газеты не пишут о богатстве *сельских* священников. И если публикации о бизнесе церковных иерархов «подливают масло в огонь», то, конечно, выход есть простой: пускай иерархи воздерживаются от бизнеса, не ездят в «мерседесах» и т.п.

Конечно, отождествление Патриарха со всей Русской Церковью в некоторых ситуациях вполне может быть и правомерым. Бывают организации или моменты в истории организаций, когда лидер и коллектив действительно не могут быть разделены. Но те же самые журналисты, которые отождествляют Патриарха с Церковью, чтобы защитить Святейшего, без труда разделяют Патриарха и Церковь, когда хотят покритиковать последнюю. Например, С. Бычков в «Московском комсомольце» одновременно защищает Патриарха и в то же время критикует Синод за «панический страх ... перед демократизацией» — как будто не Патриарх является главой Синода[29].

Вообще все газеты России можно в принципе разделить сегодня по тому, публикуют ли они бессодержательные, придворные информации о Патриархе, который тому-то вручил орден, туда-то поехал, проводит отпуск там-то, там-то ему шьют ризу, — или воздерживаются от таких публикаций. Здесь проходит граница между вроде бы порядочными «Известиями» и «Московскими новостями», которые лебезят перед Патриархом и подобные материалы публикуют, — и газетами «нового типа». В «Сегодня» или «Коммерсанте» появление подобных материалов исключено не в силу большей «порядочности» журналистов, а в силу их равнения на серьезную информацию, отказа играть в игры с номенклатурой.

Таковы сегодняшнее ЦАРСТВО, сегодняшняя СИЛА и сегодняшняя СЛАВА Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Итоговые выводы, полагаю, напрашиваются сами собою. И достаточно, полагаю, печальные, если за точку отсчета взять те надежды и упования, которые не только в России, но и во всем мире возлагались с первых же «перестроечных» перемен на Русскую Православную Церковь. И на подлинное внутреннее ее обновление и очищение, и на то, что она окажет-таки свое животворное духовное воздействие на все российское общество, только что вышедшее из коммунизма, станет реальной и мощной силой действительного духовного возрождения России. Как сегодня обстоит дело с этими надеждами и упованиями, осуществление которых в огромной степени зависело именно от личности Предстоятеля Русской Церкви, практически всевластного в своем ЦАРСТВЕ; какой реальной СИЛОЙ в России обладает сегодня это ЦАРСТВО благодаря его правлению и какую СЛАВУ это правление Русской Православной Церкви принесло — пусть оценивает сам читатель. Я же от окончательных формулировок воздержусь, да и моя задача была совсем иная: предоставить читателю прежде всего всю ту объективную аналитическую информацию в отношении Патриарха и его роли в жизни Русской Православной Церкви и российского общества, которая одна только и способна обеспечить возможность делать на ее основе неложные выводы. Поэтому к сказанному мне остается добавить, пожалуй, только еще одно наблюдение и констатировать еще только одну очевидность.

Дело в том, что накануне семидесятилетия в речах Патриарха тоже зазвучали некие «завершительные» — и для него достаточно новые — мотивы: пора подводить итоги, да и чуть ли уже не конец света близок, антихрист близится, «идет ускоренное строительство общемировой системы зла»[30]. Речи такого рода очень мало говорят о реальном мире, но зато очень много говорят о внутренней жизни человека — тревога, тоска, уныние. Помянутый архиеп. Ермоген в семьдесят четыре сражался с куда более сатанинской системой, чем нынешнее беспутье. Может быть, дает себя знать сравнительно ранний старт? Или Патриарх, лучше любого знающий положение дел в Церкви, не может уже спрятаться от того, что за раззолоченным фасадом прячется нечто пугающее? А может быть, дело не в длительности, а в содержании пути: пришла пора платить за слишком гладкую карьеру, за раздвоение личности между амвоном и кабинетом?

Благая весть заключается в том, что Бог легко — слишком легко, с человеческой точки зрения — доверяет человеку и Царство, и Силу и Славу в обмен на крошечное усилие: на волосочек быть в отношениях с людьми более человеком, чем это привычно. Такая, казалось бы, мелочь: дать свободу слова своему противнику, не отлучать от Церкви священника, который тебя лично не любит и даже обличает, не просто объезжать епархии, лаская детей и козочек, а потерпеть козлов среди собственной паствы. Любовь к врагу кажется такой глупой и вредной для дела Божия, но только дело Божие и заключается ведь именно в том, чтобы любить не одних лишь ближних, но и врагов. Тем более, что, в сущности, как нет среди людей здоровых, не нуждающихся во враче, так нет среди них и стопроцентных друзей Богу.

Искушение Патриарха особенно велико, ведь его враги по определению враги и Церкви — как таковых простить, не отлучить, не использовать возможности заставить их молчать? Как совместить служение Богу с любовью или хотя бы с щепетильным отношением к врагу?

Но если Бог — Христос, то любовь к врагу и есть как раз одно из самых достойных Его служений Ему.

Но, похоже, для этой службы облачение Патриарху пока еще не сшили.

Примечания

[1] Интервью газете Радонеж, №2—3 (87), февр. 1999. С. 3.

[2] Интервью. — Независимая газета, 18.2.1999.

[3] Русская Православная Церковь в советское время. М.: Пропилеи, 1995. Кн. 2. С. 421.

[4] Там же. С. 418.

[5] Там же. С. 123 (Отчет В. Фурова за 1974 г.).

[6] ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. N43, лл. 212—216. Цит. по статье С. Лукашевского в журнале «Христианство в истории», №6, окт. 1995 г. С. 195.

[7] Интервью в газете Труд-7, 19.03.1999. С. 5.

[8] Московский комсомолец, 24.07.1998.

[9] Континент, №96. С. 393.

[10] Московский комсомолец, 10.10.1998.

[11] Русская Православная Церковь в советское время. М.: Пропилеи, 1995. Кн. 2. С. 340.

[12] Там же. С. 341—342.

[13] Там же. С. 340.

[14] Там же. С. 313. Заявление от 15.01.1991.

[15] *Анатолий Кучерена.* «Вначале налепим «бубнового туза», а потом — разберемся». — Новые Известия, 22.07.1999. С. 4.

[16] *Игорь Лобанов.* Алексий II призывает духовенство советовать людям поддержать власть, «но не с амвонов». — Сегодня, 16.5.1996.

[17] Общая газета, 14.05.1998.

[18] Русь Державная, №41, 19.11.1997.

[19] Аргументы и факты, 15.01.1998.

[20] *Д. Горелов.* Одна свечка и сто тортов со взбитыми сливками. — Известия, 18.06.1999.

[21] *Максим Шевченко.* — Независимая газета, 3.03.1999. С. 9.

[22] Советская Россия, 11.02.1999.

[23] Там же. 18.02.1999.

[24] Радонеж, №72, 27.04.1998.

[25] *Анатолий Кучерена.* Карнавал воинствующих безбожников. — Вечерняя Москва, 9.07.1999.

[26] *Анатолий Кучерена.* «Тихий омут» демократических реформ. — Независимая газета, 10.07.1999. С. 3.

[27] *Анатолий Кучерена.* «Вначале налепим «бубнового туза», а потом — разберемся». — Новые Известия, 22.07.1999. С. 4.

[28] *Стрельчик Е.* В России снова убивают священников и жгут храмы. — Независимая газета, 21.07.1999.

[29] *С. Бычков.* Синод против соборности. — Московский комсомолец, 22.07.1999. С. 2.

[30] Независимая газета, 3.02.1999, цит. в статье С. Печерского.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВО ХРИСТЕ

Девять лет назад был убит священник Русской Православной Церкви отец Александр Мень. Его смерть потрясла Россию, и не ее одну. Священников у нас не убивали с 30-х годов. Но о. Александр был не просто священником — он был духовным лидером России. Те, кто задумал это убийство, хорошо сознавали это.

Я познакомился с о. Александром в середине 70-х. Очень быстро я понял, что встреча с ним — поворотный пункт в моей жизни. Она была подарком судьбы. Он поразил меня с первого взгляда. Я увидел необычайно красивого, мудрого и абсолютно свободного человека. Свободного в несвободном обществе. Его эрудиция, гармоничность, переполнявшая его радость бытия завораживали. Общение с ним неизменно приводило в восторг: он заряжал вас (и надолго) духовным озоном; всё начинало как бы искриться и входить в резонанс с его настроем. Любая ваша мысль ловилась на лету и возвращалась преображенной. Не было вопроса, на который он не мог дать исчерпывающего и, казалось, окончательного ответа. Его доброжелательность и интерес к собеседнику были неподдельными. Он был чужд какой-либо позы, не любил внешних эффектов. Во всем он был прост и искренен. Его обаяние было непреодолимым, его чувство юмора — неподражаемым, причем часто оно выражалось в самоиронии. В каком бы обществе он ни появлялся, он немедленно становился его центром.

Одним словом, вы наяву встречались с «положительно прекрасной личностью», воплотить которую в своих романах пытался, но так и не сумел Достоевский. Да и никому не удалось сколько-нибудь убедительно воплотить идеал христианина — а именно его имел в виду Достоевский — в художественной форме (в нехудожественной — тем более). Оказалось, однако, что это возможно не в романе, а в жизни. О. Александр и был реализованным идеалом христианина. Но сказать так — значит ничего не сказать, потому что всё сказанное — лишь намек на ту тайну, которую представлял собой этот человек. Только позднее я смог сформулировать для себя главное в Александре Мене: религиозный гений, живущий верой и действующий любовью, живая икона Христа.

Владимир ИЛЮШЕНКО — родился в 1932 году в Москве. Окончил Московский государственный историко-архивный институт. Председатель общества «Культурное возрождение» имени о. Александра Меня. Автор ряда прозаических и стихотворных публикаций, а также многих статей по истории и политологии в разных российских и зарубежных журналах. Живет в Москве.

Говорить о нем — трудно и легко. Трудно, потому что он не сводим к сумме составляющих (черт характера, талантов, творчества): все грани его личности существовали в гармоническом единстве, нераздельно и неслиянно. Легко, потому что, какие бы высокие оценки ни прилагать к нему, все они будут уместны, все окажутся впору. А еще потому, что, по слову Михаила Булгакова, говорить правду легко и приятно.

Есть люди, щедро одаренные от природы. Им всё дается без видимого труда, всё они делают как бы играючи. Есть люди, отмеченные особой печатью.Таковы мыслители, творцы, великие художники. Это властители дум, чье влияние подчас простирается на много поколений. И есть люди, пришедшие в мир, чтобы исполнить некую миссию. Это пророки, святые, апостолы — учители жизни.

Отец Александр был человеком, в котором эти свойства непостижимым образом сочетались. Он был наделен свыше множеством талантов. Достаточно назвать глубокую религиозно-философскую интуицию, талант постижения человеческого сердца, писательский, художнический дар. Но чтобы стать тем, кем он стал, требовалось большее — неустанный труд души, напряженное волевое усилие. Уже в юности он усвоил и переосмыслил высшие достижения мировой культуры. На протяжении всей своей жизни он пополнял поистине энциклопедический запас своих знаний. Постоянное расширение границ познания было для него насущной потребностью. Он не успокаивался, пока не овладевал предметом в совершенстве. Потому и плоды его творчества необозримы. Одно лишь перечисление сделанного им составило бы много страниц.

Однако главным оставалось его служение — труд священника, исповедника, повседневное духовное просвещение людей, просветление и возвышение их души. Но он дал внутреннее согласие нести тяжкий груз ответственности за них. Для него это было не исполнением томительного долга, а радостным приятием завета: «Да будет воля Твоя».

В нашей несчастной стране он был счастливым человеком, потому что жил в согласии с Богом и в мире с самим собой, потому что был верен своему призванию, нес людям Слово Божие, слово любви и утешения. Но это было трудное счастье: он, по сути, брал на себя грехи и тяготы тысяч и тысяч прихожан, близких и дальних. Для этого требовались сверхчеловеческие силы, и эти силы давала ему вера.

Итак, харизматический дар, живая вера, любовь к Богу и человеку, постоянный труд — вот тот цемент, который скреплял его личность. Всегда бодрый, полный энергии, бесстрашный, мудрый, предельно внимательный, нежный и целомудренный — таким я запомнл его.

Вряд ли можно что-то понять в о. Александре, если упустить из виду, что он прежде всего пастырь, духовный наставник вселенского масштаба, слово которого именно потому обладало такой мощью, что он был образцом христианина, а значит образом Христа. Он внутренне соединился с Сыном Человеческим и вслед за апостолом Павлом мог бы сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Всё, что он делал, каждый его шаг, каждый помысел были освещены тем Светом Разума, Который воссиял миру две тысячи лет назад. Мне часто приходило в голову: если у Христа могут быть такие служители, значит, Его дело действительно непобедимо.

О. Александр не раз говорил, что христианство — религия будущего и нам еще предстоит дорасти до него, а на это могут потребоваться тысячелетия.

Он — дорос. Христос был целью и смыслом его жизни, ее стержнем, ее путеводной звездой. Его понимание христианства было удивительно ясным, глубинным и современным. Если воспользоваться выражением Гоголя, можно сказать: о. Александр смотрел на христианство «свежими, нынешними очами». И вместе с тем он воспринимал его в первоначальной чистоте, в новозаветной первозданности.

Он не раз подчеркивал, что христианство — не новое учение и не новая этика, а новая жизнь. По его убеждению, сущность христианства — в личности Богочеловека Христа, соединившего небесное и земное, бросившего вызов силам тьмы, прежде всего человеческому эгоцентризму, отдавшего жизнь за спасение людей.

В книге «Сын человеческий» о. Александр рассказал о Христе, и это было новое прочтение Евангелий, приближавшее их к людям XX века, раскрывавшее неисчерпаемость личности Спасителя. Во множестве других книг, проповедей, лекций он углубил наше знание об Иисусе Назарянине — подлинном Боге и подлинном человеке, страждущем и отринутом Мессии, человеческом лике Бесконечного, Неизъяснимого, Неисповедимого, Необъятного, Безымянного. Важнее другое: он передал нам свою любовь ко Христу — Сыну Бога Живого.

О. Александр говорил, что Христос неизменен, но христианство может и должно изменяться. Он понимал его как динамическую силу, преображающую и душу человека, и общество в целом. Он категорически отказывался воспринимать христианство в качестве «идеологии», абстрактной доктрины или застывшей системы взглядов. Он утверждал, что оно открыто «всему, что создал Бог в природе и в человеке. Оно не просто религия, которая существовала в течение двадцати столетий, а Путь, устремленный в грядущее».

Христианство — религия живых, а не мертвых.Оно формирует каждую эпоху и взаимодействует с ней. Живое христианство говорит с каждым новым поколением и с каждым человеком на понятном ему языке, оно непременно должно углубляться, открывать новые горизонты. А для этого необходимо обновление христианства, более глубокое понимание Христа, Слова Божия, запечатленного в Писании. Христианство имеет непреходящую новизну, но для того, чтобы она была явлена людям, необходимо как бы снимать патину с него, не давать ему окаменеть, застыть, превратиться в догму, в мертвую схему.

О. Александр понимал это лучше всех и потому подчинил свою жизнь проповеди Бога Живого. Для него Христос был не просто ипостасью Троицы, Логосом, Который воплотился в Иудее во дни императора Августа и царя Ирода, жил при Тиберии и Понтии Пилате, нес людям спасительную Истину, был распят, потом воскрес и вознесся на небеса. Всё это, конечно, непреложно, но главным для о. Александра было не это. Главным было присутствие Христа в мире после Воскресения — и не в туманные исторические времена, а в наше время, здесь и теперь.

Он не уставал повторять нам, что Христос присутствует в мире постоянно, что Он с нами, что «Воскресение не просто событие, локализованное во времени и пространстве, а это таинственная, глубочайшая, реальная, потрясшая мир метаморфоза». С тем Христом, Который идет из Вифании в Иерусалим, мы можем встретиться в книге или в воображении, «но с тем Христом, Который

восстал из мертвых, мы встречаемся внутренне, потому что в нашей душе есть голос Бога, очи Бога, облик Бога, соотнесенность вечного с временным, конечного с бесконечным, Божественного с человеческим».

Таким образом, смысл Воскресения — актуальный, сегодняшний — в том, что оно взрывает пространственно-временную локализацию, и поэтому Господь всегда с нами, нет дня, когда бы Он не стучал в двери нашего сердца. И лишь от нас зависит, откликнемся ли мы на Зов, хотим ли мы диалога, хотим ли Встречи.

Так он учил нас. Это были и вера, и знание — слитно, потому что вера это особый вид знания — целостного, схватывающего истину без логических опосредований. И знание это достоверно и неопровержимо.

Вся жизнь о. Александра прошла со Христом, с Которым он внутренне соединился и постоянно взаимодействовал. Который был для него и Богом, и собеседником. Живым, реальным, реальнее, чем все живые мертвецы. Христос отобразился в нем с необычайной полнотой, и это делало его слово неотразимым — он говорил как власть имущий.

О. Александр впитал в себя мудрость веков и в то же время был в полном смысле слова современным человеком. Это была ренессансная личность, но совсем непохожая на представителей европейского гуманистического Возрождения. Если что и роднит его с ними, так это универсализм, эрудиция, глубокие познания, а человекобожество, выросшее на почве этого Возрождения, было для него чуждым и неприемлемым.

Нет, о. Александр был человеком нового, религиозного Ренессанса, великим продолжателем Отцов Церкви, христианских мыслителей, и прежде всего Владимира Соловьева, Николая Бердяева и Георгия Федотова. Он пошел по их стопам, но во многом превзошел этих титанов духа. Его блистательная эпопея «В поисках Пути, Истины и Жизни», другие книги, проповеди, статьи — это богословская и философская классика. И это пример подлинного историзма.

Он овладел мировой культурой в ее полноте и целостности. Он не создавал какой-то новой философской или теологической системы, но углубил и развил мировую религиозную мысль. Отличительная черта его мировоззрения — христоцентризм. Правильнее было бы говорить здесь не о философии или даже теологии в традиционном смысле слова, а о богопознании. К нему самому применимы те слова, которые он сказал о пророке Осии: «Богопознание — это не отвлеченное богословие, а живое, реальное приближение к Богу через веру и любовь».

О. Александр говорил, что христианство соединяет ограниченный человеческий дух с бесконечным Божественным, исповедует свободу как один из важнейших законов Духа, утверждает ценность жизни и творчества, высочайшее достоинство человеческой личности. Именно этим руководствовался он в своей проповеди, направленной на просвещение не только его прихожан, но и общества в целом.

На общественную жизнь о. Александр призывал смотреть как на «одну из сфер приложения евангельских принципов». При этом он подчеркивал, что «Евангелие не предлагает в качестве идеала конкретной социальной доктрины», «не объявляет ту или иную систему правления специфически христианской. Ценность системы измеряется тем, что она дает человеку: целесообразностью и

гуманностью». И еще: «Люди сами должны искать оптимальные формы общественного устройства, которые бы наиболее соответствовали Духу Христову».

Он не был политиком, но смотрел гораздо дальше политиков и видел то, что им было недоступно. Он очень точно оценивал социальную ситуацию. Его анализ был кратким, исчерпывающим и безошибочным. Все его предсказания сбывались. Христианский взгляд на мир позволял ему рассматривать земную жизнь как мистерию, как грандиозную битву Добра и Зла. Он, как никто, осознавал глубокое извращение человеческой природы, вытекающее из попрания духовного начала. На социальном уровне это проявилось, в частности, в рабском подчинении Церкви государству. Это извращение, культивировавшееся в России на протяжении нескольких веков, в конце концов привело к тяжелому кризису христианства и явилось главной причиной победы тоталитаризма в нашей стране, который, в свою очередь, продолжил и довел до опасной черты процесс дехристианизации России.

По своим убеждениям о. Александр безусловно был демократом, однако он не мыслил себе демократии без опоры на духовно-нравственный идеал. Именно поэтому он чрезвычайно высоко оценивал деятельность Андрея Дмитриевича Сахарова. Однажды он сказал: «Для меня Сахаров — знамение надежды. Наш мир и страна спасутся потому, что праведники есть. Они и спасают нашу страну и всю нашу Землю от гибели».

О. Александр понимал острее всех, что жить так, как мы живем, духовно прозябать и деградировать дальше — значит готовить коллективное самоубийство, готовить Апокалипсис. Это реальная угроза. Но он же говорил, что Апокалипсис не есть нечто запрограммированное, насылаемое свыше и потому неотменимое: постоянным насилием над природой и человеком, постоянным нарушением первооснов бытия люди сами навлекают на себя кару, и сами же, осознав глубину своего падения, одумавшись, могут покаяться и отвести от себя наказание. В этом смысле будущее открыто и не детерминировано.

Гражданская позиция о. Александра была активной, хотя она не имела политической окраски. Она выражалась прежде всего в его широкой общественной проповеди, масштабы и влияние которой стали особенно значительными в последние годы его жизни. Он говорил: «Есть люди, которые пишут историю, а есть люди, которые в ней живут и действуют. Я принадлежу ко второй категории». Не бежать от мира, а работать в нем — это было для него непреложным.

«В христианстве, — сказал о. Александр накануне своей гибели, — есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога». Человечество же далеко не одержало здесь победы. Ради нее и работал всю жизнь Александр Мень.

Для победы добра необходимы вера, твердость духа и непрестанное духовное усилие. Но гарантии это не дает. Необходимо некоторое количество праведников, которые оправдывают человечество в глазах Господа. Не только село — вся земля не стоит без праведников. Не стоит она и без пророков, духовных вождей, ведущих человечество из мрака в свет. «Я верю, — говорил о. Александр, — что если в минувшие эпохи находились люди, которые выводили мир из духовного тупика, то найдутся они и в наши дни».

Таким праведником, таким человеком, спасающим Россию и всю Землю от сил распада и уничтожения, и был Александр Мень. Он стал голосом живого христи-

анства, новым апостолом язычников, составлявших абсолютное большинство населения обезбоженной, расхристанной страны. Несколько поколений превратились в людей с выжженными душами. Они и сейчас глубоко больны, и они нуждаются в лечении. Радикальное лечение могло быть только духовным, рассчитанным на много лет. Начало ему, мощное начало, и положил о. Александр.

Он понял: надо заново христианизировать тяжело больную страну, выход России из духовного тупика возможен лишь на пути ее новой евангелизации. И он не только понял это — он реально вел Россию по этому пути. Его вклад в духовное возрождение страны трудно переоценить.

Что же успел сделать о. Александр? Он дал новое, современное прочтение христианства, углубил и развил мировую религиозную мысль. Он обратился к истокам — к Евангелию, к живому и вечному христианству, восходящему к Самому Спасителю, к апостолам и Отцам Церкви. Он говорил с людьми о добре и зле, о вере, о смысле жизни на понятном им языке. Он не уставал повторять, что наша главная беда — размывание нравственных ценностей, а они могут возродиться лишь на духовной, религиозной основе. Между тем потеря духовных ориентиров, отход от идеалов ввергают мир в хаос и одичание.

Нетерпимости, фанатизму, насилию о. Александр противопоставил евангельские принципы, дух свободы, любви и терпимости, уважение к личности человека — образа и подобия Творца. Он хранил верность прежде всего духу Евангелия, потому что христианство ориентировано именно на дух, на высшее начало. Истинный идеалист, он в то же время был необычайно активным человеком и считал своим долгом противостоять злу в любой его ипостаси.

Человек трезвый, он не заблуждался насчет того, чем чревато помрачение духа. Он говорил о «стихии зверя» в существе, наделенном рассудком, об «эскалации демонизма», которая привела к «мировой гражданской войне детей Адама, терзающей его единое тело». Он писал: «Невольно рождается чувство, что народы и племена, страны и правительства, вожаки и толпы — весь род человеческий катится в бездну самоистребления». Он был уверен, однако, что верность Христу, жертвенность и героизм подвижников, служение ближнему и милосердие позволят нашему общему дому, Земле, избежать участи Содома. И сам он делал всё, что в человеческих силах, чтобы остановить сползание к вселенской катастрофе.

Слово о. Александра проникало в сердца людей, потому что он наделен был пророческим даром, и это в первую голову дар видеть и открывать людям высшую правду. Пророк, в библейском смысле, — это не только человек, обладающий даром предвидения. Это — прежде всего посланник, вестник Царства Божия, провозвестник Истины.

И тут надо сказать, что самую большую опасность для России о. Александр видел не в атеизме, а в контрнаступлении язычества, которое все чаще выступает в «православной обертке», сбивая с толку миллионы людей, затуманивая их сознание, извращая веру. Это ведет к трансформации религии, исповедники которой все настойчивее прибегают к внешнему принуждению, опираются на фанатизм и насилие, вовлекаются в водоворот политических страстей и «интересов» отдельных, подчас экстремистских, общественных групп.

Русская Православная Церковь не избежала этой опасности. Десятилетия тоталитарного режима не прошли бесследно. Имперская, великодержавная идеология всё еще определяет сознание большинства клириков и многих верующих. Чувство национальной исключительности, национального превосходства является преобладающим. Обрядоверие, нетерпимость к инакомыслию, консервация отечественной старины получили самое широкое распространение.

Для Русской Православной Церкви в целом характерна закрытая модель христианства, основанная на традиционалистских ценностях, ксенофобии и шовинизме. Агрессивный национализм в православном обличье представляет собой новое язычество, антихристианское по своей сути.

Для охранительно-консервативной разновидности православия чрезвычайно характерно то, что можно назвать духовным и культурным нарциссизмом, — самоупоение, самообожение, идеализация себя и своего прошлого. Эти клерикальные круги, говорил о. Александр, «в восторге от себя». И он же за два дня до смерти, в интервью испанской журналистке, указал на новую реальность нашего времени: «Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной». Он говорил, что это очень опасная тенденция, потому что люди приходят в Церковь за проповедью добра, а встречаются с изоляционизмом, антисемитизмом и т.д. Он с горечью констатировал: «...Общество ожидало найти в нас какую-то поддержку, а поддержка получается для фашистов».

И действительно, многие священники стоят на крайне шовинистических позициях, а иные даже становятся идеологами нацизма. В свою очередь, экстремистские силы надеются получить от Церкви некую сакральную санкцию на проведение погромной, ксенофобной политики. Те и другие стремятся превратить православие в этническую религию, в элемент «национально-религиозной идеологии». Те и другие превращают христианство из религии любви в идеологию ненависти.

Борьба Александра Меня с фашизированным лжеправославием, его проповедь духовной свободы, бескомпромиссное отстаивание Христовой истины встретили ожесточенное сопротивление со стороны спецслужб, настроенного державно-националистически консервативного крыла Церкви, включая ряд ее иерархов, а также со стороны околоцерковных идеологов, стоящих на почве «православного» антисемитизма. Клевета, как и постоянная слежка, сопровождала о. Александра на протяжении десятилетий.

С 70-х годов «патриотическая» пресса начинает обвинять его в том, что он тайно служит иудаизму, стремится превратить православие в орудие сионизма, а к тому же хочет объединить православную Церковь с католической, которая будто бы погрязла в ересях. Со временем эти нападки становятся всё более частыми и всё более озлобленными. Из самой новодеревенской церкви, где служил о. Александр, в Патриархию текут доносы. Их авторы в унисон с профессиональными «патриотами» утверждают, что он превращает церковь в синагогу. В середине 80-х годов в официозной газете появляются инспирированные КГБ статьи, в которых о. Александра обвиняют в «попытке создания антисоветского подполья под прикрытием религии». Эта кампания проходит под аккомпанемент допросов, где из священника пытаются вытянуть признание в «антисоветской деятельности».

Между тем люди жадно тянутся к о. Александру, читают его книги, впитывают каждое его слово. С конца 80-х, когда отношение государства к Церкви изменилось, он стал выступать с лекциями в массовых аудиториях. Потом к ним прибавились радио и телевидение. В результате его услышали миллионы людей. Тысячи и десятки тысяч он обратил в христианство — не угрюмое и замкнутое, а радостное и открытое.

Поразительно, сколько успел сделать этот человек за свою короткую жизнь: написал множество книг и статей, утверждающих непреходящую новизну христианства; прочитал десятки, если не сотни, лекций; провел сотни домашних бесед; произнес тысячи глубоких и проникновенных проповедей; сделал слайд-фильмы о Христе и апостолах; перевел ряд книг христианских писателей; создал первые в России малые группы для изучения Библии, первые воскресные школы, первые группы милосердия в детских больницах; писал стихи и прозу; крестил тысячи людей.

И это лишь небольшая часть сделанного им. Причем темп его деятельности становился всё более ускоренным, время его как бы спрессовывалось. Летом 1990 г. он писал моей сестре: «Я погружен в свои обычные (для него обычные. — *В.И.*) труды, Вам известные: храм, писание, школа, воскресная школа, Библейское общество, издательские дела и пр. Теперь меня спокойно публикуют в разных органах — «Огонёк», «Наше наследие», «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Лат. Америка» и т.д., включая газеты. За всё слава Богу. От лекций отдыхаю до 1 сентября... Веду постоянные передачи по радио. Приходят сотни писем, даже из тюрем. Сам не пойму, как успеваю отвечать хотя бы на часть».

Однажды я спросил его: «Как Вы это выдерживаете? Где Вы берете силы?». Он ответил: «Силы мне дает Евхаристия. Без нее не выдержал бы. Она удесятеряет силы». Для тех, кто этого, быть может, не знает, поясню: Евхаристия — центральный момент христианского богослужения, таинство Благодарения, во время которого хлеб и вино прелагаются в Мистическую Кровь и Плоть Христа. Человек несокрушимой веры, о. Александр черпал силы именно в Евхаристии, глубоко переживая реальное присутствие Христа.

Незадолго до смерти он написал моей сестре: «Я воспринимаю это время как суд Божий. Теперь мы все узнаем, кто на что способен. Думаю, что сделать что-то можно лишь с помощью свыше. Обычных сил недостаточно».

И помощь свыше была ему дарована. Чувствуя, а может быть, и зная, что конец близок, он торопился, брал на себя всё больше и больше...

На похоронах о. Александра высокий человек в монашеской скуфье, с мутными глазами цвета бутылочного стекла, заявил с паперти новодеревенской церкви, что священника убили «свои». «Свои» — значит, евреи, сионисты. Получалось, что еврей Александр Мень — еще один «умученный от жидов». Монах (если это был монах) первым озвучил «сионистскую» версию преступления, с радостью подхваченную «патриотами».

Зачем «своим» убивать о. Александра? У «патриотов» наготове был ответ. А как же — они («свои») сразу достигали этим нескольких целей: убирали с дороги священника, «соблазнившего» сотни, если не тысячи, евреев принять христианскую веру и, стало быть, толкнувшего их на путь измены иудаизму; путая следы, они

бросали тень на истинных патриотов, которым наверняка будет приписано это преступление; они тем самым способствовали раздуванию антисемитизма в России, чтобы вызвать новую волну отъезда соплеменников на историческую родину.

«Сионистская» версия, представлявшая собой один из вариантов известного мифа о жидо-масонском заговоре, быстро приобрела популярность не только в «патриотической» среде, но и в... органах прокуратуры. Некоторые из ее следователей, с подачи Лубянки, строили свое дознание на том, что убийство — ответ на подрывную работу отца Александра внутри Русской Православной Церкви. Стратегической целью его, на полном серьезе утверждали эти пинкертоны, было разрушение православия путем создания внутри РПЦ особой «еврейской» церкви. Таким образом, «сионистская» версия, слегка модифицированная, была взята прокуратурой на вооружение.

Впрочем, основной все-таки оказалась не «сионистская», а уголовно-бытовая версия. Выдвинул ее немедленно после убийства и до всякого расследования тогдашний министр внутренних дел Баранников. Позднее ее повторили такие ответственные люди, как Степашин, Ильюшенко и Куликов. Суть ее сводилась к тому, что убийство никак не связано с политикой и было совершено то ли в целях ограбления, то ли на почве личной мести.

Я никогда не верил в эту версию. С самого начала я был убежден, что убийство носило религиозно-политический характер. Не раз я писал об этом, не раз говорил публично, в том числе и как свидетель по делу в генеральной прокуратуре. Я пришел к этому выводу чисто логически, зная, кем был о. Александр и кому он мешал. Я был уверен, что он, как некогда Джон Кеннеди, пал жертвой заговора, но не жидо-масонского, а вполне реального заговора с участием спецслужб. Только в случае с Кеннеди отсутствовал религиозный компонент, а здесь он играл важнейшую роль.

В печать просочилась информация, что первоначально военно-фашистский переворот планировался не на август 91-го, а на сентябрь 90-го года. Я исходил из того, что те, кто задумал эту акцию, давно уже не верили в коммунистическую идеологию и готовились заменить ее новой — «русской национальной», государственным православием на черносотенный манер. Александр Мень был главной духовной преградой на пути этих замыслов, поэтому устранить его надо было в первую очередь.

Однако в цепи моих рассуждений не доставало ключевого звена — фактического доказательства, что дело обстояло именно так. Неожиданно я нашел подтверждение своим мыслям. Как ни странно, оно содержалось в книге Александра Лебедя «За державу обидно...» (М., 1995). Генерал вовсе не ставил перед собой задачи раскрыть заговор. Более того, он вообще не упоминает в своей книге имени о. Александра. Но приведенные им факты говорят сами за себя.

Напомню, что о. Александр был убит ранним утром 9 сентября 1990 года. А. Лебедь, который тогда командовал Рязанской дивизией воздушно-десантных войск, пишет в своей книге: «Вечером 8 сентября 1990 года от командующего ВДВ генерал-полковника Ачалова я получил очередной смутный приказ: «Привести дивизию в состояние повышенной боевой готовности «по южному варианту»... Ничто нигде не было напряжено до такой степени, чтобы требовалось

наше присутствие...» (с. 343). «Южный вариант» означал бросок на Москву. Приказ вызвал тревогу, неуверенность и нервозность, потому что причины этой странной передислокации, как и задачи десантников, не объяснили даже комдиву. Нервозность, видимо, вызывалась и тем, что не так уж давно, в апреле 1989 г., произошел кровавый разгон митинга тбилисцев с помощью армии. Генерал пишет: «Неопределенность продолжалась до 20 часов 9 сентября. В 20 часов поступило распоряжение: двумя полками, Костромским и Рязанским, совершить марш и в 6.00 10-го сосредоточиться на парадной площадке аэродрома имени Фрунзе» (с. 344). Тогда же пришли в движение еще 4 дивизии ВДВ, которым была поставлена аналогичная задача.

Приказ был выполнен. Рязанская дивизия, на танках и бронетранспортерах, с полным набором боеприпасов, в 5.30 утра 10 сентября сосредоточилась на аэродроме. Передвижение войск такого масштаба невозможно было скрыть ни от общественности, ни от журналистов, ни от депутатов, которых тогда называли народными. Все задавали вопрос: «Зачем вы сюда прилетели?». Была создана депутатская комиссия для ответа на этот вопрос, а также и на другие вопросы: «Зачем автоматы, зачем бронежилеты, зачем каски, зачем танки?». Лебедь пишет, что вразумительного ответа на эти вопросы не было, а врать не хотелось. Пришлось тем не менее изворачиваться и что-то придумывать. Комиссия придумкам, естественно, не верила.

Лебедь описывает ситуацию не без комизма, пересыпая изложение фактов смачным армейским юмором. Но дело было вполне серьезным. Москва была в тревоге. Депутаты требовали разъяснений. В конце концов генерала вызвали в штаб ВДВ, к командующему. Вот как Лебедь описывает свой разговор с Ачаловым:

«Командующий был взвинчен и сильно нервничал:

— Значит так! Ты сюда прибыл для подготовки к параду. Полки-то у тебя парадные, понял?

— Понял! А куда мне 113 единиц рязанской брони девать? Куда боеприпасы? Сроду не бывало, чтоб на парадную площадку войска с боеприпасами выходили.

— Что ты мне дурацкие вопросы задаешь! Думай! Думай, как машины на парадной площадке спрятать, думай, куда боеприпасы девать. Решение доложить через три часа и ... лично!» (с.347).

Лебедь — человек сообразительный, и он сделал правильный вывод: поднять 5 дивизий командующий ВДВ самостоятельно не мог. Такой приказ мог отдать только министр обороны СССР Язов. Но Язов, пишет он, «был человеком дисциплинированным и осторожным. Значит, еще выше. Кто — можно было только догадываться. Министр и выше сразу были отсечены и никоим образом ко всему этому безобразию причастны быть не могли. А командующему ВДВ была поставлена задача: аргументированно и доказательно объяснить, чем это он и вверенные ему войска в субботу и воскресенье занимались и что вынудило его против всяких правил привести в повышенную боевую готовность кучу дивизий. Доказать научно это было нельзя, оставалось наукообразно» (с. 347).

Итак, заговор. Язов потом объяснил народным депутатам с трибуны съезда, что войска прибыли для того, чтобы помочь жителям Подмосковья убирать

картошку, почему Лебедь и назвал главу своей книги, где он всё это описывает, «Картошка в мундирах». Смешно... Депутаты проглотили идиотское объяснение, но о. Александр уже был убит. Заговор состоялся, но реализацию его остановили на начальной стадии, и Александр Мень был принесен в жертву. Уверен, что эта жертва сорвала переворот. А ведь в 1990 г. он имел все шансы на успех...

Убийц о. Александра следовало бы разделить на три категории: исполнители, организаторы и вдохновители. Исполнители — профессиональные убийцы, люди с опытом, уже имеющие на совести тяжкие преступления. Им хорошо заплатили и посулили если не отпущение грехов, то защиту от закона. Этих людей, очевидно, нет в живых: такие свидетели смертельно опасны, и от них избавляются сразу после «акции». Как ни парадоксально это прозвучит, исполнители менее всего виноваты в этом преступлении.

Организаторы — те, кто обладал огромной и бесконтрольной тайной властью, те, кто имел в своем распоряжении практически неограниченный запас киллеров и в любой момент мог использовать их для деликатных операций. Это люди циничные и не столько идеологизированные, сколько использующие идеологию в интересах собственной власти, которые они отождествляют с интересами государства. Эти люди и сейчас сохраняют свои связи и огромное влияние. У них достаточно сил и средств, чтобы надежно упрятать концы в воду, чтобы преступление, о котором мы говорим, никогда не было раскрыто. Вина этих людей необычайно тяжела.

И наконец, вдохновители (инспираторы, заказчики). Это те, кто принадлежал к высшей церковной иерархии. Говорю (и подчеркиваю это) лишь об отдельных князьях Церкви, зависевших от тайной государственной власти и в то же время оказывавших на нее немалое влияние. Эти люди, по сути, враждебны христианству, пронизанному духом истины, любви и свободы. Для них православие — русский этнографический заповедник, охраняемый государством, и, более того, религия ненависти к общему врагу — иноверцу, инородцу, инакомыслящему. Люди бездарные, они полны были лютой ненависти и зависти к о. Александру, одаренному свыше сверх всякой меры.

Эти люди убедили своих патронов, что о.Александр — «скрытый иудей», он представляет смертельную угрозу для России, для Русской Православной Церкви, для безопасности государства. Пока он будет жив, он будет мутить народ и угрожать священным интересам Державы. В подобном же духе они воспитали свою паству. Эти люди ведали, что творили. К ним в полной мере относятся слова Христа: «...Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы ему повесили мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Мф 18,6). Я не завидую участи этих людей.

Христианский святой — человек, всецело посвятивший себя служению Богу. О. Александр Мень отдал себя без остатка Богу и людям. Известный религиозный мыслитель Георгий Федотов однажды сказал: «Святые неизбежно становятся мучениками». Так и произошло с отцом Александром. Он был убит за Христа, за свою пламенную веру в Него.

Клевета сопровождает о. Александра и после смерти. Нападки на него становятся все более ожесточенными. Его книги, за редчайшими исключениями,

не продаются в церквах и монастырях, где его самовольно объявляют еретиком, а теперь уже и сжигаются, как это проделали недавно в Екатеринбурге по приказу (или по благословению?) местного епископа Никона. Реакция Патриархии была холодно-отстраненной, прикровенно-одобрительной. Это печальный знак. Это свидетельство глубокого духовного неблагополучия, точнее, глубокой духовной болезни, охватившей не только общество, но и Церковь.

О. Александр не раз напоминал, что Отцы Церкви, как и русские религиозные мыслители, «подчеркивали, что существуют две формы религиозности: «открытая», свободная, человечная, и «закрытая», мертвящая, унижающая человека. Вечным примером столкновения между ними является антитеза Евангелия и фарисейства». Он не разделял взгляда, по которому любая религиозность служит этическому возрождению. Нет, тот, кто заявляет о любви к Богу, а брата своего ненавидит, тот, по слову апостола, лжец. «... Служение истине и Богу невозможно без верности нравственным заветам, данным человеку».

О. Александра чрезвычайно беспокоила ситуация, сложившаяся у нас и в Церкви, и в обществе. Он понимал, что темные силы могут обуздываться только духовным началом, но если идеалы отсутствуют, никакая политика и никакая экономика не помогут. Он писал: «Одни лишь социальные перемены помогут не больше, чем манипуляции крыловского квартета». В правоте его слов мы убедились сегодня в полной мере.

«Мы живем в последствиях колоссальной исторической патологии ... которые и сейчас живут в душах людей», — его диагноз был точен. И это относится не только к России, но и ко всей современной цивилизации, потому что «мир стоит на распутье, дойдя до последней роковой черты ... мы должны знать, что если не пойдем верной дорогой, наше столетье может стать последним в истории. Не волен ли Творец начать ее сызнова?..».

Однако несмотря на грозные знаки Апокалипсиса, о. Александр был полон надежды. Он любил повторять слова Альберта Швейцера: «Мое знание пессимистично, но моя вера оптимистична». Он разделял этот оптимизм. Он говорил: «...Надежды мои чисто мистические, потому что я все равно верю в победу светлых сил. Я убежден, что сила зла базируется на нашей трусости и тупости, но то, что на протяжении эры беззаконий всегда находились стойкие люди, праведники, мученики ... — утешает, это залог того, что дух непобедим и черные призраки все равно рассеются рано или поздно».

В эти дни, когда нашу страну сотрясают социальные бури, как призыв, обращенный к нам, с необычайной силой звучат слова Александра Меня: «Сегодня, когда напряженность в обществе достигла точки почти критической, я не хотел бы давать людям никаких поводов полагать, что у меня есть иллюзии, — я человек без иллюзий, — но я верю, что Промысел Божий не даст нам погибнуть, и всех, у кого есть искра Божья в сердце, я призываю к тому, чтобы твердо стоять и не поддаваться ужасу и панике: мы пройдем через все эти полосы в конце концов, пройдем, я убежден».

У пророков — особая миссия. Они — люди своего времени и, вместе с тем, провозвестники Божии, чья проповедь выходит далеко за границы их страны, за рамки конкретной эпохи. Пророк не только предсказывает будущее — он

изменяет ход истории. Этого обычно не видят его современники, особенно соотечественники.

Так и случилось в нашей стране. «Нет пророка в своем отечестве» — эти слова Христа оправдывались множество раз. Оправдываются они и сегодня. Но за пределами нашего отечества нашлось немало людей, которые поняли, с кем мы имеем дело. Их свидетельством об отце Александре Мене я и хотел бы закончить этот краткий очерк.

«Пусть каждый прикоснувшийся к его светлой и мудрой душе возблагодарит Бога за то, что и в наше безвременье есть подобные ему свидетели Веры, Жизни, Правды — и Божией, и человеческой» (митрополит Сурожский Антоний).

«Он излучал необыкновенное духовное и интеллектуальное сияние. Он был Человеком Мира...

Это варварское убийство — трагедия для всей страны, которая более чем когда-либо за всю свою историю нуждается в Благой Вести и Евангелии.

Убийство человека, отдавшего жизнь Богу, — это бунт против Бога и рана, нанесенная собственному народу» (архиепископ Парижский кардинал Люстиже).

«Великий пророк, в котором была великая любовь к Иисусу. Мужественный человек, в котором, без сомнения, Бог был источником жизни.

Он глубоко тронул меня. Я хотел бы провести минуту в молчании, чтобы побыть в общении с отцом Александром Менем. Давайте побудем в общении с ним...

Господь посылает своих пророков, чтобы показать нам путь, чтобы направить наши жизни. Господь посылает своих пророков, и Его пророки возвращаются к Нему.

...Я думаю, что есть тайна в его жизни и есть тайна в его смерти. И теперь, когда он возвращается к Богу, происходит то, что каждый из нас, на своем малом пути, становится Александром Менем, каждый — на своем собственном пути...

И вот так совершается история христианства, от поколения к поколению: пророков убивают, и мы призываемся нести Весть до тех пор, пока и сами сможем отдать свои жизни. И поэтому важно, что — каждый из нас по-своему — мы становимся Александром Менем...

Конечно, мы не похожи на Александра Меня, но дух Иисуса, который был в Александре Мене, должен войти в нас, и тогда, каждый из нас, мы будем жить в Иисусе и для Иисуса...

Я призываю вас доверять, верить Богу, живущему в вашем сердце, слышать Его. По существу, это и есть Весть Александра Меня. Так он жил, и так призваны жить все мы — как ученики Иисуса» (Жан Ванье, христианский проповедник).

Отца Александра гнали при жизни. Его гонят после смерти. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» (Мф 3,11-12).

ИННОКЕНТИЙ
Епископ Читинский и Забайкальский

ПРЕЕМСТВО С ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИЕЙ — ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЗАДАЧА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА II КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ НА ПУТЯХ ПРАВОПРЕЕМСТВА», ПОСВЯЩЕННОЙ ТЕМЕ «КРИЗИС РОССИЙ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ» (15—16 апреля 1999 г.)

Многоуважаемые участники конференции! Братья и сестры!
Христос Воскресе!

То, что наша II конференция открылась на Светлой седмице Пасхальных торжеств, отнюдь не случайно. Равно как не случайно и то, что и I конференция по проблемам правопреемства в мае 1996 года начала работать в день памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, просветителей славянских народов. У Бога ничего случайного нет.

С именами святых Кирилла и Мефодия связана евангелизация народов, живущих на нашей земле, начало формирования национально-религиозного сознания. Пасха же Христова утверждает ту правду, изменить которую никто не в силах — торжество жизни над смертью, добра над злом, правды над ложью. Бог ведь поругаем не бывает, а потому, по словам псалмопевца, «всуе мятутся народы, замышляя тщетное».

Эту истину подтверждает вся история России, особенно ее последнее XX столетие. И сегодня на Пасху, когда вокруг мы видим столько трагичного, особенно актуально звучит вопрос: воскреснет ли Россия? И именно та Россия, о которой говорил наш великий праведник о.Иоанн Кронштадский, — «Россия новая, но... по старому образцу».

Как ни печален опыт последних лет государственного строительства, он дан нам Богом для осмысления исторических путей Государства Российского, общественно-духовной жизни его народа. Пришло время осознать себя, «прийти в себя», подобно евангельскому блудному сыну. Каждому в отдельности и всем вместе.

Жизнь отдельного человека связана не только с близкими ему людьми, кровным ему народом, но и со всем родом человеческим. Причем эта связь обращена как в прошлое, так и в будущее. Прошлое определяет будущее, детерминирует его. Дела родителей влияют на судьбу детей и внуков. Любое

деяние человека не бесследно, но имеет свой — видимый или невидимый — результат: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до III и IV рода, ненавидящих Меня, и творящих милость до 1000 родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20, 5-6).

Добро порождает добро, а зло — зло. Это истина, проверенная опытом тысячелетий. Зло, совершенное первым человеком Адамом, распространилось на всех его потомков, вплоть до сего дня, внеся в мир разделенность, страдания, несовершенство, искажение божественного начала в человеке, удаленность от Бога и, наконец, — смерть.

Воскресший Иисус Христос, поправ смертию смерть, вернул людям возможность доминирования добра над злом, способность побеждать зло, а возможность соединения со Христом открывает путь к восстановлению личной целостности и, в конечном итоге, — к бессмертию.

Зло всегда противостоит добру. Поэтому, не осудив зла, невозможно подлинно обратиться к добру и одержать победу. Эта победа достигается покаянием, т.е. изменением ума, своих воззрений на прошлую жизнь, искоренением в себе всего того, что лишает тебя целостности и единства качеств твоей души (ума, желания, воли), делающим человека подлинной личностью, созданной по образу и подобию Божьему. Зло и рожденный им грех убивают личность как богоподобную целостность. Покаяние возрождает личностное начало в человеке и божественный порядок в жизни народа.

Покаяние — это возненавидение зла, содеянного в прошлом и твердое желание впредь его не повторять. Таким образом, прожитая жизнь должна не только не ускользать из памяти, но и судиться совестью. Это верно не только для отдельного человека, но и для целого народа как коллективной личности, ибо жизнь народов подобна жизни отдельных людей.

Прошлое и здесь владеет будущим, влияет на настоящее, искажая его. Поэтому мы должны осознать прошлое, дать ему духовно-нравственную оценку, раскаяться в делах злых, греховных. Именно поэтому преемство с прошлым, восстановление органического субъективного единства нашей истории, нами воспринимаемой, осознаваемой и духовно переживаемой, есть основа возрождения России, преодоления углубляющегося кризиса нашего общества, не имеющего ясных общепризнанных целей своего развития, понятных духовных ориентиров.

С каждым днем и месяцем этот вопрос будет становиться всё более актуальным, основополагающим в нашей жизни. Ибо сама жизнь заставляет нас обратиться к своему прошлому, осознать его, чтобы создать себе твердую опору для движения по пути дальнейшего государственного строительства. А осознать в прошлом есть что. Честно всматриваясь в него, нельзя не видеть те преступления, за которые мы страдаем до сего дня.

Наше общество никогда не было идеальным. «Хорошо мы жили в старой России, но и грешно», — говорил один из эмигрантских мыслителей Федор Степун. И эта греховность всё сильнее проникала во все поры российского общества, расшатывая духовные его основы, заносила тлетворный яд в души людей. По воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), «влияние Церкви на народные массы всё слабело и слабело, авторитет духовенства падал...

Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва — холодным обрядом по привычке... вокруг всё стыло, деревенело».

И это «одеревенение» проявилось немедленно после 2 марта 1917 года. «Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды, — писал в «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин. — Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм — это предрассудок. Поставил самостоятельно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй офицер, что начальство было терроризировано и молчало. Но почему 2—3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни? Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов».

По данным военного духовенства, доля солдат православного вероисповедания, участвовавших в таинствах исповеди и причастия, сократилась после февраля 1917 года примерно в десять раз, а после октября 1917 года — еще в десять раз. То есть активно и сознательно верующим в русском обществе оказался к моменту революции один человек из ста. Хотя это были тысячи и тысячи верных Богу людей. Именно из их числа Господь воздвиг целый сонм новомучеников и исповедников российских.

Однако есть множество свидетельств широкой распространенности в русском обществе эпохи революции не просто равнодушия, а ненависти к вере и Церкви. Эта ненависть не насаждалась большевиками — она была разлита в обществе, и большевики победили и вошли в силу потому, что их воззрения, методы и цели были вполне созвучны настроениям большинства русских людей.

Уже в январе 1918 года патриарх Тихон говорит о «жесточайших гонениях, воздвигнутых на Святую Церковь Христову». «Благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел из орудий смертоносных, или ограблению и кощунственному осквернению, чтимые верующим народом обители захватываются безбожными властителями тьмы века сего...» Ясно, что без поддержки народа только что захватившие власть в России большевики не могли бы чинить по всей стране подобные насилия над верой и Церковью, — насилия, вскоре достигшие масштабов поистине апокалиптических.

Почему после тысячелетия христианской проповеди на Руси, после веков существования православного царства остался наш народ «темным и невежественным»? Не есть ли эта темнота и невежество обвинение тем, кому Самим Создателем было сказано: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам« (Мф. 28, 19-20)? Да и для тех, кто согласился быть и именоваться законом «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры (православной)», «блюстите-

лем правоверия и всякого в Церкви святого благочиния» (Основные Государственные Законы, ст. 64), — не является ли для них, Самодержцев Всероссийских, эта темнота и невежество народные в вопросах веры и нравственности тяжким обвинительным приговором? Не клялись ли они во время священного обряда коронования в Великой Успенской церкви Кремля Москвы править «к пользе врученных им людей и к славе Божией, яко да и в день суда Его непостыдно воздать Ему слово»? Не падают ли убийства, насилия и грабежи, совершенные в годы революции «темным и невежественным» русским народом, на головы тех, кто ленится класть душу свою за овец, кто много раньше большевиков так часто давал народу камень вместо хлеба и змею вместо рыбы или не давал вовсе ничего, ни хорошего, ни дурного, всецело поглощенный своими заботами?

Боюсь, что неисчислимые страдания, лишения и ужасные смерти множества представителей высших сословий в годы революционного лихолетья — расплата за века их нерадения о долге правителей и пастырей. Не большевики за считанные дни своей власти развратили народ, но те, кто *так* правили им тысячелетие, хотя, конечно, и среди них были истинно благочестивые правители.

Да и сам народ — он отнюдь не только жертва дурного правления. В старой России, как и в любом сообществе, можно было найти и дурные и добрые примеры, и нравственные и безнравственные. До революции можно было «бывать в Оптиной», и немало иных светильников веры и благочестия были разбросаны по Руси, и немало людей ходили в их свете. Наконец, закон совести написан на «плотяных скрижалях сердца». Сколь бы темен и невежествен ни был человек, он твердо знает в совести своей, что хулить святыню, грабить, убивать, насильничать — это зло. И когда человек встает на путь грабежа, хулы, насилия, убийства, он с необходимостью выжигает в себе совесть, убивает Слово Божие, от рождения в нем пребывающее.

Многие не только отвергли Церковь и Бога, но и фактически восстали против своего Творца. Такого мир еще не знал. А раз так, то всё должно было произойти — и произошло — по известной формуле Ф.М. Достоевского: «Раз Бога нет, то всё дозволено». Были совершены такие злодеяния, от которых содрогается сознание до сих пор. Полное попрание всех заповедей Господних. Настоящая война со своим Творцом, Богом Вседержителем. До нас никто еще не решался на такое безумие, да не единомоментно, а в течение десятилетий. Такое святотатство не осталось у Бога ненаказанным: народ России понес великое наказание за свои тяжкие грехи. Реки крови пролились на нашей земле: «оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его» (Иов. 4, 8).

Страшные жертвы в послереволюционные годы, годы репрессий, в Великую Отечественную войну, казалось бы, должны были пробудить сознание народа. Однако нет, этого не произошло в массе его, более того, он не воспротивился еще одному всплеску богоборчества и церковных гонений на рубеже 50—60-х годов. Духовно-нравственное разложение захватывало всё новые поколения, хотя милость Божия никогда не оставляла народ России. И тогда Господь возводил людей из царства тьмы, а так называемая «перестройка» стала подлинным даром от Бога. Однако воспользовались свободой не во благо в большинстве своем, а обратили свободу во зло себе и ближнему своему. И буквально за короткий срок увидели свое подлинное духовное состояние, всю степень своей прогрессирую-

щей моральной деградации. Как в зеркале увидели мы свое духовное отражение. И это дает нам возможность не только очнуться от духовного сна, но и прийти в себя, осознать свое прошлое, свои грехи, принести покаяние. Без этого не будет никакого успеха в делах государственных и общественных. Результаты последних лет закономерны, иного и не могло быть.

Покаяние народа не во всем подобно покаянию человека. Это не церковное таинство, но общественно-политический акт при участии Церкви. Он должен осуществляться в праве, образовании, в идеологии, в политике и экономике, во всех сферах общественной жизни. Покаяние в прошлых наших делах совершенно нам необходимо. Нельзя игнорировать прошлое, оно мстит за себя. Разве мы не видим это сегодня?

Общественное покаяние — это и осознание наших прошлых грехов, и исправление их в мыслях, словах, делах. Зло и должно быть названо злом, а добро должно быть наименовано добром. Злые деяния, злые символы не должны быть преданы забвению. О былом грехе надо сохранить память, иначе он вернется вновь, но помнить о нем надо именно как о грехе, как о нашем национальном позоре.

Добро же и те, кто боролся за добро и правду, за закон и честь, не могут остаться в забвении, ибо когда мы забываем о своих благодетелях и заступниках, мы проявляем не только неблагодарность, но и губим собственные души.

Вот потому-то и необходимо нашей России осуществление на деле преемства с прошлым, духовно-нравственная оценка его. Настоящее необходимо строить не на фундаменте безбожия, беззакония, крови и лжи, а на незыблемых основах Истины и Правды Божией, с которых в безумии и слепоте когда-то сошли мы и на которые пока никак не можем возвратиться. Вот поистине историческая духовно-нравственная задача нашего времени.

Григорий ПОМЕРАНЦ

В ПОИСКАХ СВОБОДЫ

Я ровесник Октября. Правда, даты немного не сошлись, на четыре месяца. Мне не было восемнадцати, когда всем первокурсникам велели идти на карнавал ровесников Октября и в положенном месте бросать конфетти, чтобы товарищ Сталин видел, как мы ликуем. Я не понял великого замысла и стал бросать конфетти раньше времени. Старший товарищ, руководивший колонной, был очень недоволен и предложил комсомольской группе обсудить мое недисциплинированное поведение. Никакое «я», даже ликуя, не должно было выходить из строя.

Комсомольская группа, состоявшая из таких же несознательных юнцов, подняла предложение насмех. Но задним числом признаюсь, что руководящий товарищ был прав. Идеологически я вышел из строя еще годом раньше. Меня увлек «эготизм» Стендаля. По-видимому, как противовес всему, чем нас перекармливали. Интуитивное чувство равновесия подсказывало, что нельзя всё время жить сознанием «мы», «мы», «мы». Что целостность личности требует иногда упора на «я», на свое мнение, на свой нестандартный поступок. И чем сильнее было давление «мы», тем больше внутреннее сопротивление, бунт «я». Избыток закона — говоря словами апостола Павла — порождал преступления против этого закона...

Идеал «Мы» (с прописной!) и практика «мы» (со строчной!) решительно противоречили друг другу. С одной стороны, в «Капитале» Маркса, т. III (на старших курсах я его читал) — «бесконечное развитие богатства человеческой природы как самоцель», а с другой — советское «мы», в котором «я — последняя буква алфавита» и «личное — это лишнее». Против прокрустова «мы» я не мог не бунтовать и уперся в противоположность, в пустые провалы абстрактного «я» (оторванного от «мы» и «ты»), в жуткое чувство демокритовского атома, вокруг которого пустота. До крайности обособленность не доходила, но я вполне понимал ее, сочувствовал подпольному человеку Достоевского и подобным характерам в литературе. Наши обособленные «я» были охвачены страхом за свою

Григорий ПОМЕРАНЦ — родился в 1918 году в Вильне (ныне Вильнюс). Окончил ИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны. Автор книг «Неопубликованное» (Мюнхен, 1972), «Сны земли» (Париж, 1985), «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М., 1990), «Собирание себя» (М., 1993), «Выход из транса» (М., 1995), «Записки гадкого утенка» (М., 1998), «Страстная односторонность и бесстрастие духа» (М.,1998). Живет в Москве.

независимость и не способны к любви. Каждый другой, подойдя слишком близко, начинал мешать.

Меня вывела из тупика война и лагерь. Тень смерти, нависшая в июне 1941-го, освободила от страха повредить своему духовному росту, связавшись с обыкновенной женщиной, не способной до конца меня понять. Я вдруг перестал носиться с этими своими великими возможностями. Они просто исчезали, если я с войны не вернусь. И я вжился в роль простого солдата. Я стал таким, как все. Мне захотелось, чтобы кто-то ждал меня, чтобы остался сын или хоть память, хоть вздох обо мне. И почти сразу же я влюбился. Этот военный роман мало отличался ото всех других военных романов. Но война приглушила кипение ума, и сердце вышло на первое место. Так шла жизнь. И сама жизнь подготовила к пониманию «ума сердца» у героев Толстого и «главного ума», как это назвала Аглая, думая о князе Мышкине. Определить такой особый ум трудно, и я просто ссылаюсь на романы, в которых он описан. Самый простой пример — Пьер в плену.

Практика опередила теорию. Я жил простой жизнью, радовался солнечному лучу, треску печки в блиндаже, лесной малине в Беловежской пуще — и незаметно учился смирению ума и братству сердца с другими смертниками, жившими, как и я, сегодняшним днем (завтрашнего могло не быть).

Фронтовое «мы» оживило советское «мы», и подстерегла ловушка массового изгнания, даже в партию я вступил, когда мне предложили, не сумел отказаться и уговорил себя, что так надо, что война всё свела к одному знаменателю, что после войны террор сам по себе отпадет — некого будет бояться — и т.п. Эти слова мало чего стоили, но под ними было чувство, общее чувство победы над страхом смерти. Я помню глаза солдат после атаки: они напоминали глаза влюбленных. Вряд ли один из ста знал наизусть «Гимн чуме», но они чувствовали, как Вальсингаси:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
Бессмертья, может быть, залог...

Это глубоко сближало. И вдруг те же солдаты, офицеры и генералы поголовно насилуют немок от 15 до 60 лет. Что-то сразу оборвалось. Я сразу потерял свое «мы». Я стал чужим. Чуждость вылезла наружу скандалом, когда невтерпеж захотелось добиться демобилизации. И три года после исключения из партии за антипартийные заявления и до ареста я был чужим в целом мире. К несчастью, в Бога я тогда еще не верил, мне остро нужно было здешнее, посюстороннее «мы», дополнявшее «я»; резко сузившийся круг друзей не заполнял дыры, изо всех щелей лезла пустота. Только в камере № 16 на Малой Лубянке я попал к своим — таким же, как я, изгоям.

Лагерные годы были легче этих трех лет до лагеря, несмотря на многие трудности. Например, не было рядом женщины. Зато было прочное антисоветское «мы», заменившее фронтовое «мы». В какой-то мере это опять был фронт. Я попал в плен и надеялся, что меня освободят, что мы вернемся в Москву под голубыми знаменами Объединенных Наций.

Лагерь дополнил мое воспитание. Помню два самых важных случая. Первый — еще в самом начале. Меня не вывели после карантина на лесозавод, а велели собирать ножи, выброшенные во время обысков в запретную зону. Я ползал по запретке, собирая заточенные кусочки ножевочного полотна, и вдруг почувствовал сразу две вещи: что я раб, самый обыкновенный раб, как в древности, и что для моей внутренней свободы это ничего не значит. Как для Эпиктета. Как для Баратынского, вспомнившего этого раба:

...уделом нашим решено,
Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучше дал совет —
Иль Эпикур, иль Эпиктет.

Второй урок заключался в том, что просто я вдруг понял, как нелепо считать свой ум чем-то исключительным. Он просто *другой*. Просто *мой*. И я оставил своих друзей с нерешенным спором, кто умнее, а себе твердо взял второе место. Это было довольно болезненной операцией, — словно занозу из сердца вырвал. Но открылись ворота для поисков настоящего «Мы», настоящего «Мы» — а с ними вместе и настоящего «Я» (все три с прописной). И сегодня я понимаю, что есть какое-то Я-Ты-Мы любви (в самом широком понимании слова «любовь»), которое умнее, глубже каждого из нас и сливается с Божьей любовью.

Я чувствую «Я», «Ты», «Мы» не отдельными предметами, а разными углами одного Целого. «Я» неповторимо, неотделимо от меня, я есть Я, и в то же время Я тоскует по своему Ты, по своему Мы, пока не найдет их, и находит самого себя в диалоге с ними. Когда радость не в реплике, уже давно готовой и ждущей только случая высказаться, а в чем-то новом, рождающемся от нашего Я-Ты-Мы и нашедшем язык в моем «Я» — в этот самый миг, а не в запасах памяти. Оторвавшееся, обособившееся «Ты» отнимает воздух, которым я дышу (это тот, «другой», о котором писал Сартр); оторвавшееся, обособившееся «Мы» — прокрустово ложе, в которое меня с юности пытались втиснуть. А живая жизнь — только в неразделенности Я, Ты, Мы, в неразделенности временных входов в вечное царство Целого.

Я несколько раз находил и снова терял эти временные входы. «Мы» рушилось, рассыпалось, как фронтовое братство, как единство лагерной интеллигенции, как единство демократов после августа 1991 года. Мое Ты отымала смерть Иры Муравьевой, и я умирал вместе с ней. Но сквозь все потери пробилось чувство Бога, в Котором Я, Ты, Мы сходились воочию, как ипостаси в Троице Рублева. Боль могла быть смертельной, но потерянным, как в 1946 году, я себя больше никогда не чувствовал. Я мог жить с Мы космическим и духовным. И сейчас могу. Но когда рушится социальное «мы» — это все-таки потеря. Я ее чувствую. И я понимаю нынешнее чувство затерянности. Хотя не дохожу до ностальгии по сталинским сапогам.

То, что было потеряно, — не только скудная, бедная, но как-то налаженная жизнь, с какой-то уверенностью в завтрашнем дне, скудном, бедном, но сносном. Еще важнее — другое: потеряно земное «мы». «Я» осталось углом, уходящим в пустоту.

Человек, сказал Джон Донн, — это не остров, это часть суши, часть великого континента. И если откололась часть материка, то это и твоя потеря. А потому не спрашиваю, по ком звонит колокол: он звонит по тебе. Так звонит колокол по большой России, по Российской империи — и по ее продолжению в советской империи. Средний человек не думает так глубоко, как Донн, но он чувствует, что потерял свое «мы». Его «я», потеряв привычное «мы», неполноценно. И потому крах Советского Союза надорвал что-то в его жизни.

За долгие годы понятие «русский» сплелось, смешалось с понятием «советский». Это произошло не только в официальном сознании. Сложилось какое-то советско-русское «мы». Оно было довольно нелепым. Мы смеялись над ним, пародировали его:

Хорошо, что наш Гагарин
Не еврей и не татарин,
Не грузин и не узбек,
А наш советский человек...

И вдруг всем стало больно, что советско-русское «мы» распалось. Я предвидел распад Советского Союза примерно лет за двадцать. Я с самого начала перестройки говорил, что необходимо перейти от империи, замаскированной в союз, к действительному союзу — вроде ЕЭС. Но когда держава просто распалась на куски, — было чувство потери.

Огромность, неизмеримость входила в само понятие, в сам образ России. Можно было подчеркивать, что Россия — это целый мир, можно было оспаривать это, но в какой-то мере это просто чувствовалось. Сколько ни скачи, ни до какого другого государства не доскачешь... И вдруг — границы перерезали Россию на куски. Правда, осталась огромная Сибирь. Но ведь большинство русских живет не в Сибири.

Особенно тяжело это пережили те, кто остались вне России. Мой друг, большой русский поэт Борис Чичибабин, харьковчанин, выразил боль многих людей в стихотворении «Плач по утраченной родине». Там есть такие строки:

Я с родины не уезжал,
Зачем ее лишен?

Кажется, в этих стихах я впервые заново почувствовал слово «родина» без советских пятен. Я тосковал по нему в юности, читая Толстого, и думал: почему эти хорошие слова — родина, народ — почти запрещены? Через несколько лет я почувствовал отвращение к ним: идеологическая машина повернула, и «родина» с «народом» повалили в таком количестве и так безвкусно, что одно прикосновение к ним вызывало оскомину. Даже много лет спустя я не мог отвлечься от запаха жирных сталинских пальцев на «Родине», на «нашей советской Родине». Только потеряв эту Родину, я смог написать «надгробное слово империи» (aut bene, aut nihil). Только читая Чичибабина, я перестаю быть космополитом.

Стихотворение его вызвало горячий отклик и в Москве. Мы остались в России. Но наша Россия — обрубок исторической России. И мы чувствуем боль перерубов. Можно перечеркивать советский опыт, как дурной сон. Но ведь Россия и до 1917 года была империей, неделимым простором от Черного до

Белого моря. И Крым, и Кавказ, и Одесса были нашими. Там бывал Пушкин, и его следы незримо остались на улицах с новыми надписями.

«Я» и «Мы» связаны, как говорят богословы, «неслиянно и нераздельно». Когда империя рухнула, мы почувствовали, что с ней рухнула часть нашего бытия. Это та реальная почва, в которую бросают свои семена демагоги. Это основа неразберихи, в которой неожиданно всплывают имперские амбиции — то из-за Черноморского флота, то из-за Крыма, то из-за Сербии, за которую старая Россия когда-то воевала...

Все семьдесят дней бомбардировки Югославии меня не оставляло чувство соли, сыплющейся на русскую рану. Я впервые всерьез испугался того, что Джеймс Биллингтон назвал возможностью второго — русского — Милошевича. Не знаю, где была опубликована статья г-на Биллингтона* в Норвегии. Мне передал машинописную копию наш общий друг Ленф Ховельсен. Но, по-видимому, некоторый отклик она вызвала. К сожалению, только на словах, пустых словах об уважении к России. Мало кто понимает, что русская смута «»time of froubles», переводит это слово Биллингтон) обычно кончалась новым периодом силы, и не дай Бог, если случится черное чудо, и сила, объединившая страну, будет от духа тьмы.

Я понимаю своих западных друзей, захваченных борьбой за права человека, против этнических чисток. И я за это боролся и использовал западные средства массовой информации («фальшивые голоса», как тогда писали), чтобы мои слова дошли до слушателей. Но публикация за рубежом не нарушает международного права. А на Балканах столкнулись **два** принципа: новый международный принцип прав человека и старый, но никем не отмененный принцип неприкосновенности государственных границ. В теории права это называется конфликтом законов. Один закон приказывает действовать, другой запрещает. Действие преступно, бездействие также преступно.

Когда принципы столкнулись, решают обстоятельства. Профессор Зубов вспомнил, что нечто подобное уже было в 1877—1878 гг. Роль НАТО тогда играл русский царь, объявив войну Турции в защиту сербов и болгар. Англия подчеркивала нерушимость государственных границ Турции (то есть играла роль нынешней России по отношению к Югославии). Но политики никогда не воюют из-за одних принципов. Традиционной целью русской политики был контроль над Босфором и Дарданеллами; традиционной целью Англии — не допустить этого; когда речь шла о Египте, суверенитет Турции англичан не волновал. И я не думаю, что Билл Клинтон более искренен в своей защите прав человека, чем в показаниях по делу Моники Левински. Просто обстоятельства изменились. В 1878 году европейские державы (и европейское общественное мнение) поддержали Турцию, и на Берлинском конгрессе России пришлось отступить. Сегодня Запад счел для себя выгодным поддерживать албанских сепаратистов, а не курдских; и Россия снова осталась в одиночестве.

Наша собственная позиция тоже изменилась — всего за десять лет, когда изменились наши обстоятельства. Мы не поддержали Милошевича против Хор-

* Название его должности — «библиотекарь Конгресса». Видимо, директор библиотеки.

ватии и Словении. Мы все, демократы, были против Сербии, против применения силы для защиты имперского «мы», где бы это ни происходило: в Вильнюсе, Тбилиси или на Балканах. Сочувствие Сербии ограничивалось узким кругом читателей газеты «Завтра». Хотя я не уверен, что так же было в народных низах.

Идея прав человека, прав личности, прав меньшинств, акцент на самосознании личности, «я» — в России менее народны, чем на Западе. Это отразилось даже в языке. Петер Вече обратил мое внимание на то, как мы отвечаем на вопрос об имени: «меня зовут...» Любой европеец отвечает иначе: «я зовусь». Наш оборот речи предполагает какое-то первичное «мы», предшествующее «я». Еще отчетливее это «мы» выплывает в архаической крестьянской речи, в идентификации со своей малой родиной: «мы псковские». Горожанин был сам по себе: «я пскович», «я новгородец», а крестьяне до самого XX века сознавали себя *принадлежащими* — Пскову, Новгороду, Рязани, Вятке. И этноним «русский» — такое же имя прилагательное, обозначение *принадлежности* Руси.

Все прочие этнонимы — даже пренебрежительные, бранные — имена существительные. Только русский себя определяет *принадлежностью* великой империи, со смирением — и гордостью. Ибо границы империи никогда не могут быть окончательно установлены, они расползаются бесконечно; практически до тех пор, пока империя, захватив слишком много, не начинает разваливаться:

Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы.
А где предел ему и где его границы?

В стихотворении «Русская география» границы переносятся на Ефрат и Ганг. Пушкин до этого не доходил. Но «славянские ручьи» и для него должны были «слиться в русское море». Потребность принадлежать великому имперскому «мы» не умерла. Она заставляет голосовать за объединение с Белоруссией, выдвигает проект русско-белорусско-сербского государства; хотя с прагматической точки зрения я никаких русских выгод на Балканах не вижу. Выгода здесь подпольная (в смысле «Записок из подполья» Достоевского), в возможности утвердить себя, свое самостоятельное хотение, так же как для НАТО балканская война была возможностью утвердить себя, компенсировать себя за провал американской высадки в Сомали, за импотентность в Тибете, Курдистане, Руанде. А если говорить о господине Клинтоне — и за униженную позу при обсуждении «персонального дела».

Не могу сказать **что** меня больше тревожило и мучило: спокойно рассчитанные действия НАТО или буйство русской толпы у американского посольства. Я решительно отказываюсь делить народы Балкан на хорошие и плохие. Они все не соответствуют европейскому стандарту; они все еще наполовину живут в Османской империи, где погром и резня входили в норму; и отвращение к Милошевичу борется во мне с жалостью к нынешней Сербии, потерявшей все свои владения и цепляющейся за Косово, как (в метафоре Маяковского) калека бережет свою единственную ногу. Какая-то во всем этом есть перекличка с российским цеплянием за Чечню — после гордо провозглашенной независимости от Украины, Закавказья и Средней Азии.

Сегодня, когда подведены итоги бомбежек, очень высветилось лицемерие «мальчиков в штанах», выпоровших неприличного, нехорошего «мальчика без штанов». Для примерного наказания избрана была страна, достаточно слабая, изолированная — и в то же время централизованная, способная на капитуляцию (не то что Сомали, у которой и шиворота не было, за который можно схватиться). Страна достаточно цивилизованная, чтобы зависеть от электростанций, нефтеперегонных заводов и т.п. объектов, которые удобно разбомбить с комфортабельной высоты в 5000 метров, без риска собственных потерь. Возникает аналогия с дипломатией канонерок: подъезжает корабль, стреляет из пушек по туземцам, у которых пушек нет, и открываются ворота для европейской торговли, религии и нравственных принципов. Никакого донкихотства. Никакой готовности душу положить за други своя. Большой прогресс с точки зрения техники и такой же регресс в смысле рыцарства.

Когда трое американских солдат попали в плен, вся Америка стояла на ушах; а гибель сотен людей из-за неточности бомбежек принималась с глубоким равнодушием. Этот контраст отметил мой недавно умерший друг, Александр Штромас, в последнем своем интервью, данном американской русскоязычной газете.

Бросается в глаза четкое деление людей на первый сорт, состоящий из личностей, и второй сорт, где решает статистика и гибель нескольких сотен не меняет общего числа. Выплыло из прошлого «бремя белого человека», и «мальчики в штанах» торжественно возложили его на плечи. А официальная Россия изо всех сил пытается показать, что она тоже в брюках, тоже белая и способна поспорить с НАТО, целых три дня, прежде чем согласиться на условия победителей.

Бог с ней, с *этой* Россией. Меня больше занимает другая, чувствующая себя страной туземцев, которых завтра тоже допустимо побомбить. Россия физически и духовно расслаблена. Как империя — она только обрубок. Как нация Европы — неполноценна, не научилась жить по-европейски, и постепенно сознает, что научиться этому очень не просто, а за короткое время — просто совсем невозможно. Тут масса проблем, трудных даже для гения, если он, дай Бог, явится, а для обыкновенного ума — неразрешимых. И кто знает, куда эти обыкновенные умы может занести.

Такой трудной оказалась свобода. А казалось — такой простой! Я вспоминаю новый 1953-й год. Нас было четверо, из разных бараков. Заходили сперва к одному, потом к другому, садились на нары, читали стихи — и пили за то, чтобы Карфаген рухнул. Потом выходили пройтись по морозцу (бутылку — в сугроб) и шли в следующий барак. Процедура повторялась четыре раза, с тем же тостом (по-латыни, чтобы соседи не поняли). Это было итогом всех наших споров — как жить. Карфаген должен быть разрушен! Дальше видно будет.

«Дальше» наступило нескоро, и было время подумать, в какой мир мы вступили, какие проблемы обрушатся на нас, когда мы подымем железный занавес, в какой хаос мы погрузимся, когда вдруг всё *это* рухнет. Но странное дело! Мы очень мало об этом думали. Жизнь за железным занавесом не мешала углублять внутреннюю свободу; но что касается внешнего, то оно сводилось к

одному: выйти на волю. А там будем жить, как все. В 1956 году в Венгрии появились рабочие советы, и русские рабочие в Грозном, требовавшие изъять город из Чечено-Ингушской АССР, избрали рабочий совет; я тут же готов был сделать это своим политическим лозунгом. Потом стали поглядывать на буржуазный Запад. Юрий Карабчиевский, посмотрев фильм «Покаяние», не мог понять: зачем покаяние? Зачем дорога в храм? Нужны только две, давно изобретенные вещи: многопартийность и рынок. В «Искусстве кино» его статья была напечатана вместе со статьей Зинаиды Миркиной, отстаивавшей пафос фильма. Андрей Нуйкин нашел дискуссию интересной и опубликовал ее на Западе. В предисловии он признался, что точка зрения Карабчиевского ему ближе. Это очень характерно для начала реформ. То, что возрождение Германии началось с глубокого и серьезного покаяния, как-то ускользнуло от глаз. «Социальное рыночное хозяйство» казалось чем-то простым, как пользование вилкой и ложкой за обедом.

Где-то около 1960 года рухнула вера в революцию и прекратились попытки создать конспиративные организации для антибольшевистского переворота. По крайней мере, в Москве прекратились (в провинции они возникали еще несколько лет). Взамен утвердилась вера в стихийный процесс перемен. И казалось, что сама жизнь ее поддерживает. В 50-е годы жизнь капризничала, шла зигзагами, с возвращениями вспять, к разгрому Будапешта (1956), к делу Пастернака (1958). Но постепенно направление ветра определилось. Одним из образов перемены стали похороны Пастернака, как будто бестолковые, неорганизованные. Гроб очень долго не могли правильно уложить в могилу, потом уложили — и мялись, не находили, что делать дальше. И вдруг зазвучали стихи. Никто не сговаривался с В.В. Ивановым, чтобы он «выступил». Просто встал и прочел. Я вздрогнул и кажется все сразу поняли, что это сигнал. Шпики, очень заметно торчавшие в интеллигентской толпе, переглядывались — не знали, что делать. Наверное, горло пересохло, жарко, хотелось выпить пива; но прямого указания запретить чтение стихов не было. А стихи лились и лились, до самого вечера, и с каждым часом делалось яснее, что произошло событие, произошла подвижка льда.

Началось освобождение от страха. Повеяло возможностью расправить мышцы, застывшие на прокрустовом ложе, расправить ум. Начался «литературный процесс», как назвал это Синявский. Появилась статья, ее дружно ругали, но тут же появлялась другая статья, или рассказ, или роман. Коллективным лидером процесса стал «Новый мир». Я не входил в этот коллектив, но когда Семичастный (шеф КГБ) хотел меня посадить, Твардовский принял текст речи о нравственном облике Сталина «в портфель» журнала и прикрыл своим авторитетом члена ЦК (еще не переизбранного, хрущевского).

При Хрущеве разрушение системы шло сверху. Когда был опубликован «Один день» Солженицына, секретарь ЦК стал лидером освободительного движения. Гротескным, нелепым, опровергающим самого себя, — но в его руках были рычаги власти. Ему хотелось пожить, попользоваться насчет клубнички, выпить семнадцать фужеров шампанского подряд (был такой случай) — и не хотелось ядерной смерти, даже с надеждой на мировое господство. В терминал эссе «Квадрильон» царство дракона уступило место царству рыл. Время от времени

рыла кого-то топтали своими копытами, но ужаса они не вызывали. Пахло скорее навозом, чем кровью. Оцепенение, вызванное террором, сменилось смехом.

Начались капустники. Покойный Виталий Рубин занес в библиотеку, где мы работали, чью-то частушку:

Мы с Пал Палычем вдвоем
Обнаглели и поем...

И в нашей библиотеке тоже пошли капустники. Одним из лучших был «Террор в ФБОН». Я играл роль подследственного, а следователя обучил всем лубянским словечкам. Рассматривалось дело о песнях «Окуджана».

Границы дозволенного быстро расширялись. Из спецхрана поступали в читальные залы сотни иностранных книг. Тут же в самиздат пошли русские переводы. Вылезли из шкафов и пошли по рукам перекупщиков дореволюционные издания русских философов. Всё лучшее, что родилось подо льдом драконов царства (стихи Ахматовой, Мандельштама), перепечатывалось на машинках и заучивалось наизусть. Установились связи самиздата с тамиздатом и с «фальшивыми голосами». Синявского посадили за то, что он печатался под псевдонимом; после этого урока мы стали печататься под собственными фамилиями.

Правда, только узкий круг читал «Вестник РХД», «Континент», «Страну и мир», «Синтаксис». Но была одна форма подпольной культуры, которая стала народной: авторская песня. Ее подготовила лагерная песня, перелицовка Толстого и Шекспира (пародии на советское понимание классики), пародии на официальные объяснения политических сдвигов. Но она не была ни тем, ни другим, ни третьим. Она стала чем-то новым.

Авторская песня соединила тоску одиночки с политическим памфлетом. Она нашла новый язык и новый способ распространения, ускользавший от юридической практики. Она установила личную унию с театром и кино. Ее невозможно было полностью запретить. Из этого источника до сих пор пьет современная песня.

Устарела публицистика шестидесятых годов. И не только потому, что она половинчата. Все реформаторы половинчаты сравнительно с революционерами. Устарело всё это потому, что путь реформы был перекрыт. История не знает сослагательного наклонения. В России не случилось «если бы». Литературный процесс не понадобилось давить танками. ЦК цыкнуло, ЧК чикнуло — и система застыла.

Я помню страстность, с которой Ирина Роднянская осенью 1968 года доказывала мне, что иначе и не могло быть, что социализм с человеческим лицом невозможен, что самые основы коммунизма порочны. Метафизически всё это верно. Однако вряд ли китайский коммунист менее демоничен, чем русский; это не помешало серьезным экономическим реформам, которые очень пригодились бы и нам, хотя бы как исходный пункт для более основательных преобразований. Но наш коммунизм, выпотрошенный Сталиным, не был способен на повороты. Он потерял последние остатки гибкости и в конце концов просто рухнул, потянув за собой всякий порядок — и имперский, и областной, и уличный.

Годы застоя не были духовно пустыми. Шло возвращение к дореволюционной традиции. «Философская энциклопедия», где-то между III и IV томом, круто

изменила свой характер. Статья «Католицизм» еще штампованно советская; статьи «Православие», «Христианство» и т.п. писал Сергей Аверинцев. Это было своего рода «идеологической диверсией», и стоит вспомнить имена диверсантов: Гальцева, Роднянская, Попов. Мне рассказывали, что Попов возил на подпись академику Константинову одни тексты, а печатал другие. Благодаря лени сталинского кадра всё сошло с рук, но в социальной системе чтение хороших статей ничего не изменило.

Советская система не позволила сложиться ни политической оппозиции (как польская «Солидарность»), ни экономической (как частный сектор в Китае). Она подавила все движения, способные стать ее наследниками, кроме одного: во имя грабежа безо всякой чести и совести. Воровство неслыханно распространилось, стало бытом: как туфта в лагерях, как дутые проценты на производстве, как незаконченный вынос продуктов. Каждый тащил, что мог. И кто много мог, получал побольше. За спиной официальной государственности сложилась коалиция теневиков и взяточников. Когда партийный аппарат потерял власть, советские органы, не привыкшие самостоятельно действовать, покорно приняли власть преступного мира. Катастрофа превратила теневые связи в господствующую систему. Отдельный человек бессилен против нее, и продажные «правоохранительные» органы охраняют мафию от возмездия закона.

Умом я не могу этого опровергнуть, сердцем — не могу принять. Не могу принять своего бессилия, нашего бессилия. Я вспоминаю, как мы бились головой об стенку десятки лет, как пили за успех нашего *безнадежного* дела, — и вдруг стена рухнула. Я убежден, что нынешняя власть мафии тоже не всесильна и не продлится навечно.

Последние годы советской системы были для меня очень тягостны. Шла война в Афганистане. Сахаров сослан. Андропов подавил самиздат, почти оборвал связи с тамиздатом. Всё молчало, только камни вопили, только время от времени какой-нибудь Красин, какой-нибудь Дудко выступал по телевидению с покаянием в своей противоправной деятельности. И каждую годовщину Октября я думал: кто же кого переживет? Я ее (Софью Власьевну) — или она меня? Пережил я. И теперь не надеюсь пережить хаос. Но несколько шагов навстречу космосу все-таки хочется сделать.

Нас не так уже мало. Сужу по письмам читателей. Сужу по отдельным фактам, мелькающим в прессе, в эфире. Мы разбросаны, не собраны. Но закваска, чтобы заквасить тесто, есть. И нарастает сознание огромности наших задач. А огромное, почти бесконечное — тянет к себе. Если обновится вера, если мы найдем новые слова для чувства вечного света, хаос отступит.

Надо взглянуть реальности в глаза. Хаос — надолго и всерьез. И хаос вовне — следствие внутреннего хаоса. Не только в русских головах и сердцах — во всем мире. Русский хаос — прорыв мирового хаоса «в одной, отдельно взятой стране». Наши задачи только кажутся провинциальными. «Затмение Бога» (термин Мартина Бубера) происходит во всем мире. Вся наша цивилизация повернута спиной к «Целому Вселенной», с которым встречался Смешной человек в рассказе Достоевского. Потеря целого, затерянность в частном, дробном — это потеря Бога. Потому что Бог — это прежде всего Целостность, ве-

ликая и непостижимая Целостность, объемлющая время, пространство и мысль...

Затмение началось давно, задолго до большевизма и до большевистских гонений на церковь. Храмы пустуют и в Англии. Сохраняются привычки, выработанные веками, уважение к древним святыням, к добросовестности, к обязанности гражданина и правам личности. У нас, в России, расшатаны сами привычки, без которых невозможно здоровое общество. Речь у нас идет не о сохранении порядка, а о создании его почти заново. От этого — острота сознания задачи, дискомфорт. Именно в дискомфорте, в беспокойстве встает вопрос: на чем всё держится, почему человеку надо выполнять свои обязанности иногда нелегкие и неприятные?

На чем держится чувство долга? Возможно ли утвердить его без чувства священного, без восстановления чувства Целого? Может ли современный человек ощутить свою страну как собственное большое тело? И не только свою страну, а всю Землю, всю биосферу?

Современный человек страдает, но не может отказаться от своего «дробящего» ума, могущественного в науке и технике и кощунственного при подступе к Богу. Выражение «дробящий ум» я не придумал, я встретил его в статье восторженного поклонника Бертрана Рассела и сразу запомнил (переменив знак с плюса на минус). Нельзя подходить к Целому с желанием дробить, с привычками дробить. Смешному человеку снился сон о планете, где люди непосредственно, мимо науки и мимо религии, чувствуют Целое Вселенной (Достоевский совершенно правильно написал Целое с прописной буквы). Он понял, что такая распахнутость Целому, такая неотторжимость от него есть истина и жизнь. «Я видел истину!» — восклицает Смешной человек. Но как прийти к этой истине? Герой «Цитадели» Сент-Экзюпери связывает «дробность» (это и его термин!) «божественным узлом». Это постоянная задача культуры — связывать дробность интересов и целей священным узлом, но для вождя племени (героя «Цитадели») задача решается сравнительно просто: общество еще слабо расчленилось, оно подобно венику из сотни прутиков, их легко связывать. Чем больше прутиков-целей, тем труднее сократить обвязку, тем труднее восстановить ее после разрыва.

Современное общество не просто сложное, оно еще отрицательно усложняется, и мир сегодня совершенно не похож на тот, которым он был в годы моего детства. Нужна какая-то новая, гибкая конструкция обвязки. Коллективизм решает задачу просто: упраздняет «я» в простоте «мы» (для наглядности одетого в униформу). Он выкорчевывает с корнем личностное начало, «инициатива наказуема», и все равны в своей безличности: «ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». Но необходимо другое: не устранение частных интересов, а восстановление иерархии, пирамиды, где степень свободы соответствует степени духовной высоты (осознанности своей связи с духовным целым). На самой вершине то, о чем писал св. Августин: «полюби Бога и делай что хочешь». Шаг ниже — и дисциплина стихийных порывов есть условие свободы творческого духа.

Древние надежды свели всё множество ценностей и целей к трем символам: дхарме (священный долг), артхе (богатство, власть) и каме (наслаждение, развлечение). Ничто не отвергается, но всё ставится на место, и на своем месте всё

имеет священный смысл (хотя и неравный). Прежде всего выполнять свой долг (почитание святынь, почитание предков и выполнение кастовых обязанностей); потом (на втором месте, а не на первом, как в диамате) заботиться о пропитании, о положении в обществе; и, наконец, не отказываться от удовольствий, от развлечений. Однако опыт показал, что священность долга мертвеет, если не обновляется. Будда просто отверг кастовый долг, отверг почитание традиционных святынь, поставил своей целью чистое переживание священного. Общество он оставил в стороне (так же как ранние христиане, ждавшие конца света). Брахманы учли успех буддизма и дополнили святую социальную иерархию целей и ценностей четвертой ступенью — мокшей.

Мокша — это свобода, не социальная и не политическая, а чисто духовная, освобождение от всех страстей и привязанностей, подобие буддистской нирваны, выход за рамки времени и пространства, за рамки всякой дробности, к непостижимому Целому, к «недвойственности». Это может показаться асоциальным и противоречащим здравому смыслу. Но озарения подвижников поддерживали веру в реальность священного и таким образом обновляли печать святости на всем социальном и нравственном порядке.

Религии не от мира сего — буддизм и христианство — шли с противоположной стороны. Они начали с поисков личного спасения, но постепенно включились в общественную жизнь как хранители иерархии и порядка, как молитвенники за мир. Поэтому индийская схема четырех символов всех человеческих ценностей и целей может быть приложена всюду, с необходимыми местными уточнениями. Так, средневековый христианский мир недооценивал святость мирского труда, и это вызвало в XVI веке рывок в противоположную сторону, осуждение поисков святости в созерцании, постановку артхи на место дхармы, труда на место молитвы (отодвинутой на второй план). Это нарушение иерархии выдвинуло Европу на первое место в экономическом развитии; но без постоянного обновления подлинной святости оболочка святости на артхе быстро ветшала и за какие-нибудь 200—300 лет обветшала вовсе.

Выполнение долга стало, в лучшем случае, привычкой, соблюдением приличий, а в худшем случае — лицемерием. Артха превратилась в самодовлеющую страсть. Возникла цивилизация Домби, где всё больше богатств и всё меньше радости. Возрастала скука и в обществе потребителей артха постепенно уступает место каме, погоне за сладкой жизнью. Знамение времени — перевод «Камасутры» (книги о технике секса) на все европейские языки. А за объедением сладеньким — оскомина, тоска, рост числа самоубийств, наркомания, СПИД. Общество, потерявшее чувство священного, теряет и волю к самосохранению. Так было, так будет. Но на Западе процесс идет плавно, комфортабельно, а в России остро и катастрофически; на Западе задумывается только мыслящее меньшинство, а в России весь народ сбит с толку.

Наши реформы начались с полного непонимания духовных параметров социального сдвига. Только в 1998 году Гайдар сказал, в одном из своих интервью, что рынок без нравственных норм становится кошмаром. А то, что восстановление нравственных норм связано с восстановлением священной иерархии целей и ценностей, до сих пор мало кто понимает. Реформы начались с призыва обогащать-

ся кто как может, — без понимания, к чему это может привести при очень расшатанном уважении к чужой собственности. Итогом стало разграбление народных богатств.

Реформаторы отбросили марксизм, но в них осталась марксистская убежденность, что первичное, определяющее — это экономика. На самом деле забота о том, как есть, пить и одеваться безудержно захватывает ум только на краю голодной смерти. Это не норма, а патология. Нормальная человеческая жизнь окрашена господством высших ценностей. Даже чисто экономическая сфера не обходится без этих ценностей — без чувства долга у налогового инспектора, полицейского, судьи. А чувство долга, честность, неподкупность не рождаются на рынке. Они старше рынка (нравственность складывается до рыночных отношений), они стоят над рынком, над «экономической заинтересованностью». Если будет стоять (как она стоит сегодня) выше чести и совести, мы опустимся на самое дно Третьего мира.

Положение России часто сравнивают с Германией после Версаля. Но можно сравнить его и с Германией после Потсдама (в 1945 г.). От нас зависит, по какому из двух немецких путей мы пойдем. К ненависти и мести или к покаянию и очищению. Мы стоим на роковом перекрестке. И мне хочется продумать: почему в Германии, после катастрофического проигрыша второй мировой войны, установился твердый и эффективный порядок? Почему его нет в России после проигрыша холодной войны?

Отвожу в сторону внешние условия: оккупацию, денацификацию. Это те карты, которые история дала в руки одним и не дала другим. Но карты сами по себе не играют, играет игрок. Играет Аденауэр: вышел незваный на трибуну учредительного съезда и сказал: «Я родился в таком-то году. Есть кто-нибудь старше?». Все молчали, и старик, с чувством внутреннего права, продолжал: «Тогда я объявляю съезд открытым». За съездом подчинилась вся страна, и не рабски, свободно подчинилась, подтвердила свой выбор избирательными бюллетенями. Христианские демократы получили большинство. Социал-демократы и свободные демократы остались в оппозиции.

Почему восстановление демократии, после нацизма в Германии, после фашизма в Италии, началось с долгого правления христианско-демократической партии? Я ничего не имею против социал-демократов и социалистов. Но в 1946 году у социал-демократов не хватало опор для нравственного сдвига, который был необходим после Гитлера (а у нас необходим после извращения основ общества коммунистической диктатурой). У социал-демократов есть свой, социально-экономический пафос справедливости, смягчения имущественного неравенства, помощи экономически слабым. Там, где нет партии с подобным названием, эта роль исполняется под другим именем (например — демократами в США). Так или иначе, она необходима. Но час социал-демократов наступил позже, тогда, когда Германия уже вернулась к основам христианской цивилизации. Лик зверя мог уравновесить только лик Христа (в Японии аналогичную роль играло повышение роли буддизма в равновесии буддизм—синто; символическим актом были лекции о будущем, которые академик Судзуки прочел императору Хирохито).

В 40-е годы христианство было для Германии не только традиционной религией. Оно стало политическим лозунгом дня. Этот лозунг объединил католиков и протестантов, всех верующих в Бога и почувствовавших свою вину перед Богом за то, что Генрих Бёлль назвал «причастием буйвола». Возник духовно-нравственный экуменический союз. Политическим воплощением его и стала христианско-демократическая партия. Несовершенным, как всякое политическое воплощение духовного идеала. И Аденауэр — не совершенство. Наверное, есть за что его ругать. Но когда он приехал в Москву, выручать немецких военнопленных, «старик» (как называл его Хрущев), провел больше часа в Третьяковской галерее, около своих любимых икон (ни у одного российского премьера такой потребности никогда не было). У этого политика что-то было за душой. Он не только свечку умел подержать.

Я не удивлюсь, что у нас не нашлось лидеров такого ранга и экономистов масштаба Эрхардта. Слишком долго работало ложе Прокруста. Но вот сложилось же нечто вроде социал-демократии под названием «Яблоко». И хоть не боги там обжигают горшки, а партия есть, одна из двух партий, без которых не выйдет нормальных парламентских весов, на которые избиратель попеременно кладет свои гири.

Нет ни устойчивого центра, ни устойчивого правого крыла. Крайний левый фланг занимает реанимированный труп большевизма. Дальше «Яблоко». А правее «Яблока» — ничего, способного оставить «живой след», о котором мечтал доктор Живаго, ничего, трогающего сердце. Мельканье лиц, мельканье наспех сколоченных программ. Перебеганье из одной властной группы в другую...

Мне хочется указать на один фактор, который, кажется, остался без внимания политологов: позицию Патриархии. У нее нет никакой христианско-*демократической* программы, никакой склонности к экуменизму, без которого широкое христианско-демократическое движение в нашей стране просто немыслимо, никакой способности к диалогу с нехристианскими религиями (которые у нас тоже нельзя игнорировать). Более того, судя по фактам, ставшим достоянием гласности, очень сильна тенденция восстановить союз Церкви с черной сотней (с исторической поправкой на сближение черной сотни с красной сотней).

Я помню, что к той же Церкви принадлежит вл. Антоний Сурожский, принадлежал о. Александр Мень. Я убежден, что с течением времени их книги затмят публикации Дворкина, Кураева и «Протоколы сионских мудрецов». Но на сегодняшний день поиски обновления веры и поиски вдохновения в Боге любви становятся делом самих верующих, делом незримой Церкви, которая никогда не совпадала с Церковью зримой. «Не всякий, кто принадлежит к зримой Церкви, принадлежит к Церкви незримой, — писал Августин. — И не всякий, принадлежащий к незримой Церкви, принадлежит к зримой».

В контексте современной мысли слова о незримой Церкви встретились мне впервые в книге католического исследователя Генриха Дюмулена «Дзэн, история и облик» (на нем. яз., Берн, 1959). Размышляя о духовном значении Догэна (XIII в.), почитаемого в Японии как бодисатва, он сослался на мнение некоторых богословов, что ал Халладж (суфий X в.) — святой, пребывающий вне зримой Церкви. Этот пример показал мне, что идея незримой Церкви стала призывом к *вселенской* солидарности.

Познакомившись с историей суфизма, я убедился, что за рамки вероисповедания вышли еще великии суфии — ал Халладж, Ибн ал Фарид, Ибн Араби, Деллаледдин Руми. Об этом же говорила легенда о скрытом имаме, опубликованная Анри Корбеном: когда явится скрытый имам (нечто вроде мессии), он не принесет нового пророчества, но так истолкует все прежние, что исчезнет вражда между «народами «Книги» (монотеистами).

Средневековое христианство было менее широким; но сегодня положение изменилось. Можно говорить о целом направлении «веры поверх верований», в духе стиха Стивенса, который Роберт Белла взял эпиграфом к своей книге «Beyond belief» (1970): we believe without beliefs, beyond beliefs. Это направление не пытается вытеснить сложившиеся религии, но рассматривает их как разные языки веры, разные воплощения одного духа, и находит «гомологии» между разными религиозными идиомами (ср. работы Паниккара, Кумарасвами, Судзуки и др.). Мне кажется, что тот же пафос можно расслышать в словах Георгия Петровича Федотова: «Мы не спрашиваем, какой вы веры; мы спрашиваем, какого вы духа».

Я чувствовал дух незримой Церкви на конференциях Общества морального перевооружения. Общество было основано Фрэнком Бухманом в 1946 г. как общехристианское и общеевропейское. На первых порах оно сыграло большую роль именно в Европе, в нравственном возрождении Германии и примирении Германии с Францией. Но очень скоро деятельность общества вышла за пределы Европы, в страны Азии и Африки. Участниками его стали мусульмане, буддисты, индуисты. Никто там не пытается обратить другого в свою веру. Все сотрудничают в борьбе с духом ненависти и мести (подробнее см. в книге «Поспеть за Богом», М., 1997).

Другой пример я нашел в интервью Семена Липкина, года два тому назад. Липкин рассказал, что в 20-е годы в Одессе сложился кружок верующей молодежи. Он сам оставался иудаистом, его товарищами были православные, католики, лютеране. Их объединило сопротивление воинствующему безбожию, сознание внутренней необходимости веры в священную глубину, как ее ни называть.

Я думаю, что такой объединяющей силой может стать сопротивление нравственному хаосу и черносотенной мгле. Какие формы общения оно породит, я не знаю. Скорее всего, некоторые люди будут действовать в одиночку, как Дон Кихот, другие — создавать кружки и общества. Но я рискую определить движение как *диалог верующих*. Не простой обмен репликами, а поиски общего духа. духа диалога, над различием реплик. Я думаю, что этот дух способен, со временем, освободить доставшуюся нам свободу от эксцессов свободы.

Я не удивлен, что религиозные проблемы заняли центральное место на страницах «Континента». Это не отход от боевых традиций прошлого, не уход от современности. Напротив, — это разговор о самом главном, без которого у нас ни в чем не будет устойчивого порядка. И разговор этот надо продолжать и расширять в сторону экуменизма и суперэкуменизма (диалога христиан друг с другом, с родственными течениями других религий и «анонимными христианами», как любил выражаться покойный о. Сергей Желудков).

Жорж НИВА

ПУШКИН: МЕЖДУ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВОМ И ХРИСТИАНСТВОМ

Просветительство (Aufklärung, les Lumières) — понятие довольно неопределенное. Сама вариативность однокорневой лексики подтверждает эту неопределенность.

Просветительство, просветить, просвещение — из этих трех слов особенно часто встречается у Пушкина последнее, а это из всех трех лексем — самое общее, самое нужное и самое благородное слово, самое перманентное. И мы увидим, что Пушкин как очень чуткий историк — или, скорее, как очень чуткий «житель истории» — никак не может полностью принять «Просветительство», но всю жизнь воспевает «Просвещение».

Les Lumières, просветительство, — как исторический момент европейской культурной истории — подвержено суду истории; La Lumière, просвещение, подразумевающее разумное применение свободы, противление рабству и тирании, — это стремление и желание, свойственное человеку вне зависимости от обстоятельств истории и превратностей национальных судеб.

Ну, а La Lumière как христианское начало — и не только христианское, но и вообще библейское? Оно тоже присутствует на горизонте Пушкина. «Докле Я в мире, Я свет миру», — говорит Христос (Ин. 9,5). Когда в одной из редакций «Истории Петра», в главе «Отчуждение России от Европы» Пушкин рассуждает об участи России, «принявшей свет христианства из Византии», он замечает: «Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией». «Просвещение» здесь обозначает «свет христианства».

Однако в этом же тексте Пушкин воспевает и вход России в Европу через Петра: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль при стуке топора и при громе пушек. Войны, предпринятые Петром, были благодетельны и плодотворны

Жорж НИВА — родился в 1935 году в г. Клермон-Ферране (Франция). Окончил Сорбонну и Высшую нормальную школу (Париж). С 1972 — профессор Женевского университета, заведующий кафедрой славистики. Автор книг «О Солженицыне» (1974), «Солженицын» (1980), «Конец русского мифа» (1981), «Конец русского раскола» (1993), «Возвращение в Европу» (Москва, 1999) и многих статей по проблемам русской культуры. Переводил на французский язык А.Белого, А.Солженицына, А.Синявского. С 1993 года — член редколлегии «Континента».

как для России, так и для человечества. Успех нашего преобразования был следствием Полтавской битвы — и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы». «Просвещение» здесь — это науки, ремесла, военное искусство и создание флота. «Семена были посеяны», — добавляет он, привлекая евангельскую метафору сеятеля.

В одном из черновых текстов («О вечном мире») Пушкин рассуждает на тему, занимавшую весь XVIII век — от Лейбница до Канта. Ему всего 22 года, но зрелость его взгляда поразительна — в нем уже чувствуется чуткость историка: просветительство и просвещение — вещи различные. Первое вписано в историю, и история уже сказала о нем свое слово; второе — вечное стремление человека к свободе и неподвластно историцизму.

Эти черновые заметки о вечном мире написаны по-французски. Привожу русский перевод — в сравнении некоторых мест с французским оригиналом.

«1. Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же как им стало ясно рабство, королевская власть и т.п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции, — которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, — необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов.

Руссо, рассуждавший не так уж плохо для верующего протестанта, говорит в подлинных выражениях: «То, что полезно для народа, возможно ввести только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Несомненно, идея вечного мира в настоящее время весьма абсурдный проект; но пусть вернутся Генрих IV и Сюлли, и вечный мир снова станет разумной целью: или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется, так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества». Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, — революции. Но вот они настали. Я знаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной плохонькой победы, не может иметь никакого веса, но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, он еще никогда никого не убедил, и только глупцы думают противное.

Мы видим здесь несколько основоположных принципов пушкинской политологии.

Как и Кант, он мечтает о «вечном мире». Явно, что Пушкин разделяет убеждение, что со временем война должна исчезнуть, люди должны осознать смехотворность («ridicule») войны (так же, как и нелепость рабства). Он дает нам здесь краткое определение человека, причем говорит не о человеке вообще, а о нас: «nous sommes destines a manger, à boire et à être libres». То есть в одной фразе

он объединяет и экономику (manger, boire) и политическую науку вместе с духовной жизнью (être libre). Он предполагает, что благодаря конституционным режимам через 100 лет войн больше не будет. Однако за этим следует очень интересное рассуждение о пользе насилия для внедрения просвещения и закона.

Руссо определяется как верующий протестант (croyant de protestantisme) и философ просветительства. Пушкин слегка иронизирует над Руссо (свидетельство мальчишки, не одержавшего ни одной плохонькой победы). Руссо увлекся известным проектом аббата де Сен-Пьера. Книга вышла в 1712 г. в Кёльне под заглавием: «Mémoire pour rendre la paix perpétuelle en Europe». Почти сразу же отреагировал на книгу де Сен-Пьера философ Лейбниц. В 1715 г. он написал свои «Наблюдения над проектом всеобщего мира г-на аббата де Сен-Пьера», в которых выразил свое сомнение в способности человека быть счастливым. А почти полвека спустя Руссо вернулся к этой теме и написал свои «Заметки об аббате де Сен-Пьере и его проектах вечного мира» (1761). Пушкин, наверное, читал этот текст в посмертном издании произведений Руссо (1778).

Самое интересное в тексте Пушкина — его констатация: «Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, — революции. Но вот они настали» По-французски это даже еще сильнее: «or nous y sommes» (скорее — « а вот оно уже настало»).

В этой краткой заметке речь идет о связи между просвещением и утопией. Человек для Пушкина живет прежде всего в истории, а не в утопической проекции будущего. Автор «Бориса Годунова», «Истории Пугачева», внимательный читатель «Описания земли Камчатки» и мемуаров Моро де Бразье — чрезвычайно чуткий историк и судит об идеях через призму истории. Краткая формула 22-летнего Пушкина «or nous y sommes» очень показательна.

В переписке с Чаадаевым не раз проходит тема религиозной веры и испытания этой веры историей. 6 июля 1831 г. он пишет своему давнему другу: «Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме?».

Между прочим столь благосклонное суждение о протестантизме — явление редкое в русской культуре. И оно объясняется «историцизмом» Пушкина. По-разному верят христиане, но главное — это «идея Христа» и ее воплощение в разных религиозных культурах. Пушкин добавляет: «Первоначально эта идея была монархической; потом она стала республиканской». То есть католицизм — монархическая концепция христианства, протестантизм — республиканская. Пушкин резко противоречит тут Чаадаеву, утверждавшему в VI Философическом Письме: «Вот что представляет собою невидимая Церковь протестантов: она действительно невидима, как все несуществующее».

Другое разногласие обнаруживается, когда Чаадаев приводит в начале VI Письма цитату из вольтеровского «Эссе о нравах». Вольтер развивает тему безумия человечества, которое воюет и дерется во все эпохи и во всех странах. Как же могла из этого всеобщего насилия и безумия возникнуть культура, спрашивает он. А между тем она возникла, напоминает он, сначала в Италии, потом во всех христианских странах. Но при этом добавляет: «чего мы не увидим в народах, находящихся под игом турок». Чаадаев разбирает и далее развивает

эту идею, основывая ее на тезисе о Божественном происхождении Просвещения — оно могло зажечься только от Божьего Разума.

Пушкин в своем письме опровергает этот тезис. Чаадаев противопоставляет Моисея и Сократа (первый дал людям настоящего Бога, второй подарил им лишь скепсис), Давида и Марка Аврелия (первый — образец святого героизма, второй — лишь образец фальши и лжевеличия). Пушкин не может согласиться с таким упрощенным дуализмом. И в защиту Гомера (по Чаадаеву — «виновного злодея») он замечает: «Разве то, что встречается кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии?»

* * *

Что Пушкин не мог полностью разделять просветительские точки зрения — или, вернее, понимал идею прогресса совсем не так, как Вольтер, — можно видеть и по его статье «Последний из свойственников Иоанны д'Арк».

Эта любопытная статья впервые была опубликована посмертно в «Современнике» в 1837 г., в V книге. Это ироническое подражание Вольтеру. Приводимый здесь обмен письмами между Вольтером и далеким свойственником Девственницы Jean-François-Philippe Dulys (переписку эту Пушкин будто бы нашел в журнале Morning Chronicle) является очередной литературной мистификацией, как это доказал Н.О. Лернер в 1929 г. Но полемика между рыцарем, запоздалым защитником Pucelle, и автором поэмы «La Pucelle d'Orléans», которая представляет собою типичное произведение Lumières — с долей антиклеркализма, антимистицизма и антидемократизма, обнаруживает перед нами настоящую позицию Пушкина: с дистанцией, с иронией он отвергает Вольтера и защищает поэму Robert Sonthey об Иоанне Аркской. Поэма Robert Sonthey — «подвиг честного человека», а поэма Вольтера — «преступная поэма». «Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма».

Пушкин ценил «Орлеанскую девственницу» Вольтера как занимательную поэму, как рассказ, отмеченный ясностью и четкостью рисунка. Но не любил «кинизм». Это не отменяет стихотворения «Бова», подражания Вольтеру, и, конечно, вполне остается в силе и знаменитое обращение к Вольтеру:

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.

Вольтер, по Пушкину, принадлежит к племни «святых изгнанников», он — «великан сей эпохи». Но Пушкин не мог ему простить переписку с Екатериной II, а также, вероятно, и поверхностность его книги о Петре Великом.

Отрицательное отношение Пушкина к цинизму Вольтера лучше всего выражено в следующих его словах: «Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых Философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы — и эта легкость казалась верхом поэзии.

Наконец, он однажды в своей жизни становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана».

Как видим, эти разногласия — не только вопрос вкуса.

* * *

Итак, вернеся к началу. Что такое les Lumières? Каково отношение к ним Пушкина?

Lumières как борьба против клерикализма, узости убеждений, тирании и деспотизма, борьба за свободу, вольнодумство и либерализм разными своими гранями вызывает разное отношение и у Пушкина. Для него это прежде всего борьба за свободу и просвещение. В стихотворении «К Чаадаеву» (1818) жажда вольности сравнивается с жаждой любви у молодого человека, ждущего минуты свидания; в стихотворении «Лицинию» (1815) Пушкин воспевает римскую свободу: «Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода»; «Свободой Рим возрос — и рабством погублен». Лирический герой вспоминает Ювенала; он хочет бежать из Рима — города рабства и продажности:

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец.

Этот последний день Рима — своего рода пророческая антиутопия, предрекающая падение краю, забывшему о своем первоначальном принципе — свободе.

Та же идея лирически представлена и в стихотворении «К морю» (1824):

Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Эта альтернатива проста и лаконична у молодого Пушкина; она всегда и повсюду присуща ему и позднее, но у взрослого Пушкина она осложняется, видоизменяется и первоначальный «римский» ее облик уступает место иному, более зрелому, связанному с более сложным пониманием просвещения.

Путь этих изменений завершается теми редкими, но столь сильными христианскими стихами Пушкина, которые обычно либо замалчивают, либо неумеренно превозносят. Эти столь поразительные стихи показывают, как глубоко понимал Пушкин христианскую свободу. Его стихотворение «Отцы пустынники...» (1836), это свободное переложение известной молитвы Ефрема Сирина, написано именно на эту тему — тему освобожения грешника от греха. А стихотворение «Мирская власть» (1836) противопоставляет драму Распятия ложному ритуалу официальных Церквей. Эти стихи не отменяют раннего Пушкина — поэта вольнодумца, певца любви и Эрота, обожателя Бомарше и Моцарта. Но они раскрывают в самых целомудренных стихах тайную глубину души поэта.

Стремительное взросление — это вообще одна из отличительнейших черт Пушкина. Не столько универсальность, на которую указал Достоевский в 1881

году, сколько вот это быстрое и столь искреннее прохождение через все этапы жизненного взросления человека.

Об этом свидетельствует и «Воображаемый разговор с Александром I»

Государь вызывает поэта (что и сделает потом Николай I): «Я читал вашу оду «Свобода». Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, малообдуманно (...) Я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы; вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже в царе».

Царь ссылается не на правду историческую, собирательную, а на правду личную. Пушкин же как-то уже допускает (текст воображаемого разговора написан в 1825 году), что есть и другой подход к истории: «Ах, Ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде?»

И дальше новый упрек царя: «Но вы же и афей [атеист]? Вот что уж никуда не годится».

«Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь?».

Может быть смерть Павла, убийство «увенчанного злодея», и есть первое событие, которое помогло Пушкину освоить сложность истории. В оде «Вольность» (1817) он уже вполне сознает «стыдную» подоплеку истории: свобода иногда приходит благодаря янычарам.

В «Послании цензору» (1822) Пушкин допускает: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы».

Его участие-неучастие в декабристском движении тоже, возможно, определило его политическое взросление. Он ученик Монтескье, считает себя аристократом и знает (по Монтескье), что аристократическое чувство основано на чести. В «Росславлеве» (1831) он упоминает Монтескье и Кребильона, то есть линию французской литературы от политического вольнодумства к эротическому. Но он знает, что существует и другая линия, ведущая от Монтескье к Марату.

В стихотворении «Андрей Шенье» (1825) представлен драматизм революции — дорога, ведущая от свободы к отрицанию свободы.

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

Последняя ночь приговоренного к смерти поэта — элегический крик в ночи («Зовут... Постой, постой; день только, день один») Эта страшная ночь напоминает последнюю ночь Сократа, но молодой поэт несчастнее Сократа — он восклицал вместе с народом, радуясь крушению «позорной твердыни» самовластья: «Блаженство!». И увидел в ужасе, что свергнувшие царей избрали «убийцу с палачами».

Критик Игорь Смирнов в своей интересной книге «Психодиахроноло-гия. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» (М., 1994) сопоставляет Ломоносова, Вяземского и Пушкина. Стихотворение Пушкина «Бесы» — отклик на стихотворение Вяземского «Метель», где есть явный намек

на «Вечерние размышления о Божьем величии при случае северного сияния». Пушкин, полагает Смирнов, узнал в стихах Вяземского цитату из Ломоносова («мала искра» в вечном льде), Вяземский спорит с теизмом Ломоносова. На вопрос: «Но где ж, натура, твой закон?» — Вяземский отвечает: закона нет. А Пушкин, по Смирнову, радикализирует эту позицию. Бес — это префикс: *бес*-конечность. И если космос у Вяземского конечен и бессмыслен, то у Пушкина он бесконечен и еще более бессмыслен:

Мчатся бесы рой за роем
В бесконечной вышине...

Доказательство хитроумное, но неверное. Ибо критик забывает о смертном грехе уныния. Тут нет лучшего ответа, чем стихотворение, навеянное молитвой Ефрема Сирина:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей...

В «Сцене из Фауста» (1825) представлены Фауст и бес:

Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Значит, тот, кто верит любви и свободе — способен и хочет благословить.

Весь Пушкин — акт поэтического благословления.

А благословление — действие сакральное. И оно присуще как поэзии, так и вере.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ БЛАЖЕЕВСКОГО

В прошлом номере, который был уже сверстан, когда в редакцию пришла весть о внезапной кончине нашего давнего и любимого автора, замечательного русского поэта Евгения Блажеевского, мы напечатали подборку его стихотворений «Монолог», которую он успел передать нам незадолго до смерти. Ей суждено было стать последней, набранной еще при жизни и вычитанной им в корректуре, но напечатанной уже без него.

Сегодня мы хотим сопроводить наше последнее ему «прости» своего рода «Венком памяти Евгения Блажеевского» — «Венком», составленным из его собственных стихотворений, которые в разное время и в составе разных циклов были опубликованы на страницах нашего журнала. Всего за время существования «московского» «Континента» (с 1992 г.) мы напечатали девять таких циклов (в девяти номерах) и ниже воспроизводим по одному-два стихотворения из каждого. Нам кажется, что всем, кто вновь вернется к этим стихам (и тем более тем, кто, может быть, впервые их прочтет), даже такая небольшая подборка куда больше и сильнее, чем любые наши слова, даже самые проникновенные, скажет о том, поэта какого масштаба мы потеряли в лице Жени Блажеевского.

Тем не менее и такие слова, обращенные к нашей потребности аналитического понимания, к уяснению места, значимости, природы той поэзии, которую мы любим и хотим лучше и полнее воспринимать и чувствовать, да просто способные передать нам, как ее воспринимают и чувствуют другие, — такие слова тоже необходимы. Поэтому после подборки «континентских» стихов Евгения Блажеевского мы предлагаем вниманию читателя эссе Ефима Бершина, друга безвременно ушедшего от нас поэта, посвященное его памяти. Оно, нам кажется, хорошо дополнит и продолжит то, что уже было сказано на страницах «Континента» Станиславом Рассадиным — его статьей «Отщепенец Евгений Б. — семидесятник» (№ 96), которая тоже была своего рода «попыткой прикосновения» к его поэзии.

Евгений БЛАЖЕЕВСКИЙ

Из цикла «Венок сонетов»

(«Континет» №72, 1992)

По дороге в Загорск понимаешь невольно, что осень
Растеряла июньскую удаль и августа пышную власть,
Что дороги больны, что темнеет не в десять, а в восемь,
Что тоскуют поля и судьба не совсем удалась,

Что с рожденьем ребенка теряется право на выбор,
И душе тяжело состоять при раскладе таком,
Где семейный сонет исключил холостяцкий верлибр
И нельзя разлюбить, и противно влюбляться тайком...

По дороге в Загорск понимаешь невольно, что время
Не кафтан, и судьбы никому не дано перешить,
Коли водка сладка, коли сделалось горьким варенье,
Коли осень для бедного сердца плохая опора...
И слова из романса «Нам некуда больше спешить...»
Так и хочется крикнуть в петлистое ухо шофера.

Из цикла «Бег на месте»

(«Континент» №75, 1993)

Семидесятые

А жил я в доме возле Бронной,
Среди пропойц, среди калек.
Окно в простенок, дверь в уборной
И рупь с полтиной за ночлег.

Большим домам сей дом игрушечный,
Старомосковский, не чета.
В нем пахла едко, по-старушечьи,
Пронзительная нищета.
Я жил затравленно, как беженец,
Летело время кувырком,
Хозяйка в дверь стучала бешено
Худым стервозным кулаком.

Судьба печальная и зыбкая
Была картиной и рассказом,
Когда она, как мать над зыбкою,
Спала, склонясь над унитазом,

Или металась в коридорчике,
Рукою шарила обои,
По сыну плакала, по дочери,
Сбежавшая с офорта Гойи.

Но чаще грызли опасения
И ночью просыпался зверь.
Кричала: — «Сбегай к Елисееву
За водкой!..» и ломилась в дверь.

Я в это время окаянное,
Средь горя и макулатуры,
Не спал. В окне галдели пьяные,
Тянуло гарью из Шатуры.

И я, любивший разглагольствовать
И ставить многое на вид,
Тогда почувствовал, о Господи,
Что эта грязь во мне болит.

Что я, чужою раной раненный,
Не обвинитель, не судья.
Страданий страшные окраины,
Косая кромка бытия...

1973

Рождественская ночь

Как хорошо в рождественскую ночь
Лежать в обнимку с милым существом,
Которое смогло тебе помочь,
Все беды отодвинув «на потом».

Как хорошо не числиться, хоть миг,
В составе городского поголовья,
Захлопнуть время — худшую из книг —
И нежный воск зажечь у изголовья.
И что бы там ни ожидало нас,
Но не пройдет сквозь временное сито
Со шлаком жизни просветленный час,
В котором и единственно, и слитно:
Жены уснувшей тихое тепло,
Шажки минут и беглый запах елки...

А за стеной морозно и темно
И кажется, что где-то воют волки.

1978

Из цикла «Профиль стервятника»

(«Континент» №77, 1993)

Прогулка

Во мне воспоминаний и утрат
Уже гораздо больше, чем надежд
И радостей,
А потому не буду
На будущее составлять прогнозы,
Но хочется воскликнуть невзначай:
«Как быстро мы состарились, приятель,
От Пушкина спускаясь по Тверскому!
И радости,
Которыми, казалось,
Пропитан воздух,
Поглотил туман.
И женщины,
Которых мы любили,
Уже старухи...»

Дует ровный ветер,
Кленовый лист влетает в подворотню,
И я приподнимаю воротник.
На мне чернильно-синие штаны
И скромное пальто из ГДР —
Страны, не существующей на свете...

1990

Из цикла «В траве среди металлолома»

(«Континент №81, 1994)

* * *

Я умер
И себя увидел сразу
В раздвоенности небывалой,
Где
Под потолком,
Невидимая глазу,
Из дымчатого мягкого стекла
Душа витала
И прощалась с телом,
Как с домом
Отъезжающий навеки
Прощается жилец,
Последним взглядом
Окинув окна,
Дверь
И полисадник...

Прощай, берлога радости
И боли,
Которая дается напоследок,
Чтоб было нам — зажившимся —
Не жалко
Оставить свет
Похожий на версту.

И всё бы ничего,
Да только вот
Душа — сиротка, беженка, простушка —
Потерянная на большом вокзале,
Не знает где приткнуться,

Как войти
Безденежным
Безликим существом
В холодные потемки мирозданья.

Ни друга, ни подруги, ни страны
Здесь не найдешь
И, видно, потому
Лишь 41-й день смиряет душу,
Которой плохо
Без любви и цели
В бездомном одиночестве парить...

1993

* * *

Мы — горсточка потерянных людей,
Мы затерялись на задворках сада
И веселимся с легкостью детей —
Любителей конфет и лимонада.

Мы понимаем: кончилась пора
Надежд о славе и тоски по близким,
И будущее наше во вчера
Сошло-ушло тихонько, по-английски.

Еще мы понимаем, что трава
В саду свежа всего лишь четверть года,
Что, может быть, единственно права
Похмельная, но мудрая свобода.

Свобода жить без мелочных забот,
Свобода жить душою и глазами,
Свобода жить без пятниц и суббот,
Свобода жить, как пожелаем сами.

Мы в пене сада на траве лежим,
Портвейн — в бутылке, как письмо — в бутылке.
Читай и пей! И пусть чужой режим
Не дышит в наши чистые затылки.

Как хорошо, уставясь в пустоту,
Лежать в траве среди металлолома
И понимать простую красоту
За гранью боли, за чертой надлома.

Как здорово, друзья, что мы живем
И затерялись на задворках сада!..
Ты стань жуком, я стану муравьем,
И лучшей доли, кажется, не надо.

Из цикла «Нет, пожалуй, печальней небес...»

(«Континент» №85, 1995)

Эксперимент

Когда я верить в чудо перестал,
Когда освободился пьедестал,
Когда фигур божественных не стало,
Я, наконец-то, разгадал секрет —
Что красота не там, где Поликлет,
А в пустоте пустого пьедестала.

Потом я взял обычный циферблат,
Который равнодушен и усат
И проявляет к нам бесчеловечность,
Не продлевая жалкие часы,
И оторвал железные усы,
Чтоб в пустоте лица увидеть вечность.

Потом я поглядел на этот мир,
На этот неугодный Богу пир,
На алчущее скопище народу.
И, не найдя в гримасах суеты
Присутствия высокой пустоты,
Обрел свою спокойную свободу.

* * *

Я поздно пойму, что за сказочный дар —
Твое обнаженное тело,
Когда возникает взаимный пожар
Любви за чертою предела.
И хочется эти мгновенья продлить,
Из прошлого взяв по осколку,
Пока между нами незримая нить
Еще не ослабла,
поскольку
Всему в этой жизни приходит конец,
Не долго веревочке виться.
Осталась зола от горенья сердец,
И надобно остановиться.
Октябрь разбросает листву по полям,
Бореем пройдется по лесу,
И нас навсегда разведут по полам,
По признакам, по интересу,
По призракам полузабытых дорог,
Едва различимых под илом,
По судьбам, которые выдумал Бог,
По разным углам и могилам...

1994

Из цикла «На остром сквозняке воспоминаний»

(«Континент» №88, 1996)

* * *

Напрасно... Не проси
У Господа, простак,
Ни запоздалый кров,
Ни запоздалый ужин.
Ты появился здесь
Совсем не просто так,
Востребован судьбой
И для чего-то нужен.
Как, скажем, мотылек —
Для пламенной свечи,
Как бледный стеарин —
Для ассирийской меди...
Не знаю почему
Мерещится в ночи
Томительный финал
В пошлейшей из комедий,
С которой ты уйдешь,
Когда придет пора
Явиться на коне
Безумному ковбою...
Всего не объяснить
При помощи пера,
В пустой бессонный час
Беседуя с собою.
Но можно поглядеть
На контур фонаря,
Что отразился весь
В провинциальной луже,
И аллилуйю спеть,
За всё благодаря,
И вспомнить про друзей,
Чья жизнь сложилась хуже.

1995

Из цикла «Я фразу записал...»

(«Континент» № 92, 1997)

* * *

Я маленький и пьяный человек.
Я возжелал в России стать пиитом,
Нелепый, как в музее — чебурек
Или как лозунг, набранный петитом.

Мои просторы, как декабрь, наги,
Но мне знакома зоркость зверолова.
И боль, как пес, присела у ноги,
И вместе мы выслеживаем Слово.

Муха

Ноябрьское ненастье за окном,
Наискосок летит снежок,
И я
Сижу и слушаю, как ходит лифт за стенкой,
Минуя мой этаж
И возвращаясь вниз.

Я всё кого-то жду,
Надеюсь, что придет...
Встаю,
Курю,
Сажусь,
А на моем столе,
Между стаканом грязным и бумагой,
Последняя,
Еще живая муха
Сидит и лапки чистит,
Будто точит
На снегопал
И на меня
Ножи...

И если ты сегодня не придешь,
То муху я поймаю,
Завяжу
За лапку аккуратно ниткой тонкой
И посажу в тепле настольной лампы
Со мною вместе зиму зимовать.
Ведь человек,
Который не имеет
Любимой женщины,
Собаки или друга,
Способен муху посадить на нитку,
Давать ей крошки,
Сахар и питье,
Прислушиваться к вою ветра,
Думать
О том,
Что в этом мире есть весна
И старенькая мама,
И любовь...

Из цикла «Семь стихотворений»

(«Континент» №95, 1998)

* * *

Когда-нибудь настанет крайний срок
Для жизни, для судьбы, для лихолетья.
Исчезнет мамы слабый голосок
И грозный голос моего столетья.

Исчезнет переплеск речной воды,
И пёс, который был на сахар падкий,
Исчезнешь ты, и легкие следы
С листом осенним, вмятым мокрой пяткой.

Исчезнет всё, чем я на свете жил,
Чем я дышал в пространстве оголтелом.
Уйдет Москва — кирпичный старожил,
В котором был я инородным телом.

Уйдет во тьму покатость женских плеч,
Тех самых, согревавших не однажды,
Уйдут Россия и прямая речь,
И вечная неутоленность жажды.

Исчезнет бесконечный произвол
Временщиков, живущих власти ради,
Который породил, помимо зол,
Тоску по человечности и правде.

Исчезнет всё, что не сумел найти:
Любовь любимой, легкую дорогу...
Но не жалею о своем пути.
Он, очевидно, был угоден Богу.

Из цикла «Монолог»

(«Континент» №99, 1999)

Жизнь

Любила порой,
Возносила, пугала
И мукой была,
Но, как в пустыне глоток,
Длилась только мгновенье.

1999

Ефим БЕРШИН

ПОПЫТКА ПРИКОСНОВЕНИЯ

Памяти Евгения Блажеевского

Праздник не удался. Задумчивые пони, тщетно поджидавшие на аллеях ВДНХ маленьких двадцатикопеечных наездников, разошлись по конюшням. Продрогшие лебеди попрятались в своих надводных будках, почему-то напоминающих собачьи, оставив пустынной закипающую под дождем поверхность пруда. Ветер принес охапку листьев и бросил на наш стол рядом с пустыми стаканами. За соседним столиком съежилась пожилая пара, но через несколько минут и ее сдуло.

Праздник не удался. «Закрыли мое шапито». И нужно было побыстрее проваливать из этого застывающего пейзажа, чтобы не стать его частью, как те старик со старухой (не наши ли соседи по кафе?), которых Женя позже двумя штрихами впаял в эту картину:

Цветы увядают,
И, словно подбитые птицы,
Старик со старухой
Сидят в опустевшем кафе.

Мы еще посидели немного, словно ожидая, не вернется ли лето, а потом побрели в сторону Ботанического сада, вдоль маленького зоопарка, по пустой, продуваемой насквозь аллее. И это был уже не просто ветер. Это было очередное дыхание бездны, отступившей было под лучами короткого лета. И Женя вдруг остановился и как-то опасливо обменялся взглядами с двумя вымокшими в своем загоне волками. Нас отделяла крашеная металлическая сетка, и неизвестно еще, кто из нас был в загоне. Нас отделяла такая прозрачная граница.

* * *

Евгений Блажеевский прожил жизнь на границе. Граница, естественно, была незримой, без пограничных столбов, без пограничников с собаками. Не Женя ее нарисовал, и он же сам не всегда ее различал. И вообще мало кто о ней догадывался. Но она была. И без каждой из сторон ее он не мог жить, но и на каждой из сторон — тоже. Так и прошел по лезвию пограничной черты, разрываемый противоположными полюсами.

В конце шестидесятых дом на Кавказе (в Кировобаде) не ужился с русской поэзией, и Женя стал обитателем московских коммуналок, потащив за собой в столицу собственные корни вместе с кусками почвы, на которой вырос. На Кавказ больше не возвращался — чужое. Хотя через какое-то время признался:

Из мусульманства,
Из дашбашных дел,
Из местной жизни,
Чуждой славянину,

Я непременно вырваться хотел.
И променял
Чужбину
На чужбину.

Москву любил. Подолгу мог бродить по городу, постигая его сырую, размытую дождями пластику. А постигнув, видимо, понял, что любовь получается безответная:

Уйдет Москва — кирпичный старожил,
В котором был я инородным телом.

Он запустил себя в никуда, в зыбкий космос поэзии. Память тянула назад, в кавказскую юность. И она же от нее отталкивала. А действительность выпихивала из настоящего. Космос начинался с подвалов, с грязи случайных жилищ. И ими же заканчивался.

А жил я в доме возле Бронной
Среди пропойц, среди калек.
Окно — в простенок, дверь — к уборной
И рупь с полтиной — за ночлег.

Грязь болела физически. Стихи спасали. Он был аристократом, потерявшим усадьбу. Аристократом на изнаночной стороне бытия. Репатриантом из мрака в пустоту.

Это потом аукнулось новой чертой. Уже когда стал владельцем московской квартиры, атавизм бездомности то и дело куда-то гнал.Сознание жило — между. Между домоседством и бездомностью. Между брезгливой чистоплотностью и грязью. Между аристократизмом и участливым любопытством к изгоям. Они его как-то узнавали. И он почему-то к ним тянулся, хотя потом сам же и пугался. Кажется, он им приписывал какие-то потусторонние свойства. Пять лет назад я навестил Женю в больнице, куда его уложил Гена Чепеленко — друг и прекрасный врач. (На сердце Жени, кстати, отыскались два рубца от микроинфарктов, которые он со своей бешеной энергетикой просто не заметил.) В уборной, куда мы отправились покурить, стал мне рассказывать, что в больницу привезли бомжа, у которого во рту живут мухи. Я не поверил. Как это мухи живут во рту? А Женька кривился от ужаса и клялся, что сам видел. Были мухи или не были — не знаю. Но строки появились тогда же:

Познавший по окуркам все сорта
Заморских сигарет и злые муки,
Блуждает бомж, и голубые мухи,
Как искры вылетают изо рта.

Он любил свою страну. И жил между этой любовью и отвращением к тому, что в ней происходило в последние десятилетия. Это еще одна граница.

Как всякий южный человек, очень любил лето. Но всегда ждал осени, потому что осенью приходили стихи. Ждал стихов с нетерпением, но и с некоторым страхом, потому что неизбежно прикасался пером к той бездне, которая эти стихи приносила. Одно и то же и тянуло, и отталкивало. Давало и отбирало. Вдыхало жизнь и приближало к смерти. А он, «чужою раной раненный», так и шел по этой черте, которую сам определил фразой — «косая кромка бытия».

* * *

Эти волки на ВДНХ запомнились какой-то своей гротескной, даже фарсовой обреченностью. Потому что явились там, где ни за что не должны были являться. Конечно, этот зверь или, точнее, образ его преследовал Блажеевского всю жизнь. Волки настойчиво прорывались в стихи, кажется, без воли поэта. Прорывались, внушая то страх («А за стеной морозно и темно, И кажется, что где-то воют волки...»), то блаженное осознание общности («Что-то волчье есть в моей дороге...»), то горделивое превосходство, обреченное понимание, что никаким волкам не под силу разделить волчью сущность его, Блажеевского, судьбы:

Беспамятство мое страшней тоски,
Которую приписывают волку.

Но подразумевался всегда именно одинокий волк, гордый даже в своей загнанности. Женя ведь никогда ни к кому не примыкал. К нему — да, пытались. А он просто не умел жить по чужим законам — законам стаи, не понимал, как это можно врываться в литературу какими-то группами и хвалить то, что не нравится, исключительно потому, что ты с кем-то в одной обойме. Мог, правда, из жалости похвалить какого-нибудь графомана, но когда речь заходила о серьезной поэзии, был жестким.

Он очень дорожил людьми, с которыми общался, нежно любил друзей, переживал за них, но, мне кажется, держался на плаву тем, что где-то рядом жили такие же мечущиеся поэты, художники, изгои или, наоборот, с виду благополучные люди, но на самом деле лишь надевшие маску благополучия, чтобы скрыть от посторонних страшный оскал волчьей неприкаянности. Он уважал чужие таланты, гордо приговаривая по поводу чьего-либо успеха: наши люди все могут. Следил за их творчеством. Общался. Время от времени шарахался от них в страхе, узнавая, как в зеркале, себя. Потом опять возвращался. Потому что их присутствие как бы оправдывало и его земную жизнь. Они подтверждали: настоящий волк всегда оказывается один на один с бездной, ибо его «судьба одинока, как дальний охотничий выстрел».

Один на один. Mano a mano. Страшно?
Не страшно, но только в упор
Со смертью, уже без обмана,
Как раненый тореадор,
Ты встретишься mano a mano.

Когда писал — не боялся. Был абсолютно свободен. Потому и не исповедовал никакой религии, и не ходил в церковь, что не терпел никакого вмешательства в свои отношения с Богом. Так и заявлял: «Мне не нужны посредники». Но стихи ведь не всегда писались. А в обыденной жизни, пожалуй, было страшновато. И тут спасался от одиночества, как мог. Удивительно умел выбирать людей для общения. Вернее, так: не он выбирал, а они как-то выбирались ему сами. Абсолютно разные, непохожие, несовместимые, они при нем становились единым целым, учились дружить меж собой даже без Жени, словом, обретали одну группу крови. Они спасали. Они старались понять. Они становились для него способом коллективного ухода от страха.

В этом человеке сумасшедшая страсть и тяга к общению всегда соседствовали с горьким одиночеством. И ни он сам, ни близкие ему люди ничего с этим поделать не могли. Его любили и спасали, как умели. А он убегал. Потом покаянно возвращался, недельку не выходил из дома, всем своим видом выражая раскаяние. Именно в эти периоды звонил мне и совершенно искренне возмущался какими-то своими знакомыми или друзьями, которые дошли до того, что неумеренно пьют и вообще ведут себя неподобающим образом.

С годами одиночество становилось все более неизлечимым. Вернее, не так: с годами возникло еще и понимание, что одиночество непреодолимо. Это была уже обреченность. Не помогала даже любовь. А ведь любовь была его сутью. Даром что не крещеный. Как-то сказал: «Но мы же с тобой понимаем, что мир пуст и бесполезен, если в нем нет любви. Иногда, когда мне очень плохо, я встречаю на улицах влюбленных., и становится легче. Влюбленные — это как подтверждение тому, что жизнь все еще не напрасна». Так вот, и любовь уже не спасала. Отваливался последний гвоздь, скреплявший с миром. И он это отчетливо видел.

И, как от забора доска,
Оторван от мира людского.

* * *

Еще в семьдесят четвертом Блажеевский написал стихотворение, начинающееся строкой «Я выпадаю из обоймы вновь»:

А мой удел, по сути, никакой.
Во мраке человеческих конюшен
Я заклеймен квадратною доской,
Где выжжено небрежное «не нужен».

Не нужен от Камчатки до Москвы,
Неприменим и неуместен в хоре
За то, что не желаю быть, как вы,
Но не могу — как ветер или море...

Здесь, может быть, ключ к основной трагедии: природное неприятие любой несвободы и в то же время невозможность достижения абсолютной свободы в том виде, как он ее понимал. «Как ветер или море». Плоть мешала. От нее он постепенно всю жизнь и избавлялся. Но это не было медленным, растянутым на годы самоубийством. Нет. Это было попыткой одолеть плоть духом.

Вообще-то это отчаянное бегство от несвободы началось давно, чуть не с первых шагов. Несвобода всегда бежала следом, наступая на пятки, мимикрируя, приобретая разные формы. Но по сути это и была естественная для этого мира охота на одинокого волка, не столько не желавшего «быть как вы», сколько не умевшего. Стрелки забегали неожиданно, со всех сторон, и было всё равно уже, в какую сторону бежать. А потому — «Лицом к погоне», как он поразительно точно назвал свою книгу.

Вначале казалось, что все дело в советском режиме, который он не любил, да и не мог любить при всем желании.

Мы в пене сада на траве лежим,
Портвейн — в бутылке, как письмо — в бутылке.
Читай и пей! И пусть чужой режим
Не дышит в наши чистые затылки.

Потом оказалось, что дело не то чтобы не в нем, но не в нем одном. Уж писать-то он Блажеевскому не мешал. Да и книжка «Тетрадь» вышла еще в восемьдесят четвертом. А что касается свободы мирской, материальной, то она бывает двух видов: либо человек должен быть очень богатым, либо совсем нищим. Женя с аристократическим видом балансировал на грани нищеты, что, кажется, до поры не очень смущало. Потому что эту свободу обставить необходимыми атрибутами было несложно: «А что еще надо для нищей свободы? — Бутылка вина, разговор до утра...» Но и это на поверку не оказалось свободой. Только иллюзией свободы. Но иллюзия, а потом и наркотическое стремление к ней притягивали, затягивали смертельной петлей, из которой ему все-таки удавалось вырываться. Спасал охранительный инстинкт. Но хотя (по его же словам из стихотворения «Дорога») «Судьба растет, как дикий виноград, Как дерево, — без чертежа и плана...», направление этого роста, тенденция судьбы были ему уже понятны. Помню, когда он писал свой знаменитый теперь венок сонетов «Осенняя дорога», он заклинал меня, а, скорее, через меня — себя, что об Этом он должен сказать и скажет всё честно. Получилось кратко, но исчерпывающе:

Безрассудному пьянству не буду искать объясненье,
Но насколько оно безрассудно, сказать не берусь.

Все в своем стиле. Без философий. И не нам теперь отвечать на вопрос, на который он сам не стал искать ответа. И точно ведь пьянство не было безрассудным, потому что его требовал рассудок.

Из Жени вообще «философ» был никакой. Он и в споре ничего не мог доказать — только злился и шумел. Зато он умел доказывать стихами. И тут уж — никаких доводов против, потому что в стихах никогда ничего не придумывал, полностью полагаясь на тот шепот из-за спины, который пугал, конечно, но и давал облегчение, если хотите, окрыление. В том, *что* пишет, был убежден абсолютно, в том, *как* пишет, иногда сомневался, названивал друзьям, проверяя на них варианты стихотворений или отдельных строк. Слушал внимательно, иногда соглашался, но жестко пресекал любую попытку посягнуть на суть написанного, которую в каждом случае знал он один. А сутью и целью было — максимально точный перевод с Божьего на русский, доступный и внятный, для чего к концу жизни почти полностью отказался от метафор. Они ему были не нужны, уводили в сторону, затеняли суть красивостью, мешали из земной провинции говорить языком небесной метрополии.

В провинции такая глушь,
Что обойдемся без метафор.

Так вот, этому максимально точному переводу мешала недостаточная свобода. И он упорно отбрасывал все — закрепощавшие условности бытия, авторитеты, идеологии, дни недели («Свобода жить без мелочных забот, Свобода жить душою и глазами, Свобода жить без пятниц и суббот, Свобода жить как пожелаем

сами...»). Потом добрался до отрицания такого кардинального понятия, как время, и, наконец, подверг сомнению угодность этого мира его Создателю. Всё. Очистил свое восприятие максимально.

Это пришло где-то в начале восьмидесятых. Мы бродили без дела по Москве, Женя был светел, силен, одухотворен и бубнил несколько строк:

Когда я верить в чудо перестал,
Когда освободился пьедестал,
Когда фигур божественных не стало,
Я, наконец-то, разгадал секрет, —
Что красота не там, где Поликлет,
А в пустоте пустого пьедестала.

Эти свои самые философские, может быть, стихи он писал еще несколько лет (всего-то три строфы!). Но в каждой последующей — четкая динамика освобождения. То есть он именно повернулся «лицом к погоне», лицом к пустоте. Он начал с ней сливаться.

Потом я взял обычный циферблат,
Который равнодушен и усат
И проявляет к нам бесчеловечность,
Не продлевая жалкие часы,
И оторвал железные усы,
Чтоб в пустоте лица увидеть вечность.

А увидев, окончательно успокоился. Он получил абсолютную точку отсчета, позволившую взглянуть на все окружающее как бы со стороны и разочарованно — но одновременно и спокойно — вздохнуть.

Потом я поглядел на этот мир,
На этот неугодный Богу пир,
На алчущее скопище народу
И, не найдя в гримасах суеты
Присутствия высокой пустоты,
Обрел свою спокойную свободу.

Любопытны вариации пустоты в исполнении совершенно разных людей, с которыми мне довелось общаться параллельно в последнее десятилетие. Философ Григорий Померанц, ссылаясь на рублевскую «Троицу», заговорил об условной животворящей пустоте, способной объединить в наше раскольничье время страну. Писатель Андрей Синявский в «Прогулках с Пушкиным» догадался о пушкинской пустоте, которая одна и давала ему возможность максимально воспринимать диктуемое извне, записывать и таким образом избавляться от написанного. (Чем еще, кстати, страшна для поэта несвобода — ненаписанными стихами. Ненаписанные стихи — как шлаки в крови, постепенно перекрывающие доступ кислорода.) Поэт Борис Чичибабин не уставал рассказывать, какой он пустой и никчемный человек, и чуть ли не с недоверием глядел на собственные стихи, не понимая, откуда они берутся. Блажеевский же поступил как ребенок, раздирающий куклу, чтобы узнать, каким образом она говорит «мама». Разгадав значение бездны, он ринулся ей навстречу, чтобы посмотреть, как она устроена.

* * *

Следует сказать особо еще об одном аспекте свободы — о свободе для страны, для России.

Женя был удивительным, страстным патриотом. Патриотом, не ведающим паспортных наций (тем более, что в нем самом было намешано с полдесятка кровей), патриотом, четко тем не менее различающим свое и чужое. Чужое мог уважать, мог любить, а за свое — болел. И болел порой тяжело. Болел от всех передряг, выпавших стране, болел от навалившихся на нее унижений, от глупости и вороватости вождей, ругался, глядя на происходящее, но не прощал тому, кто отзывался о России отстраненно, холодно, безучастно. Россией надо было болеть. И он болел. Все, связанное с Россией, должно было быть лучшим. Доводов никаких не принимал. Особенно забавно это проявлялось во время футбольных трансляций, когда он победу или поражение сборной напрямую проецировал на состояние дел в стране. Спустя месяц после Жениной смерти мы с Олегом Хлебниковым подпрыгивали на креслах в Питерской гостинице, глядя, как наши обыгрывают французов в Париже. А когда все закончилось, чуть не одновременно вздохнули: эх, Женька не дожил!

Происходящее со страной отзывалось в его бедном сердце напрямую:

Сжимается шагрень страны
И веет ужасом гражданки
На празднике у Сатаны,
И оспа русской перебранки
Картечью бьет по кирпичу,
И волки рыщут по Отчизне,
И хочется задуть свечу
Своей сентиментальной жизни.

При этом Женя уже все понимал, все обдумал и за пределами стихов. «Русский народ, — говорил он, — не стал, к сожалению, в нашей стране тем основополагающим ядром, каким, например, стали англосаксы для США. Замордованный вначале коммунистами, а потом и посткоммунистами, он согнулся под непосильной ношей. Не может быть лидером самый бедный, измученный, растерянный. Распад был, скорее всего, не столько неизбежен, сколько необходим. Потому что та тяжесть, которую взвалил на себя русский народ, оказалась ему не по силам. Именно здесь кроются наши сегодняшние беды и неприятности».

Но, конечно, не столько политические границы его интересовали, не столько количество оставшихся за Россией земель, сколько очевидный распад русского культурного материка. А уж это-то было для него точно смерти подобно.

Освободясь от лошадиных шор,
Толпа берет билеты до америк,
И Бога я молю, чтоб не ушел
Под нашими ногами русский берег...

В своем стремлении к свободе народ пошел на самоубийство. Тут круг замкнулся, и Блажеевский, дошедший в поисках своей личной свободы до конца, остановился в растерянности:

Российская сущность свободы —
Распад, растворение, мрак...

Мне кажется, Женя не успел сообразить, что «российская сущность свободы» близка к свободе абсолютной, поскольку граничит с бездной. И именно в этом смысле Евгений Блажеевский — истинно русский поэт.

* * *

Пишу вот и просто физически чувствую, как строки спотыкаются, распадаются, бессильные передать и боль, и значение потери. Будто впервые взялся за перо. Впрочем, это ведь не воспоминания и не анализ творчества, к чему я вряд ли способен и чем, видимо, займутся в будущем другие. Это — попытка прикосновенья. Попытка прикосновенья к судьбе. Первая, после Женининого ухода. Всё еще горячо. Все жжется. Не остыло.

* * *

Так вот, волки эти не должны были появляться здесь, в Женином Эльдорадо, в сказочной его стране начала восьмидесятых. Да, с миром всегда было «Несовпаденье. Путаница карт...». И именно к этому времени Блажеевский окончательно понял, для Кого пишет. Все чаще отказывался от публичных выступлений, хотя читал здорово. И даже публикации его стали интересовать исключительно как средство заработать немного денег. Но он нашел себе заповедник, загон, огороженный высоким забором, в котором с удовольствием проводил летние дни.

Тогда я частенько слышал по утрам в телефонной трубке: «Старик, пошли на выставку». И мы шли на выставку. Выставкой у Жени называлась ВДНХ. Тогда, до эпохи рекламы и тотального бизнеса, особенно в будние дни, выставка выглядела островком иного, беспроблемного, мира. Здесь были пруды, лебеди, зоопарк, лошадки, тенистые аллеи и много-много маленьких и дешевых забегаловок. За вход надо было платить, но Аркадий Пахомов знал тайный ход со стороны киностудии, и мы проникали бесплатно. Да, мир не принимал, но здесь у «горсточки потерянных людей» было все, что нужно для «нищей свободы». И кто знает, может быть в лужице разлитого по столу портвейна Жене мерещился «Пьяный корабль» Рембо, с блеском им переведенный, а в шуме фонтанов — экзотическая Аргентина, в которой он никогда не был, но где хотел бы родиться для новой жизни.

Но все же я хочу родиться вновь
Не на угрюмом Севере, а, скажем,
В далекой и прекрасной Аргентине,
Где танго и цветы, как на картине...

Заходить в павильоны и глазеть на достижения советского народного хозяйства, конечно, никому в голову не приходило. Хотя изредка попадались выведенные из стойла прямо на аллеи огромные пятнистые коровы и отменные рысаки. А вот крытые дырявым шифером забегаловки внушали покой и раскрепощение. Вчерашние пельмени с кисловатой сметаной прекрасно дополняли бутылку вина,

чтение стихов и долгие разговоры. Женя чувствовал себя превосходно и поминутно через стекла очков заглядывал мне в глаза, желая удостовериться, что я тоже счастлив.

Но короткое московское лето заканчивалось, как всегда, неожиданно. А осень... Осень у него была своя. Осень для него была не просто временем года — синонимом ухода. Осенью бездна подступала вплотную, вместе со стихами. Порознь они к Блажеевскому не ходили. И потому с первыми дождями и северным ветром, в тот промежуток, когда лето уже кончилось, а стихи еще не пришли, на него было больно смотреть. А потом, где-то к началу октября, ко дню рождения, он уже приходил в нормальное состояние и — с новыми стихами.

Не случайно его главное (на мой, конечно, взгляд) произведение — «Осенняя дорога». Он ее писал десять лет. Магистрал уже давно был опубликован, из него сделали несколько песен, а все остальное еще писалось и писалось. «По до-ро-ге в Заго-о-рск», — тянул Александр Подболотов в фильме и со сцены. «По до-ро-ге в Заго-о-рск», — пела Бичевская. А Женя в это время все еще, как натюрморт в раму, втискивал всю свою жизнь, всю свою осеннюю судьбу в эти четырнадцать отрывков. (Марина Кудимова, друг называется, по иронии судьбы депутатствовала в перестройку именно в Загорском районе и расстаралась, чтобы название «Загорск» навсегда исчезло с географической карты, оставшись только фактом Жениной поэзии.)

А в последнюю осень случилось непоправимое: сентябрь пришел без стихов. И октябрь тоже. Домучился до запасного на этот случай декабря — мимо. Потом заговорил о смерти.

Интересно, что сталось с теми волками с «выставки»?

* * *

Последнюю, третью книгу, выхода которой так и не увидел, Блажеевский назвал «Черта». Эпоха подвела черту под ним, а он — под эпохой. Или не под эпохой даже — под веком, тысячелетием, под целой эрой развития человечества. При этом я совершенно далек от мысли поспешно превозносить своего друга до небес и награждать превосходными эпитетами. Только время все назовет своими именами. Но просто так случилось, так совпало, что он стал современником гигантских революционных процессов, бродящих по нашей земле уже целое столетие и именно в наши дни приобретших реальные очертания. А поскольку уж Женя чуял «запах талых вод, Как раненую дичь собака», то он и их, естественно, учуял, и они превратили прекрасного интимного лирика, каким он был рожден, в одного из самых значительных русских поэтов конца века.

Он говорил: «Лично мне неуютно еще и потому, что мы, по всей видимости, находимся на новом витке человеческого познания и сознания, которые мне уже не преодолеть. Мы присутствуем на процессе, когда изменяется мышление, переоценивается культура, умирают религии в том виде, в каком они сейчас находятся. А вместе с религиями умирает, к сожалению, книга... Уже сейчас многие поэты называют свои стихи текстами. Все это печально. Но надо смотреть правде в глаза: процессы эти неотвратимы, и нам не дано их предотвратить. По

этому пути идет человечество. И мне, честно говоря, несмотря на все ужасы и кровопролития, хотелось бы чуть-чуть подольше задержаться в двадцатом веке с его пониманием традиций, эстетики и красоты. То, что грядет в грядущем столетии, мне чуждо».

И вот совсем немного лет
Осталось до скончанья века,
В котором был один сюжет:
Самоубийство человека.
.....
Но я, смотря ему вослед,
Пойму, как велика утрата.
И дорог страшный силуэт
Стервятника
в дыму заката!..

Он осуществил желание. Остался в XX веке навсегда.

Все сошлось и затянулось петлей. Сбежавший когда-то с Кавказа от «дашбашных» дел (ты — мне, я — тебе), через два с половиной десятка лет Женя вдруг обнаружил, что они догнали его в Москве и стали государственной политикой. Перевод человеческих отношений на коммерческие рельсы, поворот к деньгам как к высшей ценности был ему омерзителен. Русская культура, которая одна всю жизнь и держала его на плаву, дала, на его взгляд, очевидную трещину, как «Титаник» напоровшись на гигантскую подводную плоть. Плоть побеждает духовность. Мир избавляется от культуры. «В глобальном плане, — говорил Женя, — культура уже не учитывается, как не учитываются и особенности наций. Тело пожирает душу». Войну на Балканах он так и воспринимал, как агрессию плоти против духа, против национальной самобытности, мешающей распространению плотских ценностей нового века. Говорил, что ему стыдно жить.

Когда писал стихотворение о 1972 годе, «немытом, словно кружка в общепите», все же назвал его прекрасным, потому что «молодость была и потому Со мною времена не совпадали». Теперь они опять не совпали. Но уже не было молодости. И не было сил. И стихи стали изменять.

Женя не привык ходить в ногу. Он не пожелал менять знание и сознание вместе со всем человечеством. Он сделал это сам, по-своему, материализовав собственные строки из стихов, написанных в память матери:

...и ко мне
Долетит извещенье от мамы,
Что не только она, но и я,
Забывая ненужное знанье,
Обрету в темноте бытия,
Как бессмертье, другое сознанье...

Евгений ЕРМОЛИН

МЕСТОРОЖДЕНИЕ СОВЕСТИ

Заметки о Викторе Астафьеве

Астафьев — личностная константа российского литературного процесса на протяжении десятилетий. Писатель счастливо избежал цензурных запрещений и исправно приходил к читающей публике и в 50-х, и в 60-х, и в 70-х, и в 80-х годах. В эпоху, когда литературную жизнь калечили цензура и террор, его репутация сложилась естественно и органично.

Его ранние повести («Стародуб», «Перевал», «Звездопад») сегодня производят, правда, впечатление несовершенных проб; они были не вровень лучшей прозе ранней оттепели. Но уже тогда писатель что-то нащупал верно — и дальше не сходил с избранного пути, все более четко определяя «свою колею» в общелитературном движении. Ретроспективный взгляд позволяет заключить, что Астафьев по-своему, самобытно скрестил в своей прозе, пожалуй, лучшее, что было открыто нашей литературой 60-х, отталкивавшейся от идеологических мнимостей: лирическую исповедальность с социальным реализмом.

В этом ключе создаются его переходные к периоду творческой зрелости повести «Кража» (1966; ее тема — трудное детство в советском детдоме конца 30-х годов) и «Пастух и пастушка» (1971; людей ломает война и не излечивает любовь), его самые значительные вещи советской поры: астафьевский «роман воспитания» «Последний поклон» — многоглавная, вобравшая в себя уйму материалов к характеристике среды и эпохи мемуарная повесть о детстве и отрочестве (1957—1991); «повествование в рассказах» «Царь-рыба» (1976; панорама пестрой сибирской жизни, которая меняется к худшему и, если вспомнить последнюю фразу книги, не дает внятного ответа на вопросы автора), небольшой роман «Печальный детектив» (1986; совестливый милиционер и к тому же начинающий сочинитель борется со всеобщим одичанием и озверением). Донельзя противоречивые отклики вызвали в свое время, на первой приливной волне гласности, рассказ Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» и его получившая широкую огласку переписка с Натаном Эйдельманом (с весьма некомплиментарными суждениями о грузинах и евреях).

Сменились времена, сложился новый литературный ландшафт, пришли новые читатели, для которых советская эра стала баснословным преданием. Не всякий в стране осознал разительные масштабы перемен. Но литература как один из самых чутких инструментов духа откликнулась на происходящее без промедления.

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 году в деревне Хачела Архангельской области. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор книг и статей об истории русской культуры и о современной литературе. Постоянный автор «Континента». Живет в Ярославле.

Немногие писатели, широко публиковавшиеся в советскуэ эру, без колебаний шагнули в новое время и нашли себя в нем. Астафьев — из их числа. И сегодня в его прошедшем войну литературном поколении, среди авторов с таким же огромным писательским стажем, немного есть у нас сочинителей, интерес к новым опусам которых нисколько не остыл (три, собственно, кита, три патриарха: Астафьев, Давыдов да Солженицын, — а кто еще?).

Оказалось, что писатель владеет редким секретом: ему удается сегодня, во времена духовных расслабленности и разброда, почти с гарантией обеспечить неравнодушный отклик на свои книги у самых разных читателей, старых и молодых. (Несмотря даже на то, например, что в нашей школе часто изучают Астафьева по его «Людочке» — едва ли не самой мрачной, шоковой вещи об уголовном беспределе, после которой не у каждого тинэйджера достанет душевных сил спросить в библиотеке что-нибудь еще из того же автора.)

Одним из главных событий в литературе конца XX века стал его выношенный, заветный военный роман «Прокляты и убиты», состоящий из двух частей, «Чертова яма» (о лагере новобранцев в Сибири в 1942—1943 годах) и «Плацдарм» (о форсировании Днепра), предлагающий предельно жесткое, мрачное, безиллюзорное видение войны и акцентирующий неприятие автором советского коммунистического режима.

Но присутствие Астафьева в нашей жизни не ограничивается его «текстами». Вопреки сиюминутной литературной моде, предлагающей забыть о личности творца, Астафьев существует в нашем опыте и как незаурядный, яркий, неповторимый человек. Душевно богатый и щедрый. Смелый и твердый. Он впечатляет искренностью, безбоязненной открытостью, сугубой определенностью суждений и оценок. Писатель и сегодня является полюсом притяжения и отталкивания, он волнует, вызывает любовь и гнев, он влияет на людей, даже помимо собственной воли, самим фактом своего существования.

В эпоху, когда соль теряет силу, когда ветшают и рушатся твердыни, когда жизнь вокруг обесцвечивается, люди мельчают и хиреют, — Астафьев остается авторитетом в традиционном смысле, не испорченном блатной музыкой. Даже если мы с ним не всегда и не во всем соглашаемся. Подчас кажется, что он — один из немногих наших современников, кто мог бы повести за собой потерявших ориентиры людей. Но потом понимаешь: в вожди Астафьев не годится. Его амплуа иное. Это человек страстный, пристрастный, навсегда оставшийся солдатом, воином, кшатрием, готовым по первому зову вступить в борьбу за свою правду. Он стоит на своем, не сверяясь с партийно-клановыми стереотипами, и готов, кажется, с открытым забралом идти против всего мира, если мир не соглашается с ним.

Он давно утратил и ту литературную прописку, которой в давние времена был отмечен в критических анналах. Уже не «деревенский» и не «военный» писатель, не номенклатурный «секретарь СП РСФСР». Не «демократ» и не «патриот».

Ему нет готового определения. Определить его нам еще предстоит.

В литературных пертурбациях место Астафьева — на традиционалистском фланге. Так принято считать. Его дружно зачисляют в реалисты. Это, конечно, не заслуга. (А для кого-то — чуть ли даже не порок.) Но случай Астафьева дает

хороший повод подумать о реальном содержании и месте реалистической традиции, об ее судьбе в XX веке.

Близоруким критикам реализма хочется представить его чем-то старомодным, ветхим, рутинным и банальным. Правды в этом мало; не больше, чем в заклинательных пассах казенной советской эстетики и критики, которая во время оно доказывала партийную пользу реализма и клялась и божилась, что крепко держит его знамя.

Учтем, что в двадцатом столетии художник попал в ситуацию радикального выбора. В эпоху постмодерного художественного полилога ему даются самые разные возможности творческой самореализации, и выбор остается за ним. И если сочинителя, допустим, занимает больше всего остального *постижение сущности мира и человека*, он прислоняется к реалистической традиции. И не просто, конечно, прислоняется. С ним остается, никуда не девается весь опыт века. Реалистическая неоклассика реализуется в диалоге с модернизмом и контркультурой. Современный реализм самоопределяется в актуальном контексте — и приобретает новое качество.

Я б не сказал, что Астафьев долго искал себя в литературе, пробовал, перебирал возможности... Скорее он постепенно вырастал на собственном фундаменте, выращивал то, что было посеяно изначально. Но так или иначе его творческое развитие происходило в контексте неуклонно осознававшейся свободы художественного выбора. Он воспользовался этой свободой. И сегодняшние его художественные произведения являют собой результат предельно личного понимания способа, целей и задач творчества.

Это действительно реализм. Но он вовсе не является признаком творческой инертности и устарелости. Астафьев — в полном смысле слова русский писатель нашего века, его второй половины. Он несет в себе этот опыт, он свидетельствует о нем каждой строчкой. Его реализм адекватен судьбе и эпохе. Он в случае Астафьева продиктован прежде всего оппозицией идеологическим фантомам, великой лжи XX века и является честной попыткой нащупать и противопоставить им что-то подлинное, что-то настоящее, какую-то правду.

Не чуждый изысков современник назвал такое состояние души «ностальгией по настоящему». Искание подлинности, алчба по правде получили в астафьевской прозе самое непосредственное и крайне противоречивое выражение, приобрели практический, нравственный смысл, реализуясь как борьба со злом, тождественным лжи и фальши.

Почти с самого начала Астафьев выносит за скобки «общие истины»; он отказывается учитывать любой суммарный идеологический или геополитический, национальный или классовый интерес. (Заметим, что такой подход довольно обычен для наших литераторов-шестидесятников «поколения оттепели» и легко вписывается в контркультурную парадигму в искусстве западного мира.) Писатель идет уже в первых своих повестях от личного опыта, от опыта рядового, обычного, простого человека. От *просто человека*, значительного не своими званиями и статусом, а лишь и уже тем, что он, человек, — есть. Астафьева занимают и влекут только правда человеческого сердца, подлинность человеческого переживания.

Универсалиям и общностям противопоставлено в мире Астафьева конкретное, единичное — как наименее сомнительный носитель бытийной подлинности. Причем в центре художественного мира находится личность самого писателя с ее своеобычным опытом и уникальным складом. Этим, кстати, Астафьев с самого начала отличался от утопистов-деревенщиков, которые обычно искали неких общезначимых ценностей и смыслов, идеализируя в прошлом всеобщий «лад» и гася личностное присутствие в гармонических ритмах социального бытия. Уже в «Стародубе» писатель представил вполне традиционный уклад жизни (в старообрядческом сибирском поселении) как мир жестокости и юдоль страдания. Тогда могло показаться, что такой взгляд спровоцирован традиционным советским отношениям к островам традиционного русского опыта. Но сегодня ретроспективный взгляд заставляет предположить, что здесь не все так просто. Уже здесь есть зерно одной из основных астафьевских интуиций — о падшем мироздании, разъеденном грехом...

И стремление Астафьева к документализации литературного факта, и прихотливый, вольный излом судеб у его персонажей, и фрагментированность повествования, лишающая и героя, и самоё жизнь детерминирующей «замотивированности», и нараставшие исповедальность и личностно окрашенная публицистичность его прозы — означали открытие и утверждение писателем ценности отдельной жизни, личной мысли, личной судьбы, не вмещавшейся в прописи, не сводящейся к месту в казенных списках. И это был не просто художественный интерес, это было, если угодно, мировоззренческое кредо: декларация независимости от господствовавшей фальши, опыт укоренения в нефиктивной реальности.

Заметим, что такая декларация не обещает легкой жизни. В отсутствие общезначимых гарантий и самоочевидной нормальной истины художнику приходится постоянно добывать ее собственными силами.

До поры-до времени внимание к отдельным судьбам, к уникальному опыту как сфере подлинности не требовало от писателя глобальных умозаключений. Но процесс духовного становления уже в начале 70-х заставляет Астафьева выходить к обобщениям, к общим суждениям о жизни. А где их взять, если на дворе — «эра недоверия»? Логикой творческой и духовной позиции писатель обязывается к тому, чтобы вечно пребывать в подчас мучительном поиске, в тревоге, ежемоментно нащупывать ускользающую подлинность существования, определять правильную линию действия в хаосе бытия. Пожалуй, именно об этом говорил Астафьев в финале «Царь-рыбы»: «Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем? Нет мне ответа». Причем говорил как бы вослед Екклезиасту, противопоставляя философский покой последнего своей растревоженности, своему смятению.

К 90-м годам в творчестве Астафьева, кажется, назрел кризис. Его отпечатки несет литературно-публицистическая деятельность писателя середины и конца 80-х годов. Не ради эпатажа принимается он в это время ругать мужчин и женщин, интеллигенцию и простонародье, грузин, и евреев, и русских, обличать и начальство, и подчиненных. То были для Астафьева годы самого радикального самоутверждения, осознания себя как судьи миру и человеку, народам, нациям, власти, стране, своих мнений — как мерила всех вещей, близких и далеких.

Вот характерный пример такого гневного воодушевления: «Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности. Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей — и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпича — и Кремль наш древний со вшивотой, в нем засевшей, задавило бы, захоронило бы вместе со зверующей бандой по самые звезды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко, с шипом воняли в валенки». (Сказано до того обидно, что нашлись и обиженные с весьма почтенной репутацией. Особенно насчет валенок.)

Но, с другой стороны, писатель, кажется, временами чувствует, что опора на абсолютизированные личный опыт и личное видение той или иной ситуации, той или иной проблемы далеко не всегда обеспечивает уверенное знание истины. Он не устает сомневаться — но иногда сомневается, пожалуй, уже и в себе самом. Непонятными оказываются истоки фальши, лжи и зла.

Его альтер эго в ту пору — одинокий борец против зла Леонид Сошнин, герой «Печального детектива», — вопрошает по поводу проворовавшейся родственницы: «Кто? Что сотворил с этой чистой, бедной женщиной? Время? Люди? Поветрие?» — и не слишком уверенно отвечает: «Пожалуй, что и то, и другое, и третье».

Сошнин человек резкий, гневливый, безапелляционный — но и больной и надорванный, сгорающий в трудах и обреченный на сознание несоизмеримости своих усилий, своих достижений и своих задач. Ему приписываются (с несоветской отсылкой к Ницше и Достоевскому) мысли о том, что зло угнездилось в какой-то неисповедимой человеческой глубине, «гнилой утробе»; уже и там всё искажено и развращено. «...как понять пэтэушников, которые недавно разгромили в Вейске приготовленный к сдаче жилой дом? Сами на нем практику проходили, работали, и сами свой труд уничтожили. В Англии, читал Сошнин, громят уже целый город! (...) На вопрос: «Зачем они это делают?» — всюду следует один и тот же ответ: «Не знаю».

Где же тогда мера подлинности? Кто виноват и что делать? Быть может, действительно, по рецепту Сошнина для укрепления, скажем, брачных уз «отдельным указом ввести порку: молодого принародно, среди широкой площади порола бы молодая, а молодую — молодой...»? В такой рецептуре ощущается явный надлом не только героя, но и автора, сокрушенного размахом человеческих бесчинств и безмерностью непотребств.

Духовная мобилизация привела в итоге Астафьева к частичному преодолению чрезмерного и ничем не обеспеченного субъективизма, к обретению абсолютного критерия, гаранта истины. Сравним финальные, ударные фразы-жесты: уже приведенную выше концовку «Царь-рыбы» и молитвенный финал завершенного в 90-х «Последнего поклона»: «Вот на вере в чудо, способное затушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадежить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего.

Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас!»

От безбожия, от религиозной невнятицы писатель дошел до вполне отчетливого публичного исповедания веры в Бога. К специфике астафьевской религиозности мы еще вернемся. А пока присмотримся подробнее к героям Астафьева.

Наше не столь мудрое, сколько безумное столетие отняло у человека загадочную сложность. Реже и реже писателей привлекают замысловатость индивидуального цветения, причудливые изгибы души, тонкие переливы чувств, психологические сложности и выверты... Такой человек оказался не востребован эпохой. Упрощается «диалектика души». Уходят, позабываются личные сложности. Пропадает многое (чудесный опыт детства; мир любовных томлений и парадоксов; Шостакович и Малер). Даже возраст забывается. Обстоятельства таковы, что сложность перестает интересовать. Встает вопрос о вещах гораздо более насущных, простых и несомненных. О жизни и о смерти. О выживании. О цене этой жизни. О жестокой борьбе с кромешными обстоятельствами, со злом в мире и злом в себе.

(Разумеется, всякий детерминизм относителен. И не из всех закоулков выдуло сложность и богатство индивидуального бытия. Но эти старые вина заметно все ж таки потеряли аромат.)

О том, что в XX веке, «веке масс», стирается слишком сложный для простой и грубой эпохи рельеф индивидуальности, говорено многими. Кто-то об этом сожалел: Ортега-и-Гассет в «Восстании масс». Кто-то в этом искал и находил позитивный смысл: Гвардини в «Конце нового времени». Кто-то смотрел на ход вещей двояко: Бердяев в «Философии неравенства» и в «Новом средневековье». А деваться было некуда. И литература научилась об этом догадываться.

Контекст века заставляет Астафьева обнажать в человеке самое главное, самое существенное. Ему нужен человек — но не в полноте интимных переживаний, не в изощренной интеллектуальной деятельности. У героя Астафьева иной состав. Иной душевный опыт. Более, может быть, грубый, но и более определенный, внятный и строгий. Мужчина — солдат. Женщина — жена и мать. Отсеиваются «лишнее» и «лишние», слишком непростые, чересчур замысловатые. Проступает основа человеческого бытия. Как предмет изображения остается сплошная и голая суть. Выбор. Поступок. Судьба. Игра и схватка с обстоятельствами. Суровая с ними сцепка.

Героям в сшибке с мирозданьем нужно себя отстаивать под угрозой уничтожения. Им поневоле приходится учиться защищать себя, хотя и не всегда, далеко не всегда удается защитить. И эта трудная работа нередко отнимает у них главные силы.

Иной раз, не замечая богатого внутренней жизнью героя, у Астафьева ищут и находят чуть ли не апологию сугубой простоты и безличности. Однажды Игоря Дедкова удивило: у персонажей Астафьева — коллективная мысль, одинаковая реакция на событие. Думают порознь, а про одно. Одними словами. Возможно ли такое?

Увы и ах. В массовом обществе возможно и не такое. Однако это вовсе не означает, что в астафьевской прозе напрочь утрачена личность. Просто она дает о себе знать иначе.

Писатель все-таки считает людей единицами. Вот роман «Плацдарм». Огромное скопление масс. Армии сшибаются друг с другом. Люди гибнут тысячами. Но взгляд автора в мире «бессчетных человекоединиц» постоянно обращен не к скопищам, а к монадам, к отдельным лицам. Он выхватывает их из фронтового дня, из адского пламени страшной битвы — и сводит с читателем. «...серое скопище, в одинаковой одежде, с одинаковой жизнью и целью, однородно до тех пор, пока не вступишь с ним в близкое соприкосновение. В бою начинает выявляться характер и облик каждого отдельного человека. Здесь, здесь, в огне, под пулями, где сам человек спасает себя от смерти, борется, хитрит, ловчится, чтобы остаться живым, уничтожая другого человека, так называемого врага, все и выступает наружу».

И здесь совсем становится неважно, какой человек нации, какого роду-племени. Важно лишь то, чем живет его душа здесь и сейчас. Важен основной вектор этой душевной жизни. Важна судьба и участь. Судите персонажа Астафьева по его делам, не ошибетесь. А о чем он там мечтал, о чем грезил и витийствовал — это не суть. (Так, мельком, приговорено у писателя о Ленине: дошел «до второго распятия Бога и детоубийства». Это главное.)

Есть в романе замечание про фронтовую дружбу. Что встречаются двое — случайные, Бог весть какие — и заботятся друг о друге до смертного часа. Греют друг дружку своим теплом. И каждый знает: случись ранение, друг вынесет его из-под обстрела... Не ахти какая духовная близость. Но уж сколько есть. И теплится надежда выжить.

Мир у Астафьева изображен — как во время бури на море, когда надежные, казалось бы, корабли — разметало в щепу. Человек напоминает потерпевшего кораблекрушение. Когда он вдруг выброшен за борт. После кораблекрушения — человек оставлен один на один с морем и небом. Астафьеву важно, чтобы человек этот уцелел. Писатель болеет за героя. Пусть тот как-нибудь удержится на обломке корабельной обшивки. И еще — пускай сохранит что-то родное и заветное, сбережет в душе искру добра, не разучится любить людей. Он не всесилен, не всемогущ. Но это немногое — ему по силам. В этом — он остается сам собой.

В этом и именно в этом Астафьев — традиционалист. Он верен традиционным ценностям бытия, той христианско-гуманистической логике, которая учит ценить отдельное человеческое существование, почти постоянно находящееся под угрозой.

И еще о личностном присутствии в прозе Астафьева. Он все-таки тяготеет к изображению людей тонкой душевной организации, зная, что далеко не всегда человек таков. Эти его герои (скажем, Борис в «Пастухе и пастушке», Леонид Сошнин в «Печальном детективе»...) в принципе не интеллектуалы и не философы. Но у них острые реакции на происходящее, они чутки к миру и к человеку, деликатны, готовы к состраданию. Если его герой — солдат, то, как определяется в названии одной из последних повестей, — «веселый солдат», причем веселье его — особое, специфическое, не вполне василий-теркинского тона. Это веселье вперемежку с горькой слезой, веселье с надрывом, с юродинкой, с насмешкой над собой («лучшим в мире придурком») и над всяким-каждым, с тоской и отчаяньем.

Этим герои писателя противопоставлены, даже если не осознают того, и эпохе, и судьбе, и большинству. При всем астафьевском демократизме, при неприятии писателем эгоцентрической исключительности мы не найдем у нашего автора ни одной популистской идейки «на размен» или для красы. Ощущается в его прозе скорее тоска по духовному аристократизму, не вполне состоявшемуся в судьбах персонажей.

Чего нет у Астафьева — так это по-настоящему героической, стойкой и полностью ответственной личности, берущей на себя бремя века и способной его вынести. Нет завершенного и показательного опыта человеческого самостояния, какой присутствует в главной прозе XX века — у Фолкнера и Хемингуэя, в «Шпиле» Голдинга и «Силе и славе» Грэма Грина, в «Чуме» Камю и «Белой гвардии» Булгакова... Какой мы находим иногда у Солженицына, Владимова, Азольского.

Человек у Астафьева заведомо несоразмерен бытийной бездне. Он слабее развязанных в мироздании мощных и враждебных сил. Если он и борется, то не на равных, и почти всегда терпит поражение (или побеждает весьма условно, с большими потерями). Ему нечем особо гордиться. Он заслуживает не восхвалений, а жалости. Снисхождения. И получает их от автора. «...жалко отчего-то и сына, и брата, и всех людей на земле»,— заметит писатель в «Царь-рыбе». И там же мы найдем едва ли не ключевой эпизод, корреспондирующий с рассказом Хемингуэя «Старик и море».

Рыбак Игнатьич изловил, было, «царь-рыбу», огромного осетра, но осетр ему так просто не дался. В борьбе с рыбиной зацепило рыбака на крючок, потянуло в глубину, и чуть ли он не утонул, едва спасся. А рыба снялась с самолова и ушла в реку. Человек — жадный хищник — оказался здесь в проигрыше, он сломлен и едва ль не уничтожен. Надо бы ему, по логике повествования, это понять — и осознать свое место в миропорядке... Разительно этот вывод отличается от хемингуэевского исповедания стоического мужества вопреки неизбежному поражению в схватке с обстоятельствами.

С какой-то иронической снисходительностью говорит наш автор и о себе — в постоянном намерении преуменьшить заслуги и подчеркнуть слабости, ошибки и грехи. Хотя, казалось бы, достойно жил и не раз побеждал в испытаньях.

Трудно понять, отчего это так. Сказалась ли здесь извечная (хотя, к счастью, и не повсеместная) русская неуверенность в возможностях и правах отдельной личности? Или проявилось то, что в человеке писатель очевидным образом мало-помалу разочаровывался — и наконец отчаялся чуть ли не бесповоротно?..

Обидным для национально воспаленного чувства образом это разочарование в итоге оказалось повернуто прежде всего на русского человека. Именно русские люди часто жалки и слабы, именно русский человек попускает злу, перед злом капитулирует, и нередко размазан по плоскости. Его можно пожалеть, на него нельзя положиться. Вот где беда-то. (Или русская жизнь так беспримерно жестока, что ломает всякого?) Читая Астафьева, невольно думаешь о том, что многие беды России во второй половине XX века связаны с тем, что первыми у нас истреблены оказались те, кто был способен отвечать за себя. Кто стоял и не гнулся. Их и вырубили. Мало осталось деревьев. Подлесок, а леса нет. Осталась трава. Астафьев и пишет преимущественно об этой траве, а не о деревьях.

У травы свой способ борьбы с эпохальнсй стихией. Приемом сопротивления оказываются нарочитая грубость, даже цинизм. Мат-перемат. Хулиган Леха Булдаков в «Чертовой яме», поманив пальцем комиссара, «вытянул кадыкастую шею и, наплевав сырости в ухо комиссару, шепотом возвестил: «Не стращай девку мудями...» Взамен, значит, доноса. Есть тут та карнавальность, которая по смежному поводу была открыта Бахтиным. Есть полемика с серьезностью официоза. Серьезность, патетику, высокие слова — все это присвоила власть. Их почти не осталось, незахватанных, чистых. Нет с тех пор в России благородного языка. Что ж, будем сквернословить. Будем смотреть на вещи с той простотой, дальше которой уже ничего нет... Но явственна здесь, конечно, и народная расхристанность. Народу разрешили сквернословить, сняли заповеданные табу. Наконец, писателем понято и то, что иногда нарочитой грубостью русский человек пытается «пришибить свою беспомощность». Одно с другим срастается.

Вероятно, писателю было бы легче, если бы он не любил человека вообще, а русского человека в особенности. Но вот любовь — при всех состоявшихся у Астафьева неприятных открытиях — не позволяет ему вершить свой суд бесстрастно.

Он не может не жалеть человека. Критик назвал однажды реализм деревенщиков сострадательным. Действительно, есть, был в активе у этой когорты (в которой одно время числился и Астафьев) тот новый сентиментализм, какой уж века полтора дает о себе знать в искусстве. Тот диккенсовский сентиментализм, для которого важно не то, что «и крестьянки любить умеют», не приоритет даже чувства над разумом, а — жалость к «маленькому» человеку, поставленному в невыносимые условия существования.

XX век дал много оснований для искусства относиться к человеку подобным образом. И у Астафьева в прозе ощутима мощная волна авторского сочувствия, которая подхватывает героя и несет его дальше и дальше. Властвует зачастую стихия сентименталистских сожалений о человеке и мире. Его книги — книги страданий и смертей. Писатель давно и остро почувствовал это влечение к страдающему, мучающемуся, гибнущему. Он не знает суперменов, не интересуется бессмертными. Человек у него раскрывается в страдании, на грани жизни и смерти. Но грань слишком узка. Человек на ней не держится. Соскальзывает. Юноша высокого запроса Феликс Боярчик в разговоре признается, что у него «одна забота: скорее бы умереть» (чем «жить во грехе», «в содоме», «в сраме», «среди иуд»).

...И тот же властный эрос рождает предельную требовательность, предъявляет высокий запрос к человеку.

В «Чертовой яме» рассказано, как бабушка Секлетинья учила Колю Рындина: «все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты». Про то же — и в эпиграфе к «Плацдарму»: Матф., 5. 21-22... А кто же не сеет смуты? И кто на войне не покушался на братоубийство? А кто и безо всякой войны у нас в России в XX веке не гневался на брата своего напрасно? Все виноваты.

В недавней повести «Веселый солдат» герой (альтер эго автора) рассказывает о себе, как воевал, как затем мыкался по госпиталям, вернулся к мирной жизни,

женился, пытался содержать семью, — и все это служит поводом для того, чтобы ощутить несовершенство мироздания, обреченность человека в обезбоженном мире. На первых страницах герой убивает немца — и у него еще будет потом возможность осознать, что за это ему придется заплатить.

«Испоганились» русские люди. Вот Бог и карает их «невиданной карой, голодью, вшами, скопищем людей, превращенных в животных». Они забыли Бога, да Бог про них не забыл. Помнит и наказывает. Куда делся русский народ-богоносец? Надсадился. Сгнил на корню. И нечем гордиться. Отсюда и общие его, народа, меланхолические мысли. И тяга его к тому, чтоб надеяться на чудо. И что отбита воля к протесту. Астафьев показал, что сталось в XX веке с нашим мифическим богоизбранничеством.

Есть такая старая песня «о главном»: он «метил в коммунистов, а попал в народ». По разным поводам ее не раз уже спел, скажем, Л.Аннинский, а подпевал ему затем еще и В.Сердюченко. Астафьев! Вот кто, оказывается, виноват в том, что народ наш то ли еще жив, то ли уже мертв. (Хорошо хоть не посадили еще старика в яму, как Иеремию, не бросили в львиный ров, как Даниила.)

Возникают по адресу писателя и более грубые обвинения: он отнимает у нас нашу победу. Не смеет какой-то там борзописец касаться наших мифов. Зачем вообще «это влагание перстов в то, что прочно запечатлелось в историческом сознании нации как жестокое, прекрасное и героическое?», — вопрошал тот же В.Сердюченко по поводу романа «Прокляты и убиты», начитавшись, должно быть, на ночь Константина Леонтьева либо Вадима Кожинова...

Какая фарисейски лукавая формула! Тем, кому не нужна истина, трудно понять Астафьева с его неуместной искренностью, с его невозможной прямизной. Там, где один видит «прекрасное и героическое», другой замечает трудную, неизбежную, страшную, греховную, надрывающую сердце работу.

Читатель вправе возразить критикану-писателю и следующим образом: не все ж так пали. Не все же предали. Не все отреклись. А виноваты у Астафьева оказались именно *все*, «в чем-то бесконечно виноватые люди». Отчего же поголовный такой приговор?

Что ответить? Размашистость, безапелляционность писателю весьма свойственны. Упрощать — так упрощать. Человек проще, чем вы о нем думали. Хватит его усложнять. Комиссар — значит, негодяй, ублюдок. Функция определяет качество. А ведь, наверное, и какой-нибудь комиссар, если присмотреться к нему, не так уж безнадежно потерян для вечности. Не каждый коммунист — беспросветный гад. Это, конечно, знает и сам автор. Но дает волю требовательному чувству.

Впрочем, дело не только в чувстве. Мотив *общей вины* имеет более глубокие корни. Есть он, вспомним, у Достоевского (идея вины всех за всё и за всех), у Толстого (нет в мире виноватых, кроме меня; а «я» — это всякий человек, достаточно зрелый духовно...). Астафьев интуитивно угадал и подхватил эту большую тему русской литературы, он душой созрел до нее, хотя и не всегда адекватно ее выражает. Еще и отсюда — это странное сопряжение сострадания и суда, жалости и мщения в его прозе. Точно так же подхвачена и выражена была писателем и мысль о том, что зло на Руси разгулялось выше всякой меры, потому

как «добросердечный» русский народ тому не противится. (Тут вспоминаются недавние рассуждения академика В.Н.Топорова о своеобразной черте русской ментальности, воспитанной почитанием святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, без сопротивления отдавшихся убийцам...)

Мир Астафьева полон конвульсий. Полон содроганий. Плоть здесь распята. Плоть горит. Дух мятется и страждет. Остро чувствуешь, что исток такой литературы — Библия. Его творчество — путь к Богу, о котором он никогда не забывал, даже если числил себя в молодости «атеистом-безбожником». Эта память особенно остро являла себя в сценах смертей и разлук, коих так много в прозе Астафьева.

«...червоноармеец, а знает молитвы!»

И все выше тот горизонт вечности, который доступен писателю, все свободнее его дыхание на просторе безбрежного бытия. Таким оно, художественное творчество, в общем-то, и призвано быть. Но все ли об этом помнят? И все ли готовы взять на себя груз такой ответственности?

Этот путь глубоко личностен. Чужд рекламы и саморекламы. Чужд общих, прямых, проторенных стезей. Он далек от схоластики и начетничества, далек от ханжества, сусальности. Его христианство — не конфессиональная метка, чем-то сродни индульгенции, а жар сердца, плачущая душа. Большой душе не впору те жесткие, но и надежные формы, в которые, бывает, укладывается религиозность у неофита. Вера Астафьева бежит таких форм. А потому и не знает стопроцентных гарантий.

На этом пути неслучайна бывает молитва (как в завершии «Последнего поклона»). Неслучаен и растерянный, сокрушенный вопрос, вопрошание в духе Иова: «Боженька, милый, за что, почему ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворенное? Зачем ты отворотил от них лик свой и оставил сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель?» Здесь становится чисто служебна, вполне второстепенна форма. Здесь дух размыкает рамку канона, нормы, правила — и слово взрывается, чтобы воззвать.

Путь не кончен. И удивительно читать, как Павел Фокин оценивает мемуарно-автобиографическую повесть Виктора Астафьева «Веселый солдат»: «Странная это все-таки исповедь. Покаяние переплетается с проклятием, плач — с иронией, благочестие — со сквернословием, молитва — с публицистикой. Какая-то растерянность чувствуется во всем строе (или развале?) книги. Покаяние — без надежды на прощение. Проклятие — без гнева. Плач — без слез. Ирония — без отрицания. Такое впечатление, что, остро нуждаясь в исповедальном слове, Астафьев не знает, в каком словаре его отыскать». Позавидуешь Павлу Фокину. Он, вероятно, знает, как находить исповедальное слово без труда (имеет, знать, необходимый словарик).

Есть детская, наивная и простая вера. Чувствуешь себя рядом с Богом и ни о чем не задумываешься, и все легко-легко. Но не лишайте Астафьева его горнила сомнений. Его «де профундис». Его ощущения страшного разрыва между миром и Богом. Человек Астафьева несамодостаточен. Уязвим. И уязвлен. «Богом

проклятая страна», — говорит о России один из лучших его героев, Коля Рындин. Для русских в XX веке «жизнь по Божьему велению и правилу заказана». Мир поражен злом. Мир находится во власти дьявола; и чем дальше, тем больше. Мрак и хаос бытия сконцентрировался в середине XX века в России. На земле «царствовал ад».Это черная бездна века. Здесь и теперь она явлена нам как урок. Черная бездна века. Дно.

Это мировидение можно было бы назвать ученым словом: гностицизм. Но не хочется называть. Потому что Астафьев не желает с таким состоянием бытия смириться. Отсюда его тон — нередко тон пророчеств и обличений. Он примеряет рубище юрода. Готов судить, ругать мир, обличать и уличать. Развенчивать коммунизм. Потрошить эгоистов, циников, приспособленцев, паразитов. Идеологов. Он страстен и моралистичен. Но, отметим это, вовсе не дидактичен. Он ничему никого не учит. Не поучает, а взывает. У него горячее сердце. И пресловутый публицистизм в его прозе менее всего программен, директивен. Это просто голос неутоленного сердца.

Это, например, органическое, нутряное неприятие власти как орудия зла. Неприятие идеологии как зерна розни. Неприятие войны как арены страдания, смертоубийства, братоубийства. Неприятие, доходящее до того, что писатель отказывается зло понимать, не хочет в него вникать хоть сколько-то подробно. (Невозможно, например, представить себе, чтобы Астафьев написал хоть полглавы о Сталине, как сделали это многие более «объективные» литераторы.) Смерть у Астафьева *всегда* либо бессмысленна, либо дается в наказание; а ведь есть у нее иногда и иной смысл. И если война у писателя есть только *место, где самоистребляется человек*, то мы лишь на свой страх и риск можем домыслить этот образ «чертовой ямы», примыслить сюда мотив вольной жертвы, принесенной русским человеком, народом и страной во искупление грехов многих — и спасшей от уничтожения христианско-гуманистическую цивилизацию Запада.

Когда размышляешь о свойствах астафьевской религиозности, приходит в голову, что она порой имеет какой-то ветхозаветный характер. Она состоит из казней и кар, и бог его прозы — подстать суровому карающему Богу Ветхого Завета. Или, по крайней мере, нашим представлениям о нем... Но тут же спохватишься: не все так просто у нашего автора. Как же его жалость к падшим?

Снова убеждаешься: Астафьев весь составлен из противоречий. И не очень пытается их примирить.

Кажется, в душе он не слишком ценит ум, не доверяет рассудку, рационалистическому расчету. Еще в детстве невзлюбил он, по личному признанию, математику, где «все темно, глухо, немо, ничего не живет там, не шевелится и не звучит». С тем, кажется, Астафьев остался и по сию пору, получив к своей нелюбви новые, взрослые основания. Чересчур скомпрометирован разум, с готовностью ставший на службу кровожадным режимам XX века, разум, принявший форму единственно правильных идеологем. Разум, подчинивший себя догме, впавший в безумие, в демоническую одержимость. Оснащенный орудиями уничтожения человека, внедряемый мелкими бесами зла.

Писателю ближе и дороже мир интуиции, мир «естества», мир чувств. Мир спонтанных, непосредственных реакций. Они — самые надежные. Самые точные.

Самые верные. Его люди живут не умом, а душой. Дают волю и личному чувству. Интуитивно угадывают друзей и врагов. Интуитивно спасаются от верной гибели.

Эта интуитивность художественного опыта обеспечивает широту воззрений, свободу симпатий и антипатий. Больная, тревожная совесть Астафьева недирективна. Пожалуй, даже неразумна. Она подобна природному месторождению. Это очень русская, «нутряная» стихийная совесть, лишенная формы, подчиняющаяся спонтанному зову, голосу отзывчивого сердца, далеко не всегда праведная, иногда слепая и несправедливая. Отсюда и ее, совести, тревога. Она не знает заранее правды, она просто чувствует присутствие зла — и остро, требовательно, болезненно, горячо и гневно реагирует на страдание, на муки человеческие, на слезы. Она мечется и тыкается сослепу — и чем меньше видит застланным своими непосредственными впечатлениями взором, тем упорнее и фанатичней взывает и клеймит. Апогей такой страстной одержимости — время «Печального детектива», когда писатель перестал сдерживать себя, или в его душе прорвало плотину самоцензуры, и Астафьева понесло Бог знает куда.

И притом нельзя обмануться: в душевной основе Астафьев мягок. Нет ничего такого, из чего он делает догму. «Мяли много, вот и мягок». Грозен да отходчив. Запредельно нежен и нежданно деликатен. Просто открытая душевность. Предельная искренность. Внутренняя свобода. Непринужденность. Легкость высказывания. (Может быть, и чрезмерная, думаешь, когда натыкаешься на рискованный оборот, на фривольную шутку.)

Так получилось, что в 90-х Астафьев оказался в числе тех авторов, которые задают уровень нашей словесности, уровень разговора в ней о важнейших вещах.

Пишет ли он о войне и о мирных днях, рассказывает ли о собственном опыте, предмет его художественной мысли — это, как и положено в настоящем, «большом» искусстве, состояние мира, обстоятельства человеческого существования. Астафьев сочиняет книги о жизни и смерти. О человеке и Боге. О России и об эпохе... Так, его дилогия «Прокляты и убиты», создана на военном материале. Но это вовсе не военный роман в узком смысле, это портрет эпохи. Астафьев пишет не о войне как таковой, а о времени, пораженном злом, о человеке, искусившемся и наказанном за это Богом.

Много есть в современной литературе рукоделья и спекуляции, но не каждый, ох не каждый покушается на такие темы, не каждому по плечу такой масштаб. Подкупает и волнует эта его разомкнутость к последним, проклятым вопросам и темам. Эпоха. Мир. Вселенная. Человек. Писатель готов мыслить предельными категориями. В своей зрелой прозе он дает образ XX века — из самых, вероятно, убедительных в русской словесности.

Живой классик, он не признает столиц, в которых концентрируется литературное бурление. Европеец по духу, он живет в Азии. Консерватор — он жалуется на то, что существует без почвы, чуть ли не исключительно силой словесной тяги. Его жизнь овсянская, если судить со стороны, не по-державински драматична. Он больше потерял, чем приобрел — и не боится в этом признаться.

И все же есть то, что нельзя утратить. Над Енисеем сегодня стоит то же небо, что и над нами, в Европе. То же небо, что стояло над солдатами в «Плацдарме», которые с огромными потерями, с непомерным напряжением сил форсировали Великую реку, а наутро «явление божиих небес потрясло людей на плацдарме своей невозмутимостью и постоянством. Многим уже казалось, что все в мире пережило катастрофу, все перевернулось вверх тормашкой, рассыпалось, задохнулось и само небо истекло. А оно живо! Значит, и мир жив!»

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ РОССИИ

Современная проза, литературная критика, историко-культурная, философская и религиозная мысль

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА» (БСК) — постоянная рубрика нашего журнала (начиная с 78-го номера).

БСК — это помощь читателю, духовные и культурные запросы которого охватывают достаточно широкие области современного культурного процесса, но который физически не в состоянии следить за всей той обширной российской прессой, что формирует этот процесс.

БСК — это предлагаемый читателю в каждом номере журнала подробный аннотационный обзор всего, что появилось за предыдущий квартал на страницах ведущих российских газет и журналов наиболее значительного и показательного в области художественной прозы, литературной критики, историко-культурной, религиозной и философской мысли.

При отборе текстов для такого аннотирования редакция руководствуется, естественно, органичной для «Континента» системой духовных, культурных и эстетических ценностей, что находит свое отражение и в характере самих аннотаций. Однако задача БСК всякий раз прежде всего в том, чтобы дать читателю, по возможности, наиболее емкое, точное и адекватное представление о самом содержании и характере аннотируемого текста.

При всей определенности редакционных критериев, БСК ориентируется также и на предельно возможную широту при отборе материала для аннотирования. БСК не исключает из своих обзоров даже и такие тексты, которые никак не выдерживают содержательных и эстетических критериев «Континента», но, однако же, выражают и представляют в современном интеллектуальном и художественном процессе тенденции и течения, пользующиеся общественным вниманием. А тем самым — репрезентативны для нашего времени.

В разделе литературной критики БСК информирует читателя только о статьях обобщающе-проблемного характера, обращенных либо к концептуальному осмыслению современной литературной ситуации в целом, либо к анализу тех или иных значительных течений, крупных творческих судеб или даже отдельных заметных явлений в текущем литературном процессе и в недавней литературной истории, но оставляет в стороне весь остальной более частный материал отдельных рецензий, полемических выступлений и прочих локальных откликов на эмпирику текущей литературной жизни.

Таков же принцип отбора и в разделе историко-культурной, философской и религиозной мысли. Здесь аннотируются тоже лишь статьи принципиального,

крупнопроблемного характера, ориентированные на обобщающее концептуальное осмысление тех стержневых процессов, которые имеют определяющее значение для сегодняшних и завтрашних судеб России, ее культуры и ее интеллектуальной жизни. При этом учитываются только работы, имеющие к тому же не специфически-профессиональный, а общезначимый культурный интерес — рассчитанные не на специалистов, а на широкого читателя. Этот раздел БСК публикуется в журнале раз в полгода — в нечетных номерах.

Редакция «Континента» хотела бы надеяться, что БСК — полезный и нужный нашему читателю ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ РОССИИ, сочетающий определенность редакционных критериев с профессионально-добротной информационной надежностью и объективностью в отборе, представлении и освещении аннотируемого материала.

1. Художественная проза

Начало 1999 года. Литературный год начался довольно вяло. Из крупных вещей отметим романы и повести А.Азольского, М.Бутова, И.Клеха, Э.Гера. Довольно слабый отклик на их появление свидетельствует, кроме прочего, о накопленной авторами силе инерции. Настоящим литературным событием каждый из этих опусов едва ли стал. Между тем, раскрученный критикой Виктор Пелевин, что бы кто о нем ни думал, все-таки находит путь к читателю. Симптоматично, что книжками Пелевина завалены прилавки книжных магазинов Москвы. Его активный диалог с масскультом, с культурной модой помогает его успеху. Смогут ли что-то противопоставить этой стратегии наши толстые журналы, склонные к специфическому «академизму»?

Среди произведений, посвященных современности, самое, пожалуй, крупномасштабное — **роман Михаила Бутова «Свобода»** («Новый мир», №1, 2). Это история молодого москвича, нашего современника. После нескольких безуспешных попыток как-то приспособиться к новым временам, он впадает в уныние. Мизантроп-одиночка вселяется в пустую квартиру, предоставленную ему приятелем, и проводит здесь дни в полном уединении. Залегает на дно, как некий новый Робинзон, в центре многомиллионного города. Он предается размышлениям и воспоминаниям, отчего повествование от первого лица производит впечатление подробно-нудной болтовни. Общий мотив мыслей героя — неудача, поражение в жизни, провоцирующее его даже на попытку суицида. Существование персонажа полно всевозможной мороки и докуки. Не дается успех и другим персонажам романа, появляющимся время от времени на горизонте. Хозяин квартиры от житейских разочарований отправляется в Антарктиду, изучать тамошние льды. Приятель героя Андрюха, авантюрист в жизни и в коммерции, становится жертвой этих своих игр. Лучшее в жизни главного героя и Андрюхи случилось в прошлом, когда они совершили экспедицию на север в зимние каникулы, чуть не погибли, но пережили ошеломительное чувство полноты бытия. Воспоминания о былом становятся контрастом по отношению к вымороченному существованию, актуальному небытию. Автор уверенно владеет словом, но сам замысел таков, что над страницей романа нередко скучаешь.

Петербургские литераторы словно бы взяли на откуп тему «советский интеллигент в постсоветском мире». С завидным постоянством в городе на Неве появляются романы, повести и рассказы о служилых людях, сотрудниках разных НИИ и кафедр, не приспособленных к новой жизни и терпящих бедствие в мире, где правят преступность и чистоган. Вот и **в повести Игоря Долиняка «Две смерти»** («Звезда», №1) бывший «групповой архитектор «закрытого» института», превозмогая отвращение к новой, пошлой действительности, становится сторожем в странноватой конторе, где начальствует его шапочный знакомый по давним годам, тогда молодой неопытный юноша, а ныне — заматеревший воротила-коммерсант. От первого лица в довольно заунывной тональности читателю демонстрируются звериные нравы новых хозяев жизни. По ходу дела герой находит старый, 60-летней давности, дневник некоей дамы, который своим чередом вставляется в текст повести. В нем героиня убивает негодяя, шантажировавшего ее прошлым... А ныне мафиозного наймодателя убивают вследствие криминальных разборок, и герой освобождается от необходимости служить, с облегчением возвращаясь к амплуа философствующего бездельника. «Без стеснения скажу, я думал о человечестве. Если какой-нибудь циник прочтет эти строки, пусть себе ухмыльнется, я частичка человечества и поэтому было бы странно и неестественно не размышлять о его судьбе. Я все-таки верю, в будущем люди образумятся, так трезвеет пьяный и осуждает себя, оглядываясь на свои поступки». Нудная, неоригинальная проза.

В романе Нины Катерли «Тот свет» («Звезда», №2, 3) описаны разные женские судьбы на фоне современной шебутной жизни. Героини дружат и ссорятся, устают, задумываются о самоубийстве, попадают в больницу и т.д., и т.п.. Сырой, небрежный, бесконечный и беспорядочный нарратив.

В рассказе Романа Сенчина «Общий день» («Знамя», №3) рассказчик по заведенному обычаю встречается раз в год со своей одноклассницей. «Это любопытно, когда девушку видишь изредка — ты ее знаешь и помнишь с семи лет — и постепенно она превращается в старуху». Встреча становится поводом для продолжительного исповедания мизантропии. Сам герой представлен хроническим неудачником, социальным аутсайдером, принципиальным бездельником, наркоманом и эгоистом.

Лидия Филановская дебютирует на журнальных страницах **романом «Бумеранг»** («Нева», №2, 3). Автор выводит разбогатевшего предпринимателя Влада Донцова, обуреваемого «думами». Его, донцовскими, глазами увидены его супруга Лена с тремя ее шубами, подружка Алена с узенькой попкой, его дети... Заболевает и к финалу умирает дочка Влада Дора; сам Влад также уходит из жизни. Вязкое, многословное, аморфное повествование. Редкая птица долетит до середины.

В рассказе Дмитрия Стахова «История возвратившегося на круги своя Подсухского» («Дружба народов», №3; из книги «Ночь в конце века») изложена история отчасти фантасмагорическая. Герой взят в Учреждение зиц-директором, подставным лицом, а потому оказался в тюрьме, когда выяснилось, что Учреждение — всего лишь крыша для нескольких финансовых пирамид. Выпущенный из тюрьмы по амнистии, Подсухский всеми был отвергнут и поселился на свалке. А дальше начинаются чудеса: его отловили на шоссе некие мордовороты, привезли невесть куда, отмыли, умастили, накормили деликатесами, а после ему

отдалась (или его взяла) роскошная женщина... Кончается, впрочем, эта криминально-декадентская история из современных времен довольно печально.

Любовь и деньги — мотив извечный. **Сочинение Эргали Гера «Дар слова»** («Знамя», №1) имеет подзаголовок **«сказки по телефону»** и изображает историю современных Ромео и Джульетты. Одинокий юноша Серега, «вкрадчивый сладкоречивый гений телефонной любви», пристрастился к этому делу еще в армии. Анжела, томящаяся от скуки дочка новоявленной богачки, в прошлом заведовавшей винно-водочным магазином, для развлечения устраивается работать в фирму «Секс по телефону». Героев сводит судьба на почве их общего увлечения эротическими разговорами по телефону, они заочно влюбляются друг в друга, а потом, не без приключений, встречаются въяве. Но счастью не суждено длиться долго. Сергей становится жертвой многоходовой мафиозной комбинации, инициированной матерью героини, — и гибнет. Анжела жестоко мстит матери и томится в одиночестве. Гер — наблюдательный беллетрист, умный, умелый рассказчик, увлеченный живописными перипетиями своей истории и далекий от философических обобщений.

Галина Щербакова в повести «Актриса и милиционер» («Новый мир», №3) изобразила влюбчивую, немолодую уже актрису Нору Лаубе. Но писательница сосредоточилась на сей раз не на любви, а на бреде коммунальной жизни. С балкона актрисы дважды в течение небольшого времени падают и гибнут мужчины. И хотя Нора в этом, как становится известно читателю, нисколько не виновата, злобные соседи подвергают ее остракизму, а молоденький милиционер Витя, пораженный ее длинными ногами и вольным нравом, собирается тем не менее убить актрису. Есть версия, что это — повесть об интеллигенции и простонародье, об их непримиримой противоположности. Не менее вероятно, что она — о неспособности людей любить. Тот же Витя воспринимает свое увлечение Норой как позор — и именно поэтому решается на оргмеры. Дар раскованного, остроумного беллетриста не изменяет Щербаковой и в этой повести, несколько всё же странноватой, слишком сюжетно избыточной.

В повести Александра Трапезникова «Свет и тени в среде обитания» («Москва», № 1) девушка Наташа накануне вступления в брак знакомится с бомжом Вадимом, ироническим остроумным субъектом. Наташе было скучно, а стало интересно. Финал, однако, печален. В современном обществе с его озверелостью и беспределом нет места для столь странной пары.

О милиционерах, бомжах и смерти повествует и **Михаил Лайков в рассказе «Ожидание»** («Москва», №3). Здесь есть бытовые детали, есть и претензия на философичность.

Новые **рассказы Дмитрия Притулы** («Нева», №3) выполнены в обычном для этого автора сентименталистском духе. В рассказе **«Прощение»** семья прощает мужа и отца, когда-то покинувшего ее, перед его смертью. В рассказе **«Сыновья»** рушится мир в другом семействе (алкоголь, бытовое убийство, любовь на стороне...). Мать запоздало пытается собрать и склеить обломки. В рассказе **«Переселение душ»** мать досадует, что после замужества дочери стала ей «как бы более и не нужна», перенося эту досаду на собаку зятя,— но потом раскаивается. Трогательные, даже умилительные истории.

Современный мир нередко увиден в литературе глазами немолодых, пожив-ших людей. Тяжело складываются их судьбы.

Борис Куркин в рассказе «Доходяга» («Наш современник», №2) вывел полковника Широкова, сочинителя, преподавателя, немолодого ветерана различных военных кампаний. И вот героя разбил инсульт, Широков попал в больницу. Здесь он оправляется под началом милой медички Ольги Игоревны — и потихоньку начинает ее обожать. Лечится Широков успешно, и начинает уже строить планы, не последнюю роль в коих играет означенная Ольга Игоревна. Но не суждено задумкам сбыться. Выясняется, что у героини есть парализованный муж, и она даже просит Широкова помочь ему, ободрить своим примером. Какая уж после этого любовная игра. Без утешения герой выписывается из клиники.

В рассказе Виктора Потанина «Большой хитрец» («Москва», №2) занятный, любопытный старикан Николай Поликарпович ведет интересные автору разговоры. Но жизнь на дворе зла, а потому Поликарпыча убивают бомжи, явившиеся к пенсионеру за деньгами и не нашедшие их.

В рассказе Юрия Кувалдина «Штангель» («Знамя», №3) бывший начальник исправительного учреждения Симаков, оказавшись на пенсии, забрел в края своего детства, туда, где он учился в ремеслухе. Теперь в этом доме «Международный славянский университет им. Г.Р. Державина», впридачу платный. Разведав что и как, Симаков разгневался на то, «ремеслуха университетом назвалась», чует тут фальшь и устраивает скандал.

У Василия Белова же, в рассказе «Во саду при долине» («Наш современник», №2), герой-старик Кенсаринович не умирает, однако мерзнет в плохо отапливаемой квартире — и проклинает, натурально, новую власть, из последних силенок угадывая, что «Ельцин со своей шпаной стариков нарочно вымаривает». Незамысловатая эта история аранжирована бухтинным юмором, простонародным балагурством, которое когда-то так удавалось автору. Теперь от него остался только бледный след, подобный полустершемуся воспоминанию о том, как однажды в Вологде на улице явился козел. Нынче, однако, и это карнавальное животное поставлено у Белова на службу обличению антинародного режима.

Более общий временной план взят **в рассказе Валентина Распутина «Изба»** («Наш современник», №1). Излагается история старухи Агафьи — очередного персонажа из плеяды распутинских старух. В отличие от своих предшественниц Агафья рассуждает мало, всё больше трудится, ломит, тянет нелегкую ношу жизни в одиночку (до разговоров ли тут?). Был в ее судьбе переезд вместе с избой из затопляемой деревни. Сама собрала ее по бревнышку на новом месте. Да и вся эта жизнь — бесконечные труды да печали. После смерти Агафьи ее изба еще послужила людям, а теперь стоит пустая, и даже пожар однажды в ней приключился. Но еще есть там живой дух. «Не так ли и ты, Русь?..»— намекает Распутин притчеобразным повествованием, завершая его следующим образом, с долей косноязычья: «И в остатках этой жизни, в конечном ее убожестве явственно дремлют и, кажется, отзовутся, если окликнуть, такое упорство, такая выносливость, встроенные здесь изначально, что нет им никакой меры». Рассказ вязковат, по-распутински перегружен всякой мелочью и минорно-монотонен.

В повести Игоря Клеха «Смерть лесничего» («Октябрь», №3) некто Юрьев отправляется к дяде в Прикарпатье. Попутно рассказано о том, как Юрьев работал в школе учителем, и о странноватом романе дебилки Маруси и карпатского плотника. Умирает в итоге этот дядя, но начинается повесть с признания, что и у Юрьева «возраст заставлял теперь считаться с возможностью смерти». И всю эту историю можно воспринять как некие приготовления к смерти и как фиксацию процессов жизненного увядания, логики невосполнимых потерь. Поездка становится поводом продемонстрировать как минорность настроений, так и обычную для Клеха изощренную наблюдательность, чуткость к деталям, стилистический изыск.

Михаил Кураев в рассказе «Смертное мгновение» («Звезда», №1) тоже повествует о встрече со смертью. Пестрая компания отправляется на «волге» «в Пушгоры». По дороге вышла ссора, случилось много мусорного, и рассказчик без особого интереса бродит по экскурсионному маршруту, пока не добирается, оторвавшись от всех, к могиле Пушкина. И тут он вдруг пережил катарсис, расплакался, почувствовав окончательность смерти поэта, невосполнимость его отсутствия. «...И внезапные слезы всего лишь признание, признание самому себе в том, что ни одной минуты во всю свою жизнь не верил в его смерть».

«Правила любви» Михаила Шульмана («Знамя», №3) — «опыт соединения/собрание двусоставных глав». Пестрые любовные истории, то забавные, то печальные, изложенные весьма кратко.

Рассказ Ирины Муравьевой «Лас-Вегас, ночь, бесплатный аспирин» («Дружба народов», №1) — история эмигранта из России, который тяжело переживает любовные неудачи, мается мигренью, а меж тем бродит по Лас-Вегасу и наблюдает жизнь, относясь к ней брезгливо. Возможно, впрочем, это только сон.

Валентина Мищенко в своих **«народных историях» («Причелины»**, «Дружба народов, №1) не покушается на глобальные обобщения или очерки судеб. Ее предмет — случай, подробность сельского житья-бытья, душевная краска. Истории записаны вроде бы бесхитростно, но свидетельствуют о тонкой подчас наблюдательности; лишены комментария и отвечают сами за себя.

В рассказе Андрея Коровина «То, чего не случилось» («Наш современник», №1) изображены рыбаки на Охотском море. Молодежь проходит через моральные испытания, мужает в них.

К 80-летию **Даниила Гранина** опубликовано несколько его новых рассказов. **В рассказе «Сюрприз»** («Звезда», №1) автор находит символический смысл в том, что в одном грузинском селе крестьяне спрятали в забетонированную яму памятник Сталину. По праздникам его поднимают — и празднуют их вместе с ним. **В рассказе «На рынке»** («Дружба народов», №2) чуткая душа девочки-школьницы глубоко ранена зрелищем скандального выяснения отношений между ее отцом-мясником в рыночном ларьке и обманутой старухой-покупательницей. **В рассказе «Надпись»** (там же) героиня, Инна, вспомнила однажды о своем давнем первом романе — и захотелось ей напомнить о себе былому избраннику. А он оказался не просто председателем совета директоров в какой-то важной конторе, но и остывшим, равнодушным человеком.

К 70-летию **Виктора Голявкина** «Октябрь» (№2) печатает его рассказы. **Рассказ «Ни на что не похоже, или всегда что-то напоминает»** посвящен энергич-

ному жизнелюбу, энтузиасту, боксеру, эпикурейцу и представляет собой каталог впечатлений от яркой личности героя, а также его квазиисповедь («Я скверно вел себя в обществе. Стоял задом к дамам. Громко разговаривал. Зевал, широко открывая рот. Сморкался на пол. Неприлично урчал животом. Перепортил уйму воздуха...»). Автор героем восхищен.

Довольно широко представлена в прозе сезона **историческая тематика**.

«Жизнеописание» «Александр Первый» составлено Сергеем Цветковым («Москва», № 1, 2). Это обширный беллетризированный очерк, не слишком оригинальный и довольно бедный мыслями. Александр объявляется «моральной жертвой русской истории XVIII века».

«Обсерватория» Михаила Беленького («Новый мир», №3) снабжена подзаголовком «Уроки ясновидения». В первый день нового века в Тифлисе встречаются Менделеев, Пиросмани, будущий Сталин, Гурджиев и др. Сочинение изощренное, но самодостаточное в своей «ясновидческой» сюжетике.

Роман Владислава Отрошенко «Приложение к фотоальбому» («Октябрь», №2) — замысловатая история о некоем странноватом семействе, магии, чудесах и пророчествах. Написан он тем витиеватым, избыточным слогом, который характерен для автора.

«Антонов огонь» Владислава Артемова («Москва», №2) — затейливо-игривый рассказ о том, что смертен даже такой на редкость живучий персонаж с красноречивой фамилией, как Казимир Бляхъ по прозвищу Живодер, сотрудник органов. Действие отнесено к 30-м годам. «Наших» в органах меняют на вологжан. Автору сладко намекать на некие национальные обстоятельства, а читателю журнала, вероятно, не менее приятно разгадывать эти нехитрые намеки. В другом рассказе, **«Добрые люди»**, расчетливый бухгалтер Поныпев ездит на электричке без билета: так выходит дешевле. Да еще и умеет поиграть с контролерами, обвалив на них тяжеловесные аргументы политической демагогии. Но и на старуху бывает проруха; однажды Поныпев чересчур-таки заигрался... Забавный анекдот.

Одно из самых значительных событий сезона — **роман Анатолия Азольского «Кровь»** («Дружба народов», №3). Как почти всегда у этого автора, он уводит в 40-е годы. Азольский видит войну по-своему, чрезвычайно оригинально для нашей словесности: как враждебное человеку пространство, в котором хищные милитаризованные системы отлавливают человека в хитрые ловушки и беспощадно затем уничтожают. Мир поражен злом, полон демонических энергий. И заброшенному в эту бездну человеку, если он хочет выжить, не остается ничего другого, кроме как, напрягая волю, разум и силы, не останавливаясь ни перед чем, выбраться из смертельно опасных силков. В новом романе снова представлен читателю экзистенциального кроя детектив с остроумной пружиной интриги, с элементами абсурдизма, на фоне социального хаоса и бреда. Схватка воль и интеллектов заканчивается по-шекспировски: горой трупов.

Двучастный **рассказ Александра Солженицына «Желябугские выселки»** и его **«односуточная повесть» «Адлиг Швенкиттен»** («Новый мир», №3) — это попытка писателя рассказать о войне тем лаконичным, точным, четким, энергичным, несколько суховатым слогом, которым отлична проза писателя 90-х годов. Так, в повести описан эпизод войны в Восточной Пруссии: артдивизион в ходе

наступления вырвался далеко вперед и оторвался от пехоты, оказавшись в окружении... Пожалуй, самое ценное в этих произведениях — присутствие человека, схваченного и раскрытого автором в самом главном для него, самом важном, сущностном. Это присутствие придает хроникальным эпизодам войны большую глубину.

Повесть Елизаветы Романовой «Сутки в пехоте» («Наш современник», №3) — о фронтовых буднях, об испытаниях молодого солдата Женьки. Вещь весьма не оригинальная.

В рассказе Фазиля Искандера «Незваный гость» («Звезда», №1) к москвичке Тамаре Ивановне на квартиру в первый послевоенный год является немолодой грузный человек и объявляет себя ее родственником, только что приехавшим из Франции. Навеки испуганная советской властью, героиня заподозрила в этом визите недоброе. Она боится провокации органов и категорически не узнает человека, с которым встречалась в детстве лишь однажды. Тамара Ивановна отказывается признать его, ожидая, пока тот не предъявит более определенных воспоминаний, которые отсылали бы к подробностям той далекой встречи и могли бы тем самым удостоверить личность гостя. «Ведь она была такой хорошенькой девочкой (...) как же юный юнкер мог забыть, что подбрасывал ее на руках и при этом они оба так хохотали, так хохотали!» Однако подтверждений родства героиня так и не дождалась, мужчина ушел и больше никогда не объявлялся. Несколько небольших рассказов Искандера публикует и «Знамя» (№1).

Художник **Эдуард Кочергин** в последнее время уже не раз делился **воспоминаниями** о Питере 50-х годов. В «Знамени» (№1) он рассказал еще несколько питерских бывальщин об экзотических личностях с невских островов. Кажется, число таких, весьма занятных сюжетов, однако, исчерпаемо. Во всяком случае одна из историй (**«Трубадур» со Ждановской набережной»**) уже публиковалась однажды в другом журнале.

Повесть Татьяны Федотовой «Палочка-выручалочка» («Наш современник», №3) богата необычными поворотами некоротких судеб. Герой и героиня, Вера и Алеша, встречаются детьми, живут в одном доме. Как-то Вера позарилась на потерянные Алешей белые носочки и спрятала их в свой тайничок. А потом она подарила ему гранату. Алеша же на оной возьми да и подорвись; теряет ногу. Но любовь его к Вере от испытаний только крепнет. Уже студентами в Москве они продолжают дружить. Однако, еще в советские времена, Вера однажды уезжает в Голландию и остается там. Героя же за границу почему-то не пускают до постсоветских лет. Наконец, Алеша добирается до Голландии, друзья встречаются вновь, любовь бушует с новой силой и бросает героев в объятья друг друга. Вера возвращается в Россию и выходит замуж за верного одноногого Алешу. Попутно выясняется, что отец Алеши, якобы погибший сразу после рождения сына летчик, на самом деле перебежал на Запад. Умерев, он оставил сыну солидный денежный кусок. В финале Алеша вознамерился передать эти деньги на восстановление церкви в смоленской деревне... Вот такая дамская выдумка.

«Любовный интерес» Анатолия Наймана («Октябрь», №1) имеет жанровое определение **«роман фрагмент романа»**. Это действительно довольно фрагменти-

рованное, беспорядочное повествование мемуарного или квазимемуарного характера — об отце рассказчика, об его друзьях и знакомых. То ли автор утилизует тот материал, который не вошел в его прежние романные конструкции, то ли отдается свободному потоку ассоциаций и воспоминаний. В любом случае окончательный продукт вызывает впечатление вопиющей небрежности — возможно, простительной, если вспомнить, что автор как-никак поэт.

Анатолий Макаров в рассказе «Какими вы не будете» («Октябрь», №3) изображает веселые, беззаботные нравы в редакции «нашего невероятно популярного еженедельника» в 60-е годы. На этом фоне появляется Наташа Галимон — внештатница, патетическая идеалистка, умеющая писать лишь о хороших людях и всюду находящая поводы для восхищения жизнью.

Ближняя история — предмет изображения в новом **романе Александра Проханова** с провоцирующим названием **«Красно-коричневый»** («Наш современник», №1, 2, 3, прод.). Известный «писатель-патриот» изобразил полковника военной разведки Хлопьянова, служаку и государственника, захваченного напряженными политическими борениями 93-го года. На какое-то время он становится «своим среди чужих» (то есть среди презренных демократов), затем общается с вождями антиельцинского блока, пытается предостеречь их и помочь. Выведены Руцкой и Хасбулатов, даны злые, полуприличные и вовсе неприличные шаржи на негодяев-разрушителей Советского Союза. Проханов сочинил очередной идеологический роман, главный герой которого являет эпигонскую пародию на солженицынского Воротынцева. Да и весь роман причудливо растет из «Красного колеса».

Как всегда, в прозе сезона немало **мемуарных повествований**.

В номере «Невы» «Ленинград блокадный» (№1) публикуется ряд сочинений мемуарного характера. Это **документальная повесть Льва Разумовского «Дети блокады»** (детские воспоминания автора), **рассказы Олега Шестинского «Ангельское воинство»** (серия мрачных историй о голоде и смертях), **повесть Игоря Смирнова-Охтина «Школа судей»**. В номере также напечатан **блокадный дневник** ленинградской школьницы **Валентины Базановой «Вчера было девять тревог...»** и другие материалы.

Продолжается публикация **«очерков изгнания» Александра Солженицына «Угодило зернышко между двух жерновов»** («Новый мир», №2; часть первая). Начинается эта часть очерков признанием в том, что автор в 1976 году раз и навсегда разочаровался в Февральской революции и во Временном правительстве. Кончается — кропотливым разбором клеветнической, очернительской литературы: книги Т.Ржезача «Спираль измены Солженицына» и пр.

«Знамя» (№3) публикует предсмертную рукопись **Марка Галлая «Я думал — это давно забыто»**. Это **фрагменты воспоминаний**, которые не входили по разным причинам в мемуарные книги автора: заметки о Гагарине, об аресте Туполева, о немецкой дисциплине, о встрече с Ульрихом и др..

Здесь же печатаются и **прозаические «записи»** поэта **Константина Ваншенкина «Мое время»**. Среди фрагментов — рассказы о последствиях инфаркта Марка Галлая, о встрече с гэбистским куратором Московского союза писателей, о судьбе литинститутских дружб (Солоухин-Тендряков, Бондарев-Бакланов, Ваншенкин-

Винокуров), о поэте, которого после его первого появления на телеэкране опознали как немецкого агента в партизанском отряде, о том, что Пастернак был крепок физически и поборол Есенина и Фадеева, и т.п..

Валерий Суси в документальной повести «Смерть «Меньшевика» («Дружба народов», №1) рассказал о своем участии в перипетиях раннедемократического процесса в Латвии перестроечных лет. Сюжет повести — история о том, как идеалист-демократ всё больше отдаляется от соратников, по мере того как они обнаруживают свои националистические устремления. «Меньшевиком» называлась газета, которую издавал автор, писавший свою повесть в Хельсинки.

По-разному *писатели рассказывают о себе*, о том, как они живут и что их волнует.

Владимир Личутин в очерке «Все под Богом» («Наш современник», № 3, прод.; из книги «Душа неизъяснимая: размышления о русском народе») рассказал о том, как он пришел к Богу. Крестил писателя архимандрит Зенон, известный иконописец. Личутин виртуозно ткет словесную ткань, которая, однако, временами уже и чересчур прихотливо-богата.

О своей жизни, своей артистической и режиссерской карьере в Союзе и Америке, своих женах и детях поведал **Родион Нахапетов («Влюбленный»**: «Октябрь», №2). Мемуары, сказать по правде, бледноваты. Запоминается рассказ автора о судьбе своей матери, писавшей в ЦК письма с требованием освободить политзаключенных, посаженной за это в 1962 году в психушку под Днепропетровском и залеченной там. Нахапетов играл в фильмах режиссера Донского роль Ленина и теперь вспоминает об этом так: «Со свойственным мне упрямством я пытался усложнить образ, добавляя, где возможно, черты, редкие для киноленинианы, такие, как обидчивость, резкость, эгоизм Ленина, но монтажные ножницы отсекли сомнительные достоинства вождя».

Писатели нередко наводят тень на плетень, называя очерковые заметки из собственной, опознаваемой жизни «рассказами». С другой стороны, определение жанра предполагает, вероятно, свободу обращения с житейским материалом, право на вымысел и примысел. Как бы то ни было, **Валерий Попов в рассказе «Единственное, что утешало»** («Звезда», №1) с анекдотическими подробностями поведал об улице и доме на питерской окраине, где он некогда жил, об учебе на сценарном факультете в институте кинематографии, о сомнительной дружбе с нацкадром-соседом по комнате. «Единственное, что утешало, — это сравнение с Богом, который тоже начинал когда-то в такой же тьме».

А **Наталия Толстая в рассказе «Туристу о Петербурге»** («Звезда», №1) поделилась приключившимся с нею курьезным случаем. Из Америки ей прислали на правку путеводитель по Питеру, на предмет внесения уточнений, сверки телефонов и адресов и т.п. для переиздания. Автор сообщает о своих впечатлениях в ходе занятий этой шабашкой, приводя к логическому выводу: мир сдвинулся, крыша едет, и деваться некуда.

Олег Дарк в повести «Андреевы игрушки» («Знамя», №3) рассказывает о своем детстве в Малаховке под Москвой. Память сохранила ему много мелких подробностей. Пожалуй, из таких мелочей и составлена изображенная жизнь, отчего и сама она не выглядит слишком глубокой или хотя бы интересной.

Иначе организует воспоминания автор из США, родом одессит **Марк Гиршин в повести «Мозаика»** («Нева», №3). Начав с самого раннего детства, он дробит их на короткие главки-эпизоды. Заходит речь про всё подряд: манную кашу, прачку Егоровну, беспризорника Васю, вечернюю прогулку по бульвару и пр. Разумеется, и в этом случае далеко не все подробности одинаково интересны.

В «вольном рассказе» Олега Павлова «Эпилогия» («Октябрь», №1) повествователь получает в наследство от дедушки-генерала госбезопасности триста рублей, покупает на них пишущую машинку, что и делает для него писательскую стезю неотвратимой. Не менее подробно (и, говорят, уже не в первый раз) Павлов поведал о приобретении компьютера и о разнообразных проблемах, возникавших в связи с его капризами, а также о прочих разных окололитературных околичностях. Реализм.

В «книге воспоминаний и размышлений» «Поэзия. Судьба. Россия» («Наш современник», №1, 2, 3, прод.) главный редактор означенного издания **Станислав Куняев** излагает свое видение прожитой жизни. Во первых строках он извещает, что «имеет честь принадлежить» к той породе русских людей, которые понимают, что происходит планомерное уничтожение американцами России и русского народа, — за что и терпит клевету и поношения. К мемуаристике Куняев прибегает неспроста. Уж слишком много развелось вражеских мемуаров (от Эренбурга до Шкловского, Катаева, Борщаговского, Симонова, Разгона, Рыбакова и пр.), а хороших воспоминаний — нет. Нужно срочно восполнить недостачу. Куняев объявляет себя государственником, всю жизнь посвятившим «борьбе за это», а потому сс знательно и принципиально не принимавшим всякой там диссиды и «еврейского лобби». Мемуары Куняева в опубликованной их части как раз и посвящены преимущественно борьбе (его личной и в составе «русской партии») с евреями и полукровками, разоблачению этих гадких перевертышей, эгоистов и гордецов в редакциях литературных журналов и прочих вертепах Москвы. Воспоминания — документальное свидетельство омертвения души, проеденной до дыр национальной ненавистью, сожженной идеологической предвзятостью.

Более бескорыстны *воспоминания «о других»* — о тех, кто повстречался однажды на жизненном пути.

Вячеслав Вс. Иванов делится воспоминаниями о друге и муже сестры (**«Из воспоминаний о М.Л. Левине»**, «Звезда», №1). Левин — ученый, вольнодумец, политзэк, хранитель архива Белинкова. «...Без Миши нельзя представить всей жизни того круга, которому он принадлежал и для которого столько совершил. И дело даже не в отдельных чрезвычайно смелых поступках. Он задавал тон. На него равнялись. Будущее его оценит»,— так завершает Иванов.

Игорь Смирнов в эссе «Четырехглазый философ» («Звезда», №1) рассказывает о своем друге, «отприродном философе» А.М.Пятигорском, с которым вдвоем однажды висел над бездной буквально (в автомобиле над пропастью) — и многажды фигурально. Воспоминания и анализ личностной особости Пятигорского сопровождает обширный эссеистически необязательный комментарий на разные темы. Возникают довольно резкие, хотя и беглые, характеристики легко опознаваемых питерских лиц — Фридлендера, Проппа, Абрамова и др.

Анатолий Мошковский в очерке «Георгий, сын Цветаевой» («Октябрь», №3) рассказал о своих встречах с названным лицом в Литинституте, о необычном облике и манерах Георгия Эфрона. Воспоминания не лишены любопытных подробностей.

Появляются в журналах и **очерки странствий**. География их различна.

Анатолий Шиманский в «главах из книги» «Америка глазами русского, или Пот лошадиный в лицо» («Звезда», №2, 3) рассказывает, как он на телеге путешествовал по Америке, с востока на запад. Простодушные, богатые пестрыми фактами очерковые заметки. А **Александр Яковлев в очерке «А мы едем за туманом...»** («Октябрь», №3) описал предпринятую на спор туристскую экспедицию на Северный Урал в 1982 году.

Валерия Алфеева совершает паломничество в Америку, общается там с православными иереями и мирянами, записывает их рассказы (**«Странники»**: «Знамя», № 1). Среди ее героев — архиепископ Иоанн Шаховской, протоиерей Димитрий Газетти, епископ Тихон Фитцджеральд. А поэт-эмигрант **Лев Лосев** повествует о своем визите из Америки в Москву (**«Москва от Лосеффа»**: «Знамя», №2), где он как-то неудачно вступает в наследственные права, тусуется в литсреде, наблюдает быт и нравы.

Петр Алешковский съездил в командировку от журнала на Север, на Кольский полуостров, и делится теперь впечатлениями (**«Раз картошка, два картошка»**: «Октябрь», №1). Торопливые, дежурные заметки московского гостя.

Священник **Ярослав Шипов в записках «Отказываться не вправе»** («Наш современник», №1) то ли делится историями, вынесенными из вологодской глубинки, то ли сочиняет их в богоугодном духе. В одной истории военлету Ермакову перед смертью является Господь и открывает ему время кончины, повелевая исповедаться и причаститься. Что Ермаков и исполняет, отходя с миром. В другом рассказе священника зовут отпеть колхозного бухгалтера, «лютого партийца». Родичи уже готовы широко загудеть по случаю смерти старика. Однако священник открывает, что тот еще жив, — и служит молебен об исцелении. Таковое и происходит. Оклемавшись, бухгалтер узнает, что у его одра был священник,— и, сраженный этим известием, умирает уже окончательно. Еще один рассказ — об итальянце, который приезжает в русскую деревню поохотиться на медведя. Охота неудачна; недотепе-итальянцу попадает пуля в зад. Заграничного гостя лечат в местной больничке, где тот влюбляется в медсестричку и в конце концов увозит ее в свою Италию. Молодые и глупые рады за свою землячку или завидуют ей, а старые и мудрые не верят в такое импортное счастье вдали от родных больничных стен. На чьей стороне автор, угадать нетрудно.

Напоследок о произведениях, *не вписывающихся в вышеобозначенные рамки.*

«Русская книга военных» («Новый мир», №1) недавно уверенно заявившего о себе в нашей словесности **Владимира Тучкова** (см. «Новый мир», 1998, №5) определена самим автором как сочинение пацифистское — и безумное. Это своего рода энциклопедический каталог, включающий в себя статьи-справки о военной службе (о царице полей-пехоте, о снайпере, о медсанбате, о кавалерии, о военных музыкантах и т.п.). Сведения поданы весьма изобретательно и, как правило, остроумно, апологетическая интонация плавно переходит в ироничес-

кую, если не издевательскую. А в «Знамени» (№2) помещена **подборка рассказов Тучкова «Скрытые пружины»**. В одном из рассказов актер увлечен составлением из подаренных ему за игру букетов «непристойных» композиций. В другом рассказчику отдается женщина, то и дело меняющая обличья (то она отдыхающая в южном санатории, то охранница, то следовательница в КГБ). В третьем русский борец вольного стиля вдруг воспылал на ковре недозволенной страстью к сопернику, голубоглазому шведу, потерпел вследствие этого поражение, пытался застрелиться, но в итоге ушел тренером в клуб «Гей-славяне»... Пряные, декадентские сюжеты.

«Роман-диссертация» Владимира Бутромеева «Корона Великого Княжества» («Дружба народов», № 1, 2) — прихотливо-барочное, игровое построение «на тему: кто же такие белорусы, откуда они взялись и что они делают во всемирной истории». Повествование включает в себя картинки, справки на полях, и отследить, что, собственно, происходит в романе, довольно трудно. Да и вряд ли необходимо. Местами текст забавен, местами — зануден.

«Три песни о перестройке» Евгения Попова («Октябрь», №1) — произвольный коллаж случайных ассоциаций и наблюдений, претензий на остроумие и социальных клише в манере полубреда. Соц-арт или что-то в этом роде.

Сочинение Андрея Битова «Раздвоение вечности» («Звезда», №1) имеет подзаголовок «Исповедь двоеженца». Речь в этом небольшом этюде идет об интимных отношениях автора с Петербургом. Воссоздается и на разные лады обыгрывается извечная российская оппозиция Москва — Петербург. Писано сие сочинение в Каннах и свидетельствует о сугубой незаинтересованности его автора в актуальной житейской прозе.

Рассказ Нины Садур «Запрещено — всё» («Знамя», №2) — типичная для автора запись потока жизни, без начала и конца, без серьезного толка и смысла, под вечную причудливо-кокетливую садурскую сурдинку. Формально — о любви. Неизбежная дань журнала женскому бреду и литературному авангарду в одном лице.

Литературная критика

В критике в начале календарного 1999 года — некоторое оживление. «Знамя» (№1) даже проводит круглый стол о *«многоукладности» в современной русской литературе*. Есть у нас в наличии словесность «демократическая», есть «патриотическая», есть и коммерческая. Как с этим теперь быть? Л.Аннинский не признает никаких границ. Р.Арбитман толкует о проблемах конвергенции масслита и элиты. В.Астафьев призывает литераторов писать лучше. В.Березин считает, что писателям нечего делить. С.Боровиков полагает, что жесткое идеологическое размежевание скоро останется в прошлом. Л.Бородин также надеется, что пропасть между станами не увеличивается... Кончается эта довольно миролюбивая и многословная дискуссия добрым пожеланием И.Роднянской к «Нашему современнику»: преодолеть его, по слухам, бедственное финансовое положение.

Не остается без внимания и *ход премиальных ристалищ*. Петербуржец **Никита Елисеев в статье «Пятьдесят четыре»** («Новый мир», №1) смотрит на «букериаду глазами постороннего». Произведен обзор букеровского лонг-листа 1998 года. Статья представлена как въедливый взгляд на массив премиального «сырья», которым явлен нынешний литературный день. Елисеев остроумно, довольно резко, в основном точно и умно отзывается о некоторых произведениях из букеровского списка (в том числе о «Деле Матюшина» Павлова, «Борисе и Глебе» Буйды). Критик приходит к выводу, что количество сомнительной по своим достоинствам прозы в лонг-листе свидетельствует: «мерка литературы сдала, треснула».

Не менее сокрушенно еще один критик из Питера, **Евгения Щеглова, в «Записках брошенной читательницы»** («Нева», №3) наивничает и жалуется на то, что ее бросил писатель. Забыл о ней, верной-преданной читательнице. Далее претензии принимают более адресный характер. Удостаивается патетических вопрошаний В.Маканин, сотворивший нечитабельный безэмоциональный «Андеграунд». В.Крупин, «такой прежде бесхитростный, свойский», уличается в художественной беспомощности. Свои претензии у критика к А.Хургину и Е.Попову, В.Шарову, В.Попову и многим другим известным авторам. Щеглова ждет от писателя «настоящего внимания к жизни, к людям, внимания теплого и участливого».

Культурно-национальной пропиской литераторов озабочен **Олег Павлов. В статье «Господин Азиат»** («Москва», №1) Павлов указывает читателю на то, что была литература, которая черпала свою энергию и смыслы в Большой истории империи. Осталась ли она сейчас? Павлов упоминает Мамедова, Волоса, Зантарию, Зульфикарова. Они пишут на русском языке родной им культуры — о том родном и целом, что уже уходит в небытие. А на смену уходящему имперскому самосознанию приходит в литературе после Империи самосознание национальное. Там упомянутым личностям места, по логике статьи, нет.

В статье «Особенности литературной охоты» («Москва», №3) тот же Павлов защищает реализм, ополчается на Н.Иванову и хвалит В.Бондаренко. С патриотическим надрывом, почти заклинательно литератор провозглашает: «у современной прозы уже есть неподвластное никаким экспертам стихийное национальное содержание» (урок Елисееву и Щегловой!); «литература национальная в России будет жить, и писатель русский будет жить». Похвальный оптимизм.

Вечный оппонент и предмет заинтересованных нападок Павлова, **Наталья Иванова** меж тем занята другим и полна, по обыкновенью, скепсиса. Научились ли мы извлекать уроки из истории? На этот вопрос дает ответ текущая словесность. **В статье «В полоску, клеточку и мелкий горошек»** («Знамя», №2) **Н. Иванова** пишет *о «перекодировке истории» в современной русской прозе*. Критик сетует на то, что в недавнее еще время «собственно *литературное* в литературе интересовало меньше всего — а больше всего именно то, что выходило за рамки только литературы». Литература была удобным материалом для «реальной» критики в перестроечном контексте. Далее Иванова отмечает, что в литературе мало-помалу произошел отказ от поисков смысла истории, от самого этого смысла. Русская история поставлена перед лицом абсурда. Художественным эквивалентом необъ-

яснимой картине мира стала метафора. У Маканина — мрачный город со светлым подпольем; «стол, покрытый сукном...» (как метафора советской истории), общежитие и сумасшедший дом. У Пелевина — поездка на бесконечном поезде, бесконечно едущем по бесконечной стране; жизнь насекомых... С другой стороны, в литературе наступило время «всё более громкой и беззастенчивой реабилитации советского прошлого». В нем стали искать «подпитку Большим Стилем», «постмодернистский контекст постепенно шел навстречу волне стилевой реабилитации советского искусства». Вместо рационализации русской истории и ее метафоризации постмодернизм предложил декорацию. История освобождается от боли, воспринимается как костюмированное представление. Вернулись почти к тому же, с чего начали, — к незнанию. Концепция интересная — и правдоподобная.

Владимир Славецкий в статье «Поздние «александрийцы» («Новый мир», №3) также касается проблемы отражения истории в прозе. Историческая проза нашего времени — детище романтизма. Прошлое всегда привлекает своей поэтичностью и как собрание прецедентов. Ныне все счастливые «будущие» оказались уже испытаны, пережиты, «даешь реставрацию!». Исторический роман почти невозможен без того, чтобы не быть мечтой о красивой жизни, о счастье, справедливости и проч. Критик анализирует прозу Ф.Солянова, А.Уткина, А.Сегеня. Статья осталась незаконченной ввиду кончины автора.

В недавнюю пору (а подчас и ныне) самой «национальной» считалась у нас *проза деревенской темы*. И вот ныне **Ольга Славникова в статье «Деревенская проза ледникового периода»** («Новый мир», №2) рассуждает о новейших сочинениях В.Белова и В.Распутина. Начинает она с ретрокомплиментов. Раньше персонажи этих писателей будили в читателе совесть. Деревенщики ставили проблему духовного взаимодействия с обитаемой средой. «Деревенская проза» всем, отчужденным от собственной жизни, подала утешение и надежду — на то, чтобы стать и быть собой. А сегодня деревенщикам писать психологически трудно — от гражданской боли, но и оттого, что реальность ныне фантастична и требует гротесковой условности; деревенщики же от нее открещиваются. Критик старательно воссоздает логику беловско-распутинской публицистики (обличения власти, симпатия к комми, теория заговора), укоряет авторов за неконструктивность и бездоказательность. Заговор, считает Славникова, нужен писателям для нужд художественного текста, как условность для освоения фантасмагорической действительности. Но «сострадательный реализм» не берет образа Чужого. Либо Чужой превращается в своего — либо остается в виде неживой, встроенной схемы. Заговор не работает на текст... Критик, обнаруживая крайнюю степень деликатной терпимости, предлагает читателям радоваться тому, что деревенщиков не оставляет светлое и чуткое восприятие мира вокруг. Но на фоне явных знаков оскудения, измельчания таланта такая радость не будет ли выглядеть издевательски?

Не у одних деревенщиков проблема с художественной переработкой актуальной действительности. **Мария Ремизова в статье «Мэтры глядят в прошлое»** («Независимая газета», 31 марта 1999) анализирует новые рассказы писателей-шестидесятников (Битова, Искандера, Кураева, В.Попова) и приходит к выводу:

«О сегодняшнем дне людям шестидесятых годов сказать по существу практически нечего (...) их проза напоминает музей, полный ценных с познавательной точки зрения экспонатов. Часто мастерски выполненных. Вызывающих, может быть, уважение — но никак не соотносящихся с окружающим на настоящий момент миром». Ремизова не столь бережна к названным сочинителям, вовсе их не щадит.

Итак, писатели ловят *мир*, а *мир* им не дается. К этому выводу на редкость дружно пришли многие критики. **Павел Басинский в статье «Белеет «крайслер» одинокий»** («Литгазета», №1—2, 1999) рассуждает о «новой русской» теме в прозе 1998 года. Разбираются произведения В.Тучкова, А.Уткина, Б.Евсеева, Э.Гера. В этой литературе Басинский видит не художественное покорение темы, но элементарное духовное поражение писателей перед лицом жизни, которое оборачивается и литературным поражением. Литература не возвышается над реальностью, но тонет в ней, как в болоте. Литература забыла о категории совести.

Есть, как обычно, и *статьи портретно-рецензионного характера.*

Александр Солженицын в очередной **статье из своей «Литературной коллекции»** анализирует роман Феликса Светова «Отверзи ми двери» («Новый мир», №1). Он высоко оценивает эту книгу, написанную в 1974-1975 гг. Здесь совмещаются вопросы метафизические, богословские, исторические ретроспекции, реальный советский быт 70-х годов, психологические метания столичного образованного круга и острые политические и нравственные проблемы тех лет (включая русскую и еврейскую темы). В романе представлена история беспорядочных, трепетных, мучительных поисков истины. В этом обаяние книги. Она оказалась глубже современной ей литературы 70-х (откровенно говоря, и в 90-е, в условиях полной свободы, мало что может сравниться с романом Светова по духовному напряжению). Есть, по Солженицыну, в романе, однако, и перетяжеленное богословствование, есть умиление на пороге сусальности.

Злоязычный **Виктор Топоров** сочинил небрежно закамуфлированный **памфлет** на питерского патриарха Даниила Гранина по случаю 80-летнего юбилея последнего (**«Дар адекватности. Даниил Гранин и его заслуги перед Отечеством»**: «Независимая газета», 6 марта 1999). Критик полагает, что «сегодняшнего Гранина (как, впрочем, и сегодня — вчерашнего) читать, разумеется, невозможно». Гранин талантлив как очеркист. Портретист. Мемуарист. В публицистике он слишком осторожен, но ведь придумал такой перл, как «великий город с областной судьбой». «На художественную прозу его суконный язык, упрощенные психологические характеристики, заунывно линейная композиция никак не тянут». Потолок гранинской художественности — на уровне хрущоб. Прежде его проза проходила по разряду «секретарской», выделяясь на этом фоне лишь умеренностью и аккуратностью. Он никогда не раскрывается в творчестве. «Подлинный дар этого властного, самолюбивого и, разумеется, далеко не бесталанного человека — дар адекватности. Адекватности внешним обстоятельствам, жизненным и литературным».

Андрей Арьев в статье «Коридор несбывшихся надежд» («Знамя», №3) пишет о прозе нового литератора из клана Толстых — Наталии Толстой. В литературу она пришла не так давно. Но привлекла внимание. Ее тема — повседневная жизнь питерской неприхотливой интеллигенции. Ее достоинства — хороший русский

язык, острая наблюдательность, психологическая точность в изображении характеров.

Павел Фокин в статье «Грустные фантомы Бориса Хазанова» («Знамя», №1) рассуждает так: мир Бориса Хазанова насквозь литературен; его последние произведения посвящены исследованию парадокса старости. «Старость освобождает фантазию (...) Старик фантазирует от сверхзнания, преодолевая творчеством детерминизм жизни».

Татьяна Морозова в статье «Приговоренная к любви» («Литгазета», №3, 1999) пишет о Галине Щербаковой как о самой женственной русской писательнице, создательнице текстов о любви. Причем автор присутствует в своей прозе лично — в роли мудрой рассказчицы. У нее там «образ няни».

Дмитрий Володихин рецензирует модную новинку — **книгу Виктора Пелевина «Generation «П»** («Литгазета», №13, 1999). Критик видит здесь религиозный агитпроп, буддийское катехизианство. Как задано, это простая, прозрачная, блистательная вещь.

Несколько статей посвящены *современным поэтам*.

Лев Куклин в статье «Стоящая отдельно» («Нева», № 2) размышляет о поэзии умершей в августе 1998-го Нонны Слепаковой. Она всегда была вызывающе свободна. Слепакова — поэт трагического звучания. Она не была ни декаденткой, ни диссиденткой, ни многомужницей, ни запойной алкоголичкой. Она не разматывала на стихотворные строки личные неурядицы и несчастья, но принимала, как свои собственные, общие и национальные беды, невзгоды и потрясения. О ней сказано: «Она умерла от того, что приняла метастазы Отечества». Слепакова — умный поэт. Поэт с острым чувством юмора. Поэт высокой культуры. О Слепаковой пишет и **Дмитрий Быков («Последняя»**: «Новый мир», №2), утверждающий, что она демонстративно противопоставлена тому, что стало называться петербургской школой: приторно-сладким, тяжеловесным, антологическим стихам. Слепакова любит короткую строку, предпочитает ямбу — хорей. От петербургской школы в ее лирике — следование русскому поэтическому канону. В 90-е годы она стала «голосом всех отверженных»; «и тут-то к ней пришла поздняя слава». Внимание к унижению, гордость, готовая обернуться доверием, мучительное, надрывное сострадание — всё это делает поэзию Слепаковой христианской. Слепакова всегда сострадает одиночке, меньшинству, последнему.

Петр Кириллов в статье «Водяные знаки красоты» («Октябрь», №3) пишет о Владимире Гандельсмане. «Поэт сдержанной интонации, матового эпитета, напряженного синтаксиса, он далек и от щегольских словечек акмеизма, и от барабанной игривости обериутов». Поэтическая родословная его включает Блока, Ходасевича и Мандельштама. Отозвалась на выход сборника Гандельсмана и Лиля Панн («Новый мир», №3). Поэт, отмечает она, извлекает поэзию не из радости бытия, а из невозможности привыкнуть к нему.

Евгений Шкловский в статье «На ветру» («Знамя», №3) весьма похвально отзывается о стихах Игоря Меламеда, находя в них подлинность чувства, напряженное переживание противостояния и переплетения света и тьмы.

Марк Липовецкий в академического плана **статье «Как честный человек»** («Знамя», №3; под рубрикой «nomenklatura») рассуждает о Д.А.Пригове — «живом

памятнике концептализму». Из статьи явствует, что в 1996 году в Германии начало выходить полное собрание сочинений Пригова, всего же у него 17—19 тысяч текстов. Считается, что центральной особенностью его эстетики является создание имиджей авторского сознания — неких квазиавторов, авторских масок, концентрированно воплощающих наиболее популярные архетипы русской культуры. Но на деле различия между «масочными субъектами» минимальны. Перед нами единый образ сознания. Это — созданный Приговым концепт, инвариантный миф русской культурной традиции. Стержнем «образа автора» становится взаимодействие между двумя полярными архетипами русской культуры: «маленьким человеком» и «великим русским поэтом». Пригов соединил эти архетипы в одном конфликтном единстве. Липовецкий довольно изощренно демонстрирует логику этого синтеза, резюмируя: «Пригов утверждает невозможность интеллектуального и духовного упорядочивания реальности, тщетность всех и всяческих попыток одолеть хаос жизни путем создания идеальных конструкций»; «если все попытки упорядочить мир бесплодны, следовательно, самой честной позицией будет падение в бездну — иначе говоря, открытость хаосу». Возможно, Липовецкий несколько притягивает Пригова к логике своих концептуальных умозрений. Но в любом случае статья его на редкость богата мыслями.

Сергей Коробов в статье «Явление иной, прекрасной жизни» («Знамя», №2) заявляет, что крупнейшим поэтом современности является Александр Кушнер. А Бродский — хороший поэт, но великим его сделала биография.

Привлекли внимание и недавно появившиеся *сборники статей известных критиков — Андрея Немзера и Вячеслава Курицына.*

Александр Агеев в статье «Писатели газет» («Знамя», №3) отозвался о сборниках критических статей А.Немзера и В.Курицына, а также и о «судьбе нашей общей профессии (...) в нынешние суровые времена». Агеев дает набросок социокультурных обстоятельств, в которых работал критик при советах и после них. Он считает, что на фоне имеющего место быть взлета литературы (ср. с суждениями его потенциальных оппонентов, изложенными выше) обнаружился дефицит «длинных мыслей» у критиков. Стратегия Немзера состоит в том, что он выступает как энергичный, настойчивый посредник, регулярно выходящий к читателю. Курицын же изготавливает всякие-разные съедобные блюда с интеллектуальным перцем. Он — умелый популяризатор сложных культурологических концепций. Обе стратегии основаны на отказе от харизмы. О книге А.Немзера пишет и **Владимир Новиков** («Новый мир», №2). Эстетическую позицию Немзера можно определить как просвещенный традиционализм. Крайне мягко Новиков полемизирует с Немзером, избегающим историко-литературных обобщений. Оставляя обобщения науке, Немзер избирает не анализ, а «путь синтетический»: эмоциональную живость, технику «отражения» в духе И.Анненского. Критики разные нужны — так можно резюмировать ход обсуждения. Возможно также, что принципиальные противники Немзера и Курицына просто выдохлись в прежних баталиях и уже не хотят возвращаться к предмету старых полемик. Вообще критика сезона отличилась миролюбием. Не будь Виктора Топорова — можно было б задремать читаючи.

Указатель содержания журнала «Континет» за 1974—1999 гг.

Указатель включает в себя №№1—99. Порядок обозначений: автор, название текста, жанр (Др — Драматургия (пьесы); Дт — документальные публикации; Кр — литературная критика; Оч — очерки; Пб — публицистика, Пр — проза, Ст — стихотворения, Эс — эссеистика), № журнала (в скобках год и № журнала в рамках года), страницы.

Названия работ каждого автора приводятся в алфавитном порядке. Тексты с закавыченным названием, а также тексты с условными названиями, взятыми в квадратные скобки, указываются в начале перечня. Тексты, опубликованные под инициалами, приводятся после текстов, опубликованных с указанием имени и фамилии автора. Некоторые инициалы не поддаются однозначному раскрытию и тогда помещаются без раскрытия. Коллективные тексты помещены в конце указателя в порядке названий текстов без указания фамилий тех, кто их подписывал.

Не помещены в указатель постоянные, в различные года называвшиеся по-разному библиографические рубрики, материалы которых не подписывались:

с 1974 по 1976 гг.: Книжные новинки: №№1—4, 6, 10;

в 1975 г.: Книжная хроника: №5;

с 1976 г. по 1988 г.: По страницам журналов: №№7, 13—22, 24, 29—33, 38, 54;

с 1976 г. по 1987 г.: Коротко о книгах: №№9, 11—34, 36, 39, 43, 48, 48,52;

с 1993 года: Библиографическая Служба «Континента» (БСК): №№78—99 (принципы построения рубрики обозначены в каждом номере).

Абовин-Егидес Петр. Философ в колхозе. Пр. 42 (1984, №4). 199—239.

Авдиев И. (Черноусый). Некролог. «сотканный из пылких и блестящих натяжек» [В. Ерофеев]. Пр. 67 (1991, №1). 318—323.

Аверинцев Сергей. Несколько слов по поводу статьи Ю. Каграманова. Пб. 85 (1995, №3). 277—281; По поводу статьи А. Зубова «Пути России». Пб. 81 (1994, №3). 174—177; По ту сторону «традиционализма» и «либерализма»: О новых публикациях бесед и проповедей митрополита Антония Блума. Пб. 87 (1996, №1). 286—290.

Авидан Давид. Поездка по городу. Ст. 56 (1988, №2). 175—183.

Авторханов Абдурахман. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 419—420; Закулисная история пакта «Риббентроп—Молотов». Оч. 4 (1974, №2). 300—320.

Агафонов Василий. Венские каникулы. Пр. 58 (1988, №4). 113—187; Из книги «Житие гарнизона». Пр. 51 (1987, №1). 62—81.

Агурский Михаил. «Сион». Кр. 25 (1980, №3). 383—387; Безжалостная демифологизация [О книге Гедрика Смита]. Кр. 8 (1976, №2). 402—405; Будет ли всемирная катастрофа? [О К. Касториадисе]. Кр. 31 (1982, №1). 349—353; Великий «ренегат» [О М. Сальвадори, о Каутском]. Кр. 45 (1985, №3). 410—414; ГУЛАГ или утопия [Л. Пелликани]. Кр. 24 (1980, №2). 375—378; Клаус Барбье и Иван Дараган. Пб. 40 (1984, №2). 239—250; Либерализм и радикализм как проявления социальной активности творческой интеллигенции в демократическом обществе. Пб. 5 (1975, №3). 143—172; Национальный вопрос в СССР. Пб. 10 (1976, №4). 149—176; По следам Сталина [О Э. Ходжа]. Кр. 37 (1983, №3). 405—408.

Адамович Марина. Преступление или наказание? (Американский триллер). Кр. 94 (1997, №4). 263—276.

Адирим Ицхак. Урок правды Горбачева и пятилетний план. Пб.53 (1987, №3). 271—276; Безработица в СССР. Пб.57 (1988, №3). 305—314

Адмони Владимир. Зимняя память. Ст. 27 (1981, №1). 71—75; Стихи ленинградские, стихи петербургские. Ст.70 (1991, №4). 143—147.

Азбель Марк. Тайное и явное: мифы и трагедия советских эмигрантов [Полемика с Бройде—Трэппером—Антоновым]. Пб. 49 (1986, №3). 343—355.

Азольский Анатолий. Берлин—Москва—Берлин. Пр. 79 (1994, №1). 172—209; Два рассказа из цикла «Казусы». Пр. 97 (1998, №3). 103—126; Из цикла «Ожоги». Пр. 89 (1996, №3). 160—177; Кто убил Кирова. Пб. 82 (1994, №4). 179—205; Окурки. Пр.76 (1993, №2). 20—118; Труба. Пр. 94 (1997, №4). 15—67.
Айги Геннадий. Стихи. Ст. 5 (1975, №3). 106—114.
Айзенберг Михаил. Стихи. Ст. 13 (1977, №3). 206—208.
Айзенштат Яков. Воспоминания об Алле Константиновне Тарасовой. Пр. 59 (1989, №1). 293—298; Два сапога пара [Московская Патриархия и ЦК КПСС]. Пб. 54 (1988, №2). 305—314; Маленков и другие. Пр. 66 (1990, №4). 277—282; О Борисе Слуцком. Пр. 64 (1990, №2). 259—262.
Аксенов Василий. ...и не старайся! (Заметки о произаических высокопарностях и журнальных пошлостях). Кр.50 (1986, №4). 339—352; [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 13; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 420—421; Без названия [О М.Розановой]. Пб. 48 (1986, №2). 355—356; Беседа. Пр. 27 (1981, №1). 433—446; На полпути к Западу. Пб. 77 (1993, №3). 199—204; Отвечая на ответ (Заметки новичка на американской художественной сцене). Пб. 44 (1985, №2). 275—288; Свияжск. Пр. 29 (1981, №3). 95—140; Скажи изюм. Главы из романа. Пр. 45 (1985, №3). 16—88; Цапля. Комедия для театра, равно как и для чтения. Др. 22 (1979, №4). 118—194; Аксенов и др. Украденный юбилей. Пб. 46 (1985, №4). 370—371.
Акула Кастусь. Кто убил Янку Купалу? Пб. 60 (1989, №2). 275—285; Оккупационный режим против «отца» белорусского национального возрождения. Пб. 55 (1988, №1). 311—320.
Алейников Владимир. Возвращение на Итаку. Ст. 19 (1979, №1). 71—76; Две фантасмагории. Ст. 60 (1989, №2). 7—29; С сыном. Пр. 97 (1998, №3). 132—142; Стихи последних лет. Ст. 32 (1982, №2). 34—41.
Александрова Александра (с Б. Каменецким). Бриллиантовая... рука. Пб. 33 (1982, №3). 314—322; Исповедь женщины. Пр. 38 (1983, №4). 209—220.
Алексеев Вадим. Стихи. Ст. 66 (1990, №4). 103—107.
Алексеев Леонид. Стихи. Ст. 63 (1990, №1). 153—155.
Алексеев Юрий. Петербург. Ст. 22 (1979, №4). 46—49.
Алексеева Людмила. Гражданин Буковский. Пб. 19 (1979, №1). 371—378; Дело Орлова (Рецензия составителя). Кр. 27 (1981, №1). 383—387; Путеводитель по аду психиатрических тюрем. Кр. 20 (1979, №2). 378—382; Юрий Орлов — руководитель Московской Хельсинкской группы. Пб. 21 (1979, №3). 177—203; Юрий Орлов — руководитель Московской Хельсинкской группы. Пб. 22 (1979, №4). 195—222.
Алешкин Петр. Время великой скорби. Эпизоды из жизни тамбовской деревни. Пр. 64 (1990, №2). 135—162.
Алешковский Юз. В крысином забое. Пр. 25 (1980, №3). 129—146; Из новой книги «Похмельные повести». Маленькая повесть об одном безумце и сломанной собаке. Пр. 52 (1987, №2). 57—95; Из новой книги «Похмельные повести». Маленькая повесть об одном безумце и сломанной собаке. Пр. 53 (1987, №3). 175—220; Из старых песен. Ст. 44 (1985, №2). 58—66; Песни. Ст. 21 (1979, №3); 146—153. Призрак в белом халате. Пр. 60 (1989, №2). 30—72; Смерть Ленина. Пр. 46 (1985, №4). 142—167.
Алиханов Сергей. Клубничное время. Пр. 77 (1993, №3). 12—77; Свистишь — престиж. Пр. 93 (1997, №3). 118—140.
Аллой В. «Память». Кр. 15 (1978, №1). 353—357; Путем добра. Кр. 11 (1977, №1). 386—392.
Алов Александр. «Когда расплывшиеся строчки...». Ст. 52 (1987, №2). 48—56.
Алфеева Валерия. Пасха таинственная. Пр. 86 (1995, №4). 9—31; У мамврийского дуба. Пр. 83 (1995, №1). 9—54.
Амальрик Андрей. [Письмо в редакцию газеты «Унита»]. Пб. 10 (1976, №4). 8—18; Голкипер-профессионал или живописец-дилетант [О художнике А. Звереве]. Кр. 10 (1976, №4). 309—338.

Амальрик Гюзель. Свидание в лагере. Пр. 11 (1977, №1). 269—277.
Аман Ив. Кесарю кесарево, а Божие Богу (К вопросу об отношениях между Церковью и государством). Пб. 86 (1995, №4). 378—384.
Амурский Виталий. «Поэт — у древа времени отросток» [В. Долина]. Кр. 64 (1990, №2). 362—366; Демократия! Демократия? [О И. Бродском]. Кр. 66 (1990, №4). 349—354; Не будем бояться толстых книг [О французской истории русской литературы]. Кр. 68 (1991, №2). 345—351.
Анджело Серджио д'. Была ли Ольга Ивинская агентом КГБ? Пб. 95 (1998, №1). 426—429.
Андиевская Эмма. Джалапита. Ст. 38 (1983, №4). 62—75; Сказка о тщеславии. Пр. 50 (1986, №4). 177—183.
Андреев Герман. «Где любовь, там и Бог» (религиозно-философское учение Льва Толстого как орудие сопротивления идеологии и практике тоталитарных систем). Пб. 16 (1978, №2). 307—333; В стране строго алогичной закономерности. Кр. 13 (1977, №3). 315—333; Два пророка: Карл Маркс и Федор Достоевский. Пб. 36 (1983, №2). 263—288; Заметки о традициях русского либерализма (К спорам об исторических судьбах России). Пб. 22 (1979, №4). 255—278; Изображение немцев в русской литературе. Кр. 39 (1984, №1). 285—294; Какую Россию уничтожили большевики? Пб. 42 (1984, №4). 253—280; Терапия нигилистической ментальнности [О В. Краусе]. Кр. 38 (1983, №4). 416—424; Ценная работа о национал-большевизме [О книге М. Агурского]. Кр. 28 (1981, №2). 411—416.
Андреев Михаил. «И уже не топится тюрьма...». Ст. 70 (1991, №4). 133—135.
Андреев Павел. Беспросветье и просвет [М. Булгаков]. Кр. 22 (1979, №4). 349—366; Необходимость Лескова. Кр. 28 (1981, №2). 381—398.
Андронова Елена. Стихи из цикла «Крещеные». Ст. 33 (1982, №3). 171—174.
Анин Давид. Актуален ли Бухарин? Пб. 2 (1974, №2). 281—314; К столетию народничества. Пб. 7 (1976, №1). 113—151.
Аннинский Лев. Можно ли обойтись без постмодернизма? Пб. 89 (1996, №3). 327—332; Необрывающийся диалог. Пб. 88 (1996, №2). 217—222.
Антонов Вадим. Гениальный палач. Ст. 65 (1990, №3). 114—125.
Антонов Владимир. Неофициальное искусство: развитие, состояние, перспективы. Пб. 30 (1981, №4). 367—392.
Антонюк Петр. Из лагерной поэзии. Ст. 47 (1986, №1). 116—118.
Анялаускас Вальдас. Чему нас учит история. Пб. 68 (1991, №2). 254—263.
Аренс Лидия. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Пр. 57 (1988, №3). 351—364.
Арндт Марк. Интервью проф. Евгению Верещагину. Пб. 98 (1998, №4). 280—308.
Арнольд С. [Письмо в редакцию]. Пб. 30 (1981, №4). 397—398.
Арсеньев А. [Возражение на критику А. Стреляного]. Пб. 79 (1994, №1). 382—383;
Арсеньев Анатолий. Глобальный кризис современности и Россия. Пб. 73 (1992, №3). 132—161.
Артамонова Н. О писателе Юрии Домбровском. Кр. 17 (1978, №3). 331—350; С точки зрения правящих [З. Млынарж]. Кр. 22 (1979, №4). 406—412; Альтернативы эмиграции [О книге П. Тигрида]. Кр. 10 (1976, №4). 402—407.
Архангельский Александр. На пути к «несвободе» любви. Пб. 67 (1991, №1). 227—244.
Асиновский Олег. Стихи. Ст. 63 (1990, №1). 136—139.
Асмус Валентин. О В.К. Шохине и не только. Пб. 97 (1998, №3). 243—247.
Асовский Виталий. Стихи. Ст. 66 (1990, №4). 52—59.
Астафьев Виктор. Праздник солидарности. Пр. 72 (1992, №2). 84—91; Из цикла «Затеси». Пр. 75 (1993, №1). 111—123.
Атон Владимир. Семь стихотворений. Ст. 53 (1987, №3). 141—144; Стихи. Ст. 42 (1984, №4). 100—104.
Афанасьев Александр. [Обращение о создании Римского движения]. Пб. 69 (1991, №3). 380—382; Николай Угодник и Параша. Пр. 65 (1990, №3). 126—149.
Афанасьева Зоя. Из книги «Метрополия». Ст. 25 (1980, №3). 123—128; Царскосельские строфы. Ст. 15 (1978, №1). 44—47.

Ахмадулина Белла. Новые стихи. Ст. 97 (1998, №3). 9—18.
Ахмедов Измаил. Война. Пр. 20 (1979, №2). 275—300.

Б. В... [Рец. на кн. Д. Малкина]. Кр. 44 (1985, №2). 400—402.
Бабаян Сергей. Два рассказа. Пр. 94 (1997, №4). 91—112; Крымская осень. Пр. 87 (1996, №1). 157—207; Мамаево побоище. Пр. 92 (1997, №2). 17—181; Сто семьдесят третий. Пр. 85 (1995, №3). 80—146.
Бадаш Семен. А.Э. Левитин—Краснов. Пр. 45 (1985, №3). 423—424; [Письмо в редакцию о Л. Наврозове]. Пб. 69 (1991, №3). 335—337; Забытые имена. Пр. 51 (1987, №1). 319—328; Норильское восстание (К тридцатилетию). Главы из воспоминаний. Пб. 36 (1983, №2). 251—262; Письма в стихах из особых лагерей. Дт. 67 (1991, №1). 215—226; Письмо в редакцию. Пб. 44 (1985, №2). 313—317; По поводу одной публикации [Л. Наврозова]. Пб. 66 (1990, №4). 341—345.
Бажанов Борис. Побег из ночи (Из воспоминаний бывшего секретаря Сталина). Пр. 8 (1976, №2). 253—302; Побег из ночи. Пр. 9 (1976, №3). 360—394; Побег из ночи. Пр. 10 (1976, №4). 235—264.
Базилевский Андрей. Из стихов Самюэля Беккета. Ст. 60 (1989, №2). 202—206.
Баймухаметов Сергей. Так начиналось вторжение. Пр. 78 (1993, №4). 178—190.
Бакановская Елена. Ст. 70 (1991, №4). 176—179.
Балашов Николай. [Письмо в редакцию]. Пб. 81 (1994, №3). 382—385; Язык богослужения. Из истории церковной дискуссии в России. Пб. 98 (1998, №4). 247—279.
Барабанов Евгений. Судьба христианской культуры. Пб. 6 (1975, №4). 293—329.
Баранчак Станислав. Переводя Бродского. Кр. 19 (1979, №1). 347—365; Пять стихотворений. Пр. 12 (1977, №2). 41—46; Свой угол. Жилищные стихи. Ст. 24 (1980, №2). 7—14.
Бараш Михаил. Одна частная переписка (Борис Пастернак—Ольга Фрейденберг). Кр. 60 (1989, №2). 413—419; Поезд. Ст. 53 (1987. №3). 157—162.
Барев Ценко. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984. №2). 421—422; Интервью. Пб. 48 (1986, №2). 415—427.
Барка Василь. По ту сторону бездны: Трагическая лирика Павло Тычины. Кр.31 (1982, №1). 313—334; Стихи. Ст. 23 (1980, №1). 137—139.
Барнс Кристофер. Памяти Константина Богатырева. Пр. 11 (1977, №1). 55—58.
Бартель Роман. Стихи. Ст. 46 (1985, №4). 189—192.
Баршай Рудольф. Памяти друга [А. Локшин]. Пр. 54 (1988, №2). 327—332.
Батшев Владимир. Стихи. Ст. 61 (1989, №3). 153—159.
Бахнов Леонид. «Мы» и «они». Тамиздат издается тут. Заметки советского человека. Пб. 67 (1991, №1). 265—284.
Бахрах Александр. «По памяти, по записям»: Андрей Белый. Пр. 3 (1974, №1). 288—322; По памяти, по записям: Андре Жид. Пр. 8 (1976, №2). 249—386.
Бахтырев Анатолий. Белая уточка. Пр. 95 (1998, №1). 54—67.
Бачурин Евгений. Стихотворения. Ст. 62 (1989, №4). 125—128.
Башлачев Александр. Уберите медные трубы. Ст. 57 (1988, №3). 70—77.
Безансон Ален. Второе молчание Церкви. Пб. 37 (1983, №3). 181—196; Ответственность советской интеллигенции сегодня. Пб. 57 (1988, №3). 225—229.
БездетскаяТ. [Письмо в редакцию]. Пб. 77 (1993, №3). 358—364.
Бейн Иосиф. Из поэмы «Незримый крест, или невидимое распятие». Ст. 41 (1984, №3). 210—212; Стихи. Ст. 12 (1977, №2). 120—123.
Белевич В. [Письмо в редакцию]. Пб. 59 (1989, №1). 365—368.
Белецкий Чеслав. Вопрос вкуса. Пб. 66 (1990, №4). 223—230.
Беллоу Сол. [Письмо в редакцию о выходе из редколлегии]. Пб. 67. (1984, №4). 355; Интервью с самим собой. Эс. 8 (1976, №2). 415—428.
Беллюстин Иван. Русь православная. Пб. 74 (1992, №4). 144—158.
Белоградски Вацлав. Бегство из птидэпэ. Эс. 38 (1983, №4). 257—274; Живая плоть против мундира. Пб. 48 (1986, №2). 219—240; И в СССР наступил посткоммунизм.

Пб. 71 (1992, №1). 211—214; Литература как критика банального зла. Пб. 16 (1978, №2). 151—169; Три ключевые темы диссидентства. Пб. 26 (1980, №4). 323—333;
Белоградский Карел. О человеке поздней эпохи. Эс.43 (1985, №1). 423—443.
Бельская М. Не помнящая зла: новая женская проза. Кр. 71 (1992, №1). 290—292.
Беляева Светлана. Невеселые парижские размышления о московской жизни. Пб. 65 (1990, №3). 343—364; Ну что еще можно сказать о Пригове? Кр. 64 (1990, №2). 366—369.
Бен-Мордехай Ицхак. У пекарей. Пр. 56 (1988, №2). 184—206.
Бенуа Флоранс. Еврокоммунизм или евросоциализм? Кр. 18 (1978, №4). 361—364.
Беньяминов Семен. «Поэма о труде» и другие стихотворения. Ст. 56 (1988, №2). 166—174.
Берг Раиса. Варвары на обломках цивилизации. Пб. 41 (1984, №3). 219—252; Политэкономия социализма. Пб. 46 (1985, №4). 193—206.
Бердан Юрий. Улыбнитесь, Джордж! Пр. 95 (1998, №1). 118—126.
Бердичевская Анна. Стихи. Ст. 70 (1991, №4). 173—175.
Бердичевский Марк. Три стихотворения. Ст. 89 (1996, №3). 123—127.
Бердяев Николай. Переписка и воспоминания [с Л. Шестовым]. Публ. Н. Барановой-Шестовой. Пр. 30 (1981, №4). 293—314.
Березин Яцек. Поезд. Пр. 15 (1978, №1). 48—55.
Берелович Алексис. Демократия, власть, интеллигенция. Пб. 88 (1996, №2). 230—233.
Берман Филипп. Квадрат. Пр. 37 (1983, №3). 89—101; Косынка в белый горошек. Пр. 48 (1986, №2). 91—100.
Бершин Ефим. И вертится земля подобием рулетки... Ст. 91 (1997, №1). 134—140; Монолог осколка. Ст. 95 (1998, №1). 203—209; Стихи. Ст. 63 (1990, №1). 144—149.
Бетаки Василий. «Народ и земля». № 1,2. Кр. 45 (1985, №3). 419—423; «Проба подняться из гроба». Кр. 20 (1979, №2). 397—402; «Умная молитва». Кр. 12 (1977, №2). 371—374; «Я не струсил, д'Артаньян!» [памяти Л. Друскина]. Пр. 69 (1991, №3). 374—379; [О журнале «Виднова»]. Кр. 46 (1985, №4). 409—413; [О М. Зерове]. Кр. 51 (1987, №1). 173—175; [Предисловие к стихам Ш. Гасана]. Пр. 10 (1976, №4). 139—142; [Предисловие к стихам Л. Костенко]. Кр. 45 (1985, №3). 7—8; [Рец. на кн. Б. Сарнова]. Кр. 66 (1990, №4). 358—360; [Рец. на кн. Н. Берберовой]. Кр. 44 (1985, №2). 395—397; [Рец. на книгу С. Лесневского]. Кр. 65 (1990, №3). 405—407; Апология автологии [О Н. Коржавине]. Кр. 31 (1982, №1). 353—358; Верность [О Л. Друскине]. Кр. 50 (1986, №4). 388—395; В мире молний [О стихах В. Сосноры]. Кр. 26 (1980, №4). 404—409; В противоречии с предисловием [Г. Свирский]. Кр. 24 (1980, №2). 372—375; Время синтеза [О книге Н. Новикова]. Кр. 30 (1981, №4). 399—403; Галич и русские барды. Кр. 16 (1978, №2). 349—353; Две истории. Кр. 13 (1977, №3). 352—358;Две с лишним вечности назад... [О Б. Кенжееве]. Кр. 44 (1985, №2). 359—363; Дуэль с Каином [О И. Рубине]. Кр. 15 (1978, №1). 368—371; Звездный странник [О М. Волошине]. Кр. 14 (1977, №4). 350—356; Из книги «Европа — остров». Ст. 23 (1980, №1). 71—75; Из цикла «Европа — остров». Ст. 9 (1976, №3). 72—74; Калигула или Гамлет [О книге Н. Эйдельмана]. Кр. 58 (1988, №4). 379—383; Кубинские поэты—политзаключенные. Ст. 20 (1979, №2). 7—12; Между Лозунгом и Мусорщицей. Кр. 17 (1978, №3). 355—359; Мемуары двух поэтов [О Л. Гинзбурге и Л. Друскине]. Кр. 49 (1986, №3). 380—388; О высоком диалоге [К. Ковальджи]. Кр. 66 (1990, №4). 354—356; Остановись, мгновенье [О книге И. Бродского]. Кр. 35 (1983, №1). 384—388; Памяти Ходасевича. Кр. 21 (1979, №3). 365—369; Поэт своей судьбы [О В. Делоне]. Кр. 44 (1985, №2). 339—344; Пятый всадник. Ст. 39 (1984, №1). 142—146; Репортаж о марафоне [Кузнецов]. Кр. 23 (1980, №1). 384—388; Сотворение универсума [О Э. Неизвестном]. Кр. 46 (1985, №4). 393—397; Сталин без загадок [О книге Б. Бажанова]. Кр. 27 (1981, №1). 388—391; Стихи грузинских поэтов. Ст. 14 (1977, №4). 141—151; Три стихотворения. Ст. 15 (1978, №1). 128—132.
Бетелл Николас. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 422—423; Катынь 1940. Оч. 11 (1977, №1). 222—236; Последняя война: Насильственная выдача русских в

1944—1947 годах. Оч. 4 (1974, №2). 373—392; Последняя тайна. Оч. 5 (1975, №3). 299—316; Последняя тайна. Оч. 6 (1975, №4). 329—359; Последняя тайна. Оч. 7 (1976, №1). 289—311; Советская диверсия в Западной Европе. Пб. 41 (1984, №3). 273—290.
Беттица Эндрю. Еврокоммунизм и Грамши. Пб. 16 (1978, №2). 195—226.
Беттица Энцо. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 423; Большая охота на тигра-крестьянина. Пб. 34 (1982, №4). 226—260; Эта старая проказа. Пб. 22 (1979, №4). 377—381.
Бечкович Матия. «Вековая мечта человечества». Ст. 48 (1986, №2). 180—186.
Бешенковская Ольга. «Тот уголок. где мне вязали руки...». Ст. 65 (1990, №3). 206—210.
Билга Шломо. Триптих: воспоминание о Мещере. — Еврейское гетто: семь молитв. Ст. 38 (1983, №4). 138—144.
Бирман Игорь. [Письмо в редакцию]. Пб. 68 (1991, №2). 328; Дыра в бюджете, лишние деньги и реформа. Пб. 61 (1989, №3). 305—334; Еще один забытый пророк [Б. Бруцкас]. Кр. 57 (1988, №3). 407—410; Люди и позиции. Пб. 24 (1980, №2). 345—348; Пер-р-рестройка. Пб. 54 (1988, №2). 205—252; Письмо в редакцию. Пб. 36 (1983, №2). 363—364; Почему они нас не слушают... Пб. 35 (1983, №1). 207—230; Экономическая ситуация в СССР. Пб. 28 (1981, №2). 259—300; Экономический детектив. Пб. 22 (1979, №4). 325—348.
Бирюзова Ольга. «Я люблю тебя, жизнь» [О И. Доброштане]. Пб. 60 (1989, №2). 297—338.
Битов Андрей. Интервью. Пб. 61 (1989, №3). 407—419; Исстрадавшаяся душа. Пб. 87 (1996, №1). 250—258; На ранних циклах. Пр. 73 (1992, №3). 10—72.
Блажеевский Евгений. Бег на месте. Ст. 75 (1993, №1). 7—22; В траве среди металлолома. Ст. 81 (1994, №3). 56—61; Монолог. Ст. 99 (1999, №1). 176—180; На остром сквозняке воспоминаний. Ст. 88 (1996, №2). 153—160; Нет, пожалуй, печальнее небес... Ст. 85 (1995, №3). 9—16; Осенняя дорога. Ст. 72 (1992, №2). 92—99; Профиль стервятника. Ст. 77 (1993, №3). 78—83; Семь стихотворений. Ст. 95 (1998, №1). 88—92; Я фразу записал... Ст. 92 (1997, №2). 9—16.
Близнецова Инна. Пейзаж с ангелом. Ст. 27 (1981, №1). 102—109; Стихи. Ст. 36 (1983, №2). 135—142; Стихи. Ст. 57 (1988, №3). 182—190.
Блинкова Мира. Волхонка, 14 — Дмитрия Ульянова, 19. Пр. 38 (1983, №4). 221—256.
Бло Жан. На «лестничной площадке» форума. Пб. 57 (1988, №3). 233—236.
Блок Александр. Интервью. Пб. 49 (1986, №3). 433—443.
Блум Антоний. Божественная литургия — местопребывание Духа. Эс. 75 (1993, №1). 230—240; Взаимоотношения Церкви и мира с православной точки зрения. Пб. 89 (1996, №3). 244—264; Интервью и выступление. Пр. 82 (1994, №4). 246—253; О Церкви, о монашестве и браке. Пб. 77 (1993, №3). 248—267; Собеседование о Церкви и священниках в современном мире. Пб. 72 (1992, №2). 291—313; Христианство — единственная последовательная форма материализма. Пб. 90 (1996, №4). 214—223.
Бобышев Димитрий. Жареные розы Елены Шварц. Кр.51 (1987, №1). 418—426; Жизнь Урбанская. Ст. 52 (1987, №2). 96—102; Звезды и полосы. Ст. 36 (1983, №2). 41—40; Зияния. Ст. 15 (1978, №1). 56—66; Из американских поэтов [Э. Уильямс, Дж. Уилкинсон, Л.Гастин, Дж. Лэнгланд, К. Эйкен]. Ст. 47 (1986, №1). 221—225; Из американской поэзии: Уильям Питт Рут. Неодолимый алмаз. Ст. 57 (1988, №3). 157—167; Ксения Петербургская. Ст. 28 (1981, №2). 83—86; Memento mori [О И. Чиннове]. Кр. 48 (1986, №2). 397—401; Новые стихи. Ст. 45 (1985, №3). 89—95; Новые стихи. Ст. 55 (1988, №1). 178—186; Покой и воля [Об А. Блоке]. Кр. 27 (1981, №1). 343—352; Русские терцины. Ст. 31 (1982, №1). 19—56; Стихи и переводы. Ст. 66 (1990, №4). 41—45; Трижды — Тюльпанов. Кр. 12 (1977, №2). 345—352; Человек с книгой [Л. Друскин]. Кр. 58 (1988, №4). 387—394; Черные ноги артистов [О Е. Рейне]. Кр. 44 (1985, №2). 325—332.
Богатырев В. Через шестьсот лет [О Хафизе]. Кр. 31 (1982, №1). 370—374.
Богатырев Константин. Переводы из Райнера-Марии Рильке. Ст. 11 (1977, №1). 59—64.

Богатырчук Ф. Камень преткновения для взаимопонимания российской и украинской эмиграции. Пб. 14 (1977, №4). 333—335.
Богданов Евгений. Телефон доверия. Пр. 64 (1990, №2). 83—111.
Боголюбский Константин. Стихотворения 1985—1986 гг. Ст. 52 (1987, №2). 42—47.
Богораз Иосиф. Наседка. Пр. 3 (1974, №1). 5—70; Наседка (окончание). Пр. 4 (1974, №2). 219—262.
Богораз Лариса. Мамочки и малолетки. Пб. 25 (1980, №3). 221—232; Мелкие бесы. Пб. 12 (1977, №2). 213—227.
Бокова В. Письмо Н.С. Лескова. Дт. 78 (1993, №4). 230—232; Тайный советник царя [О Н. Демчинском]. Дт. 76 (1993, №2). 216—232; Апология декабризма. Пб. 82 (1994, №4). 160—178.
Болдырев Юрий. [Предисловие к публикации стихов Б. Слуцкого]. Кр. 65 (1990, №3). 7—8.
Болычев Игорь. Стихи. Ст. 69 (1991, №3). 212—217.
Бондаревский Игорь. Стихи. Ст. 64 (1990, №2). 176—185.
Бондаренко Владимир. «Господи. поверь в нас...» Поминальная молитва Валентина Распутина. Кр. 70 (1991, №4). 245—259.
Борин Александр. Шарага. Пр. 65 (1990, №3).301—332.
Борич Гойко. Почему в Югославии нет Самиздата? Пб. 2 (1974, №2). 334—344.
Бородин Андрей. Из стихов 1982—1984 гг. Ст. 57 (1988, №3). 148—156; Первая публикация. Ст. 51 (1987, №1). 52—61; Рассказы о Анне Ахматовой [А. Наймана]. Кр. 61 (1989, №3). 387—390.
Бородин Леонид. Стихи. Ст. 38 (1983, №4). 127—137.
Ботева Валентина. Не порукой добра, не любовью. Ст. 80 (1994, №2). 189—193; Посели нас навеки у моря. Ст. 83 (1995, №1). 55—58; Я знаю, что время не лечит... Ст. 94 (1997, №4). 68—71.
Бочев Димитр. Летопись одного убийства, или Отмщение неразгаданных пророчеств. Пб. 56 (1988, №2). 225—238; Орфография и орфоэпос, или Всеобщая вина и анонимный виновник. Пб. 5 (1975, №3). 200—207; Психология зла [А. Игнатов]. Кр. 52 (1987, №2). 388—393.
Брагинский Александр. Это было похоже на суд Линча. Пб. 89 (1996, №3). 237—243.
Брадунас Казис. Крестовый холм. Ст. 8 (1976, №2). 107—110.
Брассенс Жорж. Песни. Ст. 32 (1982, №2). 182—189.
Братковский Стефан. Великое недоразумение. Пб. 37 (1983, №3). 151—181.
Братусь Борис. Закат «Империи зла» глазами психолога. Пб. 77 (1993, №3). 154—195.
Браун Ирвинг. Интервью. Пб. 15 (1978, №1). 400—410.
Брежна Ирена. Последнее собрание. Пр. 37 (1983, №3). 74—83; Словацкие фрагменты. Пр. 41 (1984, №3). 147—180.
Брейтбарт Е. Взглянуть себе в лицо [О Г. Орловой]. Кр. 40 (1984, №2). 401—409.
Брейтбарт Екатерина. «Окрасился месяц багрянцем...», или Подвиг святого террора? [О М. Спиридоновой]. Пр. 28 (1981, №2). 321—342.
Брещинский Д. К вопросу о подлинном тексте «Жития инока Корнилия Выговского». Пб. 51 (1987, №1). 393—396.
Брикер Борис. Всё перепуталось... [О В. Аксенове. «Бумажный пейзаж»]. Кр. 39 (1984, №1). 395—398; Брикер Борис (с А.Вишевским). Короткие рассказы. Пр. 27 (1981, №1). 81—101; Собачье дело. Пр. 35 (1983, №1). 83—125.
Британ Илия (Н. Бухарин?). Ибо я — большевик!!... (Тем, которые придут). Пб. 55 (1988, №1). 227—248.
Бродский Иосиф. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 424; [Предисловие к стихам В. Гандельмана]. Пр. 66 (1990, №4). 7—8; [Предисловие к стихотворениям Э. Лимонова]. Кр. 15 (1978, №1). 153; «Рождественская звезда» и другие стихотворения. Ст. 58 (1988, №4). 7—23; В Англии. Ст. 13 (1977, №3). 132—138; Демократия! Др. 62 (1989, №4). 14—42; Из цикла «Жизнь в рассеянном свете». Ст. 51 (1987, №1). 7—24; Колыбельная Трескового мыса. Ст. 7 (1976, №1). 25—36; Литовский дивертисмент. Ст. 11 (1977, №1). 160—163; Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова. Ст.

40 (1984, №2). 7—18; Никакой мелодрамы (интервью В. Амурскому). Пр. 62 (1989, №4). 381—397; Нобелевская премия 1987. Эс. 55 (1988, №1). СП. 3—14; Новые стихи. Ст. 61 (1989, №3). 7—24; Польские поэты в переводах Иосифа Бродского. Ст. 8 (1976, №2). 7—12; Посвящается позвоночнику. Эс. 63 (1990, №1). 233—244; Посвящается Ялте. Ст. 6 (1975, №4). 49—65; Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому. Пб. 50 (1986, №4). 229—244; Представление. Ст. 62 (1989, №4). 7—13; Путешествие в Стамбул. Эс. 46 (1985, №4). 67—111; Стихи. Ст. 30 (1981. №4). 61—75; Стихи. Ст. 36 (1983, №2). 7—22; Стихи. Ст. 45 (1985, №3). 186—206; Стихи. Ст. 54 (1988, №2). 7—15; Стихи о зимней кампании 1980-го года. Ст. 29 (1981, №3). 7—10; Стихотворения. Ст. 1 (1974, №1). 13—18; Строфы. Ст. 18 (1978, №4). 55—116; Часть речи. Ст. 10 (1976, №4). 86—99; Шорох акации и др. Ст. 14 (1977, №4). 88—93; Эклога IV-я (зимняя). Ст. 26 (1980, №4). 7—14.

Бройде-Трэппер (Антонов). Президенту Государства Израиль. Пб. 44 (1985, №2). 317—320.

Брюссель Самюэль. Границы Востока. Эс. 59 (1989, №1). 275—280.

Буковский Владимир (и др.). [В защиту А. Михника]. Пб. 12 (1977, №2). 434—436; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 424—425; «Почему русские ссорятся?» Пб. 23 (1980, №1). 176—199; Вопросы остались без ответа [О радио «Свобода»]. Пб. 26 (1980, №4). 366—367; Воспоминания соучастника. Пб. 87 (1996, №1). 259—263; Вы получили ровно то, что хотели. Пб. 77 (1993, №3). 205—212; Збигневу Буяку. Пб. 42 (1984, №4). СП. 11—14; Изнутри и снаружи. Пр. 17 (1978, №3). 159—218; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278; Новые жертвы Олимпийских игр. Пб. 22 (1979, №4). 445—446; Открытое письмо директору радиостанции «Свобода» г-ну Фрэнсису Рональдсу. Пб. 11 (1977, №1). 287—300; Русские политзаключенные Владимирской тюрьмы о проведении национальных референдумов. Пб. 11 (1977, №1). Специальное приложение. 1—8.

Булгаков Михаил. Багровый остров. Пр. 10 (1976, №4). 343—362.

Бураго Дмитрий. Пастораль. Ст. 71 (1992, №1). 154—155.

Бурихин Игорь. Из цикла «Я. В. Норвегии. На Страстной. И на Светлой. Сорокадневное». Ст. 45 (1985, №3). 264—271; Стихи. Ст. 27 (1981, №1). 141—146; Три стихотворения из цикла «Мой дом слово». Ст. 8 (1976, №2). 155—160.

Буртин Юрий. [Письмо в редакцию об истории «Нового мира»]. Пб. 75 (1993, №1). 325—331.

Буртина Е. Калязинский Лютер. Пр. 74 (1992, №4). 141—143.

Бурхинов Джаб Наминов. Последствия калмыцкой депортации 1943—1957 гг. в наши дни. Пб. 69 (1991, №3). 254—262.

Бутенко Ольга. От этого еще никто не умирал. Пр. 80 (1994, №2). 102—131.

Буяк Збигнев. Владимиру Буковскому. Пб. 42 (1984, №4). СП. 9—10.

Бялосинская Нина. Молитва. Ст. 64 (1990, №2). 80—82.

Вайль Борис. Леса будущего здания [О 5 вып. «Памяти»]. Кр. 36 (1983, №2). 386—392; Наказание страданием [О Ф. Сундурове]. Кр. 33 (1982, №3). 400—405; Оппозиция в СССР. Пб. 16 (1978, №2). СП. 16—19; Первая библиография [О ГУЛАГе]. Кр. 30 (1981, №4). 408—411.

Вайль Петр (с А.Генисом). Булгаковский переворот. Кр. 47 (1986, №1). 351—374.

Вайман Наум. [Рец. на кн. В. Тарасова]. Кр. 62 (1989, №4). 367—369; «Скоро осень...». Ст. 43 (1985, №1). 149—152.

Вайнштейн М. Да, лицо ненависти [О В. Коротиче]. Кр. 42 (1984, №4). 380—384; Ослепительная мечта [О А. Казанцеве]. Кр. 34 (1982, №4). 419—422.

Вайрик Поль (с Уильямом Линдом). Россия и Америка. Пб. 68 (1991, №2). 199—208.

Вайсман Моше. Суд отказал. Пб. 51 (1987, №1). 307—318.

Валльс Хорхе. Из двух тюремных книг. Ст. 41 (1984, №3). 14—19.

Вальц Ян. Мы. Свободная Вальковая. Пб. 27 (1981, №1). 261—284.

Вальядарес Армандо. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 425; «Простите им, ибо не ведают, что творят...». Пб. 38 (1983, №4). 439—445.
Валюс Валерий. Картины отца. Оч. 16 (1978, №2). 289—306; Несколько переплетенных тем. Пб. 38 (1983, №4). 181—208.
Ванханен Наталья. Во тьму синь-морей. Ст. 74 (1992, №4). 104—107.
Варкони-Лебер Франц. «Пока однажды...». Пр. 3 (1974, №1). 323—361.
Васильев Анатолий. «И когда я стал это делать, я впервые почувствовал свет». Пб. 58 (1988, №4). 427—445.
Васильев Дмитрий. Внимание: опасность! Стенограмма выступления Д.Д. Васильева. Пб. 50 (1986, №4). 211—228.
Васюченко Ирина. Автопортрет со зверем. Пр. 96 (1998, №2). 13—120.
Вацетис Игорь. Обстоятельства образа действия. Пр. 90 (1996, №4). 137—181.
Веденяпин Дмитрий. Из книги «Покров. Стихотворения 1981—1990 гг.». Ст. 68 (1991, №2). 116—122.
Вейдле Владимир. Георгий Иванов. Кр. 11 (1977, №1). 359—369.
Векслер (Кармазов) Марат. Стихи. Ст. 6 (1975, №4). 109—111; Стихи разных лет. Ст. 33 (1982, №3). 175—180.
Величанский Александр. Незримо и грозно. Ст. 83 (1995, №1). 85—91.
Венцлова Томас. Памяти поэта. Ст. 9 (1976, №3). 5—8; Пять стихотворений. Ст. 51 (1987, №1). 208—213.
Верещагин Евгений. Хотя и скрытая, но всё же полная и счастливая жизнь! — Из воспоминаний о проф. А.Ч. Козаржевском и о доперестроечной церковной жизни в Москве. Пр. 99 (1999, №1). 233—260.
Верник Александр. ...Как ручей и листок. Ст. 20 (1979, №2). 1—7—111; «...Эхо, перышка касанье». Ст. 57 (1988, №3). 101—105; Памяти художника Ефима Ладыженского. Ст. 33 (1982, №3). 186—187; С Новым Годом. Ст. 40 (1984, №2). 143—144; Стихи из сборника «Биография». Ст. 48 (1986, №2). 85—90.
Вертлиб Евгений. Генезис и пути политического сознания при Горбачеве. Пб. 63 (1990, №1). 189—224.
Вехова Марианна. Бумажные маки. Пр. 90 (1996, №4). 20—89.
Вигфорсс Харальд. Рауль Валленберг — арестант, похороненный заживо. Пб. 13 (1977, №3). 258—268.
Видович Мирко. Добровольно-принудительные. Пб. 24 (1980, №2). 233—238; Из книги «Белый рыцарь». Ст. 14 (1977, №4). 193—200.
Визенталь Симон. Наша анкета. Пб. 19 (1979, №1). 405—416.
Виидинг Юхан. Стихи. Ст. 30 (1981, №4). 9—11.
Викторов Борис. Взрывали обреченную Иню. Ст. 94 (1997, №4). 86—90; Чомгу поймать нельзя!. Ст. 87 (1996, №1). 208—215.
Вильямс Николай. Алкоголики с высшим образованием. Пр. 25 (1980, №3). 93—122.
Виноградов Владимир. Интервью. Пб. 80 (1994, №2). 220—230; Через пять и через сорок лет? Пб. 86 (1995, №4). 329—342.
Виноградов Игорь. [О Букеровской премии А. Азольскому и Ю. Малецкому]. Пб. 94 (1997, №4). 396; [От редакции: о газете «Русская мысль»]. Пб. 82 (1994, №4). 366; [Ответ А. Синявскому]. Пб. 73 (1992, №3). 308—312; [Открытое письмо И. Иловайской-Альберти]. Пб. 81 (1994, №3). 391—397; [Предисловие к статье А. Брагинского]. Пб. 89 (1996, №3). 235—237; «Православный» фундаментализм — или смерть? Пб. 93 (1997, №3). 270—295; [Предисловие к подборке интервью «Настоящее и будущее России»]. Пб. 80 (1994, №2). 194—197; Два этюда о Достоевском. Кр. 90 (1996, №4). 294—353; К очерку Гелия Рябова «Сошествие во ад». Пб. 97 (1998, №3). 205—213; К читателям «Континента». Пб. 72 (1992, №2). 7—9; Когда «бдят консулы» протоиерея Валентина Асмуса. Пб. 97 (1998, №3). 279—280; Консолидация: на какой основе? Пб. 68 (1991, №2). 209—223; Кочевание до смерти [Памяти В. Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 9—12; Красота Зла (из «Этюдов о Достоевском»). Кр. 76 (1993, №2). 304—321; Между отчаянием и упованием. Кр. 83 (1995, №1). 299—332; Первые Чтения памяти Владимира

Максимова. Пб. 88 (1996, №2). 213—216; Реформирование России в условиях духовного кризиса общества. Пб. 89 (1996, №3). 212—220; Солженицын-художник. Кр. 75 (1993, №1). 273—285.
Винс Петр. [Некролог М. Мельнику]. Пб. 20 (1979, №2). 437.
Виньковецкий Яков. Быть живым. (Памяти Бориса Вахтина). Пб. 35 (1983, №1). 346—352; Врата рая. Эс. 40 (1984, №2). 327—334; Письмо из России в Россию. Пб. 7 (1976, №1). 183—218.
Витковский Е. [Предисловие к публикации Г. Иванова]. Кр. 77 (1993, №3). 239.
Вихавайнен Тимо. Вассальство, искушения тоталитаризма и «финляндизация». Пб. 53 (1987, №3). 387—389.
Вишевский Анатолий (с Б. Брикером). Короткие рассказы. Пр. 27 (1981, №1). 81—101; Собачье дело. Пр. 35 (1983, №1). 83—125.
Вишневская Галина. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 425; «Леди Макбет Мценского уезда». Пр. 43 (1985, №1). 25—42; Интервью. Пр. 11 (1977, №1). 393—409.
Вишневская Ю. Невидимкою луна... [О стихах А. Синявского]. Кр. 9 (1976, №3). 421—425.
Владимир, еп. Открытое письмо. Пб. 68 (1991, №2). 305—314.
Владимиров Л. Фальшивый дуэт [О Васильевых]. Кр. 16 (1978, №2). 361—365.
Владимирова Лия. Из третьей книги стихов. Ст. 32 (1982, №2). 155—158; Новые стихи. Ст. 47 (1986, №1). 185—192; Сосны. Ст. 37 (1983, №3). 84—88; Стихи. Ст. 4 (1974, №2). 173—178; Стихи. Ст. 16 (1978, №2). 91—94.
Владимов Георгий. [Письмо в редакцию о В. Солоухине]. Пб. 60 (1989, №2). 381—390; Даешь Предславль! Глава из романа «Генерал и его армия». Пр. 56 (1988, №2). 16—65; К читателям журнала «Грани». Пб. 49 (1986, №3). 430—431; Комментарий к выступлению «Литературной газеты». Пб. 51 (1987, №1). 363—370; Майор Светлооков. Главы из романа «Генерал и его армия». Пр. 42 (1984, №4). 7—59; Необходимое объяснение. Пб. 48 (1986, №2). СП. I—XI; Ответ Рою Медведеву на его «Открытое письмо Р.Б. Лерт». Пб. 19 (1979, №1). СП. 13—19; Поклонная гора. Глава из романа «Генерал и его армия». Пр. 58 (1988, №4). 24—61.
Влакхо Борис. Белая ночь. Ст. 71 (1992, №1). 67—69.
Власенко Георгий. Стихотворения. Ст. 58 (1988, №4). 98—104.
Воздвиженский Михаил. Собачьи унты. Пр. 88 (1996, №2). 161—175.
Войнович Владимир. Москва — 2042. Главы из романа. Пр. 47 (1986, №1). 17—65; О литературе разрешенной и написанной без разрешения. Пб. 37 (1983, №3). 439—445; Происшествие в «Метрополе». Пр. 5 (1975, №3). 51—98; Шапка. Пр. 55 (1988, №1). 13—116.
Волин Михаил. Русские поэты в Китае. Пр. 34 (1982, №4). 337—358; Стихи о душе. Ст. 31 (1982, №1). 188.
Волков В. «От не себя убереги». Кр. 17 (1978, №3). 364—367; В поисках зеленых цветов [О Н. Рубцове]. Кр. 15 (1978, №1). 357—360; Кассандра за лагерной проволокой [О И. Ратушинской]. Кр. 44 (1985, №2). 344—348; Очерк здравого смысла [В. Львов]. Кр. 24 (1980, №2). 378—?
В.В... [Рец. на кн. М. Альтшуллера]. Кр. 44 (1985, №2). 398—399; По страницам журналов: «Свободный мир». Кр. 47 (1986, №1). 425—427.
Волков Олег. «Карфаген должен быть разрушен». Пб. 69 (1991, №3). 366—373.
Волков Соломон. Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским. Пр. 53 (1987, №3). 337—382; Феномен Ростроповича. Пр. 51 (1987, №1). 329—345; Юрий Любимов в Вашингтоне. Кр. 52 (1987, №2). 309—325.
Володарский М. [Письмо в редакцию о И. Сталине]. Пб. 61 (1989, №3). 369—372; Игра в кошки-мышки. (К шестидесятилетию советско-иранских отношений). Пб. 26 (1980, №4). 311—322; К 60-летию советско-афганского договора. Пб. 30 (1981, №4). 275—292.
Волохонский Анри. Из цикла «Иог и суфий». Ст. 9 (1976, №3). 67—71; Мазь. Ст. 52 (1987, №2). 173—175.

Волчек Дмитрий. Стихи. Ст. 63 (1990, №1). 150—152.
Вольтон Тьерри. Париж—Москва или Париж под Москвой? Пб. 21 (1979, №3). 227—240.
Воннегут Курт. Интервью. Пб. 51 (1987, №1). 437—446.
Воронель Александр. Право быть услышанным... [Об А. Синявском]. Пб. 71 (1992, №1). 309—351.
Ворошильский Виктор. Венгерский дневник. Пр. 16 (1978, №2). 12—80; Из новой книги стихов. Ст. 40 (1984, №2). 29—39; На Западе. Страницы из дневника. Пб. 30 (1981, №4). 215—236; Письмо в редакцию [Отклик на статью А. Михника об А. Вайде]. Кр. 85 (1995, №3). 425—426.
Врубель Татьяна. При свете дня... Ст. 98 (1998, №4). 161—164.
Вульфович Теодор. Рассказы бабки Петровны. Пр. 91 (1997, №1). 141—158; Часы на память. Пр. 84 (1995, №2). 139—157.
Вяльцев Александр. Глагол без названия. О творчестве Ю. Трифонова (1925—1981). Кр. 91 (1997, №1). 327—334.

Гаврилов Анатолий. Будут еще парки и рестораны. Пр. 68 (1991, №2). 110—115.
Гайдар Егор. Интервью. Пб. 80 (1994, №2). 211—220.
Галич Александр. Вечерние прогулки. Ст. 5 (1975, №3). 41—50; Две исповеди. Кр. 12 (1977, №2). 367—370; Из новых стихов. Ст. 10 (1976, №4). 5—10; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278; С последней ленты. Ст. 15 (1978, №1). 7—9; Цикл стихотворений. Ст. 2 (1974, №2). 83—94.
Галковский Дмитрий. «Ха!!.. блягер!.. дура!.. бим, бам!» Н. Ленин в «Бесконечном тупике». Пб. 79 (1994, №1). 261—282; Бесконечный тупик. Пб. 81 (1994, №3). 220—307; Розанов и театр. Кр. 76 (1993, №2). 327—336; Русские мифы. Интервью. Пб. 77 (1993, №3). 268—325.
Гальперин Юрий. Болезнь. Пр. 36 (1983, №2). 87—101; За окном и под окнами. Пр. 32 (1982, №2). 42—54; Кошка под окнами казармы. Пр. 79 (1994, №1). 109—130; Лопарский поселок. Пр. 41 (1984, №3). 129—139; Сукин сын. Пр. 51 (1987, №1). 87—125; Три рассказа. Пр. 26 (1980, №4). 69—93.
Гальцева Рената. Второе крушение гуманизма. Пб. 89 (1996, №3). 317—324; Записки прихожанки. Пб. 95 (1998, №1). 269—293; Соломоново решение, или Новая цензура. Горестные заметы. Пб. 89 (1996, №3). 410—413.
Гандельсман Владимир. Стихи. Ст. 66 (1990, №4). 8—20.
Гандлевский Сергей. Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 16—18; Четыре стихотворения. Ст. 39 (1984, №1). 7—13.
Гаранина Валерия. [Письмо в редакцию]. Пб. 74 (1992, №4). 344—345.
Гареев Зуфар. Парк. Пр. 64 (1990, №2). 10—54.
Гарнье Петр, Олег Лягачев. Писать знаки, их движения. Кр. 47 (1986, №1). 345—350.
Гароди Роже. «Я думаю о посмертном отмщении Маркса». Пб. 67 (1991, №1). 357—377.
Гасан Шкое. «Жив язык, значит — жив народ». Ст. 10 (1976, №4). 140—142.
Гедройц Ежи. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 426—427; Это вселяет надежду. Пб. 68 (1991, №2). 374—380.
Гелейн Алексей. Стихи. Ст. 64 (1990, №2). 169—175.
Геллер Михаил. «Такая долгая жизнь». Кр. 12 (1977, №2). 397—401; Автопортрет в колючей раме [О В. Делоне]. Кр. 43 (1985, №1). 399—401; Борис Парамонов в окрестностях Чевенгура. Пб. 56 (1988, №2). 349—350; Время бросать камни? Пб. 28 (1981, №2). 212—220; Поэт и вождь. Пб. 16 (1978, №2). 227—240.
Гельман Светлана. Главная вдова русской прозы [Против В. Конецкого]. Пб. 62 (1989, №4). 331—335.
Генделев Михаил. Стансы Бейрутского порта. Ст. 36 (1983, №2). 143—146.
Генис Александр. Обживая хаос. Русская литература в конце XX века. Кр. 94 (1997, №4). 277—295; (с П. Вайлем). Булгаковский переворот. Кр. 47 (1986. №1). 351—374.

Герлинг-Грудзинский Густав. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 13—15; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 427—428; Вместо письма в редакцию [Полемика с А. Михником «О поляках по отношению к России»]. Пб. 51 (1987, №1). 397—400; Два эссе. Пб. 18 (1978, №4). 203—216; Семь смертей Максима Горького. Пб. 8 (1976, №2). 303—336.
Герра Ренэ. Владимир Набоков в непривычной ипостаси. Кр. 45 (1985, №3). 367—392.
Герстенмайер Корнелия Ирина. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 428—429.
Гертбурт-Йогансен Алла. К вопросу об авторстве «Тихого Дона». Пб. 44 (1985, №2). 303—308.
Герф Евгений. Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 103—105.
Гершкович Александр. В театре на Таганке, с утра до вечера. Кр. 38 (1983, №4). 285—318.
Гершман Карл. [Заявления представителя США в ООН по национальному вопросу]. Пб. 31 (1982, №1). СП. 2—10.
Гессен Елена. Исповедь первого ученика [О К. Симонове]. Кр. 59 (1989, №1). 407—414; История за обеденным столом [О Е. Боннэр]. Кр. 71 (1992, №1). 292—297.
Гессен Иосиф. Дела эмигрантские. Фрагменты воспоминаний. Пр. 19 (1979, №1). 286—324.
Гийо Ален. Интервью. Пб. 57 (1988, №3). 435—444.
Гильбоа Егошуа. Смысл свободы в современном мире. Пб. 25 (1980, №3). 209—220.
Гимейн А. Нулевой час [А. Битов]. Кр. 20 (1979, №2). 369—373.
Гимельштейн Маргарита. Души наших детей. Пб. 41 (1984, №3). 291—304.
Гинзбург Александр. Опыт страдания [О Ф. Светове]. Кр. 49 (1986, №3). 410—414.
Гиора Хагит. Огород ленивых одалисок. Пр. 57 (1988, №3). 78—100.
Гиппиус Зинаида. Моя первая любовь. Пр. 86 (1995, №4). 37—47; После России. Пр. 72 (1992, №2). 145—159.
Гирш Н. [Письмо в редакцию о А. Синявском]. Пб. 28 (1981, №2). 407.
Гиршович Леонид. Прайс. Пр. 40 (1984, №2). 88—142; Шаубетнахт (Смотри ночью). Пр. 66 (1990, №4). 60—102.
Гладилин Анатолий. «Стальная птица» [О В. Аксенове]. Кр. 14 (1977, №4). 356—358; Репетиция в пятницу. Пр. 12 (1977, №2). 47—84; Репетиция в пятницу. Пр. 13 (1977, №3). 91—131; Тигр переходит улицу. Пр. 7 (1976, №1). 5—24.
Глазова Марина. «И бьется, вьется пена паутиной». Ст. 9 (1976, №3). 78—80.
Глезер Александр. «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?». Кр. 18 (1978, №4). 341—344; Двадцать лет спустя. Пб. 6 (1975, №4). 389—409; Десять лет спустя. Пб. 41 (1984, №3). 355—362; Открытое письмо московскому художнику Александру Калинину. Пб. 19 (1979, №1). 401—404; По поводу «раскаянья» Валерия Репина. Пб. 36 (1983. №2). 361—363; Провансальская тетрадь. Ст. 39 (1984, №1). 231—234; Русская галерея в Париже. Пр. 45 (1985, №3). 361—366; Современное мировое искусство и русская неофициальная живопись. Пб. 35 (1983, №1). 353—370.
Глиер Игорь. Парадоксальная трагедия народовластия. Пб. 38 (1983, №4). 145—166; Послужишь — поймешь [О В. Кондыреве]. Кр. 48 (1986, №2). 384—38.
Гликман Гавриил. Новелла о сапогах. Пб. 42 (1984, №4). 245—252; Шостакович, каким я его знал. Пр. 37 (1983, №3). 361—382; Шостакович, каким я его знал. Пр.38 (1983, №4). 319—354.
Глозман Владимир. «Невоплощенный человек...». Ст. 43 (1985, №1). 76—84.
Глузман Семен. Ангел на карнизе. Пр. 24 (1980, №2). 15—27.
Глюксман Андре. Интервью. Пб. 21 (1979, №3). 407—422; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278; Хайдеггер и Солженицын. Пб. 57 (1988, №3). 223—224.
Гнедин Евгений. В редакцию журнала «Поиски». Пб. 19 (1979, №1). СП. 21—22; Выход из лабиринта. Пр. 28 (1981, №2). 346—360.
Гнеушев Владимир. Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 195—200.
Годлевский Александр. О наших реалиях. Пб. 93 (1997, №3). 141—171; Правосудие в России? Пб. 94 (1997, №4). 184—193.

Гойкин Хаим. Сказка о золотом подвальчике, или маленький кибуц на Спинозе. Пр. 83 (1995, №1). 131—173.
Голицын Владимир. Оттенки на холсте. Ст. 25 (1980, №3). 89—92.
Голлербах Сергей. «Мастера запятых» и мастер синтеза [О книге Э. Неизвестного.]. Кр.36 (1983, №2). 376—382; Из сумеречной зоны к прокрустову ложу — и за их пределы [Л. Ламм]. Кр. 61 (1989, №3). 335—352.
Головской Валерий. Существует ли цензура в Советском Союзе? Пб. 42 (1984, №4). 147—174.
Голомшток Игорь. Парадоксы Гренобльской выставки. Кр. 1 (1974, №1). 191—210; Язык искусства при тоталитаризме. Кр. 7 (1976, №1). 331—392.
Гольц Илья. Тобольский политизолятор. Пб. 49 (1986, №3). 249—276.
Гома Пауль. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 429; Кубическое яйцо. Пр. 34 (1982, №4). 15—35; Обратная стойка. Пр. 18 (1978, №4). 7—37.
Гоманьков Н. Два письма о Высшей Цели и Великой Эволюции. Эс. 15 (1978, №1). 237—256
Горбаневская Наталья. «...И зрение, и слух, и дух, и тело...» [Д. Бобышев]. Кр. 22 (1979, №4). 402—406; «А по сердцах наших копита, копита...». Кр. 16 (1978, №2). 369—372;«Земля людей». Перечитывая статьи Юзефа Чапского (к 95-летию со дня рождения). Кр. 68 (1991, №2). 224—241; «Национализмы моей части Европы» [О Ч. Милоше]. Кр. 65 (1990, №3). 392—395; [В защиту А. Михника]. Пб. 12 (1977, №2). 434—436; [Вступительная заметка к статье В.П. о самиздате]. Пб. 52 (1987, №2). 253—255; [Ответ П. Литвинову]. Пб. 29 (1981, №3). 389—392; [Ответ на письмо Л. Чуковской]. Пб. 27 (1981, №1). 380—381; Благодарение за поэта. Кр. 33 (1982, №3). 386—390; Блеск и нищета советского интеллигента. Кр. 11 (1977, №1). 375—380; Восемь стихотворений из ненаписанной книги. Ст. 50 (1986, №4). 146—151; В Польше. Разрозненные заметки. Пб. 58 (1988, №4). 243—262; В четырех стенах [О П. Гома]. Кр. 15 (1978, №1). 371—376; Вы — свободны! [Л. Чуковская]. Кр. 23 (1980, №1). 397—402; Двенадцать стихотворений из ненаписанной книги. Ст. 61 (1989, №3). 60—65; Есть ли у нас «союзники»? [О В. Буковском]. Кр. 34 (1982, №4). 402—405; Из новых стихов. Ст. 81 (1994, №3). 170—173; Из новых стихов. Ст. 87 (1996, №1). 154—156; Из польской поэзии XX века. Кр. 68 (1991, №2). 359—361; Из последней книги стихов. Ст. 8 (1976, №2). 49—53; Из стихов 1979—1980 гг. Ст. 26 (1980, №4). 139—148; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278; Мельница и замок. Кр. 43 (1985, №1). 387—392; Михаил Булгаков. Жизнеповедение [О кн. М. Чудаковой]. Кр. 61 (1989, №3). 382—386; На чем заложен кленовый лист. Ст. 66 (1990, №4). 108—110; Объяснение в любви [О А. Седых]. Кр. 35 (1983, №1). 403—406; Ответ Корнелю Моравецкому. Пб. 48 (1986, №2). СП. 6—7; Ответы на вопросы о России [А. Дравича]. Кр. 32 (1982, №2). 400—403; Отказ от потери памяти. Кр. 17 (1978, №3). 372—388; От переводчика [к статье Т. Мяновича]. Пб. 46 (1985, №4). 212—214; Памяти Наташи Дюжевой. Пр. 64 (1990, №2). 394—395; Поговорим о зверюшках, милые детки... [Л. Вацулик]. Кр. 20 (1979, №2). 373—377; Подвал памяти. Кр. 12 (1977, №2). 375—379; Поправка к стихотворению в №81. Ст. 83 (1995, №1). 414; Похороны Владимира Максимова на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Ст. 84 (1995, №2). 15; Ремарки, пометки, помарки. Пб. 25 (1980, №3). 342—346; С доверием к тексту [О М. Крепсе]. Кр. 47 (1986, №1). 391—394; Символ нашей веры. Пб. 59 (1989, №1). 431—433; Стихи. Зима 1983/1984. Ст. 40 (1984, №2). 83—87; Стихи из книги «Переменная облачность». Ст. 36 (1983, №2). 61—66; Стихи украинских и польских поэтов. Ст. 21 (1979, №3). 71—88; Стихи Эдуарда Лимонова и Елены Щаповой. Кр. 25 (1980, №3). 147—148; Три стихотворения Адаму Михнику. Ст. 13 (1977, №3). 5—6; Эта книга была первой... [Ю. Мацкевич о Катыни]. Кр. 60 (1989, №2). 425—429.
Горбачев Михаил. Интервью. Пб. 80 (1994, №2). 197—211.
Горбунова Анна. Стихи. Ст. 12 (1977, №2). 85—89.
Гордеева Наталья. Стихи. Ст. 50 (1986, №4). 184—188.

Гордиенко Юрий. Одиннадцать дощечек. Ст. 63 (1990, №1). 76—116.
Гордон Кендал. Англиканская церковь. Оч. 92 (1997, №2). 273—282.
Горенштейн Фридрих. Зима 53-го. Пр.17 (1978, №3).1 1—106; Зима 53-го. Пр. 18 (1978, №4). 133—175; Идеологические проблемы берлинских городских туалетов. Пб. 33 (1982, №3). 257—286; Куча. Пр. 39 (1984, №1). 150—217; Муха у капли чая. Пр. 36 (1983, №2). 107—122; Муха у капли чая. Пр. 35 (1983, №1). 24—69; На вокзале. Пр. 45 (1985, №3). 207—225; Яков Каша. Пр. 29 (1981, №3). 11—82.
Горичева Татьяна. «Эхо». №13. Кр. 41 (1984, №3). 417—419; Книга об отце Глебе Якунине. Кр. 43 (1985, №1). 392—394; Круги ада [О прозе Ю. Мамлеева]. Кр. 36 (1983, №2). 382—385; О религиозном в постмодернизме. Пб. 53 (1987, №3). 277—290; Отторвавшись от духа [О книге Иоганна Меца]. Кр. 28 (1981, №2). 416—421; От мглы к свету [О П. Флоренском]. Кр. 50 (1986, №4). 413—418; Поиски истины в предрассветном сумраке [О В. Тростникове]. Кр. 26 (1980, №4). 373—377; Русская мысль в изгнании, или Восток на Западе [Об О. Клемане]. Кр. 47 (1986, №1). 413—418; Философ нашего века [Л. Шестов]. Кр. 39 (1984, №1). 398—403; [Под инициалами «Т.Г.»]. Рец. на кн.: А. Боголюбов. Сын Человеческий. Кр. 44 (1985, №2). 391—393.
Городницкий Александр. Два стихотворения. Ст. 92 (1997, №2). 214—215.
Гохман Иржи. Письмо доктору Василю Билаку. Пб. 3 (1974, №1). 197—210; Чешский хэппенинг. Пр. 6 (1975, №4). 9—48; Чешский хэппенинг. Пр. 7 (1976, №1). 37—88; Чешский хэппенинг. Пр. 8 (1976, №2). 57—106; Чешский хэппенинг. Пр. 9 (1976, №3). 26—66; Чешский хэппенинг. Пр. 10 (1976, №4). 100—138.
Грибанов Александр. «Больной человек». Пб. 57 (1988, №3). 197—212; В поисках неустойчивого равновесия [Т. Венцлова]. Кр. 56 (1988, №2). 357—363.
Григоренко Андрей. Поиски взаимопонимания. Пб. 21 (1979, №3). 204—212.
Григоренко Петр. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 430—431; Интервью. Пб. 17 (1978, №3). 395—417; К вопросу о государственной независимости и взаимоотношениях между народами СССР. Пб. 22 (1979, №4). 223—230; Начало жизни. Пр. 29 (1981, №3). 223—248; Письмо по поводу «раскаяния» Гелия Снегирева. Пб. 16 (1978, №2). СП. 9—11; Что же произошло на Площади Пушкина в Москве 5 декабря 1976 года? Пб. 13 (1977, №3). 283—289.
Григорьев С.Д. [Письмо в редакцию]. Пб. 67 (1991, №1). 330—332.
Григорьев [Псевдоним Е. Шухмана — см. №51. с. 393] Борис. Московские стихи. Ст. 50 (1986, №4). 74—80.
Григорьянц Сергей.Слово о Варламе Шаламове. Пр. 34 (1982, №4). 330—336.
Гриднев Алексей. Стихи. Ст. 52 (1987, №2). 11—23.
Грин Грэм. Прага. 1948. Пр. 2 (1974, №2). 373—382.
Грин Жюльен. Будущее надо вновь придумать. Пб. 82 (1994, №4). 298—304.
Гришко Василь. К проблемам русско-украинского диалога. Пб. 33 (1982, №3). 219—234.
Грозовский Михаил. Из детства. Ст. 68 (1991. №2). 101—109.
Гройс Борис. «Постмодернизм принадлежит прошлому». Пб. 89 (1996, №3). 325—327.
Гроссман Василий. Жизнь и судьба. Пр. 6 (1975, №4). 151—172; Жизнь и судьба. Пр. 7 (1976, №1). 95—111; Жизнь и судьба. Пр. 8 (1976, №2). 111—132; За правое дело. Пр. 4 (1974, №2). 179—216; За правое дело. Пр. 5 (1975, №3). 7—40.
Груздева Наталья. Стихи. Ст. 70 (1991, №4). 169—172.
Грум-Гржимайло Тамара. Встреча навсегда (О Дмитрии Шостаковиче). Пр. 67 (1991, №1). 251—264; Штрихи к портрету Мстислава Ростроповича. Пр. 73 (1992, №3). 294—307.
Группа христианской молодежи. Открытое письмо в журнал «Континент» [Против мата]. Пб .31 (1982, №1). 341—343.
Грязев Р. Как запретили клуб «Рабочая инициатива». Пб. 61 (1989, №3). 285—290.
Губанов Леонид. Три стихотворения. Ст. 78 (1993, №4). 31—34.
Гудава Тенгиз. Из стихотворений 1985—1987 гг. Ст. 60 (1989, №2). 180—185.
Гуиральдес Рикардо. Шорник. Пр. 51 (1987, №1). 214—218.

Гурвич Эдуард. В погоне за «большой правдой» [О В. Кочетове, полемика с Ю. Идашкиным]. Пб. 66 (1990, №4). 329—338.

Д. С. Заметки о биографическом словаре математиков. Пб. 26 (1980, №4). 257—272.
Давыдов Юрий. Победитель. Оч. 86 (1995, №4). 268—328; Современность под знаком «пост-». Пб. 89 (1996, №3). 301—316.
Дар Давид. Речь, которую я хотел бы произнести у своего гроба. Пр. 14 (1977, №4). 94—112.
Д. Д. На докладе Жданова. Оч. 17 (1978, №3). 281—286.
Дардел фон Май. Письмо министру юстиции СССР В.И. Теребилову. Пб. 13 (1977, №3). 253—257.
Дарский И. Письмо в редакцию. Пб. 51 (1987, №1). 389—391; «La Battaglia di Milano» [О Шаляпине]. Пр. 44 (1985, №2). 257—274; Шаляпин и Горький. Пр. 41 (1984, №3). 305—354.
Дастрэ Анн. «Монд» без прикрас. Пб. 10 (1976, №4). 189—202.
Декс Пьер. Интервью. Пр. 9 (1976, №3). 433—441.
Делоне Вадим. «Нет меня, я покинул Россию» [Памяти Вл. Высоцкого]. Пр. 26 (1980, №4). 167—173; «Что-то в белых снегах беспокойно». Ст. 9 (1976, №3). 75—77; Баллада о судьбе. Ст. 22 (1979, №4). 50; Заметки к автобиографии. Пр. 37 (1983, №3). 126—130; Неотправленное письмо. Ст. 34 (1982, №4). 88—90; Стихи. Ст. 16 (1978, №2). 87—90.
Дементьев Андрей. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 16—17. Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 201—205; Стихотворения. Ст. 62 (1989, №4). 129—133.
Денисов В. Выбор истории. История, случившаяся в день выборов. Пр. 38 (1983, №4). 83—126; Краденый бог. Пр. 48 (1986, №2). 14—33; Краденый бог. Пр. 49 (1986, №3). 140—164.
Джилас Алекса. Югославский федерализм: отсутствие единства восьми партийных бюрократий. Пб. 53 (1987, №3). 243—248.
Джилас Милован. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 431—432; Албанские особенности. Пб. 47 (1986, №1). 249—256; Беседа. Пб. 1 (1974, №1). 225—231; Вечность и временность свободы. Пб. 52 (1987, №2). 221—234; Горбачев: предостережение. Пб. 46 (1985, №4). 215—219; Идеология пишет историю. Пб. 15 (1978, №1). 217—236; Интервью. Пб. 16 (1978, №2). 389—406; Интервью. Пб. 23 (1980, №1). 425—439; Йован Барович, неустрашимый адвокат. Пб. 28 (1981, №2). 247—258; Первое причастие. Пр. 24 (1980, №2). 114—128; Сестра. Пр. 6 (1975, №4). 112—146; Чужие времена. Пр. 33 (1982, №3). 18—52.
Дижур Белла. Стихи разных лет. Ст. 54 (1988, №2). 197—204; Шесть стихотворений. Ст. 42 (1984, №4). 60—64.
Дмитриев Виталий. Попробуй в былое вглядеться... Ст. 95 (1998, №1). 139—143; Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 13—15.
Дмитриев Т. Размышления с кистью в руках [О живописи Г. Гликмана]. Кр. 32 (1982, №2). 318—334.
Днепров Роман. «Власовское» ли? Пб. 23 (1980, №1). 287—314.
Довлатов Сергей. Встретились, поговорили. Пр. 58 (1988, №4). 78—97; По прямой. Пр. 11 (1977, №1). 129—140; Представление. Пр. 39 (1984, №1). 42—70; Соло на ИБМ. Пр. 61 (1989, №3). 188—200; Юбилейный мальчик. Пр. 19 (1979, №1). 49—70.
Докторов Гилберт. Реформа царской цензуры. Пр. 36 (1983, №2). 177—218.
Долина Вероника. Песни. Ст. 39 (1984, №1). 14—19.
Домбровский Юрий. История немецкого консула. Пр. 72 (1992, №2). 16—77; Смуглая леди. Неизданные главы книги с послесловием Г. Анисимова и М. Емцева. Пр. 67 (1991, №1). 7—40.
Дон Левин Исаак. ГУЛАГ и Запад. Пб. 9 (1976, №3). 165—200.
Донде Александр. Стихи. Ст. 36 (1983, №2). 123—134.
Дравич Анджей. Зарубежная Россия. Пб. 26 (1980, №4). 207—230.

Дрда Ян. «Не притроньтесь к ним даже пальцем, не дайте им ни капли воды...». Пб. 8 (1976, №2). 5—6.
Дружников Юрий. Мальчик-доносчик и товарищ Сталин. Пб. 57 (1988, №3). 247—258.
Друскин Лев. Заплачу о неверии своем. Ст. 33 (1982, №3). 53—69; Стихи. Ст. 30 (1981, №4). 173—176; Стихи. Ст. 49 (1986, №3). 104—110; Юрий Сергеевич Рытхэу. Кр. 38 (1983, №4). 355—374.
Друцэ Ион. Жертвоприношение. Пр. 82 (1994, №4). 12—75; Падение Рима. Др. 87 (1996, №1). 9—81; Суббота в Назарете. Пр. 85 (1995, №3). 17—79.
Дубнов Евгений. Канадские строки. Ст. 53 (1987, №3). 167—170; Стихи. Ст. 30 (1981, №4). 181—182.
Дубчак Анна. Капитан Димыч. Пр. 69 (1991, №3). 92—136.
Дугеч Малкица. Венцеслав Чижек — человек, мыслитель и страдалец. Пр. 34 (1982, №4). 210—225.
Дунаевская Елена. Стихотворения. Ст. 59 (1989, №1). 127—133.
Дымарский Лех. Что было в мае? Оч. 17 (1978, №3). 259—280.
Дюжева Н. «Как раскачана волна...» [О стихах Н. Горбаневской]. Кр. 26 (1980, №4). 377—380; Свободным от лжи языком. Кр. 25 (1980, №3). 349—351; «Живая вода» сталинизма [Ф. Жорж]. Кр. 22 (1979,№4). 412—416.

Евгеньев Г. «Снег, святая простота...». Ст. 41 (1984, №3). 124—125; Стихи и проза. Ст. 34 (1982, №4). 47—57.
Евдокимов Валерий. Способность просветлять. Пр. 78 (1993, №4). 279—298.
Евсеев Борис. Узкая лента жизни. Пр. 89 (1996, №3). 184—195.
Ежевский Кшиштоф. Польша после Папы. Пб. 40 (1984, №2). 209—230.
Екишев Юрий. На краю Российской земли. Пр. 90 (1996, №4). 182—197; Под защитою. Пр. 85 (1995, №3). 170—209.
Елагин Иван. Из переводов: Стивен Винсет Бене. «Дело Джона Брауна» (отрывок). Ст. 11 (1977, №1). 120—128; Личное дело. Ст. 15 (1978, №1). 123—127; Стихи. Ст. 19 (1979, №1). 43—48; Стихи. Ст. 24 (1980, №2). 140—141; Стихи. Ст. 46 (1985, №4). 7—13; Стихотворение. Ст. 4 (1974, №2). 217—218; Цирк. Ст. 7 (1976, №1). 89—94.
Елагина Елена. На поводке любви. Ст. 97 (1998, №3). 164—168.
Енютин Виктор. Стихи. Ст. 42 (1984, №4). 96—99; Стихи. Ст. 51 (1987, №1). 168—169.
Еременко Владимир. Житие Марии. Ст. 80 (1994, №2). 93—101.
Еремин Михаил. Стихи разных лет. Ст. 21 (1979, №3). 34—38; Стихи. Ст. 54 (1988, №2). 58—59; Стихи. Ст. 61 (1989, №3). 118—122.
Ермолин Евгений. Антикритика. Ответ Юрию Малецкому. Кр. 95 (1998, №1). 352—365; Вчера, сегодня, всегда... Кр. 92 (1997, №2). 345—367; Зона премиабельности. Кр. 79 (1994, №1). 335—354; Между кладбищем и свалкой. Пб. 89 (1996, №3). 333—349; Место человека во вселенной: Обзор российской журнальной прозы 1992 года. Кр. 75 (1993. №1). 296—324; На тот свет и обратно. Советский опыт в прозе последних лет. Кр. 81 (1994, №3). 337—360; Пленники Бабы Яги. Кр. 72 (1992, №2). 343—366; Примадонны постмодерна, или Эстетика огородного контекста. Кр. 84 (1995, №2). 397—419; Провинциал (Игорь Дедков и его литературное поприще). Кр. 86 (1995, №4). 414—427; Человек без адреса. Роман Владимира Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени как книга последних слов». Кр. 98 (1998, №4). 322—350.
Ерофеев Венедикт. «Сумасшедшим можно быть в любое время» (интервью Л. Прудовскому). Пр. 65 (1990, №3). 411—430; Вальпургиева ночь, или «Шаги командора». Трагедия в пяти актах. Др. 45 (1985, №3). 96—185; Диссиденты, или Фанни Каплан. Др. 67 (1991, №1). 285—315; Моя маленькая лениниана. Пр. 55 (1988, №1). 187—202; Саша Черный и др. Эс. 67 (1991, №1). 316—317
Ефимов Игорь. «И не уйдешь ты от суда мирского» [О книге Доры Штурман]. Кр. 41 (1984, №3). 403—408; Общежитие для иностранцев [О книге Л. Робинсона]. Кр. 35 (1983, №1). 377—380; Эзопов язык и литература [О Л. Лосеве]. Кр. 44 (1985, №2). 376—380; Экспортный вариант перестройки [А. Аганбегян]. Кр. 59 (1989, №1). 388—392.

Ефимов-Московит Игорь. Политические выгоды нищеты. Пб. 20 (1979, №2). 121—144.
Ефремов Георгий. Приобретение потерь. Пб. 67 (1991, №1). 143—159.

Женклис Т. Прощаясь с Антанасом Снечкусом. Чего мы ждем от эмиграции? Пб. 14 (1977. №4). 231—250.
Женук Сергий. Империализм и нацизм. Пб. 28 (1981, №2). 115—133.
Жерневская Инна. По поводу повести Юрия Малецкого «Льбью». Кр. 89 (1996, №3). 373—374.
Жигалов Анатолий. Бубенцы паломника. Ст. 17 (1978, №3). 107—110.
Журжин Александр. Докторская. Пр. 44 (1985, №2). 11—57. Сон. Пр. 31 (1982, №1). 7—18; Чучело. Пр. 37 (1983, №3). 18—33.

Заборов Михаил. Мона Лиза и монолица (Об искусстве Олега Целкова). Кр. 69 (1991, №3). 314—319; Проекция на плоскость (Роман с прототипом) [М. Гамбурд]. Кр. 58 (1988, №4). 293—302; Социальная физика. Пб. 47 (1986, №1). 227—248.
Завалишин Вячеслав. Аввакум с речки Утиной [О М. Драй-Хмаре]. Кр. 42 (1984, №4). 357—362; Предтеча позднего «авангарда» [О М. Шемякине]. Кр. 49 (1986, №3). 388—393; Смешное в великом и великое в смешном [Комар и Меламид]. Кр. 39 (1984, №1). 355—366.
Заврат Кшиштоф. «Барышни из Вильно» и художники из Варшавы. Пб. 23 (1980, №1). 203—212.
Загянская Галина. Стенограмма экстренного заседания правления МОССХ от 23 января 1935 года (публикация, предисловие). Дт. 73 (1992, №3). 191—217.
Загянский Ю.А. Открытое письмо Б.Н. Ельцину. Пб. 70 (1991, №4). 287—290; История во мгле (Родион Малиновский — жертва собственной стратегии). Пр. 63 (1990, №1). 249—260.
Зайцев Алексей. Хочу заполнить эту паузу... Ст. 72 (1992, №2). 160—163.
Зайчик Марк. Атеист. Пр. 44 (1985, №2). 76—109; История. Пр. 36 (1983, №2). 67—79; Крановщица Гладбах. Пр. 39 (1984, №1). 77—112; На службе. Пр. 28 (1981, №2). 56—65; Сделано в СССР. Пр. 50 (1986, №4). 81—145; Феномен. Пр. 32 (1982, №2). 166—181.
Закс Борис. Немного о Гроссмане. Кр. 26 (1980, №4). 352—363.
Закс Дмитрий. Борис Вахтин, писатель. Кр. 69 (1991, №3). 353—356; Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 161—164.
Залыгин Сергей. Я сделал свой выбор... Пб. 64 (1990, №2). 379—393.
Запесоцкая Римма. Стихи. Ст. 50 (1986, №4). 49—53.
Запецкий Владимир. Егор Кузьмич сделал свое дело. Пб. 66 (1990, №4). 209—222; Еще раз о колпашевском захоронении. Пб. 64 (1990, №2). 346—350.
Захаревич Наталия. Стихи. Ст. 58 (1988, №4). 197—199.
Зверев С. Как и кто придет к власти в СССР к концу 1990 года. Пб. 64 (1990, №2). 187—216.
Звягин Евгений. Командировка. Пр. 63 (1990, №1). 10—75; Сентиментальное путешествие вдоль реки Мойки, или напиться на халяву. Пр. 54 (1988, №2). 16—57; Что такое «богемные христиане»? Пб. 62 (1989, №4). 253—256.
Зебровска Анна. [Письмо в редакцию]. Пб. 68 (1991, №2). 329—330.
Зелинский Владимир. Быть православным на Западе. Пб. 97 (1998, №3). 286—292.
Зельдич Юрий. Полковник Пестель: контуры политического портрета. Пб. 97 (1998, №3). 293—320.
Зеров Микола. Сонеты. Ст. 51 (1987, №1). 175—177.
Зизиулас Иоанн. Общение и инаковость. Эс. 83 (1995, №1). 212—225.
Зиман Л.Я. «Сжить себя в людской беде» [И. Габай]. Кр. 69 (1991, №3). 338—343.
Зиманд Роман. Мертвый дом живых людей. Пб. 60 (1989, №2). 233—258.
Зиник Зиновий. Право скитаться. Кр.11 (1977, №1). 370—374.
Зиновьев Александр. Заговор против чувств [Интервью П. Вайлю и А. Генису]. Пб. 24 (1980, №2). 401—423; Заметки об идеологии. Пб. 20 (1979, №2). 209—230; Ката-

стройка. Главы из романа. Пр. 57 (1988, №3). 7—69; Манифест социальной оппозиции. Пб. 60 (1989, №2). 207—233; Научная критика коммунизма. Статья вторая. Пб. 53 (1987, №3). 221—242; Нашей юности полет. Пб. 35 (1983, №1). 176—206; Не все мы диссиденты. О социальной оппозиции в советском обществе. Пб. 44 (1985, №2). 175—190; От коммунизма — к колониальной демократии. Пб. 77 (1993, №3). 212—232; Почему я не вернусь в Советский Союз. Пб. 43 (1985, №1). 161—166; Предостережение из будущего (Мир после третьей мировой войны). Пб. 40 (1984, №2). 19—28; Рука Кремля. Комедия о мирном сосуществовании двух систем. Пб. 47 (1986, №1). 137—184; С чего начать. Статья первая. — Обращение к третьей русской эмиграции. Пб. 51 (1987, №1). 219—242; Стабильно ли советское общество? Пб. 37 (1983, №3). 131—150.

Зиновьева О. [Письмо в редакцию об А. Зиновьеве]. Пб. 43 (1985, №1). 376—380.

Златкин Александр. [Рец. на кн. Г. Герлинга-Грудзинского]. Кр. 62 (1989. №4). 365—367; Надежда [О И. Ратушинской]. Кр. 62 (1989, №4). 349—352.

Золотарев Алексей. Вера и знание. Пр. 82 (1994, №4). 216—228.

Зорин Александр. Переходя из одного туннеля в другой. Пр. 97 (1998, №3). 151—163.

Зубов Андрей. «Россия на путях правопреемства». Пб. 91 (1997, №1). 186—207; Воскресение или развоплощение? Пб. 74 (1992, №4). 238—254; Европа и мир. Пб. 83 (1995, №1). 249—270; Обращение к русскому национальному правопорядку как нравственная необходимость и политическая цель. Пб. 92 (1997, №2). 232—249; Опыт метанойи. Пб. 81 (1994, №3). 192—206; Победа, которую мы потеряли. Пб. 84 (1995, №2). 71—76; Пути России. Пб. 75 (1993, №1). 124—159; Россия на путях правопреемства. Пб. 89 (1996, №3). 228—234; Русская Православная Церковь в посттоталитарном пространстве. Пб. 85 (1995, №3). 243—259; Эсхатологическая уникальность христианства. Пб. 78 (1993, №4). 233—245; Этнопаранойя. Пб. 73 (1992, №3). 262—269.

Зутман Яков. Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 106—108.

Иванов Вячеслав. Пять стихотворений. Ст. 89 (1996, №3). 196—198.

Иванов Георгий. Неизвестное стихотворение. Ст. 51 (1987, №1). 359—360; Неопубликованные стихи. Ст. 33 (1982, №3). 351—352; Стихи. Ст. 3 (1974, №1). 259—262; Стихотворение (публ. Э. Штейна). Ст. 54 (1988, №2). 373—374; Страх перед жизнью (Константин Леонтьев и современность). Пб. 77 (1993, №3). 240—247.

Иванова Ольга. Детальное. Ст. 71 (1992, №1). 83—88.

Иванова Светлана. Бутафорская твердь [И. Жданов]. Кр. 69 (1991, №3). 351—353; Хочешь яблока ночного? [О. Юрьев]. Кр. 66 (1990, №4). 346—349.

Иваск Юрий. Воображая Петербург. Ст. 47 (1986, №1). 128—132.

Иверни Виолетта. В конце века. в начале века... Кр. 20 (1979, №2). 402—406; О тюрьме идейной. Кр. 18 (1978, №4). 351—355; «Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть...» [Б. Окуджава]. Кр. 24 (1980, №2). 358—363; «Соцреализм с человеческим лицом» [О В. Катаеве]. Кр. 7 (1976, №1). 393—418; «Это моя исповедь» [О П. Григоренко]. Кр. 32 (1982, №2). 381—387; Актуальные мемуары [И. Гессен]. Кр. 25 (1980, №3). 351—354; Время странствовать и время вспоминать... [О мемуарах А. Седых]. Кр. 27 (1981, №1). 397—401; Зеркало памяти. Пб. 19 (1979, №1). 379—384; Книга — жизнь [Е. Гинзбург]. Кр. 23 (1980, №1). 388—392; Комедия несовместимости [О романе Войновича]. Кр. 5 (1975, №3). 427—454; Островная утопия [О В. Аксенове]. Кр. 31 (1982, №1). 365—370; По ту сторону смеха [Ф. Искандер]. Кр. 21 (1979, №3). 339—360; Попытка времени (Проза Владимира Корнилова). Кр. 9 (1976, №3). 395—418; Рейнское вино. Ст. 11 (1977, №1). 166—170; Смертью — о жизни [О В. Распутине]. Кр. 15 (1978, №1). 291—312; Стихи. Ст. 16 (1978, №2). 81—86; Стихи. Ст. 27 (1981, №1). 54—59; Час милосердия. Кр. 12 (1977, №2). 353—364; Через Лету [О Ю. Гальперине]. Кр. 34 (1982, №4). 406—411; В.И. Какого цвета «обыкновенный фашизм»? [О М. Геллере]. Кр. 44 (1985, №2).333; В.И. Чужая душа... [О Л. Ржевском]. Кр. 34 (1982, №4). 399—401.

Игнатова Елена. «Мы засыпаем без слез...». Ст. 29 (1981, №3). 91—95; Десять стихотворений. Ст. 51 (1987, №1). 46—51; Из второй книги. Ст. 22 (1979, №4). 43—45; Новые стихи. Ст. 70 (1991, №4). 7—11; Стихи. Ст. 6 (1975, №4). 105—108; Стихи. Ст. 61 (1989, №3). 147—152.
Игошев Лев. Нужно ли? (Письмо в «Континент») [О беседе Г. Кочеткова №81]. Пб. 83 (1995, №1). 411—414; О путях России. Пб. 81 (1994, №3). 178—191; Петушиное слово. Пб. 79 (1994, №1). 210—217.
Игошина Е. Рана истории [О Н. Бетелле]. Кр. 16 (1978, №2). 358—361.
Идашкин Юрий. Всеволод Кочетов, каким я его знал. Пр. 63 (1990, №1). 285—312.
Излета М. [Письмо в редакцию]. Пб. 56 (1988, №2). 350—352.
Иловайская Ирина. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 432—433; Жизнь и житие [М. Поповский]. Кр. 24 (1980, №2). 351—358; Нетерпимость с обратным знаком. Пб. 25 (1980, №3). 173—186; Что же случилось с Россией? [О В. Варшавском]. Кр. 37 (1983, №3). 395—401.
Илюшенко Владимир. Попытка философии. Пр. 95 (1998, №1). 144—202; Христинство и этническое православие. Пб. 86 (1995, №4).397—411.
Иннокентьев А. Параллельные миры [О Г. Сапгире]. Кр. 65 (1990, №3). 389—392.
Ионеско Эжен. Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278; Наша анкета. Пб. 7 (1976, №1). 437—443; Слово к журналу. Пб. 1 (1974, №1). 8—11.
Иосиф Косинский. «Когда б вы знали, из какого сора...» [О М. Каганской]. Кр. 44 (1985, №2). 364—375.
Иоссель Михаил. [Рец. на кн. А. Козлова]. Кр. 64 (1990, №2). 376—377.
Иофе Юрий. В тени Достоевского. Пб. 40 (1984, №2). 385—394; И Африка мне не нужна. Ст. 39 (1984, №1). 71—76; Франкфурт/Майн, январь 85. Ст. 46 (1985, №4). 168—172; Шотландские стихи. Ст. 33 (1982, №3). 188—190; Я иду по Парижу. Ст. 31 (1982, №1). 185—187.
Иоффе Леонид. Памяти П. Гольдштейна. Ст. 35 (1983, №1). 174—175; Стихи. Ст. 39 (1984, №1). 147—149; Стихи. Ст. 48 (1986, №2). 159—164; Три стихотворения. Ст. 32 (1982, №2). 61—63.
Иоффе Соломон. [Письмо в редакцию о тексте И. Британа]. Пб. 57 (1988, №3). 381—386; К публикации книги А. Шварца «Жизнь и смерть Михаила Булгакова». Кр. 58 (1988, №4). 361—378; Письмо в редакцию журнала «Континент» [О Сталине]. Пб. 48 (1986, №2). 361—362.
Исаев Николай. Фарфоровые головы. Пр. 70 (1991, №4). 12—61.
Искандер Фазиль. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 18; Два ностальгических рассказа. Пр. 85 (1995, №3). 155—169; Кролики и удавы. Пр. 22 (1979, №4). 51—107; Кролики и удавы. Пр. 23 (1980, №1). 79—136; Три рассказа. Пр. 92 (1997, №2). 187—213; Три стихотворения. Ст. 99 (1999, №1). 9—12; Чик, играющий судья. Пр. 79 (1994, №1). 13—30.
Истогина Александра. Валентин Соколов. Кр. 98 (1998, №4). 9—11.
Ицков Иосиф. [Письмо в редакцию]. Пб. 43 (1985, №1). 374—375; Одна из первых жертв Сталина. Пб. 38 (1983, №4). 275—284.
Йодер Джон. «Нет власти аще не от Бога»: 13-я глава Посланиия к Римлянам и государственная власть. Оч. 91 (1997, №1). 261—274.
Йокубинас Кястутис. Непобежденные. Пб. 31 (1982, №1). 295—312.

К.С. [Рец. на кн. Г. Сапгира]. Кр. 64 (1990, №2). 374—375; Коротко о книгах [А. Шевченко. Н. Полянский. Е. Щапова]. Кр. 47 (1986, №1). 419—424; По страницам журналов [«Новый журнал»]. Кр. 43 (1985, №1). 420—422.
К.Х. [Рец. на книги В. Ражникова, Дм. Паперно]. Кр. 65 (1990, №3). 407—408.
Каволис Витаутас. Патриотизм отземленных. Пб. 6 (1975, №4). 252—264.
Каган Виктор. Интеллигент в стране зэ-ка [О книге Ю. Марголина]. Кр. 26 (1980, №4). 380—385; Рец. на кн.: К. Криптон. Осада Ленинграда. Кр. 38 (1983, №4). 431—433; В двух зонах. Пб. 24 (1980, №2). 263—270; В.Г.Короленко en face. Пр. 27 (1981,

№1). 285—291; Воспоминания о Н.В. Тимофееве-Ресовском. Пр. 66 (1990, №4). 271—276; Два обращенца. Пб. 29 (1981, №3). 151—172; Дела давно минувших дней [Б. Бруцкус]. Пб. 60 (1989, №2). 286—296; Заметки на полях. Пб. 37 (1983, №3). 229—262; Запад и права человека. Пб. 62 (1989, №4). 231—238; Маленькие истории. Пб. 33 (1982, №3). 307—313; Отщепенец — свидетель [О А. Орлове]. Кр. 39 (1984, №1). 408—412; Постскриптум к приказу. Пб. 14 (1977, №4). 301—306; Рецензия на рецензию [О Д. Бруцкусе]. Пб. 59 (1989, №1). 374—375; Свидетельства созерцателя [О воспоминаниях Н. Полетика]. Кр. 36 (1983, №2). 370—376; Фольклор архипелага ГУЛАГ. Кр. 32 (1982, №2). 391—392.

Каграманов Юрий. «...И аз воздам». О страхе Божием в прошлом и настоящем. Пб. 84 (1995, №2). 376—397; «...И разбросайте плоды его». О советском внешнеполитическом мышлении и путях его преодоления. Пб. 97 (1998, №3). 168—190; Белая идея на пороге XXI века. Пб. 78 (1993, №4). 191—205; Божье и вражье. Вчитываясь в Мережковского. Кр. 81 (1994, №3). 308—336; Еще несколько слов о страхе Божием. Пб. 87 (1996, №1). 291—295; Мера пессимизма. Пб. 87 (1996, №1). 216—247; От какого наследства мы отказываемся. Пб. 94 (1997, №4). 149—183; Экономика± Икономия. Пб. 74 (1992, №4). 127—140.

Казаков Владимир. Одно стихотворение. Ст. 23 (1980, №1). 140—141.

Каледин Дмитрий. Воля и неволя. Пр. 84 (1995, №2). 233—255;

Каледин Сергей. Берлин. Париж и «Вшивая рота». Пр. 84 (1995, №2). 195—232; Два документа. Пб. 63 (1990, №1). 245—248; На подлодке золотой... Пр. 98 (1998, №4). 17—83; Рождество в посольстве Канады. Когда бы вы знали... Пр. 83 (1995, №1). 92—130; Тахана мерказит. Пр. 87 (1996, №1). 88—153.

Календарев Борис. Осенние сны наяву. Ст. 24 (1980, №2). 134—139.

Калина Н. Письмо в редакцию [И ответ редакции]. Пб. 51 (1987, №1). 379—386.

Калниньш Бруно. Борьба за демократию должна быть общей целью. Пб. 4 (1974, №2). 461—466.

Калугин Игорь. Настанет час... Ст. 98 (1998, №4). 84—89.

Каменецкий Борис (с А. Александровой). Бриллиантовая... рука. Пб. 33 (1982, №3). 314—322; Исповедь женщины. Пр. 38 (1983, №4). 209—220.

Камеристый Сергей. Стихи. Ст. 71 (1992, №1). 187—190.

Кампф Сергей. Письмо в редакцию. Пб. 51 (1987, №1). 386—388.

Кандель Феликс. Зона отдыха, или 15 суток на размышление. Пр. 20 (1979, №2). 13—88; Люди мимоезжие. Пр. 41 (1984, №3). 20—82; Люди мимоезжие. Пр. 42 (1984, №4). 105—138; Люди мимоезжие. Пр. 43 (1985, №1). 85—148; Слеза в дыму. Пр. 51 (1987, №1). 131—155; Слеза в дыму. Пр. 52 (1987, №2). 124—172; ТеПбая книга [О мемуарах А. Антоновича]. Кр. 27 (1981, №1). 406—414; Старик Семеныч. Пр. 11 (1977, №1). 141—149.

Каплински Як. Стихи. Ст. 30 (1981, №4). 8—9.

Каплинский Яан. Строки из Эстонии. Ст. 43 (1985, №1). 22—24.

Карабулков Тончо. Последний надежный сателлит? Пб. 15 (1978, №1). 203—216.

Караванский Святослав.[Письмо в редакцию]. Пб. 59 (1989, №1). 368—371; [Письмо в редакцию о статье П. Хантворк]. Пб. 63 (1990, №1). 328; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 433—434; [Рец. на кн. С. Вилленберга о Треблинке]. Кр. 63 (1990, №1). 349—351;[Рец. на кн. В. Швейцер о Цветаевой]. Кр. 63 (1990, №1). 351—354; Кто следующий? Пб. 36 (1983, №2). 219—230; Письмо в редакцию. Пб. 41 (1984, №3). 396—401; Письмо в редакцию [Ответ критику]. Пб. 40 (1984, №2). 398—400; Сахаров и Си-Би-Эс. Пб. 30 (1981, №4). 252—258.

Карапанджич Боро. Выдача и гибель словенцев. Пб. 24 (1980, №2). 201—221.

Каретников Николай. Готовность к бытию. Пр. 71 (1992, №1). 9—66.

Карлинский В. Наука вступает в партию. Кр. 20 (1979, №2). 388—392; Опасные игры господ мыслителей. Кр. 13 (1977, №3). 364—368.

Кармазин Е. Партия или мафия — правда и вымысел. Кр. 12 (1977, №2). 394—396.

Карпов Семен. Президент — только всенародным избранием! Пб. 65 (1990, №3). 386—387.

Карпович Михаил. Русский империализм или коммунистическая агрессия? Пб. 13 (1977, №3). 215—234.
Катаев Павел. Вид с горы Волошина. Пр. 94 (1997, №4). 115—129.
Катунац Райко. Рождество. Пб. 24 (1980, №2). 222—232.
Качуровский Игорь. Из книги «В далекой гавани». Ст. 45 (1985, №3). 272—276; К сотой годовщине Эмского указа. Кр. 11 (1977, №1). 195—213; Стихи современных украинских поэтов. Ст. 16 (1978, №2). 7—11; Стихи украинских поэтов. Ст. 13 (1977, №3). 170—172.
Кашкаров Юрий. Гроб из Луанды. Пр. 36 (1983, №2). 23—40.
Квадрелли Родольфо. «Другая» литература на Западе. Кр.12 (1977, №2). 239—249; Двойная утопия. Пб. 20 (1979, №2). 155—164; Италия перед лицом нигилизма. Пб. 30 (1981, №4). 237—252.
Кекова Светлана. Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 191—194.
Келлерман Галина. «Скажи изюм» — роман о России и эмиграции [О В. Аксенове]. Кр. 48 (1986, №2). 394—397; «Стрелец» — журнал прошлого и настоящего (№1—8, 1986). Кр. 50 (1986, №4). 429—433; К вопросу «о поколении, растратившем своих поэтов» [О Ю. Карабчиевском]. Кр. 47 (1986, №1). 395—403; Палачи ведают, что творят... [Об А. Валладересе]. Кр. 52 (1987, №2). 375—381; Размышления о русском нонконформизме [Об А. Глезере]. Кр. 49 (1986, №3). 397—401; Г.К...Три жизни Оскара Рабина. Кр. 50 (1986, №4). 419—420.
Келюс Ян Кшиштоф. Песни. Ст. 34 (1982, №4). 58—68.
Кемени Иштван. Венгерская политическая лихорадка. Пб. 57 (1988, №3). 213—218.
Кенжеев Бахыт. «Один не услышит, другой не поймет...». Ст. 52 (1987, №2). 112—123; 1984. Стихи. Ст. 46 (1985, №4). 58—66; Городской ангел Аллы Головиной. Кр. 63 (1990, №1). 331—336; Из стихотворений 1989 года. Ст. 62 (1989, №4). 149—155; Новые стихи. Ст. 23 (1980, №1). 65—70; Новые стихотворения. Ст. 48 (1986, №2). 101—111; О текущей поэзии и не только о ней (По страницам «Юности»). Кр. 63 (1990, №1). 371—384; Стихи. Ст. 11 (1977, №1). 5—10; Стихотворения, присланные из Канады. Ст. 56 (1988, №2). 66—79.
Керей Махмет. Как я стал строителем газотрубопроводов. Пб. 35 (1983, №1). 271—302.
Кестлер Артур. «Мрак в полдень». Пб. 5 (1975, №3). 251—272.
Кибиров Тимур. Лесная школа. Ст. 56 (1988, №2). 7—15.
Ким Юлий. Пять рассказов из цикла «Однажды Михайлов...». Пр. 90 (1996, №4). 99—126; Стихи из книги «Московские кухни». Ст. 61 (1989, №3). 127—138.
Кип Джон. Нет, мы слушаем. Пб. 40 (1984, №2). 231—238.
Киреев Руслан. Из поздней прозы. Пр. 74 (1992, №4). 74—103.
Киреенко Ольга. Стихотворения. Ст. 62 (1989, №4). 116—119.
Кирюшин Виктор. Соловей в Останкино. Ст. 71 (1992, №1). 181—185.
Клайн Эдвард. Некролог: Макс Хейвард. Пр. 21 (1979, №3). СП. 19—21.
Клеман Оливье. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 18—21; Интервью. Пб. 41 (1984, №3). 427—443; Почему я православный христианин. Пб. 72 (1992, №2). 276—290.
Клерк Кристин. Открытое письмо Б.Н. Ельцину. Пб. 70 (1991, №4). 287.
Климчак Эдвард. [Письмо в редакцию с критикой Мяновича]. Пб. 49 (1986, №3). 356—357.
Клинушкина Светлана. Стихи. Ст. 71 (1992, №1). 185—187.
Князев Александр. Школа веры [О книге Д. Дудко]. Кр. 8 (1976, №2). 389—393.
Ковалев Алексей. Случайное семейство. Пр. 40 (1984, №2). 40—72.
Ковалев Иван. Открытое письмо комитету биологов. Пб. 19 (1979, №1). 369—370.
Коваленко Римма. Мой сосед Григорьев. Пр. 91 (1997, №1). 167—182; Рамочка для портрета. Пр. 96 (1998, №2). 184—196.
Ковальджи Кирилл. [Письмо в редакцию о М. Кудимовой]. Кр. 74 (1992, №4). 339—344; В дверях тысячелетья. Ст. 93 (1997, №3). 115—117; Край судьбы ощутив... Ст. 88 (1996, №2). 176—180; Международная валюта. Ст. 82 (1994, №4). 135—137.

Ковальска Анка. Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 19—23; Стихи из лагеря интернированных. Ст. 35 (1983, №1). 19—23.
Ковальчук Игорь. Мясо для шакалов. Пб. 57 (1988, №3). 237—246.
Ковари Атилла. Cui bono? Пб. 25 (1980, №3). 187—208.
Коган И. [Письмо в редакцию]. Пб. 60 (1989, №2). 391—392.
Коган Эмиль. Совращение совратителя [о книге А. Солженицына «Ленин в Цюрихе»]. Кр. 34 (1982, №4). 305—321; Удав и ножницы. Кр. 21 (1979, №3). 375—381.
Козлов Антон. В поисках утраченной истории [П. Паламарчук]. Кр. 64 (1990, №2). 355—358.
Козлов Борис. Тени острова Иос. Пр. 95 (1998, №1). 93—117.
Козлов Руслан. Записки обреченного публициста. Пб. 65 (1990, №3). 227—241.
Козлова Л. Род Толстых. Кр. 32 (1982, №2). 387—391.
Козловский В. Людоедство как таковое не наказуемо. Кр. 12 (1977, №2). 402—406.
Козловский Евгений. Водовозовъ & сынъ. Пр. 69 (1991, №3). 13—84; Диссидент и чиновница. Пр. 27 (1981, №1). 15—53; Красная Площадь. Пр. 30 (1981, №4). 12—60; Красная Площадь. Пр. 31 (1982, №1). 57—156.
Козырев Алексей. [Предисловие к воспоминаниям О. Татариновой]. Пр. 79 (1994, №1). 243—250.
Колаковский Лешек.На полях последней книги Сахарова. Пб. 7 (1976, №1). 421—429; Три главных мотива в марксизме. Пб. 2 (1974, №2). 315—333.
Колесников Андрей. Болезнь. Пр. 73 (1992, №3). 120—131.
Колкер Юрий. «Мы гостили в раю...». Ст. 58 (1988, №4). 188—196; Жизнь моего приятеля. Ст. 29 (1981, №3) .87—90; Из книги «Ex adverso». Ст. 42 (1984, №4). 141—146; О стихах Рины Левинзон. Кр. 44 (1985, №2). 384—388; Письма В.Ф. Ходасевича к А.И. Тинякову (1907—1915). Пр. 50 (1986, №4). 353—370; Порядок вещей. О стихах Владимира Лифшица. Кр. 48 (1986, №2). 323—352; Стихи. Ст. 52 (1987, №2). 184—188.
Колчак Александр. Вечерняя молитва. Ст. 52 (1987, №2). 189—190.
Комар Виталий (совместно с А.Меламидом). [Письмо в редакцию]. Пб.63 (1990, №1). 327.
Комар Михаил. Восточная Европа. Пб. 69 (1991, №3). 242—253.
Кондырев Виктор. Перст судьбы. (Памяти Виктора Платоновича Некрасова). Пр. 55 (1988, №1). 125—128.
Конквест Роберт. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 434—435; «Континент» и Запад. Пб. 2 (1974, №2). 345—349.
Консон Лев. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 435; Житейская мозаика. Пр. 35 (1983, №1). 163—167; Короткие повести. Пр. 40 (1984, №2). 79—82; Короткие повести. Пр. 49 (1986, №3). 101—103; Лагерные истории. Пб. 30 (1981, №4). 259—274; Скажи мне, где твой брат Авель? Пб. 32 (1982, №2). 274—286.
Константинов Георгий. С чего начинать? (Заметки по поводу одноименной статьи А. Зиновьева). Пб. 55 (1988, №1). 249—270.
Коняев Николай. Накануне, или сны непозабытые. Пр. 75 (1993, №1). 94—110.
Копейкин Анатолий. «Аквариум» (подготовка к печати и вступительная статья). Ст. 44 (1985, №2). 67—75; Две культуры [О В. Паперном]. Кр. 49 (1986, №3). 375—380; Заметки о шестой книге Иосифа Бродского. Кр. 38 (1983, №4). 387—393; Лев Лосев, поэт. Кр. 46 (1985, №4). 381—384; Монография о Солженицыне [О Ж. Нива]. Кр. 43 (1985, №1). 383—387; Поэма из двух частей. Ст. 34 (1982. №4). 79—87; Право же, светел дол... Пр. 47 (1986, №1). 193—220; Право на туземность [О Н. Горбаневской]. Кр. 39 (1984. №1). 403—408; А. К. «Посев». Кр. 48 (1986, №2). 413—414; Вольфганг Казак. Словарь русской литературы после 1917 года. Кр. 51 (1987, №1). 430—431; Статистика России. Кр. 44 (1985, №2). 389—390; [Рец. на кн. «Весть»]. Кр. 64 (1990, №2). 371—372.
Копелев Лев. Памяти Александра Галича. Пр. 16 (1978, №2). 334—344.
Копелиович Михаил. Групповой портрет с Окуджавой. Пр. 99 (1999, №1). 273—292; Парадоксы писательской судьбы. (Штрихи к портрету Елены Ржевской на фоне советской военной прозы.) Кр. 85 (1995, №3). 332—358.

Коржавин Наум. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 21—22; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 436; «Добро не может быть старо» [О Чухонцеве]. Кр. 17 (1978, №3). 315—330; А был ли Сталин-то? Пб. 39 (1984, №1). 235—266; А был ли Сталин-то? Пб. 40 (1984, №2). 183—208; Будни «тридцать седьмого года». Пб. 91 (1997, №1). 208—226; Гармония и утопия. Кр. 46 (1985, №4). 327—350; Дети идеократии — при идее и после [Об И. Рейссе и П. Судоплатове]. Пб. 99 (1999, №1). 197—216; Московская поэма. Ст. 18 (1978, №4). 38—54; Над страницами из жизни Петра Григоренко. Пб. 48 (1986, №2). 187—218; Наша анкета. Кр. 6 (1975, №4). 431—439; О Сталине мудром... Пб. 93 (1997, №3). 172—197; Опыт поэтической биографии. Пр. 2 (1974, №2). 199—280; Письмо в редакцию. Пб. 24 (1980, №2). 343—344; Поэма причастности. Ст. 33 (1982, №3). 135—146; Психология современного энтузиазма. Пб. 8 (1976, №2). 161—200; Психология современного энтузиазма. Пб. 9 (1976, №3). 123—156; Сквозь соблазны безвременья (О поэзии А. Сопровского). Кр. 42 (1984, №4). 321—250; Стихи. Ст. 3 (1974, №1). 71—78; Стихи. Ст. 12 (1977, №2). 151—155; Стихи. Ст. 47 (1986, №1). 133—136.

Корнев Лев. Последнее дежурство лейтенанта Махлакова. Пр. 38 (1983, №4). 15—33.

Корнилов Владимир. Без рук, без ног. Пр. 1 (1974, №1). 19—122; Без рук, без ног. Пр. 2 (1974, №2). 95—196; Стихи. Ст. 5 (1975, №3). 99—105.

Корнилова Людмила. Встречи с Н.К. Зеровым. Воспоминания в письмах к Юрию Шевелеву. Пр. 59 (1989. №1). 335—359.

Коробов Владимир. Крымские сонеты. Ст. 86 (1995, №4). 129—133; Четыре стихотворения. Ст. 93 (1997, №3). 101—103.

Короленко Владимир. Легенда о царе и декабристе. Пр. 80 (1994, №2). 251—280.

Корчной Виктор. Интервью. Пб. 28 (1981, №2). 437—446.

Корягин Иван. Какими нас делают за «серым забором». Пб. 56 (1988, №2). 285—290.

Косинский Иосиф. [Вступительная заметка к стихам А. Гриднева]. Кр. 52 (1987, №2). 8—10; Две мемуаристки о ленинградской блокаде. Пб. 53 (1987, №3). 291—310; Кентавр в качестве идеала [О книге Л. Баткина]. Кр. 62 (1989, №4). 339—343; Переводя Честертона. Кр. 59 (1989, №1). 299—308; Пришедшийся ко двору [В. Пикуль]. Кр. 63 (1990, №1). 339—348; Трава пробивает асфальт [О М. Альтшуллере, Е. Дрыжаковой]. Кр. 48 (1986, №2). 372—383.

Костенко Лина. Стихи разных лет. Ст. 45 (1985, №3). 8—15.

Костина Татьяна. Равнодушие к истине. Пб. 52 (1987, №2). 356—361; Стихи. Ст. 50 (1986, №4). 201—206.

Косцинский Кирилл. Наброски к будущей книге. Пр. 21 (1979, №3). 154—176.

Косынка Григорий. Анкета. Пр. 44 (1985, №2). 154—163.

Котова Елена. Как я спасла Коломенское. Пб. 57 (1988, №3). 259—270.

Котович Татьяна. Наши смутные серые зимы. Ст. 48 (1986, №2). 34—38.

Коут Морин. [Письмо в редакцию об А. Кестнере]. Пб. 47 (1986, №1). 384—385.

Кофман Сара. Улица Орденэ — улица Лаба. Эс. 88 (1996, №2). 320—340.

Коцбек Эдвард. Стихи. Ст. 6 (1975, №4). 147—150.

Кочетков Георгий. «Церковь может быть созидающей силой». Пб. 92 (1997, №2). 289—305; Проблемы богословско-просветительской работы в современном русском обществе: опыт Московской Высшей христианской школы. Пб. 84 (1995, №2). 470—478; Страх страху рознь: манифестация дьявола или сбережение любви? Пб. 85 (1995, №3). 282—300; Церковь есть мир Божий. Пр. 73 (1992, №3). 250—261; Церковь и государство в современной России. Пб. 89 (1996, №3). 220—228.

Кошеливец Иван. Хроника украинского сопротивления. Оч. 5 (1975, №3). 173—199.

Кравчик Григорий. По дорогам бессрочной ссылки. Пб. 53 (1987, №3). 261—270.

Крамов Исаак. Из рассказов Зискинда. Пр. 72 (1992, №2). 228—254.

Краско Валерий. Чем ближе я к заветной черте... Ст. 90 (1996, №4). 9—19.

Краснов А. Реабилитация нашего современника [О С. Бадаше]. Кр. 52 (1987, №2). 381—388; Человек двадцатых годов [О В. Шаламове].Кр. 50 (1986, №4). 407—413.

Краснов Владислав. Русский склад ума или западное состояние умов? Пб. 17 (1978, №3). 243—258.

Краснов-Левитин Анатолий. Факты и обвинения [О книге В. Русака]. Пб. 56 (1988, №2). 291—306.
Красный Юрий. О критике по-носорожьи. Пб. 24 (1980, №2). СП. 7—13.
Крейд Вадим. Восьмигранник. Ст. 50 (1986, №4). 207—210.
Крелин Юлий. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 22—24; Из цикла «Иссакские саги». Пр. 88 (1996, №2). 181—212; С сыном. Пр. 97 (1998, №3). 132—142; Целесообразность. Пб. 70 (1991, №4). 187—204.
Кремп Герберт. Китайская оттепель. Пб. 26 (1980, №4). 231—252; Природа современного террора. Пб. 11 (1977, №1). 237—268.
Крепс Михаил. «Утро» и другие стихотворения. Ст. 49 (1986, №3). 92—100; Стихи. Ст. 13 (1977, №3). 204—205; Стихи. Ст. 55 (1988, №1). 203—212.
Кривулин Виктор. Восемь стихотворений. Ст. 97 (1998, №3). 127—131; Из цикла «В полях Эдема». Ст. 10 (1976, №4). 143—148; Путешествие рядом с Батюшковым. Эс. 60 (1989, №2). 89—98; Родословная. Пр. 55 (1988, №1). 134—177; Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 99—102.
Криницкий Рышард. Стихи. Ст. 15 (1978, №1). 85—89.
Криптон Константин. Церковная «ежовщина» и поражение исходных планов советского правительства. Пб. 54 (1988, №2). 315—326.
Кротов Максим. Мир как воля и представление [О С. Довлатове]. Кр. 53 (1987, №3). 407—410; Стихи из цикла «Семь портретов». Ст. 37 (1983, №3). 119—125; Что такое шпалера? [А. Радашкевич]. Кр. 52 (1987, №2). 401—405.
Кротов Яков. [Предисловие от редакции к публикации А. Меня]. Пб. 95 (1998, №1). 255—258; Владимир Соловьев и свобода совести. Оч. 93 (1997, №3). 227—269; Где встречаются веры. Диалог христианства и иудаизма. Пб. 89 (1996, №3). 265—284; История о Церкви и интеллигенции. Оч. 96 (1998, №2). 246—280; История попа Андрея. Оч. 86 (1995, №4). 343—376; Первая реликвия, или Подлинная история Туринской плащаницы. Пр. 90 (1996, №4). 224—273; Письмо в редакцию. Пб. 92 (1997, №2). 415; [Без подписи]. Предисловие к воспоминаниям А. Меня. Пб. 88 (1996, №2). 239—242.
Крохин Юрий. [О Леониде Губанове]. Ст. 78 (1993, №4). 30.
Крыжановский Андрей. [Стихотворения]. Ст. 87 (1996, №1). 314—327.
Кублановский Юрий. «За целебным ядом слова»... [О И. Лиснянской]. Кр. 38 (1983, №4). 404—408; 13 стихотворений. Ст. 39 (1984, №1). 30—41; В Альпах. Ст. 41 (1984, №3). 181—186; Вне поэзии. Кр. 37 (1983, №3). 429—435; Иордань. Ст. 34 (1982, №4). 36—46; Казнь Льва Мехлиса [О Ю. Алешковском]. Кр. 49 (1986, №3). 393—397; Князь Г.Н. Трубецкой — патриот, дипломат, свидетель. Кр. 42 (1984, №4). 362—368; Новые стихи. Ст. 36 (1983, №2). 102—106; Новые стихи. Ст. 46 (1985, №4). 112—119; О мнимостях в литературе. Пб. 91 (1997, №1). 317—326; Осень патриарха. Ст. 99 (1999, №1). 181—185; Посвящается Крыму. Ст. 93 (1997, №3). 67—70; Россыпь. Ст. 87 (1996, №1). 82—87; Стихи. Ст. 27 (1981, №1). 147—153; Стихотворения (лето 1979). Ст. 22 (1979, №4). 108—117.
Кувалдин Юрий. Замечания. Пр. 86 (1995, №4). 48—128; Так говорил Заратустра. Пр. 77 (1993, №3). 121—137.
Кудимова Марина. [Письмо в редакцию о К. Ковальджи]. Пб. 77 (1993, №3). 353—358; Внук. Ст. 78 (1993, №4). 105—123; Диктор. Ст. 88 (1996, №2). 9—21; Длинное путешествие, или Костик из Седьмой бездны [О К. Пантелееве]. Пр. 82 (1994, №4). 257—270; Забор. Ст. 74 (1992, №4). 7—25; Подселенец [О А. Крыжановском]. Кр. 87 (1996, №1). 328—346; Ученик отступника. Пб. 72 (1992, №2). 323—342.
Кудрин Виктор. Горбачевская перестройка в СССР. Пб. 61 (1989, №3). 201—246.
Кудрякова Наталья. Утренние сны. Ст. 71 (1992, №1). 164—166.
Куду Рээт. Эрика, мой парижский талисман. Пр. 93 (1997, №3). 104—114.
Кузнецов Эдуард. [Ответ на письмо В. Хайбулина]. Пб. 32 (1982, №2). 376—378; [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 24—25; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 437; В защиту Богдана Ребрика. Пб. 21 (1979, №3).

241—244; Валентин Зэка [О В.Соколове]. Кр. 41 (1984, №3). 7—8; Две ксивы. Пб. 24 (1980, №2). 143—154; Коротко о книгах. Кр. 35 (1983, №1). 407—412; О том, как меня Сахаров обогрел. Пб. 43 (1985, №1). 153—160; Старейший политкаторжанин Данила Лаврентьевич Шумук. Пб. 22 (1979, №4). 243—254; Статус советского политзаключенного. Пб. 26 (1980, №4). 187—206; (с М. Хейфецом). Про шпионов. Пб. 29 (1981, №3). 249—260.

Кузнецова Наталия. Магнитная стрелка искренности. К 35—летию статьи В. Померанцева. Кр. 59 (1989, №1). 323—334; Писатель в России должен жить долго. К 70-летию В.Д. Дудинцева. Кр. 57 (1988, №3). 340—350; [Письмо в редакцию]. Кр. 58 (1988, №4). 370—378; [Письмо в редакцию]. Пб. 65 (1990, №3). 380—385; Возлюбить врага, или Отсебятина критика Аннинского. Кр. 66 (1990, №4). 305—321; О комиссары в пыльных шлемах [О Ю. Трифонове]. Кр. 53 (1987, №3). 391—396.

Кузьминский Константин. Вавилонская башня. Отрывки из поэмы. Ст. 20 (1979, №2). 112—117.

Кулмагамбетов Махмет. Возвращенцы. Пб. 39 (1984, №1). 295—322; Восточнотуркестанская операция. Пб. 42 (1984, №4). 240—244.

Кунина Юлия. Стихи. Ст. 70 (1991, №4). 180—186.

Куперман Исер. Годы борьбы. Пб. 36 (1983, №2). 289—315; Годы борьбы. Пб. 37 (1983, №3). 295—337.

Кураев Михаил. Памятник Гоголю. Кр. 83 (1995. №1). 271—298.

Курилов Слава. Служу Советскому Союзу. Пб. 50 (1986, №4). 269—278.

Курляндцева Елена. Дорогое искусство. Кр. 70 (1991, №4). 260—274.

Куровский Стефан. Доктринальная обусловленность нынешнего экономического кризиса в ПНР. Пб. 26 (1980, №4). 273—298.

Куронь Яцек. Солидарность с Андреем Сахаровым. Пб. 42 (1984, №4). СП. 17—20.

Курчатов Александр. Новый Чернобыль «Комсомольца»? Пб. 84 (1995, №2). 448—461.

Кучерская Майя. Непланета нелюдей [В. Нарбикова]. Кр. 67 (1991, №1). 350—354; Новое платье литературы [о ж-ле «Вестник новой литературы»]. Кр. 69 (1991, №3). 358—365.

Кучкина Ольга. Бес глузый. Пр. 68 (1991, №2). 12—58; Любовь Крандиевского к Алисе. Пр. 86 (1995. №4). 230—267.

Кушнер Александр. [Письмо в редакцию]. Пб. 68 (1991, №2). 332—333; Человечность — вот что необходимо сегодня миру. Пб. 66 (1990, №4). 361—372.

Кырлежев Александр. Бог в эпоху «Смерти Бога». Пб. 72 (1992, №2). 260—275; К «вопросу» о нравственном оздоровлении общества и привлечении для этого Бога. Пб. 85 (1995, №3). 263—276; Между церковью и культурой. Пб. 74 (1992, №4). 227—237; Митрополит Антоний Сурожский — «заезжий православный миссионер» в России. Пр. 82 (1994, №4). 229—245; Поствизантийская Церковь в современном мире. Пб. 87 (1996, №1). 264—285; Радикальный традиционализм о. Александра Шмемана. Пб. 79 (1994, №1). 218—233; Христианское содружество: Англия и Россия. Оч. 92 (1997, №2). 270—272; Церковь или «православная идеология»? Пб. 80 (1994, №2). 281—303; (с К. Троицким). Современное российское православие. Статья первая. Типология религиозного сознания. Пб. 75 (1993, №1). 241—262. Статья вторая. Пб. 76 (1993, №2). 281—303; (с Константином Троицким). Современное Российское православие.

Л.С. Круг общих интересов [О журнале «Круг»]. Кр. 66 (1990, №4). 357.

Лабедз Леопольд. Судьба писателей в революционных движениях. Оч. 3 (1974, №1). 223—258; Судьба писателей в революционных движениях (окончание). Оч. 4 (1974, №2). 340—372.

Лаврин Александр. Бабочка. Пр. 67 (1991, №1). 50—70; Ночь горит напрасно. Ст. 77 (1993, №3). 7—11; Четыре стихотворения. Ст. 73 (1992, №3). 73—75.

Лазари Анджей. Достоевский в идеологической борьбе наших дней. Кр. 90 (1996, №4). 354—361.

Лазарович Ромуальд. Дороги и надежды. Пб. 64 (1990, №2). 217—224.
Лазич Бранко. Интервью. Пб. 53 (1987, №3). 433—443.
Лайко С. [О ж-ле «Свободный мир»]. Кр. 58 (1988, №4). 424—426.
Ламберг Аделаида. Эстонские диссиденты — за независимость. Пб. 9 (1976, №3). 157—164.
Ламе Вальтер. Ошибка. которая хуже преступления [Воспоминания нацистского офицера]. Пб. 32 (1982, №2). 299—310.
Лами Лючио. Информационный мир болен. Пб. 47 (1986, №1). 257—266.
Ламот Николь. Владимир Овчинников. Пб. 52 (1987, №2). 326—330.
Ландсбергис Альгирдас. Орвелл и Кафка всё еще живы в Литве. Пб. 5 (1975, №3). 207—219.
Лапидус Юрий. На очереди. Пр. 47 (1986, №1). 69—115; На очереди. Пр. 48 (1986, №2). 112—158; Ночь без происшествий. Пр. 61 (1989, №3). 160—183.
Лашкин Владлен. Письма и документы по делу В.И. Лашкина. Дт. 73 (1992, №3). 218—229.
Лебедев Валерий. О праве русских на выживание. Пб. 71 (1992, №1). 191—210.
Леви Бернар-Анри. Интервью. Пб. 30 (1981, №4). 427—439.
Леви Жан-Луи. Говорит внук капитана Дрейфуса. Пб. 8 (1976, №3). 12.
Левинзон Рина. Стихи. Ст. 32 (1982, №2). 55—57; Стихи. Ст. 41 (1984, №3). 213—215; Стихи. Ст. 53 (1987, №3). 163—166.
Левинсон Рудольф. [Письмо в редакцию против А. Зиновьева и комментарий редакции]. Пб. 46 (1985, №4). 355—358.
Левитанский Юрий. Из книги «Белые стихи». Ст. 63 (1990, №1). 7—9.
Левитина Виктория. Письма С. Михоэлса к С. Радлову. Дт. 68 (1991, №2). 264—286.
Левицкий Сергей. Истоки и перспективы свободы. Эс. 14 (1977, №4). 201—228; Трагедия свободы — современный вариант. Пб. 5 (1975, №3). 115—130.
Левкова-Ламм Инесса. Деконструкция как метафора. Кр. 59 (1989, №1). 309—322; Нет пророка в своем отечестве [Об И. Кабакове]. Пб. 55 (1988, №1). 377—381; Советское искусство слева и справа. Пб. 50 (1986, №4). 317—338.
Левятов Валерий. Белая проза. Пр. 92 (1997, №2). 216—231; «Земную жизнь пройдя до середины...» Пр. 21 (1979, №3). 39—70.
Ледерер Иржи. Почему мне все-таки пришлось покинуть родину? Пб. 27 (1981, №1). 215—230.
Лемпорт Владимир. Малюта Скуратов Академии художеств [Об А. Герасимове]. Пб. 66 (1990, №4). 283—304; Невидимый противник, или Вшивая эпопея (записки фронтовика). Пр. 58 (1988, №4). 263—292.
Лемхин Михаил. «В синем небе звезды блещут». Пр. 46 (1985, №4). 120—138; Желябов, Нечаев, Карлос и другие... [О Ю. Трифонове]. Кр. 49 (1986, №3). 359—369; Инопланетянин Лимонов. Кр. 52 (1987, №2). 393—397; На доклад командиру 593 военно-строительного отряда. Пр. 53 (1987, №3). 145—156; Несколько слов о повести, написанной 20 лет назад [О Стругацких]. Кр. 44 (1985, №2). 289—302; О безобидных пришельцах и кровожадных дикарях [О Л. Ферлингетти]. Кр. 59 (1989, №1). 381—385; Экран-89. Кр. 64 (1990, №2). 287—306.
Лён Владислав. Из «Книги посланий». Ст. 45 (1985, №3). 226—233; Ода на вступление великого русского человека Андрея Дмитриевича Сахарова в Москву. Ст. 55 (1988, №1). 129—133; Луна, что твой генсек в параличе. Ст .69 (1991, №3). 155—160.
Леонг Альберт. Эрнст Неизвестный и русская культура. Кр. 61 (1989, №3). 273—284.
Леонович Владимир. Стихи. Ст. 72 (1992, №2). 78—83; Четверик. Ст. 91 (1997, №1). 159—166.
Лерт Р. В редакцию журнала «Поиски». Пб. 19 (1979, №1). СП. 20—21.
Лесняк Б. [Предисловие к публикации В. Шаламова]. Пр. 74 (1992, №4). 159—161.
Леус Владимир. Источник зоологического равенства. Пб. 67 (1991, №1). 113—142; От чего предостерегает Оруэлл. Пб. 69 (1991, №3). 218—241.
Лимонов Эдуард. Письмо в редакцию. Пб. 26 (1980, №4). 368; Стихи. Ст.15 (1978, №1). 153—158; Эпоха бессознания. Ст. 25 (1980, №3). 148—156.

Линд Уильям (с Полем Вайриком). Россия и Америка. Пб. 68 (1991, №2). 199—208.
Липецкий Михаил. Карл Маркс и евреи. Пб. 46 (1985, №4). 237—282.
Липкин Семен. Вячеславу. Жизнь переделкинская. Ст. 35 (1983, №1). 7—18; Из книги «Кочевой огонь». Ст. 37 (1983, №3). 7—17; Новый январь. Ст. 75 (1993, №1). 89—93; Стены Нового Иерусалима. Ст. 64 (1990, №2). 55—59; Стихи бедуина. Ст. 81 (1994, №3). 9—12; Странствуя в себе самом... Ст. 86 (1995, №4). 32—36.
Лиснянская Инна. «Кусочек мирозданья...». Ст. 23 (1980, №1). 7—14; В госпитале лицевого ранения. Ст. 47 (1986, №1). 7—16; Из книги «Дожди и зеркала». Ст. 31 (1982, №1). 157—162; На опушке леса. Ст. 38 (1983, №4). 7—14; Пунктир судьбы. Ст. 91 (1997, №1). 9—15; Стихи. Ст. 34 (1982, №4). 7—14; Стихотворения. Ст. 26 (1980, №4). 174—186; Четыре стихотворения. Ст. 64 (1990, №2). 7—9.
Литвинов Павел. [Письмо в защиту А. Синявского]. Пб. 29 (1981, №3). 389.
Литвинова Т. Нечаянный шедевр. Кр. 11 (1977, №1). 353—358.
Литез Пьер. Олег Гудков, или Схватка плоти с сердцем. Кр. 24 (1980, №2). 331—342.
Литынский Ян. Мы и они. Пб. 43 (1985, №1). 167—176.
Лифшиц Л. Проза Ивана Петровича [О прозе В. Марамзина]. Кр. 10 (1976, №4). 386—393; Хорошая повесть: опыт двойной рецензии. Кр. 11 (1977, №1). 410—413.
Лишке Андрей. Умные записки музыканта [О Д. Паперно]. Кр. 38 (1983, №4). 399—404.
Лобкович Николаус. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 437—438.
Ловинеско Моника. Литература и диссидентство в Румынии. Пб. 19 (1979, №1). 189—222.
Логвинов Андрей. Зарево рая. Ст. 48 (1986, №2). 7—13.
Лозанский Эдуард. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 25—26; Вступительное слово [На конференции «Настоящее и будущее России»]. Пб. 77 (1993, №3). 197—198; Интервью. Пр. 83 (1995, №1). 174—185.
Ломинадзе Сергей. Стихи разных лет. Ст. 68 (1991, №2). 59—72.
Лосев Алексей. Крестный отец самиздата [Н. Глазков]. Кр. 23 (1980, №1). 381—384; Десять стихотворений. Ст. 34 (1982, №4). 91—106; Жратва. Оч. 13 (1977, №3). 269—282; Ненаписанные репортажи. Пб. 9 (1976, №3). 267—312; Ниоткуда с любовью... (заметки о стихах Иосифа Бродского). Кр. 14 (1977, №4). 307—332; Письма. Пб. 16 (1978, №2). 241—264; Стихи. Ст. 24 (1980, №2). 89—98; Фамилии. Пр. 11 (1977, №1). 278—286.
Лосев Лев. «Поэт есть перегной». Эс. 71 (1992, №1). 301—306; Великолепное будущее России. Заметки при чтении «Августа Четырнадцатого» А. Солженицына. Кр. 42 (1984, №4). 289—320; Из воспоминаний. Ст. 38 (1983, №4). 76—82; Из книги «Стихотворения». Ст. 41 (1984, №3). 83—96; Кто же герой «Поэмы без героя»? Кр. 55 (1988, №1). 353—366; Маятник американской культуры качнулся [А. Блум]. Кр. 54 (1988, №2). 405—408; Новые сведения о Карле и Кларе. Ст. 59 (1989, №1). 189—197; Поэзия как добродетель [О Ю. Кублановском]. Кр. 37 (1983, №3). 415—420; Тайный советник и кое-что другое. Пр. 44 (1985, №2). 110—120.
Лурье Вера. Из воспоминаний. Пр. 62 (1989, №4). 239—252.
Львов Аркадий. Человек из ВОХР. Пр. 28 (1981, №2). 34—45.
Львов В. Письмо в редакцию [О Солженицыне]. Пб. 45 (1985, №3). 395—398.
Любарский Кронид. Письмо в редакцию. Пб. 37 (1983, №3). 393—394; (с А. Синявским и Е. Эткиндом). Эмигрантский «самиздат» [о «Русской мысли»]. Пб. 32 (1982, №2). СП. 1—11.
Любимов Юрий. Интервью. Пб. 44 (1985, №2). 411—443.
Любин Евгений. «Арифметика». Пр. 24 (1980, №2). 61—73.
Люксембург Эли. Поселенцы. Пр. 44 (1985, №2). 121—144.
Лясото-Заблудовска Ирена. «Малый апокалипсис» Тадеуша Конвицкого. Кр. 24 (1980, №2). 364—368.

М.В. О времени и о себе [О книге Л. Копелева]. Кр. 8 (1976, №2). 398—401.
М[ихайлова] М. Коллективное единомыслие как феномен нашего времени [О Ю. Мацкевиче]. Кр. 37 (1983, №3). 408—415; «Вестник [РХД]» на родине. Кр. 71 (1992, №1). 300.

Магарик Алексей. Из стихов, написанных в Тбилисской тюрьме. Ст. 50 (1986, №4). 172—176; Новые стихи. Ст. 53 (1987, №3). 7—9.
Магеровский Лев. Рапорт русскому зарубежью [О судьбе Бахметевского архива]. Пб. 41 (1984, №3). 389—396.
Мадалиев Сабит. Интернациональный манкуртизм. Пб. 67 (1991, №1). 193—214.
Мазинг Уку. Стихи. Ст. 30 (1981, №4). 7—8.
Мазус Израиль. Березина. Пр. 86 (1995, №4). 134—226; Три рассказа из цикла «Тени старого Кунцева». Пр. 93 (1997, №3). 71—100.
Мак Лев. Два стихотворения. Ст. 2 (1974, №2). 197—198.
Макаров Анатолий. Кафе «Националь». Пр. 64 (1990, №2). 60—79.
Макарова Наталья. Балерина. Пб. 39 (1984, №1). 425—443.
Макаров-Кротков Александр. Стихи. Ст. 60 (1989, №2). 99—102.
Максимов Владимир [В защиту А. Михника]. Пб. 12 (1977, №2). 434—436; [От редакции о Х. Бенете]. Пб. 8 (1976, №2). 440; [Ответ А. Синявскому]. Пб. 73 (1992, №3). 312—313; [Ответ Д. Пачини]. Пб. 5 (1975, №3). 459—463; [Ответ Н. Гиршу]. Пб. 28 (1981, №2). 407—409; [Ответ Солу Беллоу]. Пб. 42 (1984, №4). 355—356; [Ответ Ф. Парфенову]. Пб. 63 (1990, №1). 325—326; [Письмо в редакцию. полемика с А. Стреляным]. Пб. 80 (1994, №2). 381—382; «Возьмемся за руки, друзья...». Пб. 28 (1981, №2). 405—406; «Континент» в океане всеобщей толерантности. Пб. 14 (1977, №4). 337—340; «Платон мне друг...» [О книге Бернара Леви]. Кр. 28 (1981, №2). 426—427; «С кем вы, мастера культуры?» Пб. 58 (1988, №4). 355—359; «Черная дыра» постперестройки. Пб. 70 (1991, №4). 284—286; Берлин на исходе ночи. Др. 50 (1986, №4). 7—48; Борск — станция пограничная. Др. 84 (1995, №2). 35—68; В Москву за песнями. Пб. 64 (1990, №2). 331—334; В преддверии нашего завтра. Пб. 71 (1992, №1). 275—277; Внимание: провокация! [О Н. Бурляеве]. Пб. 45 (1985, №3). 393—394; Возвращение к истокам [И. Золотусский]. Кр. 60 (1989, №2). 431—432; Война без правил. Пб. 38 (1983, №4). 375—378; Вспышка любви к Татьяне... [О Г. Вишневской]. Пр. 34 (1982, №4). СП. 4—8; Где тебя ждут, ангел? Др. 75 (1993, №1). 23—59; Горе от ума. Пб. 32 (1982, №2). 365—368; Духовной жаждою томим... [О Ф. Достоевском]. Кр. 27 (1981, №1). 353—357; Евангелие по Милану Кундере. Пб. 47 (1986, №1). 379—382; Есть ли у нас будущее? Пб. 44 (1985, №2). 309—311; Еще один урок. Пб. 42 (1984, №4). 351—353; Жертвоприношение [О А. Тарковском]. Пб. 51 (1987, №1). 170—171; За что боролись? [Дж. Сантанке]. Кр. 55 (1988, №1). 396—400; Закат или восход Европы. Пб. 21 (1979, №3). 361—363; Звезда Адмирала. Пр. 46 (1985, №4). 14—57; И Аз воздам... Глава из романа. Пр. 51 (1987, №1). 25—45; И Аз воздам... Глава из романа. Пр. 54 (1988, №2). 148—165; Из архива главного редактора [Письма Иоанна Шаховского, Ю. Иваска, А. Шмемана, Р. Гуля, А. Толстой, А. Шпрингера. В. Набоковой, И. Дон-Левина, Г. Струве, Иосифа Слипого]. Пб. 62 (1989, №4). 319—331; Из-под глыб насилия и лжи. Пб. 3 (1974, №1). 399—400; Инерция политических клише. Пб. 10 (1976, №4). 379—380; Итог одного шестидесятилетия. Пб. 18 (1978, №4). 345—346; Итоги одностороннего великодушия. Пб. 11 (1977, №1). 349—351; Как в саду при долине. Пр. 57 (1988, №3). 106—147; Канонизация Достоевского [Об И. Волгине]. Кр. 50 (1986, №4). 395—399; Ковчег для незваных. Пр. 9 (1976, №3). 9—25; Ковчег для незваных. Пр. 14 (1977, №4). 5—87; Ковчег для незваных. Пр. 16 (1978, №2). 115—132; Кое о чем из журнальной практики. Пб. 39 (1984, №1). 391—393; Комментарий на тему года. Пб. 1 (1974, №1). 401—403; Кочевание до смерти. Пр. 79 (1994, №1). 37—108; Кто боится Рэя Брэдбери? Сценическая фантазия в 2-х актах и 6-ти сценах. Др. 59 (1989, №1). 134—188;. Кто сделал революцию? [О В. Оболенском]. Кр. 57 (1988, №3). 395—398; Кукла, или Конь Калигулы. Др. 62 (1989, №4). 156—172; Мародерствующие шалуны. Пб. 59 (1989, №1). 361—364; Метаморфозы Галины Борисовны. Пб. 67 (1991, №1). 324—328; Мистика социализма. Пб. 31 (1982, №1). 345—347; Мой друг Петр Равич. Пр. 34 (1982, №4). 322—329; Мстислав Ростропович — человек и артист. Пб. 13 (1977, №3). 335—338; Музейные ценности. Др. 64 (1990, №2). 115—130; Музыкальное чудо России

[Г. Вишневская]. Пб. 20 (1979, №2). 367—368; Нас возвышающий обман. Пб. 63 (1990, №1). 313—319; Немного об эмигрантских распрях. Пб. 25 (1980, №3). 347—348; Необходимое разъяснение [о Синявском]. Пб. 78 (1993, №4). 332—333; Нечто юбилейное. Пб. 40 (1984, №2). 381—383; Нобелевская премия мира. Пб. 6 (1975, №4). 411—412; О «руке КГБ» и прочем [Против Синявского]. Пб. 49 (1986, №3). 337—342; О психологическом единоборстве. Пб. 36 (1983, №2). 355—358; Оглянись на свою судьбу [О С. Шаталине, Е. Борисове]. Пб. 70 (1991, №4). 309—310; Оглянись на свою судьбу [О С. Шаталине]. Кр. 71 (1992, №1). 298—299; Один год. Пб. 4 (1974, №2). 467—470; Окололитературная бесовщина. Пб. 43 (1985, №1). 367—369; Они и мы. Пб. 23 (1980, №1). 15—64; Опять о Сахарове. Пб. 7 (1976, №1). 419—420; От редакции. Пб. 1 (1974, №1). 3—6; От редакции [О марксизме]. Пб. 9 (1976, №3). 263—266; Папа Иоанн-Павел II. Пб. 19 (1979, №1). 367—368; Письмо в газету «Унита». Пб. 24 (1980, №2). 349—350; Племя живых («Стрелец», №5. 1987). Кр. 53 (1987, №3). 429—432; По закону кармы. Пб. 66 (1990, №4). 323—328; Поминки по России. Пб. 77 (1993, №3). 232—238; Понемногу о разном. Пб. 33 (1982, №3). 375—380; После Кёльна. Пб. 61 (1989, №3). 367—368; Почва и судьба. Пб. 53 (1987, №3). 383—386; Поэт Божьей милостью [И. Бродский]. Пб. 54 (1988, №2). 375—378; Приговорить к изоляции! Пб. 17 (1978, №3). 351—354; Продожение следует... Пб. 2 (1974, №2). 467—469; Проходит ли мирская слава? Пб. 51 (1987, №1). 361—363; Прощальное объяснение. Пб. 57 (1988, №3). 365—371; Размышления о гармонической демократии. Пб. 21 (1979, №3). СП. 1—13; Россия и самоопределение наций. Пб. 8 (1976, №2). 387—388; Сага о носорогах. Пр. 19 (1979, №1). 21—42; Сахаровские слушанья—79. Пб. 22 (1979, №4). 385—386; Свет доброты (на смерть Леонида Ржевского). Пр. 50 (1986, №4). 426—427; Синдром внезапного единодушия. Пб. 15 (1978, №1). 349—351; Сквозь плен логократии. Пб. 34 (1982, №4). 359—363; Скорбь не по адресу [О Ф. Абрамове]. Пб. 37 (1983, №3). 383—386; Снова всерьез о «Свободе». Пб. 29 (1981, №3). 383—385; Снова Генрих Бёлль. Пб. 41 (1984, №3). 385—387; Солженицын сегодня. Кр. 69 (1991, №3). 326—329; Сообщение для печати [Критика Е. Брейтбарт]. Пб. 48 (1986, №2). СП. XI; Социальная месть утопии. Пб. 60 (1989, №2). 377—379; Сталинизм с безусым лицом. Пб. 46 (1985, №4). 351—353; Стихи—87 [Г. Сапгир]. Кр. 56 (1988, №2) .387—390; Таланты и поклонники [против С. Рассадина]. Пб. 62 (1989, №4). 317—318; Там вдали за рекой. Др. 68 (1991, №2). 123—166; Терпимость с идеологическим лицом. Пб. 47 (1986, №1). СП. 3—5; Тоталитарный паноптикум. Пб. 35 (1983, №1). 371—373; Тревога. Пб. 25 (1980, №3). 389—419; Тревожное возвращение. Пб. 72 (1992, №2). 10; Тридцатилетие «Культуры». Пб. 12 (1977, №2). 365—366; Трогательное единодушие. Пб. 5 (1975, №3). 465—467; У судьбоносной черты. Пб. 56 (1988, №2). 345—348; Уйти, чтобы остаться. Пб. 68 (1991, №2). 325—327; Урок гласности по-советски. Пб. 52 (1987, №2). 345—349; Урок свободы. Пб. 9 (1976, №3). 419—420; Утраченные иллюзии. Пб. 26 (1980, №4). 371—372; Фазилю Искандеру — 60 лет. Пр. 59 (1989, №1). 360; Хельсинки по-советски. Пб. 16 (1978, №2). 345—347; Хотеть знать. Пб. 30 (1981, №4). 393—395; Чаша ярости. Пр. 30 (1981, №4). 76—172; Чаша ярости. Пр. 32 (1982, №2). 64—154; Человек для всех [Об А. Сахарове]. Пб. 27 (1981, №1). 371—373; Человек и его книга (К 85-летию со дня рождения М. Шолохова). Кр. 65 (1990, №3). 365—368; Человек на все времена [Сахаров]. Пб. 23 (1980, №1). 379—380; Человек, и этим все сказано... [Об А. Марченко]. Пб. 51 (1987, №1). 367; Чернобыльский урок. Пб. 50 (1986, №4). 371—374; Чудо нашего выживания. Пб. 55 (1988, №1). 371—375; Ярославу Смелякову. Ст. 87 (1996, №1). 248—249. Под инициалами В.М. Вчерашние свидетельства [А. Жид]. Кр. 70 (1991, №4). 308—308; Женская проза [О Н. Воронель]. Кр. 53 (1987, №3). 410—413; Рец. на кн.: В. Агафонов. Коперник, два шага вперед. Кр. 54 (1988, №2). 429—430; Рец. на кн.: Э. Визель. Завет. Кр. 56 (1988, №2). 413—415; Свет негаснущего костра [С. Оболенский]. Кр. 56 (1988, №2). 374—378; Художник берется за перо [Л. Сыркин]. Кр. 58 (1988, №4). 384—387.

Малаховская Наталия. Алеша. Пр. 93 (1997, №3). 9—39.

Малер Израиль. Бедные люди, или Двадцать писем к другу. Избранные места. Пр. 46 (1985, №4). 173—188; Круговорот души. Др. 50 (1986, №4). 54—73; Пятак. Пр. 43 (1985, №1). 53—75.
Малецкий Юрий. [Ответ И. Жерневской]. Кр. 89 (1996, №3). 375—382; Автоапология автора, или Критика критической критики. Кр. 93 (1997, №3). 349—367; Любью. Пр. 88 (1996, №2). 22—152; Не только о «русском». Пб. 84 (1995, №2). 167—194; Проза поэта. Пр. 99 (1999, №1). 13—175; Убежище. Пр. 81 (1994, №3). 62—166.
Малкин Виктор. Борис Слуцкий, каким его помню. Пр. 71 (1992, №1). 237—252.
Малумян Арман. «Армянский вопрос». Пб. 38 (1983, №4). 167—180; Два очерка. Пб. 53 (1987, №3). 249—260; И даже наши слезы... [Памяти Ю. Домбровского]. Пр. 20 (1979, №2). 337—357; Концентрационный Интернационал. Пб. 18 (1978, №4). 217—242; Лагерные притчи. Пр. 26 (1980, №4). 149—166.
Мальцев Юрий. «Матренин двор» в Италии. Кр. 13 (1977, №3). 339—340; Душевные болезни бездушного мира [О Ю. Алешковском]. Кр. 33 (1982, №3). 390—393; Забытые публикации Бунина. Кр. 37 (1983, №3). 337—360; Загадочный курьез [О Р. Пайпсе]. Кр. 31 (1982, №1). 361—364; Ожог [О книге В. Аксенова]. Кр. 29 (1981, №3). 403—406; Промежуточная литература и критерий повседневности. Кр. 25 (1980, №3). 285—322; Человек двух веков [О Буниных]. Кр. 34 (1982, №4). 375—379; Чудо природы. Пб. 30 (1981, №4). 191—214.
Мамаладзе Юрий. [Письмо в редакцию о грузинской интеллигенции]. Пб. 71 (1992, №1). 287—289.
Мамлеев Юрий. Апокалипсические приметы [О В. Бетаки]. Кр. 44 (1985, №2). 381—384; Альманах литературы и искусства. Кр. 48 (1986, №2). 411—413; Бессмертие мертвых душ [О И. Золотусском]. Кр. 47 (1986, №1). 404—408; Духовное возрождение в России и современная цивилизация. Пб. 39 (1984, №1). 323—346; Любовь и творчество [В. Нечаев]. Кр. 54 (1988, №2). 421—424; Письма к Кате. Пр. 47 (1986, №1). 119—127; По страницам журналов: «Беседа» №4. Кр. 52 (1987, №2). 420—423; Свидетель и поэт [Ю. Терапиано]. Кр. 56 (1988, №2). 394—398; Энциклопедия творчества Бориса Зайцева. Кр. 41 (1984, №3). 413—416.
Ман. Они сами это сделали [О Т. Залесском]. Пб. 49 (1986, №3). 239—248.
Мандельштам Надежда. Интервью. Пб. 31 (1982, №1). 393—404.
Манолов Петр. Размышления с приписками. Пб. 65 (1990, №3). 243—253.
Марамзин Владимир. Заявление. Пб. 2 (1974, №2). 469—471; История женитьбы Ивана Петровича. Пр. 2 (1974, №2). 5—82; Начальник. Пр. 26 (1980, №4). 100—138; Тянитолкай. Пр. 8 (1976, №2). 13—48.
Марголина Софья. Размышления об одном варианте. (Стихотворение Осипа Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...»). Кр. 62 (1989, №4). 299—315.
Марк Григорий. Из мокрого, синего снега... Ст. 51 (1987, №1). 126—130.
Маркадэ Иван. «Невиданное доселе племя...»: Творчество Олега Целкова. Кр. 33 (1982, №3). 365—372.
Маркиш Шимон. [Письмо в редакцию и ответ редакции]. Пб. 46 (1985, №4). 372—380; «Господь — сила моя и песнь». Эс. 74 (1992, №4). 255—267; Наперевес с чем? [О статье Д. Хмельницкого]. Пб. 75 (1993, №1). 263—272.
Марран. Булат Окуджава и его время. Кр. 36 (1983, №2). 329—354; Русские манихейцы [О В. Пикуле]. Кр. 26 (1980, №4). 385—387.
Мартова Зося. «Пусть говорят мне: пусты небеса...». Ст. 52 (1987, №2). 33—41.
Мартынова Ольга. Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 156—161.
Марченко Анатолий. Tertium datur — третье дано. Пб. 9 (1976, №3). 81—122.
Марьямов Азарий. Оружие пропаганды и агрессии. (Прошлое и настоящее советского документального кино). Пб. 49 (1986, №3). 301—324; Прозрение. История двух художников [И. Пырьев, М. Ромм]. Пб. 43 (1985, №1). 303—322.
Масленикова Зоя. Из книги «Жизнь отца Александра Меня». Пр. 84 (1995, №2). 306—375; Маленький французский оазис. Пр. 91 (1997, №1). 227—260; Неизвестные речения Иисуса. Пр. 88 (1996, №2). 294—319.

Матвеева Новелла. Догадка о Шекспире. Ст. 80 (1994, №2). 9—17; Озимые. Ст. 75 (1993, №1). 60—65.
Матлин Владимир. Телеграмма для сеньора Штольца. Пр. 48 (1986, №2). 73—84.
Мацкевич Юзеф. Вильно. 1940—1941. Пр. 45 (1985, №3). 291—300.
Медведев А. Ночь Ильича. Пр. 67 (1991, №1). 75—97.
Медведев Жорес. В редакцию журнала «Континент». Пб. 19 (1979, №1). СП. 23—25.
Межибовский Леонид. Камера хранит. Кр. 62 (1989, №4). 343; Рассказы. Пр. 62 (1989, №4). 134—148.
Межурицкий Петр. Стихи. Ст. 69 (1991, №3). 204—209.
Мейендорф Иоанн. «Замороженное православие». Эс. 76 (1993, №2). 257—265.
Мейлах Михаил. Из книги «Игра в аду». Ст. 60 (1989, №2). 195—201.
Мейман Наум. Монумент у Бабьего Яра. Пб. 15 (1978, №1). 179—184.
Меламед Игорь. Отдаваясь последней надежде. Ст. 92 (1997, №2). 182—186; Совершенство и самовыражение. Кр. 95 (1998, №1). 294—335.
Меламид Лев. Русское подворье. Пр. 28 (1981, №2). 66—82.
Мень Александр. Возможно ли иудеохристианство? Пб. 95 (1998, №1). 258—268; Воспоминания. Пр. 88 (1996, №2). 242—293.
Мень Михаил. Уйти от «случайностей». Пб. 86 (1995, №4). 412—413.
Мераи Тибор. Догмы и табу. Пб. 17 (1978, №3). 219—242.
Мерошевский Юлиуш. Российский «польский комплекс» и территория УЛБ. Пб. 4 (1974, №2). 321—337.
Мертенс Алоиз. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 438—440.
Мертон Томас. Переписка Бориса Пастернака с Томасом Мертоном. Дт. 15 (1978, №1). 323—342.
Месяц Вадим. Стихи. Ст. 69 (1991, №3). 7—12.
Мигунов Александр. Отель миллион обезьян. Пр. 48 (1986, №2). 39—63.
Миллер Лариса. Два стихотворения. Ст.82 (1994, №4). 76.
Миллер Татьяна. Две эпохи: события и случаи. Пр. 40 (1984, №2). 251—326.
Милорава Юрий. Стихи. Ст. 63 (1990, №1). 140—143.
Милославский Юрий. О романе Юза Алешковского «Карусель». Кр. 40 (1984, №2). 409—413; Лирический тенор. Пр. 32 (1982, №2). 190—202; Любовь. Пр. 24 (1980, №2). 74—88; О журнале «22». Кр. 26 (1980, №4). 415—425; Облава. Пр. 39 (1984, №1). 117—141; Омельяшко. Пр. 28 (1981, №2). 25—33; По праву зимнего. Пб. 78 (1993, №4). 206—224; Стихи. Ст. 17 (1978, №3). 150—152; Чтец-декламатор. Пр. 70 (1991, №4). 69—85.
Милош Чеслав. Интервью. Пб. 26 (1980, №4). 433—446; Конец великого княжества (О Юзефе Мацкевиче). Эс. 61 (1989, №3). 247—272; Над переводом Книги Иова. Эс. 29 (1981, №3). 261—272; Особая тетрадь: Звезда Полынь. Эс. 27 (1981, №1). 7—14.
Мильдон Валерий. Анестезия или антибиотик. Фрагменты по теории русской прозы XX столетия (о романе Е. Федорова «Бунт»). Кр. 98 (1998, №4). 351—367; Вся Россия — наш сад (о провидческих мотивах творчества А.П. Чехова). Кр. 94 (1997, №4). 229—245.
Миндсенти Йожеф. Мемуары. Пр. 1 (1974, №1). 292—400; Перед лицом новых испытаний. Пр. 2 (1974, №2). 421—452; Перед лицом новых испытаний. Пр. 3 (1974, №1). 362—398; Перед лицом новых испытаний (окончание). Пб. 4 (1974, №2). 393—461.
Мини Джордж. Американское рабочее движение и «разрядка напряженности». Пб. 6 (1975, №4). 265—292.
Минский А. Интервью с мастерами [О Б. Езерской]. Кр. 34 (1982, №4). 388—393.
Минц Ольга. Борьба за Сахарова [О П. Абовине-Егидесе]. Кр. 47 (1986, №1). 387—391.
Минчёнок Дмитрий. [О С. Параджанове]. Пр. 82 (1994, №4). 305—306; История нереализованного проекта Исидора Палыпимера по постановке «Торы» при императоре и большевиках. Пр. 80 (1994, №2). 346—364.
Миркина Зинаида (с Г. Померанцем). Выход в пространство свободы. Эс. 74 (1992, №4). 283—311.

Миронова Ольга. [О кн. К. Косцинского]. Кр. 58 (1988, №4). 417—419; [Рец. на кн. А. Мирчева]. Кр. 62 (1989, №4). 369—370; [Рец. на кн. Ю. Линника]. Кр. 62 (1989, №4). 370—372; [Рец. на книгу М. Моргулиса]. Кр. 65 (1990, №3). 404—405; [Рец. на книгу Я.Айзенштата]. Кр. 65 (1990, №3). 403—404; «Книга о «книге веры» [Рец. на кн. А. Меня «Сын человеческий»]. Кр. 59 (1989, №1).385—387; Лишние дети [О М.Буянове].Кр.63 (1990. №1). 336—339; Миф о предателе [Ю. Дружников о Павлике Морозове]. Кр. 60 (1989, №2). 404—408; Под знаком Стрельца. Кр. 61 (1989, №3). 391—393.
Митрофанов Илья. Стена. Пр. 82 (1994, №4). 77—134; У Троянской дороги. Пр. 76 (1993, №2) .133—158.
Михайличенко Елизавета. Любовь к сентябрю. Ст. 57 (1988, №3). 168—173.
Михайлов Михайло. Возвращение Великого Инквизитора. Пб. 28 (1981, №2). 181—211; Достоевский против Канта. Кр. 36 (1983, №2). 163—176; Мистический опыт неволи. Пб. 5 (1975, №3). 220—250; Предисловие. Пб. 24 (1980, №2). 195—200; Развенчанное божество [О книге М. Джиласа]. Кр. 35 (1983, №1). 380—384; Чистый ручей. Кр. 34 (1982, №4). 394—398.
Михайлова М. Вперед, войне навстречу... [Об А. Зиновьеве]. Кр. 52 (1987, №2). 363—368; Для обезьяны во всем виновато зеркало [О В. Сысоеве]. Кр. 37 (1983, №3). 425—429; Марксизм и тоталитарная экономика. Кр. 42 (1984, №4). 374—377; Повесть о Марине [О М. Разумовской]. Кр. 44 (1985, №2).354—358; Профсоюзы по-советски [О книге П. Гарви]. Кр. 36 (1983, №2). 393—397; Радость нечаянной встречи с Н. Мандельштам. Кр. 56 (1988, №2). 390—394.
Михайловский Анатолий. «Национализм» и «интернационализм». Пб. 5 (1975, №3). 131—142.
Михалков Никита. «Мы — Евразия». Пб. 70 (1991, №4). 317—334.
Михалков Сергей. «Я служил государству». Интервью Ирины Арзамасцевой. Пр. 96 (1998, №2). 342—351.
Михальчук Василий. Сила наших дней. Пб. 15 (1978, №1). 185—202.
Михник Адам. Интервью. Пб. 12 (1977, №2). 427—434; Мы все — наследники Мицкевича. Пб. 49 (1986, №3). 177—206; Пепел, улан, полонез. Кр. 83 (1995, №1). 332—372; Пушкин и русские глазами польского писателя. Кр. 40 (1984, №2). 363—380.
Михоэлс-Вовси Наталья. Лебединая песня Михоэлса. Пр. 33 (1982, №3). 323—332.
Мицкевич Адам. К русским друзьям. Ст. 41 (1984, №3). 381—382.
Млынарж Зденек. По обе стороны Спасских ворот. Пб. 14 (1977, №4). 397—411.
Молодый Вадим. Памяти отца Александра Меня. Пр. 66 (1990, №4). 379—382.
Молчанов Геннадий. Из тетради «Советские концлагеря». Ст. 69 (1991, №3). 85—91.
Моравецкий Корнель. [Письмо Н. Горбаневской]. Пб. 48 (1986, №2). СП. 3—6.
Моравский Доминик. [Предисловие к статье И. Слипого]. Пб. 3 (1974, №1). 187—196; Под знаком перелома. Пб. 20 (1979, №2). 199—209; Словакия: модель коварного истребления веры. Пб. 6 (1975, №4). 229—251.
Моргевич Эмиль. Письмо о польских тюрьмах. Оч. 7 (1976, №1). 232—240.
Моргулис Михаил. Смерть вора. Пр. 31 (1982, №1). 177—182; Степной этюд. Пр. 59 (1989, №1). 198—201.
Морев Глеб. [Предисловие к публикации А. Николева]. Пр. 64 (1990, №2). 323—324.
Моро Дэвид. Пусть память служит пониманию. Открытое письмо Эли Визелю. Пб. 50 (1986, №4). 245—268.
Мороз Валентин. Хроника Сопротивления. Оч. 3 (1974, №1). 161—186.
Морозов Юрий. Парашютисты. Пр. 72 (1992, №2). 100—144.
Мотовилова Софья. Предсмертное письмо. Пр. 15 (1978, №1). 67—84.
Мрожек Славомир. Есть на свете справедливость. Пб. 56 (1988, №2). 425—434.
Муравина Нина. ГУЛАГ глазами француза [О книге А. Малумяна]. Кр. 10 (1976, №4). 381—386; «Душевные гусли» Синявского. Кр .41 (1984, №3). 419—426; Судьба алакаевских соседей Ленина. Пб. 47 (1986, №1). 307—344.

Муравник Майя. Ад торжествует [О М. Каганской]. Кр. 42 (1984, №4). 370—380; Бой кровавый, святой и правый. Кр. 34 (1982, №4). 371—374; Взглянуть и понять. Кр. 34 (1982, №4). 416—419; Вышел сеятель сеять... [О З. Крахмальниковой]. Кр. 37 (1983, №3). 401—405; Галина неистовая [О Вишневской]. Кр. 49 (1986, №3). 369—375; Двуликий Янус [О Н. Гутиной]. Кр. 34 (1982, №4). 379—382; Какая может быть честь у дворни? [О Ф. Горенштейне]. Кр. 48 (1986, №2). 363—369; Когда грядет библейская черта [О Ф. Горенштейне]. Кр. 47 (1986, №1). 408—413; Кричащая память [О сб. «Память». вып. 4]. Кр. 31 (1982, №1). 358—361; Место жительства — Советский Союз [О книге Л. Штерн]. Кр. 29 (1981, №3). 400—402; Мир писателя сокровенного [О книге М. Геллера об А. Платонове]. Кр. 36 (1983, №2). 365—370; Не рано ли петь отходную... [Ф. Розинер]. Кр. 52 (1987, №2). 405—410; О «вехах» и мифах в советской истории [М. Геллер]. Кр. 56 (1988, №2). 371—374; Облик «грустного беби» [В. Аксенов]. Кр. 54 (1988, №2). 417—421; Роман о бегстве [С. Юрьенен]. Кр. 51 (1987, №1). 408—413; Сатурн убивает своих детей [О В. Леонгарде]. Кр. 44 (1985, №2). 348—353; Секреты великой утопии [О книге М.Геллера, А. Некрича]. Кр. 32 (1982, №2). 392—399; Сидеть, поскрипывая перышком... [О Г. Владимове]. Кр. 38 (1983, №4). 409—412; Сказание о походах [О С. Мамонтове]. Кр. 53 (1987, №3). 413—416; Сохранить для России. Кр. 21 (1979, №3). 382—386; Страдающая память [В. Астафьев]. Кр. 59 (1989, №1). 403—406; Странный бунт [Ю. Гальперин]. Кр. 57 (1988, №3). 404—407; Талант и отвага [О И. Кичановой-Лифшиц]. Кр. 33 (1982, №3). 396—400; Коротко о книгах [А. Кторова]. Кр. 53 (1987, №3). 417—419; По страницам журналов: «Эхо», №14 (1986). Кр. 49 (1986, №3). 423—428.; По страницам журналов: «22» №50. Кр. 52 (1987, №2). 417—420.

Муравьева и др. [Письмо в редакцию с критикой Мяновича и ответ редакции]. Пб. 47 (1986, №1). 383—384.

Муравьева Ирина. «Ах как трудно жить на свете...» (к 80-летию рождения А. Твардовского). Пр. 68 (1991, №2). 287—304; «И дышат почва и судьба» [О В. Непомнящем]. Кр. 53 (1987, №3). 399—407; «Но, как везде, здесь сладостна земля...». Ст. 49 (1986, №3). 19—24; «Слоистый пирог времени» [В. Маканин]. Кр. 61 (1989, №3). 353—367; Два месяца. Пр. 56 (1988, №2). 129—165; Излечение правдой [С. Каледин]. Кр. 55 (1988, №1). 385—393; Искусство нелюбви (Еще о прозе в «Новом мире»). Кр. 63 (1990, №1). 361—368; Опыт новейшего жизнеописания [Г. Бакланов]. Кр. 70 (1991, №4). 311—316; Реквием для бедных. Пб. 57 (1988, №3). 325—339; Чад обновленного «Огонька». Кр. 59 (1989, №1). 415—430.

И.М. По материалам журнала «Знамя» №5, 6, 7. Кр. 68 (1991, №2). 367—373.

Мурженко Алексей. ГУЛАГ после Солженицына. Пб. 59 (1989, №1). 281—292.

Мянович Томаш. [Ответ критикам]. Пб. 48 (1986, №2). 358—359; «Контра», или об интеллектуальной свободе. Кр. 62 (1989, №4). 373—380; Внуки Мицкевича и дети системы. (Отношение поляков к коммунизму). Пб. 54 (1988, №2). 285—304; Живопись Александра Зиновьева. Кр. 42 (1984, №4). 281—288; Из записной книжки экстремиста. Пб. 46 (1985, №4). 207—214; К истории восточной политики Ватикана: «польская модель». Пб. 57 (1988, №3). 271—304; Можно ли спасти Германию? Пб. 43 (1985, №1). 177—194; О Катыни в Германии [О Г. ван Берге]. Кр. 50 (1986, №4). 403—407; Осло—Прага—Горький. Пб. 41 (1984, №3). 253—262; Перечитывая ныне «Победу провокации». Пб. 39 (1984, №1). 267—284; Тень КГБ в ореоле Горбачева. Пб. 71 (1992, №1). 215—220.

Н.Г. [Об украинских журналах]. Кр. 58 (1988, №4). 421—424; Большой провал [З. Бжезинский]. Кр. 67 (1991, №1). 355—356; Зона [Стихи о лагерях]. Кр. 69 (1991, №3). 356—357; Обзор журнала «Погляды» №1. Кр. 53 (1987, №3). 425—426; Рец. на кн.: Б. Прянишников. Новопоколенцы. Кр. 54 (1988, №2). 425—427; Рец. на кн.: Василь Стус в жизни, творчестве, воспоминаниях и оценках современников. Кр. 53 (1987, №3). 421—423; Рец. на кн.: М. Розанов. Соловецкий концлагерь в монастыре. Кр. 55 (1988, №1). 401—402; Рец. на кн.: Т. Карабулков. Товарищ генеральный секретарь. Кр. 54 (1988, №2). 427—428; Три времени Евгения Рейна. Кр. 68 (1991,

№2). 351—359; Чешские разговоры — не только на чешские темы. Кр. 47 (1986, №1). 427—430.
Н.Т Летопись преступлений [О. Волков. Т. Аксакова-Сиверс]. Кр. 57 (1988, №3). 399—404; Рец. на кн. Б. Бочштейна «Занимательная кремленология». Кр. 57 (1988, №3). 411—413; Сквозь дым легенд [О В. Рапопорте и Ю. Алексееве]. Кр. 59 (1989, №1). 377—381.
Наврозов Андрей. Из Томаса Стернза Элиота: Романс Альфреда Пруфрока. Ст. 58 (1988, №4). 105—112; Из Эмили Дикинсон. Ст. 49 (1986, №3). 128—137.
Наврозов Лев. [Письмо в редакцию о С. Бадаше]. Пб. 69 (1991, №3). 330—335; Из несостоявшейся книги 1968 г. Пр. 37 (1983, №3). 60—69; Определение культуры. Пб. 35 (1983, №1). 241—270; Писатель как агент-провокатор всесильной власти. Пб. 55 (1988, №1). 271—302; Семь советско-западных мифов. Пб. 68 (1991, №2). 167—198; Стаканчики граненые. Пр. 39 (1984, №1). 20—29; Стремление Кремля к мировому господству и его глобальная стратегия. Пб. 64 (1990, №2). 225—258.
Надеждин Даниил. Два стихотворения. Ст. 20 (1979, №2). 118—121.
Найман Анатолий. И я жил в Риме. Ст. 89 (1996, №3). 155—159; Летом, в воскресный день. Пр. 61 (1989, №3). 66—117; Памяти Роберта Филлимора. Ст. 68 (1991, №2). 7—11.
Наклеушев Евгений. О милосердии и справедливости, жесткости и потакании. Пб. 85 (1995, №3). 301—323; О тоталитарных государствах как «химерах». Пб. 29 (1981, №3). 273—283; Снова восемнадцатый век! Пб. 45 (1985, №3). 277—290.
Наль Анна. Между сушей и твердью. Ст. 84 (1995, №2). 158—166; Три стихотворения. Ст. 96 (1998, №2). 155—157.
Небылицкий Евгений. Четвертое измерение. Пр. 78 (1993, №4). 35—104.
Незнанский Фридрих. Миллион для чемпионки (с Э. Тополем). Пб. 23 (1980, №1). 315—342.
Неизвестный Эрнст. [О стихах Б. Дижур]. Кр. 42 (1984, №4). 60; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 440—441; Лик—лицо—личина. Пб. 27 (1981, №1). 110—140; Лик—лицо—личина. Пр. 37 (1983, №3). 42—54; Памяти Владимира Максимова. Пб. 84 (1995, №2). 27—30; Трагедия свободы. Пб. 46 (1985, №4). 219—232; Три фрагмента. Главы из книги. Пр. 21 (1979, №3). 7—33.
Некипелов Виктор. Сталин на ветровом стекле. Пб. 19 (1979, №1). 238—247; Стихи. Ст.12 (1977, №2). 156—162; Хлеб и беженцы. Пб. 25 (1980, №3). 163—172.
Некрасов Виктор. Взгляд и нечто. Пр. 10 (1976, №4). 11—85; Взгляд и нечто. Пр.12 (1977, №2). 90—119; Взгляд и нечто. Пр. 13 (1977, №3). 7—82; Долгая и счастливая жизнь? [Г. Шпаликов]. Кр. 25 (1980, №3). 355—357; Записки зеваки. Пр. 4 (1974, №2). 13—172; Исаичу... Пб. 18 (1978, №4). СП. 3—5; Кое-что из жизни... Пр. 81 (1994, №3). 13—55; По обе стороны Стены... Пр. 18 (1978, №4). 55—116; По обе стороны Стены. Пр. 19 (1979, №1). 77—156.
Некрасов Лев. 80 лет тому назад. Пб. 55 (1988, №1). 367—369.
Некрич Александр. Поход против «космополитов» в МГУ. Пб. 28 (1981, №2). 301—320; Сталин и нацистская Германия. Пб. 24 (1980, №2). 239—262.
Непомнящий Валентин. [Ответ Д. Штурман]. Пб. 77 (1993, №3). 350—353; С веселым призраком свободы. Пб. 73 (1992, №3). 270—293.
Нечаев Вадим. [О Вл. Адмони]. Кр. 27 (1981, №1). 75—77; «Стрелец». Кр. 44 (1985, №2). 408—410; 16 республика СССР (Книга о советской эмиграции) [О В. Зубове]. Кр. 38 (1983, №4). 425—429; Голоса русских женщин. Кр. 26 (1980, №4). 426—431; Искусство Доротеи и Ревекки Шемякиных. Кр. 67 (1991, №1). 245—250; История Оскара Рабина. Оч. 21 (1979, №3). 323—338; Красный террор в России [О кн. С. Мельгунова]. Персональное дело. Пр. 38 (1983, №4). 38—52; Кр. 27 (1981, №1). 402—405; Летний отпуск художника. Пр. 24 (1980, №2). 103—113; Фантом. Отрывок из романа «Побег на родину». Пр. 48 (1986, №2). 165—179.
Нива Жорж. [О Ж. Грине]. Пр. 82 (1994, №4). 297—298; [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 441; Забытая заметка Блока о «Двенадцати». Кр. 32 (1982, №2). 355—363; Нужно ли плакать по диссидентству? Пб. 88 (1996, №2). 234—239; От

Жюльена Сореля к Цинциннату (Стендаль — Набоков). Кр. 87 (1996, №1). 296—304; Памяти Владимира Максимова. Пб. 84 (1995, №2). 30—31; Письмо в «Континент» об О. Ивинской. Пб. 95 (1998, №1). 424—426; Поэма о «разброде добродетелей» [Солженицын и «Красное колесо»]. Кр. 75 (1993, №1). 286—295; Русский роман и его предреволюционные «сынки». Кр. 33 (1982, №3). 333—350; Слово и взгляд у Солженицына. Кр. 18 (1978, №4). 309—340.
Никитин Борис. Дичь. Пр. 71 (1992, №1). 167—176; Стихи. Ст. 69 (1991, №3). 210—211.
Николаев Игорь. [Письмо в редакцию]. Пб. 65 (1990, №3). 376—378.
Николев Андрей. Стихотворения. Ст. 64 (1990, №2). 325—329.
Нильский Михаил. Воркутинская трагедия. Оч. 18 (1978, №4). 279—308.
Ним Наум. Звезда светлая и утренняя. Пр. 65 (1990, №3). 23—113; Звезда светлая и утренняя. Пр. 66 (1990, №4). 111—207.
Новак Радослав. «Литературные тетради» — новый польский литературный журнал за границей. Кр. 36 (1983, №2). 419—421.
Новак Ян. Открытое письмо Александру Солженицыну. Пб. 12 (1977, №2). 261—267.
Новик Вениамин. По образу и подобию. Эс. 74 (1992, №4). 202—217; Христианство и демократия. Пб. 86 (1995, №4). 385—396.
Нолль Ганс. Происхожу из «нового класса». Пб. 58 (1988, №4). 225—243.
Носик Борис. Человеческий фактор. Пр. 70 (1991, №4). 92—132.
Носков Георгий. Отрочество, юность, зрелость. Пб. 67 (1991, №1). 171—192.
Носов В. «Ключ» к Гоголю. Опыт художественного чтения. Кр. 43 (1985, №1). 323—358.
Нудельман Р. А нам с тобою не забыть вовек... Ст. 13 (1977, №3). 83—85.

О.К. [Рец. на кн. Б. Меньшагина]. Кр. 58 (1988, №4). 416—417.
Оганесян Эдуард. Еще раз об армянском вопросе. Пб. 41 (1984, №3). 263—272; Философия национализма. Пб. 20 (1979, №2). 145—154; Я — националист! Пб. 13 (1977, №3). 235—252.
Оганов Иван. Кровь Пастернака. Пр. 79 (1994, №1). 131—168.
Огнев Владимир. Амнистия таланту, Или до и после «Нового мира». Пб. 69 (1991, №3). 263—313.
Одоевцева Ирина. Стихотворения. Ст. 8 (1976, №2). 54—56.
Оз Амос. Есть ли общий знаменатель в ивритской литературе. Кр. 52 (1987, №2). 331—344; О времени и о себе. Пб. 66 (1990, №4). 231—270; Тень, свет и любовь. Пб. 39 (1984, №1). 347—355.
Озерная Марианна. Стихи. Ст. 54 (1988, №2). 143—147.
Озерова Ирина. Посмертные строфы. Ст. 43 (1985, №1). 43—52.
Оклянский Юрий. Кактус. Записки очевидца. Кр. 96 (1998, №2). 298—341.
Окуджава Булат. «Я делал то, что я хотел». Пб. 92 (1997, №2). 326—327; Всё, что я делаю, — связано с моим отношением к людям. Пб. 63 (1990, №1). 385—396.
Окутюрье Мишель. Диссидентство, или Реванш литературы. Пб. 88 (1996, №2). 223—225; Письмо в редакцию. Пб. 26 (1980, №4). 369—370.
Ондржей Петр. [Предисловие к мемуарам Й. Смрковского]. Пр. 5 (1975, №3). 317—319.
Орвелл Джордж. 1984. Приложение. Основы новояза. Пр. 10 (1976. №4). 363—378; Артур Кестлер. Кр. 51 (1987, №1). 345—358; Отпущение грехов, или Несколько заметок о Сальвадоре Дали. Кр. 56 (1988, №2). 319—328.
Орешкин Дмитрий. География духа и пространство России. Пб. 74 (1992, №4). 108—126.
Орлов Александр. Следы утерянной гармонии. Ст. 68 (1991, №2). 87—90.
Орлов Алексей. При любой погоде. Оч. 19 (1979, №1). 325—346; Такова спортивная жизнь. Оч. 14 (1977, №4). 279—300.
Орлов Борис. «Февраль семнадцатого» в канун НЭПа. Оч. 9 (1976, №3). 345—359.
Орлова Александра. П.И. Чайковсский — читатель. (К 150-летию со дня рождения). Пр. 63 (1990, №1). 261—284; Памяти Мусоргского. Пр. 60 (1989, №2). 359—376; Судьба советского крепостного музыканта [Б. Асафьев]. Пб. 57 (1988, №3). 315—324; Тайна жизни и смерти Чайковского. Пб. 53 (1987, №3). 311—336.

Орлова Наталья. И вдруг я поняла... Ст. 96 (1998, №2). 121—125.
Орловский Э. Письмо в редакцию. Пб. 38 (1983, №4). 379—385.
Орлось Казимеж. Дивная малина. Пр. 11 (1977, №1). 65—114; Дивная малина. Пр. 12 (1977, №2). 124—150; Дивная малина. Пр. 13 (1977, №3). 139—169; Дивная малина. Пр. 14 (1977, №4). 117—140.
Орнальдо Олег. Привет беременным женщинам. Пр. 35 (1983, №1). 126—156.
Ору Ян. Размышления о филантропии. Пб. 70 (1991, №4). 205—217.
Осборн Василий. Британское православие. Пб. 83 (1995, №1). 226—234.
Осипов Геннадий. Реформы в России и современная социально-политическая ситуация в стране. Пб. 89 (1996, №3). 199—203.
Островский Яков. Стихи. Ст. 59 (1989, №1). 7—76.
Охман Сильвия. [Письмо в редакцию о С. Караванском]. Пб. 67 (1991, №1). 339—344.

Павлов Иннокентий. Язычествующие. Пб. 99 (1999. №1). 220—232.
Пайпс Ричард. [Письмо в редакцию и ответ редакции]. Пб. 46 (1985, №4). 358—359; Партия, разъедаемая коррупцией. Пб. 44 (1985, №2). 197—208.
Панин Димитрий. Из диктофонного дневника. Пб. 93 (1997, №3). 198—226; Не начинать, а продолжать [полемика с А. Зиновьевым]. Пб. 54 (1988, №2). 379—385; Правота и права человека. Пб. 49 (1986, №3). 165—176; Конь и о четырех ногах, да спотыкается. Пб. 25 (1980, №3). 335—341; Ответ И.Г. Пб. 52 (1987, №2). 352—356.
Панина Исса. [Письмо в редакцию]. Пб. 95 (1998, №1). 430; Идеи Панина нужны сегодняшней России. Пб. 65 (1990, №3). 369—376.
Паннелла Марко. Интервью. Пб. 55 (1988, №1). 417—?
Панченко Николай. Стихи. Ст. 64 (1990, №2). 112—114.
Пападин Валентин. Перед смертью меня разбудили. Ст. 41 (1984, №3). 140—146.
Паперный Зиновий. Шутить любил... [О Ю. Бореве]. Кр. 70 (1991, №4). 291—302.
Параджанов Сергей. Выступление перед творческой и научной молодежью Белоруссии 1 декабря 1971 года. Пр. 82 (1994, №4). 307—327.
Парамонов Борис. Америка в тени Джонстауна. Пб. 19 (1979, №1). 223—237; Бенарес или Мюнхен: о статье Г. Померанца. Кр. 25 (1980, №3). 371—382; Горький, белое пятно. Кр. 58 (1988, №4). 303—354; Мальчик против мужа. Пб. 16 (1978, №2). 137—150; Парадоксы и комплексы Александра Янова. Пб. 20 (1979, №2). 231—274; Согласно Юнгу. Эс. 37 (1983, №3). 263—294; Уроки Запада. Пб. 29 (1981, №3). 284—314; Частная жизнь Бориса Пастернака. (Заметки о романе «Доктор Живаго»). Эс. 35 (1983, №1). 315—345; Чевенгур и окрестности. Пб. 54 (1988, №2). 333—372; Чичерин, либеральный консерватор. Пб. 50 (1986, №4). 279—312.
Парфенов Филипп. [Письмо в редакцию]. Пб. 63 (1990, №1). 231—325.
Пастернак Борис. Переписка Бориса Пастернака с Томасом Мертоном. Дт. 15 (1978, №1). 323—342; Письма на Олимп [А. Фадееву. К. Симонову]. Пр. 90 (1996, №4). 198—213.
Пастернак Евгений, Пастернак Елена. В осаде. Пр. 95 (1998, №1). 221—254.
Пахман Людек. Новая «Пражская весна» — вопрос и задача. Пб. 1 (1974, №1). 231—244; Послесловие к политическому завещанию Й.Смрковского. Пб. 7 (1976, №1). 327—330.
Пахомов Анатолий. Временем тем... Ст. 90 (1996, №4). 127—132.
Пахомов Аркадий. Не изменить порядка жизни, нет. Ст. 79 (1994, №1). 169—171.
Пачини Джанлоренцо. [Письмо о творчестве А. Солженицына]. Пб. 5 (1975, №3). 455—458.
Пашнин Евгений. «Предлагаю ежегодно 10 декабря в день прав человека...». Пб. 51 (1987, №1). 370.
Перелешин Валерий. Стихи. Ст. 16 (1978, №2). 109—111.
Перельман Симон. Лагерные стихи. Ст. 38 (1983, №4). 34—37.
Петкевич Юрий. Явление ангела Сапожкову. Пр. 72 (1992, №2). 164—186.
Петриченко Степан. Правда о кронштадтских событиях. Пб. 10 (1976, №4). 203—234.

Петров А. Документы из архива ЦК КПСС по делу М. Ростроповича и Г. Вишневской. Дт. 78 (1993, №4). 225—229; Документы из архива ЦК КПСС по Нобелевскому делу М.А. Шолохова. Дт. 76 (1993, №2). 233—256.
Петров Игорь. Когда ты придешь... Ст. 93 (1997, №3). 40—46; На прекрасных цепях. Ст. 89 (1996, №3). 9—15.
Петров Никита. Рой Медведев как историк-диссидент. Кр. 68 (1991, №2). 335—345.
Петрова Александра. Стихи. Ст. 69 (1991, №3). 137—141.
Петроченков Валерий. Стихи. Ст. 32 (1982, №2). 159—165.
Петрунис Сергей. Дорога в тысячу страниц [М. Демин]. Кр. 56 (1988, №2). 383—386; Новые стихи. Ст. 37 (1983, №3). 102—104; Поколению «оттепели» — полвека. Пб. 39 (1984, №1). 227—230; Стихи. Ст. 27 (1981, №1). 154—157; Стихи. Ст. 54 (1988, №2). 171—174; Четыре стихотворения. Ст. 46 (1985, №4). 139—141.
Пешехонов Владимир. Четыре стихотворения. Ст. 94 (1997, №4). 113—114.
Пияшева Лариса. Загадки «евразийского менталитета», или Кто в России созрел для капитализма. Пб. 84 (1995, №2). 256—305; Интервью. Пб. 80 (1994, №2). 230—241; Экономическое будущее России. Пб. 89 (1996, №3). 203—212.
Платова Виктория. Неяркая жизнь Сани Корнилова. Пр. 59 (1989, №1). 7—69.
Платонов Андрей. Ерик. Пр. 10 (1976, №4). 339—342.
Плимак Евгений. В советской оккупационной: Германия, 1945—1946. Оч. 84 (1995, №2). 89—138.
Плисецкий Герман. Стихи разных лет. Ст. 26 (1980, №4). 94—99; Стихотворения. Ст. 24 (1980, №2). 53—60; Уйти в разряд небритых лиц. Ст. 76 (1993, №2). 7—19; Цикл стихотворений. Ст. 60 (1989, №2). 103—108.
Плющ Леонид. [Письмо в редакцию]. Пб. 68 (1991, №2). 330—332; [Письмо в редакцию]. Пб. 46 (1985, №4). 361—366; Жертвоприношение поэта [О В. Стусе]. Пб. 45 (1985, №3). 441—445; Ответ Татьяне Ходорович. Пб. 9 (1976, №3). 244—262; Национальные проблемы СССР. Пб. 58 (1988, №4). 217—224; Семиугольная фантазия. Ст. 19 (1979, №1). 164—170.
Поверенная Анастасия. Сойдя с трибуны: очерки о работе советского пропагандиста. Пр. 31 (1982, №1). 189—208.
Погожева Галина. [Рец. на кн. С. Беньяминова]. Кр. 68 (1991, №2). 362—363; [Рец. на кн. В. Гарднера]. Кр. 68 (1991, №2). 362; Двенадцать стихотворений. Ст. 68 (1991, №2). 91—100; Доднесь, ваше сиятельство [Н. Окунев]. Кр. 67 (1991, №1). 345—349.
Подрабинек Кирилл. Открытое письмо (не для советской печати) Владимиру Максимову. Пб. 64 (1990, №2). 350—351; Правосудие в России? Пб. 94 (1997, №4). 184—193.
Поженян Григорий. Перед уходом. Подводя итоги. Ст. 64 (1990, №2). 131—134.
Поздняев Михаил. Стихи о почве. Ст. 64 (1990, №2). 163—168.
Покальчук Юрий. Эволюция диссидентства: национальные особенности. Пб. 88 (1996, №2). 226—229.
Покрасс Геннадий. «Все пропьем, но флот не опозорим...» [Маринеско]. Пб. 39 (1984, №1). 367—390; Литературная поденщина. — Ответ — государство. Пр. 37 (1983, №3). 105—118; Рассказы разжалованного моряка. Пр. 32 (1982, №2). 7—29; С приездом! Пр. 68 (1991, №2). 73—86; Хмырь. Пр. 50 (1986, №4). 152—171.
Покров Александр. Две правды солдатские [В. Некрасов, М. Коробейников]. Кр. 58 (1988, №4). 400—405; Поколение молчания [В. Крупин]. Кр. 61 (1989, №3). 400—405; Свет надежды [К. Льюис и «Сорок сороков»]. Кр. 58 (1988, №4). 394—399.
Покровский Александр. Атомник Иванов. Пр. 75 (1993, №1). 66—88.
Полетаева Татьяна. Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 8—10.
Полонская Вероника. В расчете с жизнью. Пр. 29 (1981, №3). 333—347; В расчете с жизнью. Пр. 30 (1981, №4). 315—346.
Польский Аноним. Нация—религия—миссия—ответственность. Пб. 16 (1978, №2). 170—188.
Поляк Барбара. В Москве летом 1988 года. Пб. 59 (1989, №1). 261—274.

Поляков Александр. Снег утренний, дневной, вечерний. Пр. 69 (1991, №3). 142—154; Сразу за поселком — степь. Пр. 70 (1991, №4). 136—142; Форс мажор. Пр. 71 (1992, №1). 75—82.

Поляченко Татьяна. Железная дорога. Ст. 67 (1991, №1). 41—49.

Помазов Виталий. Стихи. Ст. 17 (1978, №3). 7—10.

Померанц Григорий. «Эвклидовский» и «неэвклидовский» разум в творчестве Достоевского. Кр. 3 (1974, №1). 109—150; Два эссе. Эс. 99 (1999, №1). 261—272; Из цикла эссе «Работа любви». Эс. 94 (1997, №4). 216—229; Из цикла эссе «Работа любви». Эс. 96 (1998, №2). 281—298; Любовь небесная и земная. Эс. 91 (1997, №1). 306—316; О повести Израиля Мазуса «Березина». Кр. 86 (1995, №4). 227—229; Подлинное и призрачное счастье. Эс. 98 (1998, №4). 309—321; Способы существования в дрейфе. Эс. 92 (1997, №2). 306—325.

Померанцев Игорь. Стихи. Ст. 24 (1980, №2). 129—133.

Померанцев Кирилл. «Иди на Голгофу» [А. Зиновьев]. Кр. 52 (1987, №2). 397—401; «Перестройка — двойной советский вызов» [А. Аганбегян]. Кр. 56 (1988, №2). 363—370; Георгий Иванов и его поэзия. Кр. 49 (1986, №3).3 25—336; Соблазн смерти [О кн. И. Шафаревича]. Кр. 14 (1977, №4). 344—350; Солженицын — знамение нашего времени. Пб. 18 (1978, №4). СП. 6—12; Стихи. Ст. 31 (1982, №1). 183—184; Стихи. Ст. 51 (1987, №1). 167; Стихи. Ст. 57 (1988, №3). 191—193; Стихи 1983 года. Ст. 39 (1984, №1). 113—116; Стихи разных лет. Ст. 27 (1981, №1). 78—80.

Попадин Валентин. Из книги стихов. Ст. 35 (1983, №1). 157—162.

Попов Александр. [Письмо в редакцию]. Пб. 65 (1990, №3). 378—379.

Попов Евгений. «Гранатовый браслет». Пр. 63 (1990, №1). 117—129; А что всё это значит? Пр. 74 (1992, №4). 26—67; Лоскутное одеяло. Пр. 83 (1995, №1). 59—84; Шуцин-Пуцин. Пр. 66 (1990, №4). 46—51.

Поповский Марк. Идеальный советский писатель. Константин Симонов — итоги жизни. Кр. 24 (1980, №2). 297—330; К семидесятилетию со дня смерти Л.Н. Толстого: Дмитрий Егорович рассказывает. Пр. 27 (1981, №1). 292—324.

Пореш Владимир и др. К христианской общественности в СССР и за рубежом. Пб. 21 (1979, №3). СП. 17—19; Обращение к христианской молодежи Запада. Пб. 21 (1979, №3). СП. 14—17.

Поспеловский Дмитрий. Два письма Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Пб. 96 (1998, №2). 391—395.

Постникова Ольга. Тристан и Изольда. Пр. 94 (1997, №4). 72—85.

Потебня Юрий. Из прошлого Джугашвили-Сталина. Оч. 13 (1977, №3). 303—310.

Похвиснев М. «На незврачной равнине с суровым климатом» [О Р. Кайзере]. Кр. 43 (1985, №1). 401—408.

Пригов Дмитрий. Нельзя не впасть в ересь. Пб. 69 (1991, №3). 320—325.

Приставкин Анатолий. Ласточка-касаточка. Пр. 77 (1993, №3). 84—120.

Пробштейн Ян. Плавание. Ст. 61 (1989, №3). 139—146.

Прохоров Константин. Ночью в карауле. Пр. 71 (1992, №1). 156—163.

Пряхин Георгий. Привели к Адаму Еву. Пр. 69 (1991, №3). 161—199.

Пустынин Эрик. А дальше все так очевидно... Ст. 69 (1991, №3). 200—203.

Пушлер Нестор. Пародии. Ст. 19 (1979, №1). 7—20.

Пьецух Вячеслав. Революционные этюды. Пр. 93 (1997, №3). 47—66.

Пэнсон Борис. Диалог за колючей проволокой. Пб. 6 (1975, №4). 173—228.

Пятигорский Александр. [Предисловие к статье А. Янова]. Пб. 9 (1976, №3). 313—314; Заметки о «метафизической ситуации». Эс. 1 (1974, №1). 211—224; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278; Уход Дандарона. Пб. 3 (1974, №1). 151—160; Философия на развалинах революции. Кр. 23 (1980, №1). 213—234; Чуть-чуть о философии Владимира Набокова. Кр. 15 (1978, №1). 313—322. Под инициалами В. П. Изменчивость и постоянство. Кр. 15 (1978, №1). 364—367; Новый самиздат. Пб. 52 (1987, №2). 255—264.

Равич Петр. С похмелья, или Записки контрреволюционера. Пр. 25 (1980, №3). 7—88.
Радашкевич Александр. Лирическая автобиография Александра Верника. Кр. 53 (1987, №3). 396—399; Из новых стихов. Ст. 40 (1984, №2). 176—182; Стихи. Ст. 31 (1982, №1). 163—170.
Радыгин Анатолий. Восход кровавый и закат кровавый. Ст. 51 (1987, №1). 156—166.
Раевский Сергей. Батумские каприччо. Ст. 52 (1987, №2). 24—32.
Разумовский Андрей. Карл-Густав Штрём: «Без Тито». Кр. 13 (1977, №3). 359—363.
Разумовский Юрий. Стихи. Ст. 71 (1992, №1). 177—181.
Райс Эммануил. Василь Голобородько. Кр. 13 (1977, №3). 341—351; Чеслав Милош. Кр. 12 (1977, №2). 387—393.
Раннит Алексис. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 442; Восемь стихотворений в переводах Наталии Горбаневской. Ст. 44 (1985, №2). 7—10; Генрих Элинсон — художник. Оч. 20 (1979, №2). 333—336; Заметка о двух Василия Бетаки. Кр. 33 (1982, №3). 393—396; Из новых стихов. Ст. 36 (1983, №2). 80—86; Стихи. Ст. 17 (1978, №3). 153—158; Художник Эдуард Вийральт. Кр. 28 (1981, №2). 399—403.
Рапачинский Анджей. Колаковский о марксизме. Кр. 22 (1979, №4). 393—397.
Рапопорт Александр. Два стихотворения. Ст. 71 (1992, №1). 70—74.
Раскин Леонид. Четыре стихотворения. Ст. 77 (1993, №3). 152—153.
Рассадин Станислав. Номенклатура-2. Полемика. Пб. 89 (1996, №3). 350—372; Отличник. Попытка апологии [О С. Михалкове]. Пб. 97 (1998, №3). 320—342; Отщепенец Евгений Б. — семидесятник. Кр. 96 (1998, №2). 352—365; Поющая в бездне. Портрет поэта на фоне поэзии [Об И. Лиснянской]. Кр. 93 (1997, №3). 314—336.
Ратушинская Ирина. За высокую оду. Ст. 43 (1985, №1). 7—21; Рассказы и сказки. Ст. 49 (1986, №3). 111—127; Стихи. Ст. 35 (1983, №1). 168—173.
Ратчик Михаил. [Письмо в редакцию]. Пб. 65 (1990, №3). 379.
Рафальский Сергей. Болезнь века. Пб. 11 (1977, №1). 171—194.
Рахлина Марина. Из цикла «Прозрачный октябрь». Ст. 30 (1981, №4). 177—180.
Рахлина Марлена. [Письмо в редакцию]. Пб. 59 (1989, №1). 371—373; Стихи. Ст. 36 (1983, №2). 147—150; Стихи. Ст. 60 (1989, №2). 186—194.
Ревель Жан-Франсуа. Интеллигенция и власть. Пб. 57 (1988, №3). 219—222; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278.
Редакция журнала «Культура». Как я понимаю «Письмо вождям». Пб. 1 (1974, №1). 245—272.
Рейган Рональд. Выступление перед европейским парламентом в Страсбурге 9 мая 1985 г. Пб. 46 (1985, №4). СП. 3—17.
Рейн Евгений. Венецианский дождь. Ст. 79 (1994, №1). 31—36; Вермеер. Ст. 73 (1992, №3). 104—119; Няня Таня. Ст. 61 (1989, №3). 123—126; Стихи. Ст. 67 (1991, №1). 98—106; Стихи о поэтах. Ст. 90 (1996, №4). 90—98.
Рейч Уолтер. Мое мнение [О П. Григоренко]. Пб. 21 (1979, №3). 245—258.
Ремизова Мария. Большой пасьянс 97-го года. Взгляд на литературу через призму Букеровского жюри. Кр. 95 (1998, №1). 336—351.
Ретти Алексей. Прощание с «Голосом Америки». Пб. 9 (1976, №3). 201—209.
Ржевская Елена. Предисловие к публикации И. Крамова. Пр. 72 (1992, №2). 227—228; Тропами памяти. Пр. 96 (1998, №2). 126—154.
Ржевский Леонид. Клим и Панночка. Пр. 12 (1977, №2). 5—40; Малиновое варенье. Пр. 40 (1984, №2). 152—175; Полукрылый ангел. Пр. 45 (1985, №3). 233—263.
Родман Марина. Государственные дети. Оч. 96 (1998, №2). 197—221.
Рожанская Ольга. Поэт и муза (и другие стихотворения). Ст. 62 (1989, №4). 43—50.
Рожсковская Р. Письмо в редакцию [Против евреев]. Пб. 40 (1984, №2). 395—397.
Розанов Василий. Из «Последних листьев». Пб. 7 (1976, №1). 281—288.
Розанова Мария. Вечное дерево. Эс. 2 (1974, №2). 453—465; Конец великой эпохи. Пб. 78 (1993, №4). 333.
Розе Карл-Хейнц. [Письмо в редакцию с критикой Т. Мяновича и комментарий редакции]. Пб. 48 (1986, №2). 359—361.

Розенштром Александр. Стихи. Ст. 63 (1990, №1). 130—135.
Ройз Макс. В «Новое русское слово» и «Континент» [Полемика с И. Сусловым, С. Резником]. Пб. 66 (1990, №4). 340—341.
Ромадинова Дора. За порогом серебряного юбилея [Г. Вишневская]. Оч. 20 (1979, №2). 301—332.
Ромашевский Збигнев. В защиту Сахаровых. Пб. 42 (1984, №4). СП. 15.
Роньшин Валерий. Три рассказа. Ст. 65 (1990, №3). 172—183.
Ростропович Мстислав. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 442; К вопросу о перетаскивании трупов. Пб. 42 (1984, №4). СП. 3—8; О Галине Вишневской. Пр. 20 (1979, №2). 433—436; (И Г. Вишневская). Интервью. Пб. 60 (1989, №2). 433—446.
Ротов Владимир. Возвращенное время. Пр. 82 (1994, №4). 138—159; Три рассказа. Пр. 78 (1993, №4). 15—29.
Рубин Валерий. Стихи. Ст. 30 (1981, №4). 183—189.
Рубин Илья. Стихи. Ст. 13 (1977, №3). 86—91.
Рубина Дина. Яблоки из сада Шлицбутера. Пр. 63 (1990, №1). 156—188.
Рубинштейн А. [Предисловие к публикации И. Британа — Н.Бухарина]. Пб. 55 (1988, №1). 223—227.
Румянцев Николай. Соло для суеты. Ст. 71 (1992, №1). 101—102.
Рураж Здислав. Откровенно говоря. Пб. 44 (1985, №2).191—196.
Русецкая Ольга. Князь. Пр. 71 (1992, №1). 89—100.
Русинов И. Штрихи к портрету героя «Поворотов» писателя Сергея Залыгина. Пб. 57 (1988, №3). 386—394.
Русский Геннадий. Житие и страдания старца Корнилия. Пр. 49 (1986, №3). 7—18; Клейма. Пр. 33 (1982, №3). 124—134; Клейма. К иконам северорусских святых. Пр. 26 (1980, №4). 15—60; Клейма. К иконам северорусских святых. Пр. 22 (1979, №4) .7—42.
Руссо Жан-Пьер. Финляндизация сознания. Пб. 51 (1987, №1). 297—306. Финляндизация совести. Пб. 26 (1980, №4) .253—257.
Рыбаков В. Итоги ленинизма. Пб. 15 (1978, №1).3 61—364; Костер для «новых философов». Кр. 20 (1979, №2). 392—397; Летопись страха [О работе М. Геллера]. Кр. 6 (1975, №4). 413—417; Отражения времени [О книге З. Шаховской]. Кр. 8 (1976, №2). 393—397.
Рыбаков Вадим. Нужно долго собирать свою смерть [О С. Юрьенене]. Кр. 27 (1981, №1). 414—416.
Рыбаков Владимир.Гибель Европы? Кр. 12 (1977, №2). 380—386; Зерно. Пр. 28 (1981, №2). 46—55; Три свидетельства о социализме. Кр. 10 (1976, №4). 394—401.
Рябов Гелий. Сошествие во ад. Посмертная судьба Царской Семьи: факты, домыслы, спекуляции. Пб. 97 (1998, №3). 214—242.
Рязанцева Наталья. Завтра — завтрак на траве. Пр. 96 (1998, №2). 158—180.

Сабур Сергей. Всерьез о «Свободе». Пб. 29 (1981, №3). 347—382.
Савицкий Дмитрий. Вдвоем. Ст. 29 (1981, №3). 141—150; Осколки. Ст. 23 (1980, №1). 142—144.
Салес Мигель. Свобода творчества на «острове Свободы». Пб. 22 (1979, №4). 231—242.
Салимон Владимир. Восемь стихотворений. Ст. 74 (1992, №4). 68—73; Злосчастный фаталист. Ст. 82 (1994, №4). 9—11; Список невосполнимых утрат. Ст. 78 (1993, №4). 9—14; Стихи. Ст. 67 (1991, №1). 107—112; Я города не узнаю... Ст. 89 (1996, №3). 178—183.
Салказанова Ф. «КГБ во Франции» [О Т. Вольтоне]. Кр. 49 (1986, №3). 401—410; «Левая» Франция. Пб. 8 (1976, №2). 405—409; Горечь старого социалиста [Ж. Мок]. Кр. 16 (1978, №2). 365—368; Инспектор контрразведки. Кр. 17 (1978, №3). 368—371; Парадоксы одного призрака [О М. Бакунине]. Кр. 6 (1975, №4). 417—422; Призрак ли бродит по Европе? Кр. 18 (1978, №4). 364—368; Тараканья империя. Кр. 11 (1977, №1). 381—386.

Самсонова Тамара. А «старикам» перестройка лишь снится [А. Бутенко]. Кр. 56 (1988, №2). 419—423; От чего — к чему? [О кн. «Иного не дано»]. Кр. 58 (1988, №4). 405—413; «Новое мышление» как фактор социального развития в СССР (Листая журнал «Вопросы философии» за 1986—1987 гг.). Кр. 55 (1988, №1). 403—416.
Сапгир Генрих. Из книги «Монологи». Ст. 58 (1988, №4). 62—77; Из книги «Сонеты на рубашках». Ст. 16 (1978, №2). 133—136; Новые сонеты. Ст. 55 (1988, №1). 117—124.
Сапгир Кира. «...Так всякий знак толкает на поверье...» [О стихах С. Петруниса]. Кр. 36 (1983, №2). 397—400; «Грани». №№131—135. Кр. 44 (1985, №2). 403—408; «Жить по-русски — жить по-другому» [О А. Оже. В. Галевски]. Кр. 55 (1988, №1). 393—396; «Муравьиный лев». (Размышления у картины Ильи Глазунова). Кр. 26 (1980, №4). 345—351; «Никто как свой...» [С. Рафальский]. Кр. 54 (1988, №2). 401—405; «Новые грани». Кр. 51 (1987, №1). 433—436; «Серебряный век» — первый том «Истории русской литературы». Кр. 56 (1988, №2). 353—357; «Стрелец» «третьей волны». Кр. 40 (1984, №2). 415—418; «Тричетвертная луна в Мандроне» [О Ю. Милославском]. Кр. 52 (1987, №2). 368—372; Белый берег стихов [Н. Ратушинская]. Кр. 60 (1989, №2). 400—404; В фокусе вогнутого зеркала [О А. Зиновьеве]. Кр. 35 (1983, №1). 388—392; Водочная река — железны берега [Ф. Кандель]. Кр. 23 (1980, №1). 393—397; Волк и звезды [О книге Ю. Алешковского]. Кр. 28 (1981, №2). 422—426; Дальний берег палисандра [О С. Соколове]. Кр. 46 (1985, №4). 385—389; Игра после мата [А. Парщиков]. Кр. 64 (1990, №2). 358—361; История о преданном и переданном слуге. Кр. 24 (1980, №2). 368—372; Лирики, мечтатели, мыслители... [К. Померанцев]. Кр. 50 (1986, №4). 399—402; Не преклоняя головы [О книге Г. Скарпетты]. Кр. 29 (1981, №3). 395—400; Правда о беде [О Л. Консоне]. Кр. 38 (1983, №4). 412—416; Право на счастье [О Э. Лозанском]. Кр. 43 (1985, №1). 394—399; Проза «Нового мира». Кр. 63 (1990, №1). 355—361; Пять стихотворений. Ст. 23 (1980, №1). 145—149; Рец. на кн. Б. Заковича. Кр. 53 (1987, №3). 419—421; Секрет Евгения Попова. Кр. 61 (1989, №3). 377—381; Сказка о заколдованном аппаратчике [В. Кормер]. Кр. 22 (1979, №4). 398—401; [К.С.] [О В.Рыбакове]. Кр. 46 (1985, №4). 408—408; «Боярские дети» и советская патология [А. Невин]. Кр. 54 (1988, №2). 409—413; «Октябрь» — расслоение или размежевание? Кр.63 (1990, №1). 368—371; «Путь к падению и позору» [В. Набоков]. Кр. 60 (1989, №2). 408—413; Время останавливать время [А. Битов]. Кр. 56 (1988, №2). 407—411; Песни Ж. Бреля и Ж. Брассанса. Кр. 50 (1986, №4). 421—424.
Сахаров Андрей. Интервью итальянскому журналу «Грацие». Пб. 16 (1978, №2). СП. 12—15; В редакцию журнала «Континент». Пб. 23 (1980, №1). 200—202; Движение за права человека в СССР и Восточной Европе — цели. значение, трудности. Пб. 19 (1979, №1). 171—188; Заявление. Пб. 9 (1976, №3). 442—443; Интервью. Пб. 52 (1987, №2). 425—445; Лабиринты эпохи [Предисловие к воспоминаниям Е. Гнедина]. Пб. 28 (1981, №2). 343—345; Мера ответственности. Пб. 5 (1975, №3). 5—6; Мир через полвека. Пб. 7 (1976, №1). 241—256; Ответы на вопросы корреспондента Лакуа. Пб. 24 (1980, №2). СП. 14—20; Ответы на вопросы корреспондента Эй-Би-Си Ньюс Ч.Е. Бирбауэра. Пб. 23 (1980, №1). СП; Открытое письмо Л. Брежневу. Заявление. Пб. 25 (1980, №3). СП. 19—25; Письмо из Сосновки. Пб. 19 (1979, №1). 248—285; Письмо иностранным коллегам. Пб. 30 (1981, №4). СП. 2—4; Письмо Пагуошской конференции в Киото. Пб. 6 (1975, №4). 5—8; Слово к журналу. Пб. 1 (1974, №1). 11—12; Участникам Пагуошской конференции. Пб. 33 (1982, №3). СП. 3—6; Фрагменты из автобиографической книги. Пр. 36 (1983, №2). 151—162; Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир. Пб. 29 (1981, №3). СП. 2—6; Ядерная энергетика и свобода Запада. Пб. 16 (1978, №2). 189—194.
Сахаров Софроний. Как получить дар истинного бытия? Эс. 80 (1994, №2). 317—321.
Светлик Феликс. Силезия, декабрь 1981. Пб. 32 (1982, №2). 257—273.
Светличный Иван. Рыльские октавы. Ст. 19 (1979, №1). 157—163.
Светов Феликс. Памяти Юрия Домбровского. Пр. 20 (1979, №2). 438—439.
Свешников Владислав. Работа адова делается уже. Пб. 71 (1992, №1). 253—274.

Седакова Ольга. «Я старался открыть этот «другой свет». Русская православная традиция на Западе: отец Фома Шпидлик. Эс. 96 (1998, №2). 240—245; Начало книги. Ст. 95 (1998, №1). 9—12.
Седунов Константин. Стихи. Ст. 59 (1989, №1). 202—207.
Седых Андрей. [Поздравления журналу]. Пб.40 (1984, №2). 443; Интервью. Пб. 46 (1985, №4). 413—426.
Сейферт Ярослав. Праге (Венок сонетов). Ст. 4 (1974, №2). 5—12.
Селга Евгений. [Предисловие к запискам Руты У.]. Пб. 52 (1987, №2). 283—284.
Семаков А. Песня скомороха. Ст. 33 (1982, №3). 7—8.
Семенов Алексей. Стихотворения 1979 года... Ст. 37 (1983, №3). 70—73.
Семенов Андрей. Из эстонских поэтов. Ст. 30 (1981, №4). 7—11.
Семенова Марианна. «Свободное объединение чешских русистов». Кр. 68 (1991, №2). 364—367.
Семерджиев Петр. Происхождение мифа (из книги о Георгии Димитрове). Пб. 11 (1977, №1). 311—348.
Сендеров Валерий. «Нужно еще и мочь, и уметь, а вот с этим-то и не вышло...» Открытое письмо Главному редактору журнала «Континент» И.И. Виноградову. Пб. 81 (1994, №3). 387—391; Гласность в свете «неформальных объединений». Пб. 55 (1988, №1). 303—310.
Сендерович Савелий. Десять стихотворений из записных книжек 1963—1973 гг. Ст. 52 (1987, №2). 176—183.
Сент-Эв Эжен. Закрутила нас война. Пр. 96 (1998, №2). 222—239.
Сердюченко Валерий. Зона Ш. Кр. 94 (1997, №4). 246—261; Человек с пером. Кр. 93 (1997, №3). 337—348.
Серебров Феликс. Держись, держись, не падай духом... Ст. 18 (1978, №4). 176—182.
Серебряный А.[Письмо в редакцию о статье А. Кушнера]. Пб. 71 (1992, №1). 278—286.
Серман Илья. Взгляд издалека. Кр. 82 (1994, №4). 271—296.
Силоне Игнацио. Еще раз о правде истории. Пб. 2 (1974, №2). 360—362.
Симон Жан-Пьер. Выход — верх. Заметки о живописи Юрия Жарких. Кр. 27 (1981, №1). 364—370.
Симон Клод. Приглашение. Эс. 56 (1988, №2). 239—284; Я не верю во вдохновение — я верю только в труд, в поглощенность трудом. Пб. 59 (1989, №1). 435—442.
Синявский Андрей. [Письмо в редакцию (совместно с М. Розановой]. Пб. 73 (1992, №3). 308; (С К.Любарским и Е.Эткиндом) Эмигрантский «самиздат» [о «Русской мысли»]. Пб. 32 (1982, №2). СП. 1—11.
Сиромаха Анатолий. Сталинизм под маской горбачевизма. Пб. 64 (1990, №2). 342—345.
Скэммел Майкл. Советские евреи в Земле обетованной. Пб. 29 (1981, №3). 185—208.
Слепышев Анатолий. Этюды о Тяпушкине. Оч. 94 (1997, №4). 296—341.
Слипый Иосиф. Где найти справедливость? Пб. 3 (1974, №1). 187—196.
Слуцкий Борис. Из неопубликованного. Ст. 65 (1990, №3). 9—22; Остальное — повторы. Ст. 73 (1992, №3). 7—9.
Смит А. [Рец. на кн. «Минувшее»]. Кр. 64 (1990, №2). 372—373.
Смоляр Александр. Парадоксы либерализации и революция в Польше. Пб. 31 (1982, №1). 209—238.
Смрковский Йозеф. Неоконченный разговор. Пр. 5 (1975, №3). 319—366; Неоконченный разговор. Пр. 6 (1975, №4). 359—388; Неоконченный разговор. Пр. 7 (1976, №1). 312—326.
Снегирев Гелий. «Как на духу...». Пр. 21 (1979, №3). 89—145; Где зарыта собака. Пр. 33 (1982, №3). 60—114; Мама моя, мама... Пр. 11 (1977, №1). 11—54; Мама моя, мама... Пр. 12 (1977, №2). 163—212; Мама моя, мама... Пр. 13 (1977, №3). 173—203; Мама моя, мама... Пр. 14 (1977, №4). 152—192; Мама моя, мама... Пр. 15 (1978, №1). 90—122.
Соболева Д. [Письмо в редакцию о статье С. Рафальского]. Пб. 15 (1978, №1). 343—348.
Сойфер Валерий. Больная природа России. Пб. 56 (1988, №2). 207—224; Загубленный талант [Н. Дубинин]. Пр. 60 (1989, №2). 339—358; Лысенкоисты и их судьбы. Пб.

47 (1986, №1). 267—306; Лысенкоисты и их судьбы. Пб. 48 (1986, №2). 263—298; Письмо в редакцию [О возвращении А. Сахарове]. Пб. 51 (1987, №1). 371—379; Чернобыльская катастрофа, загрязнение окружающей среды и наследственность человека. Пб. 52 (1987, №2). 191—220.
Сокил Василь. «Ничто не забыто, никто не забыт!». Пб. 45 (1985, №3). 345—360.
Соковин И. Под знаком «Серебряного века» [Об альманахе «Латерна Магика»]. Кр. 65 (1990, №3). 395—399.
Соколов Борис. «Счастливая Москва» и «Мастер и Маргарита»: спор о городе и мире. Кр. 93 (1997, №3). 296—313; Маркиз де Сад и Достоевский. Кр. 90 (1996, №4). 362—378.
Соколов В. Дорога страдания [О книге А. Марченко]. Кр. 8 (1976, №2). 409—413.
Соколов Валентин. Стихи конца 50-х — начала 60-х годов. Ст. 41 (1984, №3). 8—14; Я жить хотел... Ст. 98 (1998, №4). 12—16.
Соколов Виктор. Записки радиослушателя. Пб. 12 (1977, №2). 268—286; Издательство «Хроника». Кр. 14 (1977, №4). 341—344; О людях — с любовью. Кр. 17 (1978, №3). 360—363.
Соколов Владимир. Алиби. Ст. 84 (1995, №2). 77—88; Два стихотворения. Ст. 79 (1994, №1). 9—12; Я не был в Иерусалиме... Ст. 72 (1992, №2). 11—15.
Соколов Саша. Книга Дерзания. Из романа «Палисандрия». Пр. 42 (1984, №4). 65—95; Тревожная куколка. Пр. 49 (1986, №3). 84—91.
Солдатов Сергей. Эстонский узел. Пб. 32 (1982, №2). 223—240.
Солженицын Александр. Из пресс-конференции А.И. Солженицына корреспондентам мадридских газет. Пб. 11 (1977, №1). 19—28; Испанское интервью. Пб. 8 (1976, №2). 429—440; Неопубликованная глава из «В круге первом». Пр. 1 (1974, №1). 125—142; О работе русской секции Би-Би-Си. Пб. 9 (1976, №3). 210—224; Письмо конференции народов, порабощенных коммунизмом. Пб. 6 (1975, №4). 66; Сахаров и критика «Письма вождям». Пб. 2 (1974, №2). 350—359; Сахаровским слушаниям [В защиту И. Огурцова]. Пб. 22 (1979, №4). 38—389; Слово к журналу. Пб. 1 (1974, №1). 7—8.
Солженицына Наталья. Письмо в защиту Александра Гинзбурга. Пб. 15 (1978, №1). СП. 11—14.
Соловьев Олег. Душевнобольной? — Нет, социально опасный. Пб. 18 (1978, №4). 243—261.
Соловьев Сергей. Странствия. Ст. 67 (1991, №1). 71—74.
Сологуб Федор. Письма в Совнарком. В.И.Ленину и А.В.Луначарскому. Дт. 72 (1992, №2). 255—259.
Солоухин Владимир. Фантастический разговор. Пр. 59 (1989, №1). 77—126.
Сопровский Александр. [Письмо в редакцию]. Пб. 64 (1990, №2). 335—342; Встречный огонь. Ст. 33 (1982, №3). 115—123; Два стихотворения. Ст. 47 (1986, №1). 66—68; Конец прекрасной эпохи. Кр. 32 (1982, №2). 335—354; Стихи. Ст. 28 (1981, №2). 10—12; Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 184—190.
Сорока Иванна. [Письмо в редакцию]. Пб. 68 (1991, №2). 328—329.
Сорокин Вячеслав. Визит сенатора. Пари. Банкнота. Пр. 27 (1981, №1). 60—70; Маленькие истории из цикла «Любимый человек». Пр. 20 (1979, №2). 94—106.
Сотников Андрей. Письмо в редакцию. Пб. 62 (1989, №4). 337.
Сошинский Сергей. Надежды и тревоги о России. Пб.82 (1994, №4). 356—366.
Спарре Виктор. Интервью. Пб. 26 (1980, №4). 334—344; Новая жизнь искусства. Кр. 12 (1977, №2). 250—260.
Ставру Мишель. [Предисловие к публикации Х. Яннараса]. Пб. 73 (1992, №3). 230—238.
Стайрон Уильям. Интервью. Пб. 54 (1988, №2). 433—444.
Сталя Мариан. Голос поэта [О З. Херберте]. Кр. 56 (1988, №2). 329—338.
Стаффа Дарио. Интервью. Пб. 34 (1982, №4). 423—437.
Стахов Дмитрий. История надежд и разочарований Кочешковой. Пр. 94 (1997, №4). 130—148; Три рассказа. Пр. 76 (1993, №2). 159—183.
Стейнсбергова Анеля. Глазами защитника. Пб. 12 (1977, №2). 321—344.

Степанян Елена. «Не стал ничтожным ни единый...» Заметки о лирике Семена Липкина. Кр. 70 (1991, №4). 275—283; «Этого домика нет...» [Ю. Кублановский]. Кр. 69 (1991, №3). 344—350; Мифотворец Бродский. Кр. 76 (1993, №2). 337—351; Понятный смысл правдивых разговоров [О Ю. Кублановском]. Кр. 74 (1992, №4). 268—282.
Страда Витторио. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 31—33; В свете конца, в предвестии начала. Пб. 72 (1992, №2). 210—226; Значение «открытия» Бахтина для мировой культуры. Пб. 85 (1995, №3). 324—331; О мавзолее Ленина. Пб. 77 (1993, №3). 344—347; Посткоммунизм и национальный вопрос в России и СССР. Пб. 67 (1991, №1). 160—170; Сталинизм как европейское явление. Пб. 60 (1989, №2). 259—274; Театр у Маяковского. Кр. 78 (1993, №4). 246—278.
Странник (Шаховской) Иоанн. Рождение элегии. Ст. 11 (1977, №1). 115—116.
Стреляный Анатолий. [Письмо в редакцию об А. Арсеньеве]. Пб. 78 (1993, №4). 331; Притязания перебежчика. Пб. 72 (1992, №2). 187—209.
Стричек Алексей Алоис. Христос по Айтматову. Кр. 56 (1988, №2). 378—383.
Стус Василь. Палимпсесты. Ст. 37 (1983, №3). 55—59; Стихи разных лет. Ст. 44 (1985, №2). 145—149.
Стыпулковский Збигнев. «Приглашение» в Москву. Оч. 8 (1976, №2). 201—210.
Стюарт Гейтер. «Достопочтенное семейство». Профиль итальянской мафии. Пб. 45 (1985, №3). 301—324; Иран: Маркс, муллы и Пехлеви. Пб. 24 (1980, №2). 165—194; Испания 1980 года. Пб. 27 (1981, №1). 241—260.
Суварин Борис. О Сталине. Пб. 22 (1979, №4). 435—444; Панаит Истрати и коммунизм. Пр. 28 (1981, №2). 221—246; Панаит Истрати и коммунизм. Ок. Пр. 29 (1981, №3). 209—222; Последние разговоры с Бабелем. Пб. 23 (1980, №1). 343—378; Пьер Паскаль и сфинкс. Пр. 34 (1982, №4). 185—209.
Суворов Виктор. Зачем коммунистам оружие? Отчего Сталин не верил Черчиллю? Почему Сталин не верил Рихарду Зорге? Пб. 59 (1989, №1). 227—260.
Суглобова Ирина. Обнаженное имя. Ст. 94 (1997, №4). 9—14.
Суконик Александр. Встреча. Пр. 24 (1980, №2). 28—52; Гостиница. Пр. 34 (1982, №4). 107—144; Мой консультант Болотин. Пр. 3 (1974, №1). 79—108; Роман в прозе. Пр. 15 (1978, №1). 10—43.
Сумеркин А. Познание поэзией [О Ч. Милоше]. Кр. 35 (1983, №1). 393—397.
Супоницкая Ирина. Россия и США: сравнение систем. Пб. 97 (1998, №3). 191—204.
Суркова Ольга. [Письмо в редакцию о С. Чертоке]. Пб. 57 (1988, №3). 373—381.
Сусленский Яков. Очерки тюремной жизни. Пб. 37 (1983, №3). 197—228.
Сутырин Владимир. Нечто. Пр. 95 (1998, №1). 127—138.
Сухарников Евгений. Письмо в редакцию. Пб. 62 (1989, №4). 335—337.
Сухотин Михаил. «Один в поле не воин» и другие стихотворения. Ст. 37 (1983, №3). 34—41; Стихи. Ст. 31 (1982, №1). 171—175.

Т.С., И. Земцов, Д.Феррар. «Горбачев: человек и система. 70 лет после Октября». Кр. 56 (1988, №2). 402—407.
Тагунов Аркадий. Хроника общественно-политической жизни России (январь 1999 г.). Пб. 99 (1999, №1). 186—196.
Таранов Михаил. Выживание [О С. Довлатове]. Кр. 36 (1983, №2). 400—404.
Тарасевич Игорь. Андрей Белый в Москве. Пр. 76 (1993, №2). 322—326; Засека. Ст. 81 (1994, №3). 167—169; К месту назначения. Пр. 73 (1992, №3). 76—103; Наблюдатель. Ст. 76 (1993, №2). 119—132; Прощание с Пу-Та-Уи. Пр. 78 (1993, №4). 124—177.
Тарасов Владимир. Пряжа августа. Ст. 61 (1989, №3). 184—187.
Тарасова Марина. Всё, что забыть не хочу. Ст. 91 (1997, №1). 182—185; Четыре стихотворения. Ст. 96 (1998, №2). 181—183.
Тарковский Андрей. Жертвоприношение. Пр. 49 (1986, №3). 25—77; Из дневника. Эс. 57 (1988, №3). 174—181; Исповедь. Пр. 42 (1984, №4). 385—406.
Тарусевич М. Tertium datur — третье дано. Пб. 9 (1976, №3). 81—122.
Таск Сергей. Тео. Пр. 71 (1992, №1). 103—153.

Татаринов Алексей. «...и алчет, и жаждет мой голос...» [О Н. Горбаневской]. Кр. 37 (1983, №3). 420—425; «Если правду сказать — я по крови домашний сверчок...» [О Арс. Тарковском]. Кр. 38 (1983, №4). 394—399; Одышливая гармония: О стихотворениях Евгения Рейна. Кр. 51 (1987, №1). 401—407; Стихотворения Инны Лиснянской. Кр. 45 (1985, №3). 405—410.
Татаринова Ольга. Воспоминания о Василии Зеньковском. Пр. 79 (1994, №1). 250—260.
А.Т. «Автор всех моих песенок — жизнь»: О новых стихах Рины Левинзон. Кр. 51 (1987, №1). 427—430.
Тверской-Ямской М. Каждому свое. Ст. 49 (1986, №3). 138—139.
Тележинский Василий. Рассматривая фон, рассматривая оттиск [О Ю. Кублановском]. Кр. 62 (1989, №4). 353—363; Свет зажженной истины. Пб. 55 (1988, №1). 321—328.
Телесин Юлиус. Письмо в редакцию [О купюрах в переводе Д. Орвелла]. Кр. 34 (1982, №4). 365—367.
Темкина Марина. На ферме. Ст. 56 (1988, №2). 117—128; Стихи. Ст. 51 (1987, №1). 82—86.
Теодор Зинон. Интервью. Пб. 97 (1998, №3). 281—285.
Терентьев Николай. «Находим вполне нормальным» [Об обществе политкарторжан]. Пр. 65 (1990, №3). 281—300.
Терехов Александр. Сон в летнюю ночь. Пр. 80 (1994, №2). 18—92.
Терляцкас Антанас. Еще раз о евреях и литовцах. Пб. 21 (1979, №3). 213—226.
Терновский Е. Черный лик Гоголя [О книге А. Терца]. Кр. 6 (1975, №4). 423—429.
Терновский Евгений. Путем истины. Пб. 4 (1974, №2). 263—299.
Терц Абрам. Литературный процесс в России. Кр. 1 (1974, №1). 143—190; Люди и звери [О Г. Владимове]. Кр. 5 (1975, №3). 367—404; Памяти павших: Аркадий Белинков. Оч. 2 (1974, №2). 363—372.
Тесарж Ян. Как народились ГРАЖДАНЕ на Святой Руси. Пб. 24 (1980, №2). 155—164; Отсечь «приводные ремни» (Из чешского опыта 1969 года). Пб. 62 (1989, №4). 195—210.
Тетерятников Владимир. Мистификация русской культуры на Западе. Пб. 34 (1982, №4). 261—304;Профессорская вакханалия вокруг русской культуры. Пб. 40 (1984, №2). 335—362.
Тильман Петру. Присказка и сказка. Пб. 35 (1983, №1). 231—240.
Тим Мария. «Рекомендуется прочесть все» [Об альманахе «Часть речи»]. Кр. 54 (1988, №2). 387—393.
Тимашева Оксана. Неликвидная любовь. Пр. 97 (1998, №3). 19—102.
Тимофеевский Александр. Стихи разных лет. Ст. 70 (1991, №4). 86—91.
Тишнер Юзеф. У истоков интегризма. Пб. 83 (1995, №1). 234—248.
Тодд Оливье. Вьетнам: мифы. Пб. 57 (1988, №3). 229—232.
Толмазин Давид. Советская система и окружающая среда: деградация водных ресурсов СССР. Пб. 44 (1985, №2). 209—248.
Тополь Эдуард. Миллион для чемпионки. Пб. 23 (1980, №1). 315—342.
Тополянский Виктор. В одной знакомой улице... [Об Н. Шмите]. Пр. 98 (1998, №4). 212—246; Грубой жизнью оглушенный (Письмо В.Ф. Ходасевича Л.Б. Каменеву). Дт. 99 (1999, №1). 217—219.
Топорская Барбара. Живаго — свидетель эпохи. Кр. 41 (1984, №3). 363—380.
Торчилин Владимир. Университетская история. Пр. 98 (1998, №4). 90—160.
Третьяков Андрей. Путч продолжается? Пб. 71 (1992, №1). 286—287.
Тролль Юлия. «Он останется гордостью русской поэзии» [О В. Ходасевиче]. Кр. 50 (1986, №4). 383—388.
Тростников Виктор. Конец эпохи самоугождения. Пб. 25 (1980, №3). 255—284; На берегу Океана Истины. Эс. 21 (1979, №3). 259—280; Увольнение. Пб. 31 (1982, №1). 261—294.
Троянов Тихон. Интервью. Пб. 80 (1994, №2). 241—250.
Тувим Юрий. Торжество банальности [О П. Диббе]. Кр. 52 (1987, №2).372—375; Хрестоматия ошибок. Кр. 48 (1986, №2). 369—372.

Тудоровская Е. Путеводитель по «заповеднику» [О С. Довлатове]. Кр. 46 (1985, №4). 389—392.
Туманова Алла. Инга. Пр. 61 (1989, №3). 291—304.
Турбин Алексей. Каким быть ДСУ? Пр. 62 (1989, №4). 91—115; Словарь обиняков. Пб. 59 (1989, №1). 208—221.
Турчин В. Два письма о Высшей Цели и Великой Эволюции. Эс. 15 (1978, №1). 237—256.
Тшнадель Яцек. Военное положение. (Время генерала). Пб. 63 (1990, №1). 225—232.
Тюлькпинов Николай. В жерновах политики [О кн. Н. Толстого «Жертвы Ялты»]. Кр. 60 (1989, №2). 393—399; Год скорбного торжества. Пб. 58 (1988, №4). 207—217; Душа прозы [Об А. Платонове]. Кр. 64 (1990, №2). 307—322; Зов крови или жажда крови? В блуждании за правдой. Пб. 57 (1988, №3). 415—434.

У. Рута. Боже, как еще хотелось жить. Пб. 52 (1987, №2). 284—308.
Украинка Леся. Стихи. Ст. 66 (1990, №4). 208.
Улицкая Людмила. Народ избранный. Пр. 65 (1990, №3). 211—226.
Ульман Михаил. Его личное дело: О прозе Бориса Вахтина. Кр. 33 (1982, №3). 381—386.
Ульч Ота. Неприятный отчет об американской правовой практике: Пб. 32 (1982, №2). 241—256.
Ульянов Николай. Замолчанный Маркс. Пб. 43 (1985, №1). 209—244.
Уфлянд Владимир. Для голоса и балалайки. Народ. Ст. 55 (1988, №1). 7—12; Народ. Неоконченная драма. Ст. 60 (1989, №2). 73—88.

Файн Герман. Памяти Толи Якобсона. Пр. 20 (1979, №2). 358—367.
Фаликов Борис. «Новый век»: назад в будущее. Эс. 94 (1997, №4). 194—215; Лютер и Чайтанья: демократизация кришнаизма на Западе. Пб. 89 (1996, №3). 285—299.
Фауст Зигмар. Моя свобода ощерилась стенами. Пб. 29 (1981, №3). 173—184; По эту сторону Берлинской стены. Пб. 27 (1981, №1). 231—240.
Федоров Евгений. Бунт. Пр. 91 (1997, №1). 16—133; Кухня. Пр. 95 (1998, №1). 13—53; Умерла насякомая. Смена вех: 1953. Пр. 89 (1996, №3). 16—122.
Федорова Любовь. Книга о балетмейстере Баланчине.Кр.46 (1985. №4).397—401
Федосеев Анатолий. Почему вы не должны быть социалистом. Пб. 15 (1978, №1). 159—178; Социальное равновесие (Теория современного общества). Пб. 52 (1987, №2). 265—282.
Федотов Георгий. Встреча с англичанами. Оч. 92 (1997, №2). 283—288; Древо на камне. Пб. 74 (1992, №4). 202—227.
Федотов Михаил. Из цикла «Иерусалимские хроники». Пр. 53 (1987, №3). 102—114.
Фейто Ф. Герой нашего времени [Об А. Сахарове]. Кр. 16 (1978, №2). 354—358.
Фельдман Давид. Правила игры [О реабилитации Н. Гумилева]. Пб. 68 (1991, №2). 242—253.
Фельдман Мара. [О кн. Л. Владимировой]. Кр. 59 (1989, №1). 397—399; Стихи. Ст. 53 (1987, №3). 171—174.
Фельштинский Юрий. [Письмо в редакцию с дополнением к статье в №33]. Пб. 34 (1982, №4). 368—370; Еще раз о Ленине и немецких деньгах. Документы Архива Заграничной агентуры Департамента полиции Российской империи. Пб. 50 (1986, №4). 313—314; Записки советских вождей. Пб. 44 (1985, №2). 249—256; Открытое письмо четырем публицистам. Пб. 33 (1982, №3). 191—218.
Филандров Владимир.Два рассказа.Пр.28 (1981. №2).87—98; Как солотчинский перелесок [О книге Ж. Нива о Солженицыне]. Кр. 26 (1980, №4). 398—403.
Филипс-Юзвигт Екатерина. Обзор «Нового журнала» №164. Кр. 53 (1987, №3). 426—428.
Финкельштейн Лидия. Открытое письмо об А. Сахарове. Пб. 14 (1977, №4). СП. 3—16.
Флоренский Павел. Троице-Сергиева Лавра и Россия. Пб. 7 (1976, №1). 257—280.
Фоккема Д. Китайская литература после Мао. Пб. 31 (1982, №1). 239—260.

Фрадис Александр. «Мы дотянем свой век...». Ст. 44 (1985, №2). 164—174; Еще раз о снеге. Ст. 33 (1982, №3). 9—17.
Франк С. [Письмо в редакцию об О. Сурковой и С. Чертоке]. Пб. 59 (1989, №1). 375—376.
Франкон Р. Несостоявшийся апокалипсис [Об А. Суслове]. Кр. 51 (1987, №1). 413—418.
Френкин Михаил. Некоторые вопросы трагического исхода борьбы крестьянства в ходе русской революции и его колхозное закрепощение. Пб. 43 (1985, №1). 245—270.
Фришер Хелла. Листки. Пер. с нем. Феликса Розинера. Ст. 26 (1980, №4). 61—68.
Фромер Владимир. Голос с того света [Послесловие к публикации стихотворения А. Мицкевича]. Кр. 41 (1984, №3). 382—384.

Хайбулин Варсонофий. Открытое письмо редактору «Континента» [О В. Осипове]. Пб. 32 (1982, №2). 369—372.
Хайнман Б. Глазами побежденного [Об А. Сомосе]. Кр. 45 (1985, №3). 415—418.
Хализев Валентин. Один из «китежан» [А. Золотарев]. Пр. 82 (1994, №4). 206—215.
Халиф Лев. Миниатюры из цикла «Мемориальный чердак». Ст. 14 (1977, №4). 113—116; Охрана окружающей среды стреляет без предупреждения. Пр. 50 (1986, №4). 188—200; Стихи. Ст. 41 (1984, №3). 216—218; Улыбка. Пр. 53 (1987, №3). 125—140.
Хальтер Марек. Интервью. Пб. 47 (1986, №1). 431—438.
Ханан Владимир. Четыре стихотворения. Ст. 62 (1989, №4). 85—90.
Хантворг Пейшенс. Дело Ивана Демьянюка. Комментарий юриста. Пб. 62 (1989, №4). 211—230.
Харитонов Марк. Два эссе из цикла «Определения литературы». Эс. 87 (1996, №1). 305—313; Новобранцы. Пр. 77 (1993, №3). 138—151; Участь [Об И. Габае]. Кр. 88 (1996, №2). 341—373.
Хармс Даниил. Проза. Пр. 24 (1980, №2). 271—296.
Хахулин Александр. Встречи с Антоненко-Давидовичем. Пр. 42 (1984, №4). 175—184; Рудольф Гаек — новичок. Кр. 48 (1986, №2). 299—308; Умерщвление таланта [О К. Саносяне]. Пб. 46 (1985, №4). 233—234.
Хвостенко Алексей. Из «венка сонетов». Ст. 11 (1977, №1). 164—165.
Хвостова Анастасия. Стихи. Ст. 59 (1989, №1). 222—226.
Хейс Джон. Открытое письмо. Пб. 26 (1980, №4). 364—366.
Хейфец Михаил. [Ответ на письмо В. Хайбулина]. Пб. 32 (1982, №2). 372—376; Жалейте сильных! [О Ф. Канделе]. Кр. 34 (1982, №4). 382—387; Противоречия Кирилла Хенкина. Кр. 42 (1984, №4). 369—374; Русский патриот Владимир Осипов. Пб. 27 (1981, №1). 159—214; Русский патриот Владимир Осипов. Окончание. Пр. 28 (1981, №2). 134—180; (с Э.Кузнецовым). Про шпионов. Пб. 29 (1981, №3). 249—260
Хенкин Кирилл. Заметки о Радио Свобода. Пб. 30 (1981, №4). 347—366; Испанский блокнот. Пб. 16 (1978, №2). 265—288;Русские пришли! Главы из книги. Пб. 22 (1979, №4). 279—316; Русские пришли! Пб. 33 (1982, №3). 287—306; Эмиграция или миграция. Пб. 25 (1980, №3). 233—254.
Хетени Жужа. Краткий курс плагиата [Об исследователях И. Бабеля]. Кр. 84 (1995, №2). 462—467.
Хиллинг Гетц. Царапины на образе «святого» (Некоторые результаты историко-биографического макаренковедения). Пр. 65 (1990, №3). 255—280.
Хильдебрандт Райнер и др. [Письмо в редакцию с критикой Т. Мяновича]. Пб. 48 (1986, №2). 356—357.
Хмелевская Анна. Письмо друзьям. Пб. 12 (1977, №2). 287—320.
Хмельницкий Дмитрий. Архитектура нового типа. Кр.55 (1988, №1). 329—352; Картинки с выставки. Кр. 62 (1989, №4). 257—272; Конец великой истории. Кр. 92 (1997, №2). 368—387; Под звонкий голос крови, или С самосознанием наперевес. Пб. 72 (1992, №2). 314—322.
Ходакова Марина. Однажды во сне... Ст. 96 (1998, №2). 9—12.
Ходорович Татьяна. Открытое письмо Леониду Плющу. Пб. 9 (1976, №3). 225—243.
Хоецкий Мирослав. [Поздравления журналу]. Пб. 40 (1984, №2). 444.

Хоменков Александр. Закат «естественно-научного материализма» и христианское мировоззрение. Пб. 80 (1994, №2). 322—345.
Хорват Евгений. Из сборника «R латинское». Ст. 29 (1981, №3). 83—86; Из цикла «Ходы». Ст. 33 (1982, №3). 181—185.
Хостад Дина. Письмо в редакцию. Пб. 43 (1985, №1). 371—374.
Хохлов Кирилл. [Рец. на журнал «Театр», 1990, №1—6]. Кр. 65 (1990, №3). 409—410.
Хрипков Олег. Иван Ильин и его программа национального возрождения России. Пб. 95 (1998, №1). 211—220.

Цветков Алексей. Жалобы часовщика. Ст. 49 (1986, №3). 78—83; Новые стихи. Ст. 20 (1979, №2). 89—93; Стихи. Ст. 13 (1977, №3). 209—314; Стихи. Ст. 24 (1980, №2). 89—102.
Цехновицер Юрий. Дневник без имен и чисел. Разрозненные мысли о нашем городе. Пб. 70 (1991, №4). 218—244.
Цоллер Т. [О кн. «Жив Бог»]. Кр. 58 (1988, №4). 415.
Цыпкин Леонид. Ваше здоровье. Пр. 55 (1988, №1). 213—222.

Чайковская Ольга. Государственная собственность. Пб. 76 (1993, №2). 184—215.
Чалидзе Валерий. О некоторых тенденциях в эмигрантской публицистике. Пб. 23 (1980, №1). 151—175; Сахаров и русская интеллигенция. Пб. 28 (1981, №2). 109—114.
Чапский Юзеф. «Культура». Кр. 12 (1977, №2). 227—238.
Черн Д. «Аполлон» нашего времени. Кр. 14 (1977, №4). 359—384.
Черновол Вячеслав. Диалог за колючей проволокой. Пб. 6 (1975, №4). 173—228.
Чернявская Д. Вера. Надежда. Любовь. Кр. 18 (1978, №4). 356—360.
Чернявский Владимир. Довод слабых. К истокам терроризма. Оч. 21 (1979, №3). 281—304; Москва—Мехико (эпизод из времен Террора). Оч. 15 (1978, №1). 257—282; Хартия борьбы (Димитрий Панин о противлении злу). Пб. 68 (1991, №2). 315—324.
Чертков.Леонид. [Предисловие к стихам П. Антонюка]. Пр. 47 (1986, №1). 116; Брат и сестра, поэт и ученый [О переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг]. Кр. 30 (1981, №4) .403—407; Дебют Бориса Поплавского. Пр. 47 (1986, №1). 375—377; Из английских и американских поэтов. Ст. 39 (1984, №1). 218—226; Из забытой русской поэзии XX века. Ст. 43 (1985, №1). 359—365; Листки из альбома: Неизвестные автографы русских поэтов. Ст. 31 (1982, №1). 335—340; Небесные оркестранты. Пр. 36 (1983, №2). 51—60; Новые стихи. Ст. 42 (1984, №4). 139—140; Пять стихотворений. Ст. 32 (1982, №2). 58—60.
Черток Семен. [Письмо в редакцию]. Пб. 54 (1988, №2). 385—386; «Лагеря придумал Френкель». Пб. 23 (1980, №1). 255—262; «На круги своя» (Обзор журнала «Народ и земля»). Кр. 61 (1989, №3). 393—400; Бюрократ среднего звена [Об А. Караганове]. Пб. 65 (1990, №3). 333—342; Границы гласности [о словаре «Кино»]. Кр. 54 (1988, №2). 393—400; Еврейский вопрос в свете рампы [О книге В. Левитиной]. Кр. 65 (1990, №3). 399—402; Палыч. Пр. 41 (1984, №3). 187—209; Последняя любовь Маяковского [Предисловие к мемуарам В. Полонской]. Кр. 29 (1981, №3). 315—333; Урок Эйзенштейна. Кр. 46 (1985, №4). 283—326; Художник Александр Окунь. Кр. 27 (1981, №1). 357—363; Человек и художник [О С. Параджонове]. Кр. 33 (1982, №3). 353—364.
Четверухин Серафим (ошибочно —Сергей). Портрет. Пр. 95 (1998, №1). 68—87.
Чиннов Игорь. Восемь стихотворений. Ст. 40 (1984, №2). 145—151; Гротески. Ст. 11 (1977, №1). 117—119; Новые стихи. Ст. 23 (1980, №1). 76—78; Стихи. Ст. 16 (1978, №2). 112—114; Стихи. Ст. 54 (1988, №2). 166—170; Четыре стихотворения. Ст. 34 (1982, №4). 180—184.
Чичибабин Борис. Стихи разных лет. Ст. 35 (1983, №1). 70—82.
Чуковская Лидия. Лицо бесчеловечья. Пб. 10 (1976, №4). 3—8 (Специальное приложение); Открытое письмо в редакцию журнала «Континент». Пб. 27 (1981, №1). 377—380; Полумертвая и немая [Об А. Ахматовой]. Кр. 7 (1976, №1). 430—436.

Шабтай Яаков. Собственный полосатый тигр, нагоняющий смертельный страх. Пр. 51 (1987, №1). 178—207.
Шаламов Варлам. Письма. Пр. 74 (1992, №4). 159—179.
Шапиро Исаак. Васылева гора. Пр. 52 (1987, №2). 103—111; Настой из трав и заклинаний [О Ф. Канделе]. Кр. 63 (1990, №1). 329—331.
Шапиро Рафаэль. Заметки о стройке века. Пб. 36 (1983, №2). 231—250.
Шарапова Алла. Мир, в котором надо ждать. Ст. 85 (1995, №3). 147—154.
Шаргородский Александр (и Лев). Пережиток. Пр. 33 (1982, №3). 147—170; Сказка Гоцци. Пр. 41 (1984, №3). 97—123.
Шарир Б. Письмо в редакцию [О С. Рафальском]. Пб. 13 (1977, №3). 311—314.
Шатравка Александр. Если ты болен свободой. Пр. 45 (1985, №3). 325—344.
Шатров Николай. Из книги стихотворений. Ст. 32 (1982, №2). 30—33.
Шатуновская Лидия. «Дом на набережной». Пб. 23 (1980, №1). 235—254; Час расплаты. Глава из воспоминаний. Пр. 27 (1981, №1). 325—342.
Шаховская Зинаида. Бунин. Пр. 3 (1974, №1). 263—287; Общность надежды и опасности. Пб. 1 (1974, №1). 285—291; Письмо в редакцию. Пб. 35 (1983, №1). 375—376.
Шаховской Иоанн. Два стихотворения. Ст. 1 (1974, №1). 123—124; Пневматология веры. Эс. 5 (1975, №3). 285—298; «Чтоб человек дышал и пела птица». Ст. 53 (1987, №3). 98—101; Переписка с ген. П.Н. Красновым. Пб. 56 (1988, №2). 307—318.
Шаша Леонардо. «Весь мир превращается в мафию». Пб. 45 (1985, №3). 425—439.
Шварц Анатолий. Жизнь и смерть Михаила Булгакова. Пр. 53 (1987, №3). 10—97; Жизнь и смерть Михаила Булгакова. Пр. 54 (1988, №2). 60—142.
Шварцбанд Самуил. Плач по Александру Блоку. Ст. 44 (1985, №2). 150—153.
Шевченко Аркадий. Интервью. Пб. 35 (1983, №1). 413—436.
Шемаханская-Кистяковская М.С. Кто запретил лечить моего мужа? Пб. 61 (1989, №3). 372—375.
Шемякин Михаил. Интервью. Пб. 32 (1982, №2). 425—432.
Шенбрунн Светлана. Справка. Пр. 54 (1988, №2). 175—196.
Шенфельд Игнатий. Зоська без носа. Пр. 56 (1988, №2). 80—116; Зоська без носа (окончание). Пр. 57 (1988, №3). 194—196; Наследник из Калькутты [О Р. Штильмарке]. Пр. 43 (1985, №1). 195—208; Польское дополнение к «Архипелагу ГУЛАГ» [О В. Крашневской]. Кр. 48 (1986, №2). 388—394.
Шестов Лев. Дневник мыслей. Эс. 8 (1976, №2). 235—252.
Шик Зофья. Две беседы, или О чем говорить не принято. Пб. 42 (1984, №4). 185—198.
Шимко Душан. В парикмахерской. Пр. 34 (1982, №4). 69—78; Три рассказа. Пр. 11 (1977, №1). 150—159.
Шифферс Евгений. Скульптурный алфавит мастера Э. Неизвестного. Кр. 8 (1976, №2). 337—348.
Шихляров Лев. Христианство и «сексуальный вопрос». Оч. 91 (1997, №1). 275—305.
Шишкова Раиса. Заговор или заговор против действительности (об антологии «Дворец культуры или новая московская поэзия». Кр. 54 (1988, №2). 414—417; Ничьи бабушки на золотом крыльце [Т. Толстая]. Кр. 56 (1988, №2). 399—402.
Шкворецкий Йосеф. Жгучая тема. Пб. 33 (1982, №3). 235—256.
Шкема Антанас. Лифт. Пр. 15 (1978, №1). 133—152.
Шлаен Ада. В поисках самих себя... [О П. Клейнер]. Кр. 59 (1989, №1). 393—396.
Шлаен Борис. А что за кадром? [С. Черток]. Кр. 60 (1989, №2). 420—424.
Шмелев Николай. Curriculum vitae. Пр. 98 (1998, №4). 165—211.
Шмеман Александр. Ожидание. Памяти Владимира Сергеевича Варшавского. Пб. 18 (1978, №4). 261—278; Церковь и мир в православном сознании. Пб.76 (1993, №2). 266—280.
Шмеман Юлиания. Радость и мир. Пр. 79 (1994, №1). 234—242.
Шмид Вольф. «Братья Карамазовы» — надрыв автора, или роман о двух концах. Кр. 90 (1996, №4). 276—293.
Шмидт Татьяна. Окно на Восток. Кр. 11 (1977, №1). 301—310.

Шнеерсон Мария. Разрешенная правда. Кр. 28 (1981, №2). 361—380; Художественный мир писателя и писатель в миру [В. Астафьев, В. Солоухин]. Кр. 62 (1989, №4). 273—298.
Шостакович Максим. Интервью. Пр. 36 (1983, №2). 425—432.
Шохин Владимир. В завершение дискуссии. Пб. 97 (1998, №3). 248—278; О православии, цареславии и воцерковляемом монтанизме. (По поводу статьи прот. Валентина Асмуса и не только). Пб. 94 (1997, №4). 371—396; Преемство или «вечное возвращение»? Пб. 92 (1997, №2). 250—269.
Шпрингер Аксель. Интервью. Пб. 10 (1976, №4). 419—426; Ни возгласа протеста в нашем отечестве. Пб. 13 (1977, №3). Специальное приложение. 3—20; Речь. Пб. 19 (1979, №1). СП. 3—9.
Штейн Э. [Письмо в редакцию о биографии П. Потемкина]. Кр. 32 (1982, №2). 379—380; Войцех Ярузельский и его эмигрантские апологеты. Пб. 50 (1986, №4). 433—437; История книги длиною в жизнь... [В. Лурье]. Кр. 56 (1988, №2). 339—344; Письмо в редакцию (к статье М. Волина «Русские поэты в Китае»). Пб. 36 (1983, №2). 359—361; Письмо в редакцию [О М. Зерове]. Кр. 53 (1987, №3). 389—390; Русская литература и американские слависты. Кр. 46 (1985, №4). 401—405; Шахматные «позывные» радиостанции «Голос Америки». Пб. 32 (1982, №2). 311—317.
Штейн Эдуард. О «математике души» и «музыке интеллекта» эстонского народа. Пб. 7 (1976, №1). 219—231.
Штейн Эммануил. «Маленькая война». Пб. 17 (1978, №3). 287—298; «Перемена ветра...» [О И. Бродском]. Кр. 27 (1981, №1). 391—397; Кентавровы шахматы. Пб. 21 (1979, №3). 305—322; Три годовщины. Пб. 36 (1983, №2). 316—328; Шахматные носороги. Пб. 26 (1980, №4). 299—310.
Штейншнайдер Татьяна. Рай, которого не было. (Последние годы Е.М. Куприной). Пр. 35 (1983, №1). 303—314.
Штерн Людмила. Васильковое поле. Пр. 34 (1982, №4). 145—179.
Штрём Карл-Густав. Два портрета из Югославии [Об Э. Коцбеке и М. Джиласе]. Оч. 8 (1976, №2). 211—234; Опасения Китая по поводу советского нападения. Пб. 5 (1975, №3). 273—284; Россия, Германия и будущее Европы. Пб. 1 (1974, №1). 275—284; Советская политика на Балканах. Пб. 3 (1974, №1). 211—220.
Штромас А. Две статьи Т. Женклиса. Пб. 14 (1977, №4). 229—231.
Штурман Дора. «Не сила прежняя в соблазне» [В. Перельман]. Кр. 22 (1979, №4). 416—420; [Письмо в редакцию о В. Непомнящем]. Пб. 77 (1993, №3). 347—350; [Письмо в редакцию]. Пб. 66 (1990, №4). 341; Большевики и свобода печати. Пб. 44 (1985, №2). 321—324; Вокруг «Белых одежд». Кр. 62 (1989, №4). 173—194; О солидарности и противоречиях. Пб. 52 (1987, №2). 235—252; Письмо в редакцию [Об А. Зиновьеве]. Пб. 37 (1983, №3). 387—393; Свобода духа и действие. Пб. 49 (1986, №3). 277—300.
Шубина Валерия. Смоква с терновника. Пр. 66 (1990, №4). 21—40.
Шубинский Валерий. Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 164—171; Фонтан слез. Пр. 62 (1989, №4). 51—84.
Шуман Томас. Расслабление Радио Канада. Пб. 13 (1977, №3). 290—302.
Шухман Е. Письмо в редакцию. Пб. 51 (1987, №1). 391—393.
Шухмин Эд. Как сейчас помню... Пр. 60 (1989, №2). 109—179.
Щапова Елена. Стихи. Ст. 25 (1980, №3). 156—162.
Щаранский Анатолий. Интервью. Пб. 50 (1986, №4). 439—444.
Щуплов Александр. «В год посещенья Воландом Москвы...». Ст. 70 (1991, №4). 62—68.

Э.Ш. Рец. на кн. Т. Байера и др. Кр. 56 (1988, №2). 415—417.
Эггер Максим. Архимандрит Софроний: монах для мира. Пр. 80 (1994, №2). 304—316.
Эгеланд Эрик. Встреча с Неизвестным. Кр. 17 (1978, №3). 299—314.
Эдлис Юлиу. [Памяти Владимира Максимова]. Пб. 84 (1995, №2). 33—34; Два рассказа из цикла «Тучки небесные...». Пр. 89 (1996, №3). 128—154; День Победы. Пр. 70

(1991, №4). 148—168; Маршальская звезда. Пр. 61 (1989, №3). 25—59; На снос. Пр. 80 (1994, №2). 132—188.
Эзрохи Зоя. «Обняв Пегаса теплого за шею». Ст. 53 (1987, №3). 115—124.
Эйдельман Натан. Об отце. Пр. 64 (1990, №2). 263—286.
Эйкалович Геннадий. [О кн. Д. Антонова]. Кр. 59 (1989, №1). 399—401.
Эльконин-Эханссон Ирина. Исход русской интеллигенции [О книге Д. Хостад]. Кр. 41 (1984, №3). 408—412.
Эммануэль Пьер. Книга Каина. Ст. 40 (1984, №2). 73—78.
Эпштейн Леопольд. «Я никогда ничего не хотел от судьбы...». Ст. 48 (1986, №2). 64—72; Стихи. Ст. 58 (1988, №4). 200—205.
Эпштейн Михаил. Роза Мира и Царство Антихриста: о парадоксах русской эсхатологии. Пб. 79 (1994, №1). 283—334.
Эткинд Ефим (с К. Любарским и А. Синявским). Эмигрантский «самиздат» [О «Русской мысли»]. Пб. 32 (1982, №2). СП. 1—11; «Человеческая комедия» Александра Галича. Кр. 5 (1975, №3). 405—426; Наши присяжные. Пб. 7 (1976, №1). 152—182.
Эфрос А. [Письмо в редакцию]. Пб. 46 (1985, №4). 366—369.

Ю.Ф. Рец. на кн.: А. Авторханов. Мемуары. Кр. 44 (1985, №2). 393—394.
Южева Н. К месту и вовремя. Кр. 18 (1978, №4). 368—372.
Юрашас Аушра-Мария. Могу лишь свидетельствовать боль... Пб. 11 (1977, №1). 214—221.
Юров Сергей. Лицо, пожелавшее остаться неизвестным [О К. Пантелееве]. Пр. 82 (1994, №4). 254—256.
Юрский Сергей. Загадка судьбы Игоря Вацетиса. Пр. 90 (1996, №4). 133—136; И вдруг раздался голос... [Памяти Б. Окуджавы]. Пб. 92 (1997, №2). 341—344; О современном театре. Кр. 77 (1993, №3). 326—343; Почем в Париже картошка? Пр. 73 (1992, №3). 162—190.
Юрьев Г. Смелая книга [Об А. Штромасе]. Кр. 35 (1983, №1). 398—402.
Юрьев Олег. Стихотворения. Ст. 65 (1990, №3). 150—156.
Юрьева Серафима. Письмо в редакцию [Ответ Полторацкой]. Пб. 66 (1990, №4). 339—340.
Юрьенен Сергей. Опыт выживших. Кр. 18 (1978, №4). 347—351; Охота жить. Кр. 20 (1979, №2). 383—387; Под знаком Близнецов. Пр. 17 (1978, №3). 111—149; С ответственностью за будущее. Кр. 21 (1979, №3). 370—375.
Юсилла Осмо. Правительство в Териоках 1939—1940. Главы из книги. Пр. 48 (1986, №2). 241—262; Правительство в Териоках 1939—1940. Пб. 49 (1986, №3). 207—238.

Якобсон Анатолий. О стихотворении Бориса Пастернака «Рослый стрелок, осторожный охотник». Кр. 25 (1980, №3). 323—334.
Ямпольский Борис. Да здравствует мир без меня. Пр. 6 (1975, №4). 67—104; Последняя встреча с Василием Гроссманом. Пр. 8 (1976, №2). 133—154.
Ямщиков Савелий. Записки художника-реставратора. Пр. 74 (1992, №4). 312—338.
Ян Шан-ли Виктор. Стихотворения. Ст. 62 (1989, №4). 120—124.
Янкелевич Ефрем. Заявление. Пб. 9 (1976, №3). 443—444; Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4).251—278.
Янков Вадим. Нации и национализм. Пб. 32 (1982, №2). 287—298; О возможном смысле русского демократического движения. Пб. 18 (1978, №4). 183—202; Сердцевина связи (Мысли о религии). Пб. 22 (1979, №4). 317—324; Этико-философский трактат. Эс. 43 (1985, №1). 271—302.
Янковская Татьяна. «Единство сердца и строки, поступка, жеста...» [Е. Ярова]. Кр. 71 (1992, №1). 221—236.
Яннакакис Илиос. Личная ответственность как общая проблема Востока и Запада. Круглый стол «Континента». Пб. 14 (1977, №4). 251—278.

Яннарас Христос. Вера Церкви. Эс. 73 (1992, №3). 239—249; Вера Церкви. Эс. 74 (1992, №4). 180—193; Церковь: образ существования, побеждающий смерть. Эс. 74 (1992, №4). 194—201.
Янов Александр. Комплекс Грозного. Пб. 9 (1976, №3). 315—344; Комплекс Грозного. Пб. 10 (1976, №4). 265—308.
Янушевская Ирина. Записки о петербургском Шемякине. Кр.4 8 (1986, №2). 309—322.
Яснов Михаил. Мифология прощания [А. Найман]. Кр. 70 (1991, №4). 302—307.
Яструн Томаш. Белый луг. Ст. 38 (1983, №4). 53—61.

Mundi Gloria. [Письмо в редакцию и ответ редакции]. Пб. 52 (1987, №2). 351—352.
«Да будут все едино» (По материалам V Международной конференции памяти протоиерея Александра Меня). Пб. 86 (1995, №4). 377.
«Мы навели порядок в Венгрии...» (Как возник режим Кадара? Документы бывшего архива ЦК КПСС (ноябрь 1956 г.) Пб. 85 (1995, №3). 210—242.
«Хотелось бы получить указание...» Вокруг дела Пастернака. Пб. 83 (1995, №1). 186—211.
«Что значит Солженицын для каждого из нас?» Круглый стол «Континента». Париж. 19 сентября 1978 года. Пб. 18 (1978, №4). 401—434.
Без комментариев: говорит Москва! [О «Континенте»]. Пб. 3 (1974, №1). 407—412.
В защиту Александра Гинзбурга. Пб. 17 (1978, №3). СП. 3—8.
В защиту Анатолия Марченко. Пб. 17 (1978, №3). СП. 9—11.
В защиту Юрия Орлова. Пб. 12 (1977, №2). 422—425.
Влияние польских событий на СССР и страны Восточной Европы [Круглый стол с участием В. Максимова, Ц. Барева, М. Берендеи, Я. Владислава, Н. Горбаневской, А. Смоляр]. Пб. 33 (1982, №3). 423—419.
Встреча в редакции журнала «Континент» (Г. Кочетков, А. Копировский, С. Юров, А. Кырлежев).Пб.81 (1994, №3). 207—219.
Два документа (Из материалов сборника «Память»: Кочмес. 1937. Русская эмиграция и германский национал-социализм). Дт. 15 (1978, №1). 283—290.
Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына. Дт. 75 (1993, №1). 160—229.
Заочное заседание редколлегии «Континента». Пб. 29 (1981, №3). 421—440.
Земную жизнь пройдя до половины... (Иегуди Менухин, Ленни Берстайн, Герберт фон Караян, Исаак Стерн, Артур Рубинштейн, Витольд Лютославский о М. Ростроповиче). Пр. 13 (1977, №3). 397—401.
Идеология и реальность (Вокруг Безансона). Круглый стол [Д. Нелидов, Д. Медведцкий, С. Александров].
Кёльнское обращение. Пб. 56 (1988, №2). СП. 3—9.
Лишение гражданства М. Ростроповича и Г. Вишневской. Пб. 16 (1978, №2).СП. 3—8.
Материалы международной конференции «Континента». Пб. 15 (1978, №1). СП. 3—10.
Материалы Римской встречи. Пб. 66 (1990, №4). 373—378.
Наша почта. Кр. 22 (1979, №4). 3 67—376
Некролог [Г.Подъяпольского]. Пр. 8 (1976, №2). 441—442
О положении заключенных в лагерях СССР. Пб. 20 (1979, №2). 165—198
Обращения к Святейшему Патриарху [в связи с делом свящ. Г. Кочеткова]. Пб. 93 (1997, №3). 422—427
От редакции [Поправка к биографической справке о докторе Фустере в №3. С. 357]. Оч. 4 (1974, №2). 479
Отзывы и свидетельства читателей из СССР. Пб. 50 (1986, №4). 375—382
Отклики на Римскую встречу. Пб. 67 (1991, №1). 333—338.
Очень могущественная организация [Воспоминания анонима-ученого о вербовке КГБ] Публ. М. Поповского. Пб. 32 (1982, №2). 203—222.
Первый выпуск польской «Хроники». Пб. 10 (1976, №4). 177—188.
Письмо католиков Молдавии Папе. Пб. 16 (1978, №2). СП. 20—24.
Письмо политзаключенных Пермского лагеря №36. Пб. 13 (1977, №3). 21—23.

Православные христиане из СССР. Христопродавцы. Пб. 43 (1985, №1). 380—381.
Провозглашение Хартии-77. Пб. 11 (1977, №1). 9—18.
Серые начинают и выигрывают [Коллективный протест против увольнения Г. Владимова с поста главного редактора журнала «Грани»]. Пб. 48 (1986, №2). 353—354.
Симпозиум в Норвиче — литература в постсоветской России. Кр. 94 (1997, №4). 262.
Симптомы «бурбонизма» [О И. Яхоте]. Кр. 31 (1982, №1). 374—381.
Содержание журнала «Континент» №№1—10. 1974—1976. 10 (1976, №4). 427—436.
Содержание журнала «Континент» за 1977—1981 гг. (№№11—30). 31 (1982, №1). 405—435.
Содержание №№31—40, 42 (1984, №4). 407—422.
Справка о журнале «Культура». Пб. 1 (1974, №1). 273—274.
Философский журнал третьей эмиграции [«Беседа» Т. Горичевой]. Кр. 49 (1986, №3). 421—423.
Хорватские интеллектуалы и студенческие руководители в югославских тюрьмах. Пб. 3 (1974, №1). 221—222.
Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда (публикация А. Солженицына). Дт. 2 (1974, №2). 383—420.

Составитель Яков Кротов

Художник *В. Лаврентьева*
Компьютерный набор и верстка *М. Егоровой*

ЛР № 000000
Подписано в печать 8.09.99. Формат 84x108/32. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 4000 экз.
Заказ № 540.

Почтовый адрес редакции:
119136, Москва, а/я 69

Контактные телефоны редакции:
(095) 201-57-41, 240-84-86

Отпечатано в Московской типографии № 13 Комитета РФ по печати.
107005, Москва, Денисовский пер., 30

СЛЕДУЮЩИЙ (101-й) НОМЕР «КОНТИНЕНТА» ВЫХОДИТ ПРИ СОДЕЙСТВИИ ПОСОЛЬСТВА США В РОССИИ

Это будет особый — «русско-американский» — номер, посвященный творчеству русскоязычных американцев и русских авторов, живущих в Америке, сегодняшним взаимоотношениям наших стран и перспективам этих взаимоотношений в XXI веке, духовному и культурному обмену между нашими странами.

В НОМЕРЕ ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ:

Стихи и прозу

Юрия Бердана
Владимира Гандельсмана
Льва Лосева
Ирины Муравьевой
Марка Пераха
Владимира Торчилина

и других авторов

- Материалы заочного *круглого стола* «РОССИЯ И АМЕРИКА В XXI в.: ПРОГНОЗЫ И СЦЕНАРИИ ВОЗМОЖНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ», в котором принимают участие видные американские и русские экономисты и политологи;

- Статью **Марины Адамович** «Дети Медеи» (о проблемах усыновления русских детей американцами) и связанные с той же темой фрагменты рабочих дневников известного американского психолога **Роберта Беленького**;

- Полемические заметки **Михаила Кураева,** посвященные двум американским газетным интервью Василия Аксенова;

- В рубрике «ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ» — мемуарный очерк **Валерия Сойфера** «Компашка», или Как меня выживали из СССР»;

- В рубрике «РЕЛИГИЯ» — материалы круглого стола «ХРИСТИАНСТВО В США» (с участием русских и американских религиеведов и представителей различных христианских Цер-

квей), а также интервью протопресвитора **Даниила Губяк**а, настоятеля московского Подворья Православной Церкви в Америке, и **Джонатана Руссина**, юрисконсульта той же Церкви, профессору **Е.М. Верещагину**;

- В рубрике «ГНОЗИС» — статьи **Вячеслава Вс. Иванова** и **Михаила Эпштейна** о проблемах научного знания на рубеже веков;

- В рубрике «ПРОЧТЕНИЕ» — материалы двух крупных американских конференций (в Стендфордском и Индианопольском университетах), посвященных творчеству А.С. Пушкина;

- В рубрике «ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ» — статью **Александра Гениса** о современной русскоязычной американской литературе и выполненный **Мариной Адамович** обзор русскоязычной американской прессы;

- В рубрике «ИСКУССТВО» — интервью **Эрнста Неизвестного** главному редактору «Континента» **Игорю Виноградову** и воспоминания старейшей русской художницы **Эсфири Слободкиной** о русском авангарде в Америке 20—30-х годов;

А ТАКЖЕ ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ» РЕДАКЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ ТАКЖЕ ОПУБЛИКОВАТЬ:

Новые стихи

Елены Аксельрод
Татьяны Бек
Ефима Бершина
Валентины Ботевой
Льва Дымарского
Эльмиры Котляр
Инны Лиснянской
Игоря Меламеда
Игоря Петрова
Владимира Салимона

Роман **Сергея Алиханова** «Гон»
Повесть **Анатолия Азольского** «Патрикеев»
Повесть **Сергея Бабаяна** «Катехизис отца Михаила»
Христианскую драматическую эпопею **Иона Друцэ** «Апостол Павел»

Новые повести и рассказы

Владимира Баранова
Александра Вяльцева
Ирины Васюченко
Алексея Домбровского
Бориса Евсеева
Алексея Иванникова
Юлия Кима
Бориса Козлова
Юлия Крелина
Рээт Куду
Владимира Маканина
Евгения Попова
Ольги Постниковой
Вячеслава Пьецуха
Марии Ремизовой
Валерия Терехина

В разделах
РОССИЯ, РЕЛИГИЯ и ГНОЗИС

- Материалы III и IV Чтений памяти В.Е. Максимова «Прошлое, настоящее, будущее России».
- Статьи и очерки **Сергея Аверинцева, Игоря Виноградова, Александра Жовтиса, Андрея Зубова, Михаила Кураева, Якова Кротова, Владимира Лопухина, Ирины Петровской, Ларисы**

Пияшевой, Лидии Польской, Григория Померанца, Алексея Пушкова, Леона Тайвана.

В разделах

ПРОЧТЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ, ИСКУССТВО

- Статьи и очерки **Павла Басинского, Игоря Виноградова, Евгения Ермолина.**
- Беседы о современном искусстве с **Сергеем Арцыбашевым, Анатолием Васильевым, Аллой Демидовой, Валерием Евдокимовым, Сергеем Женовачем, Евгением Колобовым, Кареном Шахназаровым, Сергеем Юрским.**

В следующих номерах «Континента»
редакция предполагает также продолжить публикацию
специальных указателей к содержанию
журнала «Континент» за 1974—1999 гг.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы в каталоге «Роспечати»

73218

и

71682

(годовая подписка)

Поскольку очередные номера журнала выходят в конце каждого квартала, подписка на «Континент» на второе полугодие 1999 года может быть осуществлена в течение июня и июля 1999 года.

Каталожная цена подписки на «Континент», самый «толстый» журнал России, намного ниже, чем на любой другой «толстый» журнал.

В помещении редакции «Континента» ежедневно (кроме субботы и воскресенья) с 12.00 до 15.00 можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок на условиях самостоятельного получения выходящих номеров в редакции.

* * *

«КОНТИНЕНТ»

высылается по индивидуальным заказам агентством
«Книга-сервис» — тел.: (095) 129-29-09

Жители Москвы и Московской области
могут покупать выходящие номера журнала в редакции

* * *

«КОНТИНЕНТ»

приглашает на льготных условиях распространителей
и рекламных агентов

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»

The New Review

(New York)

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»
был основан в 1942 году в Нью-Йорке
как продолжение парижских «Современных записок».
С тех пор он выходит без перерыва четыре раза в год.
Средний объем 336 страниц.
Основатели — писатель Михаил Алданов
и поэт Михаил Цетлин.
Журнал распространяется в 32-х странах.

В «НОВОМ ЖУРНАЛЕ»
были впервые напечатаны многие произведения
И. Бунина, А. Ремизова, В. Набокова, Б. Зайцева,
М. Осоргина, Г. Газданова, Р. Гуля, В. Яновского
и других писателей первой эмиграции.

В поэтическом отделе
«НОВОГО ЖУРНАЛА»
печатались стихотворения
Г. Иванова, З. Гиппиус, К. Бальмонта, Вяч. Иванова,
М. Цветаевой, И. Северянина, Ю. Балтрушайтиса,
В. Ходасевича, И. Бунина, М. Волошина, Г. Адамовича,
И. Одоевцевой, С. Маковского, А. Несмелова,
Д. Мережковского, В. Набокова, А. Гингера, Б. Поплавского,
Ю. Иваска, Н. Берберовой, В. Вейдле, И. Чиннова,
Ю. Одарченко, В. Смоленского, Ю. Терапиано,
В. Перелешина, Н. Туроверова, Л. Червинской, Б. Пастернака
И. Елагина, Н. Моршена, Л. Алексеевой, Ю. Трубецкого,
О. Анстей, Д. Кленовского, А. Величковского, Д. Бобышева,
Н. Коржавина, М. Крепса, И. Бродского, О. Мандельштама,
Б. Ахмадулиной.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»
уделяет много места публикации
воспоминаний и документов.
В недавних номерах были напечатаны дневники
В. Яновского и Б. Поплавского, письма Г. Иванова,
Б. Пастернака, М. Алданова, П. Флоренского, Г. Адамовича,
П. Милюкова, З. Гиппиус, Д. Кленовского,
записки В. Розанова, воспоминания Э. Голлербаха, В. Лурье,
В. Вейдле, А. Бахраха, А. Даманской, М. Волина,
литературное наследие А. Скалдина и другие.

В критическом отделе
«НОВОГО ЖУРНАЛА»
печатались статьи
Н. Бердяева, Н. Лосского, Г. Федотова, Д. Чижевского,
П. Сорокина, Л. Шестова, Н. Тимашева, Г. Адамовича,
Н. Арсеньева, В. Вейдле, А. Лосева, Ф. Степуна

Годовая подписка

$40 плюс $14 — пересылка

Адрес редакции

611 Broadway, Room 842, New York. N.Y. 10012, USA

Телефон и факс

212-353-1478. E-mail: nreview@idt.net

Зарубежный альманах-ежегодник ВСТРЕЧИ
(«Перекрестки» 1977—1982) посвящен исключительно
поэзии и изобразительному искусству
(Редактор В. Синкевич)

В альманахе (более 200 страниц)
публикуются стихи поэтов
и репродукции работ художников всех волн
эмиграции
и разнообразных творческих направлений

В разделе «ОБ АВТОРАХ»
даны краткие библиографические данные
о каждом авторе

Неизменно публикуется раздел
«ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ»

Подписка $15
Эта сумма включает пересылку в любую страну мира

ENCOUNTERS
7738 WOODBINE AVE.
PHILADELPHIA, PA 19151
USA

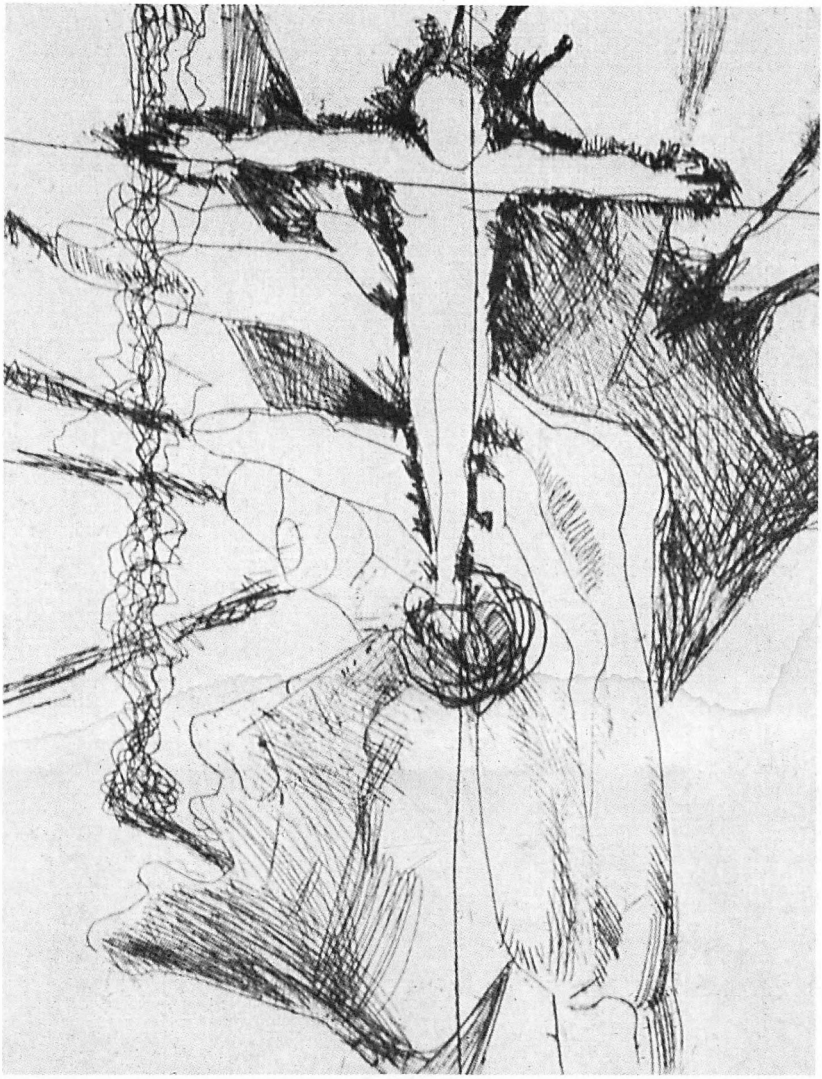


Рисунок Эрнста Неизвестного
(из иллюстраций к Достоевскому),
присланный им к 25-летию "Континента",
для 100-го номера.

“КОНТИНЕНТ” № 100, 464 стр., подписные индексы 73218 и 71682 (годовая подписка)